

**ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ҲУҚУҚНИ
МУҲОФАЗА ҚИЛИШ АКАДЕМИЯСИ**

**РАҚАМЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДАВРИДА
ҲУҚУҚНИ МУҲОФАЗА ҚИЛИШ СОҲАСИДАГИ
ЗАМОНАВИЙ ЧАҚИРИҚ ВА ТАҲДИДЛАР**

мавзусидаги халқаро илмий-амалий
конференция материаллари

Т Ў П Л А М И

1-ЖИЛД

**ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ҲУҚУҚНИ МУҲОФАЗА ҚИЛИШ
АКАДЕМИЯСИ**

**РАҚАМЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДАВРИДА ҲУҚУҚНИ
МУҲОФАЗА ҚИЛИШ СОҲАСИДАГИ ЗАМОНАВИЙ
ЧАҚИРИҚ ВА ТАҲДИДЛАР**

мавзусидаги халқаро илмий-амалий конференция материаллари

**Т Ў П Л А М И
1-ЖИЛД**

С Б О Р Н И К

материалов международной научно-практической конференции на
тему:

**СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ В
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
1-ТОМ**

**MODERN THREATS AND CHALLENGES IN LAW
ENFORCEMENT IN THE ERA OF DIGITAL
TRANSFORMATION**

Materials of the international conference Collection
Volume I

Toshkent -2025

ЎУК: 343.195.3:343.163(575.1)
КБК: 67.7+67.4
Х 97

Мазкур тўплам Ўзбекистон Республикаси Хуқуқни муҳофаза қилиш академияси Кенгашининг 2025 йил 30 октябрдаги 14-сонли қарори билан нашрга тавсия қилинган.

“Рақамли трансформация даврида хуқуқни муҳофаза қилиш соҳасидаги замонавий чақириқ ва таҳдидлар” мавзусида халқаро илмий-амалий конференция материаллари тўплами. 1-жилд. // Масъул муҳаррир ю.ф.ф.д., проф. Е.В.Коленко, ю.ф.ф.д., проф. А.С.Одинаев, ю.ф.ф.д., доц. Ш.И.Шайзаков. – Т.: Dimal. 2025.– 748 б.

Масъул муҳаррир: ю.ф.ф.д., проф. **Е.В.Коленко**
ю.ф.ф.д., проф. **А.С.Одинаев**
ю.ф.ф.д., доц. **Ш.И.Шайзаков**

Таҳрир ҳайъати: ю.ф.д., проф. **Б.Х.Пўлатов**
ю.ф.д., проф. **Ф.Х.Рахимов**
ю.ф.д., проф. **В.Каримов**
ю.ф.д., проф. **М.А.Аминжонова**
ю.ф.ф.д., доц. **М.З.Раджапова**
ю.ф.д., проф. **Х.А.Каримов**

Нашрга тайёрловчи: ю.ф.ф.д., доцент **Ш.И.Шайзаков**

Тўпламда 2025 йил 19–20 июнь кунлари Ўзбекистон Республикаси Хуқуқни муҳофаза қилиш академиясида “Рақамли трансформация даврида хуқуқни муҳофаза қилиш соҳасидаги замонавий чақириқлар ва таҳдидлар” мавзусида халқаро илмий-амалий конференция куни ўтказилган материаллари ўрин олган. Унда илмий тадқиқотларни олиб боришда коррупциявий бюрократик тўсиқларни бартараф этиш масалалари, таълим, фан ва амалиёт интеграцияси масалалари: ретроспектив ва замонавий ёндашувлари, юридик мавзуда илмий ишлар ёзишда сунъий интеллектдан фойдаланишнинг айрим жиҳатлари, юридик фан ва хуқуқни қўллаш амалиётида ягона ёндашувни қўллаш масалалари, инсон хуқуқлари бўйича таълимни амалга оширишнинг халқаро-хуқуқий асослари, ахборот-коммуникация технологияларидан фойдаланган ҳолда содир этилган жиноятларни тергов қилишда сўроққа тайёргарлик кўриш тактикаси ва юридик фаннинг бошқа соҳаларида мавжуд муаммолар, уларнинг илмий ва амалий тажрибалари, фикрлар алмашинуви ўз ичига қамраб олинган.

Тўплам фан ва таълим соҳасини бошқаришга ваколатли давлат органлари, юридик фан ва хуқуқни қўллаш амалиёти билан боғлиқ хорижий давлатларнинг етук олимлари, мутасадди ташкилотлар ходимлари, Ўзбекистон Республикасининг юридик фанлар соҳасида кўзга кўринган етук олимлари, профессор-ўқитувчилар, мустақил изланувчилар, докторантлар, магистрлар бошқа ёш олимларнинг мақола ва тезислари баён этилган.

Мазкур тўпламга киритилган материалларнинг мазмуни, ундаги статистик ва бошқа маълумотлар, меъёрий ҳужжатлар санасининг тўғрилигига ҳамда танқидий фикр-мулоҳазаларга муаллифларнинг шахсан ўзлари масъулдирлар.

© Ўзбекистон Республикаси Хуқуқни муҳофаза қилиш академияси, 2025.

ББК: 343.195.3:343.163(575.1)

УДК: 67.7+67.4

X 97

Данный сборник рекомендован к публикации решением № 14 Совета Правоохранительной академии Республики Узбекистан от 30 - октября 2025 года.

«Современные вызовы и угрозы в сфере правоохранительной деятельности в эпоху цифровой трансформации». Том 1. // Ответственные редакторы: д.ю.н., профессор Е.В.Коленко, д.ю.н., профессор А.С.Одинаев, д.ю.н., доцент Ш.И.Шайзаков. – Т.: Lesson Press, 2025. – 735 с.

Ответственный редактор:

д.ф.ю.н., профессор **Е.В.Коленко**

д.ф.ю.н., профессор **А.С.Одинаев**

д.ф.ю.н., доцент **Ш.И.Шайзаков**

Редакционная коллегия:

д.ю.н., профессор **Б.Х.Пулатов**

д.ю.н., профессор **Ф.Х.Рахимов**

д.ю.н., профессор **В.Каримов**

д.ю.н., профессор **М.А.Аминджанова**

д.ф.ю.н., доцент **М.З.Раджапова**

д.ю.н., профессор **Х.А.Каримов**

Подготовка к изданию:

д.ф.ю.н., доцент **Ш.И.Шайзаков,**

В данный сборник включены материалы международной научно-практической конференции «Современные вызовы и угрозы в сфере правоохранительной деятельности в эпоху цифровой трансформации» проведённой 19–20 июня 2025 года в Правоохранительной Академии Республики Узбекистан. В материалах рассматриваются вопросы устранения коррупционных и бюрократических препятствий в научных исследованиях, проблемы интеграции образования, науки и практики: ретроспектива и современные подходы, отдельные аспекты использования искусственного интеллекта при написании научных работ по юридической тематике, вопросы применения единого подхода в юридической науке и правоприменительной практике, международно-правовые основы реализации образования в области прав человека, а также тактика подготовки к допросу при расследовании преступлений, совершённых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, сборник охватывает проблемы, существующие в других областях юридической науки, их научный и практический опыт, а также обмен мнениями между участниками.

В сборнике представлены статьи и тезисы ведущих зарубежных учёных, представителей профильных организаций, известных специалистов Республики Узбекистан в области юридических наук, профессорско-преподавательского состава, самостоятельных соискателей, докторантов, магистрантов и других молодых учёных.

За содержание материалов, включённых в сборник, достоверность приведённых статистических и иных данных, актуальность нормативных документов, а также за выраженные критические суждения ответственность несут сами авторы.

© Правоохранительная академия Республики Узбекистан, 2025.

BBK: 343.195.3:343.163(575.1)
UDC: 67.7+67.4
H 97

This collection has been recommended for publication by the decision of the Council of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan dated 30 October 2025, No. 14.

Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Modern Challenges and Threats in the Field of Law Enforcement in the Era of Digital Transformation.” Vol. 1. // Editors-in-Chief: Doctor of Law, Professor E.V.Kolenko, Doctor of Law, Professor A.S.Odinaev, Doctor of Law, Associate Professor Sh.I.Shayzakov. – Tashkent: Lesson Press, 2025. – 7356 p.

Responsible editor: PhD, Professor **E.V. Kolenko**
PhD, Professor **A.S.Odinaev**
PhD, Associate Professor **Sh.I.Shayzakov**

Editorial board: DSc, professor **B.Kh. Pulatov**
DSc, professor **F.Kh. Rakhimov**
DSc, professor **V. Karimov**
DSc, professor **M.A. Aminjonova**
PhD, Associate Professor **M.Z. Radjapova**
DSc, Professor **Kh.A.Karimov**

Preparation for publication: PhD, Associate Professor **Sh.I. Shayzakov**

This volume contains the materials of the international scientific and practical conference “Modern challenges and threats in the field of law enforcement in the era of digital transformation” held on June 19–20, 2025, at the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan.

The materials address issues such as the elimination of corruption-related and bureaucratic barriers in scientific research; the integration of education, science, and practice — retrospective and modern approaches; specific aspects of using artificial intelligence in writing legal research papers; ensuring a unified approach in legal science and law enforcement practice; the international legal foundations for implementing human rights education; and the tactics of preparing for interrogation during the investigation of crimes committed using information and communication technologies. The collection also covers existing problems in other branches of legal science, their scientific and practical experience, and the exchange of views among researchers.

The collection presents articles and theses by distinguished scholars from foreign countries, experts in the field of legal science and law enforcement practices, representatives of competent government agencies in the management of science and education, leading Uzbek legal scholars, professors, independent researchers, doctoral candidates, master’s students, and other young scientists.

The authors themselves are solely responsible for the content of the materials included in this collection, including statistical and other data, the accuracy of references to normative documents, and any critical opinions expressed.

© The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, 2025.

**КОЛЕНКО ЕВГЕНИЙ
ВЯЧЕСЛАВОВИЧ**

Первый заместитель начальника
Правоохранительной академии
Республики Узбекистан,
доктор философии по юридическим
наукам (PhD), профессор

**ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ
КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

Правоохранительные органы выполняют ключевую роль в обеспечении защиты государства и общества от преступности, коррупции, терроризма и других угроз. Качество подготовки кадров в данной сфере напрямую определяет уровень правопорядка, стабильности и общественной безопасности. Сегодняшние реалии и современные вызовы предъявляют высокие требования к специалистам, которые должны не только глубоко знать национальное законодательство, но и свободно ориентироваться в международных правовых стандартах, применяя их в своей профессиональной деятельности.

В условиях цифровой эпохи преступность приобретает новые, более изощренные формы: киберугрозы, цифровое мошенничество, транснациональные коррупционные схемы. Для их раскрытия предупреждения необходимы специалисты, обладающие междисциплинарными знаниями в юридической, криминологической, экономической и технической сферах. Недостаточная подготовка приводит к ошибкам в ходе следствия и судебных разбирательств, снижая доверие общества к правоохранительным органам и судебной системе.

Сотрудники правоохранительных органов являются отражением авторитета государства в глазах общества. Их компетентность и честность определяют уровень доверия населения к институтам власти. Последовательная подготовка и постоянное развитие профессиональных компетенций формируют у сотрудников чувство ответственности, приверженность и преданность принципам законности, неподкупности и служения народу.

В настоящее время Узбекистан наравне с другими государствами является участником многих международных конвенций (ООН, СНГ, ЕАЭС и др.), закрепляющих обязательства по борьбе с коррупцией, отмыванием доходов, полученных преступным путем, торговлей людьми. Для успешного выполнения международных обязательств необходимо готовить кадры, владеющие передовыми методами работы, иностранными языками и навыками взаимодействия в международных профильных сетях.

В условиях масштабных реформ в соответствии со Стратегией «Узбекистан – 2030» подготовка новых кадров обеспечивает обновление институциональной культуры в правоохранительных органах и способствует внедрению инноваций, в том числе цифровизации, комплаенс-систем и риск-ориентированного подхода к организации профессиональной деятельности.

Однако в образовательном комплексе по подготовке кадров для правоохранительных органов имеются следующие недостатки:

1) бюрократизация системы образования: устаревшие учебные программы, недостаточная квалификация преподавателей, корпоративное мышление и замкнутость системы;

2) недостаточная мотивация преподавателей и слабое материально-техническое обеспечение: низкий уровень мотивации и невысокие зарплаты преподавателей (финансовые ограничения), недостаточно развитая IT-инфраструктура;

3) проблемы профессионального развития и психологической готовности педагогов: низкий уровень развития гибких навыков (soft skills), психологическая неподготовленность, отсутствие регулярного повышения квалификации у педагогов, изоляция от международных стандартов;

4) недостаточная цифровизация и межведомственная координация в образовательной деятельности: слабый междисциплинарный подход, недостаточная цифровизация обучения, дефицит межведомственного взаимодействия с силовыми и гражданскими структурами;

5) трудности при подготовке и выпуске квалифицированных кадров: неэффективные методы обучения, формализм в экзаменах и в оценивании результатов обучения.

Для устранения указанных недостатков предлагаются следующие решения, успешно апробированные в деятельности Правоохранительной академии Республики Узбекистан:

1) внедрение компетентностной модели образования: реализация эмпирического обучения (learning by doing) с решением реальных задач и проблемных кейсов; формирование современной инфраструктуры (полигоны, лаборатории, имитационные помещения);

2) реинжиниринг и цифровизация процессов: оснащение образовательных учреждений современным оборудованием и программным обеспечением;

3) создание электронного портала «ProAcademy.uz» и внедрение инструментов электронного обучения для всеобъемлющего охвата всех слушателей;

4) формирование «Портфолио» каждого слушателя на основе диагностики его компетенций; интеграция портфолио с базой данных кадровой службы Генеральной прокуратуры и другими базами данных портала «ProAcademy» в целях их использования при аттестации сотрудников и принятии кадровых решений;

5) андрагогические подходы: методика преподавания в Академии основана на интерактивных технологиях и передовых методах – «перевернутый класс» (flipped classroom), «поворотный момент» (turning point), имитационное моделирование, кейс-стади, геймификация обучения, сквозные проекты, дебаты и дискуссии;

6) непрерывная диагностика компетенций: в целях повышения мотивации сотрудников к постоянному совершенствованию и развитию знаний, умений и навыков было создано специальное программное обеспечение для постоянной оценки их профессиональных и надпрофессиональных компетенций;

7) сближение обучения и практики: была внедрена система откомандирования сотрудников Академии на практику с приданием им соответствующего процессуального статуса, осуществляется ротация сотрудников по должностям, также была создана лаборатория изучения проблем правоприменения;

8) обучение в течение всей жизни (lifelong learning): внедрен механизм обязательного минимального повышения квалификации не реже одного раза в три года (не менее 144 часов);

9) развитие гибких навыков (soft skills): создано подразделение психологического обеспечения, усилен компонент формирования и оценки гибких навыков, внедрен ассессмент-центр;

10) междисциплинарность: интеграция дисциплин (андрагогика, социология, психология, информатика и др.) и их активная синергия;

11) персонализация образования: внедрены элективные курсы по наиболее востребованным тематикам с возможностью выстраивания индивидуальной образовательной траектории;

12) LMS (Learning Management System) и LRS (Learning Record Store): были внедрены системы управления обучением и фиксации результатов обучения, прокторинг, персональный кабинет;

13) поэтапное внедрение технологий искусственного интеллекта, в частности в настоящее время внедряются системы онлайн-консультирования на базе ИИ.

Таким образом, современная система подготовки кадров в правоохранительной сфере должна быть основана на внедрении инновационных методов обучения, поэтапном применении технологий искусственного интеллекта и замыкании контура «обучение – практика – оценка», что превращает образование из формальной процедуры в непрерывный, измеримый и ориентированный на результат профессиональный цикл.

**КАМОЛЗОДА БАРАКАТУЛЛО
РАХМАТУЛЛО**

заместитель директора Института
изучения законности, правопорядка,
преступности и повышения
квалификации работников органов
прокуратуры Республики Таджикистан

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В
УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РИСКОВ И УГРОЗ**

Приветствую всех организаторов, участников и гостей международной конференции, посвященной теоретическим и практическим вопросам противодействия киберпреступности!

Прежде всего хочу поблагодарит Правоохранительную Академию Республики Узбекистан за теплый приём и инициативу в проведении этого важного и своевременного мероприятия. В современном мире, где цифровые технологии пронизывают все сферы нашей жизни, вопросы кибербезопасности приобретают особую актуальность. Преступления в киберпространстве не знают границ и представляют серьезную угрозу для государств, и каждого отдельного человека.

Уверен, что эта конференция станет эффективной площадкой для обмена опытом, обсуждения актуальных проблем и предаст импульс для развития дальнейшего нашего сотрудничество. Желаю всем участникам плодотворной работы, интересных дискуссий и новых полезных знакомств!

Киберпреступность является одной из наиболее динамично развивающихся и опасных форм преступной деятельности в современном мире. Цифровизация всех сфер жизни общества, стремительное развитие информационных технологий и повсеместное распространение интернета создали новые возможности для злоумышленников и привели к появлению новых видов угроз и рисков. Противодействие киберпреступности стало одной из ключевых задач для государств, бизнеса и всего международного сообщества.

Данный доклад посвящен рассмотрению теоретических и практических вопросов противодействия киберпреступности в условиях современных угроз и рисков. В нем будут проанализированы основные виды киберпреступлений, рассмотрены теоретические подходы к их изучению, а также освещены практические аспекты борьбы с ними на национальном и международном уровнях.

Основные виды киберпреступлений и современные угрозы

Современный ландшафт киберпреступности характеризуется разнообразием видов преступлений и постоянно растущей сложностью угроз. К основным видам киберпреступлений относятся:

- **Хакерство:** несанкционированный доступ к компьютерным системам и сетям с целью кражи информации, нарушения работы или нанесения ущерба.

- **Распространение** вредоносного программного обеспечения (ПО): вирусов, червей, троянов, программ-вымогателей и других вредоносных программ, предназначенных для нанесения вреда информационным системам и данным.

- **Фишинг:** рассылка поддельных электронных писем, сообщений или создание фальшивых веб-сайтов с целью получения конфиденциальной информации пользователей (логины, пароли, данные банковских карт и т.д.).

- **Кибермошенничество:** совершение мошеннических действий с использованием информационных технологий, включая онлайн-мошенничество, мошенничество с платежными картами, инвестиционное мошенничество и т.д.

- **Кибертерроризм:** использование информационных технологий для совершения террористических актов или поддержки террористической деятельности.

- **Кража персональных данных:** незаконное получение, хранение и использование персональных данных граждан.

- **Атаки на критическую информационную инфраструктуру:** действия, направленные на нарушение работы или выведение из строя жизненно важных информационных систем государства и бизнеса.

Современные угрозы в сфере кибербезопасности характеризуются:

- Ростом числа и сложности атак: кибератаки становятся все более изощренными, целенаправленными и скоординированными.

- Появлением новых видов угроз: развитие технологий приводит к появлению новых векторов атак, таких как атаки на устройства интернета вещей (IoT), облачные сервисы, системы искусственного интеллекта.

- Коммерциализацией киберпреступности: киберпреступность становится все более организованной и прибыльной, появляются целые индустрии по разработке и продаже вредоносного ПО, организации атак и отмыванию денег.

- Геополитическим фактором: киберпространство все чаще используется государствами для проведения разведывательных операций, саботажа и влияния на другие страны.

Теоретические вопросы противодействия киберпреступности

Изучение и противодействие киберпреступности опирается на ряд теоретических подходов из различных областей знаний, включая криминологию, информатику, право, социологию и международные отношения. К основным теоретическим вопросам относятся:

- Криминологические аспекты киберпреступности: изучение причин и условий совершения киберпреступлений, личности киберпреступников, виктимологии киберпреступлений.

- Правовые основы противодействия киберпреступности: разработка и совершенствование национального и международного законодательства в сфере кибербезопасности, вопросы юрисдикции, выдачи и взаимной правовой помощи.

- Технические аспекты кибербезопасности: разработка и внедрение технических средств и методов защиты информационных систем и данных от киберугроз (межсетевые экраны, антивирусное ПО, системы обнаружения вторжений, криптография и т.д.).

- Организационные и управленческие аспекты: создание и функционирование государственных и частных структур, ответственных за обеспечение кибербезопасности, разработка стратегий и планов противодействия киберпреступности.

- Международное сотрудничество: координация усилий различных государств в борьбе с киберпреступностью, обмен информацией, проведение совместных операций.

Практические вопросы противодействия киберпреступности.

Практическая деятельность по противодействию киберпреступности включает в себя широкий спектр мер и мероприятий на различных уровнях:

- Национальный уровень:

- Разработка и реализация государственных стратегий и программ в области кибербезопасности.

- Совершенствование законодательства в сфере киберпреступности и защиты персональных данных.

- Создание и укрепление специализированных правоохранительных подразделений по борьбе с киберпреступностью.

- Развитие системы киберразведки и раннего предупреждения о киберугрозах.

- Повышение осведомленности населения и организаций о кибербезопасности.

- Подготовка квалифицированных кадров в области кибербезопасности.

- Уровень бизнеса:

- Внедрение комплексных систем защиты информации.

- Регулярное проведение аудитов безопасности и тестирования на проникновение.

- Обучение сотрудников основам кибербезопасности.

- Разработка планов реагирования на инциденты кибербезопасности.

- Сотрудничество с государственными органами и другими организациями в сфере кибербезопасности.

Международный уровень:

- Разработка и принятие международных конвенций и соглашений в сфере кибербезопасности.

- Сотрудничество между правоохранительными органами различных стран в расследовании киберпреступлений.

- Обмен информацией и опытом в области противодействия киберугрозам.

- Оказание технической помощи развивающимся странам в укреплении их потенциала в сфере кибербезопасности.

В условиях стремительной цифровизации всех сфер жизни общества вопросы обеспечения кибербезопасности приобретают первостепенное значение. Рост киберпреступности, не знающей государственных границ, требует скоординированных усилий на международном и национальном уровнях. В этом контексте принятие эффективных законных мер по борьбе с киберпреступностью является неотъемлемой частью обеспечения стабильности и безопасности, как в глобальном масштабе, так и в Республике Таджикистан.

Как мы все знаем, существуют международные конвенции направленные на борьбу с киберпреступностью и наиболее из значимых из них является Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция).

Это первый международный договор, посвященный киберпреступности. Он был принят в 2001 году и направлен на гармонизацию национальных законодательств, улучшение методов расследования и расширение международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью. Конвенция охватывает такие преступления, как незаконный доступ к компьютерным системам, неправомерный перехват данных, повреждение данных, компьютерное мошенничество, детская порнография и нарушения авторских прав. К ней также были приняты два дополнительных протокола.

Также, 24 декабря 2024 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности.

Она является первым всеобъемлющим глобальным договором в этой области и направлена на предотвращение и борьбу с киберпреступностью путем укрепления международного сотрудничества и обмена электронными доказательствами.

На данный момент, это конвенция открыта для подписания и находится на стадии рассмотрения во многих странах мира.

Республика Таджикистан хот и не является членом Конвенция Совета Европы о киберпреступности от 2001 года, но в свете недавнего принятия вышеназванной Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности, а также с учетом положений Будапештской конвенции Совета Европы, мы продолжаем совершенствовать наше национальное законодательство и правоприменительную практику для эффективной борьбы с этим видом преступности.

В настоящее время Таджикистан предпринимает ряд усилий на национальном и международном уровнях для борьбы с киберпреступностью:

Национальные усилия:

* Законодательство: В Уголовном кодексе Республики Таджикистан имеется глава 28 (статьи 298 - 304), посвященная преступлениям против информационной безопасности, которая включает такие преступления, как неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 298), модификация компьютерной информации (статья 299), компьютерный саботаж (статья 300), незаконное завладение компьютерной информации (статья 301), изготовление и сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети (статья 302), разработка, использование и распространение вредоносных программ (статья 303), нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (статья 304).

Также, хочу выделить преступления экстремистско – террористического характера которые могут совершаться с использованием информационно - коммуникационных технологий. Вид актуальность взаимного сотрудничества многократно возрастает в условиях, когда международный терроризм, религиозно - политический экстремизм и другие проявления транснациональной организованной преступности создают серьезную угрозу национальной безопасности и стабильному развитию региона.

Согласно Уголовному кодексу Республики Таджикистан, существует ряд террористических и экстремистских преступлений, которые совершаются с использованием интернета. Такие как публичные призывы к совершению преступлений террористического характера, совершенные с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, публичное оправдание терроризма, совершенное с использованием информационно-коммуникационных сетей, вовлечение лица в совершение преступлений террористического характера, совершенное с использованием информационно-коммуникационных сетей, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе распространение материалов, побуждающих к насильственному изменению конституционного строя, нарушению территориальной целостности, разжиганию расовой, национальной или религиозной

вражды, пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, публичное оправдание экстремизма, совершенное с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе за публичное признание экстремистской идеологии и практики правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, организация деятельности экстремистской организации, совершенная с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе создание или руководство экстремистской организацией, деятельность которой осуществляется или координируется через интернет, участие в деятельности экстремистской организации, совершенное с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе, ответственность за участие в деятельности уже существующей экстремистской организации посредством использования интернета.

Также, в Республике Таджикистан действует Закон "О защите информации" и Закон "О криптографии", которые регулируют вопросы информационной безопасности.

Так, с целью более эффективного противодействия экстремизму, терроризму и киберпреступлениям при Генеральной Прокуратуры Республики Таджикистан был создан Единый информационный центр по предотвращению экстремизма, терроризма и киберпреступлений.

Создание данного Центра при Генеральной прокуратуры в первую очередь связано с указаниями и поручениями Президента Республики Таджикистан, высказанными в его Послании от 23 декабря 2022 года. На основании данного Послания Главы государства была разработана и утверждена Концепция о создании единого информационного центра при Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан.

Согласно концепции - Единый информационный центр располагает точной и неопровержимой информацией по всем уголовным делам экстремистско-террористического характера и преступлениям, совершенным с использованием информационно-

коммуникационных технологий (киберпреступлений), а также имеет тенденцию к ее увеличению, используя аналитические методы.

На данный момент деятельность Единого информационного центра по предотвращению экстремизма, терроризма и киберпреступлений Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан направлено **на четыре основных аспекта:**

Во-первых, регистрация уголовных дел террористического и экстремистского характера.

Во-вторых, регистрация преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (киберпреступлений);

Третье - анализ и исследования в направлении предотвращения проявлений экстремизма и экстремизма ведущего к терроризму;

Четвертое – предотвращение и противодействие дискредитирующим материалам и информации в сети Интернет, оказывающим непосредственное влияние на международный рейтинг Таджикистана.

-Оцифровка единой информационной системы, разработка автоматической электронной программы и автоматическое обновление точной информации – основная часть деятельности Центра.

Таким образом, электронная программа предоставляет информацию об общем количестве уголовных дел террористического и экстремистского характера и преступлений совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий возрасте, поле, местах рождения преступников и местах их проживания до уровня городов, районов и джамаатов, какими правоохранительным органами возбуждены уголовные дела, органах, расследующих данные уголовные дела, название террористических организаций и к какой организации присягнул тот или иной преступник, статьи Уголовного кодекса, использование криминальных псевдонимов в преступном мире, использование социальных сетей и их видов, использование пророков и их прообразов, и другой важной информации.

Также, в МВД Республики Таджикистан существуют подразделения, занимающиеся борьбой с киберпреступностью. Данный момент есть планы по созданию Центра по борьбе с преступностью с использованием информационных технологий и киберпреступностью при МВД республики Таджикистан.

*** Повышение квалификации кадров:** Проводятся программы обучения и повышения квалификации для сотрудников правоохранительных органов и прокуратуры по вопросам борьбы с киберпреступностью. Подготовка и обучение кадров среди сотрудников прокуратуры Таджикистана по борьбе с киберпреступностью является важным направлением в условиях растущей киберугрозы.

Так, с целью более эффективной борьбы с этими проявлениями Институтом по изучению вопросов законности, правопорядка, преступности и повышения квалификации работников органов прокуратуры Республики Таджикистан на основании утвержденных планов ежегодно проводятся курсы повышения квалификации, тренинги и семинары. Обучение сотрудников прокуратуры по борьбе с киберпреступностью обычно включает в себя аспекты касательно понимание видов киберпреступлений и тенденций их развития, идентификация, сбор, сохранение и анализ электронных доказательств, юридические процедуры, связанные с киберпреступлениями и электронными доказательствами, международное сотрудничество в расследовании и преследовании киберпреступлений, использование специализированных инструментов и технологий для расследования, отслеживание криптовалют и преступлений, совершаемых в даркнете, вопросы кибербезопасности и защиты цифровой инфраструктуры и др.

Также, Академией Министерством внутренних дел Республики Таджикистан в июне 2023 года совместно с ОБСЕ проводила вводный курс по киберпреступности и цифровым доказательствам для сотрудников МВД и Генеральной прокуратуры.

Кроме этого, на оснований Программ международных организации таких как ОБСЕ, УНП ООН (Управление ООН по наркотикам и преступности) организовываются семинары и тренинги для сотрудников правоохранительных органов и

прокуратуры по вопросам киберпреступности и электронных доказательств, отслеживанию криптовалют и другими аспектами.

Например, в мае 2025 года был проведен семинар по разработке национальной системы компетенций и стратегии обучения в этой сфере. Программа направлена на систематическое и устойчивое повышение квалификации специалистов.

Или в апреле 2024 года совместно с CARICC (КАРИК) и CASC (КАСК) был организован интенсивный четырехдневный тренинг.

Международное сотрудничество:

* ОДКБ: Таджикистан ратифицировал Протокол о взаимодействии государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) по противодействию преступной деятельности в информационной сфере.

* Интерпол: Представители Таджикистана участвуют во встречах и мероприятиях Интерпола, посвященных борьбе с киберпреступностью.

* ОБСЕ: Бюро ОБСЕ в Таджикистане оказывает поддержку в наращивании потенциала правоохранительных органов в области борьбы с киберпреступностью и электронных доказательств, проводит соответствующие семинары и тренинги.

* СНГ: Таджикистан участвует в деятельности Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств-участников СНГ, где обсуждаются вопросы сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью.

* Сотрудничество с другими странами: Отмечается сотрудничество с Европейским Союзом в вопросах кибербезопасности. Также сообщалось о взаимодействии с Китаем в сфере борьбы с терроризмом и киберпреступностью.

Эти усилия свидетельствуют о том, что Таджикистан признает важность борьбы с киберпреступностью и предпринимает шаги как на национальном уровне, так и в рамках международного сотрудничества для противодействия этой угрозе.

Противодействие киберпреступности является сложной и многогранной задачей, требующей комплексного подхода и скоординированных усилий на всех уровнях. Успешная борьба с киберпреступностью в условиях современных угроз и рисков

невозможна без глубокого понимания теоретических основ этой проблемы, постоянного совершенствования практических мер и укрепления международного сотрудничества. Развитие технологий будет и дальше порождать новые виды киберугроз, что требует от государств, бизнеса и общества непрерывной адаптации и поиска эффективных стратегий и инструментов для обеспечения безопасности в цифровом пространстве.

СТРЕЛЬЧЕНОК ЯРОСЛАВ ПАВЛОВИЧ

доктор философии (PhD) по юридическим
наукам международный эксперт и консультант
ООН и ОБСЕ по вопросам противодействия
коррупции доцент юридической кафедры
Университета Туриба (Латвия), экс-директор
Бюро по предотвращению и борьбе с
коррупцией (Латвия)

УСЛОВИЯ ВНЕДРЕНИЯ ИИ ДЛЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРОФИЛАКТИКИ В ПУБЛИЧНОМ СЕКТОРЕ

***Аннотация:** Целью статьи является получение, изучение и анализ исследования по основным принципам внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в публичном секторе. В статье автор рассматривает проблемы и на основе проведённого исследования предлагает правовые основы, которые должны быть предусмотрены в концепции внедрения ИИ для предотвращения коррупции и ситуаций конфликта интересов в публичном секторе. Исследование автора основано на опросе должностных лиц и работников государственных и муниципальных органов Латвии. В статье автор обобщил выводы исследования и представил их. Автор считает, что тема статьи и представленное в ней исследование позволят лучше понять важность технологии ИИ, необходимость её регулирования, а также обеспечить безопасное внедрение ИИ в публичном секторе в будущем с целью минимизации рисков коррупции и конфликта интересов.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, конфликт интересов, коррупция, публичный сектор*

***Abstract:** The purpose of the article is to obtain, study and analyze the research on the basic principles of implementing artificial intelligence (AI) in the public sector. In the article, the author examines the problems and, based on the research conducted, proposes the legal basis that should be provided for in the concept of*

implementing AI to prevent corruption and situations of conflict of interest in the public sector. The author's research is based on a survey of officials and employees of state and municipal authorities of Latvia. In the article, the author summarized the findings of the research and presented them. The author believes that the topic of the article and the research presented in it will allow for a better understanding of the importance of AI technology, the need for its regulation, and to ensure the safe implementation of AI in the public sector in the future in order to minimize the risks of corruption and conflict of interest.

Keywords: *artificial intelligence, conflict of interests, corruption, public sector*

Введение

В статье планируется обобщить и проанализировать проведённое автором исследование по выявлению основных правовых принципов внедрения и использования искусственного интеллекта (далее – ИИ). Автор планирует найти ответы на вопросы о том, какие основные принципы функционирования ИИ следует применять и какие основные требования необходимо предусмотреть при внедрении ИИ. В связи с этим автор планирует изучить основные принципы функционирования и использования ИИ, чтобы предложить их имплементацию в национальные нормативные акты, регулирующие внедрение ИИ в публичном секторе с целью предотвращения рисков коррупции и конфликта интересов.

Целью автора в статье является определение правовых требований, необходимых для создания комфортной нормативно-правовой среды использования ИИ, основанной на балансе интересов общества, государства, а также должностных лиц, деятельность которых в будущем будет контролироваться ИИ.

Для достижения цели автор ставит следующие задачи:

1) изучить международный правовой опыт внедрения технологий ИИ;

2) проанализировать проведённое автором исследование и выявить основные принципы использования технологий ИИ.

В статье автор использует результаты исследования, проведенного путем опроса (51 вопрос) 319 государственных должностных лиц и работников государственного и муниципального сектора Латвии (далее – респонденты) на протяжении 2023 года (далее – Исследование).

1. Концепция ИИ в предотвращении коррупции и ситуаций конфликта интересов

Целью концепции внедрения ИИ для предотвращения коррупции и ситуаций конфликта интересов в публичном секторе, по мнению автора, должно стать внедрение новых инструментов в процесс выявления и реагирования на ситуации конфликта интересов в публичном секторе с использованием технологий ИИ.

Анализируя мировой опыт, можно сделать вывод, что ряд стран уже используют ИИ в публичном секторе для различных целей.¹ Оценивая этот опыт, необходимо признать, что концепция развития технологий ИИ в публичном секторе должна основываться на балансе интересов общества, государства², а также тех должностных лиц, деятельность которых будет контролироваться ИИ.

Целью внедрения ИИ в предотвращение коррупции и конфликтов интересов является стимулирование разработки, внедрения и использования технологий ИИ, которые позволят выявлять коррупцию и конфликты интересов в деятельности должностных лиц. Результат такой деятельности должен способствовать укреплению доверия общества к публичному сектору, а также повышению благосостояния и качества жизни граждан.

Согласно исследованию, проведенному автором, разработку, внедрение и использование технологий ИИ, основанную на этических нормах и принципах поддерживает значительное количество респондентов – 63,3%, и только 9% отрицает такую необходимость, а в 27,7% не знали или затруднились ответить.

В свою очередь, часть респондентов считает, что для правового регулирования технологий ИИ необходимы особые этические принципы, такие как: безопасность (77,8%), законность (73,9%), защита прав человека (63,1%), прозрачность и подотчётность (52,7%), конфиденциальность (46,8%), надёжность (44,3%), объективность (38,4%), справедливость (35%) и управляемость (29,1%).

¹ Стрельченко, Я.П. (2021). Концепция искусственного интеллекта и основные правовые принципы его функционирования: мировой опыт, Университет Туриба, стр.144–155, дата обращения: 19.07.2025. <https://www.turiba.lv/storage/files/xxii-conference-2021.pdf>

² Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта (ИИ) в судебных системах и их среде (2018). Европейская комиссия по эффективности правосудия, дата обращения: 19.07.2025. <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>

Одним из препятствий, но не главным, исходя из исследования автора, к использованию технологий ИИ для контроля деятельности должностных лиц может стать отсутствие достаточной степени доверия (отмечено 44,3% респондентов) со стороны общественности. В частности, рост степени автономности технологий ИИ, снижение контроля со стороны человека за процессом применения ИИ, а также не полностью прозрачная логика принятия решений при эксплуатации технологий ИИ могут сформировать общественный запрос на правовые ограничения использования технологий ИИ. В этой связи необходимо предусмотреть возникновение ряда таких концептуальных проблем и рисков, а также способствовать их минимизации для объективного контроля должностных лиц и выявления коррупции и конфликта интересов в их деятельности:

1) проблема определения предмета и границ контроля использования ИИ;

2) проблема самоидентификации ИИ при взаимодействии с человеком;

3) проблема юридического делегирования решений ИИ;

4) проблема ответственности за причинение вреда должностному лицу посредством использования ИИ;

5) проблема правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием ИИ;

6) использование возможных результатов для принятия решений ИИ и, в некоторых случаях, невозможность полного объяснения решения, принятого ИИ;

7) проблема прозрачности алгоритмов ИИ.¹

Для смягчения этих проблем необходимо предусмотреть установление специальной процедуры проверки и последующего исполнения решений о том, как и каким образом ИИ принял решение в конкретном случае, например, когда должностные лица оказались в ситуации конфликта интересов. В этом случае желательно обеспечить активное участие специалистов и экспертов в разработке стандартов выявления и реагирования на действия должностных лиц, находящихся в ситуации конфликта интересов.

Важнейшими вопросами применения технологий ИИ в публичном секторе в контексте контроля за деятельностью

¹ там же

должностных лиц являются также вопросы ответственности за ущерб, причиненный ИИ должностному лицу в результате ошибочного анализа и в случае ошибочного выявления нарушения. Следовательно, необходимо предусматривать вопросы ответственности в случае причинения ущерба должностному лицу в результате эксплуатации технологий ИИ (обладающих высокой степенью автономности в принятии решений о выявлении необоснованного конфликта интересов в деятельности должностных лиц). При этом необходимо определить круг лиц, которые будут нести ответственность за правомерные и ошибочные действия ИИ, что позволит компенсировать материальный и моральный ущерб, причиненный должностному лицу в результате применения технологий ИИ. Необходимо гарантировать эффективное и справедливое распределение ответственности (между разработчиками, дистрибьюторами, правообладателями и т.д.) в случае причинения такого ущерба. В зависимости от размера ущерба, причиненного должностному лицу или общественным интересам, необходимо предусмотреть гражданскую, уголовную и административную ответственность.

Рост объёма доступных данных, а также развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры доступа к данным являются ключевыми факторами развития технологий ИИ при осуществлении контроля за деятельностью должностных лиц. Как правило, действующая правовая база в сфере данных ориентирована преимущественно на обеспечение режимов конфиденциальности информации и не учитывает большой потенциал значительных массивов данных для создания технологий ИИ, которые будут оперировать персональными данными конкретного должностного лица, его родственников и деловых партнёров. Учитывая данную задачу повышения доступности и качества данных о должностных лицах, их родственниках и деловых партнёрах, потребуется пересмотр и адаптация законодательства в сфере данных, которая должна обеспечить:

- 1) благоприятные правовые условия доступа к данным разработчиков и обмена различными видами данных о должностных лицах, их родственниках и деловых партнерах, включая не только общедоступные данные, но и данные, накопленные и сформированные в публичном секторе;

2) специальные условия (режимы) доступа к данным, в том числе к персональным данным, в целях обобщения технологий ИИ, анализа и разработки технологических решений по выявлению коррупции и конфликта интересов в деятельности должностных лиц, что потребует расширения практики раскрытия данных в публичном секторе.¹

Концепция должна не только заложить правовые основы доступности данных в публичном секторе для технологий ИИ, но и предусмотреть расширение доступности данных в частном секторе, создав для этого необходимые правовые условия.² Учитывая особую чувствительность частного сектора к своим данным, в целях обеспечения гарантий прав должностных лиц, их родственников и деловых партнеров на персональные данные, такой доступ должен предусматривать усиление защиты персональных данных. Также рекомендуется рассмотреть возможность использования данных из зарубежных источников для выявления коррупции и конфликтов интересов должностных лиц высшего звена управления в случаях сокрытия какой-либо деятельности за рубежом. В таком случае необходимо предусмотреть заключение международных соглашений или дополнение существующих соглашений.

В целом для публичного сектора актуальным вопросом является утверждение прозрачных нормативных актов, т.е. разработка ключевых стандартов и механизма оценки соответствия технологий ИИ требованиям безопасности, соблюдения прав человека, защиты должностных лиц, их близких и деловых партнеров от дискриминации и избирательного применения закона, а также снижение риска раскрытия персональной информации и т.д.

2. Основные стандарты реализации концепции ИИ в предотвращении коррупции и ситуаций конфликта интересов

С целью повышения доверия технологиям ИИ в предотвращении коррупции и регулировании ситуаций конфликта интересов, по мнению автора, государство должно предоставлять заинтересованным сторонам чёткие разъяснения о том, какие решения в информационной среде принимаются

¹ Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р, дата обращения: 19.07.2025. <http://government.ru/docs/all/129505/>

² там же

автоматизированными системами ИИ, какие системы ИИ управляются человеком, а также предоставлять информацию об общих логических элементах, используемых этими системами ИИ. Должностные лица также должны быть проинформированы о том, что персональные данные, предоставляемые ими субъектам публичного и частного секторов, станут частью набора данных, используемого технологиями ИИ (напрямую, через сервисы или при доступе к веб-сайту), чтобы должностные лица могли принять эту информацию к сведению, каждый раз давая согласие на сбор данных или оставляя информацию о себе где-либо.

Подобно публичным уведомлениям, которые должны размещаться с использованием камер видеонаблюдения, пользователи должны активно информироваться в ясной и понятной форме (с использованием инновационных средств, таких как всплывающие сообщения на компьютере) об использовании технологий ИИ, о том, что технологии ИИ участвуют в процессе принятия решений в отношении должностных лиц, о том, что технологии ИИ собирают данные о процессах, в которых участвуют должностные лица, и что технологии ИИ также собирают всестороннюю информацию о них.¹

Прозрачность не ограничивается информированием отдельных пользователей о существовании технологий ИИ на платформах и в онлайн-сервисах, используемых должностными лицами. Государство должно обеспечивать прозрачность на протяжении всей цепочки ИИ. Эффективная прозрачность не обязательно должна быть сложной; даже простое объяснение целей, стратегий, входных данных и результатов технологии ИИ может способствовать просвещению общественности, развитию общественного диалога и повышению общественного доверия к технологиям ИИ.²

Для обеспечения полной прозрачности воздействия ИИ на информационную среду необходимо раскрывать такую информацию, как информация, используемая системами ИИ, объем используемой информации, случаи, когда системы ИИ подтвердили

¹ Article 19 and Privacy International (2017). Privacy and freedom of expression, A/73/348 22/29 18-14238X, дата обращения: 19.07.2025
<https://www.article19.org/data/files/medialibrary/38657/Expression-and-Privacy-Principles-1.pdf>

² Rieke, A., Bogen, M., Robinson, D. (2018). Public scrutiny of automated decisions: early lessons and emerging methods, Omidyar and Upturn, дата обращения: 19.07.2025.
<https://apo.org.au/node/210086>

спорные случаи, и случаи, когда решения ИИ, принятые должностными лицами, были успешно оспорены. Должностные лица и общественность должны иметь доступ к данным, собранным технологиями ИИ, а также к данным, которые иллюстрируют тенденции и позволяют понять логику принимаемых решений, например, относительно контроля должностных лиц по выявлению ситуаций конфликта интересов. Субъекты публичного и частного секторов, использующие системы ИИ, также должны раскрывать информацию о работе системы ИИ, её возможностях, а также о мерах защиты на случай возникновения проблем с работой технологии ИИ или ошибочных выводов по результатам её работы.¹

Влияние на права человека. Борьба с распространением дискриминации в системах ИИ является важнейшей национальной задачей.² Неспособность решить проблему устранения дискриминационных элементов и негативных последствий делает технологии ИИ не только неэффективными, но и опасными.³ По мнению автора, для обеспечения максимальной защиты прав человека и прозрачности систем ИИ государство должно применять меры, обеспечивающие доступ к таким системам ИИ для анализа и контроля на всех этапах жизненного цикла – от разработки концепции до внедрения.⁴

Аудиторские проверки. Проведение аудита технологий ИИ позволит защитить интересы общественности, должностных лиц и одновременно минимизировать риск утечки конфиденциальной информации в открытый доступ.⁵ Доступ к системам ИИ может быть предоставлен конкретному государственному учреждению,

¹ Amnesty International and Access Now (2018). Toronto declaration: protecting the right to equality and non-discrimination in machine learning systems, art.27(d), дата обращения: 19.07.2025. <https://www.amnesty.org/en/documents/pol30/8447/2018/en/>

² Iason, G. (2018). The case for fairer algorithms, Medium, дата обращения: 19.07.2025. https://medium.com/@Ethics_Society/the-case-for-fairer-algorithms-c008a12126f8

³ Суходолов, А.П., Бычкова, А.М. (2018). Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции, Российский криминологический журнал, в. 12, из 6, стр.753-766, дата обращения: 20.07.2025. <https://elibrary.ru/item.asp?id=37056278>

⁴ Reisman, D. (2018). Algorithmic impact assessments: a practical framework for public agency accountability, AI Now, дата обращения: 19.07.2025. <https://ainowinstitute.org/publications/algorithmic-impact-assessments-report-2>

⁵ Pasquale, F. (2015). The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information, Cambridge, Harvard University Press, дата обращения: 19.07.2025. <https://digitalcommons.law.umaryland.edu/books/96/>

уполномоченному осуществлять регулирование и надзор отрасли.¹ В большинстве случаев (86,7%) респонденты указали, что доверили бы данную функцию Государственной инспекции данных. Для того чтобы аудит был эффективным с точки зрения оценки системы ИИ, государство должно активнее принимать политические решения и соответствующую правовую базу, что заставит компании разрабатывать уже проверяемый код ИИ, гарантировать сохранение истории аудита, тем самым обеспечивая лицам, затронутым технологиями ИИ, доступ к большему количеству информации, а также прозрачность их функционирования, не дающую оснований для сомнений.²

Информация и согласие. Респонденты в большинстве случаев указали, что парламент и правительство должны инициировать обсуждения с общественностью правовых рамок для ИИ (55,9%). Автор полагает, что государство должно обеспечить полную информированность общественности и должностных лиц о том, как алгоритмы принятия решений используют различные типы платформ, веб-сайтов и т.д. Физические лица (особенно родственники и деловые партнеры должностного лица) также должны иметь право знать, собирает ли ИИ персональные данные и будут ли эти данные включены в набор данных, который впоследствии будет использоваться в деятельности технологий ИИ для составления выводов. Кроме того, вышеупомянутые физические лица должны быть проинформированы об условиях использования, хранения и удаления этих данных.³

Средства правовой защиты. Негативное воздействие технологий ИИ на права человека должно представлять собой предотвратимый или устранимый ущерб, который должен быть устранен компаниями или ответственным учреждением. Необходимым условием создания эффективной системы правовой защиты является информирование должностных лиц, а также их

¹ Council of Europe (2017). Algorithms and Human Rights, дата обращения: 20.07.2025. <https://rm.coe.int/algorithms-and-human-rights-en-rev/16807956b5>

² Pasquale, F. (2015). The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information, Cambridge, Harvard University Press, дата обращения: 19.07.2025. <https://digitalcommons.law.umaryland.edu/books/96/>

³ Специальная экспертная группа (АНЕГ) по подготовке проекта рекомендации по этике искусственного интеллекта (2020). Генеральная конференция ЮНЕСКО, резолюция 40C/37 https://unesdoc.unesco.org/in/rest/annotationSVC/Attachment/attach_upload_feb9258a-9458-4535-9920-fca53c95a424

родственников и деловых партнеров о том, что они стали объектом решения системы ИИ. Кроме того, ответственные компании или компетентное учреждение должны гарантировать, что лицу будут предоставлены средства правовой защиты. А именно, ему должна быть предоставлена возможность убедиться в надлежащей проверке выводов, сделанных системой ИИ, и понести ответственность в случае ошибок.¹

Выводы и предложения

Учитывая поставленную цель внедрения ИИ в публичном секторе, автор выделяет следующие задачи, которые должны быть решены в Концепции:

1) создание правовой основы для внедрения технологий ИИ в систему контроля деятельности должностных лиц;

2) устранение существующих правовых препятствий, затрудняющих внедрение и использование технологий ИИ в публичном секторе, с учетом необходимости, с одной стороны, обеспечения защиты необходимых прав и свобод должностного лица как человека и гражданина, а с другой стороны, контроля за деятельностью должностного лица в целях удовлетворения интересов общества и государства.

Однако развитие технологий ИИ ставит перед самым государством серьёзные вызовы, поскольку при решении задачи предотвращения коррупции и ситуации конфликта интересов в публичном секторе технологии ИИ обладают огромной автономностью действий. Поэтому достижение цели и задач внедрения ИИ в публичный сектор должно основываться на базовых этических нормах и принципах: (1) принцип уважения основных прав; (2) принцип недискриминации; (3) принцип качества и безопасности; (4) принцип прозрачности, объективности и достоверности; (5) принцип контроля со стороны пользователя.

¹ там же

ЦУРЛУЙ ОЛЕСЯ ЮРЬЕВНА
кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента уголовного
права, процесса и криминалистики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В современном мире несовершеннолетние проводят в виртуальной среде много времени. Используя сеть Интернет, подростки осуществляют поиск информации в учебных, познавательных и развлекательных целях, посредством социальных сетей знакомятся и общаются с другими людьми, находят единомышленников, сообщества по интересам, узнают о жизни известных людей, в виртуальной среде играют в компьютерные сетевые игры, общаясь с партнерами и противниками по игре в беседах, создаваемых участниками игры.

Созданная как неисчерпаемый источник информации сеть Интернет, равно как и социальные сети, целью которых является возможность общения людей друг с другом независимо от места их нахождения и расстояния между ними, используется злоумышленниками в негативных и преступных целях.

Понимая сильное влияние виртуальной среды на несовершеннолетних в силу психического и эмоционального состояния, повышенного интереса и доверия к виртуальным собеседникам, злоумышленники, в том числе недружественные государства, используют виртуальную среду для негативного влияния на подростков, вовлечения их в преступную деятельность.

«Наилучший положительный результат в профилактической работе с несовершеннолетними подростками достигается тогда, когда она проводится вовремя. Необходимо отметить, что, когда производство профилактических работ откладывается на более

поздний период, или если вообще не принимаются, это нередко ведет к совершению новых преступлений¹»

«Современный этап развития информационного общества усилил тенденцию воздействия манипуляционного характера на психику людей, прежде всего несовершеннолетних. Блогеры имеют определенного рода авторитет среди своих подписчиков, в особенности – среди детей и подростков, что обусловлено их желанием быть похожими на своего успешного кумира, талантливого и способного создавать новый интригующий контент²».

Криминалистическая профилактика является «комплексной и междисциплинарной категорией, направленной на упреждение и противодействие преступной деятельности. В связи с этим следует выделить основное, фундаментальное направление криминалистической профилактики преступлений, совершающихся в сети Интернет, с вовлечением несовершеннолетних, взаимодействие следователей и иных субъектов профилактики со средствами массовой информации. В значительной степени это обусловлено тем, что СМИ являются своеобразным связующим звеном между субъектами профилактики (правоохранительные органы – общественность), а также самым эффективным средством активизации данного направления деятельности³».

Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними, развивается по двум направлениям:

- выявление условий и причин, способствующих совершению несовершеннолетними преступлений;
- определение мер по их снижению и предупреждению.

«В рамках первого направления необходимо выяснить условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, характер подростка, его

¹ Зекох З.А. Криминалистическая профилактика корыстно-насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Научный руководитель. – 2017. – № 4(22)

² Кот Е.А. Криминалистическая профилактика преступлений, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду, совершенных с использованием сети Интернет // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4(66)

³ Кот Е.А. Криминалистическая профилактика преступлений, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду, совершенных с использованием сети Интернет // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4(66)

отношение к работе и учебе, наличие или отсутствие его прошлых деяний и т.д. У следователя складывается картина взаимосвязи причин и условий, которые способствовали совершению конкретного преступления подростком. В рамках второго направления на основе информации, полученной следователем, концентрируются фактические материалы для осуществления по данному делу предупредительных мер, которые направлены на исправление подростка и предупреждение дальнейшего совершения им правонарушений¹».

«Основная задача криминалистической профилактики заключается в снижении негативного влияния преступлений на общество, особую роль в этом играет профилактика преступности среди несовершеннолетних – субъектов преступлений, еще не сформировавшихся и поддающихся влиянию²».

Вместе с тем, «большой профилактический потенциал заключен в непроцессуальных формах работы, даже ввиду отсутствия нормативной регламентации, что в конечном счете может отразиться на их эффективности. К ним можно отнести разработку специальных междисциплинарных учебных курсов для педагогов и родителей, в которых рекомендации по криминалистическому предупреждению составят один из тематических блоков, лекции и мастер-классы для обучающихся, проводимые преподавателями и студентами профильных вузов. Немаловажной является работа следственных подразделений со средствами массовой информации в части определения допустимых параметров информационного освещения рассматриваемых преступлений³».

В связи с этим необходимо разъяснение несовершеннолетним о содержании и видах информации, качестве ее источников, способах проверки информации, опасностях, существующих на просторах

¹ Макарова О.А., Куркова Н.А. Криминалистическая профилактика преступлений экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними // Союз криминалистов и криминологов. – 2023. – № 1

² Макарова О.А., Куркова Н.А. Криминалистическая профилактика преступлений экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними // Союз криминалистов и криминологов. – 2023. – № 1

³ Макаримов Э.А. Криминалистическая профилактика по делам о массовых убийствах в образовательных организациях: общие положения // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: Материалы VII Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Москва, 27 ноября 2023 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024

Интернета, методах действия злоумышленников, безопасном поведении несовершеннолетнего в виртуальной среде. Просветительские занятия по обеспечению безопасности несовершеннолетних в цифровом пространстве является, на наш взгляд одной из не процессуальных форм криминалистической профилактики.

Задачами криминалистической профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений с использованием виртуального пространства выступают: обеспечение безопасности несовершеннолетних в виртуальной среде; развитие на исключительно важном этапе социализации личности в подростковом возрасте (12-16 лет) умений критического анализа и оценки достоверности получаемой информации и определения собственной позиции; духовно-нравственной, политической и правовой культуры личности подростка, социального поведения, основанного на уважении закона и правопорядка; формирование у обучающихся целостной картины об опасности и последствиях использования непроверенной информации, негативных и противозаконных сведений, предоставления незнакомцам личных данных, выполнения указаний незнакомцев, доверия виртуальным собеседникам; освоение на уровне функциональной грамотности системы знаний: о разнообразии информации, содержащейся в сети Интернет, способах проверки качества и достоверности информации, анализе и критическом осмыслении информации и ее источников; методах действия злоумышленников в виртуальной среде по распространению недостоверной и опасной информации, совершению преступлений; повышенном внимании и осторожности при общении с виртуальным собеседником в социальных сетях, компьютерных сетевых играх и мессенджерах; освоение учащимися знаний о способах проверки информации в сети Интернет, основных методах негативного влияния и вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, основных правилах поиска информации и общения с незнакомцами в виртуальной среде; овладение умениями функционально грамотного человека: получать из разнообразных источников и критически осмысливать социальную информацию, систематизировать, анализировать полученные данные; распознавать недостоверную, противозаконную, негативную информацию; создание условий для освоения обучающимися способов распознавания достоверной информации, проверки

источников данных, осторожного поведения с незнакомцами в виртуальной среде; формирование опыта применения полученных знаний и умений для осуществления действий по грамотному поиску информации в сети Интернет, безопасному общению в виртуальной среде; содействия правовыми способами и средствами киберзащите несовершеннолетних.

АЗАТ ИРМАНОВ

Национальный координатор
программы по противодействию
коррупции Региональный офис УНП
ООН в Афганистане, Центральной
Азии, Иране и Пакистане

КИБЕРКОРРУПЦИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, КОТОРЫЕ ЕЩЕ НЕ ПОЛУЧИЛИ ИМЕНИ

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен «киберкоррупции» — использования современных цифровых технологий для совершения коррупционных преступлений. Анализируется, является ли киберкоррупция принципиально новым явлением, требующим пересмотра законодательства, или лишь новой формой уже известных преступных деяний. В работе исследуются конкретные механизмы использования криптовалют, искусственного интеллекта, дипфейков и цифровых платформ для взяточничества, отмыывания денег, манипулирования закупками и торговли влиянием. Несмотря на технологические вызовы, усложняющие расследование, делается вывод о том, что существующие международно-правовые рамки, в частности Конвенция ООН против коррупции (КПК ООН), содержат достаточный инструментарий для эффективного противодействия новым формам коррупции при условии их полноценной имплементации на национальном уровне.*

***Ключевые слова:** киберкоррупция, коррупция, криптовалюты, искусственный интеллект, дипфейк, отмыывание денег, Конвенция ООН против коррупции, взяточничество, торговля влиянием.*

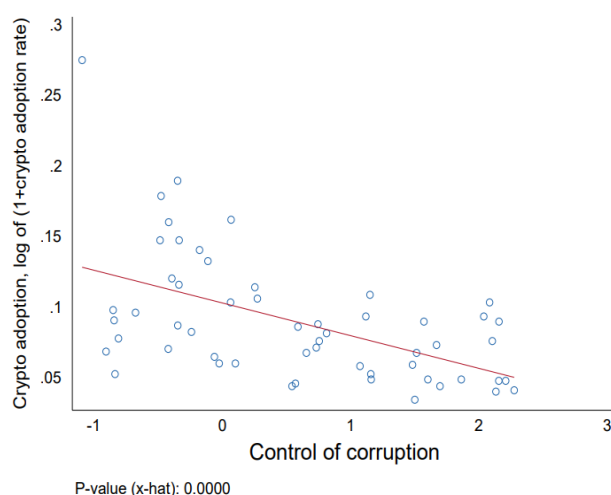
Введение: новая приставка или новая сущность? При первом рассмотрении термина «киберкоррупция» может возникнуть предположение, что это очередная модная тенденция добавления приставки «кибер» к устоявшемуся понятию. Коррупция, определяемая как «злоупотребление вверенной властью в целях

извлечения личной выгоды»¹, сама по себе является сложным явлением с различными составами преступлений в разных юрисдикциях. Добавление к этому технологического аспекта еще больше расширяет поле значений.

Основной вопрос заключается в том, требуют ли современные технологии фундаментального изменения определений коррупционных преступлений, или же они просто предоставляют новые инструменты для совершения уже известных деяний. Соответственно, необходимо понять, следует ли ожидать появления новых составов преступлений в уголовном законодательстве, или имеющихся международных стандартов и инструментов достаточно для противодействия этим вызовам.

Криптовалюты: от инструмента к цели преступной деятельности

С момента своего появления криптоактивы привлекли внимание криминального мира. Рабочий документ Международного валютного фонда, опубликованный в 2022 году, установил значимую и положительную корреляцию между уровнем использования криптоактивов и восприятием коррупции в стране². Этот факт подчеркивает целесообразность активного внедрения таких антикоррупционных инструментов, как процедуры «Знай своего клиента» (KYC).

¹ Basel Institute of Governance. <https://baselgovernance.org/what-is-corruption>

² Alnasaa, M., Gueorguiev, N., Honda, J., Imamoglu, E., Mauro, P., Primus, K., & Rozhkov, D. (2022). *Crypto, Corruption, and Capital Controls: Cross-Country Correlations* (IMF Working Paper No. WP/22/60). International Monetary Fund

Со временем преступный мир начал переходить от псевдоанонимных криптовалют к полностью анонимным. К 2022 году криптоактивы стали де-факто как инструментом, так и целью преступной деятельности, насчитывалось уже около 40 устоявшихся видов преступных схем с их использованием, включая взяточничество¹

Рассмотрим новые формы взяточничества:

- **«Криптоклассика»:** Прямые взятки в криптовалюте стали хрестоматийными.

- В 2021 году основатель FTX Сэм Бэнкман-Фрид, согласно обвинительному заключению, дал указание о переводе взятки на сумму около 40 млн долларов США в криптовалюте китайским чиновникам для разморозки счетов его хедж-фонда, содержащих более 1 млрд долларов² В 2022 году попытка передачи взятки в Биткойнах, в эквиваленте около 61 тыс. Долл. США, фигурировала в числе прочих преступлений в рамках дела о расследовании утечки конфиденциальных документов в США³.

- Организованные преступные группы, занимающиеся незаконным ввозом людей, начинают экспериментировать с криптовалютой для сбора платежей с мигрантов, подкупа публичных должностных лиц и финансирования преступной деятельности⁴.

- **«Криптокреатив»:** по мнению автора, цифровые технологии открывают новое пространство для создания новых изощренных схем, которые могут успешно маскировать взятку под легальные операции. Например:

- **NFT-искусство:** Коррупционер (или его сообщник) создает NFT-объект с минимальной реальной ценностью, после чего взяткодатель приобретает его по завышенной цене, маскируя таким образом передачу средств

¹ <https://www.trmlabs.com/resources/reports/the-illicit-crypto-ecosystem-report-2022>

² U.S. Department of Justice. (2023, March 28). *FTX Founder Sam Bankman-Fried Charged with Bribing Chinese Officials*. Retrieved July 5, 2025, from <https://www.justice.gov/opa/pr/ftx-founder-sam-bankman-fried-charged-bribing-chinese-officials>

³ U.S. Department of Justice. (2022, October 24). *Two Chinese Intelligence Officers Charged with Obstruction of Justice in Scheme to Bribe U.S. Government Employee and Steal Documents Related to the Federal Prosecution of a PRC-Based Company*. Retrieved July 5, 2025, from <https://www.justice.gov/usao-edny/pr/two-chinese-intelligence-officers-charged-obstruction-justice-scheme-bribe-us>

⁴ <https://www.trmlabs.com/resources/blog/blockchain-intelligence-and-border-security>

- **Псевдоконсалтинг с ИИ:** в качестве гипотетического сценария можно представить ситуацию, когда компания, заинтересованная в получении лицензии, приобретает дорогостоящие рыночные обзоры у консалтинговой фирмы с минимальным штатом персонала, принадлежащей сыну чиновника, принимающего решение. Покупаемые обзоры могут быть сгенерированы ИИ и не соответствовать своей цене продажи, тем самым реальной ценности, что указывает на прикрытую взятку.

Цифровые технологии как катализатор коррупционных схем

Помимо криптовалют, другие цифровые инструменты уже активно используются в коррупционных целях.

Манипуляции в сфере закупок

Цифровые платформы для государственных и корпоративных закупок могут использоваться для манипулирования торгами. Распространенные схемы включают сговор с целью фиксации цен, искажение спецификаций работ в пользу конкретного подрядчика, утечку конфиденциальной информации о торгах или необоснованную дисквалификацию участников. Присвоенные таким образом государственные средства часто конвертируются в криптовалюты для сокрытия их происхождения и усложнения возврата.

Подделка личности с помощью ИИ

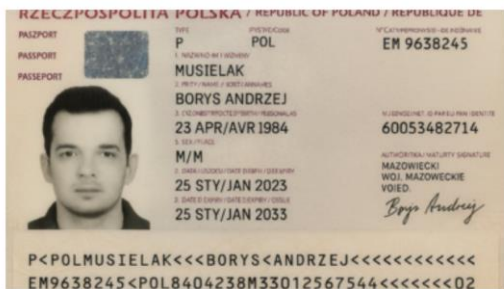
Проблема установления реального владельца криптокошелька усугубляется возможностями ИИ по созданию поддельных документов. Такие сгенерированные документы могут быть использованы для обхода автоматизированных систем банковской верификации. Это свидетельствует о том, что еще вчера считавшиеся надежными системы верификации сегодня требуют адаптации к новым угрозам.

Последствия этого уже очевидны:

- Согласно отраслевым данным, в период с первого квартала 2024 года по первый квартал 2025 года наблюдался резкий рост мошенничества с использованием синтетических документов, сгенерированных ИИ. В Северной Америке этот рост составил 311%.

- Глобальный рост мошенничества с дипфейками за тот же период достиг 700%, с региональными всплесками в Гонконге

(1900%), Сингапуре (1500%), материковом Китае (1183%), Германии (1100%) и Великобритании (900%)¹

AI-Generated Passport Passed a KYC Check: A Real-World Failure of Compliance Systems

Цифровая торговля влиянием

Торговля влиянием, согласно статье 18 КПК ООН, представляет собой обещание, предложение или предоставление выгоды за использование реального или предполагаемого влияния на принятие решений госорганами²

Цифровые технологии придают этой практике новые формы:

1. **Цифровое лоббирование:** Формирование нужного общественного мнения через анонимные кампании с использованием сетей ботов, генеративного ИИ-контента (deeptext, deervoice) и прокси-экспертов. Таким образом, интересы политически значимых лиц или бизнес-групп подаются как «воля народа».

2. Маскировка платежей: Оплата за лоббизм маскируется под легальные цифровые услуги: консалтинг, покупка NFT с завышенной стоимостью, спонсорство блогеров или цифровая реклама. Транзакции могут проводиться через криптовалюты или DeFi-платформы для обхода банковского контроля.

3. ИИ как посредник: Создание или использование ИИ-платформ, которые продвигают интересы определенных лиц через

¹ Sumsb. (2025, June 16). *New data: AI-generated ID fraud surges by 195% globally*. Business Money. Retrieved July 5, 2025, from <https://www.business-money.com/announcements/new-data-ai-generated-id-fraud-surges-by-195-globally/>

² United Nations Convention against Corruption. Retrieved July 5, 2025, https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/Convention/08-50026_E.pdf

алгоритмические рекомендации, фильтрацию контента и манипулирование поисковой выдачей.

Технологические вызовы для правоохранительных органов

Современные технологии создают серьезные препятствия для выявления и расследования коррупции. Использование кастомизированных мессенджеров со сквозным шифрованием делает традиционное наблюдение менее эффективным. Отслеживание контактов осложняется технологиями изменения голоса (войс морфинг) и лица (дипфейк) в режиме реального времени. Языковые барьеры в трансграничной коррупции устраняются с помощью синхронного перевода, а доказать факт сговора при использовании VPN и зашифрованных каналов связи становится крайне сложно.

Для отмыывания денег преступники активно используют:

- **Криптовалюты:** В 2021 году через криптовалюты было отмыто около 8,6 млрд долларов США. Методы включают использование нерегулируемых бирж, конфиденциальных монет (например, Monero) и внебиржевых брокеров.

- **Миксеры и «прыжки по цепочкам»:** Сервисы вроде Tornado Cash смешивают незаконные средства с легальными, запутывая след транзакций. «Прыжки по цепочкам» (Chain Hopping) включают перемещение активов между блокчейнами для уклонения от обнаружения.

- **Платформы DeFi:** Децентрализованные финансы облегчают обмен активов без традиционного KYC-контроля. Северокорейская группа Lazarus, по разным оценкам, отмыла сотни миллионов долларов, используя DeFi, децентрализованные биржи и кросс-чейн свопы¹

Наконец, в перспективе, технологии ИИ могут использоваться организованными преступными группировками в преступных целях. Уже сегодня в свободном доступе находятся большие языковые модели, которые могут быть загружены любым пользователем и обучены под собственные нужды. Таким же образом эти модели могут быть использованы для анализа законодательства и процедур

¹ Chainalysis. (2022, January 26). DeFi Takes on Bigger Role in Money Laundering Even as Crypto Crime Remains Concentrated. Chainalysis Blog. Retrieved July 5, 2025, from <https://www.chainalysis.com/blog/2022-crypto-crime-report-preview-cryptocurrency-money-laundering/>

в целях поиска уязвимостей, разработки новых схем экономических преступлений, которые не будут поддаваться выявлению, либо правоохранительная система будет испытывать затруднения с пресечением преступлений и установлением ответственности. Тем не менее, все указанные действия фокусируются лишь на процессе преступления, в то время, как конечная цель остается неизменной с точки зрения уголовного права – доход, полученный незаконным путем.

Адекватность существующих правовых рамок и заключение

Несмотря на стремительное развитие технологий и появление новых угроз, имеющийся правовой инструментарий, прежде всего Конвенция ООН против коррупции, сохраняет свою актуальность. КПК ООН содержит исчерпывающий набор составов коррупционных преступлений, и полноценная гармонизация национального законодательства с ее положениями может стать эффективным барьером для кибер-коррупции.

Особо актуальными в новых условиях остаются такие статьи Конвенции, как⁶:

- Статья 20 «Незаконное обогащение». Статья относится к категории лучших практик, которые применяются именно вследствие ограниченности возможностей традиционных инструментов борьбы со взяточничеством, хищением и другими преступлениями, которые бывает сложно доказать. Успех ее реализации зависит во многом от полноты имплементации статьи 8.

Безусловно, необходимо проявлять осторожность при развитии цифровых систем автоматизированной регистрации прав собственности на движимое и недвижимое имущество, опирающиеся на использование цифровых изображений документов идентифицирующих личность, поскольку существующие на сегодняшний день технологии автоматической идентификации личности уже скомпрометированы, и по мере развития технологий ИИ, не исключено возникновение систем позволяющих симулировать и подделывать цифровые подписи и прочие идентификаторы. Последнее необходимо рассматривать под новым углом особенно в связи со способностью генерации линков, имитирующих домены официальных органов, выпускающих паспорта, и перенаправлением на ложные страницы, с которых может производиться загрузка подделанных электронных версий

документов с цифровой подписью, по аналогии, как это осуществляется с официальных сайтов государственных органов.

- Статья 8, часть 5 «Кодексы поведения публичных должностных лиц», которая поощряет внедрение систем декларирования активов, внеслужебной деятельности и получения выгод, способных вызвать конфликт интересов. Важность этой статьи в том, что она рассматривает предпосылки конфликта интересов за пределами только родственных связей, а ее имплементация требует введения ответственности за игнорирование требований о декларации.

- Статья 14 «Меры по предупреждению отмыwania денежных средств», положения которой полностью охватывают деятельность финтех-компаний. В Комбинации со полноценной реализацией статьи 23 «Отмыwanie доходов от преступной деятельности», позволяет повысить шансы на выявление преступных транзакций и своевременное принятие мер.

В заключение можно констатировать, что, на текущий момент, КПК ООН содержит необходимый юридический инструментарий для борьбы с коррупционными преступлениями, совершаемыми с помощью информационных технологий. Технологии изменили *форму*, но не *сущность* коррупции. Главной задачей становится не создание принципиально нового законодательства, а переосмысление и применение существующих норм практиками в сфере борьбы с коррупцией и киберпреступностью. Интеграция их свежего взгляда в национальное законодательство позволит создать адекватный барьер для реагирования на новые способы и формы коррупционных деяний.

ДИАНА ГАПАК-ХЬЮЗ

международный эксперт ОБСЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИНАНСОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ВЫЗОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ И ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Введение. В условиях цифровизации мировой экономики и активного внедрения финансовых технологий существенно

трансформируются как легальные механизмы обращения капитала, так и преступные способы его использования.

Противодействие отмыванию преступных доходов, коррупции и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), включая преступное использование виртуальных активов («ВА») и поставщиков услуг виртуальных активов («ПУВА»), является одним из ключевых приоритетов ОБСЕ.

Данный тезис акцентирует внимание на трёх взаимосвязанных вызовах, которые способствуют тому, что ВА и ПУВА становятся более уязвимыми для скрывания незаконных финансовых потоков:

- Отсутствие или наличие неэффективной системы, предназначенной для снижения рисков отмывания денег, коррупции и финансирования терроризма, связанные с деятельностью ВА и ПУВА.
- Частое восприятие деятельности ВА и ПУВА как «рискованной» и отсутствие доверия во многих странах к финтех сектору со стороны традиционных финансовых учреждений и органов, осуществляющих регулирование и надзор.
- Слабое трансграничное сотрудничество не только между правоохранительными и надзорными органами, но и не достаточное включение других акторов, включая сам финтех-сектор.

Отсутствие или наличие неэффективной системы ПОД/ФТ

Анализ современных схем отмывания доходов показывает, что использование ВА и ПУВА сопровождается рядом системных рисков. Деятельность финтех-компаний, включая ВА и ПУВА, имеет трансграничный характер. К числу наиболее значимых рисков также относятся высокий уровень анонимности коммерческих отношений, значительный объём и скорость транзакций, а также трудности в идентификации первоисточника и бенефициаров.

Чтобы устранить или должным образом минимизировать эти риски странам не только необходимо вводить надлежащее регулирование и надзор за деятельностью ВА и ПУВА, но и сокращать разрыв реализаций этих норм на уровне трансграничного сотрудничества.

Одним из ключевых международных стандартов по ПОД/ФТ выступает так называемое «маршрутное правило» (Travel Rule), которое изначально было разработано ещё в прошлом веке Агентством по Борьбе с Финансовыми Преступлениями в составе Министерства финансов США (FinCEN) и введено в рамках Закона

о Банковской Тайне (Bank Secrecy Act) для традиционных финансовых учреждений.

«Маршрутное Правило» предусматривает, что требования ФАТФ о прозрачности платежей (Рекомендация 16 ФАТФ) применяется в контексте ВА и ПУВА. Согласно «Маршрутному правилу» в данной рекомендации, ПУВА и финансовые учреждения при переводе ВА должны незамедлительно и надежным способом получать, хранить и передавать определенную информацию об отправителе и бенефициаре.

Однако не повсеместная реализация данного правила на международном уровне порождает практику, при которой ВА транзакции осуществляются через юрисдикции с наименее строгими нормативными требованиями, или через юрисдикции, в которых ещё не определен подход к регулированию ВА и ПУВА

Цифровое мошенничество и глобальные схемы отмыwania

Мошенничество по схеме «Pig Butchering» является наглядным примером вышеизложенного вызова. Это вид длительного финансового интернет-мошенничества, при котором злоумышленники завоевывали доверие жертвы, чтобы затем её убедить вложить крупную сумму денег в фиктивную инвестиционную схему – чаще всего связанную с криптовалютой.

Денежные средства переводились через страны, где Маршрутное правило не было внедрено или использовались «слабые» места регулирования крипто рынка. Эта мошенническая схема достигла огромных объемов, и в этом сыграли роль также различия в трансграничном регулировании и надзоре.

Такие схемы создают как индивидуальные, так и системные риски. С одной стороны, они подрывают доверие к инновационным финансовым платформам, а с другой — демонстрируют слабость трансграничного контроля, особенно в части оперативного взаимодействия между правоохранительными, надзорными и финансовыми органами.

Восприятие риска и доверие

В ряде государств сохраняется устойчивое восприятие ВА и ПУВА как «рискованных», что ведёт к их маргинализации и препятствует конструктивному взаимодействию с традиционными финансовыми учреждениями и регуляторами. Кроме того, отсутствие единого подхода к цифровизации и стандартизации данных в сфере ПОД/ФТ ограничивает возможности эффективного

мониторинга и аналитической обработки информации. Этот аспект также прослеживается в работе ОБСЕ, например, проект о трансграничном получении электронных доказательств для борьбы с преступной деятельностью в интернете, включая расследования, связанные с ОД/ФТ.¹

Одним из существенных барьеров выступает также дефицит институционального доверия — как между государствами, так и между различными секторальными участниками (финансовыми организациями, ИТ-компаниями, органами надзора и правопорядка). Слабая координация действий усугубляется фрагментацией нормативно-правовых режимов и недостаточной включённостью финтех-сектора в процессы выработки и реализации стандартов ПОД/ФТ.

Роль трансграничного сотрудничества и институциональных инициатив

Обеспечение устойчивого и комплексного подхода к противодействию финансовым преступлениям требует координации на региональном и глобальном уровнях. Ключевыми направлениями в этом контексте являются: развитие межведомственного и трансграничного взаимодействия; проведение целевых тренингов и программ повышения квалификации; унификация национального законодательства в соответствии с мировыми стандартами, включая со стандартами ФАТФ; формирование цифровой инфраструктуры для мониторинга операций с ВА.

Позитивный опыт демонстрирует, в частности, Инициатива по борьбе с торговлей людьми (АТП) — неправительственная организация, занимающаяся выявлением цифровых финансовых потоков, связанных с торговлей людьми. Эта организация представляет собой партнерство разносторонних акторов, включая частные компании, специализирующиеся на блокчейн-аналитике, Госорганы США, международные правоохранительные структуры и некоммерческий сектор.

Подобные формы межсекторального сотрудничества представляют собой важный элемент современной антикоррупционной и антиотмывочной политики.

Заключение

¹ <https://www.osce.org/project/E-VIDENCE>

В условиях нарастающей трансграничной активности и технологической сложности финансовых преступлений противодействие коррупции и отмыванию денег должно базироваться на следующих приоритетах:

- повсеместное внедрение международных стандартов ПОД/ФТ в сфере виртуальных активов;
- повышение уровня институционального и межсекторального доверия;
- цифровизация и стандартизация данных в целях ПОД/ФТ;
- включение финтех-акторов и гражданского общества в процессы мониторинга и реагирования. Сотрудничая с другими секторами в борьбе с противоправными финансовыми преступлениями, финтех-сектор ещё больше интегрируется в нормативно-правовое поле.

Эффективность борьбы с преступным использованием новых финансовых инструментов определяется степенью согласованности действий на международной арене и готовности государств сокращать разрыв реализаций надлежащего регулирования и надзора за финтех сектором на уровне трансграничного сотрудничества.

ЯРОЦКАЯ ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат культурологии, заведующий
лабораторией искусствоведческих и
культурологических исследований
государственного учреждения «Научно-
практический центр Государственного
комитета судебных экспертиз Республики
Беларусь»

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Правовую основу деятельности по противодействию экстремизму в Республике Беларусь составляют Конституция Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных

правонарушениях, законы, иные акты законодательства, а также международные договоры.

Антиэкстремистское законодательство Республики Беларусь на сегодняшний день представлено следующими нормативными правовыми актами:

1. Закон Республики Беларусь от 04.01.2007 №203-З «О противодействии экстремизму» (в ред. Законов Республики Беларусь от 14.05.2021 N 104-З, от 17.07.2023 N 292-З). В данном законе содержится определение экстремизма и экстремистских материалов. Под экстремизмом (экстремистской деятельностью) понимается деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства либо политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, в том числе иностранных или международных организаций или их представительств, формирований и индивидуальных предпринимателей по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность различными путями, среди которых:

создание экстремистского формирования либо участие в экстремистском формировании;

распространение в этих целях заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, дискредитирующих Республику Беларусь;

оскорбление в этих целях представителя власти в связи с исполнением им служебных обязанностей, дискредитации органов государственной власти и управления;

разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды, вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

распространение экстремистских материалов, а равно изготовление, издание, хранение или перевозка таких материалов в целях распространения;

реабилитация нацизма, пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики и атрибутики, а равно хранение или приобретение такой символики или атрибутики в целях распространения; и др.¹.

Согласно указанному Закону под экстремистскими материалами понимаются «символика и атрибутика, информационная продукция (печатные, аудио-, аудиовизуальные и другие информационные сообщения и (или) материалы, плакаты, портреты, транспаранты и иная наглядная агитация, рекламная продукция), предназначенные для публичных демонстрации, использования и распространения либо распространенные любым способом в целях вовлечения в экстремистскую деятельность и ее пропаганды и признанные экстремистскими материалами по решению суда»².

В настоящее время Министерством информации Республики Беларусь ведется Республиканский список экстремистских материалов, а Министерством внутренних дел Республики Беларусь – Перечень организаций, формирований, индивидуальных предпринимателей, причастных к экстремистской деятельности.

2. Постановление Совета министров Республики Беларусь от 12.10.2021 N 575 «О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма» (в ред. постановлений Совмина от 28.03.2022 N 181, от 17.10.2023 N 688, от 16.11.2024 N 850), который регламентирует порядок реализации положений Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму».

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях содержит статью 19.10. «Пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики».

3. Уголовное законодательство Республики Беларусь представлено следующими составами преступлений, относящихся к экстремистским действиям.

¹ Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму». Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700203>. (дата доступа: 29.05.2025).

² Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму». Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700203>. (дата доступа: 29.05.2025).

Статья 130 «Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни» и статья 130-1 «Реабилитация нацизма» помещены в раздел «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления», что характеризует их высокой степенью общественной опасности.

Диспозиция статьи 130 устанавливает ответственность за умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности¹. Под иной социальной принадлежностью в указанной статье понимается принадлежность лица к определенной социальной группе по признаку пола, возраста, профессии, рода занятий, места жительства и иной социально-групповой идентификации.

Диспозиция статьи 130-1 устанавливает ответственность за умышленные действия по реабилитации нацизма.

Диспозиция статьи 341-1 «Пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики» устанавливает ответственность за пропаганду или публичное демонстрирование, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики, а равно хранение или приобретение такой символики или атрибутики в целях распространения².

Большинство правонарушений и преступлений, связанных с распространением экстремистских материалов в сети Интернет – это репосты экстремистских материалов на персональную страницу в социальных сетях, находящуюся в открытом доступе. Увеличению количества контента, содержащего экстремистский материал в открытом доступе в социальных сетях, способствует низкая правовая культура интернет-пользователей: незнание нормативных правовых актов, а также перечней экстремистских материалов, отсутствие строгого контроля над содержанием контента (что

¹Уголовный кодекс Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. (дата доступа: 29.05.2025).

²Уголовный кодекс Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. (дата доступа: 29.05.2025).

способствует формированию в сознании пользователя понимания о «дозволенности» размещения любых материалов) – что приводит, в конечном итоге, к попаданию интернет-пользователей, в том числе и несовершеннолетних, в поле зрения оперативных сотрудников.

Одним из наиболее эффективных превентивных средств борьбы с преступлениями и правонарушениями экстремистской направленности является профилактика.

Профилактика правонарушений и преступлений экстремистской направленности включает в себя следующие мероприятия, которые напрямую влияют на снижение экстремистской деятельности в сети Интернет:

- разъяснение учащимся административной и уголовной ответственности за совершение преступлений и правонарушений экстремистской направленности, что способствует повышению правовой культуры несовершеннолетних и формированию законопослушного поведения;

- просвещение учащихся о сущности и деятельности экстремистских организаций / формирований / групп / движений, механизмах вовлечения в них;

- обучение учащихся культуре общения в киберпространстве, что влияет на снижение вовлеченности несовершеннолетних в деструктивные сообщества;

- постоянный мониторинг социальных сетей несовершеннолетних с целью своевременного выявления позитивного отношения к каким-либо деструктивным явлениям, неформальным сообществам;

- широкая освещенность в средствах массовой информации и социальных сетях о пресечении деятельности экстремистских организаций / формирований / групп / движений, что повышает осведомленность несовершеннолетних о неотвратимости наказания за совершенные преступления;

- повышение правовой культуры родителей;

- проведение с учащимися индивидуальных бесед, факультативных занятий, тренингов, круглых столов, тематических вечеров, спортивных мероприятий, направленных на повышение гражданской ответственности и патриотизма;

- проведение экскурсий по мемориальным комплексам, музеям военного профиля, местам воинской славы и др. местам,

направленных на сохранение исторической памяти и недопущение реабилитации нацизма;

- создание и демонстрация просветительских видеороликов, фильмов, направленных на формирование у несовершеннолетних духовно-нравственных ценностей и установок;

- создание подростковых и юношеских объединений по интересам;

- разработка специфических форм и средств психологической работы с подростками, склонными к деструктивному поведению;

- привлечение учащихся к активному, полезному, развивающему досугу, вовлечение в социально значимую деятельность, например, волонтерство;

- интенсификация взаимодействия учреждений образования, правоохранительных органов, прокуратуры в проведении классных часов, родительских собраний;

- проведение конференций, семинаров, ориентированных на анализ профилактической работы, выявление эффективного опыта и новых технологий предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних.

По данным судебной статистики в Республике Беларусь в 2023 году за совершение преступлений против мира, безопасности человечества (ст. 130) осуждены 2 несовершеннолетних; в 1 полугодии 2024 года – 2¹. Такой низкий показатель, несомненно, свидетельствует о грамотной профилактической работе, проводимой в Республике Беларусь, направленной на своевременное предупреждение преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних.

¹ Данные судебной статистики за 2024 год об осужденных несовершеннолетних. Режим доступа: https://court.gov.by/rus/justice_rb/statistics/children/a3fcb8eecec74b70.html. (дата доступа: 28.05.2025).

ДЬЯКОНОВА ОКСАНА ГЕННАДЬЕВНА

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры судебных экспертиз,
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени
О.Е.Кутафина (МГЮА)»

ИВАНОВА ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

доктор юридических наук, доцент,
декан факультета подготовки
криминалистов, ФГКОУ ВО «Московская
академия Следственного комитета имени
А.Я.Сухарева»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕЙ ПОДГОТОВКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, неизменно растет. За 7 последних лет в Российской Федерации их число выросло в 7,5 раз, а доля в общей преступности увеличилась в 2,5 раза. При этом нераскрытыми остаются 65–70% из них. За 2024 года в России зарегистрировано 765 000 таких преступлений (за 2023 г. – 676951), что составило 40% от всех зарегистрированных деяний, из которых не раскрыто 69,3% (64,1%)¹.

Рост числа киберпреступлений неизменно влечет увеличение количества назначаемых по указанным делам судебных экспертиз. Наиболее часто по киберпреступлениям назначаются судебные экспертизы порнографических материалов, искусствоведческая (психолого-искусствоведческая, психолого-сексолого-искусствоведческая), компьютерно-техническая (компьютерная), лингвистическая (психолого-лингвистическая), психиатрическая,

¹ Бессонов А.А. Проблемы назначения и производства судебных экспертиз по уголовным делам о киберпреступлениях / Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной двадцатилетию Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва : РГ-Пресс, 2025. – с. 36-39.

психологическая экспертизы. Реже проводятся культурологическая, религиоведческая, политологическая, дактилоскопическая, почерковедческая, наркологическая экспертизы и ряд других. При этом соотношение количества проведенных экспертиз в ведомственных и вневедомственных экспертных организациях практически одинаковое. Наибольшее количество экспертиз проведено РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России и в его лабораториях. Немного меньше (18%) из ведомственных экспертных учреждений – подразделения ЭКЦ МВД и по 5% в экспертных подразделениях ФСБ и СК. Проводились такие экспертизы в государственной бюджетной организации «Московский исследовательский центр», в образовательных организациях, общественных организациях и некоммерческих организациях.

Учитывая большое количество новых видов экспертиз, назначаемых по киберпреступлениям, их распределение по экспертным организациям, наиболее остро встает вопрос об оценке компетентности экспертов, привлекаемых к их производству.

В целом, профессиональную компетентность судебного эксперта, то есть его способность решить экспертную задачу, определяют:

- способность выявлять признаки, необходимые для решения экспертной задачи, которая достигается применением методов исследования, знанием их научных основ и применяемых закономерностей (знания методов);

- способность на основании признаков получать достоверное знание об устанавливаемых фактических обстоятельствах (знания методик);

- способность подготовить заключение эксперта в соответствии с положениями судебной экспертологии (знания теоретических основ судебно-экспертной деятельности);

- способность реализовывать права и обязанности судебного эксперта в судопроизводстве (знания процессуальных норм)¹.

Эти компетенции эксперта формируются как в процессе образовательной подготовки, так и при приобретении опыта. При этом чем больше профессиональных компетенций будет

¹ Иванова, Е. В. Квалификация судебного эксперта и ее формальное подтверждение / Е. В. Иванова // Криминологический журнал. – 2024. – № 1. – С. 61-66. – DOI 10.24412/2687-0185-2024-1-61-66. – EDN UXBYNP

сформировано в процессе обучения, тем быстрее эксперт сможет самостоятельно проводить экспертизы.

В России в настоящее время существуют несколько путей и форм получения знаний, которые позволяют субъектам в последующем выступать в судопроизводстве в качестве эксперта. Так, стать судебным экспертом может лицо, которое получило базовое высшее образование в какой-либо области специальных знаний, например, экономической, инженерии, химии, физики (для государственных судебных экспертов с последующей переподготовкой в экспертном учреждении и получением квалификационного свидетельства на право производства экспертиз определенного рода (вида)), в результате подготовки по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», либо посредством подготовки в рамках программ по магистратуре¹.

Указанные формы подготовки экспертов имеют свои достоинства и недостатки. Так, например, переподготовка специалиста, имеющего базовое неэкспертное образование, в идеале, должна проходить в несколько этапов: прохождение стажировки в экспертном учреждении, сдача экзамена по определенному виду экспертиз, представление в квалификационную комиссию пробных экспертных заключений. Но, как справедливо отмечают исследователи, сдача экзамена зачастую опускается, а «учебные» заключения переписываются у экспертов, имеющих достаточный профессиональный опыт и навыки. В результате новоиспеченный эксперт, владея техникой проведения конкретных видов исследования, не может системно изложить свои знания, в то время как «умение свободно оперировать терминами, понятиями, то есть владеть языком криминалистики и судебной экспертизы, приобретает в условиях демократизации правовой системы и активизации адвокатской деятельности все большую необходимость²». Кроме того, очевидным минусом этого пути подготовки экспертов являлся временной период, в течение которого лицо получало квалификацию судебного эксперта. Эксперт

¹ Дьяконова О.Г., Иванова Е.В. Подготовка специалиста комплексной компетенции в системе юридического образования // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2024. 454 с. С.113-118.

² Ivanova E.V., Logvinets E.A. The education of experts in the Russian Federation / E.V. Ivanova, E.A. Logvinets // Problemy współczesnej kryminalistyki. Tom XX. – Warszawa, 2016. – P.95-98.

приобретает полный комплекс компетенций спустя довольно большой период времени после формального получения свидетельства на право производства экспертиз. Полагаем, что данный вид подготовки допустим для подготовки и обучения судебных экспертов в рамках какой-либо области специальных знаний, которая используется в судопроизводстве крайне редко или только зародившейся отрасли специальных знаний, выступая тем самым начальным этапом формирования нового вида судебной экспертизы.

Подготовка эксперта в течение пяти лет по программе специалитета в сравнении с традиционной переподготовкой позволяет дать будущему эксперту значительно больший объем знаний, привить определенные навыки и сформировать компетенции. В качестве минуса данной формы указывают неглубокие знания выпускников в области базовых наук, а также недостаточное привлечение практических работников для преподавания специальных дисциплин будущим экспертам. Один из этих недостатков может быть нивелирован созданием базовых кафедр, созданных в рамках взаимодействия с судебно-экспертной организацией, деятельность которой связана с производством соответствующего рода (вида) экспертиз¹.

Нехватка знаний базовых наук компенсируется, на наш взгляд, приобретением навыков решения типичных экспертных задач, поскольку студенты обучаются по имеющимся методикам экспертных исследований.

Обучение будущего судебного эксперта по программе магистратуры, по нашему мнению, требует дальнейшего исследования и глубокой проработки, с тем чтобы не допустить его превращения в еще одну форму переподготовки специалиста с иным, не экспертным, профильным образованием. Вместе с тем, эта форма подготовки может стать хорошей альтернативой традиционному пути, особенно для ведомственных ВУЗов, тесно связанных с судебно-экспертными учреждениями. Такой формат

¹ Иванова Е.В., Дьяконова О.Г. Формы подготовки судебных экспертов на постсоветском пространстве // История и современность судебно-экспертного образования: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию образования Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (Минск, 25–26 октября 2018 г.). Минск, 2018. С.86-90.

реализуется в настоящее время в Московской академии следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Подготовка по программам магистратуры специалистов или бакалавров, не имеющих опыта экспертной деятельности, возможна при совместно действующих условиях, если программа предусматривает формирование компетенций только по одному роду (виду) судебных экспертиз, а также если программа ориентирована на лиц, имеющих определенную совокупность компетенций в той области специальных знаний, которая выступает базовой для определенного рода (вида) судебной экспертизы.

Основной акцент в подготовке будущего судебного эксперта должен быть смещен на формирование комплексной компетенции, включающей как юридическую составляющую, так и подготовку по определенным родам (видам) судебных экспертиз. В этой связи важным является правильный выбор программ и направлений обучения, способных обеспечить формирование такой компетенции.

Полагаем, что следует развивать все формы подготовки, подчеркивая и углубляя достоинства, пытаясь устранить недостатки. Для определения наиболее оптимальной формы первоначальной подготовки судебного эксперта следует применять так называемый «субъектный» критерий, разделять уровни и формы образования для лиц, желающих овладеть экспертной специальностью в зависимости от уровня их подготовки. Так, для лиц, имеющих базовое образование (бакалавриат) в какой-либо области, вполне может подойти переподготовка по соответствующей первоначальному образованию экспертной специальности на базе вуза и (или) экспертной организации. Такая же форма могла бы быть эффективна и для действующих экспертов, желающих получить дополнительную экспертную специальность. Кроме того, для последней категории, в том числе в целях углубления знаний в рамках имеющейся специальности, может быть эффективной и магистерская программа по экспертной специальности. Для абитуриентов представляется оптимальной подготовка по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» в рамках специалитета.

К формальным критериям оценки компетентности сведущего лица можно отнести наличие у него определенных документов, подтверждающих уровень образования, наличие образования по соответствующей экспертной специальности, стаж работы по ней: документ об образовании, документы, подтверждающие

прохождение повышения квалификации по соответствующей специальности, документ, подтверждающий стаж работы.

Основные сведения о компетенции судебного эксперта содержат:

- диплом о судебно-экспертном образовании в соответствии с направлением специализации. Сведения об освоенных «иным экспертом» методических основах конкретным судебным экспертиз могут быть получены из приложения к диплому.

- диплом о высшем образовании и профессиональной переподготовке по конкретной экспертной специальности.

На основании анализа представленных экспертом документов формальные сведения о компетенции эксперта могут быть оценены правоприменителем перед назначением экспертизы. Как показывает практика различные сертификаты соответствия не позволяют судить о реальной компетенции эксперта ввиду ряда причин, среди которых следует отметить отсутствие нормативно регламентированного порядка получения сертификатов компетентности, требований к наличию и характеру образования кандидата, совокупности необходимых и достаточных для получения сертификата компетенций, к составу квалификационной комиссии, к контролю за выполнением учебных экспертиз и т.д.

РАХМОНОВА СУРАЙЁ МАХМУДОВНА

Ўзбекистон Республикаси Олий

Мажлисининг Бола ҳуқуқлари бўйича вакили

(Болалар омбудсмани) юридик фанлар

доктори, профессор

ҲУҚУҚНИ МУҲОҒАЗА ҚИЛУВЧИ ОРҒАН

ХОДИМЛАРИНИНГ БОЛА МАНФААТЛАРИНИ

ТАЪМИНЛАШ СОҲАСИДА МАХСУС РАВИШДА КАСБИЙ

МАЛАКАСИНИ ОШИРИШ

Болалар – инсоният ҳаётининг моҳияти. Эртамиз эгаси бўлган болажонларни асраб-авайлаш, комил инсон этиб тарбиялаш ҳар бир ота-она ва оиланинг бурчи, ҳар бир давлат тараққиётини белгиловчи энг муҳим омил саналади.

Мамлакатимиз аҳолисининг 35 фоизини (13 млн.га яқин) болалар ташкил этишини ҳисобга олиб, Бош Қомусимизда боланинг жисмоний, ақлий ва маънавий жиҳатдан тўлақонли ривожланиши учун энг яхши шарт-шароитларни яратиш бўйича кафолатлар кучайтирилган, бу борада давлатнинг ижтимоий мажбуриятлари кенгайтирилган.

Айтиш жоизки, сўнгги йилларда болаларни зўравонликнинг барча шаклларида ҳимоя қилиш ҳамда суд-ҳуқуқ тизимида бола ҳуқуқларини, шу жумладан боланинг энг устун манфаатларини таъминлаш бўйича тизимли янгиланишлар олиб боришда, қонунчилик бола манфаатлари нуқтаи назаридан тубдан такомиллашмоқда.

Жумладан, Жиноят қонунчилигида оилавий зўравонлик қурбони сифатида вояга етмаган шахс ҳам эътироф этилди.

Эътиборли масала - Ўзбекистон Республикасининг “Болаларни зўравонликнинг барча шаклларида ҳимоя қилиш тўғрисида”ги 2024 йилда қабул қилинган қонун яқин кунларда кучга кирди.

Мазкур қонун билан болаларга нисбатан зўравонликнинг шаклларига таъриф берилиб, уларни содир этишни тақиқлаш ҳамда қонунан таъқиб қилишнинг ҳуқуқий асослари мустаҳкамланди.

Муҳими эса, болаларга нисбатан зўравонликни, шу жумладан эксплуатацияни олдини олишга доир чора тадбирлар ва уларни самарали амалга ошириш механизми белгиланди.

Ўз навбатида, Бола ҳуқуқларини ҳимоя қилиш махсус миллий институти сифатида Болалар омбудсмани ўз ваколатлари доирасида болани турли шаклдаги зўравонликдан, шу жумладан эксплуатациядан ҳимоя қилиш бўйича фаолиятни амалга оширади.

Шунингдек, Бола ҳуқуқлари бўйича вакил бола ўз ихтиёри билан чиқиб кета олмайдиган таълим, тарбия, тиббиёт муассасаларига, қамоқда сақлаш жойларига ва жазони ижро этиш муассасаларига, вояга етмаганларга ижтимоий-ҳуқуқий ёрдам кўрсатиш марказларига, ихтисослаштирилган ўқув муассасаларига мунтазам кириб бориш орқали болага нисбатан қийноққа солиш ва бошқа шафқатсиз, ғайриинсоний ёки кадр-қимматни камситувчи муомала ҳамда жазо турларини қўллашнинг олдини олиш бўйича чоралар кўради.

Жумладан, 2024 йилда Болалар омбудсмани томонидан 31 та мониторинг ташрифлари амалга оширилиб, муассаса

тарбияланувчилари билан 450 дан ортиқ якка учрашувлар ва суҳбатлар ўтказилди.

Бундан ташқари, қонун билан суриштирув, тергов органлари ва суд вояга етмаганларнинг ҳаёти, соғлиғи ёки жинсий эркинлиги ва дахлсизлигига қарши жиноятларга оид қабул қилган қарор, ҳукм (ажрим)лари тўғрисида Болалар омбудсманини ёзма равишда хабардор қилиши шартлиги белгиланган бўлиб, ўтган йили ушбу масалада ички ишлар органлари томонидан 541 та махсус хабарномалар келиб тушган.

Қайд этиш жоизки, болага нисбатан содир этилаётган жиноятлар орасида жисмоний ва жинсий зўравонлик алоҳида хавотирга сабаб бўлмоқда.

Маълумот учун: Ички ишлар вазирлиги маълумотига кўра, 2024 йилда болаларга нисбатан содир этилган жиноятлар республика миқёсида 4 064 тани ташкил этган.

Болалар омбудсманининг бу йўналишдаги таҳлиллари кўрсатмоқдаки, болаларга нисбатан зўравонлик ҳолатларини олдини олиш чораларини янада такомиллаштириш ва манзилли ташкил этиш зарурлигини тақазо этади.

Хусусан, ҳозирда зўравонлик қурбони бўлган болалар билан махсус ишлаш, уларнинг тергов ва суд босқичларида қўшимча стресс ва руҳий жароҳат олишига йўл қўймаслик, (жумладан, қайта-қайта сўроқ қилиниши, зўравонни кўришни назарда тутадиган тергов ва суд ҳаракатларида иштирок этиши) жабрланувчи-болаларга ихтисослашган тарзда тезкор психологик, ҳуқуқий ва ижтимоий ёрдам кўрсатишни кўзда тутувчи ягона механизм йўлга қўйилмаган.

Мисол учун, мониторинг доирасидаги ўрганиш шуни кўрсатдики, Самарқанд вилоятида жинсий зўравонлик қурбони бўлган 14 яшар қиз дастлабки тергов давомида турли тергов ва процессуал ҳаракатларни ўтказиш билан боғлиқ равишда бир неча бор сўроқ қилиниши натижасида аввалги руҳий жароҳатни қайтадан бошдан кечирган, тергов жараёнида тажрибали психолог жалб этилмаганлиги туфайли эса стресс даражаси доимий ва давомли тус олган.

Қонун билан зиддиятда бўлган болалар, яъни вояга етмаганлар ҳуқуқбузарлиги ҳолати юзасидан айтиш керакки, республикада 2024 йилда бу борада жиддий даражадаги ўсиш динамикаси кузатилмаган.

Болалар омбудсмани томонидан ўтказилган ўрганишлар натижасида жиноят процессида қонун билан зиддиятда бўлган болаларнинг процессуал ҳуқуқлари таъминланиши масаласида ҳуқуқни қўллаш амалиётида муаммо ва камчиликлар мавжудлигини кўрсатди.

Жумладан, жорий йилнинг июнь ойида Тошкент шаҳар 1-сон тергов ҳибсхонасига амалга оширилган мониторинг ташрифи натижасида ушбу муассасада сақланаётган айрим вояга етмаганларга нисбатан тергов жараёнида процессуал бузилишларга йўл қўйилганлиги ҳамда малакали юридик ёрдам кўрсатилмаганлиги аниқланди.

Ўз навбатида, БМТнинг Бола ҳуқуқлари бўйича қўмитаси 2022 йилдаги тавсияларида:

- болаларга нисбатан зўравонлик билан боғлиқ барча ҳолатлар, жумладан, жинсий зўравонлик, болаларга дўстона ва кўп тармоқли ёндашувни қўллаган ҳолда тезкор тергов қилинишини ҳамда болаларнинг кўрсатмалари кечиктирмасдан аудио-видео ёзиб олинишини ва суд муҳокамаси давомида далил сифатида берилишини таъминлаш;

- гумон қилинувчи ёки айбланувчи болалар учун процессуал кафолатлар ҳурмат қилинишини ҳамда терговдан бошлаб болалар бепул ва сифатли ҳуқуқий ёрдам олишларини таъминлаш кўзда тутилган.

Қайд этиш жоизки, бола ҳуқуқларини ҳимоя қилиш соҳасида халқаро мажбуриятларни бажаришнинг таъсирчан тизимини яратишдаги муҳим йўналиш – бу одил судловда боланинг қонуний манфаатларини самарали ҳимоя қилиш механизминини яратиш ҳисобланади.

Айнан болаларнинг одил судловдан фойдаланиш имкониятлари даражаси қонун устуворлиги, инклюзив ва барқарор ривожланиш учун ниҳоятда муҳим аҳамиятга эга.

Болаларнинг одил судловдан фойдаланиш имкониятлари борасида сўз кетганда, биринчи навбатда, шуни эътиборда тутиш керакки, катталардан фарқли равишда болалар ўз ҳуқуқларини ҳимоя қилишда ва ўз қонуний манфаатларига риоя этилишини талаб қилишда ниҳоятда заифдир.

Айнан шу нуқтаи назардан болаларнинг одил судловдан тенг фойдаланишини таъминлаш учун зарур чоралар кўрилиши муҳим

бўлиб, бу борада ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар ходимлари ва судьялар салоҳиятини ошириш таянч аҳамиятга эга.

Хусусан, ҳар қандай иш юритувига – у хоҳ жиноят, фуқаролик ёки маъмурий юритув бўлишидан қатъий назар, бу жараёнга киришаётган болаларга ўз ҳуқуқларини ҳимоялаш инструментлари ишончли таъминланмас экан, чинакам одил судловга эришиш ҳақида гапириш қийин.

Бунинг учун эса одил судлов жараёнларида болаларга самарали юридик ёрдам, вакиллик ва қўллаб-қувватлаш хизматларидан фойдаланиш имконияти тўлиқ таъминланиши зарур.

Шунга кўра, Жиноят процессида жабрланувчи-болаларнинг манфаатларини самарали ҳимоя қилиш ва қонун билан зиддиятда бўлган болалар билан махсус ишлаш мақсадида:

- жинсий эркинликка қарши жиноятлар ва вояга етмаганлар ишлари бўйича терговчилар ихтисослашувини;

- жиноят ишлари бўйича судлар таркибида вояга етмаганлар ишлари бўйича судьялар ихтисослашувини ташкил этиш мақсадга мувофиқ.

Шунингдек, бу борада айнан энг қуйи бўғинда бола манфаатларига оид ишлар билан ишлаш кўникмасига эга кадрларни шакллантириш ниҳоятда аҳамиятлидир, хусусан:

- Болага қарши жиноятлар содир этилганда, жабрланувчи болага стресс ва травма шароитини давом эттирмаслик учун болага алоҳида дўстона ва қулай шарт-шароит яратиш;

- Жиноятга гувоҳ бўлган болаларга терговда махсус малакали ёндашувни таъминлаш;

- Низода бўлган ота-оналарнинг фарзандлари билан ишлашда тарафларнинг эмас, мутлақо боланинг манфаатидан ҳаракатланиш (масалан суд қарорлари ижроси жараёнида);

- Оилавий зўравонлик қурбони бўлган болаларга тезкор ва малакали бирламчи ҳимоя чораларини таъминлаш (профилактика инспекторлари ва инспектор психолог фаолиятида);

- Бола жиноят иши юритуви доирасига тушганда унга малакали адвокат, психолог, педагог, қонуний вакил ҳамда васийлик органини ўз вақтида жалб қилиш (айниқса, ота ёки она боланинг манфаатига зид ҳаракатланаётганлиги кузатилса);

- Вояга етмаганлар томонидан содир этилган жиноятларни тергов қилишда болага дўстона ёндашувларга таянган ўзига хос амалиётни шакллантириш;

– Болага нисбатан содир этилган жиноят ёки ҳуқуқбузарлик бўйича ота ёки онанинг даъвоси бор ёки йўқлигидан қатъий назар давлат органи сифатида болани манфаатини фаол ҳимоя қилиш амалиётини жорий этиш муҳим.

Зеро терговга қадар текширув, дастлабки тергов ва суд жараёнида бола манфаати устунлигидан келиб чиқиб йўл тутиш – ҳар бир масъул давлат органининг устувор вазифаси ҳисобланади.

Юқорида таъкидланган натижаларга эришиш учун эса ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар ходимлари бола манфаатларини кўзлаган махсус равишда малакаси оширилиб борилиши зарурдир.

Ҳозирда мазкур жараён фаол кетмоқда, деб ишонч билан айта оламиз. Жумладан, Болалар омбудсманининг 2024 йилги маърузасини кўриб чиқиш якунлари бўйича Олий Мажлис Сенатининг (2025 йил 18 мартдаги 101-V-сон) қарорида Ички ишлар вазирлиги, Олий суд ҳамда Адлия вазирлигига болаларга қарши жиноятлар ва вояга етмаганлар ишлари бўйича терговчилар ва судьялар ихтисослашувини жорий этиш масаласини кўриб чиқиш топширилган.

Болалар омбудсмани ва Ҳуқуқни муҳофаза қилиш Академияси биргаликда бола манфаатларини таъминлаш йўлида кадрлар салоҳиятини ошириш бўйича қатор ишларни олиб бормоқда.

Хусусан, Академия негизида халқаро ҳамкорлар кўмагида амалиётчилар, яъни ИИВ терговчилари ва вояга етмаганлар соҳасига масъул прокуратура ходимлари учун қатор тренинглар ташкил этилди. Тренинглар цикли мунтазам равишда давом этаяпти.

Мазкур йўналишдаги яна бир муҳим қадам. Айни пайтда Болалар омбудсмани ташаббуси билан БМТ Болалар жамғармаси ваколатхонаси кўмагида Ҳуқуқни муҳофаза қилиш Академияси мутахассислар малакасини ошириш дастурига “Бола ҳуқуқлари” онлайн-курсини татбиқ этиш жараёни бормоқда.

Ишлаб чиқиляётган ўқув курси бола ҳуқуқларига оид халқаро стандартлар, боланинг асосий ҳуқуқлари (боланинг таълимга, соғлиққа, ижтимоий ҳимояга, хавфсиз ва оилавий муҳитга бўлган ҳуқуқлари) ва уларни таъминлаш механизми, бола ҳуқуқларини ҳимояси учун мутасадди органлар тизими, болага дўстона муносабатда бўлиш принциплари ва махсус тартиб-таомиллари, қонун билан зиддиятда бўлган болалар билан ишлаш каби масалаларни ўз ичига олган.

Хулоса ўрнида айтиш мумкинки, ҳуқуқни муҳофаза қилиш фаолиятининг самараси ва сифати тизимдаги кадрлар салоҳияти даражаси билан ўлчанади. Айниқса, касбий функцияси ва ваколатлари доирасида бола ҳуқуқлари билан боғлиқ масалаларга масъул бўлган ходимлар ўз фаолиятини фақат ва фақат боланинг энг устун манфаатига таянган ҳолда ташкил этиши зарур.

Зеро қонун доирасига тушган ҳар бир болага қилинган бугунги муносабат юртимиз эртаси ва равнақи қандай бўлишини бевосита ҳал этувчи омилдир.

ELDOR TULYAKOV

Executive Director,
Development Strategy Centre,
Uzbekistan

THINK TANKS AS ENGINES OF POLICY REFORM: FUNCTIONS, DIVERSITY, AND INTERNATIONAL PRACTICES

In an era of globalisation, digital transformation, and growing demands for accountability, think tanks have emerged as pivotal actors in shaping public policy. By providing evidence-based insights and promoting civic engagement, they play a crucial role in reforming institutions. Their functions, which include agenda-setting, strategic planning, monitoring, and fostering public dialogue across various sectors, such as the economy, governance, environment, and security, are instrumental in the policy reform process. Operating as NGOs, government-affiliated bodies, or private entities, think tanks increasingly serve as intellectual intermediaries and are often referred to as a 'fifth estate' for their influence on policymaking.¹

Core Functions and Typology of Think Tanks

Think tanks play an increasingly vital role in modern policymaking, offering structured expertise and serving as intermediaries between governments, civil society, and academic institutions. Their core

¹ The Fifth Estate, Go To Think Tank, March 27, 2020, <https://www.gotothinktank.com/new-blog/2020/3/27/the-fifth-estate>.

functions typically encompass policy research, strategic recommendation development, public communication, and facilitation of dialogue.

First, think tanks conduct empirical research grounded in data analysis, international comparisons, and policy modelling. For instance, climate policy institutes assess global temperature trends and formulate tailored green energy strategies. Based on such research, think tanks produce evidence-based recommendations—often in the form of strategic briefs, concept notes, or white papers—that inform and usually shape policy decisions. A notable example includes fiscal reform proposals that have led to targeted tax incentives for small and medium-sized enterprises. This underlines the significant impact of their work on policy decisions.

Think tanks, in addition to conducting research, play a crucial role in communicating expert knowledge in formats that are accessible to the broader public. Through infographics, podcasts, and social media campaigns, they simplify complex policy issues—such as constitutional reforms—to improve political literacy and encourage public engagement. Furthermore, by convening multi-stakeholder roundtables and policy dialogues, think tanks provide platforms for exchange between policymakers, scholars, journalists, and civil society actors. These forums enhance transparency and enable collaborative review of legislation in fields such as healthcare, education, or digital governance. The diverse funding sources and the need for public engagement make their operations complex and crucial.

Institutionally, think tanks display considerable diversity in their organisational models, funding sources, and governance structures.¹ Some are university-based research centres; others operate as independent NGOs, government-affiliated institutions, or corporate think tanks funded by the private sector. Each model carries different incentives and priorities, with corporate think tanks often addressing industry-specific policy concerns. In contrast, academic and non-profit models focus on long-term research and public interest advocacy.

This diversity has led to an increasingly hybrid typology of think tanks, combining elements of scholarly research, policy consultancy, and advocacy. They vary in scale, ideological orientation, target audience, and

¹ Singer, J. D. (2010, August 13). *Think Tanks, Foreign Policy, and the Politics of Expertise*. Brookings Institution. Retrieved from https://web.archive.org/web/20100821094149/http://www.brookings.edu/articles/2010/0813_think_tanks_singer.aspx

policy influence.¹ Such variation ensures that a broad reservoir of expertise is available to support evidence-based decision-making, especially in countries undergoing institutional reforms or seeking to strengthen participatory governance.

According to the **Open Think Tank Directory**, the thematic distribution of global think tanks is as follows: 12.4% focus on social policy; 11.2% on trade, economy, and finance; 11.0% on governance, transparency, and accountability; 10.4% on environment, natural resources, and energy; 8.5% on law, justice, and human rights; 8.2% on international relations; 6.2% on education; 6.1% on defence, peacebuilding, and security; 4.7% on healthcare; 4.1% on technology and innovation; 4.0% on gender equality; 3.9% on food security and agriculture; 3.4% on private sector development; 2.8% on media, culture, and sport; 2.3% on transport and infrastructure; and 0.7% on other areas.²

Think tanks influence policymaking through several interconnected mechanisms. First, they play a pivotal role in agenda setting, identifying emerging societal issues—such as climate change, digitalisation, or gender equality—and elevating them into public and political discourse. By introducing new ideas and framing challenges in innovative ways, think tanks help shape national and sectoral policy priorities, influencing the direction and focus of government policies. Second, they contribute through the development of policy recommendations, producing white papers, strategic frameworks, and legislative proposals grounded in empirical research and international best practices. These outputs frequently inform government strategies and reform programmes.

Another key function is dialogue facilitation. By organising forums, policy roundtables, and public consultations, think tanks create inclusive spaces where policymakers, civil society actors, business leaders, and academics can engage in constructive dialogue. This supports consensus-building and evidence-informed decision-making. In addition, think tanks play a crucial role in the independent monitoring and evaluation of policy implementation, assessing the effectiveness of government programs and contributing to the maintenance of accountability and transparency. Their

¹ Grindle, S. B. & Thomas, J. W. (2005, September 9). *Think Tanks: Definitions, Development, and Diversification*. Asian Development Bank Institute. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20070206171015/http://www.adbi.org/discussion-paper/2005/09/09/1356.think.tanks/think.tanks.definitions.development.and.diversification/>

² On Think Tanks. “Topics Covered by Think Tanks Worldwide.” *Open Think Tank Directory*, <https://onthinktanks.org/topics-covered/>.

evaluations contribute to the refinement of future policy measures and reinforce anti-corruption efforts.

Moreover, think tanks play a critical role in public communication and civic engagement. By simplifying complex policy issues through infographics, podcasts, videos, and other accessible formats, they raise public awareness and foster citizen participation in governance processes. In Uzbekistan, for instance, the Development Strategy Centre actively engages with the public through open consultations and civic monitoring of national development strategies.

Globally, the influence of think tanks is most prominent in countries with mature policy ecosystems. The *Global Go To Think Tank Index* reports that the United States alone hosts over 2,200 think tanks, with several ranking among the most influential worldwide. These include the Brookings Institution (home to former U.S. Ambassador Susan Rice), the Heritage Foundation (linked to business leaders such as Steve Forbes), the Council on Foreign Relations (whose members have included Joe Biden, Bill Clinton, and Mikhail Gorbachev), and the Cato Institute (associated with Nobel laureates like James Buchanan and Friedrich Hayek). Other leading institutions are based in the United Kingdom, as well as in Belgium, Germany, India, Canada, and Australia, demonstrating the global relevance and diversity of the think tank landscape.

Profiles of Leading Think Tanks

- **Brookings Institution (USA):** Regarded as one of the world's most influential think tanks, Brookings covers areas such as economics, foreign policy, global development, governance, and urban policy. Despite claims of political neutrality, over 90% of its staff's political donations support Democratic Party candidates. The institute employs over 300 international experts.¹

- **Chatham House (UK):** Established in 1920 as an independent non-profit organisation in London, Chatham House focuses on international affairs, migration, cybersecurity, race and gender equality, and post-Brexit policy analysis.²

- **Bruegel (EU, Belgium):** Founded in 2005 in Brussels, Bruegel is a premier European think tank specialising in economic policy within the EU context and is internationally recognised for its economic research.³

¹ Brookings Institution. (2025). *Brookings Institution*. <https://www.brookings.edu>.

² Chatham House (2025). *Chatham House*. <https://www.chathamhouse.org/>

³ Bruegel (2025). *Bruegel*. <https://www.bruegel.org/>

• **European Council on Foreign Relations (ECFR):** A pan-European think tank based in Berlin with offices in London, Paris, Madrid, Rome, Warsaw, and Sofia. It was founded by British political scientist Mark Leonard in 2007 and concentrates on EU foreign and security policy.¹

Human Capital and the Strategic Role of Think Tanks

Leading think tanks such as Brookings and Chatham House actively invest in human capital through fellowships, internships, and training programmes aimed at civil servants and young professionals. These initiatives help cultivate a culture of policy analysis and reinforce the role of think tanks in shaping evidence-based governance.

As intellectual hubs, think tanks bridge the gap between government, academia, and civil society. They provide research-based policy options, promote accountability, and contribute to modern statecraft by grounding decision-making in scientific analysis.

Conclusion and Policy Recommendations

In the context of institutional reforms and heightened demand for transparency, think tanks are playing an increasingly significant role in policy formulation and implementation. To enhance their impact and sustainability, the following steps are recommended:

- Diversify funding through public-private partnerships, philanthropy, and international donors to protect independence and analytical integrity.
- Strengthen integration with academic institutions to foster talent, access data, and advance methodological rigour.
- Promote open access to administrative and statistical data to ensure transparency and build public trust.
- Expand public outreach using multimedia tools—such as podcasts, video explainers, and infographics—to make policy insights more accessible and increase civic engagement.

¹ European Council on Foreign Relations (2025). *European Council on Foreign Relations*. <https://ecfr.eu/>

ТОПОРИКОВА ОЛЬГА ОЛЕГОВНА

Начальник отдела методологического
обеспечения криминологических экспертиз
Государственного учреждения «Научно-
практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной
прокуратуры Республики Беларусь»

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НРАВСТВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вопросы защиты несовершеннолетних от преступных посягательств у условиях стремительной цифровизации общества приобретают особую значимость. Современные технологии, создавая широкие возможности для образования и социализации детей, одновременно таят в себе широкий спектр угроз, в том числе деструктивный контекст, вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность, посягательства на личную информацию, персональные данные несовершеннолетних, и другие формы нарушений нравственных и половых границ личности. Преступления, совершаемые в цифровой среде, зачастую лишены признаков физического насилия, что, однако, не снижает их общественной опасности и вызывает повышенную латентность и сложности выявления таких деяний

Проведенный анализ статистических сведений о преступности за последние годы позволил выявить в Республике Беларусь тенденции роста числа преступлений, связанных с посягательством на нравственность и половую неприкосновенность несовершеннолетних, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также информационных преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Действующее законодательство Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за широкий спектр преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних (ст. 167–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее - УК), за распространение порнографии

несовершеннолетним с использованием средств связи и интернета при их совершении ст. 343 УК), а также изготовление детской порнографии (ст. 343- УК). Наряду с этим ответственность предусмотрена и за иные действия, совершение которых возможно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (например, угрозы, доведение до самоубийства, вовлечение в преступную деятельность).

В числе основных угроз, с которыми несовершеннолетние сталкиваются в цифровой среде, можно указать:

развратные действия, совершаемые в глобальной компьютерной сети Интернет, мессенджерах и игровых приложениях (сексуальное общение с ребенком, оказание влияние на его допустимое поведение, изменение установок нормальности поведения, психологическое манипулирование, доведение до саморазрушительного поведения или использование ребенка с сексуальными целями) (grooming online);

распространение порнографических материалов с изображением несовершеннолетних, вовлечение несовершеннолетних в изготовление и распространение порнографических материалов, шантаж с использованием ранее полученных порнографических материалов (sextortion).

Конвенцией Лансароте указывается на необходимость криминализации и противодействия подобному противоправному поведению. Международным законодательством сформированы унифицированный понятийный аппарат, общие подходы к криминализации деяний в целях противодействия сексуальной эксплуатации детей как транснациональному негативному социальному явлению. Так, в Конвенции Лансароте отмечается на необходимость криминализации домогательства детей в сети Интернет в сексуальными целями, а в Директиве 2011/92/UE (2011 г.) в качестве самостоятельного преступного деяния, являющегося формой сексуальной эксплуатации, указывается также подстрекательство детей, не достигших возраста уголовного согласия, к изготовлению порнографии.

Уголовные законы стран постсоветского пространства, построенные на основе Модельного Уголовного кодекса, не содержат составов, дублирующих нормы Конвенции Лансароте в чистом виде. Вместе с тем имеющиеся нормы позволяют

осуществлять противодействие и квалифицировать указанные деяния согласно нормам Уголовного кодекса.

В Республике Беларусь действия, определяемые как grooming online квалифицируются по статье 169 «Развратные действия» Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее - УК). Кроме того распространение рекламирование, трансляция или демонстрация лицу, заведомо не достигшему шестнадцатилетнего возраста, порнографии является уголовно-наказуемым по статье 343 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера».

Исходя из анализа правоприменительной практики одним из наиболее распространенных способов совершения развратных действий является демонстрация несовершеннолетним продукции порнографического содержания (в частности, изображений, роликов). Вместе с тем, указанные действия кроме статьи 169 УК, также охватываются статьями 343 и 343-1 УК «распространение или рекламирование заведомо несовершеннолетнему порнографических материалов или печатных изданий, изображений, иных предметов порнографического характера, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, либо демонстрация этим лицом заведомо несовершеннолетнему кино- или видеофильмов порнографического содержания».

Анализ правоприменительной практики по статьям 169 и 343, 343-1 УК показал, что в большинстве случаев, развратные действия в отношении несовершеннолетних (связанные с использованием информационных технологий) были совершены путем демонстрации последним видео продукции порнографического характера. При этом при юридической оценке совершенных преступных действий органами предварительного следствия и судом в ряде случаев возникала необходимость в отграничении развратных действий совершенных путем демонстрации последним видео продукции порнографического характера от признаков состава статей 343 и 343-1 УК «распространение или рекламирование заведомо несовершеннолетнему порнографических материалов или печатных изданий, изображений, иных предметов порнографического характера, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, либо демонстрация этим лицом заведомо несовершеннолетнему кино- или видеофильмов порнографического содержания».

Правоприменительная практика по данной категории преступлений достаточно противоречива. В части существующих проблем правоприменения норм, связано с размытием границ между такими деяниями, как «распространение», «рекламирование» и «публичная демонстрация», что создает сложности при квалификации преступлений, предусмотренных статьями 343, 343-1 и 169 УК.

Кроме того имеют место противоречивые подходы по квалификации развратных действий, совершаемых в сети Интернет либо через мессенджеры, при совершении которых несовершеннолетним демонстрируется порнография. В частности имеет место квалификация по самостоятельным составам (например, по статье 169 УК), либо совокупности, что требует проработки, в том числе в части необходимости корректировок составов.

Ответственность за изготовление и распространение порнографических материалов с изображением несовершеннолетнего (детской порнографии) предусмотрена статьей 343-1 УК.

В отношении указанного состава на практике выявлены проблемы отсутствия достаточного доктринального и официального толкования в части соотношения терминов «изготовление», «использование несовершеннолетнего (малолетнего) для изготовления». Анализ правоприменительной практики и судебной статистики позволяет сделать вывод о наличии проблем установления признака объективной стороны «изготовление» в ч. 1 ст. 343-1 УК. Так в большинстве случаев к «изготовлению», указанному в ч. 1 ст. 343-1 УК относят всевозможные формы создания порнографического материала, не связанные с использованием ребенка. В основном это копирование ранее созданного объекта путем скачивания, съемки экрана (скриншот либо запись видео). Выборочный анализ копий приговоров по ст. 343-1 УК позволяет сделать вывод, что в основном по ч. 1 ст. 343 УК в качестве деяний объективной стороны указываются «хранение с целью распространения или рекламирования, либо распространение, рекламирование». В судебной практике также имеют место спорные к пониманию признака «изготовление».

«Использование» предполагает совершение различных манипуляций с ребенком как сексуального характера в виде

посягательств на его половую неприкосновенность, так и фотографирование ребенка в обнаженном виде. При этом конструкция ч. 2 ст. 343-1 УК определяет использование несовершеннолетнего для изготовления порнографических материалов как квалифицирующий признак.

Отдельным вопросом является выявленная в последние годы тенденция квалификации действий обвиняемого по статье 343-1 УК также как вовлечение потерпевших несовершеннолетних (малолетних) в изготовление порнографических материалов с их изображением по статьям 172, 173 УК.

В части вопросов квалификации действий, определяемых международными актами как sextortion проведенный анализ позволил выделить две формы сексуального кибер-вымогательства, имеющие отличия, влияющие на квалификацию по УК.

В частности, может иметь место следующая картина преступления. Посредством общения в социальных сетях либо иных средств коммуникации преступник устанавливает доверительный контакт с жертвой, после чего просит выслать изображение, видео сексуального характера либо осуществить сексуальные действия на web-камеру в режиме реального времени. Получив данный материал, преступник начинает шантажировать им жертву. Далее возможно два варианта развития событий, влияющие на квалификацию деяний:

- в первом случае высказываются материальные требования о перечислении денежных сумм. Такое сексуальное кибер-вымогательство имеет признаки классического вымогательства (ст. 208 УК).

- во втором случае, преступник понуждает жертву продолжать совершать иные действия сексуального характера либо высказывает требование о вступлении в половые отношения с третьими лицами, которые будут транслироваться в режиме реального времени с использованием средств телекоммуникации (Skype, Viber и др.), требует высылать более откровенные сексуальные материалы.

Вторая форма преступного поведения также зафиксирована на территории Республики Беларусь. При этом однозначной практики квалификации указанного деяния в настоящее время не сформировано. В некоторых случаях уголовные дела возбуждаются по ст. 343 УК, либо по иным статьям, связанным с использованием

информационных технологий, в других случаях деяния квалифицируются по ст. 170 УК.

Указанные угрозы посягают на половую неприкосновенность и нравственность ребенка, подрывают его психоэмоциональное состояние, что в конечном итоге негативно сказывается на его нормальном нравственном и физическом развитии, и является угрозой национальной демографической политике государства.

Очевидно, что с развитием информационных технологий и изменения форм социальной коммуникации в будущем возможна трансформация существующих форм и способов совершения преступных посягательств, в том числе, связанных с сексуальной эксплуатацией детей.

В этой связи учетом специфики деяния и формы его распространения следует отметить на необходимость формирования единообразной практики в рамках межгосударственного реагирования. Модельный закон «О противодействии торговле людьми» принят Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ в 2008 году, направлен на реализацию Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека (заключено в г. Москве 25.11.2005) касается вопросов противодействия сексуальной эксплуатации детей: содержит понятийный аппарат и определяет круг преступлений, относящихся к сексуальной эксплуатации. В частности закреплены дефиниции терминов «детская порнография», «детская проституция», «детский секс-туризм», «организация детской проституции», «сексуальная эксплуатация ребенка». В указанном Законе фактически не затрагиваются вопросы противодействия сексуальной эксплуатации детей в сети Интернет.

На сегодняшний момент на территории постсоветского пространства общих норм и подходов по противодействию сексуальной эксплуатации детей с использованием информационно-коммуникационных технологий, не сформировано. Межведомственное взаимодействие Республики Беларусь в указанной сфере по странам СНГ осуществляется в рамках соглашений о сотрудничестве в борьбе с торговлей людьми и договоров о взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Представляется, что наиболее приемлемым решением сложившейся ситуации может быть принятие на уровне модельного законодательства стран-участниц Евразийского экономического

союза документа, который бы определил не только понятийный аппарат и общепринятую классификацию преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией детей, но и представил единые рекомендации государствам по их криминализации в национальном законодательстве. Необходимость такого документа с учетом специфики совершения посягательств и транснационального характера рассматриваемых преступлений имеет очевидный характер.

ГУЛОМЖОН ПИРИМКУЛОВ

Начальник управления МИД
Республики Узбекистан

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УЗБЕКИСТАНА ПО ВОПРОСАМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Более 30 лет назад Узбекистан вошел в мировое сообщество в качестве субъекта международного права, став полноправным членом авторитетных международных организаций, и начал плодотворное международное сотрудничество на двусторонней и многосторонней основах. Активная позиция узбекской дипломатии звучит с высоких трибун Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организации Исламского сотрудничества, Организации экономического сотрудничества, Межпарламентского союза, ЮНЕСКО, ШОС, СНГ, ОЭСР, ОТГ и др.

Узбекистан является участником 80 международных документов по правам человека, включая 7 основных международных договоров ООН и 4 факультативных протокола к ним, приняла на себя обязательства по созданию необходимых организационно-правовых условий для поощрения и защиты прав и свобод человека.

Избрание Нового Узбекистана в авторитетные международные структуры (Совет ООН по правам человека, ЭКОСОС, Административное бюро МОТ и др.) свидетельствует о повышении международного имиджа страны. Представитель Узбекистана впервые стал членом Комитета по правам человека ООН. Совместно проводятся крупные международные мероприятия с глобальной

повесткой, в частности, по вопросам продовольственной безопасности, развития туризма, борьбы с бедностью и изменением климата, защиты прав человека. В 2025 году в Самарканде пройдет 43-я Генеральная конференция ЮНЕСКО.

Узбекистан активно сотрудничает со структурами ООН, другими международными и региональными организациями в вопросах продвижения интересов и защиты прав человека. За последние годы для ознакомления с ситуацией по правам человека и реформами Узбекистан посетили Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш, Верховный комиссар ООН по правам человека Ф. Тюрк, генеральный директор МОТ Ж. Унгбо, специальные докладчики ООН.

Узбекистан своевременно представляет национальные доклады в уставные органы и договорные комитеты ООН о выполнении ратифицированных международных договоров по правам человека. В течение 2023 года в договорные комитеты ООН были представлены 3 национальных доклада Узбекистана, в том числе, первоначальный доклад о выполнении Конвенции о правах инвалидов, Шестой национальный доклад о выполнении Конвенции против пыток и Четвертый национальный доклад в рамках Универсального периодического обзора.

За последние годы взаимодействие между Узбекистаном и МОТ поднялось на качественно новый уровень. При содействии Организации в Узбекистане принято более 40 нормативных актов в трудовой сфере, ратифицированы 25 международных конвенций МОТ. Сегодня МОТ рассматривает опыт нашей страны в данной сфере в качестве успешной модели для международного изучения и применения. Реализуются совместные меры по продвижению принципов социальной справедливости, в том числе в рамках Глобальной коалиции за социальную справедливость.

Сегодня наша страна выступает активным инициатором в международной повестке дня. Так, в феврале 2021 года впервые в истории Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев принял участие и выступил с докладом на 46-й сессии Совета ООН по правам человека. Следует отметить, что с момента создания Совета в 2006 году главы лишь 20 государств напрямую обращались к делегатам ежегодных сессий главного правозащитного органа мира, при этом Узбекистан первым среди стран постсоветского пространства воспользовался такой привилегией. В своем

выступлении Главы государства представил 19 важных инициатив Узбекистана как члена Совета ООН по правам человека, реализация которых послужит значительному улучшению ситуации с правами человека на национальном, региональном и международном уровнях, а также повышению международного имиджа страны.

Сегодня мировое сообщество рассматривает Новый Узбекистан как устойчивое и динамично развивающееся государство демократических преобразований, страну больших возможностей и практических дел. Инициативы Президента Республики Узбекистан выдвинутые на международной политической арене получают все более широкое признание у мировой общественности. В течении последних лет Генеральной ассамблеей ООН были приняты более десяти резолюций, инициированных Президентом Республики Узбекистан.

В качестве подтверждения выполнению своих международных обязательств в рамках сотрудничества с Советом ООН по правам человека Узбекистан в 2018 году направил постоянное приглашение всем тематическим мандатариям специальных процедур ООН. К примеру, в 2024 году Республику Узбекистан посетил Специальный докладчик по праву на достаточное жилище Совета ООН по правам человека Б. Раджагопал.

Узбекистан последовательно выполняет свои обязательства по своевременному представлению периодических докладов по выполнению международных договоров, ратифицированных Республикой Узбекистан.

В новой редакции Конституции закреплено имеющее историческое значение положение о том, что Узбекистан – суверенное, демократическое, правовое, социальное и светское государство. Внедрены принципы социальной справедливости и солидарности, укреплены конституционные основы, предусматривающие совершенно новые механизмы защиты прав и свобод человека. Важным демократическим шагом является повышение роли национальных институтов по правам человека, в частности закрепление положений о национальных институтах по правам человека в статье 56 Конституции. Приняты Закон о детском омбудсмане, новый закон об Уполномоченном по правам человека (омбудсмане).

Можем констатировать, что Узбекистан последовательно обеспечивает имплементацию международных стандартов по правам

человека в национальное законодательство и правоприменительную практику.

В 2021 году Узбекистан ратифицировал Конвенцию о правах инвалидов, положения которой отражены в новом Законе «О правах лиц с инвалидностью». В стране особое внимание уделяется вопросам защиты прав и интересов лиц с инвалидностью, создаются необходимые условия для их интеграции в общество, активного участия в политической, социальной, экономической и культурной жизни.

В стране продолжается активная работа по повышению эффективности образования и защиты прав человека, а также по выполнению задач, определенных в Четвертом этапе Всемирной программы ООН образования в области прав человека. С этой целью реализуется Национальная программа образования в области прав человека в Республике Узбекистан. В системе профессионального и высшего образования внедряются учебные курсы «Права человека», «Права женщин», «Права ребенка». На постоянной основе издается серия пособий и брошюр по правам человека, а также запущена Электронная платформа по образованию в области прав человека.

В целях поддержки инициативы Генерального секретаря ООН «Призыва к действию в защиту прав человека», повышения знаний граждан о принципах и нормах Всеобщей декларации прав человека Узбекистан принял Программу мероприятий, посвященную широкому празднованию 75-летия принятия Всеобщей декларации прав человека.

В июне 2024 года в Самарканде состоялся IV Форум по правам человека на тему «Экологические проблемы: будущее прав человека в меняющемся мире, поиск устойчивых решений». За этим авторитетным мероприятием, традиционно проводимом в этом древнем и вечно молодом городе, уже закрепилось название Самаркандский форум. В поздравлении Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева участникам Форума отмечалось, что первый Азиатский форум по правам человека, организованный в 2018 году, привнес в мировую практику свой особый «самаркандский дух». Стало доброй традицией проведение в Самарканде форумов, посвященных наиболее актуальным проблемам в области прав человека.

В Стратегии «Узбекистан – 2030», которая соответствует Целям устойчивого развития ООН, определены приоритетные задачи по

обеспечению верховенства закона и надежной защите прав и свобод человека, реформе судебно-правовой системы, кардинальному повышению статуса института адвокатуры, а также развитию системы оказания квалифицированной правовой помощи, а также совершенствованию системы административной юстиции.

Узбекистан в качестве полноправного субъекта международных отношений намерен и дальше развивать свое международное сотрудничество с уставными органами и договорными комитетами ООН, специальными процедурами по вопросам имплементации международных стандартов в сфере прав и свобод человека, принимать активное участие в совершенствовании международного и национального мониторинга за ситуацией в области прав человека в Узбекистане и других государствах - членах ООН.

В целом, дальнейшее обеспечение прав и свобод человека непосредственно связано со строительством в Узбекистане открытого демократического государства с рыночной экономикой, формированием основ гражданского общества. Не копируя слепо опыт и модель развитых стран, Узбекистан проводит политику повышения качества жизни, обеспечения демократического развития страны, где гарантируются все права и свободы человека, независимо от его пола, национальности, веры и убеждений.

ШОХРУХ ШУКРУЛЛА УГЛИ

Инспектор по особым поручениям
Управления международного
сотрудничества Министерства внутренних
дел Республики Узбекистан

СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И РЕГИСТРАЦИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД УЗБЕКИСТАНА

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы реализации конституционного права на свободу передвижения в условиях цифровизации государственного управления. Особое внимание уделяется анализу Закона Республики Узбекистан от 10 июля 2025 года № ЗРУ-1074 «О регистрации граждан Республики Узбекистан, иностранных граждан, а также лиц без гражданства по месту жительства и месту пребывания». Выявлены положительные стороны и системные риски, сопряжённые с его

реализацией, а также предложены меры по оптимизации законодательной и административной практики в данной сфере.

Ключевые слова: свобода передвижения, регистрация, цифровизация, законодательство, Узбекистан, миграционный учёт, административная реформа.

Аннотация: мақолада давлат бошқарувини рақамлаштириш шароитида эркин ҳаракатланиш конституциявий ҳуқуқини амалга ошириш муаммолари кўриб чиқилади. Ўзбекистон Республикасининг 2025 йил 10 июлдаги "Ўзбекистон Республикаси фуқароларини, чет эл фуқароларини, шунингдек фуқаролиги бўлмаган шахсларни яшаш жойи ва турган жойи бўйича рўйхатга олиш тўғрисида"ги ЎРҚ-1074-сонли Қонуни таҳлиliga алоҳида эътибор қаратилмоқда. Уни амалга ошириш билан боғлиқ ижобий томонлар ва тизимли хатарлар аниқланди, шунингдек, ушбу соҳадаги қонунчилик ва маъмурий амалиётни оптималлаштириш бўйича чора-тадбирлар таклиф этилди.

Калим сўзлар: ҳаракатланиш эркинлиги, рўйхатга олиш, рақамлаштириш, қонунчилик, Ўзбекистон, миграция ҳисоби, маъмурий ислоҳот.

Abstract: The article examines the problems of implementing the constitutional right to freedom of movement in the context of the digitalization of public administration. Particular attention is paid to the analysis of the Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-1074 of July 10, 2025, "On the Registration of Citizens of the Republic of Uzbekistan, Foreign Citizens, as well as Stateless Persons at the Place of Residence and Stay." The positive aspects and systemic risks associated with its implementation were identified, and measures to optimize legislative and administrative practice in this area were proposed.

Keywords: freedom of movement, registration, digitalization, legislation, Uzbekistan, migration registration, administrative reform.

Свобода передвижения в демократическом правовом государстве означает право человека свободно перемещаться внутри страны, выбирать место жительства и покидать государство. Согласно статье 12 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.)¹, эти права могут быть ограничены только в целях охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

В национальной доктрине административного права регистрация по месту жительства и пребывания традиционно рассматривалась как инструмент административного контроля.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>

Однако в условиях цифровизации регистрация утрачивает репрессивную природу и трансформируется в сервисную функцию государства, обеспечивающую эффективное предоставление государственных услуг, защиту прав личности и достоверность демографического учёта.

Свобода передвижения и выбора места жительства является одним из краеугольных прав человека, закреплённым как в международных правовых актах, так и в Конституции Республики Узбекистан (ст. 32), согласно которой «каждый, кто на законных основаниях находится на территории Республики Узбекистан, имеет право на свободное передвижение по стране, выбор места пребывания и жительства, за исключением ограничений, установленных законом. Каждый имеет право на свободный выезд за пределы Узбекистана, за исключением ограничений, установленных законом. Гражданин Республики Узбекистан имеет право беспрепятственного возвращения в Узбекистан»¹.

Современное развитие цифровых технологий и реформы в сфере публичного администрирования влекут за собой необходимость переосмысления традиционных подходов к регистрационному учёту населения. В данном контексте важным шагом стало принятие Закона (№ ЗРУ-1074) Республики Узбекистан «О регистрации граждан Республики Узбекистан, иностранных граждан, а также лиц без гражданства по месту жительства и месту пребывания» от 10 июля 2025 года², который установил единые и технологически адаптированные правила регистрации по месту жительства и пребывания.

В соответствии с положениями закона внедрена унифицированная система регистрации, действующая на всей территории Республики Узбекистан. Данный механизм функционирует как в офлайн-формате – через сеть центров государственных услуг, так и посредством онлайн-платформы Единого интерактивного портала государственных услуг (my.gov.uz), что соответствует задачам формирования

¹ Конституция Республики Узбекистан (в ред. 2023 г.) // Национальная база данных законодательства. URL: <https://lex.uz/docs/4032775>

² Закон Республики Узбекистан от 10 июля 2025 года № ЗРУ-1074 «О регистрации граждан Республики Узбекистан, иностранных граждан, а также лиц без гражданства по месту жительства и месту пребывания» // Национальная база данных законодательства, 11.07.2025 г., № 03/25/1074/П–7896. URL: <https://lex.uz/docs/7627952>

«электронного правительства» и расширения цифрового взаимодействия между населением и государственными структурами.

Существенным нововведением стало сокращение предельного срока регистрации до 10 рабочих дней с момента прибытия лица к месту проживания или временного пребывания, что призвано минимизировать бюрократические издержки и повысить эффективность документооборота. Особо важно отметить перераспределение юридической ответственности, согласно которому обязанность по обеспечению своевременной регистрации возлагается не только на самого гражданина, но и на принимающую сторону, включая собственников и нанимателей жилых помещений.

Кроме того, в законе акцентируется внимание на необходимости соблюдения требований по защите персональных данных, что отражает стремление национального законодательства к гармонизации с международными стандартами в области информационной безопасности и прав человека. Это особенно актуально в условиях активного внедрения цифровых технологий в сферу миграционного и административного учёта.

Модернизация института регистрационного учёта населения в Республике Узбекистан представляет собой качественный переход от устаревших форм административного контроля к современным, ориентированным на права человека, механизмам публичного сервиса. К числу ключевых положительных аспектов можно отнести следующее:

Во-первых, повышение территориальной, процедурной и цифровой доступности государственных услуг. Благодаря внедрению онлайн-сервисов (портал my.gov.uz) и центров, регистрационные услуги стали более доступными, особенно для социально уязвимых групп населения, жителей отдалённых районов и лиц с ограниченными возможностями. Это соответствует международной практике обеспечения равного доступа к административным услугам, закреплённой, в частности, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/125 (2015 г.) об электронном управлении как инструменте устойчивого развития¹.

¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 16 декабря 2015 года. Итоговый документ совещания высокого уровня Генеральной Ассамблеи, посвященного общему обзору хода осуществления решений Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества // <https://docs.un.org/ru/A/RES/70/125>

Во-вторых, демонтаж разрешительного режима «прописки» и переход к уведомительной модели. В результате реформы ликвидирована практика согласования права проживания с государственными органами, характерная для постсоветского правового наследия. Уведомительный порядок регистрации соответствует статье 12 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.), которая закрепляет право на свободу передвижения и выбор места жительства. Подобные изменения уже были реализованы, например, в Казахстане (Закон от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения»¹), что позволило повысить мобильность трудовых ресурсов и снизить административную нагрузку на население.

В-третьих, сокращение коррупциогенных факторов и бюрократических издержек. Унификация процедур, цифровая фиксация сроков и онлайн-контроль над регистрацией существенно ограничивают возможности для коррупционного давления со стороны должностных лиц. Автоматизация и унифицированные цифровые интерфейсы (с таймштампами и верификацией через ID-карты) делают вмешательство чиновника в процедуру минимальным, что соответствует требованиям Конвенции ООН против коррупции (2003 г.)² и Указу Президента (№ УП-200) Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы противодействия коррупции и повышению эффективности системы общественного контроля за деятельностью государственных органов и организаций» от 27.11.2023 г.»³.

В-четвертых, интеграция в инфраструктуру «электронного правительства». Регистрационная система стала важным элементом цифровой архитектуры управления государственными ресурсами. Она обеспечивает сквозную связность с другими государственными базами данных (налоговая служба, МВД, Минтруда, Минюст, ЗАГС и др.), тем самым способствуя построению модели «единого окна». Аналогичный подход был успешно реализован, например, в

¹ https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038298

² https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml

³ Указ Президента (№ УП-200) Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы противодействия коррупции и повышению эффективности системы общественного контроля за деятельностью государственных органов и организаций» от 27.11.2023 г. // <https://lex.uz/docs/6676587>

Эстонии¹ – через X-Road – национальную платформу межведомственного обмена данными, которая признана эталоном в сфере govtech-решений.

В-пятых, гармонизация с международными стандартами в сфере прав человека и информационной безопасности. Новое законодательство в области регистрации населения ориентировано на соблюдение норм защиты персональных данных и недопущение произвольного вмешательства в частную жизнь граждан, что соответствует статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах. Введение норм о хранении и обработке персональной информации в безопасных информационных системах, с обязательной верификацией доступа и электронной фиксацией операций, отражает движение Узбекистана в сторону европейских стандартов, таких как Общий регламент по защите данных (GDPR, ЕС)².

Несмотря на положительные сдвиги, сопровождающие реформирование института регистрации в Республике Узбекистан, в процессе практической реализации выявляется ряд существенных проблемных аспектов, требующих системного анализа и законодательного урегулирования:

Во-первых, «цифровой разрыв» в сельских регионах и среди социально уязвимых категорий населения. Одним из ключевых вызовов цифровой трансформации административных процессов остаётся неравномерный уровень доступности интернета и цифровой инфраструктуры в отдалённых и сельских регионах. Низкая степень компьютерной грамотности, особенно среди пожилого населения, лиц с ограниченными возможностями и экономически неблагополучных слоёв общества, приводит к фактической недоступности онлайн-сервисов. Это нарушает принципы социальной справедливости и равенства доступа к государственным услугам, закреплённые в Конституции Республики Узбекистан и ряде международных актов.

Во-вторых, административная нагрузка на собственников жилых помещений. Перераспределение правовой ответственности за своевременную регистрацию на принимающую сторону, включая владельцев и нанимателей жилых помещений, зачастую

¹ Estonia: X-Road Data Exchange Layer — <https://x-road.global>

² GDPR – Regulation (EU) 2016/679.

сопровождается дополнительными финансовыми, временными и организационными издержками. Особенно это актуально в условиях распространённой практики неформальной аренды жилья, когда собственник либо не информирован о своих обязанностях, либо уклоняется от их исполнения, что создаёт риск правовой коллизии и увеличивает долю нерегистрируемых перемещений.

В-третьих, вероятность формализма и злоупотреблений при применении штрафных санкций. В условиях недостаточной регламентации процедур и отсутствия унифицированного механизма обжалования штрафных санкций, существует риск чрезмерно формального подхода со стороны контролирующих органов. Это может повлечь необоснованное привлечение к ответственности, в том числе в случаях добросовестной ошибки со стороны гражданина. Отсутствие градации нарушений и гибкости в их оценке противоречит принципу пропорциональности, закреплённому в административном праве.

В-четвертых, недостаточная защищённость персональных данных в регистрационных системах. Несмотря на наличие норм, регламентирующих защиту персональной информации, на практике отсутствует комплексная система информационной безопасности, охватывающая все уровни обработки данных. Не зафиксированы обязательные процедуры шифрования, двухфакторной аутентификации и независимого аудита доступа к базам. Это создаёт потенциальную угрозу утечки, неправомерного распространения и коммерциализации персональных данных граждан, что противоречит международным стандартам, в частности — Регламенту GDPR Европейского союза.

В-пятых, правовая неопределённость при длительном временном проживании. Законодательство не содержит чётких критериев и сроков, по истечении которых временное пребывание должно трансформироваться в постоянное. Это особенно проблематично для студентов, трудовых мигрантов, сезонных рабочих и лиц, находящихся в условиях вынужденного перемещения внутри страны. Такая неопределённость способствует произвольному толкованию норм, затрудняет учёт миграционного движения и создаёт правовую уязвимость соответствующих категорий граждан.

Для повышения эффективности функционирования системы регистрации населения и устранения выявленных проблемных

аспектов целесообразно принять комплекс следующих нормативных, институциональных и организационно-технических мер:

Во-первых, разработка подзаконных нормативных актов с чётким нормативным разграничением временной и постоянной регистрации. Целесообразно зафиксировать в подзаконных правовых актах критерии, сроки и юридические последствия временного и постоянного пребывания граждан, особенно в контексте мобильных категорий населения (трудовые мигранты, студенты, внутренне перемещённые лица). Это позволит исключить случаи произвольного толкования и правовой неопределённости.

Во-вторых, упрощение пользовательского интерфейса цифровых сервисов и их адаптация к потребностям граждан с ограниченными цифровыми навыками. Рекомендуется внедрение принципов *universal design*, предусматривающих создание интуитивно понятного интерфейса, наличие голосовых подсказок, визуальных инструкций, а также возможность офлайн-записи на приём через колл-центры и центры гос. услуг. Особое внимание должно быть уделено пожилым людям и лицам с инвалидностью.

В-третьих, организация сети мобильных регистрационных пунктов для отдалённых и труднодоступных территорий. Создание мобильных центров регистрации – на базе транспорта центров гос.услуг или местных администраций – обеспечит доступ к базовым государственным услугам жителям сельских регионов, не имеющим физической возможности посетить стационарные офисы. Данная практика широко используется в **Литве**, где на базе проекта «*Mobilų klientų aptarnavimo tarnyba*» (Мобильная служба по обслуживанию клиентов) гражданам предоставляются более 100 видов услуг, включая регистрацию места жительства, оформление документов и социальных выплат. По данным Министерства внутренних дел Литовской Республики, в 2021 году мобильные центры обслужили более 20 000 граждан в 57 муниципалитетах страны¹.

Не менее успешно аналогичная модель применяется в **Индии**, где в рамках программы *Mobile Common Services Centers (m-CSC)* осуществляются выезды в сельские общины с целью предоставления государственных, финансовых и юридических услуг. Эти центры,

¹ Ministry of the Interior of the Republic of Lithuania. *Mobile Service Units* – <https://vrm.lrv.lt/en/structure-and-contacts/departments/migration-department/mobile-service-units>

интегрированные в проект *Digital India*, укомплектованы планшетами, спутниковой связью и биометрическим оборудованием, что обеспечивает полную идентификацию и оформление заявлений в полевых условиях¹.

Применение такой модели позволяет: минимизировать территориальное неравенство; повысить правовую доступность услуг; снизить нагрузку на городские офисы центров гос. услуг; способствовать цифровой инклюзии и формированию доверия к институтам власти в труднодоступных регионах.

В условиях Узбекистана, где значительная часть населения проживает в сельской местности (более 50% по данным Госкомстата², внедрение мобильных пунктов регистрации может стать действенным инструментом реализации принципа равенства в доступе к государственным услугам.

В-четвертых, усиление механизмов обеспечения информационной безопасности персональных данных. Следует внедрить обязательную сертификацию всех цифровых платформ и баз данных, связанных с регистрацией населения, с установлением строгих требований к шифрованию, авторизации, аудиту доступа и резервному хранению информации. Также важно привлекать независимых операторов для проведения регулярного ИТ-мониторинга в соответствии с международными стандартами (например, ISO/IEC 27001)³.

В-пятых, установление льготного адаптационного периода без применения санкций в начальный период реализации законодательства. Практика так называемого «переходного окна» широко применяется в странах ОЭСР при внедрении цифровых реформ. На данном этапе целесообразно освободить граждан от административной ответственности за просрочку регистрации, одновременно усилив разъяснительную работу.

¹ Government of India, Ministry of Electronics and IT. *Mobile CSCs under Digital India programme* – <https://csc.gov.in/mobile-csc/>

² Давлат статистика қўмитаси. *Ўзбекистон Республикаси аҳолисининг шаҳар ва қишлоқ бўйича тақсимланиши* – <https://stat.uz/uz/rasmiy-statistika/demography>

³ Прим: **ISO/IEC 27001** – это международный стандарт в области **информационной безопасности**, устанавливающий требования к созданию, внедрению, сопровождению и постоянному улучшению **системы управления информационной безопасностью (СУИБ)**. Стандарт широко применяется в более чем 100 странах мира, включая страны ОЭСР, ЕС, а также постепенно внедряется в Центральной Азии. Его **сертификация** – важный показатель доверия, особенно в международных проектах и при трансграничной обработке данных

В-шестых, проведение широкой правопросветительской кампании при участии махаллинских комитетов, органов самоуправления граждан, средств массовой информации и учреждений образования. Повышение правовой осведомлённости и правовой культуры населения – ключевой фактор успешной реализации реформ. Кампания должна охватывать различные каналы коммуникации: телевидение, радио, соцсети, листовки, тренинги в образовательных учреждениях, информационные сессии в центрах гос. услуг и махаллях.

Принятие Закона Республики Узбекистан от 11 марта 2024 года № ЗРУ-1074 «О порядке регистрации и учёта проживания граждан Республики Узбекистан, иностранных граждан и лиц без гражданства» ознаменовало собой важный этап в трансформации отечественной системы административного учёта населения. Данный нормативный акт органично вписывается в концепцию «Цифрового Узбекистана – 2030» и отражает стратегический курс на формирование сервисно-ориентированной модели государственного управления.

Введение унифицированной и цифровой системы регистрации, интегрированной в архитектуру электронного правительства, не только упрощает доступ граждан к государственным услугам, но и способствует обеспечению ключевых прав и свобод личности, в частности – права на свободу передвижения и выбора места жительства, закреплённого в статье 28 Конституции Республики Узбекистан, а также в международных актах, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 12).

Реформа имеет выраженную антикоррупционную направленность: устранение разрешительного характера «прописки», автоматизация и цифровизация процедур минимизируют субъективный фактор и создают благоприятную правовую среду для снижения административных барьеров и повышения прозрачности государственного управления. Вместе с тем, необходимо учитывать риски, сопровождающие столь масштабную модернизацию. Среди них – «цифровой разрыв», недостаточный уровень правовой грамотности населения, а также уязвимость персональных данных в условиях стремительного роста числа цифровых сервисов.

Кроме того, анализ показал, что успешная реализация положений Закона № ЗРУ-1074 требует уточнения ряда нормативно-правовых положений, особенно в части разграничения временной и постоянной регистрации, процедуры наложения санкций, а также нормативного обеспечения защиты персональной информации. Особую значимость приобретает необходимость внедрения механизмов адаптации уязвимых категорий граждан (пожилых лиц, мигрантов, жителей сельских территорий) к новым цифровым реалиям.

Международная практика показывает, что подобные реформы достигают устойчивого результата лишь при наличии:

- последовательной институциональной поддержки;
- достаточной технической инфраструктуры;
- межведомственного взаимодействия;
- широкой правопросветительской кампании.

Таким образом, Закон № ЗРУ-1074 является не только юридическим, но и социально-политическим инструментом, направленным на модернизацию взаимодействия государства и общества. Его эффективность будет напрямую зависеть от комплексного подхода к реализации, в том числе – нормативного сопровождения, институционального обеспечения, цифровой инклюзии и соблюдения международных правовых стандартов.

**КУПРИЯНОВА ИЛОНА
МИХАЙЛОВНА**

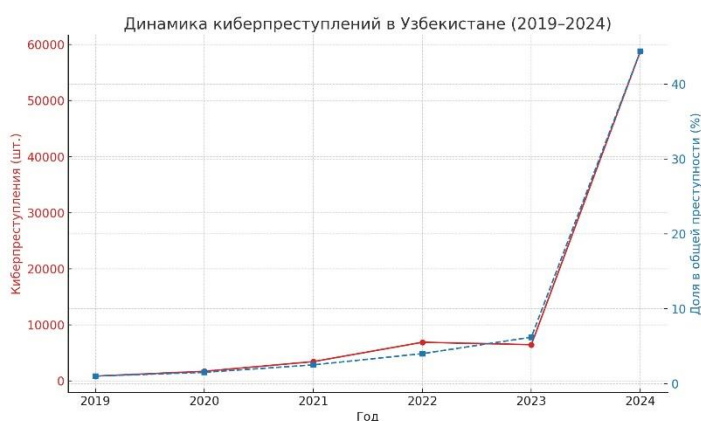
главный эксперт отдела Цифровых
экспертиз Главного экспертно-
криминалистического центра МВД РУ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ, РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современная цифровая трансформация общества сопровождается активным развитием технологий и, как следствие, ростом количества киберпреступлений. Преступники всё чаще используют цифровую среду для совершения мошенничества, распространения вредоносного ПО, взломов, краж персональных

данных и других противоправных действий. Особенно уязвимыми становятся социальные сети, онлайн-банкинг и облачные хранилища данных, что требует постоянного обновления механизмов информационной безопасности.

В 2024 году в Узбекистане было зафиксировано более 58 800 киберпреступлений, что в 9,1 раза превышает показатели 2023 года. За последние пять лет количество таких преступлений увеличилось в 68 раз. Доля киберпреступлений в общей структуре преступности выросла с 6,2% в 2023 году до 44,4% в 2024 году. За последние пять лет ущерб от кибермошенничеств превысил 1,9 трлн сумов (около 150 млн долларов США), при этом 98% случаев связаны с банковскими картами. В 2024 году было зафиксировано более 12

миллионов попыток кибератак, что на 34% больше по сравнению с предыдущим годом (илл. 1)¹.

Илл. 1. Динамика киберпреступлений в Узбекистане.

В качестве меры в борьбе с киберпреступностью, в апреле текущего года вышло постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-153, усиливающее ответственность за киберпреступления, включая кражу денежных средств с использованием информационных технологий. Также, планируется введение механизмов возмещения ущерба пострадавшим от киберпреступлений, а также публичное объявление списка банков и платёжных организаций, допустивших нарушения в сфере информационной безопасности. Формируются специальные группы

¹ <https://kapital.uz/kiberprestupnost-v-uzbekistane/> (дата доступа 04.06.2025 г.)

для отслеживания подозрительных финансовых операций и оперативного блокирования задействованных банковских карт¹.

Рассмотрим основные действия в борьбе киберпреступлениями, успешно реализуемых в таких странах как Германия, Южная Корея, Канада, Япония, ОАЭ. Это прежде всего внедрение современных технологий, включая системы искусственного интеллекта и машинного обучения, для анализа цифровых следов и выявления киберугроз. Организация регулярных обучающих программ для сотрудников правоохранительных органов по вопросам кибербезопасности и цифровой криминалистики. Укрепление взаимодействия между различными государственными органами и международными организациями для обмена информацией и координации действий. Проведение информационных кампаний для повышения осведомлённости граждан о киберугрозах и способах защиты от них.

Одним из ключевых направлений совершенствования является укрепление потенциала подразделений, занимающихся цифровыми экспертизами. Это включает в себя не только техническое переоснащение, но и постоянное повышение квалификации экспертов. Широкое внедрение автоматизированных систем, а также использование искусственного интеллекта (включая нейросети и алгоритмы машинного обучения) позволяет ускорить анализ цифровых следов, обнаруживать закономерности и предсказывать возможные схемы преступлений. Современные программные решения позволяют выявлять аномалии в трафике, устанавливать источники атак и производить атрибуцию действий злоумышленников.

Важным аспектом остаётся межведомственное сотрудничество и обмен информацией, как внутри страны, так и на международном уровне. Учитывая трансграничный характер большинства киберпреступлений, эффективное взаимодействие с зарубежными структурами и организациями, такими как INTERPOL, Европол, CERT, а также участие в глобальных киберучениях и рабочих группах, становится неотъемлемой частью стратегии противодействия киберугрозам. Это позволяет своевременно

¹ Голубев В. А. Киберпреступность и цифровые угрозы: современные подходы к обеспечению информационной безопасности. — М.: Юрайт, 2023. — С. 145.

получать информацию о новых угрозах, обмениваться аналитикой и разрабатывать совместные меры реагирования¹.

Кроме того, необходима правовая адаптация: уголовное и процессуальное законодательство должно успевать за изменениями в цифровой среде. Это включает в себя более чёткое определение понятий, таких как «цифровое доказательство», «информационная система», «несанкционированный доступ», упрощение процедуры получения цифровых доказательств, возможность их использования в суде, а также обеспечение правовых основ для использования автоматизированных средств анализа. Важно также внедрение норм, касающихся трансграничного доступа к информации, с соблюдением международных стандартов по защите персональных данных.

Особое внимание следует уделить профилактической работе. Повышение уровня цифровой грамотности населения, информационные кампании, создание безопасной цифровой среды — всё это способствует снижению уязвимости граждан перед киберугрозами. Также необходимо развивать сотрудничество с частным сектором, в том числе с банками, интернет-провайдерами, крупными ИТ-компаниями, поскольку они обладают техническими возможностями и ресурсами для быстрого реагирования на инциденты и предоставления данных в рамках расследования.

Перспективным направлением является создание национального центра мониторинга и реагирования на компьютерные инциденты, который бы координировал действия различных ведомств, осуществлял анализ угроз и вырабатывал рекомендации по их нейтрализации. Также важно развивать криминалистическую методологию в области цифровых технологий, в том числе через публикации, научные исследования и внедрение новых методик в учебный процесс подготовки экспертов².

Таким образом, борьба с киберпреступлениями требует комплексного и системного подхода, сочетающего технологическое развитие, кадровую политику, правовые реформы, профилактику и международное сотрудничество. Только в этом случае можно

¹ CERT-UA: Доклад о киберугрозах за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: <https://cert.gov.ua> (дата обращения: 01.06.2025).

² Чумакова Л. И. Проблемы правового регулирования цифровых доказательств в уголовном процессе // Право и цифровая среда. — 2021. — №2. — С. 51.

говорить об эффективном предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений в цифровой среде. Необходимо постоянное совершенствование всех элементов системы кибербезопасности, чтобы обеспечить надёжную защиту государства, общества и личности от новых форм цифровой преступности.

САИД ГУЛЯМОВ

доктор юридических наук, профессор
Заведующий кафедрой Киберправа
Ташкентский государственный
юридический университет

ЭТИКА СБОРА И ОБРАБОТКИ БОЛЬШИХ ДАННЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ УРОКИ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА

***Аннотация.** Цифровая трансформация правоохранительной деятельности создает новые вызовы в области этики использования больших данных и алгоритмических систем. Европейский союз выработал комплексную правовую базу, регулирующую применение технологий анализа данных в правоохранительной сфере через Общий регламент по защите данных (GDPR) и Директиву о правоприменении (LED). Настоящее исследование анализирует ключевые судебные решения европейских судов, включая дело Digital Rights Ireland (2014), Schrems II (2020) и голландский кейс SyRI (2020), которые установили четкие границы допустимого использования больших данных правоохранительными органами. Методология исследования основана на анализе судебной практики, нормативных актов ЕС и принципов «защита данных посредством проектирования» (privacy by design) в правоохранительной деятельности. Результаты показывают, что успешное внедрение этических принципов требует сочетания правовых гарантий, технических мер защиты и институциональных механизмов контроля. Практическое значение исследования заключается в выработке рекомендаций для правоохранительных органов Узбекистана по внедрению международных стандартов защиты данных при сохранении эффективности борьбы с киберпреступностью и коррупцией. Анализ европейского опыта демонстрирует возможность достижения баланса между требованиями национальной безопасности и защитой фундаментальных прав граждан через применение принципов*

пропорциональности и необходимости в цифровой правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: *большие данные, этика правоохранения, GDPR, судебная практика ЕС, защита данных посредством проектирования, алгоритмическая ответственность*

I. ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие технологий больших данных кардинально изменило методы работы правоохранительных органов по всему миру, создав беспрецедентные возможности для предотвращения преступлений и расследования правонарушений. Современные алгоритмические системы позволяют анализировать финансовые транзакции для выявления отмывания денег, обрабатывать метаданные коммуникаций для обнаружения террористических сетей, и использовать предиктивные модели для оптимального размещения патрульных служб. Однако эти возможности порождают фундаментальные этические дилеммы относительно презумпции невиновности, права на неприкосновенность частной жизни и принципов пропорциональности в демократических обществах.

Европейский союз стал пионером в разработке комплексной правовой базы, регулирующей использование больших данных правоохранительными органами. Принятие Общего регламента по защите данных (GDPR)¹ в 2016 году и Директивы о правоприменении (LED)² создало всеобъемлющую систему правовых гарантий, устанавливающую строгие требования к обработке персональных данных в правоохранительных целях. Эти документы дополняются Хартией основных прав ЕС (2000)³, которая закрепляет защиту данных как фундаментальное право в статье 8 и гарантирует неприкосновенность частной жизни в статье 7.

¹ European Union. (2016). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union, L 119/1. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng>

² European Union. (2016). Directive (EU) 2016/680 of the European Parliament and of the Council on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by competent authorities for the purposes of the prevention, investigation, detection or prosecution of criminal offences or the execution of criminal penalties (Law Enforcement Directive). Official Journal of the European Union, L 119/89. <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/680/oj/eng>

³ European Union. (2000). Charter of Fundamental Rights of the European Union. Official Journal of the European Union, C 364/01. https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf

Совокупность этих инструментов формирует уникальную правовую экосистему, балансирующую потребности правоохранительных органов с защитой фундаментальных прав граждан.

Судебная практика Суда Европейского союза выработала четкие принципы ограничения государственного вмешательства в частную жизнь граждан через технологические средства. Знаковое решение по делу Digital Rights Ireland (2014)¹ признало недействительной Директиву о хранении данных за нарушение принципа пропорциональности при массовом сборе метаданных телекоммуникаций. Последующие решения, включая Schrems II (2020)², установили строгие ограничения на трансграничную передачу данных для правоохранительных целей. Голландский суд в деле SyRI (2020)³ признал незаконным использование алгоритмической системы массового профилирования граждан для выявления мошенничества с социальными пособиями, установив важные прецеденты для регулирования искусственного интеллекта в государственном управлении.

Практические вызовы внедрения этических принципов в правоохранительную деятельность требуют интегрированного подхода, сочетающего правовые нормы, технические решения и институциональные механизмы. Технологии принципов «защита данных посредством проектирования», закрепленные в статье 25 GDPR, предоставляют конкретные инструменты для минимизации вторжения в частную жизнь при сохранении аналитических возможностей. Институциональные инновации, включая создание этических комитетов по данным и внедрение алгоритмических аудитов, обеспечивают непрерывный контроль за соблюдением этических стандартов⁴.

¹ Court of Justice of the European Union. (2014). Digital Rights Ireland Ltd v Minister for Communications, Marine and Natural Resources and Others (Joined Cases C-293/12 and C-594/12). EU:C:2014:238. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62012CJ0293>

² Court of Justice of the European Union. (2020). Data Protection Commissioner v Facebook Ireland Limited and Maximillian Schrems (Case C-311/18). EU:C:2020:559. <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-311/18>

³ District Court of The Hague. (2020). NJCM c.s./De Staat der Nederlanden (Ministerie van SZW) (Case C/09/550982/HA ZA 18-388). ECLI:NL:RBDHA:2020:865. <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:RBDHA:2020:865>

⁴ Cavoukian, A. (2009). Privacy by Design: The 7 Foundational Principles. Information and Privacy Commissioner of Ontario, Canada.

Для правоохранительных органов Узбекистана, находящихся в процессе цифровой модернизации, европейский опыт предоставляет ценные уроки по построению этически ответственной системы использования больших данных. Принятие в 2019 году Закона "О персональных данных" (№ЗРУ-547, 2019)¹ и принятие в 2022 году Закона "О кибербезопасности" (№ЗРУ-764, 2022)² создали правовую основу для внедрения международных стандартов защиты данных. Растущее международное сотрудничество в области кибербезопасности и противодействия трансграничной преступности требует гармонизации подходов к этике использования данных с международными стандартами, что делает изучение европейского опыта особенно актуальным для узбекистанских правоохранительных органов.

II. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕС

Общий регламент по защите данных (GDPR), вступивший в силу 25 мая 2018 года, установил глобальный стандарт защиты персональных данных, оказав значительное влияние на правоохранительную деятельность во всех государствах-членах ЕС. Статья 6 GDPR определяет правовые основания для обработки персональных данных, включая выполнение задач, осуществляемых в общественных интересах или при осуществлении официальных полномочий, что непосредственно применимо к правоохранительной деятельности. Статья 9 устанавливает особые категории персональных данных, требующие дополнительной защиты, включая биометрические и генетические данные, широко используемые в криминалистике. Принцип минимизации данных, закрепленный в статье 5(1)(с), требует ограничения обработки данных только теми сведениями, которые необходимы для достижения заявленной цели.

Директива о правоприменении (LED), принятая параллельно с GDPR, специально регулирует обработку персональных данных правоохранительными органами для предотвращения, расследования, выявления или преследования уголовных преступлений или исполнения уголовных наказаний. Статья 4 LED

¹ Республика Узбекистан. (2019). Закон Республики Узбекистан "О персональных данных" № ЗРУ-547. www.lex.uz

² Республика Узбекистан. (2022). Закон Республики Узбекистан "О кибербезопасности" № ЗРУ-764. www.lex.uz

устанавливает принципы обработки данных, адаптированные к специфике правоохранительной деятельности, включая требования точности, актуальности и пропорциональности. Статья 5 определяет максимальные сроки хранения данных в зависимости от категории субъекта данных и тяжести расследуемого преступления. Статья 13 закрепляет права субъектов данных в правоохранительном контексте, включая право на информацию, доступ и исправление данных с учетом ограничений, необходимых для защиты расследования.

Статья 25 GDPR "Защита данных посредством проектирования и по умолчанию" имеет особое значение для правоохранительных органов, требуя интеграции принципов защиты данных в технологические системы с момента их разработки. Контроллер данных обязан внедрять соответствующие технические и организационные меры, такие как псевдонимизация, которые направлены на эффективную реализацию принципов защиты данных и интеграцию необходимых мер безопасности в обработку данных. Пункт 2 статьи 25 требует, чтобы по умолчанию обрабатывались только персональные данные, необходимые для каждой конкретной цели обработки. Эти требования создают правовую основу для применения технологий обеспечения конфиденциальности в правоохранительных системах.

ТАБЛИЦА 1: Правовая база ЕС для использования больших данных в правоохранительной деятельности

Правово й инструм ент	Ключев ые статьи	Основные требования	Применение к большим данным	Принципы защиты данных
GDPR (2016/679)	Статьи 5, 6, 9, 25, 35	Минимизация данных, правовые основания, DPO, DPIA	Алгоритмич еская обработка, профилирова ние, автоматизир ованные решения	Защита данных посредством проектирования , пропорциональ ность

Правово й инструм ент	Ключев ые статьи	Основные требования	Применение к большим данным	Принципы защиты данных
LED (2016/680)	Статьи 4, 11, 13, 29	Специальные принципы для правоохранения , сроки хранения	Международ ный обмен данными, совместные расследован ия	Необходимость, пропорциональ ность
Хартия ЕС (2000)	Статьи 7, 8, 47	Право на частную жизнь, защиту данных, справедливое судебное разбирательств о	Конституцио нные ограничения массового наблюдения	Баланс интересов
ePrivacy Directive (2002)	Статьи 5, 15	Конфиденциаль ность коммуникаций, метаданные	Перехват коммуникац ий, хранение метаданных	Согласие, исключения

Источник: составлено автором на основе официальных текстов ЕС (European Union, 2016)

Практическое внедрение правовых требований ЕС демонстрирует значительные различия между государствами-членами, отражающие различные правовые традиции и институциональные возможности. Германия приняла одни из самых строгих национальных законов, включая Федеральный закон о защите данных (BDSG, 2018)¹, который устанавливает дополнительные требования к правоохранительным органам сверх минимальных стандартов ЕС. Франция внедрила интегрированную систему контроля через Национальную комиссию по информатике и свободам (CNIL)², которая проводит регулярные аудиты правоохранительных систем обработки данных. Нидерланды, после

¹ Germany. (2017). Bundesdatenschutzgesetz (Federal Data Protection Act). BGBl. I S. 2097. https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bdsch/englisch_bdsch.html

² CNIL (Комиссия по информатике и свободам) - это французский надзорный орган по защите данных. <https://www.cnil.fr/en>

решения по делу SyRI (2020), усилили требования к алгоритмической прозрачности в государственном секторе.

Трансграничное сотрудничество правоохранительных органов ЕС регулируется специальными механизмами, включая Прюмскую конвенцию¹ для обмена ДНК, отпечатками пальцев и регистрационными данными транспортных средств. Система Eurodac² обеспечивает сравнение отпечатков пальцев лиц, ищущих убежище, а Шенгенская информационная система (SIS II) позволяет обмен информацией о розыске лиц и предметов. Регламенты о взаимодействии (EU) 2019/817-819³ создают техническую основу для соединения этих систем при соблюдении принципов защиты данных. Европол играет центральную роль в координации обработки данных для борьбы с серьезной международной преступностью через платформу SIENA (Secure Information Exchange Network Application)⁴.

Для правоохранительных органов Узбекистана европейская правовая модель предоставляет практическую схему для развития национального законодательства о защите данных в правоохранительной сфере. Принятый в 2019 году Закон "О персональных данных" содержит базовые принципы, сопоставимые с GDPR, но требует дополнительной детализации для правоохранительного контекста. Создание специализированного органа по защите данных и разработка подзаконных актов для правоохранительных органов могли бы обеспечить более эффективное внедрение международных стандартов при учете национальных особенностей и приоритетов безопасности⁵.

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ

Решение Суда Европейского союза по делу Digital Rights Ireland Ltd против Министра коммуникаций Ирландии (объединенные дела C-293/12 и C-594/12) от 8 апреля 2014 года стало переломным

¹ Прюмская конвенция. <https://elib.bsu.by/handle/123456789/27602>

² Eurodac is the European Union's centralised biometric database. <https://www.eulisa.europa.eu/activities/large-scale-it-systems/eurodac>

³ Regulations 2019/817-819. See details: www.eur-lex.europa.eu

⁴ SIENA (Secure Information Exchange Network Application). <https://www.europol.europa.eu/operations-services-and-innovation/services-support/information-exchange/secure-information-exchange-network-application-siena>

⁵ Gulyamov, S. (2024). Intelligent waste management using IoT, blockchain technology and data analytics. In E3S Web of Conferences (Vol. 501, p. 01010). EDP Sciences.

моментом в регулировании массового сбора данных правоохрнительными органами. Суд признал недействительной Директиву 2006/24/ЕС о хранении данных, которая обязывала поставщиков телекоммуникационных услуг хранить метаданные всех граждан в течение 6-24 месяцев для возможного использования правоохрнительными органами. Основанием для признания недействительности стало нарушение статей 7 и 8 Хартии основных прав ЕС, гарантирующих соответственно право на частную жизнь и защиту персональных данных. Суд установил, что массовое хранение данных "всех лиц, всех средств электронной связи" без каких-либо исключений является несоразмерным вмешательством в фундаментальные права.

Решение в деле Digital Rights Ireland установило строгий тест пропорциональности для законодательства, затрагивающего фундаментальные права через технологические средства¹. Суд подчеркнул, что любое вмешательство в права на частную жизнь и защиту данных должно быть ограничено строго необходимым для достижения поставленной цели. Директива о хранении данных была признана чрезмерно широкой, поскольку требовала хранения данных о всех гражданах без различия между теми, кто может быть причастен к серьезным преступлениям, и теми, кто не находится под подозрением. Кроме того, Суд отметил отсутствие достаточных гарантий против злоупотреблений, включая требования судебного контроля для доступа к сохраненным данным. Это решение повлияло на законодательство многих стран, вынудив их пересмотреть программы массового наблюдения.

Дело Data Protection Commissioner против Facebook Ireland Limited и Maximillian Schrems (дело C-311/18), известное как Schrems II, было рассмотрено Судом ЕС 16 июля 2020 года и касалось трансграничной передачи персональных данных для правоохрнительных целей. Суд признал недействительным решение Европейской комиссии об адекватности защиты данных в рамках соглашения EU-US Privacy Shield, установив, что американское законодательство о национальной безопасности не обеспечивает по существу эквивалентный уровень защиты данных европейских граждан. Основными проблемами были определены

¹ Dwork, C. (2006). Differential privacy. In Proceedings of the 33rd International Colloquium on Automata, Languages and Programming (pp. 1-12). Springer.

раздел 702 Закона о наблюдении за внешней разведкой (FISA) и Исполнительный указ 12333, которые позволяли американским спецслужбам осуществлять массовое наблюдение без адекватных судебных гарантий. Суд также отметил отсутствие эффективных средств правовой защиты для европейских граждан против американского правительственного наблюдения.

Решение Schrems II имело немедленные практические последствия для международного сотрудничества правоохранительных органов, особенно в области киберпреступности и борьбы с терроризмом. Тысячи компаний были вынуждены пересмотреть свои процедуры передачи данных в США, а правоохранительные органы столкнулись с дополнительными ограничениями при запросе данных от американских технологических компаний¹. Решение также укрепило позицию ЕС как глобального регулятора в области защиты данных, демонстрируя готовность принести в жертву экономические интересы ради защиты фундаментальных прав. Европейский совет по защите данных выпустил дополнительные руководящие принципы по международным передачам данных, требующие от организаций проведения оценки рисков для каждой страны назначения.

Дело NJCM и другие против Государства Нидерланды, более известное как дело SyRI, было рассмотрено Окружным судом Гааги 5 февраля 2020 года и стало первым судебным решением, признавшим незаконной государственную систему алгоритмического профилирования граждан. Система SyRI (System Risk Indication) использовалась голландским правительством с 2014 года для выявления потенциального мошенничества в области социальных пособий путем анализа данных из различных государственных баз данных, включая налоговые органы, службы социального обеспечения и муниципалитеты. Суд установил, что SyRI нарушает статью 8 Европейской конвенции по правам человека (право на уважение частной и семейной жизни), поскольку не достигает справедливого баланса между вмешательством в частную жизнь и общественными интересами в выявлении мошенничества.

Ключевыми факторами, приведшими к признанию SyRI незаконной, стали непрозрачность алгоритма, широкий охват

¹ Dwork, C., McSherry, F., Nissim, K., & Smith, A. (2006). Calibrating noise to sensitivity in private data analysis. In Theory of Cryptography Conference (pp. 265-284). Springer.

обрабатываемых данных и отсутствие достаточных гарантий для защиты прав граждан. Суд отметил, что граждане не информировались о включении их данных в анализ SyRI и не имели возможности оспорить алгоритмические решения. Система анализировала данные о целых районах, часто нацеливаясь на районы с низкими доходами, что создавало риск дискриминации. Отсутствие публичной информации о том, как именно работает алгоритм, делало невозможным независимую оценку его справедливости и точности. Это решение установило важные прецеденты для регулирования искусственного интеллекта в государственном управлении, подчеркнув необходимость алгоритмической прозрачности и подотчетности.

Последующие дела в европейских судах развили принципы, установленные в этих знаковых решениях. Дело *Tele2 Sverige и Watson* (объединенные дела C-203/15 и C-698/15)¹ от 21 декабря 2016 года уточнило условия, при которых национальные законы о хранении данных могут быть совместимы с правом ЕС. Суд установил, что целенаправленное хранение данных может быть разрешено для борьбы с серьезными преступлениями при наличии достаточных гарантий, включая предварительный контроль судебного или независимого административного органа. Дело *La Quadrature du Net* и другие (объединенные дела C-511/18, C-512/18 и C-520/18)² от 6 октября 2020 года дополнительно ограничило возможности общего и неизбирательного хранения данных, разрешив их только в исключительных случаях серьезных угроз национальной безопасности.

Для правоохранительных органов Узбекистана эти судебные прецеденты предоставляют четкие ориентиры для разработки этически ответственных систем обработки данных. Принципы пропорциональности, прозрачности и подотчетности, установленные европейскими судами, могут быть адаптированы к национальному контексту через соответствующие правовые и институциональные механизмы³. Создание независимого органа

¹ Joined Cases C-203/15 and C-698/15. <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=c-203/15>

² Joined Cases C-511/18, C-512/18 and C-520/18. <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-511/18>

³ Said, G., Azamat, K., Ravshan, S., & Bokhadir, A. (2023). Adapting legal systems to the development of artificial intelligence: solving the global problem of AI in judicial processes. *International Journal of Cyber Law*, 1(4), 4.

надзора за использованием алгоритмических систем в правоохранительной деятельности и внедрение требований об оценке воздействия на права человека могли бы обеспечить соответствие международным стандартам при сохранении эффективности борьбы с преступностью.

IV. ПРИНЦИПЫ И ТЕХНОЛОГИИ PRIVACY BY DESIGN В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья 25 GDPR "Защита данных посредством проектирования и по умолчанию" обязывает правоохранительные органы внедрять технические и организационные меры для защиты персональных данных с момента разработки систем обработки данных. Концепция «защита данных посредством проектирования», разработанная канадским экспертом Энн Кавукян, основывается на семи фундаментальных принципах: проактивность, а не реактивность; защита как настройка по умолчанию; защита, встроенная в дизайн; полная функциональность; сквозная безопасность; видимость и прозрачность; уважение к приватности пользователя¹. Эти принципы требуют интеграции защиты данных в архитектуру информационных систем правоохранительных органов на всех этапах их жизненного цикла.

Псевдонимизация, явно упомянутая в GDPR как пример технической меры защиты данных, представляет собой процесс обработки персональных данных таким образом, что данные больше не могут быть отнесены к конкретному субъекту данных без использования дополнительной информации. В правоохранительном контексте псевдонимизация позволяет проводить статистический анализ и выявление паттернов преступности без раскрытия личности граждан на этапе первичного анализа. Техническая реализация псевдонимизации может включать криптографические хэш-функции, симметричное шифрование с отдельным хранением ключей, или использование синтетических идентификаторов, заменяющих реальные персональные данные в аналитических процессах.

Дифференциальная приватность представляет собой математически строгий подход к защите индивидуальной приватности при проведении статистического анализа больших

¹ Bincoletto, Giorgia. (2021). Chapter 2 Data protection by design: from privacy by design to Article 25 of the GDPR. 10.5771/9783748929895-37.

данных. Эта технология добавляет калиброванный "шум" к результатам запросов к базам данных, обеспечивая статистическую точность на агрегированном уровне при невозможности идентификации отдельных лиц¹.

Технологии анонимизации и минимизации данных играют ключевую роль в обеспечении соответствия принципам GDPR. К-анонимность обеспечивает, что каждая запись в наборе данных неотличима от по крайней мере $k-1$ других записей относительно идентифицирующих атрибутов. L-разнообразие дополняет k-анонимность требованием, чтобы чувствительные атрибуты имели по крайней мере 1 различных значений в каждой группе эквивалентности. T-близость ограничивает расстояние между распределением чувствительного атрибута в группе эквивалентности и распределением атрибута во всем наборе данных². Эти техники позволяют правоохранительным органам публиковать статистические данные о преступности без риска идентификации отдельных лиц или раскрытия чувствительной информации о расследованиях.

ТАБЛИЦА 2: Принципы и технологии Privacy by Design для правоохранительных органов

Принцип/ Технология	Описание	Применение в правоохранении	Технические требования	Правовая основа
Псевдонимизация	Замена прямых идентификаторов обратимыми кодами	Статистический анализ преступности без раскрытия личности	Криптографические хэш-функции, управление ключами	Статья 4(5) GDPR
Дифференциальная	Математические гарантии защиты через	Публикация агрегированн	Настройка параметра ϵ , алгоритмы	Принцип минимизации и GDPR

¹ Machanavajjhala, A., Kifer, D., Gehrke, J., & Venkitasubramaniam, M. (2007). L-diversity: Privacy beyond k-anonymity. ACM Transactions on Knowledge Discovery from Data, 1(1), 3-es.

² Sweeney, L. (2002). k-anonymity: A model for protecting privacy. International Journal of Uncertainty, Fuzziness and Knowledge-Based Systems, 10(5), 557-570.

Принцип/ Технология	Описание	Применение в правоохране нии	Технически е требования	Правовая основа
приватнос ть	калиброванн ый шум	ой статистики	добавления шума	
К- анонимно сть	Группировка записей для предотвраще ния идентификац ии	Обмен данными между юрисдикция ми	Подавление/ обобщение атрибутов	Статья 25 GDPR
Шифрова ние данных	Криптографи ческая защита данных в покое и при передаче	Защита баз данных и коммуникаци й	AES-256, управление ключами, HSM	Статья 32 GDPR
Контроль доступа	Ограничение доступа по принципу минимальнос ти	Разграничени е доступа к данным расследовани й	RBAC, ABAC, многофакто рная аутентифик ация	Принцип необходимо сти
Аудит и логирован ие	Неизменяем ые записи доступа к данным	Обеспечение подотчетност и сотрудников	Криптограф ические подписи, распределен ное хранение	Статья 5(2) GDPR

Источник: составлено автором на основе принципов GDPR и технических стандартов

Системы контроля доступа и аудита стали критически важными для обеспечения соблюдения принципов GDPR в правоохранительных системах. Ролевой контроль доступа (RBAC) позволяет ограничить доступ к персональным данным в соответствии с должностными обязанностями сотрудников и принципом минимальности. Атрибутный контроль доступа (ABAC) предоставляет более гибкие возможности, учитывая контекст

запроса, такой как время, местоположение, тип расследования и уровень секретности данных. Системы аудита должны создавать неизменяемые записи всех операций с персональными данными, включая время доступа, идентификацию пользователя, тип операции и правовое основание для обработки¹.

Шифрование данных в покое и при передаче стало стандартной практикой в правоохранительных системах, обеспечивая конфиденциальность даже в случае несанкционированного доступа к хранилищам данных или перехвата коммуникаций. Современные стандарты требуют использования алгоритмов симметричного шифрования (AES-256) для больших объемов данных и асимметричного шифрования (RSA-2048 или эллиптические кривые) для обмена ключами и цифровых подписей. Управление ключами шифрования должно соответствовать принципам разделения обязанностей и использовать аппаратные модули безопасности (HSM) для защиты от компрометации².

Автоматизированное управление жизненным циклом данных обеспечивает соблюдение требований GDPR по срокам хранения и удалению персональных данных. Системы должны автоматически помечать данные с истекшими сроками хранения, уведомлять ответственных сотрудников о необходимости принятия решения об удалении или продлении срока хранения, и обеспечивать безвозвратное удаление данных при отсутствии правовых оснований для их дальнейшего хранения. Особое внимание требуется при обработке данных о несовершеннолетних, которые подлежат удалению при достижении совершеннолетия, если нет специальных правовых оснований для их сохранения.

Для правоохранительных органов Узбекистана внедрение принципов «защита данных посредством проектирования» может начинаться с базовых технических мер, таких как псевдонимизация идентификаторов в аналитических системах и шифрование баз данных. Постепенное развитие технологических возможностей позволит внедрить более сложные методы, такие как дифференциальная приватность для публикации статистики преступности. Создание национальных технических стандартов по

¹ Samarati, P. (2001). Protecting respondents' identities in microdata release. *IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering*, 13(6), 1010-1027.

² Li, N., Li, T., & Venkatasubramanian, S. (2007). t-closeness: Privacy beyond k-anonymity and l-diversity. In *IEEE 23rd International Conference on Data Engineering* (pp. 106-115).

защите данных в правоохранительной деятельности обеспечит единообразное применение принципов «защита данных посредством проектирования» во всех ведомствах и регионах страны.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА

Анализ европейского опыта регулирования этики использования больших данных в правоохранительной деятельности демонстрирует возможность достижения эффективного баланса между потребностями национальной безопасности и защитой фундаментальных прав граждан через комплексный подход, сочетающий правовые гарантии, технические меры и институциональные механизмы контроля. Ключевые судебные решения, включая Digital Rights Ireland, Schrems II и SyRI, установили четкие принципы пропорциональности, необходимости и прозрачности, которые должны применяться к любым технологическим системам, затрагивающим права граждан. Принципы «защита данных посредством проектирования» предоставляют практические инструменты для технической реализации защиты данных без ущерба для оперативной эффективности правоохранительных органов.

Для правоохранительных органов Республики Узбекистан европейский опыт предоставляет ценные уроки для построения этически ответственной системы использования больших данных в контексте продолжающейся цифровой модернизации и укрепления международного сотрудничества в области безопасности. Принятие в 2019 году Закона «О персональных данных» (ЗРУ-547, 2019), в 2022 году Закона «О кибербезопасности» (ЗРУ-764, 2022), в 2024 году Постановления Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года» (ПП-358, 2024)¹, а также в 2021 году Постановления Президента Республики Узбекистан «О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий

¹ Республика Узбекистан. (2024). Постановление Президента Республики Узбекистан "Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года" № ПП-358. www.lex.uz

искусственного интеллекта» (ПП-4996, 2021)¹, создали правовую основу, сопоставимую с международными стандартами, однако требуется дальнейшая детализация специфических требований для правоохранительной деятельности.

Рекомендуется разработка подзаконных актов, определяющих конкретные процедуры обработки персональных данных правоохранительными органами, включая требования к псевдонимизации, срокам хранения и процедурам удаления данных. Создание специализированного органа или подразделения по контролю за соблюдением принципов защиты данных в правоохранительной сфере обеспечило бы независимый надзор и повысило общественное доверие к цифровым инициативам. Внедрение обязательной оценки воздействия на защиту данных (DPIA)² для всех новых технологических систем, используемых правоохранительными органами, способствовало бы проактивному выявлению и минимизации рисков для прав граждан на стадии проектирования систем.

Поэтапное внедрение технологий и принципов «защита данных посредством проектирования» может начинаться с базовых мер псевдонимизации и шифрования, постепенно развиваясь до более сложных методов обеспечения приватности. Международное сотрудничество в области обмена передовыми практиками и технологиями защиты данных поможет ускорить процесс внедрения этических стандартов. Создание программ обучения сотрудников правоохранительных органов принципам этичного использования данных и современным технологиям защиты приватности обеспечит эффективное применение новых стандартов на практике.

Успешная реализация этих рекомендаций позволит правоохранительным органам Узбекистана не только соответствовать международным стандартам защиты данных, но и повысить эффективность борьбы с преступностью через внедрение современных аналитических технологий при сохранении доверия общества и уважения к правам человека.

¹ Республика Узбекистан. (2021). Постановление Президента Республики Узбекистан "О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта" № ПП-4996. www.lex.uz

² Оценка воздействия на защиту персональных данных (Data Protection Impact Assessment — DPIA). <https://data-privacy-office.com/>

NAEEM ALLAHRAKHA
Tashkent State University of Law,
Doctor of Philosophy in Law
(PhD)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND CORRUPTION: LEGAL RESPONSIBILITY IN ALGORITHMIC DECISION-MAKING

Abstract. *This article explores the link between artificial intelligence (AI) and corruption, with a focus on legal responsibility in algorithmic decision-making. AI is now used in many important areas, such as law, healthcare, and government services. However, AI systems can be complex and difficult to understand, which makes it hard to find who is responsible when mistakes or unfair decisions happen. This research looks at how current legal systems are not strong enough to handle these problems. It also shows how AI can hide or even support corrupt actions. The paper discusses key ethical and legal principles like fairness, transparency, accountability, and human rights. These principles can help create better laws and safer AI systems. The study suggests new legal frameworks and clear rules to make sure AI is used in a fair and responsible way.*

Keywords: *AI Decision-Making, Legal Framework, Corruption, Algorithm*

Can a machine be held responsible for a bad decision? As artificial intelligence (AI) becomes part of many areas of life like law, finance, and healthcare. This question is becoming more important. AI systems can now make choices that affect people's rights, money, and freedom¹. But when these systems make unfair or harmful decisions, it is not always clear who is to blame. This is a serious problem, especially if the AI system is influenced by biased data or hidden corruption. Understanding who should take legal responsibility in these cases is important for justice and public trust.

Artificial intelligence has been used in many fields for several years. It helps make decisions faster and more efficiently. Governments and companies now use AI in areas like hiring, policing, and welfare services. But these systems are not perfect. They can make mistakes or show unfair results, especially when the data they use is biased or unclear². In some

¹ Rodrigues, R. (2020a). Legal and human rights issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities. *Journal of Responsible Technology*, 4, 100005. <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2020.100005>

² Ntoutsis, E., Fafalios, P., Gadiraju, U., Iosifidis, V., Nejdli, W., Vidal, M., Ruggieri, S., Turini, F., Papadopoulos, S., Krasanakis, E., Kompatsiaris, I., Kinder-Kurlanda, K., Wagner, C., Karimi, F., Fernandez, M., Alani, H., Berendt, B., Kruegel, T., Heinze, C., ... Staab, S. (2020). Bias in data-

cases, these problems may even hide signs of corruption or abuse of power. Many studies have looked at bias in AI and how it affects fairness. Some have also studied the legal issues of using AI in decision-making. However, not many have explored how corruption can influence AI decisions or who should be held legally responsible.

We know that AI systems can make important decisions that affect people's lives. We also know that these systems can sometimes be unfair or biased, especially if they are trained with bad or incomplete data. Some AI decisions may even help hide corruption or allow it to grow. This creates a serious problem because it is hard to know who is responsible when something goes wrong. Is it the programmer, the company, or the government that uses the AI? Right now, there are no clear legal rules about who should take the blame. We still need to understand how the law should deal with these situations.

Many researchers have studied how artificial intelligence can be biased or unfair. AI systems often use data that reflect past inequalities, which can lead to unfair decisions in hiring, policing, or lending¹. Automated systems used in public services can also harm poor and vulnerable people². These findings suggest that AI can make social problems worse if not carefully managed. A lack of transparency in algorithms makes it hard to hold anyone accountable³.

This shows that legal systems are not fully prepared to handle AI responsibility. Designing simpler models, using explainable AI techniques, and requiring clear documentation are some ways to make algorithms more transparent and explainable⁴. However, most of this research focuses on fairness and bias, not on corruption or legal

driven artificial intelligence systems—An introductory survey. *WIREs Data Mining and Knowledge Discovery*, 10(3). <https://doi.org/10.1002/widm.1356>

¹ Ho, J. Q. H., Hartanto, A., Koh, A., & Majeed, N. M. (2025). Gender biases within Artificial Intelligence and ChatGPT: Evidence, Sources of Biases and Solutions. *Computers in Human Behavior: Artificial Humans*, 4, 100145. <https://doi.org/10.1016/j.chbah.2025.100145>

² Nascimento, P. V. M., de Siqueira, P. B. B., Chrispim, N., Chaves, R. M., Barbosa, C. E., & de Souza, J. M. (2025). The future of AI in government services and global risks: insights from design fictions. *European Journal of Futures Research*, 13(1), 9. <https://doi.org/10.1186/s40309-025-00253-9>

³ Kemper, J., & Kolkman, D. (2019). Transparent to whom? No algorithmic accountability without a critical audience. *Information, Communication & Society*, 22(14), 2081–2096. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1477967>

⁴ Mathew, D. E., Ebem, D. U., Ikegwu, A. C., Ukeoma, P. E., & Dibiazue, N. F. (2025). Recent Emerging Techniques in Explainable Artificial Intelligence to Enhance the Interpretable and Understanding of AI Models for Human. *Neural Processing Letters*, 57(1), 16. <https://doi.org/10.1007/s11063-025-11732-2>

responsibility. Very few studies explore what happens when people use AI to hide corruption or commit wrong acts. This is a clear gap in the literature. Also, many researchers do not fully explain who should be legally responsible when AI systems make harmful decisions. This study will help fill that gap by linking AI, corruption, and legal responsibility in one research project.

The existing research has done a good job in showing that AI systems can be biased and unfair. It also explains how this can harm people, especially those in poor or weak positions. However, these studies mostly look at social problems and do not focus much on legal issues. They do not clearly explain what happens when AI is used in corrupt ways or when it supports hidden abuse of power. There is also little research on who should be legally responsible when AI makes a bad or unfair decision. Some authors suggest that this area needs more study, especially in relation to law and ethics. This shows there is a gap in linking AI, corruption, and legal responsibility. The main objectives are:

1. To examine how AI systems can be used in ways that support or hide corruption in decision-making processes.
2. To identify the legal challenges in holding people or organizations responsible when AI makes harmful or unfair decisions.

What legal responsibilities should apply when artificial intelligence systems are used in decision-making processes that lead to harmful, unfair, or corrupt outcomes, and how can the law address the challenges of assigning blame in such cases?

This research is important because artificial intelligence is now used to make many decisions that affect people's lives. When these systems make unfair or corrupt decisions, it can harm individuals and weaken trust in institutions. Right now, there are not enough clear laws or rules to deal with these problems. This study will help by offering ideas on how the law can handle legal responsibility in such cases. It will also help governments, companies, and legal experts understand how to use AI in a fair and honest way. The research adds new knowledge by linking AI, corruption, and legal responsibility. Three areas that are not often studied together. This can lead to better rules, stronger protections for people, and more trust in the use of AI in society.

Legal responsibility in this context means deciding who should be blamed or held accountable when an AI system makes a harmful or unfair

decision¹. In traditional law, a person or a group is responsible if they break a rule or cause harm to others. But with AI, the problem is more complex. Machines do not have human intentions or feelings. They follow code and data created by others. So, legal responsibility must look at the actions of the people behind the AI such as designers, developers, users, or companies. The goal is to find out who made the decisions or failed to stop the harm, even if it was done by a machine.

Most legal systems today are not fully prepared to deal with problems caused by AI. Existing laws often treat AI like a tool, and they blame the human who used or created it. Some areas use data protection laws, like the law of the republic of the Uzbekistan on Personal Data, which gives people rights to understand and challenge automated decisions. But these laws do not clearly explain who is responsible when AI causes real harm or supports corruption. Also, there is no global legal standard. Different countries have different rules, which creates confusion. In many cases, it is hard to use old laws for new AI problems. This shows that current legal approaches are too weak or outdated to deal with the rise of AI².

One of the biggest problems in AI-related cases is proving fault or intent. In law, someone is often punished if they meant to do wrong or were careless. But AI does not have intent like humans do. It just follows its programming and the data it is given. Sometimes, the AI system makes a bad decision because the data is biased or incomplete. Other times, the system behaves in a way that even its creators did not expect. In such cases, it is hard to prove who should be blamed. Was it the programmer, the company, or the person who used the AI? Without clear proof of fault, it becomes very difficult to bring legal action or demand justice³.

One example is the COMPAS software used in some U.S. courts to help judges decide on bail or sentencing. The system was supposed to assess the risk of someone committing another crime. But investigations found that the software was biased against Black defendants, scoring them as higher risk more often than white defendants, even with similar records. The creators of COMPAS said the system was just a tool and that final

¹ Al-Dulaimi, A. O. M., & Mohammed, M. A.-A. W. (2025). Legal responsibility for errors caused by artificial intelligence (AI) in the public sector. *International Journal of Law and Management*. <https://doi.org/10.1108/IJLMA-08-2024-0295>

² Rodrigues, R. (2020b). Legal and human rights issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities. *Journal of Responsible Technology*, 4, 100005. <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2020.100005>

³ Fraser, H. L., & Suzor, N. P. (2025). Locating fault for AI harms: a systems theory of foreseeability, reasonable care and causal responsibility in the AI value chain. *Law, Innovation and Technology*, 17(1), 103–138. <https://doi.org/10.1080/17579961.2025.2469345>

decisions were still made by judges. Because of this, no one was legally punished or held responsible for the bias¹. This case shows how AI can cause harm, yet it is hard to hold anyone accountable under current laws.

AI can be used to hide or support corruption in several ways. One way is by using complex algorithms that people cannot easily understand. This can cover up unfair or dishonest actions. For example, someone might design an AI system to always choose certain companies for government contracts. If the algorithm is secret, it is hard to prove that the process is unfair. AI can also use biased data to favor friends or punish opponents. In this way, people in power can use AI to make corrupt decisions seem fair or neutral. Because machines seem “objective,” their actions are often trusted, even when they are being misused².

One real-world example is the use of AI in public service systems, such as welfare or housing. In the Netherlands, the government used an AI tool called “SyRI” to find fraud in poor neighborhoods. However, it was found to unfairly target low-income and migrant communities without clear evidence. In 2020, a Dutch court ruled that the system violated human rights laws because it lacked transparency and fairness. The system was shut down, but no one was punished for its design or use. This case shows how AI can be used in a way that supports discrimination or corrupt decision-making while avoiding accountability.

It is very hard to detect or prove corruption in AI use. Corruption usually involves secret deals, favoritism, or abuse of power³. When AI is used, these actions can be hidden behind complex systems. The people who design or control the AI may deny any wrongdoing, saying the machine made the decision. Even if the outcome is unfair, it is hard to show that someone intended to cheat or abuse the system. Also, AI systems are often protected by trade secrets, which makes it even harder to look inside and find problems. This makes proving corrupt intent in AI use very difficult under current legal systems.

AI systems are often very complex. They use advanced algorithms, large amounts of data, and machine learning techniques. Many people do

¹ Schwerzmann, K. (2021). Abolish! Against the Use of Risk Assessment Algorithms at Sentencing in the US Criminal Justice System. *Philosophy & Technology*, 34(4), 1883–1904. <https://doi.org/10.1007/s13347-021-00491-2>

² Lebrun, B., Temtsin, S., Vonasch, A., & Bartneck, C. (2024). Detecting the corruption of online questionnaires by artificial intelligence. *Frontiers in Robotics and AI*, 10. <https://doi.org/10.3389/frobt.2023.1277635>

³ Wawrosz, P. (2022). How Corruption Is and Should Be Investigated by Economic Theory. *Economies*, 10(12), 326. <https://doi.org/10.3390/economies10120326>

not fully understand how these systems work even those who use them. Because of this, it is hard to explain how a decision was made or why a mistake happened. This complexity makes it difficult to find out who is at fault when something goes wrong. Also, AI systems can change their behavior over time as they learn from new data. This means a decision made today might not match a similar one made in the past. This changing nature adds more confusion when trying to assign responsibility¹.

AI development involves many different people and groups. Designers and engineers build the system². Companies or governments pay for it and decide how to use it. Other users interact with it daily. Each of these actors plays a role in how the system works and what it does. When something goes wrong, it is not always clear who is to blame. For example, was the problem caused by the designer who made the algorithm? Or by the company that gave it the wrong data? Or by a government official who used it in the wrong way? With so many people involved, legal responsibility becomes unclear and shared among many.

There are not yet have clear legal rules for dealing with problems caused by AI. Old laws were made for human actions, not machines. This makes it hard to apply them to AI decisions. Some places, like the European Union, are working on new AI laws. But many of these are still in progress and not yet enforced. Without clear rules, judges and lawyers must rely on old laws that may not fit the situation. This causes delays, confusion, and weak protection for victims. It also allows powerful actors to avoid responsibility by blaming the AI or the system.

There is a strong need for new and clear laws that deal directly with AI-related problems. These laws should explain how AI can be used, what is not allowed, and how to protect people from harm. For example, governments of the Republic of Uzbekistan can pass laws that require companies to test their AI systems for fairness and safety before using them. There should also be laws that give people the right to know when a decision is made by AI and how that decision was made. These rules should apply to both private companies and public institutions. Clear legal rules will help reduce confusion and improve trust in AI.

¹ Aldoseri, A., Al-Khalifa, K. N., & Hamouda, A. M. (2023). Re-Thinking Data Strategy and Integration for Artificial Intelligence: Concepts, Opportunities, and Challenges. *Applied Sciences*, 13(12), 7082. <https://doi.org/10.3390/app13127082>

² Friedrich, J., Brückner, A., Mayan, J., Schumann, S., Kirschenbaum, A., & Zinke-Wehlmann, C. (2024). Human-centered AI development in practice—insights from a multidisciplinary approach. *Zeitschrift Für Arbeitswissenschaft*, 78(3), 359–376. <https://doi.org/10.1007/s41449-024-00434-5>

It is also important to clearly define who is responsible when an AI system causes harm. Laws should say what role each actor such as the designer, company, user, or administration has in the AI process. For example, the designer should be responsible for creating a safe system. The company should be responsible for checking the data and monitoring the AI. The user should follow the correct steps when using the system. If something goes wrong, the law should help find out who failed in their duty. Clear roles and duties will make it easier to hold the right person or group accountable.

Some good ideas can be found in current AI laws and proposals. The European Union's proposed AI Act is one example. It creates different rules based on how risky the AI system is. High-risk AI, such as systems used in law, banking, or health, will have stricter rules. These rules include clear documentation, human oversight, and fairness checks. The EU also supports transparency, meaning people should know when they are interacting with AI. These ideas can be used in other countries too. They help make sure AI is safe, fair, and used responsibly.

Fairness means that AI systems should treat everyone equally, without bias or discrimination¹. An AI should not make decisions based on race, gender, religion, or income. For example, if an AI is used to decide who gets a bank loan, it must judge all applicants by the same fair rules. To make sure AI is fair, laws can require regular testing for bias. Regulators can also ask companies to show how their AI makes decisions and to prove that it is fair. If unfair patterns are found, the system must be changed. Fairness can be detected by checking if some groups are treated worse than others.

Transparency means people should know when AI is being used and how it makes decisions². For example, if a person is rejected for a job by an AI system, they should be told that AI was used, and why they were rejected. Transparency helps build trust and makes it easier to fix mistakes. To follow this principle, laws can require companies to explain how their AI systems work in simple language. They can also require reports or audits that show the steps behind each decision. Transparency allows others to check for errors or unfairness in the system.

¹ Segev, R. (2024). Artificial Intelligence, Discrimination, Fairness, and Other Moral Concerns. *Minds and Machines*, 34(4), 44. <https://doi.org/10.1007/s11023-024-09702-z>

² Zerilli, J., Bhatt, U., & Weller, A. (2022). How transparency modulates trust in artificial intelligence. *Patterns*, 3(4), 100455. <https://doi.org/10.1016/j.patter.2022.100455>

Accountability means someone must be responsible when AI causes harm¹. An AI cannot be punished like a human, so the responsibility must fall on the people or groups who created or used it. For example, if an AI system wrongly denies someone healthcare, the company or agency that used it must explain what went wrong. Laws can help by setting clear rules about who is responsible at each stage of the AI process. This includes designers, owners, and users. If rules are broken, they can face legal actions such as fines or penalties. This will make people more careful when they use AI.

AI must always respect human rights such as privacy, freedom, and equality. For example, an AI used by police should not secretly watch people or unfairly target certain groups. Respecting human rights means AI should not harm people or limit their choices without a good reason. Laws should protect people from AI that invades their privacy or controls their lives too much. Governments can set rules that limit how much personal data AI can collect or use. They can also make sure people can appeal or stop unfair AI decisions. Protecting human rights ensures that technology serves people, not the other way around².

Artificial intelligence is changing the way we make decisions in law, government, and business. This study looked at how AI can be connected to corruption and who should be legally responsible when AI systems cause harm. This topic matters because AI is used in many important areas that affect people's lives, such as justice, healthcare, and public services. If AI is used without clear rules, it can support unfair practices, hide corruption, or hurt innocent people. We must understand how to control and guide AI so it works fairly and respects human rights. This issue is part of a bigger challenge: making sure new technologies help society and do not increase injustice.

AI decisions are hard to question or explain, which makes it difficult to find who is responsible when something goes wrong. This paper showed that legal frameworks are still weak, and responsibility is often shared or unclear. The strongest points of this study include the need for fairness, transparency, and human accountability in AI use. These principles must be built into future laws and systems. Opposing views

¹ Hohma, E., Boch, A., Trauth, R., & Lütge, C. (2023). Investigating accountability for Artificial Intelligence through risk governance: A workshop-based exploratory study. *Frontiers in Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1073686>

² Teo, S. A. (2025). Artificial intelligence and its 'slow violence' to human rights. *AI and Ethics*, 5(3), 2265–2280. <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00547-x>

may argue that AI makes things more efficient or neutral, but this ignores the risk of hidden bias or abuse. Future research should focus on creating strong legal systems that assign responsibility clearly and prevent corruption. We must act now to make sure AI is used in a way that supports justice and trust in society.

РИАД ИБРАГИМОВ

директор ООО CERT International,
главный редактор журнала
Management

ИЛЬДАР ИНЕЛЕЕВ

руководитель органа по сертификации
CERT International (Словакия),
главный аудитор по ISO 37001

**АНТИКОРРУПЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПО-НОВОМУ:
ЧТО МЕНЯЕТ ISO 37001**

В начале 2025 года опубликована новая версия ISO 37001:2025 — стандарта по системам менеджмента противодействия коррупции. В сегодняшней статье рассматриваются отличия новой редакции, включая уточнение терминологии, усиление роли антикоррупционной культуры, структурные изменения и обновления требований. Также разобраны этапы перехода на новый стандарт и аргументы в пользу перевода как «противодействие коррупции», а не только взяточничеству.

28 февраля 2025 года Международная организация по стандартизации (ISO) опубликовала новую, вторую версию стандарта ISO 37001 «Системы менеджмента противодействия коррупции. Требования и руководящие указания по их применению». Напомним, что первая версия стандарта вышла в 2016 году.

У организаций, которые уже сертифицированы или только планируют пройти сертификацию по ISO 37001, возникают различные вопросы. И сегодня мы разберем три важных вопроса:

- Противодействие взяточничеству или коррупции?
- Каковы этапы перехода на новую версию стандарта?

- Каковы отличия между первой и второй версией стандарта? Противодействие взяточничеству или коррупции?

С момента публикации первой версии ISO 37001 в 2016 году периодически возникает дискуссия о том, как правильно переводить название стандарта: «Система менеджмента противодействия коррупции» или «Система менеджмента противодействия взяточничеству».

Сначала давайте рассмотрим несколько моментов.

Как известно, коррупция — это широкое понятие, включающее в себя:

- взяточничество (дача и получение взятки);
- злоупотребление полномочиями;
- вымогательство;
- фаворитизм, кумовство и nepотизм (протекция родственников и друзей);
- конфликт интересов;
- присвоение и/или растрата госимущества;
- «откаты» при госзакупках;
- использование инсайдерской информации;
- покровительство и «крышевание»;
- торговля влиянием и т. д.

В оригинале стандарта на английском языке применяется слово «anti-bribery», что дословно переводится как «противодействие взяточничеству». Значит ли это, что стандарт предназначен для противодействия только одному из видов коррупции — взяточничеству? Кстати, кое-что об этом можно найти в разделе 1 самого стандарта, причем как в первой, так и во второй версиях:

1. Scope

This document is applicable only to bribery. It sets out requirements and provides guidance for a management system designed to help an organization to prevent, detect and respond to bribery and comply with anti-bribery laws and voluntary commitments applicable to its activities.

1. Область распространения

Настоящий документ применяется исключительно к борьбе со взяточничеством. Он устанавливает требования и содержит рекомендации по созданию системы менеджмента, направленной на содействие организации в предотвращении, выявлении и реагировании на случаи взяточничества, а также в соблюдении применимых законодательных требований в области

противодействия взяточничеству и добровольно принятых обязательств, относящихся к ее деятельности.

Понимая, что в ряде стран Запада многие формы коррупции фактически узаконены, можно допустить, что для этих стран приоритетной является борьба только со взяточничеством, хотя многие требования самого стандарта ISO 37001 обеих версий прямо или косвенно направлены на противодействие различным формам коррупции, связанным с конфликтами интересов, закупками, nepотизмом и т. п.

Кроме того, обращая внимание на выделенную выше фразу, а также учитывая тот факт, что практически во всех странах СНГ действуют законы о противодействии коррупции, а не только лишь взяточничеству, логично предположить, что организация, находящаяся на территории СНГ, внедряя систему менеджмента, должна соблюдать применимые требования действующего национального законодательства, то есть бороться не только со взяточниками и взяточниками, но и с системой коррупции в целом.

Также не стоит забывать, что 31 октября 2003 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция ООН против коррупции (United Nations Convention against Corruption), которую ратифицировали почти все страны мира, включая страны СНГ.

Исходя из этого, на территории СНГ более уместным (хотя и не совсем дословным) будет вариант перевода с использованием фразы «противодействие коррупции», что, в целом, никоим образом не противоречит самой сути требований стандарта ISO 37001. Более того, он усиливает его значение, не оставляя лазеек тем, кто, прикрываясь филологическими уловками, пытается ослабить рычаги воздействия на лица, так или иначе замешанных в различных коррупционных схемах.

Также надо обратить внимание на то, что ISO осознанно выбрало «anti-bribery» по методологическим причинам, чтобы ограничить сферу стандарта до четко идентифицируемых и доказуемых правонарушений, в отличие от широкой трактовки «коррупции», которая может варьироваться по юрисдикциям. Также в тексте стандарта делается ссылка на возможность организации самостоятельно расширить область действия системы.

Этапы перехода на новую версию стандарта

Как известно, стандарты ISO по системам менеджмента периодически пересматриваются и публикуются новые версии.

Например, первая версия стандарта ISO 9001 «Системы менеджмента качества. Требования» вышла в далеком 1987 году, а последующие версии — в 1994, 2000, 2008, 2015 годах. И, как показывает практика, переход на новую версию стандарта происходит постепенно в течение трехлетнего периода. Как правило, это оговаривается в рамках политики по переходу, утверждаемой Международным форумом по аккредитации — IAF.

В случае со стандартом ISO 37001:2025, вероятнее всего, переход будет происходить в период с 28.02.2025 по 28.02.2028 г., в течение которого в организациях могут проводиться внешние аудиты как по первой, так и второй версиям стандарта, но все сертификаты, выданные по первой версии стандарта, независимо от даты их выдачи автоматически будут аннулированы 28.02.2028 г.

Таким образом, любая организация, сертифицированная по первой версии стандарта, имеет возможность провести внешний аудит (например, первый наблюдательный, второй наблюдательный, или ресертификационный) уже по новой версии в 2025, 2026 и 2027 годах.

Для «плавного и безболезненного» перехода рекомендуется заблаговременно пройти обучение по новой версии стандарта и провести актуализацию своей системы менеджмента противодействия коррупции для внесения в нее необходимых изменений и дополнений и лишь затем подать заявку в свой орган по сертификации на проведение аудита уже по новой версии стандарта ISO 37001. Для получения более подробной и детальной информации лучше всего обращаться в свой орган по сертификации.

Отличия между первой и второй версией стандарта ISO 37001

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что в «Предисловии» стандарта ISO 37001:2025 говорится о том, что

«Основные изменения включают в себя следующее:

- добавлены подпункты, касающиеся изменений климата и подчеркивающие важность комплаенс-культуры;
- урегулированы вопросы конфликтов интересов;
- уточнено понятие антикоррупционной службы;
- там, где это уместно и обоснованно, формулировки были приведены в соответствии с другими стандартами;
- внедрена новейшая гармонизированная структура»

А теперь более подробно.

Во введении добавилось упоминание, что данный стандарт может быть использован в том числе совместно с ISO 37301 и ISO 37002.

В разделе 1 «Область распространения» удалена фраза «При этом данный документ не применим к мошенничеству в деловой сфере, картельным сговорам и другим нарушениям антимонопольного законодательства и честной конкуренции, отмыванию денег или иной деятельности, связанной с коррупционными действиями, хотя организация может расширить область действия рассматриваемой системы менеджмента, включив туда вышеперечисленные случаи».

Исходя из этого, можно сделать вывод, что теперь стандарт может быть применим к любой деятельности, связанной с коррупционными действиями.

В разделе 2 изменений нет.

В разделе 3 «Термины и определения» количество пунктов (терминов) осталось прежним — 30, но:

термин *Antibribery compliance function* (антикоррупционная комплаенс-функция) теперь звучит как *Antibribery function* (антикоррупционная функция). В странах СНГ, исходя из специфики применяемой терминологии, часто переводится как Анतिकоррупционная служба;

термин *Outsource* (передать на аутсорсинг) теперь не упоминается;

термин Конфликт интересов определялся как «ситуация, где деловые, финансовые, семейные, политические или личные интересы могут помешать в выполнения лицами своих обязанностей в организации», а теперь — как «ситуация, в которой заинтересованная сторона имеет личный или организационный интерес, прямой или косвенный, который может поставить под угрозу или помешать способности действовать беспристрастно при выполнении своих обязанностей в наилучших интересах организации»;

добавился термин *Antibribery culture*, который определяется как «ценности, этика, убеждения и поведение, которые существуют во всей организации и взаимодействуют со структурами организации и системами контроля для создания поведенческих норм, которые способствуют антикоррупционной политике и системе менеджмента

противодействия коррупции» (термин был адаптирован из ISO 37301:2021, п. 3.28 «комплаенс-культура»).

Добавился пункт 5.1.3 Anti--bribery culture (антикоррупционная культура).

Организация должна развивать, поддерживать и продвигать антикоррупционную культуру на всех уровнях внутри организации.

Руководящий орган, высшее руководство и менеджмент должны демонстрировать активную, видимую, последовательную и устойчивую приверженность общему стандарту поведения и поведению, требуемому во всей организации.

Высшее руководство должно поощрять поведение, которое поддерживает антикоррупционную политику и систему менеджмента противодействия коррупции. Оно должно предотвращать и не допускать поведения, которое ставит под угрозу противодействие коррупции.

Пункт 5.3.1 Роли и ответственность теперь называется Общие положения (само содержание не изменилось).

В пункте 6.1 из фразы «При планировании системы менеджмента противодействия коррупции организация должна учесть факторы (см. п. 4.1), требования (см. п. 4.2), риски, идентифицированные в п. 4.5, и возможности улучшения, по которым должны быть предприняты действия для: ...» удалено «риски, идентифицированные в п. 4.5».

В новой редакции фраза звучит как «При планировании системы менеджмента противодействия коррупции организация должна учесть факторы, указанные в пункте 4.1, и требования, указанные в пункте 4.2, а также определить риски и возможности, которые необходимо учесть для:...».

В пункте 6.2 Антикоррупционные цели и планирование их достижения удалено требование о том, что «Антикоррупционные цели должны учитывать применимые факторы, указанные в п. 4.1, требования, указанные в п. 4.2, и коррупционные риски, идентифицированные в п. 4.5».

Добавился раздел 6.3 «Планирование изменений».

Если организация определяет необходимость внесения изменений в систему менеджмента противодействия коррупции, изменения должны осуществляться на плановой основе.

В пункт 7.2.2.1 (Процедуры трудоустройства) добавлено требование о том, что «персонал должен быть осведомлен о

необходимости сообщать о потенциальных и реальных конфликтах интересов».

В пункте 7.2.2.2 (Процедуры трудоустройства) «Декларация соответствия антикоррупционной политике» теперь звучит как «Декларация соответствия антикоррупционной политике и системе менеджмента противодействия коррупции».

Раздел 7.3 «Осведомленность и обучение» переименован на «Осведомленность» и разбит на пункты:

7.3.1 Осведомленность персонала,

7.3.2 Обучение персонала,

7.3.3 Обучение деловых партнеров,

7.3.4 Программы повышения осведомленности и обучения.

В новой редакции стандарта пункт 7.3.3 (Обучение деловых партнеров) содержит следующие требования:

Принимая во внимание выявленные коррупционные риски (см. 4.5), организация должна также внедрить процедуры, касающиеся обучения по противодействию коррупции для деловых партнеров, действующих от ее имени или в ее интересах, и которые могут представлять для организации более чем низкий риск взяточничества. Эти процедуры должны определять деловых партнеров, для которых такое обучение необходимо, его содержание и средства, с помощью которых обучение должно быть предоставлено.

Для деловых партнеров, для которых такое обучение необходимо, организация должна хранить документированную информацию о процедурах обучения, содержании обучения, а также о том, когда и кому оно было предоставлено.

ПРИМЕЧАНИЕ. Требования к обучению деловых партнеров могут быть сообщены посредством договорных или аналогичных требований и должны быть реализованы организацией, деловым партнером или другими сторонами, назначенными для этой цели.

Согласно пункту 7.3.4 (Обучение бизнес-партнеров) «Сотрудникам необходимо обеспечить осведомленность и обучение по вопросам противодействия коррупции с момента начала работы и через запланированные промежутки времени, определяемые организацией, в зависимости от их ролей, коррупционных рисков, которым они подвергаются, и любых изменяющихся обстоятельств».

Пункт 7.5.2 Создание и актуализация переименован в «Создание и актуализация документированной информации». Содержание требований не изменилось.

В пункте 8.1 Планирование и управление деятельностью было «Организация должна обеспечить управление процессами, переданными на аутсорсинг», стало «Организация должна обеспечить управление внешне поставляемыми процессами, продукцией или услугами, имеющими отношение к системе менеджмента противодействия коррупции».

В пункте 8.4. Нефинансовый контроль

- было «Организация должна внедрить меры нефинансового контроля, которые управляют коррупционными рисками в таких областях, как закупки, основная деятельность организации, продажи, коммерческая деятельность, кадровые ресурсы, правовая деятельность и регуляторная деятельность»,

- стало «Организация должна внедрить меры нефинансового контроля, которые позволяют управлять коррупционными рисками в таких областях, как закупки, операционная деятельность, продажи, коммерческая деятельность, кадры, юридическая деятельность, слияния и поглощения, а также регуляторная деятельность».

В пункте 8.9 (Информирование о подозрениях) добавлено Примечание 4: Дополнительные руководящие указания см. в ISO 37002.

В пункте 8.10 (Расследование и принятие мер в отношении коррупции) добавлено Примечание 3: Дополнительные руководящие указания см. в ISO/TS 37008.

В пункте 9.1 (Мониторинг, измерение, анализ и оценка), удалены требования о том, что «Организация должна определить ... кто является ответственным за мониторинг» и «кому и как должна сообщаться эта информация».

В разделе 9.2 (Внутренний аудит) пункты 9.2.1, 9.2.2, 9.2.3, 9.2.4 обрели названия:

9.2.1 Основные положения;

9.2.2 Программа внутреннего аудита;

9.2.3 Процедуры аудита, меры управления и системы;

9.2.4 Объективность и беспристрастность.

В разделе 9.3 (Анализ со стороны руководства) было два пункта:

9.3.1 Анализ со стороны высшего руководства;

9.3.2 Анализ со стороны управляющего органа.

Стало три пункта:

9.3.1 Общие положения,

9.3.2 Входные данные для анализа со стороны руководства

9.3.3 Результаты анализа со стороны руководства.

В новой редакции этого же раздела стандарта удалено требование о том, что организация должна хранить документированную информацию как свидетельство результатов анализа со стороны управляющего органа.

В п. 9.3.2 в новой редакции появилось требование о том, что входные данные для анализа со стороны руководства должны включать в себя «информацию касательно изменений в потребностях и ожиданиях заинтересованных сторон, имеющих отношение к системе менеджмента противодействия коррупции».

В разделе 10 «Улучшение»

- было 10.1 Несоответствия и корректирующие действия; 10.2 Постоянное улучшение поменялись местами,

- стало 10.1 Постоянное улучшение; 10.2 Несоответствия и корректирующие действия.

Название Приложения А.3 Обоснованность и соразмерность изменилось на Система менеджмента противодействия коррупции. Содержание не изменилось.

В Приложение А.5 Роли и ответственность управляющего органа и высшего руководства добавлен новый подраздел А.5.2 Антикоррупционная культура.

В Приложении А.8.3 Конфликты интересов добавили еще два примера конфликтов интересов:

- когда менеджер, занимающийся закупками, имеет финансовую заинтересованность в поставщике,

- когда директор организации (который может занимать неисполнительную должность) или член высшего руководства имеет законные или скрытые личные интересы или должность в конкурирующей или потенциально поглощающей организации.

Таким образом, внесенные изменения не потребуют кардинальной перестройки системы и значительных ресурсов, но в ряде аспектов (в частности, антикоррупционная культура) предполагают определенные усилия по актуализации документации и практик системы менеджмента противодействия коррупции.

ЕРКЕНОВ БОЛАТ ДОСЖАНОВИЧ

докторант Алматинской академии
Министерства внутренних дел РК
имени Макана Есбулатова
магистр национальной безопасности и
военного дела

КРИПТОСЕРВИСЫ В СХЕМАХ ОТМЫВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ: АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Введение

С распространением криптовалют преступные организации активно используют цифровые активы для отмыывания доходов, полученных преступным путем. В условиях слабой регуляторной базы в некоторых юрисдикциях Центральной Азии эти технологии представляют особую угрозу для финансовой безопасности.

По данным официального мониторинга Национального Банка Республики Казахстан (НБ РК), объем оттока криптоактивов из страны достиг 15 миллиардов долларов США. Как отметил заместитель председателя НБ РК, данный отток капитала обусловлен недостаточностью административно-правового регулирования, что ограничивает возможности легального инвестирования гражданами в криптоактивы¹.

В последние годы ключевую роль в схемах легализации преступных доходов играют незаконные криптообменники, позволяющие конвертировать криптовалюту в фиатные средства и наоборот. Подобные структуры не идентифицируют своих клиентов и не выявляют подозрительные операции. Именно поэтому их услугами зачастую пользуются преступники, прежде всего кибермошенники и наркодельцы.

На сегодня, как всем известно, в Казахстане P2P-обменники, позволяющие напрямую обменивать криптовалюту между пользователями, легализованы в рамках регулируемой торговли цифровыми активами в Международном финансовом центре

¹ Из Казахстана бесследно вывели 15 миллиардов долларов // Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/iz-kazahstana-bessledno-vyiveli-15-milliardov-dollarov-570790 (дата доступа: 26.05.2025г.)

"Астана" (МФЦА). Предпринимательская деятельность по обороту цифровых активов за ее пределами запрещена.

Аналогичная ситуация и в других странах, к примеру в Узбекистане, операции с криптовалютой разрешены только лицензированным субъектам. Это означает, что для осуществления операций с криптовалютой, например, покупки или продажи, необходимо обращаться только к платформам, имеющим соответствующую лицензию¹.

Деятельность по обмену криптовалют и оказанию услуг с виртуальными активами (включая арбитраж) в Кыргызстане также подлежит обязательному лицензированию на основании Закона КР «О виртуальных активах» № 12 (2022 г.)².

Между тем, правовой статус криптовалют в Таджикистане остается неопределенным, а их оборот не регулируется специальным законодательством. При этом де-факто ограничения со стороны государственных органов или банковского сектора отсутствуют³.

Анализ уголовно-правовых норм Казахстана, регулирующих незаконный оборот цифровых активов, показывает отсутствие прямого запрета на использование криптовалюты. Однако противоправные операции с цифровыми активами могут квалифицироваться по статьям уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за мошенничество, отмывание денег, финансирование терроризма и иные экономические преступления, если такие активы используются в соответствующих противоправных целях.

К примеру, трое граждан Казахстана приговорены к лишению свободы за деятельность по организации незаконных криптообменников. По данным Агентства РК по финансовому мониторингу оборот нелегального обменника составил более 681 млн тенге (\$1,28 млн)⁴.

¹ Оборот криптовалюты в Узбекистане // Режим доступа: <https://revera.legal/info-centr/news-and-analytical-materials/1829-oborot-kriptovalyuty-v-uzbekistane> (дата доступа: 25.05.2025г.)

² Как законно работать в p2p арбитраже криптовалют в Кыргызстане? // Режим доступа: <https://zakon.kg/question/kak-rabotat-v-p2p-arbitrazhe-kriptovalyut/> (дата доступа: 25.05.2025г.)

³ Криптовалюты в Таджикистане // Режим доступа: https://shard.ru/article/cryptocurrencies_in_tajikistan (дата доступа: 25.05.2025г.)

⁴ Граждане Казахстана приговорены к тюрьме за незаконный оборот криптовалют // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/678e25839a7947a3370359c3?from=copy> (дата доступа: 26.05.2025г.)

Так, по данным ведомства, в 2024 году ликвидировано 36 нелегальных криптообменников с общим оборотом 60 млрд тенге. Заморожено и конфисковано активов на сумму 4,8 млн USDT (около 2,5 млрд тенге)¹.

В Кыргызской Республике, как и в Казахстане, уголовно – правовая норма, регулирующая правоотношения в сфере незаконного оборота виртуальных активов отсутствует. Вместе с тем уголовные дела, совершенные с использованием криптовалюты могут квалифицироваться по различным статьям Уголовного кодекса КР. Так, к примеру, в феврале текущего года бывший глава Госслужбы регулирования и надзора за финансовым рынком Киргизии Юруслан Тойчубеков арестован на два месяца по делу о создании финансовой пирамиды. Обвинение Тойчубекову предъявлено в рамках расследования уголовного дела, связанного с криптовалютой MCN Coin. По информации правоохранительных органов, ущерб граждан от деятельности MCN Coin оценивается в \$2,5 млн. Расследование в отношении организаторов MCN Coin началось после того, как финансовая разведка Киргизии направила в МВД официальное письмо, в котором указывалось, что MCN Coin не зарегистрирован в стране².

Интересен опыт Узбекистана, где в 2024 году закреплена уголовная ответственность за нарушение законодательства в сфере оборота крипто-активов³.

Так, в первый же месяц действия указанных дополнений уголовного законодательства, за нарушения в сфере оборота криптоактивов к ответственности (штрафам и аресту с изъятием или уничтожением смартфонов) было привлечено минимум 12 человек⁴.

Еще одним криптосервисом в сокрытии происхождения средств являются «серые» майнеры.

¹ Расследование в отношении торговавшего криптовалютой подростка завершили в Алматы // https://www.kt.kz/rus/crime/rassledovanie_v_otnoshenii_torgovavshego_kriptovalyutoy_1377975366.html (дата доступа: 26.05.2025г.);

² В Киргизии экс-глава Госфиннадзора арестован по делу о финансовой пирамиде // Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/1007704> (дата доступа: 27.05.2025г.);

³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.05.2025 г.) // Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата доступа: 26.05.2025г.);

⁴ За торговлю криптовалютой за месяц к ответственности привлекли минимум 12 человек // Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/06/14/crypto/> (дата доступа: 27.05.2025г.)

Майнинг криптовалют весьма привлекателен для злоумышленников, поскольку дает возможность получать деньги из совершенно чистого сетевого источника, а затем смешивать их с грязной криптой. Майнинг позволяет привлечь капитал, минуя традиционные финансовые системы.

В 2023 году фирма по кибербезопасности Mandiant опубликовала исследование о том, как северокорейский хакерский синдикат Lazarus Group использует украденную криптовалюту для приобретения «свежесмайненной» криптовалюты.

Аналитическая платформа Chainalysis, действующая согласно принципам AML (Anti Money Laundering), тоже обнаружила примеры того, как криптомошенники используют майнинговые пулы для отмыывания средств.

Chainalysis выявила адрес депозита биржи с высоким балансом, на котором смешивались средства от программ-вымогателей и доходы от майнинга. Исследователи изучили депозитный адрес и обнаружили, что из \$94,2 млн крипты, поступившей на этот адрес, \$19,1 млн поступило с адресов программ-вымогателей, а \$14,1 млн — из пулов майнинга¹.

В настоящее время деятельность по криптовалютному майнингу в большинстве стран Центральной Азии регулируется национальными законодательными актами.

Так, в Казахстане осуществление майнинговой деятельности требует получения соответствующей лицензии². До указанного периода операции, связанные с майнингом криптовалют, генерировали значительные финансовые потоки, которые осуществлялись вне рамок систем финансового мониторинга и налогового администрирования. Согласно опубликованным британским Кембриджским центром альтернативных финансов, с лета 2021-го по январь 2022 года, Казахстан занимал второе место в мире по объему добытых биткоинов. По состоянию на январь 2022 года на долю РК приходилось 13,22% от мировой вычислительной

¹ Майнинг криптовалюты и отмыывание средств // Режим доступа: <https://coinkyt.com/article/majning-kriptovalyuty-i-otmyvanie-sredstv> (дата доступа: 27.05.2025г.)

² О цифровых активах в Республике Казахстан Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года № 193-VII ЗРК // Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193> (дата доступа: 27.05.2025г.);

мощности по майнингу — по этому показателю Казахстан уступал лишь США и Китаю¹.

Вместе с тем правоохранители начали борьбу с незаконным майнингом криптовалют в Казахстане. Поскольку деятельность на тот период не была урегулирована законодательно, силовики столкнулись с практическими проблемами привлечения указанных лиц к ответственности. К примеру, один из руководителей государственного предприятия в г.Алматы был осужден по ст.361 УК РК (*Злоупотребление должностными полномочиями*). Суд установил, что с конца июня прошлого года по май 2022 года М., будучи руководителем Государственного института сельскохозяйственных аэрофотогеодезических изысканий Алматы (ГИСХАГИ), на территории административного здания госпредприятия незаконно установил майнинговую ферму для добычи криптовалюты². Еще одним примером является уголовное дело в отношении должностных лиц АО «Алатау Жарык Компаниясы» и РЭС Жамбылского района, которые за денежное вознаграждение, способствовали организаторам майнинговой фермы, незаконно воспользоваться техническими условиями электроэнергии и увеличили мощность потребляемого электричества, при этом оплачивая ее стоимость по льготному тарифу³. Другой случай произошел в 2024 году в г.Астана, где под прикрытием сервиса по обслуживанию двигателей с 2022 по май 2024 года функционировала крупная майнинговая ферма. Правоохранительными органами было изъято порядка 1300 майнинговых устройств; незаконная деятельность данной фермы принесла ее операторам доход, превышающий 143 млн тенге.⁴

По состоянию на текущий период рынок Казахстана демонстрирует снижение привлекательности для нелегальных

¹ U.S. becomes largest bitcoin mining centre after China crackdown // Режим доступа: <https://www.reuters.com/technology/us-becomes-largest-bitcoin-mining-centre-following-china-ban-2021-10-13/> (дата доступа: 28.05.2025г.)

² Незаконный майнинг: приговор главе госпредприятия вынесли в Алматы // Режим доступа: https://el.kz/ru/nezakonnyy-mayning-prigovor-glave-gospredpriyatiya-vynesli-v-almaty_46289/ (дата доступа: 27.05.2025г.);

³ Деятельность "Серых" майнеров пресекли в Алматинской области // Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/press/news/details/330125?lang=ru> (дата доступа: 28.05.2025г.);

⁴ Власти Казахстана изъяли 1300 нелегально работавших майнинг-устройств // Режим доступа: www.rbc.ru/crypto/news/66f3cf1a9a79474f674ae40a?from=copy (дата доступа: 27.05.2025г.);

майнеров. Основным фактором, обусловившим данную тенденцию, стали системные меры противодействия со стороны правоохранительных и фискальных органов Республики Казахстан. Согласно опубликованной Агентством РК по финансовому мониторингу статистике, с начала 2024 года в стране зафиксировано 18 инцидентов, связанных с незаконной добычей цифровых активов, на общую сумму порядка 36 млрд тенге (эквивалентно \$72 млн), из которых четыре случая касались размещения майнинговых ферм.

Особый интерес представляет опыт Узбекистана, в котором майнинговая деятельность также требует соответствующей лицензии. Вместе с тем, согласно Положений¹ Приказ директора Национального агентства перспективных проектов Республики Узбекистан «Об утверждении Положения о порядке выдачи разрешения для осуществления деятельности по майнингу» // Режим доступа: <https://lex.uz/ru/pdfs/6623732> (дата доступа: 27.05.2025г.);

, одним из требований является использование для осуществления майнинга электроэнергии, произведенной солнечной фотоэлектрической станцией. Тем самым параллельно стимулируя развитие зеленой энергетике в стране.

В контексте уголовно-правового противодействия незаконному майнингу, как отмечено ранее, в Узбекистане также установлена ответственность по ст. 278-9 УК РУ. Предшествующая правоприменительная практика основывалась на привлечении к ответственности по ст. 169 УК РУ (Кража) лиц, занимавшихся данной незаконной деятельностью².

В Кыргызской Республике, до законодательной регламентации майнинговой деятельности, субъекты, осуществлявшие майнинг, привлекались к уголовной ответственности по нормам Уголовного кодекса, в частности, за уклонение от уплаты налогов с организаций, уклонение от уплаты таможенных платежей и легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем³.

¹ Приказ директора Национального агентства перспективных проектов Республики Узбекистан «Об утверждении Положения о порядке выдачи разрешения для осуществления деятельности по майнингу» // Режим доступа: <https://lex.uz/ru/pdfs/6623732> (дата доступа: 27.05.2025г.);

² С начала года в Узбекистане выявлено 26 незаконных майнинг-ферм // Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/12/06/energy/> дата доступа: 28.05.2025г.;

³ Выявлена майнинг-ферма, потреблявшая электроэнергию как несколько микрорайонов // Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/30059662.html> (дата доступа: 28.05.2025г.);

В настоящее время страны Центральной Азии, включая Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан, перешли от периода нерегулируемого майнинга, характеризовавшегося значительными финансовыми потоками вне систем мониторинга и налогообложения, к установлению лицензионных режимов, требующих легализации деятельности и интеграции в фискальные рамки. При этом уголовно-правовое противодействие незаконным операциям эволюционировало от применения общих норм (кража, уклонение от налогов) к специализированным статьям (ст. 278-9 УК Узбекистана).

Криптомиксеры – специализированные сервисы, преднамеренно обфусцирующие происхождение криптовалютных средств путем дробления и смешивания транзакций множества пользователей – представляют собой критически значимую и актуальную угрозу для эффективности национальных систем ПОД/ФТ во всех странах региона. Данные инструменты целенаправленно эксплуатируют технологические особенности блокчейна и правовые лакуны, создавая серьезные препятствия для идентификации бенефициаров и отслеживания криминальных финансовых потоков, особенно связанных с наркоторговлей, кибермошенничеством и коррупцией¹.

Актуальность противодействия криптомиксерам в ЦА обусловлена совокупностью факторов: во-первых, наблюдаемой дивергенцией в регулировании оборота виртуальных активов – от лицензионных режимов в Казахстане (МФЦА), Узбекистане и Кыргызстане до правовой неопределенности в Таджикистане, что создает возможности для регуляторного арбитража; во-вторых, географическим положением региона, делающим его транзитной зоной для трансграничных преступных потоков; в-третьих, недостаточным уровнем технической оснащенности и экспертизы финансовых разведок и правоохранительных органов в области блокчейн-аналитики для эффективного выявления сложных схем обфускации.

Нейтрализация угрозы, исходящей от криптомиксеров, требует не только совершенствования национальных регуляторных рамок и

¹ Криптопрачечная: как вымогатели отмывают криптовалюту // Режим доступа: <https://blog.kaspersky.kz/crypto-laundering-and-ransomware/26275/> (дата доступа: 29.05.2025г.)

оперативных возможностей в каждой стране ЦА, но и выработки согласованных региональных подходов.

Заключение

Проведенное исследование убедительно демонстрирует исключительную актуальность проблемы использования криптомиксеров, нелегальных криптообменников и "серых" майнеров для легализации преступных доходов в странах Центральной Азии. Несмотря на заметный прогресс в формировании регуляторных рамок для цифровых активов в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане (включая лицензирование обменных операций и майнинга), объективные сложности в трансграничном отслеживании криптовалютных потоков создают значительные уязвимости в региональной системе ПОД/ФТ. Ключевым выводом является осознание того, что технологическая сложность инструментов обфускации (прежде всего криптомиксеров) и транснациональный характер преступных финансовых потоков превосходят возможности национальных систем противодействия, действующих изолированно.

В этой связи приоритетным направлением минимизации криминогенных рисков, связанных с цифровыми активами, признается усиление многостороннего регионального взаимодействия. Оптимизация противодействия криптомиксерам и иным инструментам отмыwania доходов требует скоординированных действий по следующим направлениям: гармонизация законодательных требований к обороту виртуальных активов и майнингу, создание эффективных механизмов оперативного обмена финансовой разведкой, а также совместное развитие технико-аналитических компетенций (блокчейн-аналитика). Наиболее действенной платформой для реализации данной повестки представляется Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), в рамках которой возможно выработка и внедрение единых стандартов и протоколов взаимодействия. Только через консолидированный региональный ответ, основанный на взаимном доверии и общих подходах, страны Центральной Азии смогут обеспечить устойчивую целостность своих финансовых систем и эффективно противостоять эволюционирующим вызовам криптопреступности.

**SAITOVA NIYYORA
SOBIRJONOVNA**

Adliya vazirligi huzuridagi
X.Sulaymonova nomidagi Respublika
sud ekspertizasi Markazi, Iste'mol
mahsulotlari va ichimlik suvi takribini
tahlil qilish ekspertizasi laboratoriyasi
mudiri

**ATANIYAZOV DONIYOR
SHOXNAZAROVICH**

Adliya vazirligi huzuridagi
X.Sulaymonova nomidagi Respublika
sud ekspertizasi Markazi, Sud-kompyuter
texnikaviy ekspertizasi bo'limi boshlig'i

**MOLEKULAR GENETIK TADQIQOT O'TKAZISH
JARAYONIDA BIOMETRIK MA'LUMOTLAR XAVFSIZLIGINI
TA'MINLASHDA LIMSNING O'RNI**

Bugungi rivojlangan kiber olam asrida nafaqat raqamli texnologiyalar balki insoniyat va jamiyat bilan aloqador barcha sohalarda, jumladan, biotexnologiya sohasida ham jadal rivojlanish kuzatilmoqda. Ushbu rivojlanish molekulyar genetik tadqiqotlarni sog'liqni saqlash, farmakogenetika, sud ekspertizasi va bioxavfsizlikning ajralmas qismiga aylantirdi. Bunda, eng noyob axborot turlari sirasiga kiruvchi, genetik ma'lumotlarni o'z ichiga olgan biometrik ma'lumotlar muhim ahamiyat kasb etadi.

Molekulyar genetik tadqiqotlarda ishlatiladigan biometrik ma'lumotlar (DNK namunalaridan olingan genetik profillar, barmoq izlari, yuz skanerlari va h.k.) yuqori aniqlikdagi identifikatsiya imkonini bergani sababli ularning maxfiyligi va xavfsizligini ta'minlash dolzarb masala hisoblanadi.

Ma'lumki, zamonaviy molekulyar genetik tadqiqotlar juda katta miqdordagi ma'lumotlarni, shu jumladan insonning noyob biologik xususiyatlarini o'zida aks ettiruvchi biometrik ma'lumotlarni qayta ishlashni talab qiladi. Buni biz genetik ma'lumotlar nafaqat shaxsni aniqlashga, balki insonning salomatligi, kasalliklarga moyillik darajasi, etnik kelib chiqishi va insonning potentsial xatti-harakatlari yoki kognitiv

xususiyatlari ehtimolligi bo'yicha ma'lumotlar olish imkonini berishida kuzatishimiz mumkin. Aynan shunday o'ziga xos jihatlari asosida molekulyar genetik tadqiqotlar jamiyat tinchligi, odil sudlovni ta'minlash, jinoyatlarni tergov qilishda ham katta ahamiyat kasb etadi, ya'ni hodisa sodir bo'lgan joyda aniqlangan biologik namunalarni tahlil qilish orqali, jinoyatni sodir etgan yoki unga aloqador bo'lgan shaxslarni identifikatsiya qilish imkoniyati mavjud. Bu kabi ma'lumotlarni sir saqlanishi tergov ishining sifatiga to'g'ridan to'g'ri ta'sir qiladi.

Shu nuqtai nazardan, sohada axborot texnologiyalaridan foydalanish, ya'ni laboratoriya ma'lumotlarini boshqarish tizimlari (LIMS - laboratoriya ma'lumotlarini boshqarish tizimi) nafaqat laboratoriyadagi jarayonlarni avtomatlashtirish, balki kiberxavfsizlikni ta'minlash vositasi sifatida muhim ahamiyat kasb etadi.

Shu o'rinda, LIMS tushunchasiga qisqacha ta'rif berib o'tamiz. LIMS – bu laboratoriya axborot boshqaruv tizimi (*inglizcha **Laboratory Information Management System***) bo'lib, odatda laboratoriyada xodimlar va ish jarayonlarini nazorat qilish uchun qo'llaniladigan tizim hisoblanadi, bunda, ma'lumotlarni qayta ishlash, natijalarni qayd etish va tadqiqotlarning takrorlanuvchanligini qulay usulda ta'minlash kabi imkoniyatlarni beradi. Biroq, bugungi kunda LIMS tizimlari ancha kengroq qamrovdagi funktsiyalarni bajarishi talab etiladi. Masalan: molekulyar genetik laboratoriyalarning barcha axborot infratuzilmasining yadrosi bo'lib xizmat qilishi, biometrik ma'lumotlar uchun namunani ro'yxatdan o'tkazishdan tortib tahlil qilish hamda natijalarni uzatishgacha bo'lgan barcha bosqichlarni qamrab olishi va ma'lumotlar daxlsizligini himoya qilishni talab etiladi.

Molekulyar genetika nuqtai nazaridan biometrik ma'lumotlar DNK, RNK, oqsillar va boshqa molekulyar markerlar tahlilidan olingan insonning shaxsiylashtirilgan biologik xususiyatlaridir. Ushbu ma'lumotlarga quyidagilar kiradi:

- * Genetik profillar (masalan, STR, SNP tahlili, genom ketma-ketligi);
- * Epigenetik markerlar;
- * Gen ekspressiyasining xususiyatlari;
- * Kasalliklarga moyillik belgilari.

An'anaviy biometrik ma'lumotlardan (barmoq izlari, ko'z rangli qo'big'i) farqli o'laroq, molekulyar genetika ma'lumotlari inson haqida chuqur va ishonchli ma'lumotlarni, shu jumladan irsiy xususiyatlar,

potentsial kasalliklar, etnik kelib chiqishi va hatto ehtimoliy xulq-atvor xususiyatlarini ham o'z ichiga oladi.

Bunday ma'lumotlar o'ta shaxsiy va konfidensialligi sababli, laboratoriya jarayonlarini tashkil qilishda uni himoya qilish ustuvor vazifaga aylanadi. Ushbu ma'lumotlarning sizib chiqishi yoki buzilishi jiddiy oqibatlarga olib kelishi mumkin, masalan, shaxsiy hayotning buzilishi, kamsitish, uchinchi shaxslar tomonidan ma'lumotlardan noto'g'ri foydalanish va shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish sohasidagi qonunlarning buzilishi kabi jiddiy oqibatlarga olib kelishi mumkin.

Laboratoriya ma'lumotlarini boshqarish tizimi (LIMS) molekulyar genetik tadqiqotlarni o'tkazishda biometrik ma'lumotlarning xavfsizligini ta'minlashda muhim rol o'ynaydi. Uning autentifikatsiya va foydalanuvchi huquqlarini farqlash funksiyalari orqali ma'lumotlarga kirishni qat'iy nazorat qilish imkoniyatini ta'minlaydi, bu esa ruxsatsiz kirish xavfini kamaytiradi. LIMSdagi har bir namuna egasi haqidagi ma'lumotlarni shifrlangan holda saqlash imkonini beradi hamda raqamli identifikator bilan maxfiylik darajasini oshiradi. Bundan tashqari, tizim namunalar va ma'lumotlarni qayta ishlash bilan bog'liq barcha harakatlar ketma-ketligini yozib boradi, to'liq audit izini yaratadi, bu esa hodisalarni keyingi tahlil qilish va tartibga solish talablariga rioya qilish uchun juda muhimdir.

Laboratoriyaga LIMSni joriy qilish va ish jarayonlarini avtomatlashtirishning ijobiy jihatlari bilan birga bir qancha muammolarni hal etish zaruratini yuzaga chiqaradi. Quyida ushbu sohadagi oid asosiy muammolarni keltiramiz.

Ruxsatsiz identifikatsiya xavfi - biometrik ma'lumotlar biror shaxsga unikal tarzda tegishli bo'lgani sababli, ularni ochiq qolishi shaxsning shaxsiy hayotining daxlsizligini xavf ostida qoldiradi. Bu ma'lumotlar orqali foydalanuvchi yoki tekshirilayotgan shaxs ruxsatsiz aniqlanishiga olib keladi, bu esa maxfiylik me'yorlariga zid hisoblanadi.

Dahlsizlikni qayta tiklanmasligi – odatiy parol yoki tokenlar farqli o'laroq, biometrik ma'lumotlarni o'zgartirish imkoni yo'q. Shu sababli, bir marotaba sizdirilgan yoki o'g'irlangan DNK profili qayta yangilanmaydi. Bu esa ushbu ma'lumot egalarini doimiy xavf ostida qolishiga olib keladi.

Yuridik me'yorlarning yetishmasligi - ko'plab mamlakatlarda biometrik ma'lumotlarning to'g'ri ishlatilishi va himoyasiga oid aniq qonunchilik bazasi mavjud emas. Bu esa ushbu ma'lumotlar bilan ishlash vakolatini suiste'mol qilish xavfini oshiradi va laboratoriyada faoliyat

yurituvchi ayrimlari xodimlarning biometrik ma'lumotlardan ruxsatsiz foydalanishi, ularni uchinchi shaxslarga yetkazilishi ehtimolini oshiradi.

Shu kabi muammolarning oldini olish maqsadida zamonaviy axborot tizimlarida ma'lumotlarni saqlash, qayta ishlash va uzatishda shifrlash algoritmlaridan foydalaniladi, bu esa bulutli texnologiyalar va laboratoriyalarning masofadan ishlashida juda muhimdir. Shifrlash va kriptografik himoya ma'lumotlarning muntazam zaxira nusxasi bilan birgalikda ularning yaxlitligini saqlashga va ma'lumotlar yo'qolishining oldini olishga imkon beradi. Raqamli imzolar, versiyalarni boshqarish, zaxira nusxalari va ma'lumotlarni tiklash tizimlari ham qo'llaniladi.

Xavfsiz interfeyslar orqali boshqa tibbiy, tadqiqot va ma'muriy platformalar bilan integratsiya orqali GDPR, HIPAA va ISO 27001 kabi barcha xalqaro xavfsizlik standartlariga rioya qilgan holda muassasalar va tadqiqot markazlari o'rtasida xavfsiz ma'lumotlar almashinuvi ta'minlashi mumkin.

Tizimdagi har bir foydalanuvchi harakati auditorlik jurnalida qayd etiladi, bu jarayonlarning shaffofligini ta'minlash, ruxsatsiz kirishni tezda aniqlash va GDPR (EI), HIPAA (AQSh), ISO/IEC 27001 va boshqalar kabi xalqaro standartlar talablariga javob beradi.

Laboratoriyaga joriy qilinadigan LIMS quyidagi xalqaro normalar talablarini qo'llab-quvvatlashi talab etiladi:

- GDPR (EI) — shaxsiy va biometrik ma'lumotlarni himoya qilish;
- HIPAA (AQSh) — tibbiy ma'lumotlarning maxfiyligi;
- ISO / IEC 27001-axborot xavfsizligi;
- ISO 15189-tibbiy laboratoriyalar;
- GXP, GLP — farmatsevtika va biotexnologiya laboratoriyalari uchun.

Xalqaro amaliyot biometrik ma'lumotlarning xavfsizligini ta'minlashda LIMSni qo'llash samaradorligini namoyish etadi. Shunday qilib, AQShda LIMS CODIS federal bazasi bilan integratsiyalashgan holda sud-ekspertlik laboratoriyalarida keng qo'llaniladi, DNK profillariga kirish esa qat'iy tartibga solinadi. Buyuk Britaniyada, 100,000 Genomes loyihasi doirasida, saraton va kam uchraydigan kasalliklarga chalingan bemorlarning ma'lumotlari GDPR talablariga javob beradigan LIMS muhitida saqlangan va qayta ishlanadi. Shvetsiyada LIMS milliy biobanklar, tadqiqot markazlarida namunalarni saqlashni standartlashtirish va ilmiy ma'lumotlarning takrorlanishining oldini olish uchun ishlatiladi. Hukumat biometrik strategiyasi mavjud bo'lgan

Singapurda LIMS milliy sog'liqni saqlash tizimi bilan birlashtirilgan va ishonchli raqamli infratuzilmaning elementi sifatida qaraladi.

Bugungi kunda LIMS echimlari va ularni genetik ma'lumotlar massivlarini tahlil qilish va mazmunli talqinlarini taklif qilish qobiliyatiga ega bo'lgan vositalar bilan birlashtirishga alohida e'tibor qaratilmoqda. Biroq, bunday echimlar axborot xavfsizligiga yanada qat'iy yondashuvlarni talab qiladi, jumladan masofadan kirishni qat'iy himoya qilish, foydalanuvchi xatti-harakatlarini boshqarish (UEBA), ma'lumotlarni shifrlash va kiberetika standartlarni qo'llash.

Shunday qilib, LIMSning roli faqatgina laboratoriyadagi ish jarayonlarini avtomatlashtirish darajasidan oshib, biometrik ma'lumotlarning xavfsizligi, muvofiqlik, laboratoriyalarning shaffofligi va jamiyatning genetik tadqiqotlar natijalariga ishonchini ta'minlaydigan platforma yohud raqamli vositasiga aylanadi. Zamonaviy LIMSni joriy qilish va qo'llash nafaqat texnologik mukammallikka qadam, balki XXI asrda genetik tadqiqotlarning huquqiy va axloqiy barqarorligining asosidir.

**ТУЛЯГАНОВ АБДУМАННОП
АБДУЖАББАРОВИЧ**

УНГБОЕВ АРСЛОН БЕРДИЯРОВИЧ

Институт государства и права
Академии наук Республики Узбекистан

ТУРСУНБОЕВ САРДОР МУРОДОВИЧ

Правоохранительная Академия
Республики Узбекистан

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЦИФРОВОГО
ПРОСТРАНСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Если мы не будем контролировать искусственный интеллект, это изобретение может стать последним технологическим открытием человечества.

Стивен Хокинг

Аннотация. Бугунги кунда замонавий рақамли маконнинг, шу жумладан рақамли иқтисодиётнинг ривожланиши сунъий интеллектнинг ривожланиши билан чамбарчас bogлиқ. Сунъий интеллектни ўрганиш ва қарор қабул қилишининг жуда мураккаб ва илгор тизими сифатида ифодаланиш мумкин, бу эса жамият ва умуман давлатни янада кенгайтиришда зарур ёрдам кўрсатиши мумкин.

Ушбу мақолада биз илмий адабиётларда турли тадқиқотчилар томонидан тақдим этилган “кучли сунъий интеллект” ва “заиф сунъий интеллект” атамаларини ўрганишининг асосий ёндашувларини таҳлил қилишга ҳаракат қиламиз.

Мақоламизнинг асосий мазмуни Ўзбекистон Республикаси, қўшни давлатлар ва хорижий давлатлар амалиётида, иқтисодиётида, энг асосийси жиноятчиликка қарши курашни ташиқил этишда сунъий интеллект ҳамда рақамлаштириш технологияларидан фойдаланиш муаммоларини кўриб чиқишдан иборат.

Жамоатчилик билан алоқаларнинг ривожланиши шуни кўрсатадики, замонавий ҳаётда энг долзарб бўлган сунъий интеллектдан фойдаланишнинг асосий йўналишлари бошқарув, экология, қишлоқ хўжалиги, тиббиёт, навигация, чакана савдо, маркетинг, тишунослик ва бошқалар билан bogлиқ. Афсуски, ҳуқуқ ва бошқа бир қатор соҳалар ҳали ҳам бу жараёнлардан орқада қолмоқда.

Сунъий интеллектдан фойдаланиш инсон ва машина ўзаро таъсирининг янги босқичига олиб келади, деб ишонилиш учун асос бор. Бироқ, сунъий интеллект тизимлари ва нейрон тармоқлардан кенг фойдаланиш катта хавф билан тўла. Ушбу мақолада биз сунъий интеллект ютуқларини ҳаётнинг барча соҳаларига оммавий равишда киритилиш билан инсоният дуч келиши мумкин бўлган асосий таҳдидларни белгилашга ҳаракат қиламиз.

Калит сўзлар: рақамли трансформация, стратегиялаштириш назарияси, киберижтимоий тизим, стратегик бошқарув, нейрон тармоқлар, катта маълумотлар (big data).

Аннотация: Сегодня развитие современного цифрового пространства, в том числе цифровой экономики, тесно связано с развитием искусственного интеллекта. Искусственный интеллект можно охарактеризовать как чрезвычайно сложную и передовую систему обучения и принятия решений, которая может оказать необходимую помощь в дальнейшем расширении общества и государства в целом.

В данной статье мы попытаемся проанализировать основные подходы к изучению терминов «сильный искусственный интеллект» и «слабый искусственный интеллект» представленные различными исследователями в научной литературе.

Основное содержание нашей статьи заключается в рассмотрении проблем использования искусственного интеллекта в правлении, экономике, особенно в организации работ с преступностью в Республике Узбекистан, соседних государств и зарубежных стран.

Развитие связей с общественностью показывает, что основные направления использования искусственного интеллекта, наиболее актуальные в современной жизни, связаны с управлением, экологией, сельским хозяйством, медициной, навигацией, розничной торговлей, маркетингом, лингвистикой и другими сферами. К сожалению, юриспруденция и ряд других отраслей все еще отстают от этих процессов.

Есть основания полагать, что использование искусственного интеллекта приведет к новому этапу взаимодействия человека и машины. Однако широкое использование систем искусственного интеллекта и нейронных сетей сопряжено с большими рисками. В этой статье мы попытаемся определить основные угрозы, с которыми может столкнуться человечество при массовом внедрении достижений искусственного интеллекта во все сферы жизни.

Ключевые слова: рациональная трансформация, теория стратегий, кибернетика, стратегическое мышление, нейронные сети, квантовые данные (Big Data).

Annotation: Today, the development of modern digital space, including the digital economy, is closely linked to the advancement of artificial intelligence. Artificial intelligence can be characterized as an extremely complex and advanced system of learning and decision-making that can provide essential support for the further expansion of society and the state as a whole.

In this article, we will attempt to analyze the main approaches to studying the concepts of "strong artificial intelligence" and "weak artificial intelligence" presented by various researchers in scientific literature.

The main focus of our article is to examine the challenges of implementing artificial intelligence in the economy of the Republic of Uzbekistan, neighboring states, and foreign countries.

The development of public relations shows that the key areas of artificial intelligence application most relevant in modern life are related to ecology, agriculture, medicine, navigation, retail, marketing, linguistics, and other fields. Unfortunately, jurisprudence and several other sectors are still lagging behind in these processes.

There is reason to believe that the use of artificial intelligence will lead to a new stage of human-machine interaction. However, the widespread use of artificial intelligence systems and neural networks is associated with significant risks. In this article, we will attempt to identify the main threats that humanity may face with the mass implementation of artificial intelligence achievements across all spheres of life.

Keywords: digital transformation, theory of strategizing, cybersocial system, strategic management, neural networks, big data.

Анализ зарубежных научных исследований показывает, что цифровая трансформация (англ. digital transformation, DT или DX) — это процесс внедрения организацией цифровых технологий,

сопровождаемый оптимизацией системы управления основными технологическими процессами¹. Цифровая трансформация призвана ускорить продажи и рост бизнеса или увеличить эффективность деятельности организаций, не относящихся к чисто коммерческим (например, школ, лицеев, институтов, научных центров, университетов, академий и других образовательных учреждений)². Показателем цифрового развития организации, характеризующим степень и успешность его цифровой трансформации, является уровень цифровой зрелости организации.

Кроме этого, к сожалению, до сих пор термин «Цифровая трансформация» не имеет чёткого определения, а с течением времени получает всё больше толкований³.

В современных условиях стремительного развития науки и информационно-коммуникационных технологий вопросы развития искусственного интеллекта, цифровизации общественных отношений и цифровой трансформации надо рассматривать в одном ракурсе, объединяя их проблемные моменты и унифицируя научные исследования в данной области.

В странах мира (особенно азиатские государства) становится нормой широкое использование возможностей современных информационных технологий и искусственного интеллекта (ИИ) в государственном и общественном управлении, экономике, промышленности, социальной защите, образовании, медицине, сфере занятости, сельском хозяйстве, правоохранительной деятельности, обороне, безопасности, туризме и других областях (в пример можно привести опыт Республики Корея, КНР, Японии, Индии и др.).

Многим известно, что в Республике Узбекистан по инициативе главы нашего государства в качестве приоритетной задачи определено вхождение в число ведущих инновационно развитых государств к 2030 году посредством информатизации и развития цифровой экономики.

¹ Мирзагаева, Шамия; Асланов, Гейдар (15 декабря 2022). [Процесс цифровизации общества: к чему он приводит и что ожидать в будущем?](#) (PDF). [Metafizika \(журнал\)](#) (англ.). 5 (4): 10–21. eISSN 2617-751X. ISSN 2616-6879. OCLC 1117709579. [Архивировано](#) (PDF) 12 ноября 2022

² Stolterman, Erik; Croon Fors, Anna (2004). «Information Technology and the Good Life». Information systems research: relevant theory and informed practice. p. 689. ISBN 1-4020-8094-8

³ [Цифровая трансформация, 2019](#), с. 17.

Итак, возникают вопросы о том, что такое ИИ, какова должна быть сфера его влияния, где должны проходить границы его воздействия на общественные отношения. В какой степени цифровизации общественных отношений будет зависеть от этого процесса.

Мы можем с уверенностью утверждать, что искусственный интеллект (ИИ) способен изменить нашу жизнь как в лучшую, так и в худшую сторону. Эксперты неоднократно подчеркивают, что многие государства и общества еще не готовы к новым изменениям, связанным с ИИ. Мы поддерживаем данную точку зрения.

По мнению многих зарубежных исследователей, ИИ является движущей силой, основой (драйвером) процессов цифровой трансформации, позволяет всем участникам экономических и политических процессов перейти на новый этап человеко-машинного взаимодействия и способствует развитию цифровых платформ и цифровой экономики в целом.

Цифровизация – это внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. В 90-х годах XX века в мире начали говорить о новых технологиях IT и цифровой экономике, тогда как в Республике Узбекистан в это время только начали появляться первые мобильные телефоны. С тех пор прошло более 30 лет, и интернет для нас привычным явлением: практически у каждого есть смартфоны, дома у нас существуют умные устройства, которых во всем мире насчитывается уже ближе к триллиону. Цифровизация в глобальном плане представляет собой концепцию экономической деятельности, основанной на цифровых технологиях, внедряемых в разные сферы жизни и производства. И эта концепция широко внедряется во всех без исключения странах.

Технологии цифровизации успешно внедряются в нашей стране на протяжении последних десяти лет. По некоторым направлениям развития технологий искусственного интеллекта, цифровизации, совершенствования информационно-коммуникационных технологий Республика Узбекистан намного опережает многие страны СНГ, в том числе Российскую Федерацию и Казахстан. Интересно, что многие релоканты, оказавшиеся после событий 2020-

2022 годов в нашей стране хотят остаться в Узбекистане и и активно работать во благо нашей страны¹.

Современные исследования в данной сфере, отражающие актуальные тенденции развития искусственного интеллекта, основываются на двух подходах. Первый подход был сформулирован Брентом Кедзерски на круглом столе по проблемам искусственного интеллекта в Великобритании 17 июня 2021 года. По мнению ученого, суть Концепции 5.0 заключается в «открытии пути гармоничного взаимодействия человеческого интеллекта и когнитивных вычислений путем объединения возможностей технологий связи Индустрии 4.0 с человекоориентированным подходом Индустрии 5.0²».

Второй подход был представлен Озчаном Саритасом, руководителем исследовательской лаборатории Института статистических исследований и экономики знаний, на XXII Апрельской международной конференции. Этот подход был изложен в рамках XXII Апрельской международной конференции, посвященной проблемам развития экономики и общества, которая проходила с 13 по 30 апреля 2021 года. Согласно данной интерпретации, Концепция 5.0 предполагает «объединение человеческого и машинного интеллекта для создания коллективного разума, который позволит предотвратить технологическую сингулярность в будущем, совершенствовать человека и одновременно развивать технологии³».

В настоящее время существуют три основные формы сильного искусственного интеллекта:

- ограниченный искусственный интеллект,
- гибридный (или киберфизический) искусственный интеллект
- квантовый (или нейросетевой) искусственный интеллект.

Эти формы сильного искусственного интеллекта составляют основные направления развития искусственного интеллекта. В ближайшие годы и в перспективе эти формы будут определять основные направления развития глобального информационного и

¹ Knowledge exchange partnership leads to digital transformation at Hydro-X Water Treatment, Ltd. Global Business and Organizational Excellence. 2018; 37:6-13, by Heinze A, Griffiths M, Fenton A, Fletcher G

² Digital transformation: the essentials of e-business leadership, by Keyur Patel, Mary Pat McCarthy, 2000, [ISBN 0-07-136408-0](#)

³E-government in Canada: transformation for the digital age By Jeffrey Roy, 2006, [ISBN 0-7766-0617-4](#)

экономического пространства. Мы рассмотрим их ниже, основываясь на более подробной информации.

Ограниченный искусственный интеллект (Artificial Narrow Intelligence – ANI) – это набор инструментов, позволяющих решать конкретные задачи в определенной области. В научной литературе часто используется и понятие «дополненный интеллект». Ограниченный ИИ служит помощником, дополняющим возможности человека в решении определенных задач. Несмотря на ограниченные возможности ANI, его применение в настоящее время приносит значительный доход экономике. Например, по оценкам специалистов компании Gartner, использование дополненного интеллекта в глобальном масштабе создаст дополнительную стоимость в размере 2,9 триллиона долларов и сэкономит 6,2 миллиарда рабочих часов¹.

Гибридный (киберфизический) искусственный интеллект (Artificial Hybrid Intelligence - AGI) основан на использовании глубокого машинного обучения и очень близок к человеческим способностям, представляя собой модель нейросетевого человеко-машинного интеллекта².

Квантовый (нейросетевой) искусственный сверхинтеллект (Neural Network Artificial Super Intelligence) является высшей стадией развития ИИ, основанной на использовании квантово-нейронных технологий и обладающей функциями, в несколько раз превосходящими способности человека и общества³.

На современном этапе развития общественных отношений и государств в мировой экономике наблюдается переход от ограниченного искусственного интеллекта к гибридному искусственному интеллекту наряду с процессами нейросетевой трансформации экономических систем.

В книге Г.Леонгарда «Технологии против человека» приводится интересное определение термина «искусственный интеллект». Он пишет: «ИИ - это первая движущая сила в области экспоненциальных технологий; его можно определить как

¹ Mass Communication And Its Digital Transformation, by Ramanujam, 2009, [ISBN 81-313-0039-0](#)

² Art & Computers: an exploratory investigation on the digital transformation of art. PH.D. thesis, published in Cyber Flux News, July 1997, and in the Encyclopedia of Postmodernism, Victor E. Taylor, Charles E. Winquist, London and New York, Routledge, 2001

³ Digital medicine: implications for healthcare leaders, by Jeff Charles Goldsmith, 2003, [ISBN 1-56793-211-8](#)

разработку машин (программ или роботов), обладающих интеллектом и способных к самостоятельному обучению, то есть машин, способных мыслить как люди»¹.

Одним из важных достижений искусственного интеллекта, используемого в государственном управлении, цифровизации и электронной коммерции, являются самоорганизующиеся карты (SOM), разработанные финским ученим Т.Кохоненом. Эти технологии позволяют распределять данные людей по различным критериям, например, по количеству нахождения в сети, обращений в государственные органы, числа квитанций или частоте покупок. Таким образом, формируются потоки обмена информацией, что свидетельствует о развитии искусственного интеллекта и возрастающей роли человеко-машинного взаимодействия.

ИИ также требует защиты конфиденциальной информации из-за роста кибератак. Алгоритмы машинного обучения на основе графики обладают способностью обрабатывать неструктурированные данные и самообучаться, что особенно важно в сфере финансов и кредитования. Такие системы выявляют уязвимости в защите данных.

Важно помнить, что стремительное развитие нейронных технологий и создание мощного искусственного интеллекта должны учитывать этические, правовые и личные нормы для обеспечения безопасности личности в информационном пространстве. Г.Леонхард подчеркнул важность разработки цифровых этических норм в своей книге «Технологии против человека» отметив, что безграничная мощь технологий искусственного интеллекта и их способность быстро развиваться без этики могут иметь необратимые последствия для людей².

Американский специалист по проблемам технологической идентичности Е.Юдковский в своих работах показал, что проекты искусственного интеллекта способны к самосознанию и самоизменению.

¹ Digital Transformation By Mark Baker, 2014, [ISBN 978-1500448486](#)

² Lankshear, Colin; Knobel, Michele (2008). Digital literacies: concepts, policies and practices. p. 173. [ISBN 978-1433101694](#). «The ultimate stage is that of digital transformation and is achieved when the digital usages which have been developed enable innovation and creativity and stimulate significant change within the professional or knowledge domain».

Современная цифровая экономика существенно отличается от промышленной экономики. К.Скиннер сравнивает их следующим образом: в индустриальную эпоху доминировали монолитные фирмы, а в цифровую эпоху – платформенные компании. В индустриальную эпоху компании обладают тяжелыми физическими активами, в то время как цифровые платформы обеспечивают открытые рынки и достигают высокой капитализации с минимальным количеством сотрудников. В последние годы процессы принятия управленческих решений изменились.

В мире существуют различные тенденции, связанные с развитием искусственного интеллекта. США, РФ, Япония, Корея и Китай вложили значительные средства и получили множество изобретений, разработок, инноваций и патентов в этой области. В этих странах искусственный интеллект определяется как инструмент, выполняющий творческие функции человека. Утверждается, что это наука и технология, которые создают умные машины, особенно умные компьютерные программы.

Когда американские ученые провели эксперимент с роботом, оснащенным искусственным интеллектом, робот продолжал работать, несмотря на серьезный ущерб. Во время эксперимента «травмированный» робот смог адаптироваться как минимум к шести различным травмам, включая полную потерю двух нижних «ног и рук». Кроме того, «рука» робота адаптирована как минимум к 14 видам травм, включая выход из строя двух двигателей.

Хотим обратить ваше внимание еще на один аспект. Исследователи надеются, что искусственный интеллект к 2060 году сможет самостоятельно выполнять практически все задачи человека. Сейчас роботы с искусственным интеллектом уже работают дикторами, летают в космос и даже играют в футбол. В китайском информационном агентстве Синьхуа новости читает робот-диктор. Он был создан на основе жизненного прототипа Чжан Ванвэя. Робот может не только читать новостные тексты, но и имитировать мимику и манеру речи людей.

Предполагается, что искусственный интеллект будет в основном влиять на профессии, требующие меньше физического труда. В США искусственный интеллект влияет на 46% профессий, работающих в офисном режиме, 44% юридических профессий и 37% архитектурно-инженерных задач.

Также прогнозируется, что искусственный интеллект повлияет на 36 процентов задач в физической и гуманитарной сферах и 35 процентов рабочих мест, связанных с бизнес и финансовыми процессами. Однако влияние искусственного интеллекта на профессии, связанные с физическим трудом, включая строительство, уборку, ремесленничество и другие отрасли, очень мало, всего 1%.

В Италии использование ChatGPT, то есть искусственного интеллекта, запрещено. В настоящее время страна является первой страной в мире, запретившей нейронную сеть. Власти считают, что искусственный интеллект нарушил законодательство о персональных данных.

Следует отметить, что неприкосновенность персональных данных, их хранение и управление важны при внедрении искусственного интеллекта в социальную и другие сферы. Потому что этические аспекты использования искусственного интеллекта, особенно в США, Великобритании, Республике Корея, Китае, Японии, государствах-членах Европейского Союза и ведущих международных организациях, находятся в центре внимания, актуальным является вопрос прав человека и персональных данных, а также риск использования искусственного интеллекта в политических и деструктивных целях.

Поэтому при создании правовых основ использования искусственного интеллекта целесообразно уделить особое внимание этим вопросам.

Также при внедрении искусственного интеллекта и ИКТ важно поддерживать баланс между личными данными и правами на частную жизнь, а также их использованием для обеспечения национальной безопасности.

К основным научным проблемам относится отсутствие единого центра развития искусственного интеллекта, который бы координировал исследования, создавал базу данных экспериментальных результатов и обеспечивал междисциплинарные исследования. Организационные и технические проблемы включают большую территорию страны, нехватку квалифицированных кадров и нехватку технического оборудования из-за необходимости крупных финансовых инвестиций. На государственном уровне принимаются меры по

устранению этих проблем (в качестве примера можно привести процессы в РФ, США и странах Европы).

Однако широкое применение СА связано с социально-экономическими рисками, поскольку его неограниченное и неконтролируемое использование усугубляет социально-экономические противоречия, приводит к росту безработицы и проблемам перераспределения ресурсов. По мнению исследователей И.С.Соколовой и А.А.Галдина, развитие мощного искусственного интеллекта создает новые проблемы, требующие междисциплинарных исследований¹.

В заключение следует отметить, что на этапе перехода к пятому технологическому режиму, характеризующемуся активным внедрением технологий ИИ, изменением производительных сил и производственных отношений, дальнейшее развитие индустрии 5.0 приведет к трансформации глобальной экономики, дальнейшему развитию цифровых технологий и цифровизации общественных отношений, новым формам человеко-машинного взаимодействия.

Кроме того, существуют возможности и необходимость использования возможностей и технологий искусственного интеллекта в программах социальной защиты, и целесообразно внедрение и применение технологий искусственного интеллекта с привлечением ведущих отечественных специалистов и зарубежных компаний в соответствующих областях программирования.

Следует отметить, что поверхностный подход к внедрению искусственного интеллекта или различного программного обеспечения и ИКТ в соответствующие отрасли может привести, во-первых, к неэффективности проектов, во-вторых, к неэффективности расходуемых бюджетных средств, в-третьих, не соответствующие современным требованиям программы и системы могут стать мишенью киберпреступников, подорвать национальную безопасность и привести к утечке закрытых и персональных данных. Поэтому такие государственные программы должны осуществляться ведущими отечественными и зарубежными специалистами и компаниями отрасли.

В Узбекистане же широкое внедрение новых технологий, включая искусственный интеллект (конечно, под контролем

¹ [Digital Europe: Realizing the continent's potential | McKinsey](#). Дата обращения: 30 мая 2019. [Архивировано](#) 30 августа 2019 года.

соответствующих государственных органов), в программы социальной защиты и другие сферы стимулирует использование современных информационных технологий в государственном и частном секторах, повышает возможности для развития цифровой экономики в стране и внедрения инноваций в каждую сферу. В то же время это приводит к эффективному использованию современных научных достижений.

САРБАСОВ АЛИХАН ЕРЖАНОВИЧ

докторант 2-го курса Алматинской
академии МВД РК им. Макана
Есбулатова
магистр правоохранительной
деятельности и военного дела

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ
ИНФОРМАТИЗАЦИИ**

Современное развитие цифровых технологий и повсеместная информатизация общества привели к появлению новых форм противоправной деятельности в киберпространстве. Особую актуальность приобретает проблема обеспечения безопасности информационных систем и защиты данных от несанкционированного доступа и неправомерного использования. В этом контексте важное значение имеет уголовно-правовое регулирование ответственности за правонарушения в сфере информатизации, в частности - за нарушение правил эксплуатации информационных систем.

Настоящее исследование проводит сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за преступления в сфере информатизации в Российской Федерации, Республике Узбекистан и Республике Казахстан, с особым акцентом на составы преступлений, связанных с нарушением правил эксплуатации информационных систем. Выбор указанных государств для сравнительного анализа обусловлен их географической близостью, схожестью правовых систем, а также активным развитием

национального законодательства в области информационной безопасности.

Основные статьи УК РФ (2025 г.):

- Статья 272. Неправомерный доступ к компьютерной информации.

- Статья 272.1 Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения.

- Статья 273. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ.

- Статья 274. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

В прежней редакции закона субъектом преступления однозначно признавалось специальное лицо, обязанное соблюдать правила эксплуатации компьютерных систем в силу своих должностных полномочий. Однако современная трактовка Федерального закона "Об информации" расширила понятие информационно-телекоммуникационных сетей до любых технологических систем передачи данных, включая интернет и локальные сети.

Следует отметить, что каждый провайдер, предоставляющий доступ в Интернет, заключает с физическими и юридическими лицами договор оказания услуг, в котором прописаны определенные правила доступа к информационно-телекоммуникационным сетям. Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель предусмотрел ответственность по данной статье и для общего субъекта преступления¹.

Критическая информационная инфраструктура, охраняемая уголовным законом (ст. 274.1 УК РФ), включает в себя комплекс взаимосвязанных элементов: объекты информатизации, сети электросвязи и автоматизированные системы управления. Особый правовой статус данной инфраструктуры обусловлен потенциальной

¹ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70542118/>

возможностью наступления существенных негативных последствий для системы жизнеобеспечения государства в случае нарушения ее нормального функционирования.

Интересным представляется статья 274.2 УК РФ, которая отражает тенденцию к ужесточению контроля за интернет-инфраструктурой в России, указанная норма направлена на обеспечение цифрового суверенитета РФ. В структуре данной статьи установлена административная преюдиция, согласно которой за это правонарушение, возможно привлечение к уголовной ответственности только тех лиц, которые были подвергнуты административному наказанию за деяние, предусмотренное [частью 2 статьи 13.42](#) Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Всего указанные нормы содержат 16, в том числе квалифицированных, составов. Из них 4 состава (часть 1 статьи 272, часть 1 статьи 274, части 1 и 2 статьи 274.2 УК РФ) относятся к категории преступлений небольшой тяжести, 6 составов (части 2 и 3 статьи 272, части 2 и 3 статьи 273, часть 2 статьи 274 и часть 1 статьи 274.1 УК РФ) – к категории средней тяжести и ещё 6 составов (часть 4 статьи 272, часть 3 статьи 273, части 2, 3, 4 и 5 статьи 274.1 УК РФ) – к тяжким преступлениям. Составы гл. 28 УК РФ являются бланкетными, субъективная сторона выражается лишь в умышленной форме вины¹.

В пути развития мировой практики борьбы с киберпреступностью практически все государства осознали масштаб цифровых угроз. Это побудило страны к принятию специализированных законов, устанавливающих ответственность за компьютерные преступления. Республика Узбекистан последовала этой тенденции, закрепив в 1994 году в Уголовном кодексе первую профильную норму – статью 174 «Нарушение правил информатизации», что показывает и доказывает прогрессивность и своевременность реагирования законодателя Узбекистана на вызовы цифровой эпохи. Статья 174 стала основой для формирования главы XX¹ УК РУз (2007 г.), где был расширен перечень деяний (несанкционированный доступ, создание вредоносных программ,

¹ Федорова Н.С.//«Общая характеристика составов преступных посягательств в сфере компьютерной информации»//2022 г. Электронный ресурс <https://na-journal.ru/6-2022-pravo-obshchestvo/3943-obshchaya-harakteristika-sostavov-prestupnyh-posyagatelstv-v-sfere-kompyuternoi-informacii>

компьютерный саботаж). Так же принятый в том же году Кодекс об административной ответственности была включена ст. 155 (нарушение правил пользования информацией), устанавливающая административную ответственность за правонарушения в сфере информационных технологий¹. Эти нормы выполняют превентивную функцию, охватывая деяния, не достигшие степени общественной опасности, необходимой для уголовного преследования по ст. 278¹ УК РУз.

Последующие изменения внедрение ст. 278⁸–278⁹ о криптопреступлениях, 2024 г. подтверждают, что создается сбалансированная модель, сочетающую *репрессивные* (уголовные) и *превентивные* (административные) меры, а также национально ориентированные нормы, учитывающие риски для цифрового суверенитета, такие как запрет скрытого майнинга в ст. 278⁹.

Современное законодательство Республики Казахстан предусматривает комплексную систему ответственности за нарушения в сфере информатизации. В уголовном законодательстве Республики Казахстан отсутствует специализированная норма, устанавливающая ответственность непосредственно за нарушения правил в сфере информатизации (например, за несоблюдение требований к созданию, внедрению или эксплуатации информационных систем без наступления вредных последствий). Однако этот пробел частично компенсируется другими нормами УК РК, которые косвенно охватывают отдельные аспекты нарушений правил информатизации.

Так статья 207 УК РК «Нарушение работы информационной системы» применяется при умышленных действиях (бездействии), повлекших сбой систем. Квалифицирующие признаки включают нарушения совершённые на объектах критически важной инфраструктуры либо группой лиц (по предварительному сговору) либо повлёкшие тяжкие последствия.

Объектом преступления выступают общественные отношения по обеспечению безопасности информационных систем, включая их целостность и конфиденциальность данных. Речь идет о защите законных интересов владельцев компьютерных систем и сетей.

Существуют два типа правил эксплуатации:

¹ Расулев А.К.// Противодействие преступлениям в сфере информационных технологий и безопасности в Республике Узбекистан на современном этапе// Электронный ресурс: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/34199/view>

1. Технические инструкции производителей оборудования, обязательные для соблюдения под угрозой потери гарантийных обязательств;

2. Локальные нормативы владельцев информационных ресурсов, регламентирующие порядок работы с системами и носителями данных¹.

Статья 210 УК РК охватывает деяния, направленные на создание либо модификацию программ, специально предназначенных для неправомерного уничтожения, блокирования, изменения или копирования данных, а также нарушения нормального функционирования компьютерных программ, информационных систем и устройств. Особое внимание уделяется случаям, когда противоправная деятельность совершается с использованием служебного положения, что нередко связано с доступом к критическим ресурсам через имеющийся у лица правовой или технический статус.

Проведенный сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Узбекистан в сфере информационной безопасности показывает, что все три государства выработали собственные подходы к криминализации правонарушений в сфере информатизации. Российская Федерация выделяется детализированной системой норм, включающей специальные составы для защиты критической информационной инфраструктуры (ст. 274.1 УК РФ). Законодательство Узбекистана являясь первопроходцем на постсоветском пространстве демонстрирует динамичное развитие, последовательно расширяя перечень уголовно наказуемых деяний в цифровой сфере. Республика Казахстан делает акцент на защите функционирования информационных систем через общие нормы, которые защищают критическую инфраструктуру и учитывают квалифицированные признаки, такие как, групповой характер, использование служебного положения и тяжкие последствия. Это подтверждает признание законом цифрового суверенитета и необходимость защиты критических данных.

¹Досжанов Б.Б.//Объективные признаки уголовных правонарушений в сфере информатизации и связи//Вестник КАЗНПУ имени Абая, серия «Юриспруденция», №2(72), 2023 г – С.52-63

Таким образом, несмотря на разнообразие подходов, во всех трех государствах формируется сбалансированная система правовых мер: совокупность уголовных и административных составов, направленных на предупреждение, выявление и наказание преступлений в сфере информатизации. В перспективе ключевым направлением является развитие межгосударственного сотрудничества, унификация понятийного аппарата и расширение законодательной базы, направленной на проактивную защиту цифровой инфраструктуры в свете динамического развития этой области в современном мире.

**UMAROVA BARNO
AKBUTAEVNA**

Independent Researcher at the Law
Enforcement Academy of the
Republic of Uzbekistan, PhD. in
Law

**THEORETICAL ISSUES OF THE PROSECUTOR'S
PARTICIPATION
IN CIVIL PROCEEDINGS RELATED TO THE INTERESTS OF
SOCIETY AND THE STATE**

***Abstract.** This article examines the legal and practical foundations of the prosecutor's participation in civil proceedings; it elucidates the prosecutor's role in protecting public and state interests and his importance for ensuring the rule of law with respect to state budget revenues, environmental damage, and land relations. Based on a comparative analysis of the legislation of Bulgaria, Poland, the Czech Republic, and France, the study highlights the prosecutor's active role in safeguarding civil interests, substantiates the expansion of prosecutorial powers to protect state interests, and reviews scholarly theoretical perspectives. It argues that enhancing the effectiveness of prosecutorial participation is among the key conditions for the genuine protection of legality, social justice, and human rights.*

***Keywords:** prosecutorial participation, civil procedural law, public and state interests, experience of foreign jurisdictions, rule of law.*

According to Article 143 of the Constitution of the Republic of Uzbekistan, supervision over the precise and uniform implementation of laws throughout the territory of the Republic of Uzbekistan is carried out

by the Prosecutor General of the Republic of Uzbekistan and subordinate prosecutors. Thus, control over the enforcement of laws in all recognized areas of society is entrusted to the prosecutorial bodies.¹

According to M.M.Mamasiddiqov, at a time when economic, political, and judicial-legal reforms are being implemented in our country and the protection of the rights and freedoms of citizens, as well as the interests of society and the state, is of great importance, the participation of prosecutors—who are entrusted with ensuring the protection of the rights and lawful interests of citizens, enterprises, institutions, and organizations, as well as strengthening the rule of law—in the consideration and resolution of civil cases by courts requires special attention. Therefore, there are objective reasons for the prosecutor's participation in civil proceedings. Moreover, as rightly noted in legal literature, when socially vulnerable groups of the population have limited opportunities to use the services of lawyers to obtain legal assistance, it would be inappropriate to restrict the powers of prosecutors in protecting the rights and legitimate interests of these groups. Especially since, in the current legislation of our country, the provision of free legal assistance by lawyers in civil cases is not legally regulated, it is natural that socially vulnerable individuals turn to prosecutorial bodies to seek protection of their violated rights and legitimate interests.²

An analysis of the scientific literature shows that the legal basis for the prosecutor's participation in civil proceedings arises from the goals and duties assigned to the prosecutor by law — namely, ensuring the rule of law, strengthening legality, and protecting the rights and freedoms of citizens, as well as the legally protected interests of society and the state. Therefore, scholars of law in the legal literature argue that the foundation of the prosecutor's participation in civil proceedings is determined by the functions of the prosecutor.³

According to Sh.I.Shayzakov, in order to ensure the exercise of the prosecutor's powers related to the implementation of laws governing civil

¹ Ўзбекистон Республикаси Конституцияси. Т. “Ўзбекистон”. 2023 й. 71-Б.

² Мамасиддиқов М.М., Шайзаков Ш.И., Шамшидинов У.Т. Фуқаролик суд ишларини юритишда прокурор ваколатини таъминлаш масалалари // Илмий-амалий қўлланма. – Тошкент, 2020. – 15 б.

³ Иванов С.А. Защита прокурором прав и законных интересов граждан в российском гражданском судопроизводстве: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. - М., 2009. - 18 с. / Мамасиддиқов М.М., Шайзаков Ш.И., Шамшидинов У.Т. Фуқаролик суд ишларини юритишда прокурор ваколатини таъминлаш масалалари // Илмий-амалий қўлланма. – Тошкент, 2020. 10 б.

judicial proceedings, the prosecutor, while strictly observing the principles of judicial independence and subordination only to the law, assists courts in the administration of justice in civil cases.¹

It is also necessary to briefly touch upon the forms of the prosecutor's participation in civil judicial proceedings, which are implemented through the exercise of powers assigned to him in the process of handling cases related to the interests of society and the state.

In this regard, I.N.Lukyanova and L.N.Izotova traditionally divide the participation of the prosecutor in court proceedings into two main forms: firstly, the prosecutor may, on his own initiative, apply to the court in the form of a statement of claim; and secondly, he may present his opinion during the trial or participate in the proceedings as prescribed by law.²

O.S.Rogacheva notes that the prosecutor participates in civil proceedings by filing a statement of claim with the court and by presenting his opinion on the case.³

According to N.A.Chechina, the prosecutor, like other participants in civil proceedings, takes part in the case, and his main function is to protect public interests and ensure legality. The prosecutor, in this context, is invited to act as a representative.⁴

Other scholars also point out that the prosecutor's participation in court proceedings is carried out as a representative of the state, pursuing the protection of its interests.⁵

¹ Шайзаков Ш.И. Маъмурий ва фуқаролик судларида прокурор ваколатини таъминлашни ташқил этиш масалалари. Ўқув кўлланма. - Тошкент, Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш Академияси, 2023 й. 105-106-б.

² Лукьянова И. Н. Участие прокурора в гражданском деле и правовая определенность в современном российском гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 9. С. 39–46; Изотова Л. Н. Отдельные процессуальные вопросы участия прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 12. С. 11–15.

³ Рогачева О.С., Участие прокурора при рассмотрении отдельных категорий административных дел: формы участия и особенности процессуального положения // Журнал административного судопроизводства. 2018. № 2. С.14-22.

⁴ Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Че-чиной, Д. М. Чечота. М., 2001. С. 85

⁵ Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 143; Чечот Д. М. Участники гражданского процесса. М., 1960. С. 175; Ченцов Н. В. Проблемы защиты интересов в гражданском судопроизводстве. Томск, 1980. С. 115.

B.Kh.Pulatov, in his scientific works, classifies the forms of the prosecutor's participation in civil courts as follows: in cases stipulated by law; on the basis of his own application; and in higher judicial instances.¹

Meanwhile, M.M.Mamasiddiqov identifies two main forms of the prosecutor's participation in the consideration of civil cases by the court of first instance:

- filing a statement of claim with the court to protect the rights and legally protected interests of other persons;
- participating in a case initiated by other persons for the purpose of expressing his opinion on the merits of the case (Articles 50 and 245 of the Civil Procedural Code).²

To a certain extent, we can agree with the opinions of these scholars. This is because, prior to the adoption of the Law of the Republic of Uzbekistan “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan Aimed at Ensuring the Powers of the Prosecutor in Court Proceedings” (Law No. O‘RQ-968, dated September 30, 2024), Article 50 of the Civil Procedural Code stipulated that the prosecutor could participate in civil proceedings only in cases expressly provided for by law or in cases initiated on the basis of the prosecutor's own statement of claim. It was also noted that the prosecutor could not participate on his own initiative in the consideration of cases initiated by the applications of other persons.³

In this regard, U.Shamsiddinov, in his research, identifies two forms of the prosecutor's participation in the consideration of civil cases by the court of first instance:

- if a citizen, due to physical condition or other reasons, is unable to personally defend his rights, freedoms, and lawful interests in court, the prosecutor may file a statement of claim to protect the violated rights, freedoms, and lawful interests of that citizen (Article 50 of the Civil Procedural Code);
- in cases provided for by law, the prosecutor may participate in the consideration of a case initiated by other persons in order to express an

¹ Пулатов Б.Х. Судларда фуқаролик ишлари кўрилишида прокурор иштирокининг мақсади, вазифаси ва ҳуқуқий асослари. Прокурор назорати: дарслик. – Т., 2008. Б. 416

² Мамасиддиқов М.М. Фуқаролик суд ишларини юритишда прокурор ваколатини таъминлаш масалалари // Илмий-амалий қўлланма. –Тошкент, 2019. 26-27 б.

³ Ўзбекистон Республикаси Фуқаролик процессуал кодекси. Ўзбекистон Республикасининг 2023 йил 25 декабрдаги УРК-887-сонли Қонуни. Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 26.12.2023й., 03/23/887/0972-сон-2024 йил 1 январдан кучга кирган.

opinion on the merits of the case (Articles 50 and 245 of the Civil Procedural Code).¹

In our view, in such circumstances, the prosecutor should not be excluded from participating in similar forms when handling cases related to the interests of society and the state.

This provision in our legislation restricts prosecutors from participating in cases other than those expressly provided for by law and those initiated on the basis of their own statements of claim (applications).

Furthermore, according to the amendments and additions made to the Civil Procedural Code (CPC), adopted on December 25, 2023 and effective from January 1, 2024, “The Prosecutor General of the Republic of Uzbekistan and his deputies, regional prosecutors and equivalent prosecutors, as well as their deputies, district and city prosecutors and equivalent prosecutors, are entitled to request a case from the relevant court to decide on the issue of filing a cassation protest, provided that there are applications from persons specified in Article 403 of this Code or if the case was considered with the participation of a prosecutor” (Article 407¹ of the CPC).²

Similarly, “The Prosecutor General of the Republic of Uzbekistan and his deputies, regional prosecutors and equivalent prosecutors, as well as their deputies, have the right, within their powers, to request a case from the relevant court to decide on the issue of filing a protest under the supervision procedure, provided that there are applications from persons specified in Article 419⁴ of this Code or if the case was considered with the participation of a prosecutor” (Article 419¹⁴ of the CPC).³

From this, it follows that the prosecutor may request a case for review only if there is an appeal or application from one of the parties. However, in cases concerning the interests of the state — for example, those involving claims for moral damages, recovery of environmental or ecological harm, illegal occupation of state reserve lands, or miscalculation of state duties resulting in significant losses to the state budget — a reasonable question arises: if no appeal is filed by the parties, who will challenge the court’s decision?

¹ Шамсиддинов У.Т. Фуқаролик суд ишларини юритишда прокурор иштирокини такомиллаштириш масалалари., юридик фан... фалсафа доктори илмий даражаси учун ёзилган дисс. Т., 2023., Б-28.

² Ўзбекистон Республикаси Фуқаролик процессуал кодекси. Ўзбекистон Республикасининг 2023 йил 25 декабрдаги УРК-887-сонли Қонуни. Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 26.12.2023й., 03/23/887/0972-сон-2024 йил 1 январдан кучга кирган.

³ Ўша манба.

In our opinion, in such cases related to the interests of society and the state, the issue of mandatory participation of the prosecutor should be reconsidered. It is necessary to fill the existing legislative gaps regarding the prosecutor's participation in such categories of cases and to study foreign experience as well as the historical development of national legislation relating to the protection of state interests.

Moreover, in cases concerning the recovery of credit funds, foreclosure on pledged property, or collection of cash debts, situations often arise where state duties are incorrectly collected, yet neither party files a complaint. When the prosecutor, based on the court's decision, identifies such a violation — for instance, an underpayment of state duty to the budget — a natural question arises: can the court's decision still be considered lawful?

Here, contradictions emerge regarding the prosecutor's constitutional duty to exercise supervision over the precise and uniform execution of laws throughout the country.¹

Statistical analysis also highlights this issue. Across the republic, in 2023, a total of 703 civil cases involving the collection of state duties resulted in approximately 22 billion soums not being collected into the state budget.

The breakdown by region is as follows:

Tashkent city — 66 cases, 5.8 billion sums;
Namangan region — 104 cases, 3.2 billion sums;
Jizzakh region — 32 cases, 2.9 billion sums;
Samarkand region — 73 cases, 2.5 billion sums;
Andijan region — 92 cases, 1.7 billion sums;
Navoi region — 18 cases, 1.2 billion sums;
Surkhandarya region — 30 cases, 810.6 million sums;
Khorezm region — 73 cases, 766.1 million sums;
Bukhara region — 27 cases, 721.0 million sums;
Kashkadarya region — 23 cases, 713.0 million sums;
Tashkent region — 36 cases, 657.0 million sums;
Fergana region — 38 cases, 542.0 million sums;
Syrdarya region — 91 cases, 505.0 million sums.²

¹ Ўзбекистон Республикаси Конституцияси. Т. «Ўзбекистон». 2023 й. 71-Б.

² Ўзбекистон Республикаси Олий суди маълумотномаси.

These data clearly demonstrate that legislative reforms and practical mechanisms ensuring prosecutorial participation in protecting the financial interests of the state are not only justified but urgently needed.

For example, in a civil case heard by the Tayloq Interdistrict Civil Court, the court issued a decision on April 26, 2021, in favor of the claimant, Kapitalbank Joint-Stock Commercial Bank, ordering the recovery of USD 503,198 in credit debt from the respondent, Petrobrass Road LLC, and permitting foreclosure on the pledged property. Despite the absence of any newly discovered circumstances, this decision was illegally annulled on March 13, 2023, which resulted in the non-recovery of 212.3 million sums in state duties owed to the state budget.

In such a case, neither party has an interest in filing an appeal, as both sides benefit from the situation. Naturally, the prosecutor also lacks the authority to request or review the case. Consequently, due to the absence of prosecutorial authority to reclaim cases in the interest of the state and society, the state budget lost 212.3 million sums in unpaid state duties.¹

The comparative analyses conducted during this research show that studying the civil procedural laws of foreign countries allows for a closer examination of effective mechanisms and practices applied in particular legal systems or sectors.

In this context, M.M.Mamasiddiqov emphasizes: “In order to correctly determine the legal status of the prosecution institution in civil proceedings, it is first necessary to establish its position within the system of state bodies, based on how the prosecution operates in foreign countries. The type of institutional system to which the prosecution belongs defines the scope of its powers. For example, if the prosecution service operates under the Ministry of Justice or within the judicial system, it is primarily tasked with criminal prosecution, supporting public accusations in court, ensuring legality in detention and correctional institutions, and related functions. However, if the prosecution is accountable to the legislative body or the President, then it performs a general supervisory function over legality in society, ensuring the protection of citizens’ rights and freedoms, as well as the legally protected interests of society and the state.”²

¹ Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси 2023 йил якунлари юзасидан маълумотнома.

² Мамасиддиқов М.М., Каримов М.Х. Фуқаролик процессида прокурор иштироки. Илмий-амалий қўлланма. - Т.АКХМИ.2008 й. – 16 - б.

Since the legal system of Uzbekistan belongs to the Romano-Germanic legal family, it is particularly important to conduct comparative legal analysis of national civil procedural legislation with that of countries belonging to the same legal tradition.

Furthermore, a review of foreign civil procedural legislation concerning the participation of prosecutors in cases affecting the interests of the state and society reveals that there is a pressing need to revise and improve certain provisions of Uzbekistan's national legal framework in this regard.

For example, in Bulgaria — as well as in several other European countries — the prosecutor defends the interests of the state and society in court. The prosecution service is an independent body within the structure of the judiciary.¹

According to Article 126 of the Constitution of Bulgaria², the organizational structure of the prosecution service corresponds to that of the courts. It states:

“The prosecution shall participate in civil proceedings, defend the interests of the state and society in the process, and exercise supervision over compliance with the law.”

Furthermore, the prosecution is entitled to initiate civil proceedings to protect the legally protected interests of vulnerable groups of the population, such as minors, persons with disabilities, and the socially disadvantaged.

In proceedings, the prosecutor expresses his opinion on the matters under consideration. This opinion, however, is not binding on the court, similar to the rule established in Uzbekistan's civil legislation.

The participation of prosecutors in commercial disputes is not provided for under the Bulgarian Civil Procedural Code.

According to Bulgarian legislation, if the interests of the state or society are violated, the prosecutor — as the official responsible for supervising compliance with the law — is obliged to take measures to eliminate such violations.

¹ Маркаров В.Р. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование // Автореф. дисс. канд. юрид. наук. - Москва, 2012. - 11, 21, 4-10.

² Конституционно-правовой статус прокуратуры в России и в зарубежных странах (сравнительно-правовое исследование): Монография // Примова Э.Н. и др. - Москва: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2017. - С. 129-130.

According to Bulgarian legislation, if the interests of the state and society are violated, the prosecutor, who is responsible for supervising compliance with the law, is obliged to take measures to eliminate such violations.

In Bulgaria, the prosecution service is entrusted with crucial responsibilities related to law enforcement and ensuring the rule of law. The Prosecutor General of Bulgaria, together with regional prosecutors, deputy prosecutors general, and subordinate prosecutors, performs the following duties:¹

- Initiating civil cases, submitting applications, and participating in court hearings when it is necessary to protect legality, the social interests of citizens, property rights, and other lawful rights, particularly in the fields of labor law and social security;

- Taking measures prescribed by law to ensure the correct and uniform application of the law in judicial, administrative, and other legal proceedings related to violations of the law;

- Cooperating with state bodies, public organizations, and government institutions to prevent crimes and other legal violations;

- Implementing other legally established measures in the sphere of protecting legality and justice.

In Poland, the activities of the prosecution service are regulated by the Law “On the Public Prosecution Service” of June 20, 1985, as well as by procedural legislation, the Law on the Supreme Court, and the Law on the Constitutional Tribunal.² The Prosecutor General heads the institution — and simultaneously serves as the Minister of Justice — thereby combining administrative and prosecutorial oversight functions within a unified system of ensuring legality in the state.

According to Article 55 of the Civil Procedural Code of Poland, *“when a prosecutor files a statement of claim to protect the rights and freedoms of other persons, he must indicate in the statement of claim the personal information of the individual whose rights are being protected.”*³

¹ Code de procedure civil // <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT00000607071>.

² Никитин Е.Л. модели и стандарты прокурорской деятельности в современных условиях: учеб.пособие //Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Ун-та прокуратуры Р.Ф. 2018.С.29.

³ Польша Фукаролик процессуал кодекси//<http://kodeks.ws/postepowania-cuwilnego>

Unless otherwise provided by special regulations, this rule does not apply to non-property matters in the field of family law when the prosecutor files a claim.

In accordance with Article 56 of the same Code, when a prosecutor files a claim to protect someone's rights, the court must notify that person and provide a copy of the statement of claim. This individual may then join the proceedings as a plaintiff. In such cases, the prosecutor acts as a co-participant in the case. However, the prosecutor does not have the right to independently dispose of the subject matter of the dispute (for example, to withdraw or amend the claim).

Under Article 59 of Poland's Civil Procedural Code, the court has the right to notify the prosecutor of any case in which his participation is deemed necessary.

Moreover, pursuant to Article 60, the prosecutor may initiate or join proceedings at any stage of the process. The prosecutor is not bound to either the plaintiff or the defendant and may submit any statements or proposals he deems appropriate, accompanied by evidence and justifications.

Once the prosecutor declares participation in the proceedings, he must be notified of all procedural actions — including the filing of motions, the dates and times of court hearings, and the court's decisions.

The prosecutor also has the right to appeal any court decision within the same time limits as the parties to the case.

This Polish model demonstrates a balanced system in which the prosecutor acts as an independent protector of legality and social justice, ensuring that public and individual rights are safeguarded even when the directly affected person cannot effectively defend them on their own.

In the Czech Republic, the prosecution service (public prosecutor's office) operates under the authority of the Ministry of Justice and represents the interests of the state in legal proceedings. In other words, the prosecutor embodies the state's representation and is tasked with the protection of public and state interests.¹

According to Article 1 of the Constitution of the Czech Republic, prosecutors may initiate court proceedings and intervene in cases specified by law, particularly in labor and family disputes. However, the

¹ Лазерева М.Н. Прокуратура Чехии: реформы и особенности статуса // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 37. <https://cuberleninka.ru/article/n/prokuratura-chehii-reformy-iosobennosti-statusa> -1

participation of prosecutors in arbitration proceedings is not provided for by Czech legislation.

Similarly, in France, the prosecution system is also active, but, as in many other European countries, it functions within the structure of the Ministry of Justice. The French prosecution service — known as the “Ministère public” or *parquet* — performs a dual function: it acts both as the guardian of legality and public order and as a participant in judicial proceedings representing the interests of society and the state.

This comparative model shows that in several continental European legal systems — including Bulgaria, Poland, the Czech Republic, and France — prosecutors are entrusted with a significant role in safeguarding legality and protecting public interests, though their institutional subordination (to the judiciary or the Ministry of Justice) and the extent of their procedural participation may differ depending on each country’s constitutional structure.¹

The legal basis for the activities of the prosecution service in the French Republic is established by the Constitution of October 4, 1958², the Civil Procedural Code, and the Decree No. 2008-689 of July 9³, 2008, “On the Organization of the Ministry of Justice.”⁴

In France, “the officials of the prosecution service belong to a body closely connected with the judiciary (both are referred to as ‘magistrature’), receive the same legal education, and throughout their careers often move from the position of prosecutor to judge and vice versa.”

The participation of prosecutors in civil proceedings is regulated by the French Civil Procedural Code, which contains a number of provisions governing their procedural role in the administration of civil justice. In particular:

The Prosecutor General must be notified of court hearings so that he can participate and present his legal opinion;

The Court of Cassation may render its decision only after consulting with the Prosecutor General;

¹ Додонов В.Н. Прокуратура в России и за рубежом: сравнительное исследование /Под ред. С.И.Герасимова,-Москва: Норма, 2001.С.5.

² Франциянинг янги Фуқаролик процессуал кодекси /пер.с.франц.В.Захватаев /предисловие: А.Довгерт, В.Захватаев/Отв.ред.А.Довгерт.-К., 2004.С.544.

³ Франциянинг судда иш юритишни ташкил этиш кодекси//www.legifrance.gouv.fr

⁴ Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник /Отв.ред. А.Я.Сухарев.-Москва: Норма. 2003.-С.976.

The prosecutor actively participates in family law cases, particularly in the collection and assessment of evidence;

The prosecutor is authorized to gather information relevant to the case, including details concerning the minor's family situation and the circumstances of the parents;

The prosecutor's involvement is especially emphasized in cases concerning the protection of minors, guardianship, and family welfare matters.

Additionally, Section III of the French Civil Procedural Code, entitled "The Prosecutor General's Appeal to the Court of Cassation," provides that, in the interests of legality, the Prosecutor at the Court of Cassation may request that the judgment delivered by a lower court be transmitted to the Court of Cassation for review.

Thus, in France, the prosecution service not only represents the interests of society and the state in civil justice but also serves as a guardian of legality and social protection, particularly in cases affecting the family, minors, and public order, maintaining close institutional and functional ties with the judiciary under the Ministry of Justice.

As in our country, in France the protection of every individual's constitutional rights and freedoms, as well as the interests of society and the state, is considered one of the main functions of the prosecution service. Prosecutors act as defenders of society, which is why the assistants of the Prosecutor General are referred to as "avocats généraux" — literally meaning "chief advocates."¹

The duties of prosecutors in judicial proceedings correspond to the competence of the courts, since, as mentioned above, the prosecution service is integrated within the judicial system.

In civil proceedings, prosecutors participate in two principal forms:
as a main party, when filing a claim to defend the interests of the state or society;

as a supporting party, when a case has been initiated by other persons and the prosecutor joins one of the parties to the proceedings.

A prosecutor participates in a case only in instances expressly provided by law. In all other cases, he may take part in proceedings to safeguard public order.

¹ Миряшева Е.В. Институт прокуратуры Французской Республики в системе гарантий конституционных прав и свобод: автореф. дисс. канд.юрид.наук. -Москва.2006.-С.12

According to French legislation, when a prosecutor participates in a case either under statutory provisions (for example, in special proceedings — Article 798 of the Civil Procedural Code) or on his own initiative or at the court's request (Article 426 of the CPC), and when he submits his legal opinion on the case (Article 424 of the CPC), he acts not as an active party, but as a “joined participant” aligned with one of the sides in the dispute.

Prosecutors are also responsible for monitoring the legality of court decisions, supervising the enforcement of judicial acts, and, in some instances, personally ensuring their execution.

In addition, prosecutors participate in court proceedings concerning the protection of citizens' labor rights in accordance with the general procedural norms of the French Civil Procedural Code, thereby reinforcing the role of the prosecution service as a guardian of justice, legality, and social protection within the French legal system.

Article 425 of the French Civil Procedural Code establishes the obligation to refer certain categories of cases to the prosecutor in order to ensure compliance with the law. These include:

- Cases concerning the suspension of debt recovery from creditors and the application of procedural measures to terminate all types of debts;

- Cases related to sanctions applied to insolvent entrepreneurs;

- Cases concerning procedural supervision of settlements between legal entities and their creditors;

- Cases regarding procedural measures for restoring the solvency of enterprises and repaying debts;

- Cases concerning the material liability of company managers.¹

In addition, under the provisions of the Civil Procedural Code, the prosecutor has the right to familiarize himself with any case that he deems necessary to enter in order to protect legality or public interests.

The comparative legal research conducted within the framework of this dissertation shows that in Germany, France, Hungary, and the Czech Republic, although the prosecution service is organizationally subordinate to the Ministry of Justice, it nevertheless plays a leading role in defending the interests of society and the state before the courts.

Legal scholars who have carried out specialized studies on the participation of prosecutors in the protection of public and state interests

¹ Франция Фукаролик процессуал кодекси /Пер.с франц. В.Захватаев /Предисловие: А.Довгерт, В.Захватаев/ Отв.ред.А.Довгерт.- К.2004.-С.544.

in court also highly evaluate the prosecutorial role in ensuring the supremacy of law, legality, and social justice in these foreign jurisdictions.

This demonstrates that even in systems where the prosecutor's office is institutionally linked to the executive branch, its procedural independence and legal authority in representing societal and state interests in civil justice remain fundamental to the effective functioning of the rule of law.¹

M.M.Mamasiddiqov emphasizes the need to increase the effectiveness and influence of prosecutorial participation in civil proceedings, noting that restricting the prosecutor's powers in the protection of societal and state interests is inappropriate and counterproductive.²

Similarly, Sh.I.Shayzakov and other scholars point out that the participation of prosecutors in court to defend the interests of society and the state is a characteristic feature of legislations belonging to the continental (Romano-Germanic) legal system. These legal systems explicitly stipulate that prosecutors participate in civil proceedings to protect public interests, which encompass not only state and societal interests but also the interests of specific socially vulnerable groups.³

U.T.Shamsiddinov, in his research, also highlights that respect for human dignity, along with the protection of individual rights, freedoms, and legitimate interests, constitutes one of the priority directions of ongoing reforms in Uzbekistan. Therefore, to enhance access to justice for socially disadvantaged and vulnerable groups of the population, it is essential to:

- strengthen the effectiveness and influence of prosecutorial participation in civil proceedings;
- ensure impartial and qualified protection of citizens' violated rights and lawful interests in courts;

¹ Отческая Т.И. Правовые и методологические проблемы организации участия прокурора в арбитражном суде в защиту экономических интересов российского государства (по законодательству Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья). Автореф. дисс. учен. стен. доктора юрид. наук. – Рязань. 2003. – 13 с.

² Мамасиддиқов М.М. Меҳнатга оид етказилган моддий ва маънавий зарарни судда ундиришнинг назарий ва амалий муаммолари // Юридик фанлар доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация. -Тошкент, ТДЮИ. 2008. – 161 б.

³ Шайзаков Ш.И., Қандахарова Д.С. Айрим тоифадаги фуқаролик ишлари кўрилишида прокурор иштироки / Илмий-амалий қўлланма. -Тошкент, Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси Академияси, 2022 й. 31-б.

- and expand the prosecutor's powers in the field of protecting the interests of the state and society.

These views collectively underline the necessity of reconsidering the procedural role of the prosecutor in Uzbekistan's civil justice system, drawing from comparative experiences of continental European jurisdictions, and adapting them to the modern context of social justice and rule of law reforms pursued in the country.¹

Some of our legal scholars have also proposed that “by improving civil procedural and prosecutorial legislation, the activity of prosecutors aimed at protecting the violated rights of citizens, as well as the lawful interests of society and the state in courts, should be reconsidered.”²

Supporting these scholarly opinions and based on the analysis of foreign legislation and the practical issues observed in judicial proceedings, we believe it is necessary to introduce the following amendments and additions to Article 50 of the Civil Procedural Code (CPC) of the Republic of Uzbekistan in order to improve the prosecutor's activity in protecting the lawful interests of society and the state in court:

“The prosecutor may participate in proceedings only in cases expressly provided for by law, as well as in cases related to the protection of the state's legally protected interests, including disputes concerning land relations, state property, compensation for damage caused to the state, and the recovery of funds to the state budget, or in cases initiated on the basis of the prosecutor's statement of claim (application). The prosecutor may not, on his own initiative, participate in the consideration of cases initiated by applications from other persons.

The prosecutor may submit a statement of claim to the court in order to protect the interests of the state.”

In our view, the prosecutor should have the right to:

file claims with the court in the interests of other persons or the state;
express opinions on any category of cases under judicial review;

exercise oversight during enforcement proceedings; and

participate in the adjudication of civil cases where legality and public interests are at stake.

¹ Шамсиддинов У.Т. Фуқаролик суд ишларини юриштида прокурор иштирокини такомиллаштириш масалалари., юридик фан... фалсафа доктори илмий даражаси учун ёзилган дисс. Т., 2023., Б-28.

² Мамасиддиқов М.М. Прокурорнинг фуқаролик процессида иштироки: ҳолати, зарурати ва такомиллаштириш масалалари // Бош прокуратураси академияси Ахборотномаси. № 1 (49), 2022. – 62 б.

In conclusion, agreeing with the idea that it is necessary to adopt an approach consistent with international experience, we consider it appropriate to assign prosecutors—who are responsible for ensuring compliance with the law when the interests of society and the state are violated—the duty to take measures to eliminate such violations by filing applications to the court.

Moreover, granting prosecutors the authority to independently file claims in court to protect the legitimate interests of vulnerable and socially disadvantaged groups of the population (such as minors, persons with disabilities, and low-income citizens) should be regarded as a positive and progressive practice that strengthens the protection of human rights, the rule of law, and social justice in Uzbekistan.

**ЧУМОВИЦКИЙ АЛЕКСЕЙ
ДМИТРИЕВИЧ**

Младший научный сотрудник лаборатории
исследования компьютерной техники,
радиоэлектронных устройств, фото- и
видеоматериалов

**ПОЛУЧЕНИЕ ДОСТУПА К ЗАЩИЩЕННОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ОПЕРАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ
СЕМЕЙСТВА WINDOWS**

В современной оперативно-розыскной, следственной и судебной практике все чаще возникают ситуации, в которых появляется необходимость в экспертном исследовании получить доступ к защищенной пользователем информации¹. Современное программное обеспечение для работы с документами, как правило, содержит собственные механизмы и инструменты защиты данных².

Совсем недавно защита данных пользователя заключалась в том, что пользователи устанавливали пароли на сами файлы прямо в офисном ПО, поскольку существовало устойчивое убеждение, что таким способом можно избежать доступа третьих лиц к

¹ Шарапов В. Д. Основы информационной безопасности: Учебное пособие. — М.: Академия, 2021. — 312 с.

² Гостев Р. Ю. Криптография и защита информации. — М.: ДМК Пресс, 2019. — 296 с.

содержимому документов¹. С развитием и распространением различных систем шифрования данных появилось большое количество доступного программного обеспечения для защиты пользовательской информации. Эти программы просты в использовании и содержат в себе надежные алгоритмы шифрования.

По этой причине пользовательская информация на машинных носителях информации компьютеров, изъятых у совершивших правонарушения лиц, все чаще оказывается защищенной². При этом для хранения интересующей следствие информации активно используются криптоконтейнеры³. Широкое распространение получили программные продукты, позволяющие шифровать всю информацию на используемом машинном носителе информации⁴.

Кроме того, многие прикладные программы (например, бухгалтерские) имеют собственную систему защиты пользовательских данных, которую при проведении исследования также необходимо преодолевать⁵.

Одним из основных рубежей аутентификации сегодня является система парольной защиты, которая имеется во всех современных программных продуктах⁶.

Есть некоторое количество методов, которые можно использовать для восстановления паролей. Наиболее часто используемые из них:

- Словарная атака — этот метод предполагает использование списка слов для сравнения с паролями пользователей.
- Атака грубой силы (brute force) — этот метод похож на атаку по словарю. Использование атак грубой силы algorithms которые объединяют буквенно-цифровые символы и символы для создания паролей для атаки.
- Rainbow table attack (атака с использованием rainbow таблицы) — этот метод использует предварительно вычисленные хеши.

¹ Шарапов В. Д. Основы информационной безопасности: Учебное пособие. — М.: Академия, 2021. — 312 с

² Бочаров А. П. Компьютерная криминалистика. — М.: Юрайт, 2022. — 256 с

³ ISO/IEC 27001:2022. Information technology – Security techniques – Information security management systems – Requirements

⁴ Гостев Р. Ю. Криптография и защита информации. — М.: ДМК Пресс, 2019. — 296 с

⁵ Андреев А. В., Белоусов С. В. Информационная безопасность: защита информации в компьютерных системах. — СПб.: Питер, 2020. — 368 с

⁶ Belousov S. V., Egorova N. V. "Modern methods of password recovery and data decryption in forensic practice." // Journal of Digital Forensics, 2021, Vol. 12(3), pp. 45–58

- Guess — Как следует из названия, этот метод предполагает угадывание. Такие пароли, как qwerty, пароль, администратор и т. д., обычно используются или устанавливаются в качестве паролей по умолчанию.

- Пауки (Spidering) — Большинство организаций и граждан используют пароли, содержащие информацию о компании и их персональных данных. Эту информацию можно найти на веб-сайтах компаний, в социальных сетях, таких как Facebook, Twitter и т. д.¹[7]. Spidering собирает информацию из этих источников и составляет списки слов. Список слов затем используется для выполнения атак по словарю и перебора. Кроме того, в этот список целесообразно добавить извлеченные из исследуемого компьютера пароли к различным Интернет-ресурсам, парольные слова, записанные на различных стикерах, обнаруженных при изъятии компьютерной техники, другую конфиденциальную информацию о фигуранте, ставшую известной в процессе расследования.

ЯКИМ АЛИНА ДМИТРИЕВНА
ассистент кафедры информационных
технологий и организации расследования
киберпреступлений ФГКОУ ВО
«Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации имени
А.Я.Сухарева»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные вопросы использования нейронных сетей в целях расследования преступлений. Перспективы и проблемы внедрения нейросетевых технологий в следственную деятельность. Внимание уделено как текущим разработкам, так и потенциалу использования нейронных сетей в следственной деятельности. Предметом исследования являются свойства нейросетевых технологий, позволяющие использовать их как инструмент для раскрытия преступных схем, графов и связей. Используются традиционные общенаучные и специальные правовые методы – формально-юридический,*

¹ Garfinkel S., Spafford G. "Practical UNIX and Internet Security". — O'Reilly Media, 2019

логический, аналитический.

Ключевые слова: нейронные сети, расследование преступлений, информатизация, цифровизация, информационные технологии, искусственный интеллект

Аннотация. *The article discusses current issues of using neural networks for crime investigation purposes. Prospects and problems of introducing neural network technologies into investigative activities. Attention is paid to both current developments and the potential of using neural networks in investigative activities. The subject of the study is the properties of neural network technologies that allow them to be used as a tool for uncovering criminal schemes, graphs and connections. Traditional general scientific and special legal methods are used – formal legal, logical, analytical.*

Keywords: *Neural networks, crime investigation, informatization, digitalization, information technology, artificial intelligence*

Применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) характеризуется стремительным ростом частоты информационного потока, что создает серьезные вызовы в современном мире. Огромный массив информации, на обработку которого вручную могут уйти месяцы и годы ИИ позволяет обработать (цифровые следы) за несколько минут. Обработка и анализ объемов данных, выгрузка информации, составление графов-связей – во всем существуют современные методики, с помощью которых возможно изучение деталей совершения преступных деяний. Так как нейронная сеть является математической моделью, первой проблемой с которой сталкиваются исследователи в области нейронных сетевых технологий — это проблема восприятия информации (возможности сенсорных и исполнительных механизмов, присущих человеку в области зрения, вопросы понимания и осознания информации), но даже в аспекте понимания ряда задач нейросеть обладает свойствами эволютивности, т.е. обучаемости.

Нейронные сети классифицируют исходя из задач по параметрам восприятия. Выделяют следующие типы: перцептрон (однослойный, многослойный) – его цель вычисления; многослойные сверточные – цель работа с изображениями; рекуррентные – цель запрос из цепочки информационного потока (работа с текстом); генеративные – формирующие стартовые задачи. Так, существуют нейронные сети для обмена криптовалютами,

автоматические торговые боты - ПионексГПТ, отвечающие на аналитические запросы – DeepSeek-R1 и т.д.

На данный момент не существует закрытой единой нейросетевой технологии, предназначенной для работы правоохранительных органов.

Рассмотрим следующие сценарии применения нейронной сети в следственной деятельности: которые предлагаем классифицировать по следующим областям, выполняемых задач: оптимизирующие, аналитические, прогнозируемые:

- 1) обработка запросов, анализ биллинговой информации;
- 2) отслеживание и устранение негативной динамики в работе территориальных следственных отделов, с докладом руководству следственного управления о текущей ситуации;
- 3) контроль рассмотрение жалоб, связанных с подконтрольными уголовными делами либо материалами проверок;
- 4) контроль соблюдения процессуальных сроков при проведении проверок сообщений о преступлениях и расследовании уголовных дел, а также рассмотрении обращений;
- 5) рассмотрение ходатайств о продлении процессуальных сроков правами руководства следственного управления с изучением уголовных дел и материалов проверки сообщений о преступлении с целью контроля своевременности и обоснованности принятых решений;
- 6) оказание практической и методической помощи следователям по предметам (видам преступления);
- 7) анализ деятельности, аналитическая работа, исходя из поступающих запросов и поручений;
- 8) контроль и выполнение плановых мероприятий, решений коллегии следственного управления и иных поручений руководства Следственного комитета Российской Федерации и следственного управления;

Нейронная сеть должна стать помощником сотрудникам следственного комитета в выполнении поставленных задач, например, в отслеживании отклонения в работе следственного органа и его конкретных подразделений от контрольных параметров, выработке решения по их устранению; анализу соблюдения требований законодательства, межведомственных и ведомственных актов при проведении процессуальных проверок и расследовании уголовных дел; анализу интенсивности расследования уголовных

дел и проведения процессуальных проверок сообщений о преступлениях (соблюдение процессуальных сроков), качеству и полноте процессуальных проверок; формированию проектов ответов на обращения граждан, анализу их рассмотрения с отслеживанием сроков; формированию ведомственной статистической отчетности и многом другом. Указанные задачи - малая часть из всего комплекса задач, вытекающих из функций следственного управления в целом, основной миссией искусственного интеллекта должна стать частичная автоматизация системы управления в целях выведения его на новый, более высокий уровень.

Однако, достижение указанных целей и выполнение поставленных задач с помощью нейронной сети возможно только в случае обеспечения достоверности и своевременности внесения в его систему соответствующих данных всеми задействованными отделами. На основании указанных данных станет возможным формирование информационно-аналитических материалов, концентрируя деятельность непосредственно на осуществлении помощи следствию, то есть на решении свойственных ему задач.

К примеру, при загрузке в систему постановлений суда о возвращении уголовных дел прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ, нейронная сеть сможет проанализировать перспективы его обжалования на основе имеющегося массива ранее внесенных в систему аналогичных постановлений, а также конечных решений по ним. Распознавая содержащуюся в постановлении информацию и сопоставляя ее с имеющейся аналогичной из других постановлений и принятым по ним решениям, искусственный интеллект сможет в вероятностном (процентном) соотношении предложить руководителю следственного органа принятие решения об обжаловании постановления.

В сфере криминалистического сопровождения деятельности предварительного расследования представляется возможным по следующим направлениям: составление юнитом искусственного интеллекта психологического и иного портрета преступника по имеющимся данным; прогнозирование возможных мест и сценариев совершения следующих преступлений этим преступником; потоковый анализ, распознавание и сравнение визуальных образов на фото и видеоматериалах; производство портретов-фотороботов разыскиваемых лиц; выявление лжи и противоречий в показаниях

свидетелей и иных лиц; выявление фальшивых документов; отслеживание и трассировка интернет-трафика подозреваемых лиц в сети Интернет и коммуникаций между подозреваемыми лицами в мессенджерах; расшифровка в государственных целях всевозможных шифров, кодов, используемых преступниками.

В заключение стоит отметить, что использование нейросетевых технологий представляет собой эффективный инструмент в обработке и анализе массивов данных, поиске скрытых взаимосвязей и закономерностей и является одним из наиболее перспективных направлений. Стоит отметить, что свойство обучаемости, которой обладает нейросеть достаточно прогрессивно, рассмотрев условие верно заданных параметров.

На данный момент времени нейросетевые технологии не позволяют использовать персональные данные для поиска информации о лицах, но ситуация может существенно измениться, в отношении обеспечения доступа к персональным данным, с помощью которых может осуществляться преступный умысел. С помощью такого доступа преступления с использованием нейросетей, основанных на алгоритмах ИИ могут приобрести значительные масштабы, а следовательно, уже сейчас необходимо задуматься о противодействии таким угрозам¹. Законодательное регулирование вопроса использования нейросетей является важным аспектом в построении фундамента безопасной виртуальной реальности², которое поможет разрешить вопрос о правомерности и границах нейронных систем, а также предупредить совершение преступных деяний.

¹ Иванов Д. Преступная нейросеть. Могут ли хакеры обратить во зло искусственный интеллект // URL : <https://nplus1.ru/material/2019/09/09/are-criminal-networks-real> (дата обращения: 12.11.2023). – Текст: электронный

² Яким, А. Д. Отражение картины мира преступника в материальных и идеальных следах преступления / А. Д. Яким // Право в эпоху информационных технологий: проблемы и пути решения : Сборник материалов международной научно-практической конференции среди студентов, магистрантов и аспирантов, Пермь, 24 декабря 2021 года. Том 1. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 274-278. – EDN BNAHSO дата обращения: 06.10.2023)

МИРАЗОВ ДАВРОН МИРАГЗАМОВИЧ

начальник кафедры Университета
общественной безопасности Республики
Узбекистан, доктор юридических наук,
профессор

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ С ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ

В современных условиях общественная безопасность выступает важнейшей составляющей национальной безопасности государства, стабильности общества и защищенности каждого гражданина. Однако эффективное решение задач по обеспечению общественной безопасности невозможно без научного подхода, опирающегося на глубокие теоретические исследования и их тесную интеграцию с правоприменительной практикой.

К сожалению, сегодня мы наблюдаем определенные проблемы во взаимодействии науки и правоохранительной практики. Среди ключевых проблем следует отметить следующее:

Первая проблема связана с **недостаточностью системного взаимодействия** между научными организациями и правоохранительными органами. Часто результаты научных исследований не доводятся до практических работников, а сами исследования осуществляются в отрыве от реальных нужд правоохранительной системы. Такая ситуация приводит к тому, что научные рекомендации, методики и разработки не получают должного внедрения в практическую деятельность.

Вторая проблема — это **недостаточная прикладная направленность научных исследований**. В большинстве случаев научные труды носят теоретический характер и не содержат конкретных, прагматичных рекомендаций для практиков. В результате сотрудники правоохранительных органов, следователи, прокуроры не могут эффективно применять эти знания в своей профессиональной деятельности.

Третья важная проблема заключается в **ограниченности доступа учёных к правоприменительным материалам и статистическим данным**, связанным с общественной

безопасностью и криминогенной ситуацией. Это значительно снижает качество исследований, поскольку ученые не имеют возможности получить полноценную эмпирическую базу для анализа и выработки рекомендаций.

Кроме того, следует выделить проблему, связанную с **недостаточной подготовкой практических сотрудников** к восприятию и применению научных знаний. Правоохранители не всегда имеют навыки и квалификацию для осмысления, оценки и внедрения научных разработок, что значительно снижает эффективность взаимодействия с научным сообществом.

Для преодоления указанных проблем необходимо предпринять следующие меры:

Во-первых, целесообразно создать единую **межведомственную научно-практическую платформу** по вопросам обеспечения общественной безопасности, которая будет включать представителей науки и практических органов. Подобная платформа позволит регулярно обмениваться опытом, анализировать текущие проблемы и разрабатывать совместные рекомендации.

Во-вторых, следует направить усилия на повышение **прикладной направленности исследований**. Для этого необходимо активизировать участие практических работников правоохранительных органов в формулировке задач и тематики научных исследований, а также предусмотреть обязательную апробацию и внедрение разработанных рекомендаций в реальной правоохранительной деятельности.

В-третьих, необходимо обеспечить **широкий доступ научных сотрудников к правоприменительным материалам и статистическим данным**. Важно разработать соответствующие нормативные акты, регулирующие порядок и условия доступа учёных к такой информации, сохраняя при этом соблюдение конфиденциальности и режима секретности.

Кроме того, целесообразно ввести регулярные **программы обучения и повышения квалификации** сотрудников правоохранительных органов с целью развития навыков анализа, восприятия и практического использования научных разработок. Такие программы должны быть ориентированы на современный уровень научных знаний и потребности практики.

Также важной мерой выступает разработка и внедрение **цифровой платформы обмена информацией**, на которой будут

размещаться актуальные научные публикации, методические рекомендации, практические кейсы и результаты апробаций, доступные для правоохранительных органов и научных учреждений.

Таким образом, решение вопросов интеграции научных исследований и практической деятельности требует системного подхода и реализации комплекса конкретных мероприятий.

Следует отметить важность и необходимость нормативного закрепления **обязательности использования результатов прикладных научных исследований** при планировании и организации оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов. Соответствующие изменения и дополнения должны быть внесены в законодательные и ведомственные нормативные акты, регулирующие деятельность МВД, прокуратуры и других правоохранительных структур.

Кроме того, целесообразно активно внедрять практику проведения **совместных научно-практических семинаров, круглых столов и конференций**, где научные работники и практики смогут непосредственно обсуждать актуальные проблемы обеспечения общественной безопасности и обмениваться опытом. Это позволит не только повысить информированность обеих сторон, но и оперативно реагировать на новые вызовы и угрозы.

Также представляется необходимым создание **системы грантового финансирования** научных исследований, которые будут ориентированы на разработку практических решений по повышению эффективности деятельности правоохранительных органов. Данная система должна предусматривать обязательное условие апробации результатов исследований на практике с последующим анализом эффективности их применения.

Отдельного внимания заслуживает необходимость подготовки кадров, способных работать на стыке науки и практики. В связи с этим, предлагается активизировать сотрудничество ведомственных учебных заведений правоохранительных органов с ведущими университетами и научно-исследовательскими центрами, а также включать обязательные стажировки и практики студентов и молодых ученых в правоохранительных структурах.

Наконец, с учетом современных тенденций цифровизации предлагается создание **единой цифровой платформы обмена опытом**, на которой могли бы размещаться актуальные научные исследования, обзоры практического опыта, рекомендации и

аналитические материалы, доступные сотрудникам правоохранительных органов, научным учреждениям и экспертам.

Внедрение указанных предложений в практическую деятельность позволит существенно повысить качество обеспечения общественной безопасности, минимизировать риски принятия неэффективных решений и создать условия для системного, целенаправленного и результативного взаимодействия науки и правоприменения.

Уважаемые участники конференции!

Сегодня вопросы обеспечения общественной безопасности приобретают особую значимость и требуют не только оперативного реагирования, но и стратегического планирования, основанного на глубоком научном анализе и эффективном взаимодействии науки и практики. Только совместными усилиями научного сообщества и правоохранительных органов можно создать устойчивую, динамично развивающуюся систему общественной безопасности, способную адекватно реагировать на вызовы современности.

В заключении подчеркнём, что только при условии эффективного взаимодействия науки и правоприменения можно обеспечить высокую степень защищенности общества от современных угроз, адекватно реагировать на изменения в криминальной среде и вырабатывать долгосрочные решения, направленные на профилактику правонарушений и обеспечение стабильности и общественного порядка.

KARIMOV VAXABJAN

Professor of the Department of
Operational Search Activity and Cyber
Law, The Law Enforcement Academy of
the Republic of Uzbekistan, Doctor of
Legal Sciences

PECULIARITIES OF CONDUCTING OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES TO IDENTIFY CRIMES COMMITTED IN CYBERSPACE

***Abstract.** The article examines the specific aspects of conducting operational search activities on the Internet. It analyzes the possibilities of carrying out*

individual operational search measures in cyberspace and provides proposals aimed at improving operational search legislation.

Keywords: *Internet, operational search legislation, operational search activity, operational search measures, electronic surveillance.*

Introduction

In recent years, there has been a steady increase in the number of crimes committed using information and telecommunication technologies, with a significant rise in the amount of damage caused. Cybercrime is becoming increasingly dangerous, acquiring overtly transnational characteristics. The motivations behind such illegal activities are evolving, and new areas of cybercrime are being actively explored.

According to the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, cybercrimes accounted for 52% of all crimes committed in our country in 2024, an increase of 37.7% compared to 2023. 97.7% of these crimes are related to citizens' bank plastic cards. Analysis of the methods of committing crimes committed through these electronic payment systems showed that 28.3% of them were committed by sending fake links and obtaining a verification code by seizing card management, 8.7% - by receiving advances for goods through various fraudulent schemes on online trading platforms, 5.5% - by receiving a verification code for bank card management via a phone call. In addition, 3.2 percent were committed by attracting individuals to counterfeit crypto exchanges and receiving money transfers, 8.1 percent - by attracting individuals to counterfeit trading activities and attracting funds for it, 2.4 percent - by issuing online loans in the name of a person by other persons, 2.8 percent - due to the bank's inability to produce, inheritance and transfer of money as charity or donation. In the first quarter of 2025, cybercrimes increased by 34.5% compared to the first quarter of 2024.¹

Criminal structures engaging in illegal activities using Internet capabilities are increasing their organizational sophistication, attempting to obtain information related to specific victims. These structures are refining methods to conceal traces of their crimes and attempting to infiltrate the information systems of law enforcement agencies. This situation underscores the impossibility of combating cybercrime without employing operational search forces, tools, and methods.

¹ Directory of the Main Center for Legal Statistics and Operational Data of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

It should be noted that, to date, a unified concept for obtaining and using information from the Internet during operational search activities (hereinafter OSA) has not been fully developed. For the theory of OSA, the concept of the “network information space” (cyberspace) is particularly significant, as it emerges based on unique forms of social interaction within global computer networks. Cyberspace has spatial characteristics that allow for various activities, including criminal activities and OSA.

Operational search practice confirms that the specific conditions for conducting operational search measures (hereinafter OSM) on the Internet are shaped by the following factors:

- a) the unique characteristics of cyberspace;
- b) the peculiarities of the network's criminogenic environment;
- c) the non-standard nature of cybercrimes.

When analyzing the impact of cyberspace on the content of OSM applied within it, it is crucial to consider that, on one hand, this space is tied to the geography of the physical world through network objects (servers, network equipment, communication channels, user computers, etc.). On the other hand, cyberspace has distinctive transnational features: state borders are transparent in this space, which is constantly evolving, improving, and expanding.¹ When a crime is committed in cyberspace, it is often possible to identify the locations of the perpetrator and the victim, as well as where traces are stored in network infrastructure hardware. However, attempts to geographically localize specific information objects may be unsuccessful.

A cybercriminal can simultaneously perform various operations across multiple computing systems, with actions often executed remotely, meaning the impact on an information object is frequently carried out from a significant distance or without being tied to a specific location. Certain operations may be performed via mobile devices (laptops, smartphones, tablets, etc.), with the operator moving in physical space. In such cases, the location of the crime may remain unknown, leading to discussions about the disruption of its spatial localization. Furthermore, methods are employed in cyberspace to alter information reflecting the real location of a subject or object.

¹ Oganov A.A. Operational-search characteristics of cybercrimes against minors using information and telecommunications networks. - M.: Bulletin of Economic Security. 2019, No. 1. - P. 169-173.

Such methods are actively used to form the so-called “darknet” creating conditions for anonymous communication and platforms for drug trafficking. Identifying and controlling such platforms poses a significant challenge for law enforcement agencies.

Undoubtedly, in a space with such unique characteristics, effectively countering criminal activities is impossible without applying OSM. For instance, in a physical bank robbery, it may be assumed that the perpetrator has not escaped far, leading to the organization of rapid response measures such as blocking transportation routes or identifying witnesses. In cyberspace, such measures are inapplicable, as the procedure for rapid actions differs significantly. It involves studying traces left behind to identify the method of crime commission, followed by determining the source of illegal activity and its location. Additionally, transnational crimes are widespread in cyberspace, where a criminal's actions in one country lead to socially harmful consequences in another without physically crossing state borders. Detecting such crimes is significantly complicated due to the need for international cooperation in conducting OSM, a factor that criminals often exploit.

Operational Search Measures in Cyberspace

V.V.Golubev, in his research, concludes that OSM such as inquiries, data collection, sample collection for comparative analysis, controlled purchases, operational surveillance, monitoring of mail, courier deliveries, telegraphs, and technical device inspections can be conducted to document the criminal actions of individuals involved in drug trafficking on the Internet.¹ However, the author does not clarify the essence of OSM conducted online or how they differ from those in traditional settings.

E.V.Demyanchuk expresses a similar view, stating that conducting a comprehensive set of OSM (data collection, sample collection for comparative analysis, controlled purchases, operational surveillance, operational infiltration, monitoring of mail, courier deliveries, telegraphs, controlled deliveries, and obtaining information from technical communication channels) creates significant opportunities for detecting and investigating crimes committed on the Internet.²

A.L.Osipenko analyzes the application of OSM in cyberspace, including obtaining information from technical communication channels,

¹ Golubev V.V. Internet and operational-search activities // Legislation. 1999. No. 11. - P. 71-78.

² Demyanchuk E.V. Implementation of operational-search measures in the information sphere (Internet) // Operational-search activities: textbook. / edited by K.K. M., 2009.

remote inspection of residences, other locations, buildings, facilities, land plots, and vehicles, sample collection for comparative analysis, inspection of items and documents, identification of individuals, inquiries, data collection, operational experiments, and controlled purchases.¹

O.A.Melikyan argues that the following OSM should be conducted to collect relevant information in cyberspace: a) inquiries—using social networks, chats, forums, and messengers; b) data collection—through operational search monitoring on the Internet and with the help of Internet services and other software products; c) identification of individuals—using specialized software capabilities to prevent criminal resistance to law enforcement.²

In our opinion, the primary OSM conducted by operational-technical units in cyberspace is the inspection of technical devices (computers, communication equipment).³ In the Internet, a communication channel is formed not only by various communication lines but also by numerous intermediate network devices (routers, hubs, servers, etc.). The data transmitted through these channels consists of two parts: service data (defining the transmission direction) and content data. In addressing operational search tasks, primary attention is given to the content part of messages transmitted from a specific address, as they may contain information related to criminal activity. However, the service part often holds independent significance, as it can reveal the contacts of the investigated individual.

It should be considered that data can exist in two forms at any given time:

a) stored on a machine carrier; b) transmitted through a communication channel. The inspection of technical devices is conducted on transmitted data, collected in real-time using specialized software and equipment connected to the communication channel to intercept data. However, many network communication devices contain memory components that can store transmitted data for a certain period. Obtaining such data is also part of technical device inspection. Meanwhile, service data stored in a communication operator's database, which is not related to data

¹ Osipenko A.L. Features of operational-search activities on the Internet // Theory of operational-search activity: textbook. / edited by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky. 4th ed., revised and enlarged. Moscow, 2018.

² Melikyan O.A. Operational-search activity on the Internet in the context of counteracting extremism: some issues of legal regulation // Young scientist // International scientific journal, No. 19 (466). 2023. P. 370-372.

³ The Law of the Republic of Uzbekistan "On operational-search activity," article 14.

transmitted through the communication channel, is accessed through data collection OSM.

Technical device inspection can involve data interception in two forms. Passive interception involves monitoring messages transmitted through a communication channel without interfering with their flow (data is copied, but the messages reach their destination), ensuring secrecy (neither sender nor receiver detects the interception). Active interception involves performing specific actions on messages: they may be altered, deleted, delayed, or reordered. Additionally, in some cases, blocking all messages directed to a recipient may be necessary to prevent certain data from reaching them. Naturally, active interception and data transmission blocking reduce the confidentiality of such measures.

Since inspecting technical devices restricts citizens' constitutional rights to communication privacy, it can only be applied to a limited range of crimes. The issue of respecting citizens' rights is further complicated by the difficulty of isolating messages related to the investigated individual from the general data flow. These challenges arise for various reasons. For example, multiple individuals, including those not involved in criminal activity, may use the same network address. In multi-user systems, the same username may belong to different individuals, or one individual may use multiple aliases. Even messages transmitted by the investigated subject may have their network address altered.

In recent years, IP telephony services have become widespread among Internet users, offering subscribers voice communication along with additional features (visual communication, multi-party conference calls, text messaging, image, video, and audio exchange, etc.). Telephone communication can also be facilitated through a scheme where one subscriber uses a network computer system, and another uses a regular or mobile phone. It is known that operational monitoring of such communications corresponds partially to OSM elements such as technical device inspection, listening to conversations conducted via telephones and other telecommunication devices, and obtaining information transmitted through them. Listening to telephone conversations is regulated in detail in the Law "On Operational Search Activity" and departmental normative acts. Thus, regardless of whether one or both parties use IP telephony, mandatory legal requirements must be applied when conducting this measure.

In certain cases, actions similar to monitoring mail, courier deliveries, and telegraphs may be performed during technical device inspection. It is

evident that the procedure for transmitting email differs significantly from monitoring traditional mail, courier deliveries, and telegraphs. Consequently, methods for monitoring postal items, such as perusing them, cannot be applied to electronic messages. Nevertheless, the need for a procedure to monitor email is undeniable. Such actions, in specific situations, allow not only obtaining critical information but also creating barriers to information exchange between investigated individuals. Developing this procedure must consider the unique characteristics of email exchange.

Firstly, emails reach recipients through mail servers, which can be categorized as: a) provider servers offering email access services; b) corporate mail servers of organizations and enterprises; c) free mail servers available for public use (local and foreign). There are numerous such mail servers on the Internet.

Secondly, the investigated individual may use multiple mailboxes created on various servers. Identifying and subsequently monitoring such mailboxes poses significant challenges, especially when communication employs secrecy methods.¹

Thirdly, while traditional postal items (except for on-demand correspondence) include the recipient's direct address, emails often lack clear ownership identification, leading to additional challenges in verifying their authenticity and authorship. Identifying the owner of a mailbox through its name is often difficult. As a result, even with access to a specific mailbox, it may not be possible to confidently confirm that the monitored messages belong to a particular individual. A communication operator serving the subscriber has the technological capability to isolate all computer data flows directed to a specific network address, but such actions do not align with the analyzed OSM and are more akin to the previously discussed measure of listening to telephone conversations. Accessing emails stored on the investigated individual's computer system after being read can be performed during the system's inspection. In this case, the legal regime for accessing correspondence changes, as such messages acquire the status of regular electronic documents (potentially related to the investigated individual's private life).

¹ Melikyan O.A. Operational-search activities on the Internet in the context of counteracting extremism. "Young scientist". No. 19 (466) 2023. - P. 370-373.

In some situations, obtaining operationally significant data stored on computers used by investigated individuals can be achieved by remotely inspecting Internet-connected computer systems during technical device inspection. Such remote actions must also be conducted within the framework of technical device inspection. While listening to telephone conversations involves obtaining information during its transmission through a communication channel, remote technical device inspection involves accessing data stored on the investigated individual's computer system, which may not be intended for transmission elsewhere. In this case, technical device inspection is aimed at actively searching for information, involving "accessing" remote data storage devices and examining their contents. The peculiarity of remote inspection lies in searching for access points to the investigated computer, bypassing security measures, and concealing traces of access.¹

Inspecting a computer remotely or directly may involve copying files found for further examination. Such actions are also performed when inspecting the content of network information resources. In these cases, it is appropriate to discuss OSM such as collecting samples for comparative analysis and inspecting items and documents within the OSA framework. Since the Law on OSA does not limit the list of samples to be collected, it is permissible to include text documents, photographs, videos, audio recordings, programs, and other files. Such objects may: a) serve as crime tools (e.g., programs); b) contain traces of a crime (e.g., event logs in a computer system); c) include information prohibited from dissemination by law (e.g., drug trafficking); d) relate to other objects with evidential status (e.g., email files, website browsing history, etc.).

Identification of Individuals in Cyberspace

Identifying individuals in cyberspace has a unique content. Typically, this measure relies on comparing information obtained from operational sources about a person involved in criminal activity with data about the investigated subject's network activities. The anonymity of network communication creates challenges for operational identification, which can be addressed by applying methods to gather additional information about the investigated individual. Specific forms of identification include analyzing photographs, autobiographical information, aliases used, email addresses, IP addresses, and other data posted on social networks (e.g.,

¹ Khabibov S.A. Operational-search measure "obtaining computer information": content and basics. Civil Service and Personnel, No. 2, 2018. - P. 124-129.

Odnoklassniki, VKontakte, etc.). Additionally, more complex identification markers, such as stylistic features of text messages or references to specific events or facts, can be considered.

Inquiries and Data Collection

The development of network communication forms creates new opportunities for conducting inquiry OSM. Studying network communication locations visited by the investigated individual allows establishing contact with subjects who possess information about their criminal activities. During inquiries, operational officers may use tools to ensure network communication anonymity, concealing their true objectives and professional affiliations. The operation of powerful Internet information systems creates conditions for data inquiries, achieved by directly examining posted documents or sending email inquiries to organizations with relevant information. Conducting searches on open network resources does not require special permits, as the examined documents are publicly available. Large volumes of data accumulate in network systems, from which valuable information can be extracted using modern data processing technologies. However, the reliability of information obtained from unofficial network resources must be considered, as it may be low.

Operational Experiments

One of the most complex OSM conducted in cyberspace is the operational experiment. International practice includes examples of operational experiments involving the creation of covertly controlled objects (e.g., hacking websites) that attract criminals.¹ For instance, the U.S. Federal Bureau of Investigation (FBI) conducted operational measures against Russian hackers who were breaching websites in the U.S. A fake Internet company named Invita was established, and after its security system was “successfully” breached, the hackers were offered jobs as security consultants. FBI agents, posing as company executives, requested the hackers demonstrate their skills upon arriving in the U.S. All actions were recorded using specialized software and covert video. After the “meeting,” the hackers were arrested and charged.

Operational experiments can involve creating various “traps” and “decoys” placed in network objects likely to be targeted by crimes. For example, files with names that may attract operational interest or

¹ Osipenko A.L. Operational-search activities in cyberspace: responses to new challenges: Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2. (37), 2020. - P. 38-43.

“evidence files” with hidden data to identify criminals later can be used as traps. Foreign law enforcement agencies use specially organized systems called “honeypots” to divert hackers’ attention from protected systems, detect illegal activities, and study the tools and methods used by hackers. Additionally, “legendized” email correspondence is widely used, creating conditions to expose the investigated individual’s criminal intentions. Considering hackers’ psychological characteristics allows for simpler trap setups. For instance, a specialist investigating a website breach posted a message on network forums claiming to have nearly breached the site’s security. In response, the actual perpetrator boasted about successfully completing the breach.¹

Operational Infiltration

An even more complex measure in the network environment is operational infiltration OSM. It involves introducing operational officers or cooperating individuals into the criminal network environment or closed network communication objects prone to crime under a “legend.” Operational infiltration also includes recruiting cooperating individuals from among the investigated subjects. Network communication locations (forums, chats, including those in the darknet) where individuals with criminal intentions interact can be considered for selecting and assessing the willingness of cooperating individuals. However, such locations are typically closed, restricting access to all applicants. This is particularly true for hacker communities, which implement countermeasures against infiltration attempts. These include checking applicants for connections with operational units, assigning illegal tasks to monitored individuals, and disseminating false information to suspected collaborators within organized criminal groups. These factors must be considered when planning operational infiltration.

Operational Surveillance

Certain actions by operational officers aimed at covertly studying criminal events and individuals in network communication locations can be considered elements of operational surveillance OSM. Operational surveillance, particularly in criminogenic locations, can be established using electronic means. Its purpose is to obtain information about the investigated individual’s actions, contacts, visited objects, signs of criminal activity, accomplices, etc. Achieving these objectives in

¹ Sharov V.I. Operational-search activities on the Internet. – M.: Society and Law, 2018. No. 2 (64). – P. 82-87.

criminogenic network locations is highly limited due to the network environment's characteristics. In practice, only the information exchange of subjects of operational interest can be monitored.

Controlled Purchases and Deliveries

The increasing number of trade operations conducted online necessitates expanding the use of OSM such as controlled purchases and controlled deliveries. These measures are applied to detect crimes in the trade sector (e.g., fraud in online stores or auctions) and the distribution of prohibited items (e.g., drugs). Examples include successfully conducting controlled purchases and controlled deliveries of drugs using Internet capabilities.

Conclusion

The presence of numerous objects and activity types on the Internet indicates that OSM types can be diverse and successfully conducted in cyberspace. Internet data often represent valuable information for OSA, emerging during the preparation and commission of crimes, further expanding the scope of OSA. However, considering OSA on the Internet solely as activities within communication networks, i.e., only as "technical device inspection" OSM, is a significant mistake. Depending on the services provided online, legal regulation, conditions for accessing information objects, and the content of information exchange during OSA must significantly vary.

Based on the above analysis, we conducted a survey among operational officers involved in detecting and investigating crimes committed on the Internet. Responses to questionnaires about legal regulation of OSA and methods for obtaining information from various subjects reflected their practical understanding. We described the essence of certain operational activities on the Internet and asked respondents to compare them with the 14 OSM listed in the Law "On Operational Search Activity." For instance, approximately 10% of respondents classified searching for information on websites using search engines as "technical device inspection," while the majority considered it either "data collection" (approximately 70%) or "operational surveillance" (approximately 20%). Copying a page related to drug trafficking was classified by 5% of respondents as "technical device inspection," 7.5% as "collecting samples for comparative analysis," and the majority (approximately 70%) as "data collection." Additionally, 50% of respondents identified "operational experiment," 35% "controlled

purchase,” 5% “controlled delivery,” and 25% “operational infiltration” as applicable OSM.

Thus, the survey results demonstrate that operational search practices are highly diverse, and the forms and types of OSA in the Internet are varied, confirming that classifying them solely as “technical device inspection” is incorrect. However, we do not advocate for directly transferring existing OSM to the Internet, as the network environment is fundamentally different from the physical one. Nevertheless, the core characteristics defining any OSM must be preserved.

Based on the above analysis, to legally formalize this practical experience, we propose amending the Law of the Republic of Uzbekistan “On Operational Search Activity” by adding the phrase “(including on the Internet)” after the words “use of technical means” in the fifth paragraph of Article 12, and supplementing Article 14 with a provision stating that “Operational search measures may be conducted in cyberspace or using its capabilities.”

KHAGANI M. GADJIYEV

Law enforcement academy
of the Republic of Uzbekistan
Scientific research institute of digital
forensic

THE SIGNIFICANCE OF DIGITAL EVIDENCE ACCOUNTING AND ITS PLACE IN THE CRIMINALISTIC REGISTRATION SYSTEM

Abstract. *The article examines the significance of forensic registration of digital evidence within the criminalistic registration system in the context of rapidly growing cybercrime and digital transformation of society. The author analyzes the current state and problems of traditional forensic records, which prove to be ineffective when dealing with digital evidence due to their specific nature. The paper presents the author's classification of digital evidence forensic registration objects, encompassing 23 categories of forensically significant information: from user accounts to cryptocurrency addresses and geolocation data. The legal framework is examined, which for the first time established the concept of digital evidence in the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. The concept of the Interdepartmental Automated System "Unified Digital Evidence Registry" is analyzed in detail, including its structure and functional capabilities. International*

experience in operating similar systems within Interpol and Europol frameworks is studied, and ISO standards in the field of digital forensics are reviewed. Problems in the sphere of forensic registration of digital evidence are identified, and proposals for improving this system are presented. The scientific novelty of the research lies in the development of a comprehensive classification of digital evidence forensic registration objects and the substantiation of a conceptual model of an interdepartmental automated system for Uzbekistan.

Keywords: *digital evidence, criminalistic accounting, criminalistic registration, cybercrime, Unified Register of Digital Evidence, electronic data, information technologies, digital forensics, classification*

Introduction

Research problem. The rapid development of digital technologies and their penetration into all spheres of modern society has naturally led to the transformation of criminal activity, the emergence of new types of crimes committed using information and communication technologies, as well as changes in the methods of committing traditional crimes. These circumstances have led to the emergence of fundamentally new objects of criminalistic accounting – digital evidence, which require specific approaches to their detection, fixation, seizure, storage, and use in the process of investigating and solving crimes.

The relevance of researching criminalistic accounting of digital evidence is determined by several factors.

First, the number of registered crimes committed using information and telecommunication technologies is steadily growing, which requires improvement of methods for their investigation. According to the Cybersecurity Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, of the total number of registered crimes committed using information technologies, 64.7% are theft of funds using electronic payment systems, 14.7% are fraud through deception or abuse of trust through social networks and messengers, and 20.6% are crimes related to illegal drug trafficking using the Internet¹. When investigating these categories of criminal cases, a significant amount of forensically significant information in digital form is formed, requiring systematization and centralized accounting.

Second, digital evidence has special specifics related to its intangible nature, ease of modification and destruction, which creates problems in its procedural consolidation and ensuring its admissibility.

¹ Число киберпреступлений в Ташкенте за год выросло почти двукратно [Electronic resource]. Available at: <https://www.spot.uz/ru/2023/02/23/cyber-crime/> (accessed 12.05.2025).

Third, the lack of unified methodology and standards for working with digital evidence hinders effective interdepartmental cooperation in combating crime.

As A.A. Kocherga rightly notes, “the success of solving crimes depends to the greatest extent on the amount of information that operational officers and investigators will have¹. In this regard, creating an effective system of criminalistic accounting of digital evidence acquires strategic importance for law enforcement activities in the context of digital transformation.

Research objective: Based on a comprehensive analysis of existing problems in traditional forensic record-keeping systems and a comparative study of advanced practices, the author has developed a classification of digital forensic registration objects. The proposed classification includes categories of forensically significant information covering a wide spectrum of digital traces: from user account identification data to cryptocurrency addresses and geolocation data.

THEORETICAL ANALYSIS

The internal affairs bodies of the Republic of Uzbekistan and most CIS countries traditionally maintain various types of criminalistic records, which, according to their functional purpose, are divided into three main groups: operational reference, criminalistic and search, as well as forensic-criminalistic. As A.A. Arzumanyan notes, “the peculiarity of forensic-criminalistic records, created for the rational and effective functioning of expert units, is expressed primarily in objects – carriers of individual criminalistic information and identification checks conducted on them².” However, despite the diversity of types of criminalistic records, traditional approaches to their formation and functioning prove to be ineffective with regard to digital evidence.

A significant problem is the lack of unified requirements for the formation and maintenance of criminalistic records of digital evidence. While methodologies for forming and using traditional types of records (fingerprint, ballistic, handwriting, etc.) have been developed and tested, such methodology for digital evidence is still in the formation stage. R.S.

¹ Кочерга, А.А. (2015). Использование криминалистических учетов органов внутренних дел в раскрытии и расследовании преступлений: методические аспекты. Общество и право, 1, 186-190.

² Арзуманян, А.А. (2015). Проблемные аспекты использования различных видов экспертно-криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений. Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2, 84-88.

Belkin rightly pointed out that “the potential possibilities of using forensic-criminalistic records for solving and investigating crimes are not being realized to their full potential¹”. This statement is particularly relevant for accounting of digital evidence, since the lack of clear criteria for their identification and verification significantly reduces the effectiveness of using such records in the practical activities of law enforcement agencies.

Currently, law enforcement agencies accumulate a significant amount of forensically significant information in electronic form, including electronic wallets and payment systems, crypto-asset addresses, bank card numbers, mobile device subscriber numbers, IMEI identification numbers, bank account details, information about front persons (drops), digital photo, video and audio recordings, data on browsing history, records of phone calls and correspondence in messengers, as well as other digital artifacts (files, metadata, logs, etc.). However, this digital evidence are usually stored in criminal case files of investigative units and forensic services without a unified centralized approach to their collection and systematization, which significantly reduces the effectiveness of their use in the process of investigating and solving crimes.

Another significant problem is the insufficient level of automation of processes for collecting, processing, and analyzing digital evidence. According

to S.S. Nuriddinov, “combining local information networks of internal affairs units between regional networks provides an additional opportunity to solve many crimes in the shortest possible time²”. However, in practice, the level of integration of information systems of various law enforcement units remains insufficient, which hinders the rapid exchange of information about digital evidence.

In addition, there is a problem of ensuring information security and protecting digital evidence from unauthorized access, modification, or destruction. The particular vulnerability of digital evidence requires the application of special technical and organizational measures to ensure their integrity and reliability at all stages of working with them – from the moment of detection to presentation in court.

¹ Белкин, Р.С. (1997). Криминалистическая энциклопедия. М.: Изд-во БЕК.

² Nuriddinov, S.S. (2024). Jinoyatchilikka qarshi kurash samaradorligini oshirishda kriminalistik hisoblardan foydalanishni takomillashtirish. Dissertatsiya avtoreferati, 8.

Analysis of foreign experience in creating digital evidence management systems demonstrates a steady trend toward centralization and standardization of processes. According to research by Spherical Insights & Consulting, the global digital evidence management systems market was valued at \$7.55 billion in 2023 and is projected to reach \$23.25 billion by 2033 with a CAGR of 11.9%, indicating a growing need for such systems¹.

Of particular importance is the development of international standards in digital forensics. The International Organization for Standardization has developed ISO/IEC 27037:2012 “Information technology – Security techniques – Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence,” which provides guidance on specific actions when handling digital evidence, including identification, collection, acquisition, and preservation of potential digital evidence. This standard covers a wide range of devices, including standard computers, mobile phones, navigation systems, and network devices².

According to the Thomson Reuters Institute's 2023 report, three-quarters of judicial system workers surveyed indicated that they do not use a digital evidence management system, while more than half of law enforcement agencies already use cloud-based digital evidence management systems or plan to implement such solutions within the next three years. This creates a significant gap between the capabilities of law enforcement agencies and the judicial system in working with digital evidence³.

In the European Union, a digital evidence legislation package was adopted in 2023, which will apply from mid-2026 and will bring revolutionary changes to the cross-border digital evidence collection process. The 2023 joint report by Eurojust and Europol emphasizes that cybercrime was one of the main threats, with ransomware incidents rising

¹ Global Digital Evidence Management Market Size To Exceed USD 23.25 Billion By 2033 (2024). Spherical Insights & Consulting. Available at: <https://www.sphericalinsights.com/reports/digital-evidence-management-market> (accessed 10.06.2025)

² International Organization for Standardization (2012). ISO/IEC 27037:2012. Information technology — Security techniques — Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence. Available at: <https://www.iso.org/standard/44381.html> (accessed 10.06.2025)

³ Thomson Reuters Institute (2023). The case for digitizing evidence management systems. Available at: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/government/digitizing-evidence-management-systems/> (accessed 12.06.2025)

sharply in the first half of 2023, and social engineering attacks growing significantly with the advent of artificial intelligence¹.

Eoghan Casey, Professor of Digital Forensics at the University of Lausanne and author of the fundamental work “Digital Evidence and Computer Crime,” emphasizes the importance of applying modern technologies to ensure the integrity of digital evidence. In the third edition of his book, he notes that digital evidence by its nature is fragile and can be easily altered, fabricated, or destroyed when improperly handled or examined².

Given the international experience of centralizing digital evidence management systems, the requirements of international standards for ensuring their integrity, as well as the existing gap between the technological capabilities of various departments, in the context of the above problems, the creation of a unified interdepartmental system of criminalistic accounting of digital evidence, based on modern information technologies and ensuring effective interdepartmental interaction in the process of investigating and solving crimes, becomes particularly relevant. The Interdepartmental Automated System “Unified Register of Digital Evidence” is intended to become such a system.

Criminalistic accounting of digital evidence represents a subsystem of criminalistic registration designed for the collection, systematization, storage, and analysis of forensically significant information in digital format obtained during crime investigation. This type of accounting, as R.V. Pshenichny notes, “is connected by general and specific goals, has a similar procedure for registration, accounting, processing and systematization of information, maintained in certain information arrays, with the aim of ensuring the process of solving, investigating and preventing various types of illegal acts³”

To determine the essence of criminalistic accounting of digital evidence, understanding the object of this type of accounting is of fundamental importance. In scientific literature, there are various approaches to determining the object of criminalistic accounting.

¹ Eurojust (2023). Cybercrime Annual Report 2023. Available at: <https://www.eurojust.europa.eu/annual-report-2023/cybercrime> (accessed 12.06.2025).

² Casey, E. (2011). Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet. 3rd Edition. Academic Press, 840. Available at: <https://dl.acm.org/doi/book/10.5555/2021194> (accessed 12.05.2025).

³ Пшеничный, Р.В. (2019). Криминалистические учеты и их применение при расследовании и раскрытии преступлений. Северо-Кавказский юридический вестник, 1, 156-163.

According to the position of A.I. Vinberg, I.N. Yakimov, B.M. Shaver, objects and phenomena of the material world are recognized as objects of criminalistic accounting¹. A.Ya. Vyshinsky expanded this approach by including in the list of objects of criminalistic accounting criminals, items obtained by criminal means, victims, unidentified corpses, missing persons, as well as criminal actions².

An alternative approach is presented in the works of S.A. Yalyshev, A.A. Belyakova, R.A. Usmanov, who consider forensically significant information rather than material carriers as the object of accounting³. This approach seems more justified in relation to digital evidence, since in the digital environment it is the information content, not the physical carrier, that is of primary importance.

In accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-1003 “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan Aimed at Improving the System of Working with Digital Evidence” dated November 21, 2024, Article 204² of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan establishes the legislative definition of the concept of “digital evidence.”

“Digital evidence is electronic data containing information about circumstances relevant to the case, including electronic files, audio and video recordings, information stored on the World Wide Web, as well as other electronic data.” Article 204¹ of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan defines electronic data as “data created, processed and stored using electronic devices and information systems, as well as information technologies.” This definition corresponds to international standards and practices in the field of digital forensics⁴.

Based on the above, the objects of criminalistic accounting of digital evidence are electronic data containing forensically significant information about the circumstances of the crime, the identity of the

¹ Пшеничный, Р.В. (2019). Криминалистические учеты и их применение при расследовании и раскрытии преступлений. Северо-Кавказский юридический вестник, 1, 156-163

² Вышинский, А.Я. (1938). Криминалистика. Книга 1. Техника и тактика расследования преступлений. М.: Советское законодательство, 272.

³ Ялышев, С.А. (2015). Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы [Electronic resource]. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15697218> (accessed 12.05.2025).

⁴ Закон Республики Узбекистан №ЗРУ-1003 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан, направленных на совершенствование системы работы с цифровыми доказательствами» от 21 ноября 2024г. [Electronic resource]. Available at: <https://lex.uz/ru/docs/7228823> (accessed 12.05.2025)

criminal, the method of committing the crime, and other circumstances relevant to the investigation and solving of crimes.

METHODOLOGY

We used 2 methods on this study. First is analysis of statistical data. Second is benchmarking of best practice to work out the system of digital evidence collection.

Analysis of statistical data. Analysis of materials from the practical activities of law enforcement agencies in Andijan, Tashkent regions and the city of Tashkent allows us to highlight the following statistical data on the structure of cybercrimes. Fraud related to online purchases accounts for 39.7% of the total number of registered crimes in the field of information technology and is the most common method of committing illegal actions. The main platforms for committing such crimes are Telegram (48.8%), Instagram (24.4%) and OLX (14.6%). Investment fraud occupies 31.0% in the structure of cybercrimes, implemented mainly through fake investment platforms (67.7%) and trading platforms (32.3%).

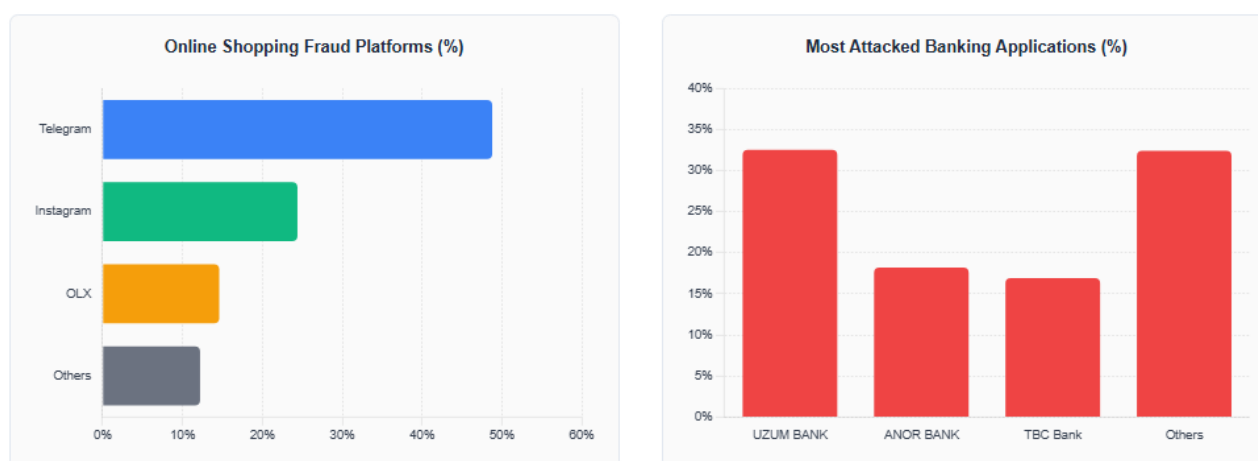

Fig. 1. Statistical data of shopping fraud and banking cases

A significant share is fraud with banking applications, which accounts for 20.7% of the total number of crimes in the field of information technology. The most frequently attacked applications are UZUM BANK (32.5%), ANOR BANK (18.2%) and TBC Bank (16.9%). The distribution of malicious software and unauthorized access to mobile banking applications account for 8.6% of the total number of crimes. The analysis also shows that the main channels of contact between criminals and potential victims are Telegram (51.9%), phone calls (32.9%) and Instagram (15.2%) (see Fig. and Fig.2)

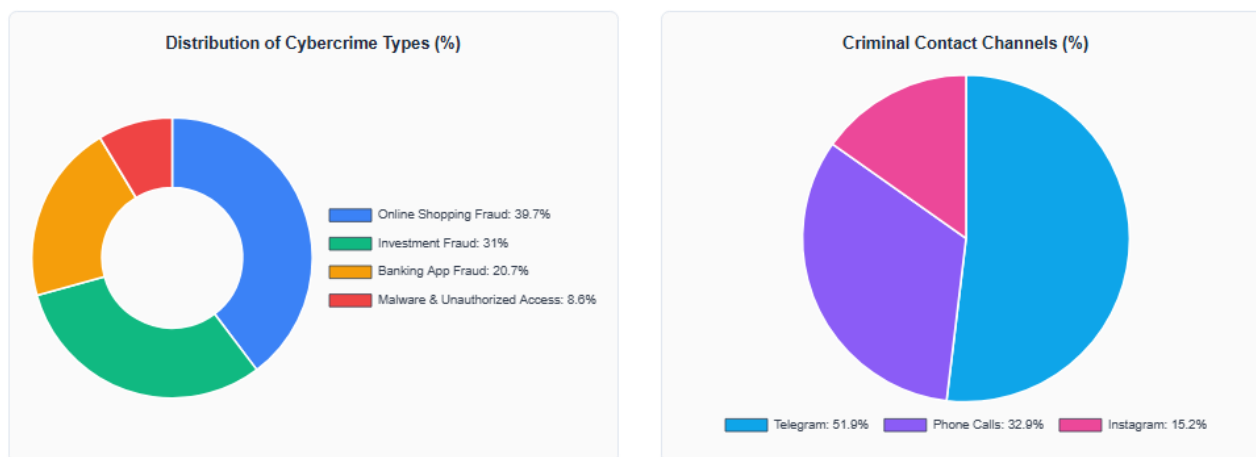

Fig.2. Statistical data of Cybercrime types and criminal contact channels

Benchmarking of best practice to work out the system of digital evidence collection. The Interdepartmental Automated System “Unified Register of Digital Evidence” (hereinafter - the Register) is a specialized information system designed for the formation, maintenance, updating and use of data on digital evidence obtained during the investigation of crimes. This system was created in accordance with the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-229 “On Measures to Organize Research Activities in the Field of Digital Forensics” dated June 21, 2024, which is designed to solve a set of problems related to the accounting and use of digital evidence in the process of investigating and solving crimes¹.

According to the Regulation on the procedure for the formation, maintenance, updating and use of the interdepartmental automated system “Unified Register of Digital Evidence,” the Register is intended “for the collection and storage of forensically significant data contained in the materials of pre-investigation checks and criminal cases, for the purpose of their subsequent study and analysis, including the formation of a chain of connections based on the totality of interrelated forensically significant information, identifying the relationship between individual episodes of crimes committed using information technologies, as well as to increase the effectiveness of crime detection.”

¹ Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-229 «О мерах по организации научно-исследовательской деятельности в сфере цифровой криминалистики» от 21 июня 2024 г.

The participants of the system are investigators and investigators of the prosecutor's office and internal affairs bodies, employees of the State Security Service, employees of the National Guard, employees of the Customs Committee under the Ministry of Economy and Finance, experts of state forensic institutions. Access to the system is carried out through secure communication channels in accordance with the legislation. At the same time, interdepartmental data transfer is provided through a specially protected communication network”¹.

The Register is integrated into the “E-MATERIAL” information system and is designed to solve the following main tasks:

- collection, accounting, storage and research of materials on criminal cases received from law enforcement agencies, not related to state secrets, for the purpose of solving crimes, increasing the effectiveness of investigations and promptly identifying organized criminal groups;
- systematization and classification of information about digital evidence obtained during pre-investigation checks and criminal cases;
- collection of photographs, video and audio recordings, electronic wallet addresses, crypto assets, IP addresses, Internet addresses (domains), accounts, data on the place and time of detection, as well as other important features of digital evidence not classified as state secrets;
- ensuring the reliability of mechanisms for storing, processing and protecting data not classified as state secrets, with the creation of appropriate infrastructure and backup of databases.

The process of entering information into the Register is regulated by paragraph 12 of the Regulation, according to which certain deadlines are established:

- the official responsible for the pre-investigation check is obliged to enter forensically significant data into the Register within 5 (five) calendar days based on an application, message, pre-investigation check documents or written instructions from the investigative body;
- persons responsible for conducting preliminary investigations are obliged to enter into the Register forensically significant data seized

¹ Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси, Давлат хавфсизлик хизмати, Ички ишлар вазирлиги, Адлия вазирлиги, Рақамли технологиялар вазирлиги, Божхона қўмитаси ва Миллий гвардия (2024). "Рақамли далиллар ягона реестри" идоралараро автоматлаштирилган тизимини яратиш бўйича чора-тадбирларни белгилаш тўғрисида идоралараро №ҚҚ64-сонли Қўшма қарор. Тошкент.

within the framework of a criminal case, within the investigation deadlines established by criminal procedure legislation;

- state forensic institutions are obliged to enter into the Register forensically significant data identified as a result of conducting digital examinations on digital information carriers, within the available capabilities, within 10 (ten) calendar days after the completion of the expert opinion.

System participants are responsible for the reliability, completeness and relevance of the information entered. Quality control of information is carried out by the Research Institute of Digital Forensics.

The use of the Register is aimed at solving the following specific goals:

- solving crimes through systematic analysis of forensically significant information;

- identifying and analyzing connections between various crimes;

- identifying and classifying methods and means of committing crimes;

- increasing the effectiveness of investigations by creating the ability to quickly search and compare forensically significant information;

- effective use of previous experience in investigating similar crimes;

- prompt identification of organized criminal groups by identifying and analyzing connections between persons who participated in various crimes;

- systematic study of methods and means of activity of criminal groups;

- formation of a unified database of forensically significant information for all law enforcement agencies;

- ensuring the storage of forensically significant information in accordance with procedural requirements;

- introduction of modern methods of working with forensically significant information.

An extremely important aspect of the functioning of the Register is ensuring the integrity and immutability of digital evidence. As noted in the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-229 dated 06/21/2024, one of the main tasks of the Register is “ensuring proper storage and protection of digital evidence in accordance with procedural norms and information security requirements.” To solve this problem, the Register provides for special technical and organizational

measures that ensure the safety and immutability of digital evidence at all stages of working with them.

In the Register, an electronic card is created for each case, which is automatically registered in the system. After that, law enforcement agencies can use the information available in the Register within their powers. The data of the electronic card is automatically generated from the republican level to the level of territorial bodies and is partially filled in manually. Forensically significant information attached to the card is automatically added taking into account the secrecy of the investigation.

This approach ensures uniformity of accounting for digital evidence and creates conditions for effective interdepartmental interaction in the process of investigating and solving crimes.

The creation and functioning of the Unified Register of Digital Evidence is essential for improving the effectiveness of investigating and solving crimes in a number of areas.

First, the systematization and centralization of forensically significant information in digital format allows for prompt access to the necessary data during the investigation process, which reduces the time frame for criminal proceedings and increases crime detection rates.

Second, ensuring the integrity and immutability of digital evidence from the moment of their discovery to presentation in court strengthens their evidentiary value and reduces the risk of their being declared inadmissible in court proceedings.

Third, identifying relationships between various crimes and establishing organized criminal groups through analyzing chains of connections of various digital accounting objects contributes to more effective counteraction to organized crime.

Fourth, creating a unified information base accessible to all authorized law enforcement officers eliminates departmental barriers in the exchange of forensically significant information and contributes to more effective interdepartmental interaction.

Fifth, the formation of a statistical and analytical database on digital traces of crimes allows identifying trends and patterns in the field of cybercrime, which is important for forecasting and preventing criminal acts.

As A.A. Arzumanyan notes, in recent years in Russia, the crime detection rate using forensic databases ranges from 19 to 30%¹. A similar situation is observed in the Republic of Uzbekistan, where according to official data from the Ministry of Internal Affairs, the cybercrime detection rate does not exceed 22%, despite the fact that the number of such crimes in the capital doubled during the period 2022-2023. A.K. Rasulev in his research points to the main reason for the low detection rate of cybercrimes - the lack of a unified system for collecting and analyzing digital evidence². In this regard, the implementation of the interdepartmental automated system “Unified Register of Digital Evidence” seems to be a necessary step that can increase the effectiveness of investigating crimes in the field of information technology.

However, it should be noted that the creation and functioning of the Unified Register of Digital Evidence is associated with a number of problems and risks that require appropriate solutions. These include:

1. Technical problems related to ensuring the uninterrupted functioning of the system and its protection from unauthorized access;
2. Organizational problems related to ensuring timely and complete entry of information into the Register by all system participants;
3. Legal problems related to ensuring the legitimacy of using information from the Register in the process of proving in criminal cases;
4. Methodological problems related to the development and implementation of unified standards for working with digital evidence.

To solve these problems, it is necessary to take a set of legal, organizational and technical measures aimed at improving the system of criminalistic accounting of digital evidence. Such measures should include further development of the regulatory framework in the field of criminalistic accounting of digital evidence; development and implementation of unified standards for working with digital evidence; ensuring an adequate level of information security of the system; conducting regular training and professional development of law enforcement officers in the field of working with digital evidence.

¹ Арзуманян, А.А. (2015). Проблемные аспекты использования различных видов экспертно-криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений. Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2, 84-88.

² Расулев, А.К. (2025). Противодействие преступлениям в сфере информационных технологий и безопасности в Республике Узбекистан на современном этапе [Electronic resource]. Available at: <https://inlibrary.uz/index.php/archive/article/view/9514> (accessed 12.05.2025)

It is also necessary to consider the international experience of criminalistic accounting of digital evidence. The development of international cooperation in combating cybercrime has led to the creation of international systems and databases for accounting and exchanging digital evidence. The international approach to accounting for digital evidence is based on the principles of standardization, ensuring secure data exchange between law enforcement agencies of different countries.

One of the key international organizations providing cooperation in the field of criminalistic accounting of digital evidence is Interpol. Within Interpol, the Interpol Global Complex for Innovation (IGCI), located in Singapore, operates, specializing in combating cybercrime and accounting for digital evidence. IGCI has several databases, including:

- the Cyber Fusion Centre database, which contains information on identified cyber threats, malware, compromised IP addresses and domains used by criminals;
- the International **Child Sexual Exploitation** (ICSE) database, which helps identify victims of crimes, including through the analysis of digital images and video materials;
- the I-24/7 system, which provides secure exchange of police information, including digital evidence, between Interpol member countries.

Europol also has specialized digital evidence accounting systems. In particular, the European Cybercrime Centre at Europol maintains a number of databases, including:

- the SIRIUS system, which provides law enforcement agencies with access to data on users of various online services and platforms;

Europol also has specialized digital evidence accounting systems. In particular, the European Cybercrime Centre at Europol maintains a number of databases, including the SIRIUS system, which provides law enforcement agencies with access to cross-border electronic evidence in the context of criminal investigations and legal proceedings¹.

At the same time, the ICACCOPS (ICAC Child On-line Protection System) operates, developed by the National Criminal Justice Training Center at Fox Valley Technical College, which is designated as “Law Enforcement Sensitive” and provides law enforcement agencies with tools to combat child sexual abuse material and child exploitation on the

¹ Bridging the gap: supporting cross-border access to electronic evidence [Electronic resource]. Available at: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/bridging-gap-supporting-cross-border-access-to-electronic-evidence> (accessed 12.05.2025)

Internet, including the ability to track IP addresses associated with files of interest to investigations¹.

The International Organization for Standardization (ISO) has developed a number of standards in the field of digital forensics that define approaches to working with digital evidence, including their collection, analysis, storage and exchange².

Within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), of which the Republic of Uzbekistan is a member, mechanisms for interaction between law enforcement agencies in the field of combating cybercrime are also being developed, including the exchange of information on digital evidence. In particular, in accordance with the Agreement on Cooperation in the Field of International Information Security between the SCO member states dated June 16, 2009, the use of information and communication technologies for criminal purposes is recognized as one of the main threats in the field of international information security³.

The Commonwealth of Independent States is also developing cooperation in the field of accounting for digital evidence. Within the framework of the Coordination Council of Prosecutors General of the CIS member states, work is underway to harmonize approaches to working with digital evidence and its accounting.

RESULTS

Criminalistic accounting of digital evidence, as a subsystem of criminalistic registration, has specific tasks determined by the peculiarities of digital evidence and the needs of the practice of solving and investigating crimes committed using information technologies.

The division of forensically significant information into categories, including user identification data, network addresses, financial details and geolocation data, has a structural and functional justification. In scientific literature, this approach is described as “multi-level classification of

¹ Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention (2018). ICAC Child On-line Protection System (ICACCOPS) [Electronic resource]. Available at: <https://ojjdp.ojp.gov/funding/awards/2018-mc-fx-k063> (accessed 12.05.2025)

² International Organization for Standardization (2012-2015). Digital forensics standards: ISO/IEC 27037:2012, ISO/IEC 27041:2015, ISO/IEC 27042:2015, ISO/IEC 27043:2015 [Electronic resource]. Available at: <https://www.iso.org/standard/44381.html> (accessed 12.05.2025)

³ Шанхайская организация сотрудничества (2025). Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Electronic resource]. Available at: <https://lex.uz/docs/2068478> (accessed 12.05.2025).

digital evidence,” which is confirmed by the works of Casey E., a leading specialist in the field of computer forensics¹.

The presented division of criminalistic accounting objects into groups (user accounts, URL addresses, electronic and cryptocurrency wallets, bank details, mobile device identifiers, IP addresses, financial data and information about caches) corresponds to a systematic approach to the classification of digital evidence recommended by the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) within the framework of the Practical Guide for Requesting Electronic Evidence Across Borders. This classification ensures a unified methodological approach to the collection, processing and analysis of digital traces in the investigation of transnational crimes².

Special attention in the classification is paid to accounting for data on “mules” (drops) - persons participating in bank money laundering schemes. These subjects play a key role in the process of legalizing illegally obtained funds, acting as intermediaries between criminals and the financial system. Including information about them in the criminalistic accounting system is of fundamental importance for identifying and suppressing chains of financial transactions in the investigation of economic crimes. According to the European Banking Federation, during the ninth anti-money mule operation conducted by Europol in 2023, 10,759 money mules and 474 recruiters were identified, leading to the arrest of 1,013 people worldwide (European Banking Federation, 2023)³. The scale of the operation, which involved law enforcement agencies from 26 countries, demonstrates the seriousness of the problem and the need to systematize the accounting of such crimes.

The practice of successful implementation of such digital evidence accounting systems is observed in the work of UK law enforcement agencies. According to a report by the National Crime Agency published

¹ Casey, E. (2011). Digital Evidence and Computer Crime, Third Edition: Forensic Science, Computers, and the Internet. International Journal of Digital Investigation, 4, 1-840. doi: 10.1016/B978-0-12-374268-1.00001-X

² Практическое руководство по международному запросу электронных доказательств [Electronic resource]. Available at: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/GPTOC/GPTOC2/_ebook.pdf (accessed 12.05.2025).

³ European Banking Federation (2025). Paper trail ends in jail time for 1013 money mules: 2822 Banks and financial institutions join forces with law enforcement agencies in global effort against money laundering [Electronic resource]. Available at: <https://www.ebf.eu/ebf-media-centre/paper-trail-ends-in-jail-time-for-1-013-money-mules-2-822-banks-and-financial-institutions-join-forces-with-law-enforcement-agencies-in-global-effort-against-money-laundering/> (accessed 12.05.2025)

in 2022, thanks to the introduction of a centralized system for accounting and analyzing digital evidence related to cryptocurrency transactions, it was possible to significantly increase the detection rate of cybercrimes. In 2022, crypto assets worth more than £150 million were confiscated, which exceeded 2021 figures by 58%. The system proved particularly effective in investigating ransomware extortion cases, where the detection rate increased by 41%¹.

Special attention should be paid to the inclusion in the classification of information about drug and psychotropic substance caches with geolocation data. This corresponds to modern trends in the investigation of drug crimes, where digital traces are increasingly used to identify places of sale and storage of prohibited substances. International experience shows that the systematization of such data allows establishing connections between disparate episodes of drug crimes and identifying organized criminal groups².

Based on the needs of investigative practice and identified patterns in modern methods of committing cybercrimes, the main idea of classifying objects of criminalistic accounting of digital evidence can be formulated. This classification should take into account the specifics of the digital environment, the diversity of technologies and platforms used, as well as the need to ensure rapid search and investigation of crimes in the context of constant development of information technologies.

Such objects may be divided into 3 main groups: I. Financial data, II. Digital identification & network data, and III. Communication & criminal activity data. These three groups are presented by forensically significant information, classified into 8 classes (see Table 1).

Table 1. Classification of forensically significant information

N	Class	Forensically significant information
		I. Financial data

¹ National Crime Agency (2022). Cybercrime - Strategic Assessment 2022 [Electronic resource]. Available at: <https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/what-we-do/crime-threats/cyber-crime> (accessed 12.05.2025)

² El Bakkali, B. (2023). Digital Technologies in Drug Trafficking Investigations. Journal of Forensic Science and Digital Investigations, 3, 45-62. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589004223021004> (accessed 12.05.2025)

1	Traditional Banking Data	• bank cards and account numbers (IBAN); • bank account details used in illegal financial operations; • bank card numbers used for illegal transfer and receipt of funds.
2	Electronic Payment Systems	• electronic wallets and payment systems; • numbers of electronic wallets and payment systems used in illegal operations; (Visa, Mastercard, PayPal, Apple Pay, Google Pay, Samsung Pay, Alipay, Payme, Click, Apelsin, UzCard, Uzum, Humo)
3	Crypto assets data	• cryptocurrency wallet addresses; • crypto-asset addresses; • quantity and type of crypto-assets; • time and date of crypto-asset transactions (hashes); • addresses and other details of crypto-assets related to criminal activity.
II. Digital identification & Network data		
4	User identification data	• user accounts and identifiers (usernames, virtual names or nicknames); • information about persons (drops) participating in various frauds through bank accounts.
5	Network & Web Data	• URL addresses of related web resources • IP addresses (with date and time of connection) • browsing history of websites relevant to the case
6	Mobile Device Data	• subscriber numbers of mobile devices and SIM cards used by persons (drops) participating in various frauds through bank accounts • IMEI identification numbers of mobile devices involved in the criminal scheme • source device of digital data (if established)
III. Communication & criminal activity data		
7	Illegal drug trafficking data	exact location of drug or psychotropic substance caches (with geolocation data, if available); communications carried out through means of communication related to illegal drug trafficking, psychotropic substances, and their identifiers

8	Not classified	available photo, video and audio materials; other forensically significant information that may be relevant to the case.

DISCUSSION

Thus, the classification of forensically significant information presented in the interdepartmental decree has serious scientific justification and is confirmed by the positive results of implementing similar systems in the leading law enforcement agencies of developed countries.

This classification finds its logical continuation in the legislative framework of the Republic of Uzbekistan, which creates the legal basis for effective accounting of digital evidence. The Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-764 “On Cybersecurity” dated April 15, 2022 establishes the legal foundations for the functioning of the cybersecurity system and is an important element of the legal basis for criminalistic accounting of digital evidence. This law regulates relations in the field of ensuring cyberspace security, defines the conceptual apparatus, principles, powers of state bodies and obligations of cybersecurity subjects.

According to Article 3 of the law, cybercrime is defined as “a set of crimes carried out in cyberspace using software and technical means, with the aim of seizing information, changing it, destroying it or hacking information systems and resources.” This definition creates a legal basis for identifying and classifying crimes committed in cyberspace, which is directly related to the criminalistic accounting of digital evidence.

The Law of the Republic of Uzbekistan No. 560-II “On Informatization” dated December 11, 2003 with subsequent amendments and additions is also an important element of the legal framework for criminalistic accounting of digital evidence. This law regulates relations in the field of informatization, the use of information resources and information systems, which is directly related to the formation and functioning of the digital evidence accounting system.

Article 3 of this law contains the definition of an information resource as “information, data bank, database in electronic form as part of an information system, including audio, video, graphic and text information

placed or published in open access information systems”¹. This definition is important for understanding the essence of digital evidence, which may be contained in various information resources.

Article 19 establishes the legal basis for the protection of information resources, which is directly related to ensuring the safety and integrity of digital evidence. According to this article, the protection of information resources is carried out, among other things, for the purpose of “preventing leakage, theft, loss, distortion, blocking, forgery of information resources and other unauthorized access to them,” which is an important aspect of criminalistic accounting of digital evidence².

Analysis of scientific literature and regulatory legal acts allows us to identify the main tasks of criminalistic accounting of digital evidence:

1. Systematization and ordering of forensically significant information about the circumstances of the case to ensure prompt access to it;
2. Creating conditions for establishing connections between various digital evidence obtained in different criminal cases;
3. Ensuring the reliability of data storage and protection mechanisms;
4. Providing access to the authorized system for officials conducting pre-investigation checks and preliminary investigations;
5. Increasing the effectiveness of using digital evidence in the investigation process;
6. Ensuring the integrity and immutability of digital evidence from the moment of their discovery to presentation in court;
7. Creating a basis for international cooperation in combating transnational cybercrime.

L.Yu. Yugai emphasizes that “the main task of criminalistic records is the effective use of available information about the objects of records for the purpose of investigating crimes and solving them in the shortest possible time”³. This statement is fully applicable to the criminalistic accounting of digital evidence.

¹ Закон Республики Узбекистан №ЗРУ-764 «О кибербезопасности» от 15 апреля 2022г. [Electronic resource]. Available at: <https://lex.uz/docs/111463/> (accessed 06.07.2022)

² Закон Республики Узбекистан №ЗРУ-764 «О кибербезопасности» от 15 апреля 2022г. [Electronic resource]. Available at: <https://lex.uz/docs/111463/> (accessed 06.07.2022)

³ Юга, Л.Ю. (2025). Мультибиометрические технологии в системе криминалистической регистрации [Electronic resource]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/multibiometricheskie-tehnologii-v-sisteme-kriminalisticheskoy-registratsii> (accessed 12.05.2025).

I.V. Aleksandrov draws attention to the fact that “each type of criminalistic accounting should guarantee the possibility for each user to quickly and accurately obtain information about certain objects based on the characteristics available to the requester”¹. This requirement is especially relevant for accounting of digital evidence, given their diversity and complexity.

Analysis of international experience allows us to identify a number of key principles on which an effective system of criminalistic accounting of digital evidence should be built: the principle of standardization of approaches to working with digital evidence; the principle of ensuring the integrity and immutability of digital evidence; the principle of ensuring information security when storing and exchanging digital evidence; the principle of interdepartmental and international cooperation in the field of accounting for digital evidence.

In accordance with paragraph 8 of the “Roadmap” for the effective organization of the activities of the Research Institute of Digital Forensics of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, it is envisaged to “establish scientific and practical cooperation in order to create opportunities for exchanging experience, obtaining expert consultations, using advanced developments based on partnerships with leading foreign and domestic innovative and scientific and technological structures (IT parks, technoparks, innovation centers and others).”

Paragraph 15 of the “Roadmap” provides for the annual holding of an International Conference on Combating Cybercrime in Uzbekistan with the participation of representatives of law enforcement agencies of the Republic of Uzbekistan, Europol and Interpol, which will contribute to the integration of national digital evidence accounting systems with international ones.

The legislative consolidation of the concept of digital evidence and the regulation of the procedure for their receipt, storage and use in the Republic of Uzbekistan corresponds to international trends in this area. In particular, the Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-1003 “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan Aimed at Improving the System of Working with Digital Evidence” dated November 21, 2024 introduced amendments to the Criminal Procedure Code, Civil Procedure Code, Economic Procedure

¹ Александров, И.В. (1992). Актуальные вопросы правоведения: информационные материалы. Екатеринбург: Издательство РАН, 121.

Code and Code of Administrative Proceedings, defining the concept of digital evidence, the procedure for their collection, presentation, consolidation, inspection, research and evaluation.

Thus, the creation of the interdepartmental automated system “Unified Register of Digital Evidence” in the Republic of Uzbekistan corresponds to international experience and trends in the development of criminalistic accounting systems for digital evidence. The integration of national accounting systems with international databases and ensuring international cooperation in this area are important factors in increasing the effectiveness of combating transnational cybercrime.

AVENUE FOR FUTURE RESEARCH

Despite significant progress in the field of regulatory and organizational support for criminalistic accounting of digital evidence, associated with the adoption of the Law of the Republic of Uzbekistan “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan Aimed at Improving the System of Working with Digital Evidence” and the creation of the Interdepartmental Automated System “Unified Register of Digital Evidence,” a number of problems remain in this area that require appropriate solutions.

The first group of problems is related to the legal support of criminalistic accounting of digital evidence. Despite the legislative consolidation of the concept of digital evidence and the regulation of the procedure for working with them, many aspects of their use in the process of proving remain unregulated. In particular, issues of assessing the reliability and admissibility of digital evidence require detailed regulation, especially in cases where they are obtained from foreign sources or using special technical means.

The second group of problems is technical in nature and is related to ensuring the functionality and security of the Unified Register of Digital Evidence. Creating and operating such a complex information system requires solving many technical tasks, including ensuring high performance and scalability of the system, protection from unauthorized access, ensuring the integrity and immutability of stored data, creating effective mechanisms for searching and analyzing information.

The third group of problems is organizational in nature and is related to the implementation of the Unified Register of Digital Evidence in the practical activities of law enforcement agencies. The effectiveness of the Register's functioning largely depends on the quality and completeness of the information entered into it, which requires a high level of discipline

and responsibility from system participants. In addition, it is necessary to ensure an adequate level of training for law enforcement officers in the field of working with digital evidence, which requires the creation of a specialized training and professional development system.

The fourth group of problems is methodological in nature and is related to the development and implementation of unified standards for working with digital evidence. The diversity of types of digital evidence and methods of obtaining them creates significant difficulties in developing unified methodologies for their collection, fixation, seizure, research and evaluation, which can lead to errors and reduced investigation effectiveness.

To solve these problems and further develop criminalistic accounting of digital evidence, it seems appropriate to adopt a set of legal, organizational and technical measures. From a legal perspective, it is necessary to develop and approve at the level of an interdepartmental regulatory legal act unified methodological recommendations on the procedure for detecting, fixing, seizing and examining digital evidence, including standards for their marking, cataloging and ensuring legal reliability at all stages of criminal proceedings in accordance with the requirements of the Criminal Procedure Code articles regulating the collection, verification and evaluation of evidence.

From a technical perspective, it is necessary to ensure a high level of functionality and security of the Unified Register of Digital Evidence, including the use of modern technologies for storing and processing large volumes of data, the application of cryptographic methods of information protection, and the creation of effective mechanisms for searching and analyzing information. Special attention should be paid to the implementation of artificial intelligence and machine learning technologies to automate the processes of analyzing digital evidence and identifying hidden connections between various crimes.

From an organizational perspective, it is necessary to create an effective system for training and professional development of law enforcement officers in the field of working with digital evidence, including the development of specialized training programs, conducting practical exercises, and exchanging experience with foreign colleagues. In addition, it is advisable to create specialized units for working with digital evidence within the structure of law enforcement agencies.

From a methodological perspective, it is necessary to develop and implement unified standards for working with digital evidence, including

the creation of standard methodologies for their collection, fixation, seizure, research and evaluation for various types of digital evidence and types of crimes. Special attention should be paid to developing methodologies for working with new types of digital evidence that appear in connection with the development of information technologies.

From an international perspective, active participation in international cooperation in the field of combating cybercrime is necessary, including participation in international agreements, exchange of experience with foreign colleagues, and integration of national systems of criminalistic accounting of digital evidence with international databases.

The implementation of these measures will significantly increase the effectiveness of criminalistic accounting of digital evidence and its use in the process of investigating and solving crimes.

CONCLUSION

The conducted research allows us to draw the following conclusions: criminalistic accounting of digital evidence represents an important direction for the development of criminalistic registration in the context of digitalization of social relations and the growth of cybercrime;

the existing system of criminalistic records does not fully meet the needs of the practice of investigating and solving crimes committed using information technologies, due to the lack of unified requirements for the formation and maintenance of criminalistic records of digital evidence;

the creation of the interdepartmental automated system "Unified Register of Digital Evidence" is an important step towards improving the system of criminalistic accounting of digital evidence and increasing the effectiveness of investigating and solving crimes;

for the further development of criminalistic accounting of digital evidence, it is necessary to adopt a set of legal, organizational and technical measures aimed at solving existing problems in this area.

Thus, criminalistic accounting of digital evidence represents an important tool in combating crime in the context of digitalization. The creation of the interdepartmental automated system "Unified Register of Digital Evidence" in the Republic of Uzbekistan contributes to increasing the effectiveness of investigating and solving crimes committed using information technologies, ensuring the integrity and reliability of digital evidence, as well as developing international cooperation in this area. The legislative consolidation of the concept of digital evidence and the regulation of the procedure for working with them create a legal basis for

the activities of law enforcement agencies in the era of digital technologies.

**SHAYZAKOV SHODIYOR
IBRAGIMOVICH**

Head of the Center for Coordination of
Scientific and Innovative Research and
Training of Scientific Personnel, Academy of
Law Enforcement of the Republic of
Uzbekistan, Doctor of Philosophy in Law
(PhD), Associate Professor

**THE LEGAL FOUNDATIONS OF COMBATING CORRUPTION
AND BUREAUCRATIC OBSTACLES IN SCIENTIFIC
ACTIVITY
(the case of Uzbekistan)**

Science is the driving force behind the development of the state and society. The advancement of science is considered the foundation of the future and the guarantee of progress. Since 2016, Uzbekistan has paid significant attention to the development of science and education, the enhancement of the effectiveness of scientific research activities, and the support of innovative ideas. As a result of the large-scale open and fair policy pursued by President Shavkat Mirziyoyev, it has been repeatedly emphasized that all reforms are being carried out based on scientific approaches.

In this regard, it is essential to combat any corrupt and bureaucratic factors that hinder the development of science. This requires analyzing and improving Uzbekistan's national legislation based on international documents and standards.

In particular, among international documents, the United Nations Convention against Corruption (adopted by the UN General Assembly on October 31, 2003) serves as the main legal instrument that fully reveals the essence of corruption and outlines measures to combat it. It is crucial for all states to work together with the international community to implement anti-corruption measures. In this regard, the Convention provides guidelines for further improving national legislation.

Although the issue of corruption has been on the government's agenda as one of the most pressing matters since the early years of Uzbekistan's independence, its legal foundations had not been fully established.

In our opinion, the formation of the legal and institutional foundations for combating corruption in Uzbekistan can be divided into two distinct periods. The first period spans from 1991 to 2017, while the second period covers the time from 2017 to the present day.

During the first period, the primary focus was on strengthening punitive measures against corruption-related crimes and addressing their consequences.

In contrast, starting from 2017, the second period has been characterized by a shift toward aligning with international anti-corruption standards, emphasizing the prevention of corruption and eliminating its root causes, with particular attention given to preventive measures.

The first legal step in combating corruption in Uzbekistan can be considered the Resolution of the Cabinet of Ministers №103, dated March 6, 1992, "On the Approval of the List of Officials Prohibited from Engaging in Entrepreneurial Activities."

In 2008, Uzbekistan acceded to the United Nations Convention against Corruption and assumed the obligation to comply with the requirements established by this convention.

Combating corruption, including the prevention of bureaucracy in scientific activity, is no exception. Accordingly, it is necessary to legally regulate this sphere in order to prevent corruption and bureaucracy, timely detect and eliminate corrupt offenses, and apply legal measures against corruption-related violations.

In particular, the legal foundations for combating corruption and bureaucratic obstacles in scientific activity are formed by international documents, laws and by-laws (including laws, resolutions of the chambers of the Oliy Majlis, decrees and resolutions of the President, resolutions of the Cabinet of Ministers, as well as orders and resolutions of ministries, state committees, and agencies), and internal departmental regulatory documents issued by ministries and other bodies.

Accordingly, we have attempted to analyze the legal foundations for combating corruption and bureaucratic obstacles in scientific activity based on international documents and standards, national regulatory legal acts (laws and by-laws), and internal departmental regulations.

As rightly noted by some authors, it is advisable to regulate the key legal foundations for combating and preventing corruption through both international legal instruments and national legislation. At the same time, it is important to take into account that the emergence, development causes, and conditions of corruption may vary depending on the level of socio-economic changes in each country. Therefore, since there are no universally applicable procedures for preventing and combating corruption, developing universal administrative and legal mechanisms in this area remains a complex task.

Countries around the world and leading international organizations have been adopting conventions, pacts, and other types of international documents aimed at combating and preventing corruption across all sectors. Today, the key normative legal foundations for combating and preventing corruption are reflected in several international legal instruments.

With the ratification of the United Nations Convention against Corruption by the Republic of Uzbekistan, the country has undertaken international obligations to combat and prevent corruption.

For this purpose, Uzbekistan has also ratified the Charter of the Islamic Organization for Education, Science, and Culture (Baku, November 26, 2015).

It is worth noting that in Uzbekistan, comprehensive and systematic measures are being implemented to introduce a system based on advanced international standards for combating and preventing corruption, as well as preventing the commission of such crimes. These measures aim to eliminate the problems that give rise to corruption across all areas of state and public life, including the field of public education.

Since the aforementioned international documents have created obligations for Uzbekistan, continuous efforts have been made to improve the national regulatory framework for combating corruption. The enactment of the Law on Combating Corruption, along with the adoption of various by-laws, has contributed to the formation of a solid legal foundation in this field.

In particular, on January 3, 2017, the Law “On fighting corruption” was adopted. This law defines the main directions of state policy in the fight against corruption, outlines measures for the prevention of corruption in this field, establishes procedures for the detection and suppression of corruption-related offenses, and sets the framework for international cooperation in this regard.

As rightly noted by our national scholars, this law has created a legal mechanism for combating corruption, making it an important normative legal document that concerns the fate of the state and society, the future of the people, and every citizen.

In our country, a comprehensive legislative system for combating corruption has been established. Numerous legal documents can be cited in this regard. However, when it comes to combating corruption specifically in the field of scientific activity, the following key legislative acts are of particular importance: the Law " On fighting corruption" (2017), the Law " On state civil service" (2022), as well as several presidential decrees, including: "On measures to further improve the anti-corruption system in the Republic of Uzbekistan" (2019), "On approval of the Concept for the Development of the Public Education System of the Republic of Uzbekistan until 2030" (2019), "On approval of the Concept for the Development of the Higher Education System of the Republic of Uzbekistan until 2030" (2019), "On approval of the concept of development of science until 2030" (2020), "On measures to create an environment of zero-tolerance against corruption, to drastically reduce corruption factors in state and community management, and to expand public participation in this" (2021), "On approval of the Regulation on the procedure for organizing training on the electronic platform "Virtual Anti-Corruption Academy" (2024), "On the measures to effectively organize the implementation of priority tasks for the further improvement of the anti-corruption system" (2025).

These and similar normative legal acts play a significant role in regulating anti-corruption efforts in the scientific sphere.

The relevance of researching manifestations of corruption in the scientific sector is directly linked to the growing impact of science on the socio-economic development of society and the need to ensure the reliability of scientific results as the foundation for innovative development. This issue is particularly important in the context of the modernization of the scientific and educational system in Uzbekistan, where a large-scale program of reforms in science and higher education has been implemented in recent years.

In accordance with the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan № PQ-2909 "On measures for further development of the higher education system" and the Resolution №PQ-3775 "On additional measures to improve the quality of education in higher education institutions and ensure their active participation in comprehensive reforms

implemented in the country” special attention has been given to improving the quality of scientific research and integrating it into the international scientific arena.

One of the most widespread forms of corruption in the scientific sphere is the misuse and inefficient utilization of funds allocated for research projects. As some scholars have rightly pointed out, “the lack of transparency in the procedures for distributing grants and subsidies creates favorable conditions for lobbying the interests of certain scientific groups and fields, which are not always justified from a scientific significance perspective” (Yurevich A.V.).

This leads to the irrational use of limited resources allocated for scientific research and, ultimately, to a decrease in the overall effectiveness of scientific activity. In Uzbekistan, this issue has become particularly relevant in light of the increased state funding for science within the framework of the State Program for the Implementation of the Action Strategy.

A significant step in this direction was the establishment of the Agency for Innovative Development of the Republic of Uzbekistan in 2017, as well as the adoption of the Law “About science and scientific activity” in 2019, which provided the legal foundation for improving the mechanisms of financing scientific research.

Based on Uzbekistan’s experience in reforming the science funding system, project-targeted financing methods have been introduced in recent years, and work is underway to establish independent expert councils. According to the Agency for Innovative Development, the share of competitive (grant-based) funding in the total budget allocated for science increased from 10% (percent) in 2020 to 35% (percent) in 2024.

However, it is necessary to address some pressing issues.

In particular, the evaluation of scientific activity effectiveness has given rise to new forms of corruption related to publication practices. Studies indicate that an entire industry of so-called “**predatory**” journals has emerged, ready to publish articles without proper peer review in exchange for a certain fee. Such practices not only discredit the system of scientific communication but also contribute to the spread of unreliable information presented as scientific knowledge.

One especially concerning phenomenon is “**compulsory co-authorship**”, where officials, without actual participation in research, use their administrative resources to include themselves in the list of authors of scientific publications.

In Uzbekistan's scientific and educational system, issues of publication ethics have become particularly relevant in recent years due to the introduction of publication activity indicators in the systems for evaluating the effectiveness of scientific activity and attesting scientific and pedagogical personnel. According to the Resolution of the Cabinet of Ministers dated July 19, 2019, "On the improvement of the targeted training system of highly qualified scientific and scientific-pedagogical personnel" having publications in journals indexed in international databases has become a mandatory requirement for candidates for academic degrees.

According to research conducted by a group of scholars from the National University of Uzbekistan, approximately 30% (percent) of publications by Uzbek authors in foreign journals between 2020 and 2022 were published in journals exhibiting characteristics of "predatory" publishing.

The practice of "compulsory co-authorship" also remains widespread in Uzbekistan's scientific and educational institutions. A sociological survey conducted in 2024 by the "Ijtimoiy fikr" Center for the Study of Public Opinion showed that 23% (percent) of scientific workers and university teachers surveyed had encountered situations where they were forced to include various levels of managers, who did not participate in the research, as co-authors of scientific publications.

The analysis of corruption and bureaucratic manifestations in scientific activity highlights the necessity of a comprehensive approach to solving these issues. Eliminating negative trends requires not only the improvement of the regulatory and administrative mechanisms but also the active involvement of the scientific community in shaping and upholding high ethical standards.

Based on the analysis of the legal foundations for combating and preventing corruption and bureaucracy in scientific activity, the following conclusions can be drawn:

First, developing any sector without proper legal regulation presents significant challenges. In this context, organizing anti-corruption measures and combating corruption is inherently linked to creating the legal foundations that regulate the sector.

Second, in today's era of globalization, the rapid spread of corruption worldwide necessitates the development of national legal norms for preventing and combating corruption in alignment with international legal standards and norms.

Third, the legal foundations for preventing corruption and combating bureaucracy in scientific activity are based on universally recognized international documents and standards, as well as key and fundamental normative legal acts within the national legal system.

Fourth, anti-corruption and anti-bureaucratic measures in scientific activity are regulated through laws, by-laws, resolutions of the Ministry of Higher Education, Science, and Innovation, and internal departmental documents. This regulation is implemented through the adoption of charters, instructions, rules, regulations, concepts, strategies, programs (roadmaps), and other related documents aimed at preventing corruption and combating bureaucracy in this field.

In conclusion, considering the severe consequences of corruption for state and societal development, preventing corruption in all sectors, including scientific activity, holds crucial importance today. The creation of legal mechanisms aimed at regulating this field plays a vital role in preventing corruption and combating bureaucracy.

**KARAKETOVA DILNOZA
YULDASHEVNA**

Associate Professor at the Department of
Criminal Law, Criminology and Anti-
Corruption, TSUL, PhD in Law

OPTIONAL ELEMENTS OF THE CRIME SUBJECT: CONCEPT AND ESSENCE

Abstract: *This article provides a comprehensive theoretical and practical analysis of the concept and legal nature of the elements of a crime. It examines the core components of a crime – the object, the subject, as well as the objective and subjective elements – with particular attention to their legal significance. Special emphasis is placed on the optional characteristics of the crime subject, and the concept of a "special subject" is thoroughly explored. The study conducts a comparative analysis of the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan, the Federal Republic of Germany, and the Republic of Belarus, offering a critical assessment of existing approaches within the national legal framework. The conclusion substantiates the need for further clarification of the provisions of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan concerning the structure and elements of a crime.*

Keywords: *elements of a crime, crime subject, special subject, criminal law, comparative analysis, qualification of a crime.*

Annotatsiya: *Mazkur maqolada jinoyat tarkibi tushunchasi va uning huquqiy mohiyati ilmiy-nazariy va amaliy nuqtai nazardan tahlil qilingan. Jinoyat tarkibini tashkil etuvchi elementlar – jinoyatning ob’ekti, sub’ekti, ob’ektiv va sub’ektiv tomonlari atroflicha ko’rib chiqilib, ularning huquqiy ahamiyati ochib berilgan. Shuningdek, jinoyat tarkibiga oid O‘zbekiston Respublikasi, Germaniya Federativ Respublikasi va Belarus Respublikasi qonunchiligi qiyosiy tahlil qilinib, milliy huquqiy tizimdagi mavjud yondashuvlarga munosabat bildirilgan. Muallif jinoyat sub’ektining zaruriy va fakultativ belgilariga alohida e’tibor qaratib, maxsus sub’ekt tushunchasini keng yoritgan. Xulosada O‘zR Jinoyat kodeksining jinoyat tarkibi va uning elementlariga oid normalarini yanada aniqlashtirish zarurligi asoslantirilgan.*

Kalit so‘zlar: *jinoyat tarkibi, jinoyat sub’ekti, maxsus sub’ekt, jinoyat huquqi, qiyosiy tahlil, jinoyatni kvalifikatsiya qilish.*

Аннотация: *В настоящей статье проведён комплексный научно-теоретический и прикладной анализ понятия состава преступления и его правовой природы. Рассматриваются основные элементы состава преступления – объект, субъект, объективная и субъективная стороны, с акцентом на их юридическое значение. Особое внимание уделено факультативным признакам субъекта преступления, раскрыто содержание категории «специальный субъект». В работе осуществлён сравнительный анализ уголовного законодательства Республики Узбекистан, Федеративной Республики Германия и Республики Беларусь, дана критическая оценка существующих подходов в национальной правовой системе. В заключение обоснована необходимость уточнения ряда норм Уголовного кодекса Республики Узбекистан, регламентирующих состав преступления и его элементы.*

Ключевые слова: *состав преступления, субъект преступления, специальный субъект, уголовное право, сравнительный анализ, квалификация преступления.*

Article 16, Part 2 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan establishes that the commission of an act containing all the elements of a crime provided for in this Code constitutes grounds for criminal liability. According to this provision, for any act to be recognized as a crime, the presence of a criminal composition (*corpus delicti*) is required.

In legal literature, the criminal composition is defined as a system of necessary objective and subjective elements that constitute and structure a socially dangerous act. Its characteristics are described in the

dispositions of the criminal-legal norms contained in the General and Special Parts of the Criminal Code¹.

The term “criminal composition” (*corpus delicti*) implies a system that includes certain constituent elements. Like any system, the criminal composition consists of a set of integrated subsystems and elements. There are four subsystems within the criminal composition: the object, the subject, the objective side, and the subjective side. The absence of even one essential element, especially a subsystem, results in the nonexistence of the entire criminal composition and serves as a basis for the recognition that a person's act is not a crime.

The elements of the criminal composition are divided into necessary (essential) and facultative (optional) types. Necessary elements are conditions that must be present in every crime and constitute the criminal composition itself, while facultative elements include additional features that may be important for defining the crime or liability but are not required for every criminal composition.

The elements of the criminal composition determine the distinctiveness of each crime, differentiating one criminal composition from another and separating crimes from other legal violations. The characteristics of the criminal composition are established in the General and Special Parts of the criminal law.

Although the term “criminal composition” is used eight times in the Criminal Code and four times in the Criminal Procedure Code, its content is not explicitly defined. Article 10 of the Criminal Code stipulates that any person whose act contains the elements of a criminal composition must be held liable; however, the concept of criminal composition itself is not provided. The composition of a crime is determined by the features described in the articles of the Special Part of the Criminal Code.

Article 83 of the Criminal Procedure Code (CPC) establishes that the absence of a criminal composition in a person's act serves as grounds to recognize the person as innocent and to rehabilitate them. Article 384 mandates that the prosecutor or their deputy, upon receiving the indictment conclusion from the investigator or the indictment report from

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М. 2011. –С. 105. // Course of Criminal Law. General Part. Volume 1: Doctrine of Crime. Textbook for Universities. Edited by N.F. Kuznetsova and I.M. Tyazhkova. Moscow, 2011. – p. 105.

the inquiry officer, must review the criminal case and determine whether the accused committed the alleged act and whether that act contains the elements of a crime. Article 464 provides that the absence of a criminal composition in the act committed by the defendant is grounds for delivering an acquittal verdict¹.

As observed, although the legislation establishes that the presence of a criminal composition in a person's act is a prerequisite for charging and punishing them, the question "What exactly is the criminal composition?" remains unanswered in the legislation. In our opinion, it would be appropriate for the criminal law to define the concept of criminal composition and specify its elements.

Article 3 of the Model Criminal Code², which serves as a recommendatory guideline for the CIS countries, states that only those persons who have committed an act containing all the elements of a crime as defined by criminal law shall be held criminally liable.

Although similar rules exist in the criminal laws of the CIS member states, the concept and content of criminal composition are not elucidated.

A somewhat different approach can be observed in the Criminal Code of the Republic of Belarus. Article 10 of the Belarusian Criminal Code defines the basis for criminal liability as the commission of the following acts envisaged by the Code:

- 1) a consummated crime;
- 2) preparation for the commission of a crime;
- 3) attempt to commit a crime;
- 4) participation in the commission of a crime³.

In countries where the European and Anglo-Saxon (common law) legal systems operate, the concept of "criminal composition" is also absent in their Criminal Codes. Only in Article 11 of the German Criminal Code, in the definitions section, is it stated that "unlawful acts are only those acts that constitute the elements of a crime as defined in criminal law⁴". In German criminal law, a criminal act is defined as consisting of

¹ Ўзбекистон Республикаси жиноят-процессуал кодекси // The Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan // URL: <https://www.lex.uz/acts/111460>

² Модельный Уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для содружества независимых государств // Model Criminal Code. A Recommended Legislative Act for the Commonwealth of Independent States // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781490>

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь // Criminal Code of the Republic of Belarus // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>

⁴ Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия. От 15 мая 1871 года (RGBl. S. 127) в редакции Федерального закона ФРГ от 13 ноября 1998 года (BGBl. 1998 I S. 3322),

three elements: the composition of the criminal act, unlawfulness, and guilt.

Based specifically on German legislation, the theory of criminal law has developed the view that the composition of a crime constitutes the criminal act itself.

There are also alternative interpretations regarding the concept of criminal composition. For example, V.P.Malkov argues that the criminal composition should be understood as the crime itself along with its systematized social danger¹.

V.O.Navrotsky emphasizes that the concept of the criminal composition is a legal construct developed within the theory of criminal law. He argues that the phrase "the criminal composition envisaged by the criminal law" is incorrect, and that the criminal law defines the crime itself, rather than the criminal composition².

According to V.N.Kudryavtsev, the criminal composition is the aggregate of socially dangerous acts that are recognized as crimes and punishable under the criminal law³.

According to other authors, the term "composition" refers to the set of objective and subjective characteristics defined by criminal law that describe a socially dangerous act as a specific crime⁴.

According to other authors, the criminal composition is a set of objective and subjective elements that allow a particular socially dangerous act to be recognized as corresponding to the description provided in the article of the criminal law⁵. This definition highlights not only the concept of the criminal composition but also its significance in

вступившего в силу с 1 января 1999 года // Criminal Code of the Federal Republic of Germany. Dated May 15, 1871 (RGBl. p. 127), as amended by the Federal Law of the FRG dated November 13, 1998 (BGBl. 1998 I p. 3322), effective from January 1, 1999 // URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf

¹ Малков В.П. Состав преступления в теории и законе//Государство и право. 1996. № 7. С. 67 // Malkov V.P. The Structure of a Crime in Theory and Law // Gosudarstvo i pravo (State and Law). 1996, No. 7, p. 67.

² Навроцкий В.О. Теоретические проблемы уголовно-правовой квалификации. Киев, 1999. С. 136 // Navrotsky V.O. Theoretical Problems of Criminal Law Qualification. Kyiv, 1999. p. 136.

³ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 59. // Kudryavtsev V.N. General Theory of Crime Qualification. Moscow, 1999. p. 59.

⁴ Российское уголовное право. Общая часть. М.: Спарк, 1997. С. 84. // Russian Criminal Law. General Part. Moscow: Spark, 1997. P. 84.

⁵ Уголовное право. Общая часть. М.: НОРМА, 1997. С. 114. // Criminal Law. General Part. Moscow: NORMA, 1997. p. 114.

the qualification of an act. Legal literature discusses the division of criminal composition elements into permanent (general) and variable (special or facultative) categories. Permanent (general) elements are those inherent to all crimes, namely:

- The object of the crime – the social relations targeted by criminal encroachment;
- The objective side of the crime – a socially dangerous act that causes harm or poses a risk of harm to the object;
- The subjective side of the crime – guilt (intent or negligence);
- The subject of the crime – a sane physical person who has reached the prescribed age.

Variable (special or facultative) elements are applied by the legislator to characterize certain crimes or specific groups of crimes. According to some scholars, the elements of the criminal composition can only be divided into main and variable elements within the general concept of criminal composition. Such division should not exist within a particular criminal composition because for an act to be considered a crime, it must include all elements of the criminal composition, and these elements are regarded as essential. Objective and subjective variable elements may be classified as special or facultative elements depending on the structure of the specific criminal composition¹.

Scholars from our country also have their own views on the issue of criminal composition. A.S.Yakubov, M.Kh.Rustamboev and M.Usmonaliev emphasize that the criminal composition should be understood as the set of objective and subjective elements necessary to qualify a socially dangerous act as a crime. They note that since these elements are firmly established in the criminal law, they are considered essential for deeming a particular socially dangerous act as a crime².

¹ Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 38 // Pavlov V.G. The Subject of Crime. St. Petersburg: Publishing House "Legal Center Press," 2001. p. 38.

² Якубов А.С. Теоретические проблемы формирования правовой основы учения о преступлении: предпосылки, реальность, перспективы. – Т.: Академия МВД Республики Узбекистан, 1996. – С.251.; Рустамбоев М.Х. Жиноят ҳуқуқи (Умумий қисм). Олий ўқув юртлари учун дарслик. Т.: “ILM ZIYO”, 2005-480 б. 176 б.; Усмоналиев М. Жиноят ҳуқуқи (Умумий қисм). Дарслик.-Т.: Янги аср авлоди, 2005.-662 б. // Yakubov A.S. Theoretical problems of forming the legal basis of the doctrine of crime: prerequisites, reality, prospects. - Tashkent: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, 1996. - P.251.; Rustamboyev M.H. Criminal Law (General Part). Textbook for higher educational institutions. Tashkent: "ILM ZIYO," 2005. 480 p. 176 p.; Usmonaliyev M. Criminal Law (General Part). Textbook. Tashkent: New Century Generation, 2005. 662 p.

We also share the views of our country's scholars regarding the criminal composition and consider that accurately defining the criminal composition serves as the basis for a correct assessment of the act and its punishment.

According to Kh.R.Ochilov, "The third element of the criminal composition is the criminal subject. This issue has received special attention in Sharia law. The rules established in Islamic criminal law – that only a natural person can be a criminal subject – reflect the perfection of this legal system"¹.

In the theory of criminal law, a distinction is made between essential (necessary) and facultative (optional) elements of the criminal composition. According to this theory, essential elements are those components that must be present for any criminal composition to exist. These essential elements constitute the minimal and sufficient criteria to consider an act as a crime; the absence of any one of them excludes the possibility of classifying the act as a crime.

Facultative elements of the criminal composition, on the other hand, do not signify the existence of a criminal composition by themselves. Typically, these elements do not affect the qualification of the crime (although in some cases they may influence it), but they are taken into account during the individualization of the sentence.

Facultative elements may or may not be explicitly stated in the disposition of certain crimes. However, if facultative elements are specifically provided for in the disposition of a particular crime in the Criminal Code, they are considered essential elements.

One of the elements of the criminal composition – the subject of the crime – also possesses both essential and facultative characteristics. The essential characteristics of the criminal subject include being a natural person, having reached the age specified by criminal law, and possessing legal capacity (mental competence).

According to A. Ignatov, "The essential characteristics of the criminal subject are legal capacity and the age established by law. Legal capacity means the person's ability to understand the social danger of their actions and to control them. The age specified by law refers to the minimum age at which a person can be held criminally responsible.

¹ Очилов Х.Р. Жиноят таркиби тузилиши генезиси // Юрист ахборотномаси – Вестник юриста – Lawyer herald. № 1 (2022) Б. 64 // Ochilov Kh.R. Genesis of the structure of corpus delicti // Yurist axborotnomasi - Vestnik yurista - Lawyer herald. No. 1 (2022) P. 64.

Facultative characteristics of the criminal subject include sex, citizenship, profession, position, military or special status. These characteristics may have significant importance for certain crimes and play a decisive role in correctly qualifying the criminal composition. For example, in crimes committed by officials, the official status is considered a facultative characteristic”¹.

In his article titled “Problems in Identifying the Subject of a Crime in Modern Criminal Law,” A.V.Shcherbakov discusses the essential and facultative characteristics of the criminal subject, their significance in determining criminal liability, and the current pressing issues in modern criminal law. According to him, the criminal subject is an integral part of the criminal composition, and correctly identifying the criminal subject is crucial for establishing criminal liability and applying punitive measures.

Furthermore, the characteristics of the criminal subject are important for accurately assessing the criminal composition and determining guilt. Facultative characteristics of the criminal subject are especially significant for certain crimes and play a decisive role in the proper qualification of the criminal composition. The features of the criminal subject also have a vital role in determining the degree of guilt and in sentencing. When special subject characteristics are present, the degree of social danger of the crime may increase, which leads to harsher penalties².

According to Y.S.Karavaev, “The facultative characteristics of the criminal subject are attributes that are important in determining an individual’s criminal liability but are not mandatory for all crimes. These characteristics include gender, citizenship, profession, official position, military status, or special status. They hold decisive significance for certain crimes and play an important role in the correct qualification of the criminal composition”³. He emphasizes that facultative characteristics can be classified based on various grounds. They may be categorized as follows:

¹ Игнатов А. Н. Состав преступления // Уголовное право России: в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2008. Т. 1. С. 278 // Ignatov A. N. The Elements of a Crime // Criminal Law of Russia: in 2 volumes / edited by A. N. Ignatov, Yu. A. Krasikov. Moscow, 2008. Vol. 1. p. 278.

² Щербakov А.В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве. // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №2. С. 100–106. // Sherbakov A.V. Problems of Determining the Subject of Crime in Modern Criminal Law. // Gaps in Russian Legislation. 2013. No. 2. Pp. 100-106.

³ Караваева Ю. С. Субъект преступления в уголовном праве России: учеб. пособие. – Пермь: Издательство «Миг», 2020. С. 35. // Karavayeva Yu. S. Subject of Crime in Russian Criminal Law: textbook. - Perm: "Mig" Publishing House, 2020. P. 35.

social-demographic characteristics: gender, age, citizenship;

social-legal status: official position, military service, possession of special permits;

professional activity-related characteristics: medical worker, teacher, vehicle driver, etc.

The facultative characteristics of the criminal subject may become mandatory elements in the composition of certain crimes. For example, in bribery (Article 210 of the Criminal Code), the criminal subject can only be an official. Here, the official status, which is usually a facultative characteristic, transforms into a necessary element of the criminal composition.

Based on the analysis of the views presented above, the following conclusions can be drawn:

- The **subject of a crime** constitutes a fundamental element of the corpus delicti and is characterized by a set of *necessary* (essential) features as well as, in certain cases, *facultative* features stipulated by the specific provisions of the criminal law, typically referred to as the special subject.

- The notion of the criminal subject does not directly refer to a person or individual per se, but rather to a specific combination of legal conditions — namely, the legal status, age threshold, and mental capacity of the individual who committed the criminal act. The criminal subject represents a distinct criminal-legal status encompassing several legally significant components essential for the establishment of criminal liability.

- It is important to distinguish between the concepts of the criminal subject and the “criminal personality.” The latter pertains to criminological characteristics, encompassing the biological and socio-psychological attributes of the offender. The study of the criminal personality facilitates an understanding of the underlying patterns of criminal behavior, the determinants and causative factors of crime as a social phenomenon, and informs the development of scientifically grounded strategies for crime prevention and control.

- Conversely, the criminal subject is a legal concept, delimiting the juridical characteristics of the offender; it is confined to the features necessary for criminal liability (physical personhood, legal age, mental capacity) and constitutes only a fraction of the broader characteristics inherent to the offender’s profile.

Literature review indicates that the facultative features of the criminal subject, often indicative of special subjectivity, exceed thirty in number. These facultative features hold various legal significances, including but not limited to:

- criminological relevance;
- relevance for proper qualification of the crime;
- delimiting function;
- mitigating or aggravating influence in sentencing decisions.

In general terms, the criminal subject is defined as a physical person capable of influencing the protected legal interest within criminal law and bearing responsibility for such influence. The attributes of the criminal subject constitute an integral element of the corpus delicti. The presence of specific subjective characteristics in the offender may also serve as a prerequisite condition for the imposition of criminal liability. Only a human being – capable of understanding legal responsibility and possessing intent – can qualify as a criminal subject. Hence, the criminal subject is a natural person who commits an act or omission prohibited by law under the threat of punishment and who can be held criminally accountable for such conduct.

**ИСОҚОВ ЛУҚМОНЖОН
ХОЛБОВЕВИЧ**

Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси кафедра
бошлиғи, ю.ф.д., профессор

**ОДАМ САВДОСИ ВА ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ:
ХАЛҚАРО СТАНДАРТЛАР ВА МИЛЛИЙ МАЖБУРИЯТЛАР**

***Аннотация:** Мазкур мақолада одам савдоси муаммоси инсон ҳуқуқлари нуқтаи назаридан таҳлил қилинади. Муаллиф халқаро ҳуқуқдаги инсон ҳуқуқларига оид стандартлар ҳамда давлатларнинг ушбу соҳадаги мажбуриятларини очиқ беради. Хусусан, жабрланувчиларни аниқлаш, ҳимоя қилиш, репатриация ва қайта ижтимоийлаштириш борасидаги механизмлар, жинойатчиларни жазолаш ва одам савдосини олдини олишга оид халқаро шартномалар ва "юмишқ ҳуқуқ" манбалари асосида таҳлил қилинади. Ўзбекистонда сўнгги йилларда қабул қилинган қонунлар ва ислоҳотлар мисолида миллий мажбуриятлар халқаро стандартлар билан солиштирилади. Муҳокамалар натижасида инсон ҳуқуқларига асосланган*

ёндашув одам савдосига қарши курашишда ҳал қилувчи аҳамиятга эга эканлиги таъкидланади.

Калит сўзлар: Одам савдоси, инсон ҳуқуқлари, халқаро стандартлар, миллий мажбуриятлар, жабрланувчиларни ҳимоя қилиш, репатриация, қуллик, мажбурий меҳнат, ҳуқуқий ислоҳотлар, БМТ протоколи.

Аннотация: В статье рассматривается проблема торговли людьми сквозь призму международных стандартов прав человека. Автор анализирует обязательства государств по предотвращению торговли людьми, защите жертв и наказанию виновных. Особое внимание уделяется международным договорам, механизмам идентификации и репатриации жертв, а также роли «мягкого права» в формировании политики. На примере Узбекистана показано, как национальные реформы соотносятся с международными обязательствами. Делается вывод, что правозащитный подход является ключевым элементом эффективной борьбы с торговлей людьми.

Ключевые слова: Торговля людьми, права человека, международные стандарты, национальные обязательства, защита жертв, репатриация, рабство, принудительный труд, реформы, Протокол ООН.

Abstract: This article analyzes the issue of human trafficking from the perspective of international human rights standards. It explores states' obligations to prevent trafficking, protect victims, and prosecute perpetrators under international law. Special focus is given to binding treaties, soft law instruments, victim identification and repatriation mechanisms, and legal reforms. The case of Uzbekistan is discussed to illustrate how national measures align with global obligations. The article argues that a human rights-based approach is essential for addressing the root causes of trafficking and ensuring justice for victims.

Keywords: Human trafficking, human rights, international standards, national obligations, victim protection, repatriation, slavery, forced labor, legal reforms, UN Protocol.

Одам савдоси бугунги кунда кўплаб мамлакатлар учун умумий муаммога айланган. Бу жиноят фақат шахсий эркинликни эмас, балки инсон ҳуқуқларини ҳам жиддий равишда бузади. Шу боис, халқаро ҳуқуқда одам савдосини олдини олиш, жабрланувчиларни ҳимоя қилиш ва айбдорларни жазолаш бўйича аниқ стандартлар ишлаб чиқилган. Давлатлар эса бу соҳада муайян мажбуриятларни ўз зиммасига олган. Ўзбекистон ҳам сўнгги йилларда ушбу соҳада қатор институционал ва ҳуқуқий ислоҳотларни амалга оширмоқда.

2011-2017 йилларда БМТнинг мигрантларнинг инсон ҳуқуқлари бўйича махсус маърузачиси бўлган канадалик профессор Француа Крепо таъкидлаганидек “Агар инсон фақат иқтисодий самарадорлик манбаи сифатида қадрланса, бу ҳолат одам савдоси ва мажбурий

меҳнат каби эксплуатация шаклларига йўл очади”¹. Дарҳақиқат, одам савдоси бу инсон қадрини ўлчашга уринишдир. Лекин инсоннинг қадри нарх билан эмас, балки ҳуқуқ билан белгиланиши лозимдир.

Сўнгги ўн йилликда халқаро ҳамжамиятда одам савдосига қарши курашиш ва унинг олдини олиш бўйича кенг қамровли ҳуқуқий асос яратилди, бу эса масаланинг инсон ҳуқуқлари нуқтаи назаридан қайта кўриб чиқиши ва жабрланувчилар манфаатларини ҳимоя қилишга йўналтирилган ёндашувнинг муҳимлигини кўрсатади. Инсон ҳуқуқларига асосланган ёндашув одам савдосида инсон ҳуқуқларининг бузилишини аниқлаш, давлатларнинг халқаро ҳуқуқ бўйича мажбуриятларини белгилаш ва камситиш, ҳуқуқий адолатсизлик ва ноқонуний фаолиятга сабаб бўлувчи тенгсизликни бартараф этишга қаратилган. Давлатлар ва бошқа манфаатдор томонлар одам савдосининг олдини олиш, жабрланувчиларни ҳимоя қилиш ва уларга адолатли муносабатда бўлишни таъминлаш учун фаол чоралар кўриши зарур. Ушбу ёндашув нафақат муаммонинг юзага келишига сабаб бўлган тизимли омилларни ҳал қилиш, балки жабрланувчиларнинг ҳуқуқларини тиклаш ва жиноятчиларнинг жазосиз қолишига барҳам беришни мақсад қилади.

Давлатларнинг мажбуриятлари халқаро ҳуқуқ нормаларига асосланиб белгиланади, улар жабрланувчиларни ҳимоя қилиш, репатриация, ҳуқуқий чоралар ва профилактика каби йўналишларда мустаҳкам юридик жавобгарликни ўз ичига олади. Давлатлар, ҳатто одам савдосига бевосита алоқаси бўлмаса ҳам, зарар учун масъул бўлиши мумкин, бу эса уларнинг фаол чора кўриш зарурлигини кўрсатади. Ушбу мажбуриятларни амалга ошириш ва назорат қилиш механизмлари давлатлар ва бошқа манфаатдор томонларнинг фаолият ва фаолсизлиги учун жавобгарликни таъминлашга хизмат қилади.

Одам савдоси ва инсон ҳуқуқлари ўртасидаги боғлиқлик халқаро ҳуқуқда аниқ белгиланган бўлиб, бир шахснинг бошқа шахснинг ҳуқуқлари, меҳнати ёки инсонлигини ўзлаштириши ахлоқсиз ва ноқонуний ҳисобланади. Инсон ҳуқуқларига оид

¹ Martine Brouillette, “An Interview with François Crépeau”, *Revue européenne des migrations internationales* [Online], vol. 35 - n°3 et 4 | 2019, Online since 01 January 2022, connection on 30 July 2025. URL: <http://journals.openedition.org/remi/16910>; DOI: <https://doi.org/10.4000/remi.16910>

ҳалқаро-ҳуқуқий нормалар ирқий ва жинсий камситишни тақиқлайди, фуқаро бўлмаганларга асосий ҳуқуқларни кафолатлайди, ноқонуний ҳибсга олиш, мажбурий меҳнат, қуллик, мажбурий никоҳ ва болалар ёки аёлларнинг жинсий эксплуатациясини қоралайди, шунингдек, эркин ҳаракатланиш ва ўз мамлакатини тарк этиш ёки қайтиб келиш ҳуқуқини ҳимоя қилади. Одам савдоси ушбу ҳуқуқларнинг тизимли равишда бузилишига олиб келади, бу эса жабрланувчиларнинг эркинлиги ва кадр-қимматини йўқотишини кўрсатади.

Одам савдоси жараёнида инсон ҳуқуқларининг кенг доираси, жумладан, ирқи, жинси, дини ёки ижтимоий мақоми бўйича камситишни тақиқлаш, яшаш, эркинлик ва хавфсизлик, қуллик ва мажбурий меҳнатдан озод бўлиш, қийноқлар ва камситишдан ҳимояланиш, жинсий зўравонликдан озодлик, ҳаракатланиш эркинлиги, соғлиқ, адолатли меҳнат шароитлари, етарли турмуш даражаси, ижтимоий таъминот ва болаларнинг алоҳида ҳимояси каби ҳуқуқлар мунтазам равишда бузилади.

Инсон ҳуқуқларига оид халқаро-ҳуқуқий нормаларга кўра, одам савдоси қуллик, мажбурий меҳнат, болаларнинг жинсий эксплуатацияси, мажбурий никоҳ ва фоҳишалик каби тақиқланган амаллар орқали инсон ҳуқуқларининг оғир бузилиши сифатида эътироф этилади. Қуллик, масалан, жабрланувчиларнинг эксплуатацияси учун восита сифатида қўлланиб, уларни назорат қилиш ва ушлаб туришга хизмат қилади, бу эса Халқаро меҳнат ташкилотининг (МОТ) 29-сонли Конвенциясида таърифланган мажбурий меҳнатнинг тақиқланишига зиддир¹. Одам савдоси фақат алоҳида амаллар билан эмас, балки ўзининг тўлиқ мажмуи сифатида инсон ҳуқуқларининг бузилиши деб баҳоланади, бу Аёлларга нисбатан камситишнинг барча шакллари бартараф қилиш тўғрисидаги Конвенция (6-модда) ва Болалар ҳуқуқлари тўғрисидаги Конвенция (35-модда) каби асосий шартномаларда акс этган.

Одам савдоси қурбонларининг инсон ҳуқуқлари БМТ Низоми ва Инсон ҳуқуқлари умумжаҳон декларациясига кўра универсал бўлиб, улар ирқи, жинси, этник келиб чиқиши ёки бошқа фарқларидан қатъий назар барчага тегишлидир, шу жумладан қурбонлар чет элда бўлса ҳам уларга нисбатан камситиш тақиқланади. Инсон

¹ C029 - Forced Labour Convention, 1930 (No. 29)

ҳуқуқларига оид халқаро-ҳуқуқий нормалар қурбонларнинг фуқаролик мақоми, миллий мансублиги ёки давлат ҳудудига қандай кирганлигидан қатъий назар, уларга тегишли бўлган ҳуқуқларни кафолатлайди, фақат истисно ҳолларда асосли тушунтириш талаб қилинади. Аёллар, болалар, мигрантлар, меҳнаткаш мигрантлар, қочқинлар, ички кўчирилганлар ва ногиронлиги бўлган шахслар каби гуруҳлар ўтмишдаги камситиш ёки уларнинг заифлиги туфайли қўшимча ёки махсус ҳимояга муҳтож, чунки улар одам савдосида алоҳида нишонга айланади. Масалан, болалар ёш хусусиятлари туфайли жинсий эксплуатация, мажбурий меҳнат ёки тиланчилик учун қурбон бўлиши, ногиронлиги бўлган шахслар тиланчилик ёки эксплуатация меҳнатига жалб қилиниши, аёллар ва қизлар эса фоҳишалик, мажбурий никоҳ, уй хизмати ёки хизмат кўрсатиш соҳасида эксплуатацияга дучор бўлиши мумкин, бу эса уларни зўравонлик, режалаштирилмаган ҳомиладорлик ёки ВИЧ/СПИД каби оғир оқибатларга олиб келади.

Мигрантларнинг инсон ҳуқуқлари халқаро ҳуқуқда мустаҳкам кафолатланади, улар яшаш, қонун ҳимояси, эркинлик, шахсий дахлсизлик, қийноқлар ва қулликдан озод бўлиш, адолатли суд муҳокамаси, ҳаракатланиш эркинлиги, фикр, виждон ва дин эркинлиги, тинч йиғилишлар ва уюшмалар ҳуқуқи, оила қуриш ва маданий ўзлигини сақлаш ҳуқуқларига эга. Одам савдоси контекстида аёллар, болалар, мигрантлар, қочқинлар, ички кўчирилганлар ва ногиронлиги бўлган шахслар каби заиф гуруҳлар қўшимча ҳимояга муҳтож, чунки улар ёши, жинси ёки ижтимоий мақоми туфайли жинсий эксплуатация, мажбурий меҳнат, тиланчилик ёки мажбурий никоҳ каби муаммоларга дучор бўлади.

Одам савдоси қурбонлари бўлган алоҳида гуруҳлар, масалан, болалар, инсон ҳуқуқларига оид халқаро-ҳуқуқий нормаларга кўра қўшимча ҳимояга эга бўлиб, Бола ҳуқуқлари тўғрисидаги конвенцияга мувофиқ, уларнинг манфаатлари иммиграция назорати ёки жамоат тартибидан устун қўйилиши керак, бу эса уларнинг хавфсизлиги, шахсий дахлсизлиги ва фаровонлигини таъминлашни талаб қилади.

Одам савдосини инсон ҳуқуқлари нуқтаи назаридан кўриш зарурлиги бу муаммо нафақат жиноий хусусиятга эга, балки дискриминация ва адолатсиз кучлар тақсимотига асосланади, бу эса жабрланувчиларнинг адолатга эришишига тўсқинлик қилади. Инсон ҳуқуқларига асосланган ёндашув одам савдосига қарши

курашишнинг барча босқичларида – миллий, минтақавий ва халқаро даражада – ҳуқуқлар ва мажбуриятларни халқаро стандартларга мувофиқлаштиришни, дискриминацияни бартараф этишни ва жабрланувчиларнинг ҳуқуқларини рўёбга чиқаришга ёрдам беришни талаб қилади.

Давлатларнинг одам савдосига қарши мажбуриятлари халқаро шартномалардан келиб чиқади, улар давлатларни миллий қонунчилик, сиёсат ва амалиётларини ушбу шартномалар стандартларига мувофиқлаштиришга мажбур қилади, бу мажбуриятлар халқаро судларда, масалан, Халқаро суд ёки Инсон ҳуқуқлари бўйича Европа судида ижро этилиши мумкин. Шунингдек, БМТнинг Трансмиллий уюшган жиноятчиликка қарши конвенцияси, Коррупцияга қарши конвенцияси ва Халқаро жиноий суднинг Рим статuti каби жиноятчиликка қарши асосий шартномалар ҳам одам савдосига қарши курашишда муҳим аҳамиятга эга.

Одам савдосига қарши курашишга оид асосий халқаро-ҳуқуқий ҳужжатлар қаторига 2000 йилги БМТнинг “Одам савдосининг олдини олиш, унга чек қўйиш ва жазолаш тўғрисида”ги Протокол¹, 1979 йилги Аёлларга нисбатан камситишнинг барча шакллари бартараф қилиш тўғрисидаги Конвенция, 1989 йилги Болалар ҳуқуқлари тўғрисидаги Конвенция ва унинг 2000 йилги болалар савдоси, фоҳишалик ва порнографияга қарши Факультатив протоколи киради. Бундан ташқари, 1990 йилги Барча меҳнаткаш-мигрантлар ва уларнинг оила аъзолари ҳуқуқларини ҳимоя қилиш тўғрисидаги Конвенция, 1966 йилги Фуқаролик ва сиёсий ҳуқуқлар тўғрисидаги Пакт, Иқтисодий, ижтимоий ва маданий ҳуқуқлар тўғрисидаги Пакт, 2005 йилги Европа Кенгашининг Одам савдосига қарши курашиш тўғрисидаги Конвенцияси, 2000 йилги Европа Иттифоқининг Асосий ҳуқуқлар хартияси (5-модда) ва 2011 йилги Европа иттифоқи Директиваси муҳим аҳамиятга эга. Жанубий Осиё минтақавий ҳамкорлик ассоциациясининг 2002 йилги Аёллар ва болаларни фоҳишалик учун савдосининг олдини олиш тўғрисидаги Конвенцияси ҳам ушбу соҳадаги муҳим ҳужжатдир.

¹ Annex, I. I. "Protocol to prevent, suppress and punish trafficking in persons, especially women and children, supplementing the United Nations convention against transnational organized crime." Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, United Nations Convention against Transnational Organized Crime and the Protocols Thereto. 2000.

Давлатларнинг одам савдосига қарши курашишдаги мажбуриятлари нафақат шартномалар, балки халқаро одат ҳуқуқи, умумий ҳуқуқий принциплар ва халқаро судлар қарорлари каби бошқа манбаларга ҳам асосланади, масалан, кулликни тақиқлаш одат ҳуқуқи сифатида барча давлатлар учун мажбурийдир. Умумий ҳуқуқий принциплар, масалан, шахсни мажбурланган жиноят учун жавобгарликка тортмаслик, одам савдоси контекстида қўлланилади, бу эса 2009 йилда Инсон ҳуқуқлари бўйича Европа судининг турли мунозарали ишлар бўйича қарорларида акс этган.

Одам савдосига қарши курашишга оид юридик кучга эга бўлмаган муҳим ҳужжатлар қаторига Инсон ҳуқуқлари бўйича олий комиссар Бошқармасининг “Инсон ҳуқуқлари ва одам савдоси масалалари бўйича тавсиявий принциплар ва раҳбарий қоидалар”¹, “Жабрланувчиларнинг ҳуқуқий ҳимоя ва зарарни қоплаш ҳуқуқига оид асосий принциплар раҳбарий қоидалари”, ЮНИСЕФнинг “Жабрланган болаларни ҳимоя қилиш бўйича йўриқномалари”, Жанубий-Шарқий Осиё давлатлари уюшмаси АСЕАНнинг жиноий чораларга оид йўриқномалари ва Қочоқлар ишлари бўйича Олий комиссари бошқармасининг 1951 йилги Қочқинлар мақоми тўғрисидаги Конвенциясига асосланган², жабрланган ва хавф остидаги шахсларни ҳимоя қилиш бўйича тавсиялари киради. Бу “юмшоқ ҳуқуқ” манбалари давлатларга юридик мажбурият юкламаса-да, жабрланувчиларнинг ҳуқуқларини таъминлаш, болаларнинг манфаатларини устун қўйиш, зарарни қоплаш ва репатриация бўйича муайян йўналишлар беради.

Давлатлар жабрланувчиларни аниқлаш, ҳимоя қилиш ва қўллаб-қувватлаш бўйича муҳим мажбуриятларга эга, буларга тез ва аниқ аниқлаш, юридик ёрдам, вақтинчалик бошпана ва жабрланувчиларни жиноий жавобгарликка тортмаслик киради. Жабрланувчиларни аниқлашдаги хатолар, масалан, уларни ноқонуний мигрантлар сифатида хато таснифлаш, уларнинг ҳуқуқларидан фойдаланишига тўсқинлик қилади, бу эса тавсиявий

¹ Text presented to the Economic and Social Council as an addendum to the report of the United Nations High Commissioner for Human Rights (E/2002/68/Add. 1) // Электрон манбаа: [http://www.unhchr.ch/huridocda/huridoca.nsf/\(Symbol\)/E.2002.68.Add.1.En?OpenDocument](http://www.unhchr.ch/huridocda/huridoca.nsf/(Symbol)/E.2002.68.Add.1.En?OpenDocument) (Мурожаат санаси: 15.05.2025).

² БМТнинг 1951 йилги Қочқинлар мақоми тўғрисидаги Конвенцияси // Электрон манбаа: <https://lex.uz/uz/docs/7354720> (Мурожаат санаси: 16.05.2025).

принциплар ва раҳбарий қоидаларда таъкидланганидек, уларнинг ҳуқуқларининг амалда ишончсиз бўлишига олиб келади.

Одам савдосидан жабрланганлар тезкор ҳимоя ва қўллаб-қувватлашга муҳтож бўлиб, улар кўпинча жисмоний ва эмоционал кўрқув ҳамда таҳдид хавфи остида бўлади, шунингдек, давлат органларининг нотўғри муносабати уларнинг зарарини янада ошириши мумкин. Давлатлар жабрланувчиларни аниқлаган пайтда уларни қайта эксплуатация ва зарардан ҳимоя қилиш, тез тиббий ёрдам кўрсатиш, хавфни баҳолаш ва уларнинг шахсий ҳаёти дахлсизлигини таъминлаш бўйича мажбуриятга эга, бу эса уларнинг тикланиши ва қайта виктимизациядан сақланиши учун муҳимдир. Халқаро ҳуқуқ, жумладан, “Одам савдосининг олдини олиш тўғрисида”ги Протокол¹ ва Европа Кенгашининг Конвенцияси, жабрланувчиларга юридик, жисмоний ва психологик ёрдам кўрсатишни талаб қилади, бу ёрдам уларнинг адлия ва ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлари билан ҳамкорлик қилишга тайёрлигидан қатъий назар тақдим этилиши керак.

Одам савдосидан жабрланган шахслар ва гувоҳлар суд ва маъмурий жараёнларда ўз ҳуқуқларини амалга оширишда махсус эътибор ва қўллаб-қувватлашга муҳтож, бу эса уларнинг роли, жараён жадвали ва натижалари тўғрисида хабардор қилиниши, шахсий манфаатлари таъсир қиладиган босқичларда фикр ва хавотирларини билдириш имконияти, суд жараёни давомида ёрдам кўрсатилиши, шахсий ҳаёти дахлсизлиги ва хавфсизлигини таъминлашни ўз ичига олади.

Жиноятлар ва ҳокимиятни суиистеъмол қилиш қурбонлари учун одил судловнинг асосий принциплари декларациясининг 6-бандига кўра, давлатлар жабрланувчиларнинг шахсий ҳаётини ҳимоя қилиш, уларга ва уларнинг оила аъзоларига, гувоҳларга таҳдиддан сақлаш, суд қарорларини тезкор ижро этиш орқали уларнинг ҳуқуқларини кафолатлашга мажбур.

Халқаро ҳуқуқда одам савдосидан жабрланган болаларга махсус ҳимоя ва ёрдам чораларини кўришни талаб қилади. Бу чоралар болаларнинг махсус эҳтиёжлари ва ҳуқуқларини инобатга олиб, уларнинг манфаатларини таъминлашга қаратилган бўлиши керак.

¹ Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime // Электрон манбаа: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/protocol-prevent-suppress-and-punish-trafficking-persons> (Мурожаат санаси: 25.06.2025).

Халқаро принципларга кўра, одам савдосидан жабрланган болаларни жиноий жавобгарликка тортиш, қамоққа сақлаш ёки тиббий текширишни уларнинг манфаатларига зид бўлган ҳолда амалга ошириш тақиқланади. Ҳар қандай ҳолатда, болаларга керакли ёрдам ва ҳимояни таъминлаш, уларни жиноий судлов ва ҳуқуқий ёрдамга эга бўлиш учун барча чоралар кўрилиши керак. Бу каби болаларни ҳимоя қилиш учун давлатлар уларнинг шахсий маълумотларини ҳимоя қилиши, уларни бирон-бир жиноий ёки ижтимоий таҳдидлардан муҳофаза қилиши ва уларнинг манфаатларини барча қарорлар ва чораларда биринчи ўринга қўйиши лозим. Болаларнинг фикрларини тинглаш, уларни ҳуқуқлари ва аҳволи тўғрисида хабардор қилиш ҳам муҳимдир. Бундан ташқари, болаларга судда қатнашиш имкониятини бериш, жиноий жараёнда минимал зарарлар ва хавфларни камайтириш учун муқобил усуллардан фойдаланиш зарур.

ЮНИСЕФ ва халқаро ҳуқуқ ҳужжатларида белгиланган қоидаларга мувофиқ, болалар учун керакли ҳимоя, ижтимоий хизматлар ва тиббий ёрдам муҳокама қилинади, уларнинг ёшига, жинсига, этник ёки маданий хусусиятларига кўра махсус чоралар кўрилади.

Халқаро ҳуқуқ одам савдосидан жабрланганларнинг қайтариб юборилишига доир аниқ ҳужжатларни белгилайди. Ушбу шахслар ўз мамлакатларига хавфсиз ва, имконият бўлса, ихтиёрий қайтиши учун давлатлар масъулдир. Қайтариб юбориш жараёнида уларнинг ҳуқуқлари ва хавфсизлиги таъминланиши керак, шунингдек, жиноят ишларида иштирок этиш ва ҳимоя қилиш ҳуқуқи берилиши керак. Агар қайтиш жиноий ёки ижтимоий хавф туғдираётган бўлса, муқобил чоралар, масалан, вақтинчалик виза ёки бошқа мамлакатларга ўтиш мумкин. Реинтеграция ёрдами уларнинг қайта одам савдога тушишидан ҳимоя қилиши, уларни ижтимоий изоляция ва стигматизациядан сақлайди. Буларнинг барчаси халқаро шартномаларда мустаҳкамланган.

Халқаро ҳуқуқ, хусусан, аёлларга қарши зўравонлик ҳолатларига нисбатан, судда адолатли ва самарали ҳуқуқий ҳимояни таъминлашни талаб қилади. Шунингдек, давлатлар ўз юридик мажбуриятларини бажаришда улар учун ҳимоя, компенсация ва маълумот олишга бўлган ҳуқуқни кафолатлашлари керак. 2005 йилда БМТнинг Бош ассамблеяси халқаро ҳуқуқни янада

аниқлаштириб, давлатлар учун қонунчилик ва компенсация воситаларининг самарадорлигига аҳамият қаратган.

Одам савдоси жиноятига нисбатан самарали жавоб бериш халқаро ҳуқуқнинг муҳим талабларидан биридир. Давлатлар одам савдосини жиноят деб ҳисоблаб, бу жиноятга қарши қатъий қадамлар қўйишлари керак. Бунга қуйидагилар киради:

одам савдоси ва унга алоқадор жиноятларни криминализация қилиш, уларни ички қонун ҳужжатлари билан жиноят сифатида тан олиши зарур;

бунда давлатлар жиноятларнинг халқаро анъаналарга мос келишини таъминлаб, жиноятлар ва уларга яқин бўлган ҳуқуқлар, масалан, зўравонлик, қуллик ва жинсий эксплуатациялар криминализация қилиниши зарур;

давлатлар жиноятнинг қимматини ва кўламини ҳисобга олиб, ҳуқуқий механизмларни шакллантириши ва содир этилган жиноятларнинг тараққиётга таъсирига қарши курашишлари зарур;

бир нечта давлатнинг юрисдикциясини бирлаштириш орқали одам савдоси ва унинг турли шаклларига қарши самарали курашишни таъминлаш керак.

Халқаро ҳуқуқ тизими инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ва одам савдосига қарши курашишда муҳим роль ўйнайди. Бу тизим доирасидаги асосий органлар ва механизмлар, шу жумладан БМТнинг ҳуқуқ бўйича механизмлари, давлатлардан амалга оширишдаги масъулиятни жойлаштириш ва мониторинг қилишни таъминлайди.

Хулоса ўрнида, мамлакатимизда айнан мана шу йўналишда амалга оширилган энг сўнгги янгиликларни эслатиб ўтиш жоиз деб биламан.

Хусусан, 2025 йил 20 майда “Одам савдоси жинояти учун жазо чоралари кучайтирилаётганлиги муносабати билан Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексининг 135-моддасига ўзгартириш киритиш тўғрисида”ги қонун кучга кирди¹. Мамлакатимизда фуқароларнинг ҳуқуқлари, эркинликлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш, одам савдосига қарши курашиш, ундан жабрланган шахсларни ҳар томонлама ҳимоя қилиш борасида тизимли ишлар олиб борилмоқда.

¹ Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодекси 135-модданинг иккинчи қисми Ўзбекистон Республикасининг 2025 йил 19 майдаги ЎРҚ-1065-сонли Қонуни таҳририда — Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 20.05.2025 й., 03/25/1065/0453-сон

Натижада одам савдосига қарши курашиш соҳасидаги ишлар тизимлаштирилди. Одам савдосидан жабрланганларни давлат томонидан қўллаб-қувватлаш, хориждаги Ўзбекистон Республикаси фуқароларини ҳуқуқий ҳимоялаш кучайтирилди.

Шу билан бирга, инсон ҳуқуқлари, эркинликлари ва қонуний манфаатларини ишончли ҳимоя қилиш билан боғлиқ айрим масалаларда, хусусан, одам савдоси жинояти учун мутаносиб санкциялар белгилаш зарурати вужудга келди.

Жиноят кодексининг 135-моддасида одам савдоси жинояти объекти бўйича оғирлаштирувчи банд сифатида ҳомиладор аёлга нисбатан, шунингдек, фоҳишалик билан шуғулланишга жалб этиш мақсадида содир этиш қайд этилмаган эди.

Шундан келиб чиқиб, қонун билан Жиноят кодексига юқоридаги қилмишларни содир этган шахсларга нисбатан оғирроқ жазо чораларини белгиловчи ҳамда ушбу қилмишни оғирлаштирувчи ҳолатларда содир этганлик учун жазони кучайтирувчи ўзгартиришлар киритилди.

Қонунга кўра, биринчидан, ҳомиладор аёлга нисбатан содир этилган одам савдоси қилмиши учун оғирлаштирувчи ҳолат сифатида Жиноят кодексининг 135-моддаси 2-қисми “ҳомиладор аёлга нисбатан” деган банд билан тўлдирилди¹.

Одам савдосини камайтириш учун ҳуқуқий чоралар етарли эмас — тизимли ёндашув, таъсирчан ҳамкорлик ва жабрланувчиларга амалий ёрдам ҳам зарур. Миллий қонунчилик халқаро меъёрларга мувофиқлаштирилиши керак, лекин бу жараёнда инсон манфаатлари марказда бўлиши шарт. Шунингдек, давлат органлари, жамоатчилик, ОАВ ва халқаро ташкилотлар ўртасида очиқ мулоқот ва масъулиятли ҳамкорлик зарур. Фақат шундагина одам савдосига қарши кураш самарали натижа беради.

¹ Одам савдоси жинояти билан боғлиқ жазо чоралари қанчалик кучайтирилди? // Электрон манбаа: https://uza.uz/uz/posts/odam-savdosi-zhinoyati-bilan-bogliq-zhazo-choralari-qanchalik-kuchaytirildi_723869 (Мурожаат санаси: 30.06.2025).

КАРИМОВА ДИЛРАБО ЭРГАШЕВНА

И.о. профессора кафедры
Предварительного следствия Академии
МВД Республики Узбекистан, доктор
философии (PhD) по юридическим наукам,
доцент

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРАН СНГ

***Аннотация.** В статье автором приводится сравнительно-правовой опыт взаимодействия правоохранительных органов стран Содружества независимых государств, в частности России, Казахстана, Беларуси и др. на стадии досудебного производства. Отмечается ведущий опыт развитых стран и даются предложения по их имплементации в национальное законодательство.*

***Ключевые слова:** взаимодействие, досудебное производство, СНГ, сравнительный анализ, следователь, полиция.*

***Аннотация.** Мақолада муаллиф Мустақил Давлатлар Ҳамдўстлиги мамлакатлари, хусусан, Россия, Қозоғистон, Беларусия ва бошқалар ҳуқуқни муҳофаза қилиш органларининг ишни судга қадар юритиш босқичидаги ўзаро ҳамкорлигининг қиёсий ҳуқуқий тажрибасини тақдим этади. Ривожланган мамлакатларнинг етакчи тажрибаси қайд этилиб, уларни миллий қонунчилигимизга татбиқ этиш бўйича таклифлар берилди.*

***Калим сўзлар:** ўзаро ҳамкорлик, ишни судга қадар юритиш, МДҲ, қиёсий таҳлил, терговчи, полиция.*

***Annotation.** In the article, the author provides comparative legal experience of interaction between law enforcement agencies of the countries of the Commonwealth of Independent States, in particular Russia, Kazakhstan, Belarus, etc. at the stage of pre-trial proceedings. The leading experience of developed countries is noted and proposals are given for their implementation in national legislation.*

***Key words:** interaction, pre-trial proceedings, CIS, comparative analysis, investigator, police.*

Зарубежное судопроизводство является неотъемлемой частью науки уголовно-процессуального права. Как справедливо отмечал по поводу значения зарубежного опыта французский ученый Р. Давид, что «обоснованные выводы в юриспруденции могут быть сделаны с полной ясностью, только если посмотреть на проблему со стороны,

выйти за рамки собственной правовой системы»¹. Кроме того, следует согласиться с мнением отечественных ученых, изучивших зарубежный опыт системы организации и профессиональной подготовки кадров и отмечающие о том, что задачу борьбы с преступностью невозможно решить без знания и учета практического опыта организации и функционирования полицейских систем ведущих государств мира².

С признанием стоит отметить, что в зарубежных уголовно-процессуальных нормах, содержится немало ценных научных идей, которые полезно обсудить в рамках отечественной правовой доктрины. А именно, анализ зарубежного опыта организации деятельности органов досудебного производства, позволяет лучше понять отечественный подход к их построению, выявить сильные и слабые стороны, определить, насколько он соответствует современным международным стандартам защиты прав и свобод личности³.

Безусловно, организация предварительного производства по уголовному делу (до передачи дела в суд) отличается чрезвычайным разнообразием в разных государствах. Принципиальное различие заложено уже на уровне принадлежности государства к англосаксонской или континентальной правовой системе с состязательным и смешанным типом уголовного процесса.

В мировом уголовном процессе выделяются две исторически сложившиеся модели досудебного производства: унитарная европейская (романо-германская) и федеративная англо-американская, качественно различающиеся по способу построения и функционирования в правоохранительном механизме государства, специфике нормативного регулирования, а также уровнем проникновения в процедуры и организационное построение

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1997. С. 20.

² Дилрабо Каримова Социально-правовое значение взаимодействия органов досудебного производства в раскрытии и расследовании преступлений // ОИИ. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pravovoe-znachenie-vzaimodeystviya-organov-debnogo-proizvodstvav-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 08.02.2025). ; Якубов А.С., Миразов Д.М., Асямов С.В., Таджиев А.А. Полиция зарубежных стран: система организации и опыт профессиональной подготовки кадров: Учебное пособие. – Т., 2010. – С.3.

³ Трефилов А.А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии 2007 года. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

розыскных и состязательных начал¹. В рамках одного типа процесса подходы к формам досудебной познавательной деятельности и предъявлению обвинения существенно разнятся.

Проблема взаимодействия органов досудебного производства существует не только в рамках внутреннего права, но и при осуществлении международного сотрудничества с зарубежными странами, в частности Содружества Независимых Государств. С. Е. Еркенов, исследуя проблемы взаимодействия правоохранительных органов стран СНГ при раскрытии и расследовании транснациональных преступлений, отмечает, что, «вопросы же расследования транснациональной преступности, в частности взаимодействия в борьбе с ними правоохранительных органов стран СНГ, остаются еще недостаточно исследованными. Между тем, именно этот аспект проблемы зачастую является ключевым в борьбе с данной категорией преступлений»².

По справедливому утверждению С.Н. Гордеева, хотя иностранные государства имеют разные уровни развития, традиции, инфраструктуры, другие специфические черты, придающие своеобразие стратегии и тактике их полицейских формирований, существуют и объективные предпосылки для применения зарубежного опыта, поскольку Узбекистану, как и другим странам, приходится решать немало сходных проблем в борьбе с преступностью³.

В России досудебное производство исторически сложилось под влиянием розыскного начала и характеризовалось письменностью и детальной регламентацией порядка. По замечанию Ю.В. Деришева, «необходимость в исследовании уголовного дела *prima facie* предопределена особыми условиями российского уголовного судопроизводства: прежде всего, географическими и демографическими особенностями страны, а также сложностями социально-политического и экономического характера, объективно ограничивающими оперативный доступ к правосудию и требующими обязательного досудебного исследования

¹Оболкина А.В. Модели предварительного (досудебного) производства по уголовным делам: Сравнительно-правовой анализ: автореф. к.ю.н., М., 2005. С.7.

²Еркенов С. Е. Взаимодействие правоохранительных органов стран СНГ при раскрытии и расследовании транснациональных преступлений: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. – М., 2000. – С.9.

³Гордеев С. Н. О розыске лиц, скрывшихся от органов правосудия (зарубежный опыт) // Узбекистон Республикаси ИИВ Академиясининг ахборотномаси. 2012. № 3. С.84-87.

обстоятельств дела, своеобразной “консервации”, сбережения доказательств “до суда и для суда”»¹.

Следует отметить, что двухэтапность уголовного судопроизводства впервые закреплена в УПК РФ, разделившим уголовное судопроизводство на два этапа — досудебное и судебное производство (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Тем самым законодатель подтверждает, что российский уголовный процесс устроен по европейскому (континентальному или французскому) типу, где предварительное производство, также как судебное, строго урегулировано уголовно-процессуальным законом. Такое разделение сформировалось исторически, по законам теории познания. Перед попаданием на стол судьи каждое преступление подвергается предварительному исследованию, для того чтобы сформировать у него образ происшедшего события и убедить его в причастности к деянию конкретного лица (лиц). Поскольку досудебное производство не только предваряет судебные стадии, но и обеспечивает их, создавая фундамент судебного разбирательства, исследование его сущности и правовой природы, речь о которых пойдет в следующем параграфе, позволяет уяснить закономерности и процедурные особенности².

Российское уголовное досудебное производство представляет собой прообраз континентальной модели с четким процессуальным порядком, разделением от юстиции. Его уникальность заключается в наличии стадии возбуждения уголовного дела, несудебной принадлежности органов расследования. Интересен, на наш взгляд, опыт России в организации взаимодействия полиции с общественностью. Закон Российской Федерации «О полиции»³ определил перспективы развития взаимоотношений полиции с гражданским обществом. Закон содержит ряд концептуальных идей, в числе которых: установление партнерской модели взаимоотношений полиции и общества; контроль гражданского общества за деятельностью полиции; закрепление нового имиджа сотрудника правоохранительных органов. «Партнерская модель»

¹Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. С. 381.

²Наумов К.А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России. Автореф. дисс...к.ю.н. Омск., 2021., С. 9.

³ Закон Российской Федерации № 3-ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011 г. // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

характеризуется усилением сотрудничества обеих сторон. Перспективы такого усиления заключаются в законодательном определении прав и обязанностей, закреплении правового статуса полицейского при решении вопросов взаимодействия, освобождения ведомства от несвойственных ему или дублирующих функций. Механизм реализации принципов взаимоотношений включает в себя обеспечение общественного доверия и сотрудничества с гражданами, установление общественного контроля, мониторинг деятельности полиции, участие граждан в реализации государственной политики, участие полиции в разработке и рассмотрении концепций, программ, инициатив общественных объединений и граждан, обсуждение вопросов деятельности полиции в средствах массовой информации. Основы взаимодействия и сотрудничества полиции с институтами гражданского общества, также как и в законодательстве нашей страны, определены соответствующей статьей Закона РФ «О полиции» о том, что полиция при выполнении возложенных на нее обязанностей взаимодействует с общественными объединениями, организациями граждан, использует их возможности, оказывает содействие общественным объединениям и организациям в обеспечении защиты прав и свобод граждан, а также поддерживает развитие гражданских инициатив.

Стоит отметить, что для большинства стран СНГ прослеживается стремление к отказу от наследия советского уголовного процесса. Например, уголовно-процессуальное законодательство Украины, Грузии, Эстонии, Молдовы, Казахстана не содержит стадии возбуждения уголовного дела в российском традиционном понимании, не разделяет предварительное расследование на дознание и предварительное следствие. Например, ст. 179 УПК Республики Казахстан признает началом досудебного расследования регистрацию заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований либо первое неотложное следственное действие. При отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, обстоятельства подлежат непроцессуальной проверке (ст. 185 УПК Республики Казахстан) ¹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (по сост. на 27 декабря 2019 г.). URL:http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_norm_baza_current/mvd_norm_baza_zakon_upk_kaz.pdf.

Эстонский уголовный процесс, как следует из ст. 193 УПК Республики Эстония, начинается с совершения первого следственного или иного процессуального действия¹.

В Республике Молдова начало процесса ассоциировано с постановлением о начале уголовного преследования (ст. 274 УПК Республики Молдова). В то же время молдавский процессуальный закон содержит аналог российской доследственной проверки — в течение 30 дней оценивается достаточность данных для уголовного преследования, которая устанавливается из актов осведомления или констатирующих актов².

Началом предварительного расследования на Украине (ст. 214 УПК Республики Украина) является внесение информации о преступлении в Единый реестр досудебных расследований в течение 24 часов с момента получения сообщения о преступлении³. Отказ во внесении сведений в реестр не допускается. Также стоит отметить, что в странах бывшего союза презюмирована монополия формы досудебного производства. В части из них по всем делам проводится предварительное следствие (например, Украина, Беларусь, Киргизия), в других дознание выступает единственной формой предварительного расследования (Молдова, Эстония, Грузия).

Признавая обоснованность сформулированных учеными предложений, можно обратиться к опыту преобразований, проведенных в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых постсоветских государств. Например, в УПК Республики Казахстан предусмотрен институт следственных судей (ст. 55), на которых возложено не только рассмотрение жалоб на действия и решения должностных лиц органов предварительного расследования, санкционирование отдельных следственных и процессуальных действий, но и депонирование показаний свидетеля и потерпевшего. Последнее из полномочий обеспечивает процессуальную экономию, поскольку депонированные показания могут быть оглашены в стадии судебного разбирательства без вызова этих лиц в суд. Статьи 190–191 УПК Казахстана

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Эстония (по сост. на 1 января 2020 г.). URL: <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused>.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова (по сост. на 1 января 2020 г.). URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=326970&lang=2>. 32

³ Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. М., 2012. С. 247.

регламентируют порядок осуществления досудебного расследования в ускоренной форме, что позволяет оптимизировать процессуальные сроки.

Достаточно интересно, что с марта 2018 г. в УПК Украины появились положения, усложняющие процедуру продления сроков досудебного расследования и побуждающие следователей и дознавателей максимально эффективно использовать общие сроки, установленные законом. Данные нормы способствуют повышению гарантированности права на разумный срок судопроизводства.

В соответствии с ч. 3 ст. 58 УПК Казахстана прокурор имеет право лично производить расследование, пользуясь при этом полномочиями следователя. Как видно, в УПК Казахстана прокурор осуществляет не только надзор за законностью, но и руководство предварительным расследованием, а в УПК Украины – в большей степени реализует надзорную функцию.

Для сравнения, в УПК РФ в современный период функция прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования имеет серьезный дисбаланс, поскольку дифференцируется в зависимости от формы расследования; кроме того, прямо определять начало и направление расследования прокурор уполномочен фактически только при производстве дознания¹.

Многочисленные дискуссии об объеме полномочий следователя, дознавателя, руководителя следственного органа и прокурора и характере взаимоотношений между ними, могут быть решены при трансформации предварительного производства, в том числе с учетом зарубежного опыта, включая отказ от стадии возбуждения уголовного дела и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, производство досудебной познавательной деятельности (расследования) под руководством прокурора, выдвижение прокурором обвинения по результатам расследования, некоторое расширение судебного контроля в досудебном производстве (для рассмотрения ходатайств участников, не наделенных властными полномочиями, в удовлетворении которых отказано органами предварительного

¹ Каримова, Д. (2021). 2023). Значение прокурорского надзора во взаимодействии в досудебном производстве. Results of national scientific research, 2(2), 60–70. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7684020>

расследования), разработка эффективных упрощенных и ускоренных процедур в предварительном производстве¹.

Полностью поддерживаем мнение Л.Н.Масленниковой и К.А.Таболиной о том, что самостоятельным направлением совершенствования досудебного производства должны стать внедрение цифровых технологий, включая установление *цифрового взаимодействия государственных органов и населения через единую защищенную цифровую онлайн-платформу* (курсив автора); создание механизма подачи заявлений о преступлении через специальный онлайн-сервис, интегрированный в указанную цифровую платформу². Поскольку, рационализация уголовного судопроизводства путем активного использования цифровых технологий позволит отступить от излишней бумажной волокиты, экономии времени, а также необоснованного отказа в возбуждении, приостановлении и прекращении уголовных дел, что, в свою очередь, обеспечит права участников уголовного процесса и доверие граждан к правосудию³.

Для развития внедрения информационных технологий должна меняться организация получения криминалистически значимой информации в электронном виде для принятия промежуточных решений. Приоритетом должны стать обретение цифровых навыков и знаний сотрудниками правоохранительных органов и действительное понимание возможностей, которые дают технологии.

Творческое осмысление и использование зарубежного опыта позволит лучше понять современные проблемы, даст возможность

¹ Вилкова Т. Ю. Организация досудебного производства по уголовным делам в России и за рубежом как фактор обеспечения доступа к правосудию // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина. 2020. №10. (74). С. 167-179.

² Масленникова Л. Н., Таболина К. А. Оптимизация надзора прокурора за принятием решений, обеспечивающих доступ к правосудию, в условиях развития цифровых технологий // Законность. — 2019. — № 7 (1017). — С. 18—22.

³ Каримова, Д. (2022). Внедрение в досудебном производстве ведомственного электронного взаимодействия – императивное требование времени. Противодействие правонарушениям в сфере цифровых технологий и вопросы организационно-правового обеспечения информационной безопасности, 1(01), 296–303. извлечено от https://inlibrary.uz/index.php/digital_technology_offenses/article/view/7511

определить закономерности¹ развития теории и практики которые трудно выявить без тщательного анализа.

**KHIDOYATOV BAKHTIYOR
BOTIROVICH**

Professor of Tashkent State
University of Law

**GENESIS OF FORMS OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN THE
CRIMINAL PROCESS OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN**

Before the Russian conquest of Turkestan, feudal states existed on the territory of present-day Uzbekistan - the Kokand and Khiva Khanates, as well as the Bukhara Emirate. There were no organs of inquiry and preliminary investigation during that period in these states, therefore preliminary investigation of crimes was not conducted. Justice was administered based on religious teachings. In judicial proceedings there was no concept of preliminary investigation at all².

After the Russian conquest of Turkestan, preliminary investigation of crimes continued to be absent there.

Later in Turkestan, the principles of the Russian judicial statutes of 1864 began to be introduced and a system of prosecutorial supervision and investigative bodies was established. Investigation began to be conducted in the form of inquiry and in the form of preliminary investigation. However, inquiry often began to replace preliminary investigation, because the tsarist government, in order to protect its interests, i.e., to fight against the activities of progressive elements, sought to use not preliminary investigation against these elements, but inquiry - accelerated investigation and bringing them to trial. For this purpose, it used officials of the Turkestan Security Department of the Ministry of Internal Affairs and the gendarme-police administration of cities³.

¹ Подробнее: Каримова, Д. (2021). Совершенствование взаимодействия органов досудебного производства в условиях развития цифровых технологий. *Юрист Ахборотномаси*, 2(2), 80-85.

² Abdumajidov G. Investigation of Crimes: A Procedural-Legal Study. T.: Uzbekiston, 1986. – P.14-15.

³ Abdumajidov G. Development of Legislation on Criminal Investigation. T.: Uzbekistan, 1974. – P.9.

After the October Revolution, in order to protect the revolutionary order and fight against counter-revolution, an investigative-legal department was formed, which became the first body of preliminary investigation.

Pre-trial proceedings initially received regulation in the instruction of the NKVD and NKJ on the organization of the Soviet workers' and peasants' militia, adopted in 1918. Paragraph 27 of the said instruction assigned the duties of inquiry into criminal offenses to the Soviet militia. The scope of its activities in conducting inquiries was outlined in paragraph 28 of the instruction. The following was assigned to the jurisdiction of the militia: conducting searches and inquiries in criminal cases under the guidance and instructions of judges and investigative commissions. In the concluding part of paragraph 27, it was emphasized that when conducting inquiries, militia officials should be guided by the corresponding regulations of the Workers' and Peasants' Government.

Thus, the militia was the first body to which inquiry functions were assigned in the Soviet criminal process. Although the number of investigative actions performed by the militia was limited to only three (search, seizure, and examination), this already established the principle on which modern inquiry is built - the conduct of urgent investigative actions by inquiry bodies¹.

The activities of all bodies of preliminary investigation and inquiry were regulated by provisions that also contained rules for conducting individual investigative actions. In addition, the procedure for detention, search, and some other actions affecting the personal rights and freedoms of citizens was regulated by instructions of the corresponding bodies.

The resolution of issues regarding improving the quality of investigation was directly connected in those years with the organization and activities of courts. Accordingly, the jurisdiction of cases to people's judges was determined. Thus, according to the first republican act on people's judges - the "Instruction on the Organization and Operation of Local People's Courts" of November 16, 1918, the conduct of investigation in cases under the jurisdiction of the local people's court was assigned to the judge; in complex cases subject to consideration in the people's court with the participation of six people's assessors, and in cases assigned to the jurisdiction of district courts - to investigative

¹ Portnov V.P. Procedural Forms of Inquiry in 1919-1920 // Jurisprudence.- 1969.- No. 2.- P.11-12.

commissions consisting of three persons, established by decree on court No. 2. According to the Regulation on People's Courts of November 30, 1918, preliminary investigation in criminal cases examined by the people's court with the participation of six people's assessors was assigned to county and city investigative commissions. For other criminal cases, the people's court could either limit itself to the inquiry conducted by the militia, or transfer the case to the investigative commission for conducting preliminary investigation. A defense attorney in the process of investigating criminal cases had the right to participate from the moment a person was charged as an accused. However, both the investigative commission and the judges investigating the case could refuse to allow the defense attorney to participate in the case if the interests of establishing the truth required it¹.

On January 18, 1921, a new Regulation on the People's Court of the Turkestan ASSR was issued. Many articles of this document regulated the procedure for conducting preliminary investigation. Investigative commissions were replaced by individual people's investigators. This meant the separation of investigation and judicial examination of criminal cases. Now it was not the people's judge, but the district people's investigator who independently initiated criminal cases, conducted necessary investigative actions, and imposed and revoked preventive measures. The transition from investigative commissions to individual investigators became one of the important moments in the organization of preliminary investigation.

The first Criminal Procedure Code of the RSFSR adopted in 1922 significantly expanded the number of inquiry bodies. It more clearly defined the tasks of inquiry and increased the range of investigative actions that inquiry bodies could conduct. The following were classified as inquiry bodies: militia and criminal investigation bodies; GPU bodies; tax, food, sanitary, technical, trade inspection bodies, and labor inspection bodies. Inspections could conduct inquiries only in cases assigned by law to their jurisdiction.

The Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1922, which was also in effect on the territory of the Turkestan ASSR, distinguished between inquiry in cases where preliminary investigation was not mandatory, and inquiry in cases where conducting preliminary investigation was mandatory. In cases of the first group, inquiry materials fully replaced acts

¹ Abdumajidov G. Investigation of Crimes. – T.: Uzbekiston, 1986. P.29-30.

of preliminary investigation and served as sufficient grounds for consideration of the case in court on its merits (Article 107 of the CPC of the RSFSR of 1922). In cases of the second group, where certain investigative actions had already been conducted by inquiry bodies, Article 111 of the said CPC stated that the investigator, having recognized the inquiry materials as complete and the case as sufficiently investigated, had the right not to conduct thorough preliminary investigation, but merely to limit himself to presenting charges, interrogating the accused, and drawing up an indictment.

According to the CPC of the RSFSR of 1922, inquiry was regarded as the simplest investigation, conducted in uncomplicated criminal cases (Article 107 of the CPC). In more complex and important cases, inquiry consisted of conducting urgent investigative actions, after the completion of which the inquiry bodies transferred the case to the investigator for conducting further preliminary investigation (Article 108 of the CPC).

The CPC of the RSFSR in its new edition was put into effect on February 15, 1923, and in the same year its operation was extended to the territory of the Turkestan ASSR.

The boundaries between inquiry and investigation established by the CPC of 1922 and the CPC of 1923 began to practically disappear as early as 1924, after the 5th All-Russian Congress of Soviet Justice Workers. The Congress recognized the need to significantly bring inquiry and investigation closer together, proceeding from the fact that "the difference between them lies in the complexity of the objects of investigation themselves, which are the subject of their competence." Therefore, the differences between them are reduced, in essence, to functional delimitation.

On June 16, 1926, the Presidium of the Central Executive Committee of the UzSSR approved the first CPC and put it into effect from July 1, 1926.

The eighth chapter of this Code was devoted to inquiry bodies, and it began with a list of inquiry bodies, which were: militia and criminal investigation bodies, GPU bodies, tax, sanitary, technical, trade inspection bodies and labor inspection bodies in cases assigned to their jurisdiction; government institutions and officials in cases concerning illegal actions of persons subordinate to them.

In accordance with Article 97 of the CPC of the UzSSR of 1926, inquiry bodies in crimes where conducting preliminary investigation was mandatory before the investigator entered the case, had the right to

conduct interrogations of witnesses and suspects, seizure, search, examination and medical examination, as well as to detain a person suspected of committing a crime.

About the detention of a suspect, the inquiry body was obliged to notify the investigator and prosecutor within 24 hours, and regarding cases under its own jurisdiction - the court.

The time limit for conducting inquiry was established as no more than one month (Article 103 of the CPC). Extension of this term by anyone was not provided for.

Chapter nine established general conditions for conducting preliminary investigation, which stated that preliminary investigation was mandatory in cases under the jurisdiction of regional courts and military tribunals, and in other cases it could be conducted by resolution of the people's court or at the suggestion of the prosecutor. Preliminary investigation had to be completed within two months from the day of announcing to the suspect the resolution on charging him as an accused. If it was impossible to complete the investigation within this time, the investigator was obliged to inform the prosecutor about the reasons delaying the completion of the investigation. The procedure for extending the investigation term was not established. Preliminary investigation in cases under the jurisdiction of regional courts was conducted by people's investigators and investigators attached to regional courts, under the supervision of the corresponding prosecutor. In all cases, the investigator was obliged to present charges, interrogate the accused, and draw up an indictment (Article 108).

The practice of applying the CPC of the UzSSR, in particular the state of pre-trial proceedings, depended on a number of legislative acts and directive instructions from leading bodies adopted in these years. Thus, according to the Regulation on the People's Commissariat of Justice of the UzSSR adopted in December 1925, it was entrusted with general supervision of investigative bodies and the prosecutor's office¹. The prosecutor's department of the People's Commissariat of Justice possessed the right of criminal prosecution, supervised the activities of investigative bodies, inquiry bodies, and the GPU. With the adoption of the resolution of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the UzSSR of October 27, 1928 "On the Procedure for Managing Judicial Bodies of the UzSSR," one of the deputy people's commissars of

¹ Collection of Laws of the UzSSR, 1925, No. 16, Article 174.

justice was considered the prosecutor of the republic and the other - the chairman of the Supreme Court of the UzSSR¹. This was the first step toward separating the prosecutor's office from judicial institutions. By resolution of the Central Executive Committee of the USSR of December 1, 1928, the investigative apparatus was subordinated to the prosecutor's office². In practice, the transfer of investigators to the prosecutor's office strengthened and expanded the competence of investigators in exercising prosecutorial functions in relation to inquiry bodies. Investigators not only began to supervise the activities of inquiry bodies, but also to approve indictments in cases completed by inquiry bodies, transfer accused persons to court, participate in procedural sessions, and act as state prosecutors at court sessions in these cases (Articles 94, 97, 102, etc. of the CPC of the UzSSR of 1926).

On June 29, 1929, a new (second) Criminal Procedure Code of the UzSSR was adopted, which was put into effect on August 1 of the same year.

G.A. Abdumajidov rightly points out that the desire to make the law simple and easily accessible to working people actually led to the abandonment of many achievements of procedural science, the exclusion of a number of norms of the existing CPC of the UzSSR that had quite justified themselves in practice. The previous CPC had many shortcomings, but the CPC of 1929 did not eliminate them, but increased them³.

Article 4 of this CPC of the UzSSR stated: "Preliminary investigation is conducted by investigators, militia, criminal investigation, bodies of the unified GPU, special inspections in cases under their jurisdiction, and other authorities that have been granted the right to conduct investigation by special laws."

The right to conduct investigation was also possessed by:

legal counsels of institutions, organizations, and enterprises; 2) chairmen and members of audit commissions of consumer cooperatives; 3) instructors of the system of the Uzbek State Trust for Wholesale and Retail Trade; 4) inspectors of financial and budgetary inspection.

¹ Collection of Laws of the UzSSR, 1928, No. 44, Article 292.

² Collection of Laws of the UzSSR, 1928, No. 49, Article 322.

³ Abdumajidov G. Development of Legislation on Criminal Investigation. – T.: Uzbekiston, 1974. P.36, 44-46.

The aforementioned inquiry bodies were recognized, as provided by Article 4 of the CPC of the UzSSR of 1929, as "other authorities that have been granted the right to conduct investigations by law."

It should be noted that the rights of the listed inquiry bodies to initiate criminal cases were somewhat limited, as the aforementioned officials, when issuing a resolution on initiating a criminal case, were obliged to send a copy of this resolution to the supervising prosecutor and receive confirmation from him of his agreement with the resolution. Only in this case was the case considered initiated¹.

From the content of Article 4 of the CPC of the UzSSR of 1929, it is evident that it lacks the concepts of inquiry and preliminary investigation, as these two concepts were combined into one general concept of "preliminary investigation." The CPC set common tasks for these two institutions and regulated them in terms of investigation deadlines and the scope of case jurisdiction.

Along with this, Article 10 of the CPC of 1929 granted investigators the right to transfer any case to inquiry bodies for its complete investigation. In practice, such a provision led to a significant blurring of the boundaries between preliminary investigation and inquiry and to a sharp reduction in the number of cases investigated by investigators.

Thus, by the end of the 1920s, the boundary between inquiry and preliminary investigation began to blur, as investigators and prosecutors began to widely use the right granted to them to transfer criminal cases to inquiry bodies for investigation, cases for which preliminary investigation should have been conducted. It took many years to become convinced of the erroneousness of this path².

According to all-union laws adopted in 1934-1936, the rights to conduct preliminary investigation came to be held by state security management bodies in cases of state crimes and crimes against the order of administration, fire protection bodies in cases of violations of fire safety rules, and state automobile inspection bodies - in cases of violations of street traffic rules for motor transport, automobile accidents, improper use and criminally negligent attitude toward transport, and violations of discipline in motor transport.

The CPC of the UzSSR of 1929 did not draw a sharp boundary between the prosecutor and investigator in conducting investigation and

¹ Khusanov M.T. Preliminary Investigation in the Uzbek SSR.- T.: Uzbekiston, 1983.- P.20-22.

² Krylov I.F. Bastrykin A.I. Search, Inquiry, Investigation: Textbook.- L.: LSU Publishing House, 1984. – P.105.

supervision over it. In essence, the investigator was a prosecutor in relation to other investigative bodies. This situation was corrected by the directive letter of the Prosecutor of the Republic of November 20, 1933 "On the Restructuring of Supervision over Investigation and Investigative Work." This letter assigned both supervision and guidance of investigation to prosecutors¹.

There were no clear procedural boundaries between inquiry and preliminary investigation until the mid-1950s. These clear boundaries between them appeared after the adoption of such acts as the Regulation on Prosecutorial Supervision in the USSR of May 24, 1955, and the Fundamentals of Criminal Procedure of the USSR and Union Republics of December 25, 1958.

After the adoption of the Fundamentals of Criminal Procedure of the USSR and Union Republics, on May 21, 1959, the Criminal Procedure Code of the Uzbek SSR was approved and put into effect from January 1, 1960.

It was still based on such historically formed components of criminal procedure as publicity ensuring the dominance of state bodies and material truth obliging them to comprehensively, fully, and objectively investigate the circumstances of a criminal case, which corresponded to the continental legal nature of domestic criminal procedure. At the same time, the content of criminal procedural activity changed through the transformation of pre-trial proceedings into two independent stages: initiation of a criminal case and preliminary investigation, as well as a significant prosecutorial bias, which led to the loss of defense influence in judicial proceedings and its actual absence in pre-trial proceedings².

The Fundamentals and the CPC of the UzSSR of 1959 established two forms of preliminary investigation of criminal cases: inquiry and preliminary investigation, and provided an exhaustive list of preliminary investigation bodies. Inquiry consisted of two forms: the first encompassed conducting inquiry in full scope in cases where conducting preliminary investigation was not mandatory, and the second form of inquiry consisted of conducting urgent investigative actions and transferring the case to an investigator in cases where preliminary investigation was considered mandatory.

¹ Central State Archive of the UzSSR, fond R-904, inventory 9, file 208, sheets 1-3.

² Azarenok N.V. Evolution of Domestic Criminal Process as Continental Form Proceedings. – Yekaterinburg: UrGYuU, 2021. P.121-122.

According to Article 28 of the Fundamentals and Article 97 of the CPC of the UzSSR, inquiry bodies included:

- 1) militia bodies (militia);
- 2) commanders of military units, formations and heads of military institutions – in cases of all crimes committed by subordinates or military personnel, as well as persons liable for military service during service or training camps; in cases of crimes committed by non-military personnel working in military institutions and military units, or at the disposal of an institution or unit;
- 3) heads of correctional labor institutions – in cases of crimes committed on the premises of correctional labor institutions;
- 4) state fire supervision bodies – in cases of fires and violations of fire safety rules;
- 5) border guard bodies – in cases of violations of the state border;
- 6) state security committee bodies – in cases where they conduct preliminary investigation.

From the above, it is evident that the list of inquiry bodies did not include sanitary, technical, trade inspections, etc., as the legislators decided to deprive these institutions of the right to conduct inquiry. Preliminary investigation was conducted by investigators of the prosecutor's office, internal affairs bodies, and state security.

According to the CPC of the UzSSR of 1959, the participation of a defense attorney was provided for during preliminary investigation, while during inquiry as a simplified form of investigation, a defense attorney did not participate¹.

Chapter 16 of the CPC of the UzSSR of 1959 listed the rights and duties of the prosecutor in supervising the enforcement of laws during preliminary investigation and inquiry, issues to be resolved by the prosecutor in a case received with an indictment, and his decisions on them, etc.

In the Soviet period, the peculiarity of criminal procedural activity consisted in the dominant position of state bodies, when any issue arising in the process was resolved either by an official individually or by his superior. Other participants, particularly suspects and accused persons, were assigned the role of extras, meekly observing the work of the

¹ Abdumajidov G. Development of Legislation on Criminal Investigation. – T.: Uzbekiston, 1974. P.95.

investigator. The driving force of the entire process was the public interest¹.

On September 22, 1994, the CPC of the Republic of Uzbekistan was adopted and entered into legal force on April 1, 1995, whose pre-trial proceedings mandated the conduct of preliminary investigation in all criminal cases.

The conduct of preliminary investigation was assigned to investigators of the prosecutor's office, internal affairs bodies, and the National Security Service. Prosecutors could also conduct preliminary investigation.

The conduct of inquiry was limited to carrying out urgent investigative actions and mandatory transfer of the case to an investigator.

The conduct of inquiry was assigned to the following inquiry bodies:

1) militia; 2) commanders of military units, formations, heads of military institutions and educational establishments; 3) national security service bodies; 4) heads of management bodies of the penal system of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, heads of institutions executing punishment in the form of arrest, correctional colonies, educational colonies, pre-trial detention centers and prisons; 5) state fire supervision bodies; 6) border guard bodies; 7) captains of sea vessels on long voyages; 8) state tax and customs service bodies.

The list of inquiry bodies was modified several times, and until September 6, 2017, in accordance with Article 339 of the CPC of the Republic of Uzbekistan, inquiry consisted of conducting urgent investigative actions.

According to the current CPC, after the reform of inquiry on September 6, 2017 and the determination of the list of bodies carrying out pre-investigation checks, as well as based on the tasks and powers of bodies carrying out pre-investigation checks, it becomes clear that such tasks as taking necessary measures, including the use of scientific and technical means, in order to detect signs of crime and persons who committed it, identifying data that can be used as evidence in a criminal case after their verification in accordance with the rules of the criminal procedure code, and some of these bodies are entitled to conduct operational-investigative measures for these purposes, which were

¹ Azarenok N.V. Evolution of Domestic Criminal Process as Continental Form Proceedings. – Yekaterinburg: UrGYuU, 2021. P.120.

previously assigned to inquiry bodies, are now assigned to bodies carrying out pre-investigation checks.

Currently, the bodies carrying out pre-investigation checks are listed in Article 391 of the CPC of the Republic of Uzbekistan.

Inquiry ceased to be an activity of state bodies and officials specially authorized by criminal procedural law, carried out in the form of conducting urgent investigative actions in initiated criminal cases for the purpose of solving, suppressing and preventing crimes, and became a simplified form of investigation. Inquiry, like preliminary investigation, is now a form of investigation as indicated in Article 320³ of the CPC of the Republic of Uzbekistan, and in accordance with Article 320¹ of the CPC of the Republic of Uzbekistan, together with pre-investigation check, it is a form of pre-trial proceedings.

The participation of a defense attorney in pre-trial proceedings according to the current CPC is provided from the moment of actual detention of a person or from the moment of familiarizing a person with the resolution on involving a person in the case as a suspect. Unlike previous criminal procedural laws, the current CPC established real participation of a defense attorney in pre-trial proceedings, which is expressed in drawing up a protocol of refusal of a defense attorney, which requires signatures not only of the investigator, suspect, accused, but also of the defense attorney - lawyer himself.

Prosecutors are entrusted with supervision in the stages of pre-trial proceedings, as well as the right to submit petitions to court for the application of certain measures of procedural coercion and obtaining permission for conducting certain investigative actions according to Article 382 of the CPC of the Republic of Uzbekistan.

The powers of the investigating judge in pre-trial proceedings are listed in Article 31(1) of the CPC of the Republic of Uzbekistan.

Thus, the genesis and formation of pre-trial proceedings in the criminal process of Uzbekistan within the framework of a mixed model has formed today a system of public authorities - pre-investigation check, inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and court.

Along with state bodies and officials responsible for criminal proceedings, a lawyer also operates in pre-trial proceedings as a professional jurist protecting the rights and legitimate interests of suspects and accused persons, as well as defending the rights and legitimate interests of witnesses and victims. This system has changed and developed through evolution. It is evident that in this system of pre-trial

proceedings, the key participants are the investigator conducting inquiry and the investigator conducting preliminary investigation, who are procedurally independent participants in pre-trial proceedings in the criminal process of Uzbekistan.

Based on the above and on the basis of the conducted analysis, the following stages of the emergence and development of pre-trial proceedings in the criminal process of the Republic of Uzbekistan can be identified:

First stage - the emergence of pre-trial proceedings and investigation in the period before the October revolution (1864-1917).

Second stage - the adoption of legislative acts on pre-trial proceedings and preliminary investigation after the October revolution and before the adoption of the CPC of the UzSSR (1917-1924).

Third stage - the development of pre-trial proceedings in the Soviet period according to the norms of the first, second and third CPC of the UzSSR (1926-1994);

Fourth stage - the formation and reform of modern pre-trial proceedings according to the CPC of the Republic of Uzbekistan (1995 - to the present).

DILFUZA ABDULLAEVA

Associate professor of the Department of
International law and human rights
of the Tashkent State University of Law (PhD)

THE CONCEPT OF INTERNATIONAL LABOR DISPUTES AND THEIR FEATURES

Abstract. *This article examines the theoretical and legal foundations of the concept of international labor disputes, as well as highlights their key features in the context of the modern system of international labor law. The differences between domestic and international labor conflicts are analyzed, the nature of cross-border labor relations is revealed, and the approaches used in the practice of international intergovernmental organizations such as the ILO and the United Nations are systematized. Special attention is paid to the classification of international labor disputes, their procedural resolution, as well as the role of alternative settlement mechanisms.*

Keywords: *International labor law, international labor disputes;, cross-border labor relations; international organizations;, International Labor Organization*

(ILO), collective labor disputes, individual labor disputes, international norms and standards.

International labor disputes are conflicts or disagreements between employees and employers that are transnational in nature. They may arise as a result of non-compliance with labor laws, insufficient protection of workers' rights, incorrect application of international labor standards, or other reasons. Resolving international labor disputes often requires the involvement of international organizations, Governments, trade unions, and other stakeholders.

International labor disputes are a complex and multifaceted problem that scientists look at from different perspectives. Some scientists believe that such disputes may be the result of differences in legal norms between countries, as well as socio-economic conditions. Other researchers emphasize the importance of international coordination and cooperation to resolve such disputes peacefully. In general, scientists recognize that international labor disputes require careful study and the development of integrated approaches to resolve them.

A.F.Shishkin defines international labor disputes as labor conflicts that arise between employees from different countries or between employees and employers from different countries. S.N. Egorov believes that international labor disputes are disagreements and conflicts of interest on labor—related issues that arise between the subjects of a labor contract, one of which is a foreign citizen. M.A.Abramova gives the following definition: an international labor dispute is a dispute arising from labor relations involving foreign workers and their employers, complicated by the fact that the parties, as a rule, are subject to the legal systems of different states.¹

In our opinion, the following can be distinguished as signs of international labor disputes:

The parties to the dispute are employees and employers from different countries.

The subject of the dispute is related to the employment relationship. The dispute arose due to disagreements on the issue of respect for labor rights. The dispute is resolved using international law.

¹ Кольяр К.-А. Международные организации и учреждения: пер. с фр. З.И. Луковниковой и А.С. Маликова / Под ред. и со вступительной статьей В.Г. Шкунаева. – М.: Прогресс, 1972. – С. 491-492

The formation of international organizations and the emergence of international labor disputes are largely due to the growth of globalization and increased cooperation between countries. International organizations such as the United Nations, the European Union, the World Bank, and others are created to coordinate the efforts of participating countries in solving global problems such as peace and security, economic development, environmental protection, and others.

Disputes between international organizations and their employees on labor issues can be caused by various reasons, such as disagreement with working conditions, violation of workers' rights, conflicts in the team, and others.

As D.V.Petrov (a Professor at MGIMO) points out, «international employees often find themselves in a vulnerable position due to the lack of national remedies and a limited range of permissible claims in administrative tribunals»¹.

The emergence of the international civil service is associated with the need for qualified specialists who are ready to work at the global level. The International Civil Service is a professional community of employees working in international organizations, also called international bureaucracies. These organizations require qualified specialists in various fields, from politics and diplomacy to economics, science and technology.

International organizations provide a unique environment for international civil servants to work, opportunities to participate in global projects, and the application of international experience and skills.

It should be noted that due to the recognition of international organizations as independent subjects of international law with their own powers and functions, their activities became independent by the 1930s. In the 20th century, when international officials continued to appeal to national courts with complaints of violations of their rights, the courts began to actively reject such complaints, arguing that national law was not applicable to the settlement of disputes between international organizations, and emphasizing the inapplicability of national law to regulate the relevant relations².

The Convention on the Privileges and Immunities of the United Nations contains a provision stating that the organization establishes rules

¹ Петров Д.В. Иммуниет международных организаций и трудовые права служащих. МГИМО, 2021.

² Механизмы рассмотрения трудовых споров между международными межправительственными организациями и их служащими. Попова Александра Николаевна.

for regulating various dispute resolution methods arising from contracts and other private disputes in which the United Nations is a party, as well as disputes involving UN officials with immunity¹.

A similar provision is contained in the 1947 United Nations Convention on the Privileges and Immunities of Specialized Agencies².

The emergence of international organizations in the 20th century led to the need to create mechanisms for resolving labor disputes between International Organizations and their employees. In general, the evolution of these mechanisms can be divided into the following stages:

Establishment of Administrative Tribunals (includes 1946-1949)

In 1946, the International Labour Organization established the ILO Administrative Tribunal to hear complaints from the Organization's staff. In 1949, UNESCO established the UNESCO Administrative Tribunal, which also served other specialized agencies of the United Nations system.

Establishment of the International Administrative Tribunal (1950-1967)

In 1950, the United Nations General Assembly established the International Administrative Tribunal to hear complaints from employees of the United Nations Atomic Energy Commission and the International Refugee Organization. In 1967, the International Administrative Tribunal was reorganized and began to consider disputes from all UN organizations.

Establishment of the United Nations Staff Dispute Tribunal

In 1979, the UN General Assembly Resolution 34/171 established the UN Personnel Dispute Tribunal, which served International Organizations that were not specialized UN agencies³.

Creation of the Joint Administrative Tribunal (1983)

1983: The UDT and the IWA were merged into the Joint Administrative Tribunal (UAT) with a single code of procedure.

According to A. Popova, “administrative tribunals at international organizations do not always meet the requirements of complete independence from the employer, which can reduce the confidence of

¹ Статут Международного Суда ООН. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г. // СПС «Гарант». Ст. 34.

² Конвенция ООН о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений. Нью-Йорк, 21 ноября 1947 г.

³ Богданов О.В. Иммуниет сотрудников ООН // Штаб-квартира ООН в Нью-Йорке. Международно-правовые аспекты / О.В. Богданов. – М.: Международные отношения, 1976. – С. 58-75

employees”¹. Some experts suggest that cases should be referred to international specialized tribunals established on the basis of interstate agreements.

In addition, there are special mechanisms for resolving disputes with staff members on peacekeeping operations or in the judicial bodies of the UN system. For example, in 2019, the UN Peacekeepers Labor Dispute Tribunal was established to handle disputes with employees of UN peacekeeping missions.

Labor disputes in international intergovernmental organizations have their own peculiarities due to the specifics of such organizations. Firstly, employees in international organizations often have different nationalities, which can make it difficult to understand and resolve disputes due to cultural differences. In addition, labor laws and standards may vary from country to country, which also affects the nature of disputes.

Another feature is the involvement of international intergovernmental organizations in the resolution of labor disputes, which can lead to more complex procedures and the involvement of various parties, including Member States, governing bodies and international experts. In addition, international intergovernmental organizations usually have their own dispute resolution procedures and mechanisms that differ from national systems.

All these features require special attention and expertise when resolving labor disputes in international intergovernmental organizations.

Labor disputes in international intergovernmental organizations can arise due to various reasons, such as insufficient protection of workers' rights, problems with wages, working conditions, pace of work, etc. According to Gulasaryan, they may also be related to discrepancies in the interpretation of international labor standards, non-compliance with legislation or improper management².

The resolution of labor disputes in international intergovernmental organizations is often carried out through special procedures established by the organization itself. This may include mediation, arbitration, and

¹ Попова А. Е. Механизмы рассмотрения трудовых споров между международными межправительственными организациями и их служащими: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. Е. Попова. — Москва, 2020. — 31 с

² Гуласарян А.С. Ответственность международных организаций и международные административные трибуналы // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 7 (62). – С. 42-4

other forms of alternative dispute resolution. It is important to note that international intergovernmental organizations may have a special legal status that differs from national legislation.

It should also be noted that in addition to the option of judicial protection of the rights of international workers, international organizations provide the opportunity to consider such disputes through other mechanisms, the activities of which will be highlighted in the following studies.

**КОМИЛОВ АВАЗБЕК
БОКИЖОНОВИЧ**

Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси кафедра
бошлиғи, ю.ф.ф.д. (PhD), доцент

**ҚОНУНЛАР ИЖРОСИ УСТИДАН ПРОКУРОР
ТЕКШИРУВЛАРИГА “ХАВФНИ ТАҲЛИЛ ЭТИШ”
ТИЗИМИНИ ЖОРИЙ ЭТИШ МАСАЛАЛАРИ**

***Аннотация:** Мазкур мақола қонунлар ижроси устидан прокурор текширувларига “хавфни таҳлил этиш” тизимини жорий этиш масалаларига бағишланган. Муаллифнинг фикрига кўра, “хавфни таҳлил этиш” тизими бир қатор ижобий жиҳатларга эга бўлиб, бу борада қатор олимларнинг қарашларини таҳлил қилади. Муаллиф баъзи ўринларда улар билан илмий баҳсга киришади. Мақолада прокурор текширувларига ҳам “хавфни таҳлил этиш” тизимини жорий этиш зарурлиги илмий ва амалий мисоллар орқали исботлаб берилган. Шу билан бирга, прокурор назорат фаолияти ва текширувларига “хавфни таҳлил этиш” тизимини жорий этиш учун тегишли ҳуқуқий ва ташкилий чора-тадбирлар кўрилиши лозимлиги таъкидланади.*

***Калит сўзлар:** қонунлар ижроси юзасидан прокурор назорати, прокурор, прокурор текшируви, “хавфни таҳлил этиш” тизими.*

***Аннотация:** Данная статья посвящена вопросам внедрения системы «риск-анализа» в прокурорские проверки за исполнения законов. По мнению автора, система «риск-анализа» имеет ряд положительных моментов. Автор анализирует взгляды ряда учёных по данному вопросу. В некоторые моменты автор вступает с ними в научную дискуссию. В статье на научных и практических примерах показана необходимость внедрения системы «риск-анализа» в прокурорские проверки. При этом подчёркивается необходимость*

принятия соответствующих правовых и организационных мер по внедрению системы «риск-анализа» в надзорную и проверочную деятельность прокурора.

Ключевые слова: прокурорский надзор за исполнением законов, прокурор, прокурорская проверка, система «риск-анализа».

Annotation: This article is devoted to the issues of implementing the «risk-analysis» system in prosecutorial inspections over the enforcement of laws. In the author's opinion, the «risk-analysis» system has several positive aspects. The author analyzes the views of several scholars on this issue. At certain points, the author engages in scientific discussion with them. The article illustrates, through scientific and practical examples, the necessity of implementing the «risk-analysis» system in prosecutorial inspections. It emphasizes the need to adopt appropriate legal and organizational measures for the introduction of the «risk-analysis» system in the supervisory and inspection activities of the prosecutor.

Key words: prosecutorial supervision over the execution of laws, prosecutor, prosecutorial inspection, «risk-analysis» system.

Маълумки, 2018 йилнинг июль ойида Ўзбекистон қонунчилигида муҳим ўзгариш юз берди. Миллий қонунчиликдаги ушбу ўзгаришлар мамлакатда тадбиркорлик фаолиятининг тўсқинликсиз амалга оширилишини таъминлаш, бизнес юритиш учун қулай шарт-шароитлар яратиш ва республиканинг инвестициявий жозибадорлигини оширишга қаратилган кенг кўламли ислохотларнинг узвий давоми бўлди. Шу билан бирга, қонунчиликдаги ўзгаришлар тадбиркорлик соҳасидаги тизимли муаммоларни бартараф этиш, бизнесни ривожлантириш йўлидаги тўсиқларни бартараф этиш, юртимизга хорижий инвестицияларни жалб қилиш ҳамда тадбиркорлар ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларининг кафолатли ҳимоясини таъминлаш имконини берди¹.

Хусусан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 27.07.2018 йилдаги “Тадбиркорлик субъектларининг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш тизимини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5490-сон Фармони тадбиркорлик субъектлари фаолиятида ўтказиладиган текширувларнинг ташкилий жиҳатлари ва тартиб-таомилларини комплекс тартибга солиш, назорат қилувчи органлар фаолиятининг шаффофлигини таъминлаш ҳамда ўтказиладиган текширувларнинг асослилигини холис

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 27.07.2018 йилдаги Тадбиркорлик субъектларининг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш тизимини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5490-сон Фармони // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 16.02.2024 й., 06/24/36/0130-сон.

баҳолаш имконини яратишда жуда катта қадам бўлди. Фармоннинг 5-бандига кўра, 2018 йил 1 сентябрдан бошлаб тадбиркорлик субъектлари фаолиятини текшириш ташаббуси билан чиқиш тегишли тадбиркорлик субъектлари томонидан қонунбузарлик содир этиш хавфи даражасидан келиб чиқиб, текширувни ташаббус қилишни назарда тутувчи “хавфни таҳлил этиш” тизими натижалари асосида амалга оширилиши белгилаб қўйилди. Шунингдек, тадбиркорлик субъектлари фаолиятида ўтказиладиган текширувларни мувофиқлаштириш ва назорат қилувчи органлар томонидан текширувлар ўтказилишининг қонунийлиги устидан назорат Ўзбекистон Республикаси Президенти ҳузуридаги Тадбиркорлик субъектларининг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш бўйича вакилга (*кейинги ўринларда – ваколатли орган*) юклатилди.

Кейинчалик Ўзбекистон Республикаси Президентининг 13.09.2022 йилдаги “Тадбиркорлик субъектлари фаолиятида текширувлар ўтказишни мувофиқлаштириш тартибини такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ-374-сон Қарори ва Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 19.10.2022 йилдаги “Назорат қилувчи органлар томонидан тадбиркорлик субъектлари фаолиятида давлат назоратини ташкил этиш бўйича қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида”ги 611-сон қарори “хавфни таҳлил этиш” тизимининг ташкилий ва ҳуқуқий асосларини янада мустаҳкамлади.

Таъкидлаш жоизки, Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг юқорида қайд этилган 611-сон қарори билан тасдиқланган “Назорат қилувчи органларнинг “хавфни таҳлил этиш” тизимларига қўйиладиган минимал талаблар”нинг 2-бандига биноан, “хавфни таҳлил этиш” тизими – назорат қилувчи органлар томонидан тегишли назорат соҳаси бўйича аниқ мезонларга асосланиб, тадбиркорлик субъекти томонидан ўз фаолиятида қонунчилик бузилиш хавфи даражасини аниқлаш механизми ҳисобланади¹.

Минимал талабларнинг 17-бандига кўра, амалга оширилган баҳолаш натижасида аниқланган хавф даражасининг умумий

¹ Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 19.10.2022 йилдаги “Назорат қилувчи органлар томонидан тадбиркорлик субъектлари фаолиятида давлат назоратини ташкил этиш бўйича қўшимча чора-тадбирлари тўғрисида”ги 611-сон қарори // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 19.10.2022 й., 09/22/611/0940-сон.

баллари асосида тадбиркорлик субъекти томонидан ҳуқуқбузарлик содир этиш хавфи қуйидаги уч хил тоифага таснифланади:

хавфи юқори – баҳоланган барча тадбиркорлик субъекти баллари умумий йиғиндисининг 20 фоиз қисмини ташкил этувчи энг юқори хавф даражаси балларига эга бўлган тадбиркорлик субъектлари;

хавфи ўртача – баҳоланган барча тадбиркорлик субъекти баллари умумий йиғиндисининг хавфи юқори бўлган 20 фоиз қисмини истисно этган ҳолда, 50 фоиз қисмини ташкил этувчи энг юқори хавф даражаси балларига эга бўлган тадбиркорлик субъектлари;

хавфи паст – баҳоланган тадбиркорлик субъектининг хавф даражаси баллари паст бўлган қолган тадбиркорлик субъектлари.

Шуниси эътиборга молики, минимал талабларнинг 19, 21-22-бандларига асосан, текширув ўтказишга ташаббус билан чиқиш фақат ҳуқуқбузарлик хавфи юқори таснифидаги тадбиркорлик субъекти доирасида профилактика тадбирлари ўтказилгандан сўнг ҳам ҳуқуқбузарлик содир этиш аломатлари ижобий томонга ўзгармаган ҳолатлардагина амалга оширилиши мумкин. Ҳуқуқбузарлик содир этиш хавфи ўртача таснифидаги тадбиркорлик субъектида қонун бузилиши ҳолатларига йўл қўймасликка қаратилган профилактика тадбирларини ўтказилганидан сўнг, тадбиркорлик субъекти фаолиятини баҳолаш натижасида салбий ўзгариш кузатилганда, тадбиркорлик субъекти фаолиятини текшириш бўйича ташаббус билан чиқиш мумкин. Ҳуқуқбузарлик содир этиш хавфи паст таснифидаги тадбиркорлик субъекти фаолиятига ҳар қандай аралашувларга йўл қўйилмайди¹. Мазкур тизимнинг жорий этилиши натижасида 2023 йилнинг ўзида тадбиркорлар фаолиятида амалга оширилган текширувлар сони 2022 йилга нисбатан (26 *фоиз*) 42.914 тага камайган². 01.05.2024 йил ҳолатига кўра, 2024 йилнинг 1 февралидан жорий этилган тадбиркорлик субъектларининг барқарорлик рейтингига асосан, юқори барқарор тоифадаги ААА – 202 та, АА – 840 та ва А – 1409 та

¹ Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 19.10.2022 йилдаги “Назорат қилувчи органлар томонидан тадбиркорлик субъектлари фаолиятида давлат назоратини ташкил этиш бўйича қўшимча чора-тадбирлари тўғрисида”ги 611-сон қарори // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 19.10.2022 й., 09/22/611/0940-сон.

² Ўзбекистон Республикаси Президенти ҳузуридаги Тадбиркорлик субъектларининг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш бўйича вакил Девонининг 2023 йил якунлари бўйича ҳисобот маълумотлари.

тадбиркорлик субъектлари фаолияти текширувлардан озод қилинган¹.

Юқоридагилардан кўринадик, “хавфни таҳлил этиш” тизими бир қатор ижобий жиҳатларга эга саналади:

– назорат қилувчи органлар томонидан ўзининг назорат соҳаси бўйича фақатгина аниқ мезонларга таянган ҳолда, тадбиркорлик субъектлари фаолиятида қонунчиликни бузиш хавфи даражасини аниқлаш имконини беради;

– ҳуқуқбузарлик содир этиш хавфи ўртача ва паст баҳоланган тадбиркорлик субъектларининг фаолияти текширилишидан сақлаб қолади, натижада тадбиркорлик субъектларида қонуний фаолият олиб боришга бўлган манфаатдорликни оширади;

– тадбиркорлик субъектлари фаолиятида ўтказиладиган текширувларни оптималлаштириш имконини беради, ўз навбатида, бу назорат қилувчи органларнинг куч, вақт ва воситаларини тежаш имконини беради;

– тадбиркорлик субъектлари фаолиятини текшириш бўйича назорат қилувчи органлар фаолиятининг шаффофлигини таъминлайди;

– тадбиркорлик субъектлари фаолиятида ўтказиладиган текширувларнинг асослилигини холис баҳолаш имконини яратади ва ҳ.к.

Шу ўринда таъкидлаш лозимки, бугунги кунда прокурор назорати назарияси ва амалиётида қатор олимлар томонидан ҳам прокурор назорати ва прокурор текширувларига ҳам “хавфни таҳлил этиш” тизимини жорий этиш зарурлиги тўғрисида асосли фикр-мулоҳазалар илгари сурилмоқда.

Хусусан, белоруссиялик олим Ю.Руденянинг таъкидлашича, ҳудудий прокуратураларда умумий назорат ваколатларини амалга оширувчи прокурор ходимлар штат бирлиги етарли эмас, ушбу назоратнинг соҳавий предмети эса – ҳаддан ташқари кенг. Бу “умумий назорат”ни амалга ошириш сифатига ўз таъсирини кўрсатмай қолмайди. Шунга кўра, “умумий назорат” институционал тарзда фақат иқтисодий ва ижтимоий соҳаларга дахлдор бўлиши лозим². А.Ю.Винокуровнинг фикрича, баъзида фан ва амалиётда

¹ Электрон манба: <https://soliq.uz/press-services/news/show/-mingga-yaqin-tadbirkorlik-subyekt-baqqarorlik-reytingi-kotarildi>. (мурожаат вақти: 01.05.2024).

² Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка: сб. материалов Межд.

олд-ортига қарамай, қонунлар ижроси устидан доимий ва тизимли прокурор назоратини ўрнатиш ҳақида тезис илгари сурилади, бироқ олим бу каби сўз қўллашнинг хато эканлиги ва “доимий қўриқчи” роли прокурорга хос эмаслигини адолатли таъкидлайди¹.

Қозоғистонлик ҳуқуқшунос олим С.Журсимбаевнинг ўринли қайд этишича, прокуратура органлари текширувлар билан барча ташкилот ва муассасаларни қамраб ололмайдилар. Бироқ, улар давлат мулки, молиявий ресурсларнинг ташиб кетилиши, талон-торож қилиниши ва норационал фойдаланишига қарши барча чоратадбирларни кўришга мажбурдирлар².

В.Титованинг фикрига кўра, чексиз нарсани тўла қамраб олишнинг имкони йўқ, шунинг учун назоратни ташкил этиш масаласига ақл билан ёндашиш керак, текширувларни прокуратуранинг кадрлар ва профессионал имкониятларидан келиб чиқиб режалаштириш зарур. Барча текширувлар ҳам бевосита прокурор томонидан ўтказилиши керак эмас. Қонун бузилиши ҳақида сигнал ёки бошқа маълумотни кўриб чиқиб, прокурор: текшириш ўтказишни назорат органига юклаш ва ундан текшириш ҳужжатларини прокуратурага тақдим этишни топшириш ёки текширувни бевосита ўз куч ва имкониятидан келиб чиққан ҳолда ўтказиш ҳақида танлов қилиш ҳуқуқига эга. Бунда, албатта, қонунбузилишининг хусусияти таҳлил қилиниши ва улар такрорий характерга эга бўлган тақдирда, шубҳасиз, прокуратура органларининг аралашуви зарур бўлади³.

Мазкур қарашнинг узвий давоми сифатида О.Коршунованинг таъкидлашича, прокурор олдида турган вазифаларнинг ҳал қилинишида текширув ўтказишга танлов асосида ёндашиш ёрдам

науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Республики Беларусь (Минск, 14 июня 2022 г.) / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Республики Беларусь»; редкол.: В.В.Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск: изд. Центр БГУ, 2022. – С. 49.

¹ Винокуров А.Ю. К вопросу о доктрине развития российской прокуратуры // Вестник Академии Ген. Прокуратуры Российской Федерации, №3. 2008. – С. 75-79; Теоретические и организационные основы прокурорской проверки: монография / [Н.Д.Бут и др.] под общ. ред. Н.В.Субановой; Акад. Ген.прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – С. 85;

² Журсимбаев С.К. Прокурорский надзор в Республике Казахстан: Учебник. – Алматы: Издательство «NURPRESS», 2020. – С. 177.

³ Титова В.Н. Предупреждение налоговых правонарушений и преступлений средствами прокурорского надзора: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 2004. – С. 153.

беради. Фаолиятда катта ҳажмдаги назорат субъектлари ва объектларининг мавжудлиги, улар томонидан қонун бузилиши ҳолатлари содир этилиш эҳтимолининг юқорилиги текширувларни режалаштириш масаласига прокурорнинг пухта ўйланган ёндашувини талаб қилади¹.

Белоруссиялик тадқиқотчи А.Бильдейконинг қарашларига биноан, штат ва бошқа имкониятлардан келиб чиққан ҳолда, прокурор ходимларда барча ижтимоий муносабатларни тўлиқ қамраб олиш имкони йўқ. Баён этилганларга кўра, биринчидан, назорат фаолиятининг энг муҳим йўналишларини ажратиб олиш, бунда кучларни ҳозирги кунда долзарб бўлмаган ва бошқа органлар томонидан прокурор аралашувисиз ҳам ҳал қилса бўладиган муаммоларга сарфлашга йўл қўймаслик керак. Иккинчидан, жадаллик билан ривожланаётган дунёда прокурорнинг назорат фаолиятини ахборот технологияларини жорий этиш орқалигина оптималлаштириш мумкин².

Миллий олимларимиздан профессор И.Джураев, барча олий таълим муассасаларида қонунлар ижросини бирдек текшириш қонунчилик ижросини назорат қилишнинг аниқ мақсадга йўналтирилганлигини инкор этишини қайд этади. Унинг фикрича, олий таълим муассасаларининг электрон платформаси ва умумреспублика миқёсидаги олий таълимга оид электрон маълумотларни визуал таҳлил қилиш орқали прокурор назоратини амалга ошириш фақатгина қонунбузилиши ҳолати аниқланган ёки қонун ижроси таъминланмаётган олий таълим муассасасида текшириш ўтказиш амалиётини шакллантиришга хизмат қилади. Бу эса олий таълим муассасалари фаолиятига асоссиз аралашиб, ортиқча вақт, ҳужжатлар ва харажатлар сарфланишини олдини олишга, пировард натижада олий таълим муассасаларида

¹ Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения: учебное пособие / коллектив авторов; под ред. О.Н.Коршуновой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮСТИЦИЯ, 2019. – С. 19.

² Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка: сб. материалов Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Республики Беларусь (Минск, 14 июня 2022 г.) / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Республики Беларусь»; редкол.: В.В.Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск: изд. Центр БГУ, 2022. – С. 165.

таълимнинг сифати ва самарадорлигига салбий таъсирларнинг олдини олишга хизмат қилади¹.

Шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, прокурорнинг назорат фаолияти ва текширувларига “хавфни таҳлил этиш” тизимини жорий этишга қарши бўлган тадқиқотчилар ҳам мавжуд. Жумладан, А.Ершовнинг фикрига кўра, прокурор назоратининг ҳозирги кундаги ривожланиш босқичида прокурор текширувларини режалаштириш ва ўтказиш жараёнига хавфни таҳлил этишга асосланган ёндашувни қўллашга зарурат мавжуд эмас, бу прокурор назоратининг бошқа давлат назорати турларидан фарқловчи ўзига хос хусусиятларга эга эканлиги билан изоҳланади. “Россия Федерацияси прокуратураси тўғрисида”ги Федерал қонунга асосан, прокуратура органлари ўз ваколатларини давлат ҳокимияти органлари, маҳаллий ўзини ўзи бошқариш органлари ва жамоат ташкилотларидан мустақил равишда амалга оширадilar. Қонуннинг ушбу мақоми прокуратура фаолиятига назорат функцияларини амалга ошириш тартибини белгилаб берувчи умумий қоидалар ва талаблар татбиқ қилиниши мумкин эмаслиги тўғрисида хулосага келиш имконини беради. Шунингдек, прокуратуранинг назорат фаолияти идоралараро ва соҳалараро характер касб этади ҳамда конституциявий аҳамиятга эга кадриятларни универсал, доимий ва самарали ҳимоя қилишга мўлжаллангандир. Прокуратуранинг мувофиқлаштирувчи мақоми унинг назорат функцияларини амалга ошириш тартибини махсус-ҳуқуқий тартибга солишни назарда тутгани ҳолда, унга махсус (идоралараро) давлат назоратини ташкил этиш ва ўтказишга қўйилган умумий ёндашувларни автоматик тарзда жорий этишга йўл қўймайди².

Ўз навбатида, прокурор назоратининг бошқа давлат назорати турларидан фарқловчи ўзига хос хусусиятларга эга эканлигини инкор этмаган ҳолда, назаримизда, А.Ершовнинг прокурор текширувларига хавфни таҳлил этишга асосланган ёндашувни қўллашга зарурат мавжуд эмаслиги ҳақида юқорида билдирган

¹ Джураев И.Б. Олий таълим муассасаларида қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратини такомиллаштириш: юридик фанлар доктори (Doctor of Science) илмий даражасини олиш учун тайёрланган диссертация. –Т.: Ўзбекистон Республикаси Адлия вазирлиги Тошкент давлат юридик университети, 2021. – Б. 85.

² Актуальные проблемы прокурорской деятельности: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 30 ноября 2018 г.) / под общ. ред. Е.А.Глебовой; Университет прокуратуры Российской Федерации. – М.: 2019. – С. 31-34.

фикрлари мунозалари бўлиб, улар билан тўлиқ келишиб бўлмайди. Бизнингча, буни: *биринчидан*, қонунлар ижроси устидан прокурор назорати объекти ва предметининг ҳаддан ташқари кенглиги; *иккинчидан*, прокурор текширувлари билан барча назорат объектларини қамраб олишнинг иложсизлиги; *учинчидан*, прокуратура органлари штат бирликлари сонининг чекланганлиги; *тўртинчидан*, эндиликда прокурор фаолиятига ўтказилган текширилган, аниқланган қонун бузилиши ҳолатлари, қўлланилган назорат ҳужжатлари ҳамда жавобгарликка тортилган шахслар сонига қараб эмас, балки профилактик тадбирлар самарадорлигига қараб баҳо берилаётганлиги ва шу каби бошқа сабаблар билан изоҳлаш мумкин бўлади.

Бундан ташқари, прокурор назорати амалиёти ҳам қонунлар ижроси устидан прокурор назорати, айниқса, прокурор текширувларига “хавфни таҳлил этиш” тизимини аллақачон жорий қилиш зарурлигини кўрсатмоқда.

Хусусан, Ўзбекистон Республикаси прокуратура органларининг 2021-2023 йиллардаги фаолиятига доир “П” шаклдаги ҳисоботларни таҳлил қилиш натижалари шуни кўрсатдики, прокуратура органлар томонидан қонунлар ижроси устидан прокурор текширувларининг сони йилдан-йилга ошиб бормоқда.

Жумладан, прокуратура органлари томонидан ўтказилган текширишлар сони 2023 йилда 2021 йилга нисбатан 5 мингга яқин ёки 30 фоизга ўсган. Текширувлар натижасига кўра, қонун бузилиши ҳолатларини аниқлаш кўрсаткичи 2023 йилда 2021 йилга нисбатан 192 мингга яқин ёки 289 фоизга ошган. Демак, юқоридаги рақамлар шунга далолат қиладики, йилдан-йилга мансабдор ва масъул шахсларда ҳуқуқий саводхонлик етишмаяпти, қонунлар ижросига нисбатан нигилистик қарашлар сақланиб қоляпти, қонунни очикдан-очик бузиш ва қонунга зид ҳужжатлар қабул қилиш ҳолатларига чек қўйилмаяпти.

Ўз навбатида, прокурор текширувларининг самарадорлиги ва таъсирчанлигининг сусайиб бораётганлиги, текширувларни режалаштиришда назорат объектларини “хавфни таҳлил этиш”га асосланган ёндашув билан эмас, балки “ёппасига” қамраб олишга ҳаракат қилиниши баъзан тўлиқ бўлмаган текширувлар ўтказилишига замин яратади.

Масалан, 2022 йилнинг май ойида Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси текширув гуруҳи томонидан Сурхондарё

вилояти прокуратураси органларининг вилоятда қонунийликни мустаҳкамлаш, фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини муҳофаза қилиш, жинойтчилик ҳамда ҳуқуқбузарликларнинг олдини олиш борасидаги фаолияти комплекс текширилганида, Олтинсой туман прокуратураси томонидан болалар ва ўсмирлар спорт мактабида спорт-таълим муассасалари фаолиятини ривожлантиришга оид қонунчилик ижроси юзасидан ўтказилган текширишда фақат меҳнат қонунчилиги масалалари ўрганилганлиги аниқланган.

Бундан ташқари, назаримизда, прокуратура органларида қонунчилик ижроси устидан назорат йўналишида хизмат қилаётган ходимлар сонининг камлиги, бироқ назорат объектлари салмоғининг юқорилиги сабабли, бизнингча, прокуратура органлари томонидан ўз назорати остидаги барча объектларни ҳам прокурор текшируви билан тўлиқ қамраб олишнинг амалда имкони йўқ. Буни бир қатор сабаблар, шу жумладан: туман (шаҳар) доирасида давлат ва хўжалик бошқаруви органлари сонининг кўплиги (*биргина, қонунчилик ижроси устидан назорат йўналишида битта туман ёки шаҳар доирасида 30-40 та орган мавжуд*); прокурор назоратини амалга оширувчи прокуратура органлари шахсий таркиби сонининг камлиги (*қонунчилик ижроси устидан назорат йўналишида туман (шаҳар) прокуратураларида ўртача 1 нафардан прокурор ўринбосари, 1-2 нафардан прокурор (катта) ёрдамчиси фаолият кўрсатади*); Ўзбекистон Республикаси Президентининг фармон ва қарорлари ҳамда бошқа норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар билан прокуратура органлари зиммасига янгидан-янги вазифаларнинг юклатилаётганлиги, оқибатда иш ҳажмининг ошиб бораётганлиги билан асослаш мумкин¹.

Масалан, бугунги кунда Учтепа туманида 51 та мактабгача таълим ташкилоти фаолият кўрсатмоқда. Ушбу ташкилотлар туман прокурорининг вояга етмаганлар ҳақидаги қонунчилик ижроси устидан назорат йўналишида ишловчи бир нафар прокурор ёрдамчисининг назорат объекти ҳисобланади. Бироқ, бир нафар тезкор ходимда жами 51 та ташкилотда прокурор назоратини амалга ошириш учун куч, вақт ва имконият мавжуд эмаслиги, табиий ҳол. Шунингдек, мазкур қонунчилик йўналишида халқ таълими,

¹ А.Б.Комилов. Тадбиркорларни ҳуқуқий ҳимоя қилишга қаратилган қонунлар ижроси устидан прокурор назоратининг ташкилий-ҳуқуқий асосларини такомиллаштириш. Монография / Масъул муҳаррир Ўзбекистонда хизмат кўрсатган юрист, ю.ф.д., проф. О.Окюлов. – Тошкент: IMPRESS MEDIA, 2021. – Б. 71.

соғлиқни сақлаш ва спорт муассасалари ҳам назорат объекти бўлиб ҳисобланишини инобатга оладиган бўлсак, прокурор ёрдамчисига бириктирилган назорат объектлари сонининг жуда катта эканлигини тасаввур қилиш қийин эмас. Мабодо Ўзбекистон Республикасининг “Мақтабгача таълим ва тарбия тўғрисида”ги Қонуни ижросини ўрганиш ҳақида юқори турувчи прокурордан топшириқ келиб тушган тақдирда, агар прокурор ёрдамчисига 51 та мақтабгача таълим ташкилотларининг “хавфни таҳлил этиш”га асосланган ёндашув бўйича таснифи бўлмаса, яъни улар ҳуқуқбузарлик содир этиш “хавфи юқори”, “хавфи ўртача” ва “хавфи паст” тоифаларга ажратилмаган бўлса, у ҳолда мазкур ташкилотларнинг барчасида ёппасига текшириш ўтказиш ёки топшириқ муддатининг чекланганлигини (*одатда, 1 ёки 2 ой*) ҳисобга олган ҳолда тартибсиз тарзда танлов йўли билан бир нечтасидагина текшириш ўтказилади. Оқибатда, ҳуқуқбузарлик содир этиш хавфи паст бўлган ташкилотларда қайта-қайта текшириш ўтказиш ва ҳуқуқбузарлик содир этиш хавфи юқори ташкилотларнинг текширишдан четда қолиш эҳтимоли юқори бўлади. Бизнингча, айнан юқорида қайд этилган омиллар ва сабаблар ҳозир кунда прокурор назорати ва прокурор текширувларига “хавфни таҳлил этиш” тизимини жорий этишга бўлган заруратни яна бир бор тасдиқлайди.

Шу ўринда қонунлар ижроси устидан прокурор текширувларига “хавфни таҳлил этиш” тизимини жорий этиш билан боғлиқ илғор хориж тажрибаси ҳақида сўз борар экан, ён қўшнимиз Қозоғистон Республикасининг тажрибасини алоҳида эътироф этиш лозим бўлади. Хусусан, Қозоғистон Республикасида прокурор текширувлари сонининг асоссиз ошиб кетмаслиги учун қонунчиликда тегишли нормалар кўзда тутилган бўлиб, назаримизда, ушбу нормалар прокуратура органлари томонидан текшириш ўтказишда сон кетидан қувмаслик, асоссиз ва сифатсиз текширувлар ўтказишга йўл қўймасликка хизмат қилади.

Таъкидлаш жоизки, Қозоғистонда фуқаролар мурожаати текширув тайинлаш ва ўтказиш асоси саналмайди. Фуқаролардан ўз ҳуқуқлари бузилганлиги ҳақида мурожаат келиб тушганда, прокурор уларни ваколатли органга (*масалан, меҳнат инспекциясига*) кўриб чиқиш (*муносабат билдириши*) учун юборади¹.

¹ Бекишева С.Д., Алпысов Н.С., Омаров Е.А. Методические рекомендации по вопросам прокурорского надзора за обеспечением законности в сфере трудовых прав граждан / под

Қозоғистон Республикасининг “Прокуратура тўғрисида”ги Конституциявий Қонунининг 18-моддаси 1-бандига биноан, текширувлар: 1) Қозоғистон Республикаси Президентининг топшириғига кўра; 2) Бош прокурорнинг топшириғига кўра; 3) ушбу модданинг 2-бандида кўзда тутилган асосларга кўра тайинланади. 2-бандга кўра эса прокурорлар фақатгина 5 та тоифадаги шахсларнинг ҳуқуқлари, эркинликлари ҳамда қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш мақсадида текширув тайинлаш ва ўтказиш тўғрисида қарор қабул қиладилар¹. Бизнингча, ушбу норма прокурор текширувлари салмоғини мувофиқлаштирилишига хизмат қилади ва “хавфни таҳлил этиш” тизимининг яққол мисоли ҳисобланади.

Умуман олганда, “хавфни таҳлил этиш” тизимини прокурор назорати амалиётига жорий этиш учун бир қатор аниқ қадамларни ташлаш зарур бўлади. Фикримизча, прокурор назорат фаолияти ва текширувларига “хавфни таҳлил этиш” тизимини жорий этиш учун, энг аввало, қуйидаги ҳуқуқий ва ташкилий чора-тадбирларни амалга ошириш керак:

биринчидан, қонунлар ижроси устидан прокурор назорати объектларини қисқартириш ва бу бўйича зарурий ўзгартириш ҳамда қўшимчаларни “Прокуратура тўғрисида”ги Қонунга киритиш зарур;

иккинчидан, қонунлар ижроси устидан прокурор назорати объектларини ҳуқуқбузарлик содир э²тиш хавфига кўра, “юқори хавфли”, “ўрта хавфли” ва “паст хавфли” каби тоифаларга ажратиш керак. Бунда прокурор текширувлари фақатгина “юқори хавфли” назорат объектларида ўтказилиши, “ўрта хавфли” назорат объектларида ҳуқуқбузарликлар профилактикасига урғу берилиши ҳамда ҳуқуқбузарлик содир этиш хавфи паст объектларнинг фаолиятига умуман аралашмаслик, уларда назорат тадбирлари ўтказмаслик лозим;

учинчидан, қонунлар ижроси устидан прокурор назорати объектларини ҳуқуқбузарлик содир этиш хавфига кўра тоифаларга ажратиш мақсадида назорат объектларини баҳолашнинг аниқ мезонларини ишлаб чиқиш зарур ҳисобланади. Жумладан, маълум бир назорат объектини ҳуқуқбузарлик содир этиш хавфига кўра

общ. ред. М.И.Шереметьева. – Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2021. – С. 22-23.

¹ [Электрон манба](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31771762&pos=599;-57#pos=599;-57): [tps://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31771762&pos=599;-57#pos=599;-57](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31771762&pos=599;-57#pos=599;-57). (мурожаат вақти: 22.04.2024).

баҳолаш мезонлари (*ҳар бир мезон аниқ балл билан баҳолаб борилади*) сифатида:

– муайян давр мобайнида назорат объекти фаолиятига доир прокуратура органларига келиб тушган шикоятлар сони ва уларни текшириш натижалари;

– ОАВ, ижтимоий тармоқлар ва интернет сайтларида назорат объекти фаолиятига доир эълон қилинган хабарлар ҳамда уларни текшириш натижалари;

– назорат объектида назорат қилувчи органлар томонидан ўтказилган текшириш ва тафтиш натижалари;

– назорат объектида прокуратура органлари томонидан муқаддам ўтказилган текширишларда аниқланган қонун бузилиши ҳолатларининг бартараф этилган/этилмаганлиги (*назорат тартибидан ўтказиладиган текширишлар натижалари асосида*);

– назорат объектига оид тезкор-қидирув ва бошқа ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар томонидан прокуратура органларига тақдим этилган “оператив маълумотлар” мазмуни ва уларни кўриб чиқиш натижалари;

– прокурор томонидан назорат объекти фаолиятида қонун бузилиши ҳолатларининг бевосита аниқланиши каби мезонларни кўрсатиш мумкин бўлади.

тўртинчидан, ҳуқуқбузарлик содир этиш хавфига кўра назорат объектлари фаолиятини баҳолаш мезонлари ва тартиби Бош прокурорнинг аниқ бир соҳавий ёки ташкилий буйруғида мустаҳкамлаб қўйилиши керак.

**АХМАДАЛИЕВ ХУРШИД
АБДИХАКИМОВИЧ**

Ўзбекистон Республикаси Хуқуқни муҳофаза
қилиш академияси Иқтисодий жиноятларга ва
жиноий даромадларни легаллаштиришга
қарши кураш кафедраси бошлиғи

**ТЕРРОРИЗМНИ МОЛИЯЛАШТИРИШГА ҚАРШИ
КУРАШИШ МЕХАНИЗМИ СИФАТИДА МАҚСАДЛИ
МОЛИЯВИЙ САНКЦИЯЛАРНИ ҚЎЛЛАШНИНГ ХАЛҚАРО-
ХУҚУҚИЙ АСОСЛАРИ**

***Аннотация:** Мазкур тезисда терроризмни молиялаштиришга қарши курашиш доирасида мақсадли молиявий санкцияларни қўллашнинг халқаро-хуқуқий ҳужжатлари, уларнинг ривожланиши, асосий талаблари, шунингдек мақсадли молиявий санкцияларни терроризмни молиялаштиришга қарши курашиш механизми сифатида фойдаланишнинг роли тўғрисида маълумот келтирилган.*

***Ключевые слова:** БМТ Хавфсизлик Кенгаши, резолюция, ФАТФ, мақсадли молиявий санкциялар, активларни ишга солмай тўхтатиб қўйиш, тақиқ.*

***Аннотация:** В данном тезисе представлена информация о международно-правовых документах, касающихся применения целевых финансовых санкций в рамках противодействия финансированию терроризма, их эволюции, основных требованиях указанных документов, а также роли целевых финансовых санкций как механизма противодействия финансированию терроризма.*

***Ключевые слова:** Совет Безопасности ООН, резолюция, ФАТФ, целевые финансовые санкции, замораживание активов, запрет.*

***Abstract:** This thesis provides information on international legal instruments related to the application of targeted financial sanctions in the framework of countering the financing of terrorism, their evolution, the basic requirements of these documents, as well as the role of targeted financial sanctions as a mechanism to counter the financing of terrorism.*

***Keywords:** UN Security Council, resolution, FATF, targeted financial sanctions, asset freeze, ban.*

БМТ Низомининг VII бобида асосан, Хавфсизлик Кенгаши халқаро тинчлик ва хавфсизликни сақлаш ёки тиклаш учун мажбурий чоралар кўришни амалга ошириш ҳуқуқига эга. 41-моддага мувофиқ, санкциялар давлатлар томонидан қуролли кучлардан фойдаланмасдан қўлланиладиган кенг турдаги мажбурий чораларни ўз ичига олади. 1966 йилдан бошлаб, Хавфсизлик

Кенгаши 31 та санкция режимини жорий этди: Жанубий Родезия, Жанубий Африка, собиқ Югославия (2), Гаити (2), Ангола, Либерия (3), Эритрея/Эфиопия, Руанда, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуар, Ироқ (2), Иран, Сомали/Эритрея, ИГИЛ (ДАИШ) ва Аль-Қоида, Демократик Республика Конго, Судан, Корея Халқ Демократик Республикаси, Ливия (2), Толибон, Гвинея-Бисау, Марказий Африка Республикаси, Йемен, Жанубий Судан ва Мали¹.

Хавфсизлик Кенгашининг санкциялари турли мақсадларга қараб, турли шаклларда бўлиши мумкин. Мажбурий чоралар кенг қамровли иқтисодий ва савдо санкцияларидан то мақсадли чораларга, масалан, қуроллар етказиб бериш эмбаргосини, ҳаракатланиш тақиқларини, молиявий чекловлар ва хом ашё савдосига нисбатан чекловларни ўз ичига олади. Хавфсизлик Кенгаши санкцияларни тинчликни сақлаш, антиконституцион ўзгаришларни олдини олиш, терроризмга қарши курашиш, инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ва тарқатмаслик режимига ҳушёрлик қилиш учун жорий қилади.

Санкциялар, ўз-ўзидан самарали ёки самарасиз бўлса ҳам, алоҳида таъсир кўрсатмайди. Мажбурий чоралар халқаро тинчлик ва хавфсизликни сақлаш ёки тиклашда энг самарали бўлади, агар улар тинчликни сақлаш, тинчликни қуриш ва тинчликни ёритиш бўйича кенг қамровли стратегия доирасида амалга оширилса. Санкциялар жазолаш характерга эга деб ҳисобланишга қарши, кўпгина санкция режимлари тинчлик кўчиш жараёнларини амалга оширишга интилаётган ҳукуматларга ва минтақага ёрдам бериш мақсадида ишлаб чиқилган. Ливия ва Гвинея-Бисауга нисбатан санкция режимлари шунингдек мисол бўла олади.

Ҳозирда сиёсий муаммоларни ҳал қилиш, ядро қуролини тарқатмаслик ва терроризмга қарши курашишга йўналтирилган 14 та санкция режими амал қилиб келмоқда. Ҳар бир санкция режими маълум бир санкциялар қўмитаси томонидан амалга оширилади, бу қўмита Хавфсизлик Кенгашининг доимий бўлмаган аъзоси томонидан бошқарилади. 14 санкция қўмиталарининг 10 тасини қўллаб-қувватлаш учун 9 та турли кузатув гуруҳлари фаолият юритмоқда.²

¹ БМТ Хавфсизлик Кенгаши сайти // [Электрон манба]. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information>

² БМТ Хавфсизлик Кенгаши сайти // [Электрон манба]. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information>

БМТ Хавфсизлик Кенгаши терроризмга қарши курашиш бўйича бир қатор ҳуқуқий мажбурий қарорлар қабул қилган.

Ушбу қарорлардан биринчиси 1999 йилда қабул қилинган 1267 резолюциясини ташкил этди, у «Ал-Қоида» томонидан 1998 йилда Танзания ва Кениядаги АҚШ элчихоналарига ўтказилган портлашларга боғлиқ санкцияларни жорий этди, ва 2001 йил 11 сентябрь хуружларидан бир неча кун ўтиб қабул қилинган 1373 резолюциясини ўз ичига олади.

1267 резолюцияда биринчи марта шу каби чоралар киритилди: активларни муваққат тўхтатиш ва ҳаво йўллари эмбаргосини жорий этиш, шунингдек «Толибон» ҳаракатига нисбатан, улар террористларга паноҳ ва уларни ўқитиш учун ва террорчи ҳаракатларини режалаштириш учун ушбу ҳудудларни фойдаланишга рухсат берган.

2000 йилда БМТ Хавфсизлик Кенгаши «Ал-Қоида» тармоғи активларини муваққат тўхтатишга қарор қабул қилди, 2002 йилда эса санкциялар «Толибон» ва «Ал-Қоида»га, шунингдек улар билан боғлиқ бўлган шахслар, гуруҳлар, ташкилотлар ва тадбиркорлик субъектларига нисбатан ҳам жорий қилинди. 2011 йилда БМТ хавфсизлик кенгаши икки резолюция — 1988 ва 1989 қабул қилди, уларда «Толибон» (1988 резолюцияга киритилган) ва «Ал-Қоида» (1989 резолюцияга киритилган) учун жорий қилинган чораларни тақсимлаш учун мақсад қилинган. 2015 йилда БМТ хавфсизлик кенгаши 2253-резолюциясини қабул қилди, у «Ироқ ва Шом Ислом Давлати» (ИШИД) учун жорий этилган санкцияларни кенгайтирди. Бу санкцион режим «Ал-Қоида» ва ИШИДга нисбатан амал қилади ва кейинчалик «1267 режими» деб номланади.

1267 режимига мувофиқ, БМТ хавфсизлик кенгаши қуйидаги чораларни жорий қилади: ҳаракатланишга тақиқлар, қурол эмбаргоси ва активлар ва молиявий ресурсларнинг ишга солмай тўхтатилиши (музлатилиши), шунингдек, мазкур шахслар ва ташкилотлар манзилларига ёки манфаатларига тўғридан-тўғри ёки билвосита ишлатилган ҳар қандай активлар, молиявий активлар ёки иқтисодий ресурслардан фойдаланишга тақиқ қўйилади. Иқтисодий ресурслар — бу ҳар қандай моддий ва номоддий активлар, улардан пул, товар ёки хизматлар олиш учун фойдаланиш мумкин¹.

¹ United Nations Security Council. Sanctions regime under resolution 1267. // [Электрон манба]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1267/>

1267 режимида жорий этилган санкциялар «профилактик» характерга эга бўлиб, миллий ҳуқуқда белгиланган жиноят нормаларига асосланмайди; улар жиноят қасдини ёки шахсининг ман этилган операцияни амалга оширишдаги билишини талаб қилмайди ва объектив жавобгарликни белгилайди.

Улар 1373 резолюцияси билан белгиланган кенг профилактик чоралар ва жиноий жавобгарлик чоралари билан бирга қўлланилади ва кейинги резолюцияларда яна бир бор тасдиқланади, улар биргаликда терроризмга қарши курашиш бўйича глобал ҳуқуқий режимни ташкил этади¹.

1373 резолюциясида, БМТ Хавфсизлик Кенгаши қуйидагиларни белгилади: барча давлатлар ўз фуқароларига ёки ўз ҳудудидаги ҳар қандай шахслар ва ташкилотларга террорчилик ташкилотлар ёки шахсларнинг манфаатларида ҳар қандай воситалар, молиявий активлар ёки иқтисодий ресурсларни, ёки молиявий ёки бошқа тегишли хизматларни ҳатто аниқ бир террорчилик ҳодисаси билан боғлиқ бўлмаган ҳолда ҳам тўғридан-тўғри ёки билвосита тақдим этишни тақиқлашлари керак.

Бу, одатда, ҳудудий ва миллий санкцияларни қабул қилишда намоён бўлади, улар ҳақида кейинроқ батафсил маълумот берилади. 1373 резолюциясига мувофиқ, давлатлар шунингдек, ҳар қандай усуллар билан, тўғридан-тўғри ёки билвосита, ўз фуқаролари ёки ўз ҳудудидаги шахслар томонидан маблағларни тақдим этиш ёки йиғиш учун жиноий жавобгарликни жорий этишлари керак, бунда уларнинг мақсади мазкур маблағлар террорчилик ҳаракатларни содир этиш учун ишлатиладиганлиги ёки уларнинг ишлатилиши ҳақида билган бўлишлари керак². Бу талаб, одатда, маҳаллий ва регионал жиноий ҳуқуқ нормаларида ўз аксини топади.

2019 йили БМТ хавфсизлик кенгаши 2462 резолюциясини қабул қилди ва терроризмни молиялаштириш бўйича жиноий жавобгарлик талабларини кенгайтирди. Шунингдек, барча аъзо-давлатларига ҳатто аниқ бир террорчилик ҳаракати билан боғлиқ бўлмаган ҳолда ҳам молиявий воситалар ёки иқтисодий ресурсларни тўғридан-тўғри ёки билвосита тақдим этиш ёки йиғиш, ёки уларнинг террорчи

¹ United Nations Security Council. Resolution 1373 (2001). // [Электрон манба]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions-adopted-security-council-2001>

² United Nations Security Council. Counter-Terrorism Measures. // [Электрон манба]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ctc/>

ташкilotлар ёки айрим террорчилар манфаатларида ишлатилиши учун жиноий жавобгарликни жорий этиш белгиланди¹.

ФАТФнинг 6-тавсияси ҳар бир мамлакатдан БМТ Хавфсизлик Кенгаши (БМТ ХК) томонидан терроризмни ва терроризмни молиявий қўллаб-қувватлашни олдини олиш ва бунга қарши курашишга оид қабул қилинган қарорларни бажариш мақсадида мақсадли молиявий санкциялар механизмларини ишлатишни талаб қилади. ФАТФнинг 6-тавсияси мамлакатларга терроризмни ва терроризмни молиявий қўллаб-қувватлашни олдини олишга оид БМТ ХК резолюцияларида кўрсатилган мақсадли молиявий санкцияларни татбиқ қилишда ёрдам бериш учун ишлаб чиқилган.

Бу резолюциялар мамлакатларга маблағлар ва бошқа активларни дарҳол музлатишни талаб қилади ва ҳеч қандай маблағлар ва бошқа активлар бевосита ёки билвосита тегишли шахслар ёки ташкilotлар томонидан фойдаланишини олдини олишга хизмат қилади.

ALIMOV SARDOR KOMIL O'G'LI

O'zbekiston Respublikasi Huquqni
muhofaza qilish akademiyasi, kafedra
o'qituvchisi, f.f.f.d. (PhD), katta ilmiy
xodim

DAVLAT XIZMATI SOHASIDA KORRUPSIYAGA QARSHI KURASH VA KASBIY ETIKA UYG'UNLIGI

***Annotatsiya:** Maqolada korrupsiyaning davlat xizmati sohasidagi salbiy oqibatlari, uning kasbiy etika me'yorlariga zidligi va jamiyatlardagi ishonch muhitiga ta'siri tahlil qilinadi. Xalqaro tajriba va O'zbekistondagi islohotlar misolida korrupsiyaga qarshi kurashish mexanizmlari, xususan, davlat xizmatchilari uchun axloqiy qoidalar va institutsional choralar muhokama etilgan. Shuningdek, korrupsiyani bartaraf etishda halol kadrlar siyosati, raqamlashtirish va ta'lim tizimida kasbiy etika talablarini joriy etishning ahamiyati tahlil qilingan.*

***Kalit so'zlar:** korrupsiya, korrupsiyaga qarshi kurash, davlat xizmati, kasbiy etika, axloqiy tamoyillar, raqamlashtirish, "halollik vaksinasi".*

¹ United Nations Security Council. Resolution 2462 (2019). Терроризмни молиялаштиришга қарши жиноий жавобгарликни кенгайтириш. // [Электрон манба]. URL: [https://undocs.org/S/RES/2462\(2019\)](https://undocs.org/S/RES/2462(2019))

Abstract: *This article analyzes the negative consequences of corruption in the civil service sector, its contradiction with professional ethical standards, and its impact on public trust. Based on international experience and ongoing reforms in Uzbekistan, it discusses anti-corruption mechanisms, particularly ethical codes and institutional measures aimed at civil servants. The paper also examines the importance of honest recruitment policies, digitalization, and the integration of professional ethics in the education system as effective tools for combating corruption.*

Key words: *Corruption, anti-corruption efforts, civil service, professional ethics, ethical principles, Digitalization, “Integrity vaccine”.*

Аннотация: *В статье анализируются негативные последствия коррупции в сфере государственной службы, её противоречие нормам профессиональной этики и влияние на уровень общественного доверия. На основе международного опыта и проводимых реформ в Узбекистане рассматриваются механизмы противодействия коррупции, в частности, этические нормы и институциональные меры, направленные на государственных служащих. Также исследуется значение политики подбора честных кадров, цифровизации и внедрения требований профессиональной этики в систему образования как эффективных инструментов борьбы с коррупцией.*

Ключевые слова: *Коррупция, борьба с коррупцией, государственная служба, профессиональная этика, этические принципы, цифровизация, «Вакцина честности».*

Korrupsiya – davlat hokimiyati yoki xizmat mavqeini shaxsiy manfaat yo‘lida suiiste’mol qilishni anglatuvchi salbiy ijtimoiy hodisa hisoblanadi. Tadqiqotlar shuni ko‘rsatadiki, davlatlarning iqtisodiy jihatdan rivojlanishi, barqaror taraqqiyoti jamiyatda korrupsiyaga qarshi kurashning qay darajada yo‘lga qo‘yilganligi, davlat tashkilotlarining shaffofligi, korrupsiyadan holi ekanligi bilan bevosita bog‘liq.

2024-yilda 180 ta mamlakatning davlat sektoridagi korrupsiya darajasini o‘lchovchi Transparency International tashkilotining Korrupsiyani qabul qilish indeksida eng yuqori baho olgan davlatlarning (*Daniya, Finlyandiya, Singapur, Yangi Zelandiya*) iqtisodiy jihatdan rivojlangan ekanligi, aksincha, iqtisodiy rivojlanishi sust yoki mojaroli mamlakatlar (*Janubiy Sudan, Somali, Venesuela, Suriya, Yaman*) reytingning eng quyi pog‘onalaridan joy olganligi buni tasdiqlaydi¹. Boshqacha qilib aytganda, davlat organlarining korrupsiyadan holi

¹ Corruption Perceptions Index - 2024 // Transparency International.
<https://www.transparency.org/en/cpi/2024>

ekanligi ijtimoiy va iqtisodiy taraqqiyotning zaruriy shartlaridan biri hisoblanadi.

Shu sababli ham xalqaro miqyosda korrupsiyaga qarshi kurashishning ilg'or usullari yaratilib, ular yordamida davlat sektorida "halol va shaffof" tizimni yaratishga harakat qilinmoqda. Masalan, Singapur¹ va Gonkong² tajribalari korrupsiyani keskin qisqartirish uchun kuchli siyosiy iroda, mustaqil korrupsiyaga qarshi kurashish tashkilotlari, davlat xizmatchilarining munosib maoshi hamda jazo muqarrarligini ta'minlash zarurligini ko'rsatdi.

Shuningdek, Estoniya, Gruziya³ kabi davlatlar elektron hukumat va raqamlashtirish bilan davlat xizmatlarida inson omilini kamaytirish orqali poraxo'rlikni sezilarli pasaytirgani ma'lum. Bunday yondashuvlarni boshqa mamlakatlar sharoitiga moslab qo'llash korrupsiyaga qarshi kurashishning muhim jihati hisoblanadi.

O'zbekistonda ham so'nggi yillarda korrupsiya illatiga qarshi kurashish maqsadida qonunchilik bazasini yaratish va institutsional choralarni amalga oshirish yo'lida izchil harakat qilib kelmoqda. "Korrupsiyaga qarshi kurashish to'g'risida"gi, "Manfaatlar to'qnashuvi to'g'risida"gi qonunlarning qabul qilinishi, Korrupsiyaga qarshi kurashish milliy kengashi hamda Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi, davlat tashkilotlarida korrupsiyaga qarshi ichki nazorat tuzilmalari (komplaens-nazorat)ning tashkil etilganligi mazkur yo'nalishda amalga oshirilayotgan tizimli islohotlarning bir qismi hisoblanadi.

2025-yilning 5-mart kuni Prezident Shavkat Mirziyoyev Korrupsiyaga qarshi kurashish milliy kengashi yig'ilishida ishtirok etib, yurtimizda korrupsiyadan xoli muhit yaratish bo'yicha qilingan ishlarga baho berdi hamda kelgusi vazifalarni belgilab berdi. Yig'ilishda korrupsiyaning ijtimoiy-axloqiy muammo, islohotlar yo'lidagi eng katta to'siq va g'ov ekanligi, unga qarshi jamiyatning har bir a'zosi kurashi lozimligi ta'kidlandi: "Korrupsiyaga qarshi kurash – umummilliy vazifa, har bir vatanparvar yurtdoshimizning vijdon ishidir. Umuman, bu jarayondan hech kim chetda turmasligi kerak"⁴.

¹ <https://www.cpib.gov.sg>

² <https://www.icac.org.hk>

³ World Development Report 2016: Digital Dividends
<https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016>

⁴ O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning 2025-yil 5-martdagi Korrupsiyaga qarshi kurashish bo'yicha milliy kengash yig'ilishidagi ma'ruzasidan // <https://president.uz/uz/lists/view/7924> // <https://t.me/shmirziyoyev/25905?single>

Korrupsiya jamiyat va davlat institutlariga jiddiy tahdid soladi, demokratiya va qonun ustuvorligiga putur yetkazadi, inson huquqlarining buzilishiga olib keladi, bozor mexanizmlarini izdan chiqaradi hamda fuqarolarning turmush sharoitining og'irlashuviga sabab bo'lib, turli huquqbuzarliklarning oshishiga sharoit yaratadi. Shu bilan bir qatorda, korrupsiyaning eng "og'riqli" salbiy oqibatlaridan yana biri uning sohadagi fidoyi, halol insonlarning ham nomiga dog' tushirishi, kasbiy axloq qoidalari, professional qadriyatlarga zid ekanligi, kasb etikasi talablarining buzilishida namoyon bo'ladi.

Davlat xizmati sohasida korrupsiya illati alohida xavf tug'diradi. Chunki davlat xizmatchilari korrupsiyaga oid huquqbuzarliklarga yo'l qo'ymasligi, odob-axloq qoidalariga rioya etishlari, manfaatlar to'qnashuvini oldini olishlari, korrupsiyaga nisbatan munosabatda bo'lishlari talab etiladi. Aksincha, aynan davlat xizmati sohasining o'zida korrupsion holatlarning mavjudligi esa jamiyatda davlat organlariga nisbatan mavjud ishonchga salbiy ta'sir ko'rsatadi.

Shu ma'noda, davlat xizmati sohasida kasbiy etika me'yorlari va korrupsiyaga qarshi kurash uzviy bog'liq: davlat xizmatchilari o'z vazifalarini halol ado etishi va odob-axloq talablariga rioya qilishi korrupsiyaning oldini olishda hal qiluvchi ahamiyatga ega. Shu sababli ham davlat xizmatchilari uchun qabul qilingan odob-axloq qoidalari, kasb etikasiga oid yo'riqnomalar, kodekslarning barchasida korrupsiyaning har qanday shakliga nisbatan munosabatda bo'lish axloqiy majburiyat sifatida taqdim etilgan.

Xususan, Vazirlar Mahkamasi tomonidan 2022-yil 14-oktabrdagi 595-son qarori bilan qabul qilingan Davlat fuqarolik xizmatchilari odob-axloqining namunaviy qoidalariga ko'ra¹, *"korrupsiyaviy holatlarga munosabatda bo'lish va qarshi kurashish"* davlat xizmatchilarining kasbiy faoliyatidagi asosiy prinsiplaridan biri hisoblanadi.

Shuni ta'kidlash kerakki, davlat xizmatchilari orasida kasbiy axloqning barcha asosiy prinsiplariga to'liq amal qilinishi ularning mehnat faoliyatida kasb etikasiga zid bo'lgan turli illatlar, xususan *korrupsiya, nepotizm, manfaatlar to'qnashuvi* kabi salbiy holatlarning ham kamayishida muhim rol o'ynaydi. Davlat fuqarolik xizmatchilari

¹ O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 14.10.2022-yildagi 595-son «Davlat fuqarolik xizmatchilari tomonidan odob-axloq qoidalariga rioya etilishini ta'minlash bo'yicha qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida»gi qarori // Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi, 15.10.2022-y., 09/22/595/0921-son // <https://lex.uz/ru/docs/6236838>

odob-axloqining namunaviy qoidalariga ko'ra, *qonuniylik, Vatanga sadoqat va xizmat vazifasiga fidoyilik, ijro intizomiga qat'iy rioya etish, fuqarolar huquqlari, erkinliklari va qonuniy manfaatlarining ustuvorligi, davlat va jamiyat manfaatlariga sodiqlik, adolatlilik, halollik va xolislik, xizmat sirini qat'iy saqlash, mansab vakolatlarini suiiste'mol qilmaslik, manfaatlar to'qnashuviga yo'l qo'yimaslik* tamoyillari ham asosiy axloqiy prinsiplar hisoblanadi. Agar davlat xizmatchisi o'z faoliyatida ijtimoiy adolat tamoyiliga rioya qilsa, har doim halol bo'lishga intilsa, mansab vakolatlarini suiiste'mol qilmasa, korrupsiya holatiga duch kelmaydi hamda davlat xizmati sohasining "korrupsiyadan holi sohaga" aylanishiga erishiladi.

Buning uchun esa davlat xizmatiga munosib, yuksak axloqli xodimlarning ishga olinishi, ishga kirishda shaffoflikni ta'minlashga jiddiy e'tibor qaratish lozim. 50 ming aholi ishtirok etgan so'rovnomaning 38 foiz ishtirokchisi ishga kirishda korrupsiya borligini aytganligi davlat xizmatchilarini qobiliyatlariga qarab lavozimga qo'yishda hali ham muammolar mavjud ekanligini ko'rsatadi. Ushbu muammoni bartaraf etish, istalgan davlat tashkilotiga ishga kirishda korrupsion holatlarga duch kelishning oldini olishda zamonaviy yechimlarga murojaat qilish talab etiladi. Buning uchun Prezidentimiz ta'biri bilan aytganda **"ilg'or IT texnologiyalar asosida xodimning malakasi va salohiyati, erishgan natijalarini baholaydigan tizim"** shakllantirish lozim. Xodimlarni lavozimga "qanday bilim-tajribaga egaligi va ko'rsatgan natijalari asosiy mezon" bo'lishi zarur. Shu orqali davlat xizmati sohasida yuksak axloqiy talablarga javob beruvchi, qobiliyatli hamda munosib kadrlarni ishga qabul qilishga hamda sohada korrupsion omillar kamayishiga erishiladi.

Korrupsiya – davlat xizmatchilari kasbiy etikasiga mutlaqo zid illat. Korrupsiyaga qo'l urgan xodim avvalo o'z kasbiga xiyonat qilgan hisoblanadi. Bunday xatti-harakatlar xizmat jamoalarida ham ijtimoiy ma'naviy muhitni buzib, boshqa xodimlar orasida ham e'tiborsizlik va qonunbuzarlikka moyillikni oshirishi mumkin. Korrupsiyaning oldini olish uchun doimo profilaktik ishlarga e'tibor qaratishi, har bir davlat xizmatchisida yuksak kasbiy axloq va mas'uliyat tuyg'usini tarbiyalash zarur.

Axloqiy prinsiplarning buzilishi fuqarolarning davlat xizmatiga bo'lgan ishonchiga bevosita ta'sir qiladi. Davlat xizmatchisi qat'iy qoidalariga amal qilishi, o'zini namunali tutishi jamoatchilik nazarida davlatga nisbatan hurmat va ishonch uyg'otadi. Aksincha, agar davlat xizmatchilari orasida korrupsiya, qoidabuzarlik keng tarqalsa, jamiyatda

davlatga nisbatan hurmatsizlik, qonunlarga itoatsizlik kayfiyati paydo bo'ladi. Kasbiy etika me'yorlariga rioya etmaslik nafaqat davlat tashkilotlaridagi tartib-intizomga, balki butun jamiyatda qonuniylikka bo'lgan ishonchga raxna soladi.

Davlat xizmati sohasida korrupsiya kabi kasbiy etikaga zid illatlarning uchramasligi uchun birinchidan, ishga qabul qilish tizimini ochiq va shaffof shaklda, zamonaviy axborot texnologiyalarini qo'llagan holatda o'tkazish talab etiladi. Ikkinchidan, davlat xizmati sohasida raqamlashtirish bilan bog'liq islohotlarni davom ettirish, barcha davlat xizmatlarini elektron shaklda ko'rsatish imkoniyatini yaratish lozim. Tizimni to'liq raqamlashtirish – sohada korrupsiyani yo'qotishga xizmat qiladi. Uchinchidan, davlat xizmati sohasida korrupsiyani kamaytirish uchun ta'lim jarayonida shaffoflikni ta'minlash, korrupsiyaga toqatsiz yangi avlodni tarbiyalash maqsadida "Axloqshunoslik", "Kasb etikasi", "Davlat xizmatchisining etiketi va imiji" kabi modullarni oliy ta'lim tizimida keng joriy etish ham ijobiy samara beradi.

Xulosa qilib aytganda, korrupsiyaga qarshi kurashda davlat xizmatchilarining kasbiy axloq talablariga rioya etishi bugungi kun talabi hisoblanadi. Davlat xizmatchilarining halolligi va mas'uliyati korrupsiyaga qarshi kurashning zaruriy sharti, har bir xodimning shaxsiy namunasi orqali jamoatchilikda davlat idoralariga nisbatan ishonch mustahkamlanadi. Mazkur organlar faoliyati samaradorligini oshirish uchun ularning o'zlarini har qanday korrupsiya ko'rinishlaridan xoli etish talab etiladi. Zero, Prezidentimiz ta'biri bilan aytganda **"Korrupsiyani oldini olish – davlat xizmatiga professional va fidoyi kadrlarni tanlash hamda ularni "halollik vaksinasi" bilan emlashdan boshlanadi"**. Tizimdagi xodimlarning halolligi va mas'uliyati korrupsiyaga qarshi kurashning zaruriy sharti ekanligini qayd etgan holda aytish mumkinki, har bir huquqni muhofaza qilish sohasi xodimining shaxsiy namunasi orqali jamoatchilikda davlat idoralariga nisbatan ishonch mustahkamlanadi. Korrupsiyaga qarshi kurash eng avvalo har bir xizmatchining vijdon va irodasiga tayanadi – shu bois, kasbiy etika tamoyillariga amal qilish har bir davlat xizmatchisining eng birinchi vazifasiga aylanishi zarur.

**RADJAPOV DONIYOR
BAXTIYAROVICH**

PhD, prosecutor of the Scientific center
of the Law enforcement academy
of the Republic of Uzbekistan

**THE NECESSITY AND PROSPECTS OF INTRODUCING
MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION
TECHNOLOGIES INTO THE ACTIVITIES OF COURTS**

***Аннотация:** Сўнгги йилларда жадал суръатлар билан ривожланиши йўлидан бораётган республикада фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликлари, қонуний манфаатларини тўлақонли таъминлаш асосий вазифа сифатида белгиланиб, давлатимиз раҳбари томонидан миллий қонунчилик орқали ушбу вазифани амалга ошириш йўналишлари ҳуқуқий мустаҳкамланмоқда. Ушбу мақола судлар фаолиятига замонавий ахборот-коммуникация технологияларини жорий этиш масалалари ҳақида ёритилган.*

***Калит сузлар:** суд, фаолият, ахборот- коммуникация, технология, чора тадбирлар.*

***Аннотация:** в последние годы в нашей быстро развивающейся республике основной задачей является полное обеспечение прав и свобод и законных интересов граждан, а направления реализации этой задачи законодательно закрепляются главой нашей республики. государства через национальное законодательство. В статье внедряются современные информационно-коммуникационные технологии в работу судов.*

***Ключевые слова:** Суд, деятельность, информационно-коммуникационные технологии, меры.*

***Abstract:** In recent years, in our rapidly developing republic, the main task is to fully ensure the rights and freedoms and legitimate interests of citizens, and the directions for implementing this task are legislated by the head of our republic. states through national legislation. The article introduces modern information and communication technologies into the work of courts.*

***Key words:** Court, activities, information and communication technologies, measures.*

There is a growing trend toward adhering to international standards and fundamental principles for the development of electronic court systems aimed at automating judicial processes and ensuring electronic document circulation (E-Justice and Electronic Court Systems), improving information security management systems to safeguard the courts' information security, implementing systems based on Smart Courts, utilizing specialized

software in courts powered by artificial intelligence, and developing and enhancing strong legal frameworks, mechanisms, and technical protection measures for the use of modern technologies in the judicial system from the perspective of cybersecurity by states and specialized organizations.¹

Accordingly, in our country, which aims to take a worthy place among developed nations, the judicial system, along with other sectors, is undergoing effective reforms. At present, the creation of modern information and communication infrastructure within the judicial system, the development of information resources and information systems, the implementation of an electronic document circulation system, and the provision of interactive services to citizens through the websites of judicial bodies form the foundation of the innovations being implemented in the judicial authorities of our republic.

In addition, the main objective of introducing modern information and communication technologies into the activities of courts is to ensure openness, transparency, and efficiency in their operations, improve the quality of judicial proceedings, and enhance the public's access to justice.

Year by year, the continuous development of modern information and communication technologies has proven that their application in any system creates numerous conveniences. The introduction of such technologies into judicial activities is allowing citizens to handle court-related matters quickly and conveniently, without unnecessary complications. Undoubtedly, the creation of these conveniences is largely attributed to several key legal and regulatory acts, including the Law of the Republic of Uzbekistan dated June 10, 2015, No. ZRU-388 "On amendments and additions to certain legislative acts of the Republic of Uzbekistan and on recognizing certain legislative acts as no longer in force," the Presidential resolution of the Republic of Uzbekistan dated August 30, 2017, No. PP-3250 "On measures to further improve the introduction of modern information and communication technologies into the activities of courts," the Presidential resolution dated September 3, 2020, No. PP-4818 "On measures for the digitalization of the activities of judicial authorities," and the Presidential resolution dated October 14, 2024, No. PP-358 "On approval of the strategy for the development of artificial intelligence technologies until 2030."

¹ Special file - Report "European judicial systems" - CEPEJ Evaluation report - 2022 Evaluation cycle. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) // <https://www.coe.int>

At this point, if we consider the initial stages of forming the legal framework for introducing information technologies into the activities of courts, Article 5 of the Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-388, titled “On amendments and additions to certain legislative acts of the Republic of Uzbekistan and on recognizing certain legislative acts as no longer in force,” published in the press on June 10, 2015, and effective from January 1, 2016, introduced a number of amendments and additions to the Civil Procedure code (CPC) of the Republic of Uzbekistan (referring to the CPC in force until April 1, 2018 – author’s note) aimed at integrating modern information and communication technologies into the operation of civil courts.¹

One of the significant innovations introduced into the CPC was the provision allowing applications to civil courts to be submitted electronically. According to the amendment to Article 238³ of the CPC, an application for the issuance of a court order could be filed with the court in written form, including electronically through an information system. Additionally, among the applications permitted to be submitted electronically via the information system were applications for annulment of an arbitral award (Article 309⁵) and applications for issuing a writ of execution to enforce an arbitral award (Article 309¹⁰).

Furthermore, Articles 330 and 348⁵ of the CPC established that, after the filing of an appeal or cassation complaint or the lodging of a protest, the claimant’s withdrawal of claims, the defendant’s acknowledgment of the claimant’s demands, and the conclusion of a settlement agreement by the parties must be stated in written form, including electronically through the information system, and submitted to the appellate or cassation instance court².

Based on the presidential resolution of the Republic of Uzbekistan dated August 30, 2017, titled “On measures to further improve the introduction of modern information and communication technologies into the activities of courts,” significant positive changes were achieved in matters related to the application of information and communication technologies in court operations. In particular, these include the ability to submit applications to courts remotely, participate in court hearings via a

¹ Law of the Republic of Uzbekistan of June 9, 2015 No. ORQ-388 ‘On introducing amendments and additions to certain legislative acts of the Republic of Uzbekistan, and declaring certain legislative acts invalid// <https://lex.uz/ru/docs/2671823>

² Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, approved by the Law of the Republic of Uzbekistan No. 477-I of 30 August 1997// <https://lex.uz/docs/186105#239045>

videoconferencing system, automatically distribute cases among judges, publish court rulings on the Internet for public access, and send enforcement documents electronically using information technology tools.

To further consolidate the positive outcomes of these changes, improve judicial activities, and widely implement modern information and communication tools, the Presidential Resolution of the Republic of Uzbekistan dated September 3, 2020, titled “On measures for the digitalization of the activities of judicial authorities,” was adopted. The resolution emphasized that during the consideration of cases in courts, the exchange of information with ministries and agencies was still carried out primarily in paper form. Naturally, the existence of such a procedure required more time to render final decisions on cases, hindered the prompt resolution of disputes by courts, and prevented reducing the growing volume of cases under judicial review. In addition, the resolution envisaged expanding the range of interactive services provided by courts to citizens and entrepreneurs.

To address the above-mentioned issues, this document outlined the next-stage tasks for the digitalization of court activities. In particular, the range of interactive electronic services provided to citizens and entrepreneurs will be expanded to create broader opportunities and freedoms for them, the process of reviewing each application will be made available for online tracking, and the ability to freely use interactive services in court buildings will be introduced. Additionally, special information programs will be implemented to ensure openness and transparency in the activities of the judicial community. The resolution also stipulated the creation of an opportunity for parties to receive court decisions online, which is expected to save citizens’ time and provide additional convenience.

Within the framework of the implementation of the Program for Digitalizing the Activities of Judicial Authorities for 2020–2023, approved by this resolution, 14 types of interactive services were introduced for citizens and business entities, 396 courtrooms were equipped with devices enabling participation in hearings via videoconferencing, and the human factor in data and information processing was reduced by up to 70%, bringing the level of digitalization to 80%. However, despite these achievements, there remains a necessity to develop effective legal mechanisms to increase public confidence in justice, create favorable conditions for introducing modern information

and communication technologies into court operations, ensure efficient organization of judicial digitalization processes, and scientifically study the application of the objectives and tasks outlined in the “Digital Uzbekistan — 2030” strategy to the activities of courts.

The Presidential resolution of the Republic of Uzbekistan dated October 14, 2024, No. PP-358, titled “On approval of the strategy for the development of artificial intelligence technologies until 2030,” identifies as one of the priority goals and tasks the establishment of a regulatory and legal framework for the development of artificial intelligence technologies, the improvement of standards in this field, and the strengthening of international cooperation.¹

In recent years, the profound changes implemented in the activities of judicial authorities have further reinforced their role in public administration and in protecting the rights and legitimate interests of citizens. Considering that the main objective is to increase public trust in the courts and ensure citizen satisfaction, positive legislative changes are also being introduced in this area. This resolution will likewise create a foundation for further improvement of court operations and for resolving citizens’ issues more easily.

As we all know, the full and effective implementation of these changes is essential for achieving the specific goals set forth in the resolution. To this end, it is crucial that citizens familiarize themselves with these changes, know their rights, and actively participate in the implementation process. We believe that such reforms will further enhance the role of the judiciary in protecting citizens’ rights.

It is well known that the annual increase in the volume of cases reviewed by courts in the Republic, and the resulting rise in the average monthly workload of judges, has necessitated the consolidation of mechanisms for introducing modern information and communication technologies into judicial activities within procedural legislation.

For example, if we look at the dynamics of civil cases considered by courts of first instance, the number of completed cases in 2020 amounted to 291,132, while by 2024 this figure had almost doubled, reaching 1,497,184.

Examining the experience of foreign countries, for every 100,000 people there are 24 judges in Germany, 18 in Russia, 16 in Kazakhstan,

¹ Decision of the President of the Republic of Uzbekistan dated 14 October 2024 No. PQ-358 “On the approval of the strategy for the development of artificial intelligence technologies until 2030” // <https://www.lex.uz/docs/7158604>

7–8 in Kyrgyzstan, 5 in Tajikistan, and only 3–4 in Uzbekistan. In France, there are 8,000 judges for a population of 67.39 million; in England, there are more than 200 judges per 1 million people; in Italy, 101; in Sweden, 100; and in India, 21–22 judges per 1 million people.

The figures clearly indicate that the current workload and volume of cases handled by judges lead to dense scheduling of hearings, the need to expedite case reviews to meet procedural deadlines, and rapid decision-making—all of which can negatively affect the quality of justice. Furthermore, the number of judicial positions is not proportionally distributed in relation to the population size and case volume, and similarly, the number of court staff positions corresponding to judges is also insufficient.

The above data and analysis demonstrate the urgent need for full digitalization of judicial activities, the introduction of artificial intelligence technologies, the improvement of interagency electronic data exchange, and the expansion of opportunities for remote participation in court hearings. They also underscore the necessity of conducting comprehensive scientific and theoretical research on this issue.

Therefore, studying international experience in implementing information and communication technologies in the judicial system is of great importance. In this regard, Germany and France possess extensive experience in introducing modern information technologies for the administration of justice. Specifically, during the integration of information technologies into civil court proceedings in these countries, special attention has been paid to the cooperation of all parties with an interest in the resolution of the case. For instance, Germany’s “Legal Services Act” obliges lawyers to use an electronic information system called “ProfiMahn” in cases processed under the order for payment procedure. This electronic system allows users to exchange information with the court in both directions, providing access to data on whether an application has been received by the court, details regarding its review, and the ability to obtain court documents.

In France, a significant step toward electronic document exchange with courts was introduced in the new Civil procedure Code, which came into force on December 28, 2005. In particular, Article 748¹ of this Code establishes a general rule for the submission of all case-related documents and procedural acts in electronic form or for notifying interested parties about such submissions. According to Article 748², the electronic form of document exchange in judicial matters can only be waived with the

consent of the recipient (the legal or natural person to whom the notice is sent).

It is worth noting that in most developed countries, judicial proceedings are fully supported by modern information and communication technologies. For example, in 1996, the United States introduced an electronic filing system for courts—Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF)—as a pilot project in the states of Ohio, Missouri, and New York. Since 2001, this system has been actively used for submitting claims and other judicial documents in electronic form. Applications submitted to the court are signed with an electronic digital signature, which ensures uniformity, compliance with the original version of the document, and guarantees the completeness and immutability of the attached documents. Since 2004, all U.S. courts have transitioned to the electronic filing system.

One of the primary risks in fully implementing information technologies in judicial activities, particularly in applying artificial intelligence, is information security.¹

In this regard, according to the opinion of I. Alimov, a qualified practitioner in the judicial sector of our country, one of the risks associated with the use of artificial intelligence is the possibility of making incorrect or unfair decisions, the potential for algorithms to exhibit biases toward certain social or economic groups, as well as issues related to ensuring the confidentiality of personal data. Therefore, a serious and responsible approach is required when applying artificial intelligence in the legal field. This primarily means developing and implementing technologies based on the principles of protecting human rights and freedoms.

Moreover, clear regulations need to be developed to identify and address ethical and legal issues that may arise in the process of using artificial intelligence. AI-based systems must ensure the protection of users' personal data and maintain the confidentiality of information related to court cases. To achieve this, modern cryptographic technologies, data encryption, and other security mechanisms must be utilized.²

¹ Ergashev F.A. *Theoretical and practical issues of introducing information and communication technologies into the activities of courts* // Dissertation submitted for the degree of doctor of philosophy (PhD) in Legal Sciences. – Tashkent, 2025. – 111 p.

² Alimov I. What Is the Significance of Introducing Artificial Intelligence into the Judicial System? // https://uza.uz/uz/posts/sud-tizimiga-suniy-intellektni-zhoriy-qilish-qanday-ahamiyat-kasb-etadi_682165?utm_source=chatgpt.com

In 2024 alone, nearly 1,000 high-level security risks were detected in the software systems of our country's judiciary, and more than 30,000 cyberattacks on the Supreme Court servers were prevented.¹

Indeed, when using artificial intelligence, issues related to confidentiality, data protection, information security, and the preservation of privacy are of critical importance. Courts handle a large amount of personal data of citizens and confidential evidence related to crimes. All this information must be stored in digital form and often processed within a single database. Therefore, without ensuring strong cybersecurity, no one can guarantee that large volumes of data will not be leaked or misused for improper purposes.

For example, China's DeepSeek startup, which recently launched a new chatbot, faced a major data leak scandal. According to experts from the American cybersecurity company Wiz, more than one million records from DeepSeek's artificial intelligence database were exposed to the open network. These included digital keys for the software and user queries submitted to the AI assistant.²

It is well known that training artificial intelligence requires collecting large volumes of data, which must be done in harmony with legislation guaranteeing the protection of personal data, such as anonymization and obtaining necessary consent. Mechanisms to ensure confidentiality are essential when using new technologies. Otherwise, public trust in state institutions will decline, and even evidence collected through artificial intelligence may be called into question.

Powerful AI tools can open new opportunities not only for law enforcement agencies but also for criminal groups. This creates problems related to the misuse of technology. Consequently, it becomes necessary to develop methodological measures capable of detecting ambiguity in algorithms based on words, styles, and statistical indicators. In legislation, there may also arise a need to introduce norms requiring the disclosure of cases involving the use of artificial intelligence in the future.

According to another group of experts, the introduction and maintenance of complex information technology systems in the judicial system, including artificial intelligence, require a sufficient number of

¹ "Information Bulletin of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan for 2024"

² The DeepSeek startup has faced a major data leak scandal // <https://aniq.uz/yangiliklar/deepseek-startapi-yirik-malumotlar-sizib-chiqishi-mojarosiga-duch-keldi>

qualified personnel.¹ Currently, as in other foreign countries, our country is also facing a shortage of skilled specialists. Engaging external IT companies for support in this regard poses certain risks because courts and law enforcement agencies work with highly confidential data, creating the possibility of data leakage or misuse by third parties. Therefore, it is essential to conduct research in the field of “Cyber law” on the digitalization of judicial activities, continuously improve the digital literacy and skills of judges and court staff, and focus on protecting data as much as possible using internal resources.

Another serious problem and threat in applying artificial intelligence in courts is related to technical and organizational issues. For example, courts mainly deal with large volumes of data received and collected from citizens, business entities, and various institutions. For AI to function effectively, this data needs to be collected, sorted, and integrated in a unified format. If, in the future, separate systems for implementing AI in courts are established at the regional level, there is a risk of duplication or the emergence of incompatible systems.

In addition, there are differences in the level of provision of information technology resources among courts in different regions and cities. While major regions like Tashkent, Samarkand, and Fergana have sufficient financial resources and specialists and are implementing advanced systems, other areas may have limited opportunities. It is worth noting that even in a large country like China, problems such as disparities in resources and varying levels of technological development across regions and cities are evident. While large cities (Beijing, Shanghai, Shenzhen) have ample financial resources and specialists and are introducing advanced systems, other regions still face limitations in this regard.²

Therefore, there is a risk of disparities in technological development across regions, and to reduce these gaps, it is necessary to implement a unified system and nationwide cloud-based services. However, achieving full standardization in this area requires time and additional financial resources. Furthermore, regular training sessions should be organized to enhance the practical skills and qualifications of employees in using and

¹ Mamasiddiqov M.M., Islamov M.R. *Problems and challenges associated with the introduction of artificial intelligence in the prosecutorial bodies of China* // Adil Sudlov (Fair Justice). 2025, No. 3, pp. 23–32.

² Chinese courts must implement AI system by 2025. The Supreme People’s Court of the People’s Republic of China // https://english.court.gov.cn/2022-12/12/c_838810.htm

managing artificial intelligence, and these capacity-building activities must be carried out according to a structured plan.

Another risk is the excessive reliance on algorithms, which may lead to the loss of practical skills among court employees, reduce their efforts to improve essential professional qualities, and, most importantly, cause neglect in performing their duties honestly and conscientiously.¹

During the process of hearing and resolving cases, artificial intelligence may propose certain solutions for a specific case. However, our national procedural codes stipulate that a judge must make a decision based on their internal conviction. For example, according to Part 1 of Article 80 of the Civil procedure code, the court evaluates evidence based on its internal conviction formed by a comprehensive, complete, and impartial examination of all circumstances of the case during the court session, in compliance with the law.² Similarly, Part 1 of Article 95 of the Criminal procedure code states that investigators, prosecutors, and judges assess evidence based on their internal conviction formed through a thorough, complete, and objective examination of all circumstances of the case, in accordance with the law and legal consciousness. Each piece of evidence must be evaluated for its relevance, admissibility, and reliability.

3

Experts also emphasize that the judge's integrity and inner world—serving as the foundation for decisions based on internal conviction—should remain an essential factor in the decision-making process. Judges, when making rulings, should rely not only on legal norms but also on their internal conviction.⁴

As stated in the book “*Judicial Ethics, Morality, and Responsibility*”, internal conviction is a crucial factor in delivering a final and lawful decision. However, there is no precise criterion for internal conviction. It is an individual aspect tied to each judge's moral character and personal integrity.⁵

¹ Mamasiddiqov M.M., Islamov M.R. *Problems and Challenges Associated with the Introduction of Artificial Intelligence in the Prosecutorial Bodies of China* // Adil Sudlov (Fair Justice). 2025, No. 3, pp. 23–32.

² Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan // <https://lex.uz/docs/3517337>

³ Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan // <https://lex.uz/docs/111460>

⁴ Murotov N. *The ethics of a judge is the strength of the judiciary* // https://uza.uz/uz/posts/sudya-manaviyati-sud-hokimiyatining-kuch-qudratidir_544777

⁵ *Judicial Ethics, Conduct, and Responsibility*. – Tashkent, Supreme Judicial Council of the Republic of Uzbekistan, 2021 // https://drive.google.com/file/d/1OG-w-lokshT1heohfQzLaVEGdsU1D_C/view?pli=1

Nevertheless, the introduction of artificial intelligence in the future may lead judges to rely more on machine-generated suggestions rather than conducting an in-depth analysis of the subtle aspects of a case. Therefore, judges must exercise caution and avoid blindly accepting AI recommendations. They must maintain their legal knowledge and a humanistic approach. In this regard, judges should critically assess algorithm-generated conclusions, understand the underlying logic, and, if necessary, be prepared to reject them. It is also advisable that the Supreme Court Plenum issue guiding explanations to courts, clarifying that the evaluation process should not be limited to legal aspects alone but should also take into account universal human values and individual considerations in reasoning.

The next challenge in applying artificial intelligence in judicial bodies is the existence of legal conflicts and gaps.

A critical question arises during the implementation of AI in courts: should the conclusion generated by AI be accepted as evidence, or is it merely advisory information? Currently, AI serves as an auxiliary tool for judges during case proceedings. However, as the role of AI continues to evolve, it will inevitably require amendments and additions to the Criminal Procedure Code, Civil Procedure Code, and other procedural legislation in the future.

Moreover, in Uzbekistan, significant steps are being taken to enhance the efficiency and transparency of justice through the introduction of AI technologies into the judicial system. This underscores the necessity and urgency for the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan to adopt a resolution “On certain issues related to the implementation of artificial intelligence in courts.”

Such a measure would ensure a clear normative and legal framework for integrating AI into judicial proceedings, guaranteeing a unified approach and preventing legal ambiguities. Consequently, it would be appropriate for the above recommendations to be reflected in the Plenum resolution of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan “On certain issues related to the implementation of artificial intelligence in courts.”

**ДУСМАНОВ САНДЖАР
АБДУЖАЛОЛОВИЧ**

Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси кафедраси
ўқитувчиси, ю.ф.ф.д. (PhD)

**СУД ИШЛАРИНИ РАҚАМЛАШТИРИШ ВА СУНЪИЙ
ИНТЕЛЛЕКТ: ЯНГИ ДАВРГА ҚАДАМ АФЗАЛЛИКЛАР ВА
ЭҲТИМОЛИЙ ТАҲДИДЛАР**

***Аннотация.** Мақолада Президентимиз Шавкат Мирзиёев томонидан суд-ҳуқуқ соҳасида олиб борилаётган ислоҳотлар ҳақида сўз юритилади. Мақолада судлар фаолиятида очиқлик ва шаффофликни таъминлаш, фуқароларни судга мурожаат қилишларини соддалаштириш учун судлар фаолиятига замонавий ахборот ва сунъий интеллект технологияларини кенг жорий этиш ҳақида маълумот берилган. Шунингдек, мақолада сунъий интеллект технологияларнинг афзалликлари ва эҳтимолий хавфлари ҳамда келажакдаги истиқболлари таҳлил қилинган.*

***Аннотация.** В статье рассматриваются реформы, проводимых Президентом Шавкатом Мирзиёевым в судебно-правовой сфере. В статье представлена информация о широком внедрении современных информационных и технологий искусственного интеллекта в деятельность судов для обеспечения открытости и прозрачности судебной системы, упрощения обращения граждан в суд. Также в статье анализируются преимущества и возможные риски технологий искусственного интеллекта, а также их перспективы в будущем.*

***Abstract.** The article examines the reforms carried out by President Shavkat Mirziyoyev in the judicial and legal sphere. The article provides information on the widespread introduction of modern information and artificial intelligence technologies into the activities of courts to ensure openness and transparency of the judicial system, simplifying citizens' appeals to the court. The article also analyzes the advantages and possible risks of artificial intelligence technologies, as well as their prospects in the future*

***Калим сўзлар:** Конституция, суд ислоҳотлари, рақамлаштириш, сунъий интеллект, вояга етмаганларга жазо тайинлаш*

***Ключевые слова:** Конституция, судебная реформа, цифровизация, искусственный интеллект, назначение наказания несовершеннолетним*

***Key words:** Constitution, judicial reform, digitalization, artificial intelligence, sentencing of minors.*

“Асосий мақсадимиз, фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини ҳимоя қилиш орқали халқимизнинг суд тизимида бўлган ишончини

қатъий мустаҳкамлаш, судни том маънода “Адолат қўргони”га айлантиришдан иборатдир”.

Шавкат Мирзиёев

Сўнгги йилларда давлат ва жамият ҳаётида адолатни қарор топтиришда замонавий технологияларни кенг жорий этилиши судлар фаолиятида очиқлик ва шаффофликни таъминланишига, фуқароларни ўз ҳуқуқларини ҳимоя қилиш учун судга мурожаат қилишларини янада эркинлашишига, уларни одил судловга эришишга бўлган ишончини ортишига сабаб бўлмоқда.

Мамлакатимизда амалга оширилаётган суд-ҳуқуқ тизимини ислоҳ қилиш соҳасидаги ислохотларнинг замирида мамлакатимизнинг Бош қомуси – Ўзбекистон Республикаси Конституцияси турибди ва унинг асосида қабул қилинаётган қонунлар ва бошқа норматив-ҳуқуқий ҳужжатларнинг дастури бўлиб хизмат қилиб келмоқда.

Айнан, Конституциямизда ҳар бир шахснинг судга мурожаат қилиш ҳуқуқи тўлиқ кафолатланган бўлиб, бу механизм инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилишнинг муҳим воситаларидан бири ҳисобланади.

Хусусан, янги таҳрирдаги Конституциянинг 55-моддаси 2-қисмида, “Ҳар кимга ўз ҳуқуқ ва эркинликларини суд орқали ҳимоя қилиш, давлат органларининг ҳамда бошқа ташкилотларнинг, улар мансабдор шахсларининг қонунга хилоф қарорлари, ҳаракатлари ва ҳаракатсизлиги устидан судга шикоят қилиш ҳуқуқи кафолатланади.”¹ деб аниқ белгиланди. Бу дегани, агар шахс ўз ҳуқуқларининг бузилгани ёки чекланганини ҳис қилса, у судга мурожаат қилиш орқали адолатни тиклашга ҳақлидир.

Бугунги кунда, судларимиз шахснинг ҳуқуқларини ҳимоя қилишда ишончли ва мустаҳкам тузилма сифатида шаклланиб бормоқда. Судлар фуқароларнинг қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш, одил судловни амалга ошириш ва қонун устуворлигини таъминлаш борасида муҳим роль ўйнамоқда. Судьяларнинг мустақиллиги кафолатлангани, ҳуқуқий низоларни ҳал этишда шаффофлик ва холисликнинг таъминланаётгани ва инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш механизмларининг такомиллашиб бораётгани суд тизимини фуқаролар ва жамият учун ишончли

¹ Ўзбекистон Республикаси Конституцияси - <https://lex.uz/docs/6445145>

бўлган институтга айлантирмоқда. Шунингдек, электрон судлов тизимининг жорий этилиши, мурожаатларнинг тезкор ва адолатли кўриб чиқилиши ҳам судларга бўлган ишончни мустаҳкамламоқда.

Қайд этиш лозимки, бугунги кунда суд ахборот тизими бошқа кўпгина вазирлик ва идораларнинг ахборот тизимлари билан маълумот алмашинуви масаласида ўзаро интеграция қилиниши ортидан қоғоз шаклида маълумот олиш амалиётини камайишига олиб келди. Шу билан бирга, судлар томонидан фуқаролар ва тадбиркорларга кўрсатиладиган интерактив хизматлар тури кенгайтирилди.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2017 йил 30 августдаги “Судлар фаолиятига замонавий ахборот-коммуникация технологияларини янада кенгроқ жорий этиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ–3250-сон қарори¹ билан тасдиқланган 2017-2020 йилларда Судлар фаолиятига замонавий ахборот-коммуникация технологияларини жорий этиш дастурининг ижроси натижасида судларга масофадан туриб мурожаат қилиш, суд мажлисларида видеоконференцалоқа тизимидан фойдаланиб иштирок этиш, судьялар ўртасида ишларни автоматик тарзда тақсимлаш, суд қарорларини Интернет тармоғида эълон қилиш, иш бўйича тарафлар учун суд қарорларини онлайн тарзда олиш, ижро ҳужжатларини электрон шаклда мажбурий ижрога юбориш тизимлари жорий этилди.

Суд ҳокимияти органлари фаолиятини рақамлаштириш, судлар ва бошқа идоралар ўртасида маълумот алмашинувини яхшилаш мақсадида Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2020 йил 24 июлдаги “Судлар фаолиятини янада такомиллаштириш ва одил судлов самарадорлигини оширишга доир қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПФ–6034-сон Фармони² ва Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2020 йил 3 сентябрдаги “Суд ҳокимияти органлари фаолиятини рақамлаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги қарори³

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2017 йил 30 августдаги “Судлар фаолиятига замонавий ахборот-коммуникация технологияларини янада кенгроқ жорий этиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ–3250-сон қарори - <https://lex.uz/docs/3327998>

² Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2020 йил 24 июлдаги “Судлар фаолиятини янада такомиллаштириш ва одил судлов самарадорлигини оширишга доир қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПФ–6034-сон Фармони - <https://lex.uz/uz/docs/4910826>

³ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2020 йил 3 сентябрдаги “Суд ҳокимияти органлари фаолиятини рақамлаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги қарори - <https://lex.uz/docs/4979896>

қабул қилиниши соҳадаги ислохотларни тизимли давом этаётганлигидан далолат беради.

Биламизки, ҳаёт доимий ҳаракат ва тараққиёт жараёнидир. Бу жараёнда ривожланиш ҳеч қачон тўхтаб қолмайди, балки янги имкониятлар ва технологиялар ёрдамида янги босқичларга кўтарилади. Хусусан, суд тизимини такомиллаштириш ҳам давр талабига мослаб ислохотлар ва инновацияларни жорий этишни талаб қилади. Адолатни таъминлашда самарадорликни ошириш, шаффофликни кучайтириш ва фуқароларнинг ҳуқуқларини ҳимоя қилиш учун янги технологияларнинг жорий қилиниши муҳим аҳамият касб этади. Демак, суд тизимини такомиллаштириш ва унинг замонавийлашуви – бу нафақат вақт талаби, балки жамиятнинг барқарор ривожланиши учун зарур бўлган стратегик йўналишдир.

Тўғри, суд тизимини рақамлаштириш орқали ҳужжатлар айланиши автоматлаштирилди, иш юритиш тезлашди ва инсон омилининг таъсири камайди. Аммо бу фақат бошланишидир. Бугунги кунда суд тизими рақамлаштиришдан сунъий интеллект технологиялари сари янги даврга қадам қўймоқда. Сунъий интеллект технологиялари суд ишларини таҳлил қилиш, ҳуқуқий ҳужжатларни тайёрлаш, иш юритиш жараёнини автоматлаштириш, суд қарорларини асосли ва холисона қабул қилишда катта имкониятларни яратади. Инсон омилининг субъектив таъсирини камайтириш, нохолислик ва бюрократик тўсиқларни бартараф этишда сунъий интеллект улкан салоҳиятга эга. Демак, бугунги кунда суд тизими нафақат рақамлаштириш босқичидан ўтаётгани, балки сунъий интеллект ёрдамида янада адолатли, самарали ва шаффоф тизимга айланмоқда.

СУДЛАР ФАОЛИЯТИГА СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРИНИ ЖОРИЙ ЭТИШНИНГ АФЗАЛЛИКЛАРИ НИМАДА ?

Биринчидан, фуқароларнинг судга мурожаат қилиш жараёни онлайн хизматлар ёрдамида янада соддалашади, яъни кўрсатиладиган электрон хизматлар турлари кенгайтирилиши орқали жисмоний ва юридик шахсларга қўшимча қулайликлар яратилади. Масалан, жисмоний ҳамда юридик шахсларнинг ортиқча оворагарчиликсиз, судга ташриф буюрмасдан туриб, ариза, шикоят

ёзиш ёки бошқа масала бўйича онлайн тарзда қилинган электрон муурожаатларни қисқа муддатда онлайн кўриб чиқиш тизими ва тартиби янада такомиллаштирилади. Сунъий интеллект ёрдамида интерактив ҳуқуқий маслаҳатлар тақдим этиш орқали фуқароларнинг суд тизимига ишончини оширишга хизмат қилади.

Иккинчидан, сунъий интеллект технологиялари судья, прокурор, адвокат ва иш бўйича тарафларга иш билан боғлиқ

ҳужжатларни тезкор ва аниқ таҳлил қилиш имконини беради. Бу жараён иш ҳажмини камайтириб, инсон омили туфайли йўл қўйилиши мумкин бўлган хатоларни олдини олишга ёрдам беради. Учинчидан, сунъий интеллект технологиялари ёрдамида айрим ишларни соддалаштирилган тартибда кўриш, фуқароларнинг судга интернет тармоғи орқали қилинган муурожаатларининг қонунга мувофиқлигини

текшириш, суд муҳокамасини ўтказиш тартибини (*видеоконференцалоқа, иштирокида ёки иштирокисиз*) кўриб чиқиш ва айрим маъмурий ҳуқуқбузарликлар бўйича суд муҳокамасини онлайн тарзда ўтказиш имкони яратилади ҳамда суд жараёнларини ўтказишда тарафлар онлайн платформа орқали тақдим этган далилларнинг қонунчиликка мувофиқлиги ва бошқа ҳуқуқий масалада судьяга қарор қабул қилишда бир нечта ечимларни (вариант) тақдим этиш орқали суд ишларини соддалаштирилган тартибда кўриб чиқилишига кўмаклашади ва ушбу ҳолатлар суд ишлари самарадорлигини оширишга, юklamани ва бюрократик тўсиқларни камайтиришга хизмат қилади.

Тўртинчидан, сунъий интеллект технологиялари ҳуқуқий прецедентлар ва статистик маълумотларни таҳлил қилиб, қарор қабул қилиш билан бир қаторда, суд ишларини таҳлил қилишда ва шу орқали келажақдаги ишларни эҳтимолий натижасини тўғри башорат қилишда яхшироқ баҳолаш имконини беради.

Бешинчидан, сунъий интеллект технологияларини автоматлаштирилган ҳолда маълумотларни аниқ фактлар ва қонун

хужжатларига асосланиб таҳлил қилиши ҳамда қарорлар чиқариши давлат ва жамият ҳаётининг кўпгина ва муҳим соҳаларида инсон омилларига боғлиқ бўлган коррупцион ҳолатлар ва охириги йилларда кенг муҳокамаларга сабаб бўлаётган манфаатлар тўқнашуви хавфини камайтиришга ёрдам беради.

Фикримизча, сунъий интеллект технологиялари суд амалиётидаги хато ва камчиликларни бартараф этиш, суд ва ҳуқуқни муҳофаза қилиш идоралари фаолиятини тезкор, аниқ, шаффоф ва самарали қилишга ҳамда коррупциянинг олдини олишга хизмат қилади.

СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРИ ЁРДАМИДА ВОЯГА ЕТМАГАНЛАРГА ОИД МАЪМУРИЙ ҲУҚУҚБУЗАРЛИК ВА ЖИНОЯТ ИШЛАРИНИ КЎРИЛИШИДА ВА ЖАЗО ТАЙИНЛАШ МАСАЛАСИДА СУДЪЯГА КЎМАКЛАШИШДАГИ РОЛИ НИМАДА ?

Келажакда, судлар фаолиятига сунъий интеллект технологиялари кенг жорий этилишининг афзалликларидан яна бири, бу судьяларга –сунъий интеллект ёрдамида бир хил тоифадаги ишлар бўйича қабул қилинган турли қарорларни ўрганиб, уларни таҳлил қилиш имконияти бўлиб, бу эса судьяларимизга камроқ хатоликларга йўл қўйган ҳолда амалдаги қонунчиликка мувофиқ маъмурий ҳуқуқбузарлик, жиноят ва бошқа ишлар бўйича мукамал ва асосли қарорларни қабул қилишда қўлланма бўлиб хизмат қилиши мумкин. Хусусан, судга келиб тушадиган ҳар бир ишни қонунга мувофиқ расмийлаштирилгани, судга тааллуқлилиги ва тегишлилиги, жиноят ишлари мисолида эса, жиноятнинг ижтимоий хавфлилиқ даражасидан келиб чиқиб, ишни якка тартибда ёки маслаҳатчилар иштирокида кўриб чиқишда, айрим тоифадаги ишларни, хусусан, вояга етмаганларга оид ишлар келиб тушганда мазкур ишни кўрилишида иштирок этиши шарт бўлган шахслар ҳақида, ёпиқ тартибда кўрилиши ҳақидаги маълумотлар, ишни тайинлаш ва суд муҳокамасини бошлаш муддатлари, ишни якунлашдан олдин вояга етмаганларга жазо тайинлашнинг ўзига хос хусусиятлари ҳақида, яъни ижтимоий хавфи катта бўлмаган ёки унча оғир бўлмаган жиноятлар учун озодликдан маҳрум қилиш жазоси тайинлаб бўлмаслиги, оғир, ўта оғир жиноятлар учун максимал жазо муддатининг чегараси, колония тури, озодликдан маҳрум қилиш

билан боғлиқ бўлмаган жазо тайинлаш масаласида қонунда рухсат этилган асосий жазо турлари ва муддатлари ҳақида, жиноий жавобгарлик ва жазодан озод қилиш асослари ва шартлари, бир неча жиноят ва бир неча ҳукм бўйича жазо тайинлаш қоидалари ва бошқа масалаларда судьяга кўмаклашувчи ва тўғри йўлга йўналтирувчи восита бўлиб хизмат қилиши мумкин.

СУДЛАР ФАОЛИЯТИГА СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРИНИ ЖОРИЙ ҚИЛИНИШИДА ЮЗАГА КЕЛИШИ МУМКИН БЎЛГАН ЭҲТИМОЛИЙ ТАҲДИДЛАР

Сунъий интеллект технологияларини кенг жорий этилиши идоралараро электрон маълумот алмашинувини яхшилаш, суд мажлисларида масофадан туриб иштирок этиш имкониятларини кенгайтириш ва шу орқали суд соҳасида рақамлаштириш ишларини самарали ташкил этишга хизмат қилиш билан бир қаторда, назаримизда қуйидаги реал ва эҳтимолий таҳдидлар ҳамда хавфларни вужудга келтириши мумкин деб ҳисоблаймиз. Хусусан:

- сунъий интеллект тизими унга қўйилган масаланинг ечимини фақатгина хотирасига юкланган мавжуд маълумотлар асосида ўрганиб бериши;

- сунъий интеллект тизимига муайян тоифадаги ишлар бўйича, жумладан жиноят ёки маъмурий ҳуқуқбузарликка оид ишлар юзасидан қарор чиқариш ҳуқуқи (ваколати) берилган тақдирда хотирасидаги маълумотларни нотўғри ва бир томонлама талқин қилиши, ўз кучини йўқотган ҳужжатлар ёки эски суд қарорларига таянган ҳолда адолатсиз қарор қабул қилишнинг эҳтимолий хавфи борлиги;

- қарор қабул қилишда, жазо тайинлашда ички ишончнинг йўқлигидир. Бундай ҳолатда сунъий интеллект тизими ўз қарорининг тўғри ва адолатли эканига ишонч ҳосил қилмайди ва у профессионал малака, тажриба, ҳуқуқий билим ҳамда ахлоқий қадриятларга асосланган ҳолда иш юритмайди, аксинча, унга юкланган маълумотлар доирасида қарорлар қабул қилишлиги;

- сунъий интеллект технологиялари ёрдамида қабул қилинган қарорларни асослилигини баҳолаш ва унинг қонунийлигини текширишни мураккаблиги;

- қарордаги маълумотларда тақиқланган, камситишга хос бўлган сўзлар ишлатилган бўлса, сунъий интеллект буни англамай қолиши ортидан бошқа оқибатлар келиб чиқиши хавфининг мавжудлиги;

- сунъий интеллект инсонлар каби фикр ва мулоҳаза юрита олмаслиги, ишнинг барча жиҳатларини, жумладан жиноят иши бўйича жазо тайинлашда айбдорнинг шахси, иш бўйича енгиллаштирувчи ва оғирлаштирувчи ҳолатлар, қонунийлик, инсонпарварлик ва одиллик принципларини инобатга олмаслиги, жиноят кодекси умумий қисми қоидаларига амал қилмаслиги каби эҳтимолий хавфнинг мавжудлиги;

- судьялар ва ҳуқуқшунослар сунъий интеллектга кўп ҳам ишониб кетиши ортидан ўз устида ишламай қўйишига, ҳуқуқий таҳлил қилиш кўникмалари пасайишига, мустақил қарор қабул қилиш қобилиятининг заифлашишига, сунъий интеллект ёрдамида қабул қилинган қарорни қонуний ва асослилигини муҳокама қилмай қўйишига, оқибатда эса инсон омили орқали тўғрилаш ва бартараф этиш имкони бўлган хато ва камчиликларни олдини олиш имконини йўқолишига олиб келиши;

- сунъий интеллект технологиялари ёрдамида қабул қилинган нотўғри қарор ёки сунъий интеллект тизимлари ҳакерлик хужумига учраши ёхуд сунъий интеллектни оддий ва махфий маълумотларни бир-биридан ажрата олмаслиги ортидан махфий маълумотларни очиққа чиқишига сабаб бўлиш ҳолатлари учун жавобгарлик масаласининг (айнан ким жавобгар бўлиши) ҳуқуқий тартибга солинмаганлиги;

- келгусида судья, ҳуқуқшунос ва бошқа ходимларнинг вазифаларини бажариш сунъий интеллект технологияларига юклатиб қўйилиши ортидан иш ўринлари қисқаришига олиб келиши мумкин.

Сунъий интеллект технологиялари суд соҳасида рақамлаштиришни самарали ташкил этиш, яъни идоралараро электрон маълумот алмашинувини яхшилаш, суд мажлисларида масофадан туриб иштирок этиш имкониятларини кенгайтириш, судьяга қарор қабул қилишда ҳуқуқий маслаҳатчи бўлиб хизмат қилиш билан бир қаторда, ушбу тизимнинг нотўғри ва бир томонлама маълумотларга асосланганлиги келгусида адолатсиз қарорлар чиқарилишига олиб келишини инобатга олиб, назаримизда бу тизимни судлар фаолиятида инсон назоратидан ташқарида

қолдирмаган ҳолда фақат ёрдамчи восита сифатида ишлатилса мақсадга мувофиқ бўларди.

СУДЛАР ФАОЛИЯТИНИ ТЎЛИҚ РАҚАМЛАШТИРИШ ВА СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРИНИ ЖОРИЙ ЭТИШДА ИСТИҚБОЛДАГИ ВАЗИФАЛАР

Мамлакатимизда суд тизимини босқичма-босқич ислоҳ қилиш орқали судлар мустақиллигини янада мустаҳкамлаш билан бир қаторда – бу инсон ҳуқуқ ва эркинликларини ишончли ҳимоясини таъминлаш ва суд ишларини кўришда холислик, адолат ва қонунийликни таъминлаш, фуқароларнинг судларга бўлган ишончини янада ошириш бўлиб, мазкур йўлда фуқароларга кўрсатиладиган интерактив хизмат турлари сонини кўпайтириш, судлар фаолиятига замонавий технологияларни кенг жорий этиш орқали инсон ҳуқуқ ва эркинликларини ишончли ҳимоя қилишни янги босқичга олиб чиқишда суд ислохотлари доирасида қабул қилинган яна бир муҳим ҳужжатлардан бири Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2023 йил 16 январдаги “Судлар фаолиятига сунъий интеллект технологияларини янада кенгроқ жорий этиш ва суд соҳасида рақамлаштириш ишларини самарали ташкил этиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги 11-сонли Фармони ва Фармон билан тасдиқланган 2023 – 2026 йилларга мўлжалланган суд тизимини сифат жиҳатидан янги босқичга олиб чиқишнинг қисқа муддатли Стратегиясидир.¹

Стратегия “Инсон қадри учун” ғояси асосида чинакам адолатли суд тизимини шакллантириш ва адолатли суд қарорлари қабул қилинишига эришишни мақсад қилган 40 та муҳим вазифаларни ўз ичига қамраб олган.

Шунингдек, мазкур Фармон билан тасдиқланган 2023 - 2026 йилларга мўлжалланган суд тизимини сифат жиҳатидан янги босқичга олиб чиқишнинг қисқа муддатли Стратегиясида асосий вазифалар қаторида:

- суд ҳокимияти органлари фаолиятини рақамлаштириш ишларини янада жадаллаштириш, яъни судлар фаолиятига

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2023 йил 16 январдаги «Судлар фаолиятига сунъий интеллект технологияларини янада кенгроқ жорий этиш ва суд соҳасида рақамлаштириш ишларини самарали ташкил этиш чора-тадбирлари тўғрисида»ги 11-сонли Фармони-<https://lex.uz/docs/6358976>

фуқароларга ҳуқуқий ёрдам кўрсатиш, суд ҳужжатлари лойиҳаларини автоматик тайёрлаш ва суд амалиётини таҳлил қилиш йўналишида сунъий интеллект технологияларини жорий этиш бўйича чоралар кўриш;

- идоралараро ягона интеграцион платформа яратиш, яъни судлар ва ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар ўртасида маълумотлар алмашинувини тўлиқ рақамли технологияга ўтказиш ҳамда ягона платформа асосида ахборот тизимларини интеграция қилиш назарда тутилган.

Бу масъулиятли вазифаларнинг бажарилиши келгусида судлар фаолияти тўлиқ рақамлаштирилиши, сунъий интеллект технологиялари жорий этилиши ва идоралараро электрон маълумотлар алмашинуви яхшиланиши ортидан адолатли суд қарорлари қабул қилинишининг кўпайишига, фуқароларнинг суд тизимига бўлган ишончини мустаҳкамланишига, ҳар бир фуқарода суддан, пировардида эса давлатдан розилик ҳиссини уйғотишга олиб келади.

**ШОМИРЗАЕВ САХОДУЛЛА
ХАСАНБОВЕВИЧ**

Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси
кафедраси доценти, ю.ф.ф.д. (PhD)

**КРИПТОВАЛЮТАЛАРНИНГ НОҚОНУНИЙ МУОМАЛАСИ
БИЛАН БОҒЛИҚ ХАВФ-ХАТАР ВА ТАҲДИДЛАР ҲАМДА
УЛАРНИНГ ОЛДИНИ ОЛИШ МАСАЛАЛАРИ**

***Аннотация:** Ушбу мақолада криптовалюта моҳияти, ўзига хос хусусиятлари, криптовалюталарнинг ноқонуний муомаласи ортидан юзага келаётган хавф-хатлар ва таҳдидлар атрофлича ёритилган бўлиб, муайян жиноий ҳаракатларга восита бўлиб хизмат қилиши ва жамият тараққиётига салбий таъсир кўрсатиши тўғрисида баён қилинган.*

***Калит сўзлар:** виртуал валюта, криптовалюта, ФАТФ, транзакция, анонимлик, биткоин, “пул ювиш”, терроризмни молиялаштириш, марказлаштирилган назорат.*

XXI асрда жамият тараққиёти жуда ҳам жадаллашиб кетмоқда, бунда айниқса, кибермаконда пайдо бўлаётган янгиликлар муҳим ўрин эгаллайди. Яратилаётган ҳар бир янгиликдан инсонлар қай мақсадда фойдаланишига қараб, жамиятнинг ижтимоий-иқтисодий тараққиётига ижобий таъсир қилиши билан бирга, ўз ўрнида айрим хавф-хатар ва таҳдидларни юзага келмоқда. Шундай янгиликлардан бири сифатида виртуал валюталарни, хусусан, криптовалюталарни мисол келтириш мумкин. ФАТФ (“Молиявий ҳаракатлар бўйича махсус гуруҳ”) ташкилотининг ҳисоботларида виртуал валюталар ҳақида келтирилган бўлиб, унга шундай таъриф берилган: “Виртуал валюта деганда алмашинув воситаси ёки ҳисоб-китоб учун пул бирлиги, ёхуд қийматни сақлаш воситаси сифатида рақамли кўринишда тақдим этилган ҳамда қонуний тўлов воситаси тушунчасига кирмайдиган, яъни кредиторлар билан ҳисоб-китоб қилишда расмий амалдаги қонуний тўлов воситаси ҳисобланмайдиган қийматни ифодаловчи восита тушунилади”¹. Мазкур ҳисоботда виртуал валютанинг энг кўп тарқалган шакли сифатида криптовалюта кўрсатилган. Криптовалюта математик тамойилларга асосланган, очиқ чиқиш кодли пиринг виртуал валюта бўлиб, ундан фойдаланишда нафақат марказлашган администратор, балки давлат органлари ёки учинчи шахслар томонидан назорат ўрнатилмайди.

Криптовалюта деганда яратишда ва назорат қилишда криптографик усулларга асосланган турли рақамли валюталарни тушунамиз. Демак, криптовалюталар ҳисоби марказлашмаган бўлиб, бу тизимларнинг ишлаши блокчейн, йўналтирилган ациклик графалар, консенсус реестрлари ва шу каби технологияларга асосланади. Криптовалюта муҳити иштирокчиларини шартли равишда учга бўлиш мумкин:

Биринчиси, назорат остидаги иштирокчилар, уларга биржалар, тўлов тизимлари, валюта алмаштириш пунктлари, майнинг пул кабилар киради. Иккинчи гуруҳдаги иштирокчиларни инвесторлар, майнерлар ва савдо нуқталаридан иборат фойдаланувчилар ташкил этади. Учинчи гуруҳга кирувчи иштирокчилар криминоген муҳит ва юқори хавф муҳити бўлиб, у қора бозор (Dark Markets), гиёҳванд моддалар савдоси, миксерлар, пирамидалар, Malware каби зарарли

¹ <https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Virtual-Assets-Red-Flag-Indicators%204.pdf>

дастурлар, кибержиноятчилик ва террористик гуруҳлардан таркиб топган.

Юқорида келтирилганидек, криптовалютадан ҳам замонавий иқтисодиётда фойдаланиш истиқболларини аниқлаш учун унинг афзалликлари ва камчиликларини кўриб чиқиш лозим бўлади. Криптовалютанинг асосий афзалликлари сифатида транзакция хавфсизлиги даражасининг юқорилиги, операциялар тезлиги, анонимлик, марказлашмаганлик кабиларни санаб ўтиш мумкин, камчиликлар сифатида эса ўзгарувчанлик, жинойий фаолиятда иштирокчиликнинг юқори даражаси, криптовалютани тартибга солиш қонунчилигининг мавжуд эмаслиги кабиларни келтирилади.

Криптовалюта билан боғлиқ таҳдидларни тадқиқот қилишдан олдин уларнинг ўзига хос хусусиятларни кўриб чиқиш мақсадга мувофиқ, чунки айти шу хусусиятлар улардан жинойий фаолиятда фойдаланилганда молиявий текширув ишларини ўтказишни қийинлаштиради. Аввало, криптовалюталар билан тезкор ва қайтарилмайдиган транзакцияларни амалга ошириш хусусияти алоҳида аҳамият касб этади. Бундай транзакцияларнинг тезлиги жинойий фаолиятни амалга ошириш учун хавф омили сифатида кўрсатилади. Хусусан, маблағлар анъанавий усулларга қараганда анча тезроқ ечиб олиниши ва конвертация қилиниши мумкин. Транзакцияларнинг юқори тезлиги пул маблағларини кузатиш ва “музлатиш” ишларини мушкул аҳволга солиб қўяди. Транзакцияларнинг қайтарилмаслик хусусияти эса тўлов тизимда пул маблағларини қайтариш учун ҳисоб-китоб даври ёки бошқа имконият йўқлигини англатади, бу эса жиноятчилар учун қулай шароит яратиб беради. Худди шу сабабларга кўра, криптовалюталар жинойий дунёда жозибали тўлов усулига айланди.

Уларнинг яна бир хусусияти анонимликдир. Яъни криптовалюталар, асосан, транзакцияларнинг анонимлигини таъминлаш учун махсус яратилган, десак ҳам бўлади, бу борада “биткойн”ни энг ёрқин мисол сифатида келтириш мумкин. Биткойн тармоғида бу амалга оширилган тўловларнинг ҳамма учун очик реестри мавжуд бўлса-да, лекин транзакция ёзуви ва иккита манзилдан ташқари, бирон биткойн манзилини бошқа бири билан ҳам, ёки муайян шахс билан ҳам боғлашнинг ҳеч қандай усули ҳам, имкони ҳам мавжуд эмас. Траффикни яширадиган технологиялардан фойдаланиш эса вазиятни янада мураккаблаштиради.

Криптовалюталардан фойдаланиш ҳолатларини аниқлаш жуда ҳам мураккаб бўлиб турибди. Бунда виртуал валюталар тўғрисидаги билимларнинг етишмаслиги пулларни ювиш учун фойдаланиш фактларини аниқлашда муаммо ҳисобланади. Ушбу йўналишда ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларнинг, хусусан, тезкор-қидирув фаолиятини амалга оширувчи, тергов ва суриштирув органларининг бу борада билим ва кўникмалари қониқарли даражада эмас.

Бундан ташқари, криптовалюталар транзакциясининг мураккаб ва чалкаш моделлари мавжуд бўлиб, бунга мисол тариқасида, биткоин тармоғининг ҳар қандай фойдаланувчиси исталган миқдордаги манзилларни яратиши мумкин. Маблағларни ўтказишда миқдорий чекловларнинг йўқлиги чекланмаган миқдордаги маблағларни криптовалюта шаклида назоратсиз ўтказилишига имкон беради.

“Бу каби виртуал валюталарнинг қуйидаги хусусиятлари уларнинг глобал таъсир доираси билан биргаликда “пул ювиш” ва терроризмни молиялаштириш билан боғлиқ потенциал хавфларни келтириб чиқаради, масалан:

Интернетда виртуал валюталар савдоси томонидан тақдим этилган анонимликнинг мавжудлиги;

Иштирокчиларнинг идентификациялаш ва текширишнинг чекланганлиги;

“пул ювиш” ва терроризмни молиялаштиришга оид жавобгарликнинг мавжуд эмаслиги;

марказлашган назоратнинг йўқлиги”.¹

Криптовалюталарнинг юқорида санаб ўтилган мазкур ўзига хос хусусиятлари криптожиноятчиликни содир этилиши билан боғлиқ замонавий таҳдидларни юзага чиқаради:

Улардан биринчиси - ноқонуний “пул ювиш” операциялари. Бундай ноқонуний операциялар орқали солиқ солишдан бўйин товлаш, жинойий йўл билан топилган пул маблағларини легаллаштириш жинойятларини содир этилишига олиб келади. Транзакцияларда иштирокчиларни мажбурий идентификация қилмасдан тўлов воситадан фойдаланган ҳолда бундай операцияларни амалга ошириш осонроқ. Шунингдек жинойятчилар учун афзаллик томони шунда-ки, агар муайян бир криптоҳамён

¹ <https://www.fatf-gafi.org/documents/documents/virtual-currency-definitions-aml-cft-risk.html#:~:text=Virtual%20currencies%20facilitate%20international%20payments,access%20to%20regular%20banking%20services>.

жиноятчига тегишли эканлиги маълум бўлса ҳам, қилинган транзакцияларни бекор қилиш ва ҳар қандай транзакцияларни блокировка қилиш мумкин эмас.

Криптовалюталар фирибгарлик қилиш ва молиявий пирамидалар учун восита бўлиб хизмат қилиши мумкин. Яъни криптовалюталарнинг ўзи пирамида сифатида тан олинмаса ҳам, унинг юқори рентабеллик кўрсаткичлари билан тез ва кўпроқ пул топиш таклифи кўринади. Кўпинча, ҳақиқатан ҳам молиявий пирамидани шакллантиради ва фақат уларнинг ташкилотчилари одатдаги пул ўрнига криптовалюталардан фойдаланишади.

Криптовалюталар гиёҳвандлик воситалари савдосига ҳам ҳозирда кириб борди. Бу эса, албатта, наркотик моддаларнинг ноқонуний айланмасига трансмиллий курашишни бирмунча мураккаблаштириб қўймоқда. Бу дегани катта маблағлар эвазига йирик миқдордаги гиёҳвандлик воситаларининг савдосига шароит яратилмоқда.

Шу билан бирга, терроризмни молиялаштиришда криптовалюталардан жиной гуруҳлар унумли фойдаланишлари мумкин. Чунки криптовалютада хайр-эҳсонларни йиғиш ҳақиқатан ҳам жуда оддий, пул ўтказиш учун тегишли манзилингизни эълон қилиш кифоя. Бундай эҳсонларнинг мақсади ва натижаси аниқ бўлмаганлиги сабабли криптовалюталардан терроризмни молиялаштиришда фойдаланиш мумкин деган хулоса чиқади.

КИМ ОЛЕГ

Старший прокурор Центра научно-прикладных
исследований проблем правоохранительной
деятельности Правоохранительной академии
Республики Узбекистан

БОБОХОНОВ АКРОМХОН АЛЛОХОНОВИЧ

начальник Центра научно-прикладных
исследований проблем правоохранительной
деятельности Правоохранительной академии
Республики Узбекистан

ПОВЫШЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ СНИЖЕНИЯ АВАРИЙНОСТИ НА ДОРОГАХ НАШЕЙ СТРАНЫ

***Аннотация:** Согласно Докладу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) о состоянии безопасности дорожного движения в мире за 2024 год, аварийность на дорогах по-прежнему представляет собой постоянную глобальную проблему. Дорожно-транспортные происшествия, в которых погибают более 2-х человек в минуту, свыше 3500 человек в день, около 1,2 млн. в год и ещё от 20-50 млн. человек получают серьезные травмы, которые во многих случаях приводят к инвалидности, остаются в мире одной из главных причин смертности среди детей и молодых людей в возрасте от 5 до 30 лет.*

***Ключевые слова:** Дорожная безопасность, аварийность на дорогах, культура вождения, правила дорожного движения.*

***Anotatioon:** According to the World Health Organization (WHO) State of the World Road Safety Report 2024, road accidents continue to be an ongoing global problem. Road traffic accidents in which more than 2 people die per minute, over 3,500 people per day, about 1.2 million per year, and another 20-50 million people receive serious injuries, which in many cases lead to disability, remain one of the world's leading causes of death among children and young people aged 5 to 30 years.*

***Keywords:** Road safety, road accidents, driving culture, driving culture, traffic laws.*

Согласно последнему Докладу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) о состоянии безопасности дорожного движения в мире за 2024 год, аварийность на дорогах по-прежнему

представляет собой постоянную глобальную проблему, а вероятность гибели пешеходов, велосипедистов и других уязвимых участников дорожного движения остается высокой и постоянно возрастает. Дорожно-транспортные происшествия, в которых погибают более 2-х человек в минуту, свыше 3500 человек в день, около 1,2 млн. в год и ещё от 20-50 млн. человек получают серьезные травмы, которые во многих случаях приводят к инвалидности, остаются в мире одной из главных причин смертности среди детей и молодых людей в возрасте от 5 до 30 лет¹.

В Республике Узбекистан ситуация с дорожно-транспортными происшествиями последние годы также продолжает оставаться сложной и процентная доля происшествий со смертельным исходом очень высокая. Особую тревогу вызывает то, что остаются высокими дорожные происшествия, связанные с детьми.

Согласно официальной статистике, ситуация с автотранспортной аварийностью в стране выглядит следующим образом.

Так, за 12 месяцев 2024 года совершено **9839** ДТП, за аналогичный период предыдущего года **9902**, хотя и наблюдается незначительное снижение, остаются высокими происшествия со смертельным исходом это **1949** случая, в котором погибло **2282** человек. В 2023 году совершено **2086** ДТП со смертельным исходом, в котором погибло **2356** человек.

В 2024 году совершено **1794** происшествий с участием детей, в которых погибло **263** и **1568** ребенка получили различные травмы. Таким образом, у нас в стране на дорогах ежедневно в результате ДТП **погибают или получают тяжёлые увечья в среднем 5- 6 ребенка!**

Для сравнения: в Японии с населением свыше 124 млн. человек и количеством зарегистрированных автотранспорта свыше 80 млн. единиц, за 2024 год погибло на дорогах 2678 человек, из них 315 ребёнка. А такая страна как Норвегия, где официально зарегистрировано 2,8 млн. автомобилей погибло 110 человек. Кроме того, в 2024 году в мировом рейтинге по дорожной безопасности, Норвегия отличилась нулевой детской смертностью на дорогах.

Высокая аварийность у нас на дорогах в первую очередь связано тем, что с значительным ростом численности и благосостояния

¹ Доклад ВОЗ о состоянии дорожной безопасности за 2024 год. <https://www.who.int>.

населения нашей страны, соответственно, в разы увеличилось количество зарегистрированных транспортных средств. Так, например, в 2021 году в Ташкенте было зарегистрировано 417645 единиц техники, а по всей республике 2735304. А уже в 2023 году, в Ташкенте стало 782451 единиц техники, а по республике 4624069. То есть, количество автотранспорта у населения за два года выросло в двое, но при этом, качество дорожной и придорожной инфраструктуры на дорогах нашей страны не повысилась соответствующими темпами.

Другим немаловажным фактором, влияющим на аварийность, являются низкий уровень правового сознания и правовой культуры участников дорожного движения, недисциплинированность водителей транспортных средств и пешеходов, отсутствие понимания в обществе важности мероприятий по обеспечению дорожной безопасности.

От культуры водителей, пассажиров и пешеходов напрямую зависит безопасность дорожного движения. Зачастую пробки и аварии на наших дорогах – результат неспособности водителей координировать свое поведение с поведением других участников дорожного движения.

Уровень правовой культуры проявляется на дороге в самых простых вещах: пропускает ли водитель того, кто перестраивается, объезжает ли пробку по обочине, въезжает ли на перекресток, где образовался затор, заведомо понимая, что будет мешать перпендикулярному движению. Садится за руль в нетрезвом состоянии, чем ниже культура вождения и хуже ведут себя водители на дороге, тем сложнее становится ситуация на дорогах нашей страны.

Так, согласно статистике, более **90 % всех ДТП** у нас на дорогах происходит по вине водителей, которые грубо нарушают Правила дорожного движения (ПДД).

Наиболее частые нарушения, которые являются основными причинами ДТП являются:

- несоблюдение скоростного режима- **62,0%;**
- несоблюдение правил обгона - **8,0%;**
- несоблюдение правил проезда через перекресток - **4,5%;**
- несоблюдение дистанции -**3,3%;**
- несоблюдение требований дорожных знаков - **3,3%;**

-вождение транспортных средств в состоянии алкогольного опьянения-**1,8%**.

Последствиями этих нарушений в основном являются:

- наезд на пешехода и велосипедиста- **57,8%**;
- лобовое столкновение- **28,7%**;
- опрокидывание автотранспорта-**5,7%**;
- столкновение с разделительным бордюром-**4,9%**;
- столкновение сзади впереди движущейся или стоящей машиной-**1,5%**.¹

Кроме того, сегодня современные водители, особенно начинающие, находятся за рулем в более сложных дорожных условиях, так как сталкиваются с возрастающим количеством автомобилей, загруженными дорогами, сложными перекрестками, большим количеством отвлекающих факторов. Все это приводит к тому, что водители во время движения, а также другие участники движения становятся всё более грубыми и недисциплинированными, проявляя при этом излишнюю агрессию и ярость.

Считается, что выражение «дорожная ярость» (Roadrage) появилось в США в 1987 г., когда ведущий одного из телеканалов употребил его в прямом эфире. После этого случая Ассоциация Автомобилистов Америки выпустила брошюру, объясняющую, как правильно реагировать на подобное поведение. Интересно, что в конце 90-х гг. понятие «дорожная ярость» хотели сделать официальным медицинским диагнозом! Правда, как показали более поздние исследования, проведенные Национальным институтом психического здоровья США, вспышки гнева за рулем – сложное явление, и могут быть спровоцированы целым рядом факторов, в том числе и другими заболеваниями.

Безусловно, для психологической подготовки водителей к дорожной среде необходима работа специальных психологов. Наиболее уместной эта работа выглядит на базе автошкол во время подготовки водителей к сдаче экзамена².

¹ Аналитический обзор МВД РУ о состоянии дорожной безопасности в Республике Узбекистан за 12 месяцев 2024 года. <https://data.egov.uz>

² Безруков Д.А., Войтенков Е.А. Психологические аспекты применения социальной рекламы в сфере повышения безопасности дорожного движения // Юридическая психология. – 2011 – № 2.

В передовых зарубежных странах, для психологической подготовки водителей к дорожной среде, в процессе обучения предусмотрена работа специальных психологов. У нас в автошколах такие должности не предусмотрены и в учебных программах по обучению к вождению, по этой дисциплине отведено всего 20 часов.

Например, в Российской Федерации в большинство автошкол введен в программу подготовки водителей курс обучения основам психологии водительской деятельности. Его основная задача заключается в том, чтобы при обучении учащихся автошкол объяснить им специфику поведения на дороге с учетом психофизиологических особенностей человека, умению избегать и урегулировать возможные конфликты между участниками дорожного движения. А в Германии и в Японии обучение и сдача экзаменов по психологической подготовке считается одним из самых сложных и длительных этапов и требует очень тщательной подготовки к ней¹.

Другой действенный способ мотивации населения соблюдать правила поведения в обществе – это религия. В основе любой религии всегда находится стремление соответствовать некоему идеалу, отсюда и стремление к развитию личности, правильному ее воспитанию.

Опираясь на социально-политические доктрины, духовенство обладает реальным влиянием на социальную ориентацию прихожан, используя религиозные чувства людей относительно таких ценностей, как жизнь, здоровье, семья и дети. Боязнь смерти и того, что после нее произойдет — один из сильнейших мотивов верующих людей выполнять все религиозные каноны и следовать рекомендациям священнослужителей.

Исполнение религиозных норм дисциплинирует. Религия требует знать меру в еде, половых отношениях, алкоголе, исполнять ритуальные предписания (молитвы), посты. Она учит следить за движениями своего эмоционального мира и оказывать ему сопротивление, если дело касается запретных страстей. Такая сдержанность формирует твердость характера, сильный самоконтроль и осознанность.

¹ Байжанов У.С. «Сәтті сапар!» Актуальные вопросы безопасности дорожного движения: Научно-практическое издание. – Астана, 2017. – с. 35

В ходе ряда исследований, проведенных Правоохранительной Академией РУ по изучению криминогенной обстановки в регионах, были проведены консультации с руководством крупнейших религиозных конфессий Узбекистана – мусульманства и православного христианства по вопросам пропаганды соблюдения дорожной безопасности. Предложенная тема для духовно-нравственного просвещения прихожан была воспринята положительно. Духовенство выразило свою готовность проповедовать соблюдение здорового образа жизни, воспитание в обществе терпимости и культуры, направленной на соблюдение мер безопасности дорожного движения.

Таким образом, для повышения культуры участников дорожного движения, с целью повышения безопасности дорожного движения на наших дорогах предлагается следующее:

1. В штат автошкол ввести должность психолога, в задачу которого будет входить не только адаптация водителей к дорожной среде, но и выявление психологических расстройств и отклонений, относящихся к противопоказаниям к вождению автотранспорта;

2. В имеющиеся в учебные программы автошкол ввести расширенную программу по повышению культуры безопасного поведения водителей на дорогах.

3. С целью формирования в обществе негативного отношения и нулевой терпимости к нарушителям правил дорожного движения, широко освещать в средствах массовой информации, в социальных сетях, по каждому телерадиоканалу, поочередно, каждый день передач воспитательного и разъяснительного характера со следующим контентом;

- широкая пропаганда и агитация по повышению правового сознания и правовой культуры среди всех участников дорожного движения;

- информирование населения о правильном толковании нормативных актов касательно безопасности дорожного движения (к сожалению, многие наши пешеходы и водители не знают в полной мере ПДД);

- показ видеосъемок о ДТП и других дорожных инцидентах, снятых УБДД, телеоператорами, мобильными репортерами, автоблогерами с комментариями о причинах и условиях, способствовавших совершению этих происшествий, осуждением

действий наиболее злостных нарушителей правил дорожного движения;

- разработать на системном уровне, с привлечением общественных институтов гражданского общества, журналистов, писателей, блогеров механизм общественного контроля по дорожной безопасности;

- разработать действенный механизм материального поощрения лиц, сообщающих о злостных нарушениях на дорогах;

4. Правоохранительным органам наладить взаимодействие с духовенством для культивирования и пропаганды соблюдения правил дорожного движения, повышения культуры поведения и уважительного отношения между собой всех участников дорожного движения.

ШОМАХСУДОВ ШОАКРОМ ШОМУРАТОВИЧ

Ўзбекистон Республикаси Ҳукукни
муҳофаза қилиш академияси
лаборатория бошлиғи

ЭЛЕКТРОН КАЛИТЛАР ВА УЛАРНИ КРИМИНАЛИСТИК ТАДҚИҚ ҚИЛИШНИНГ ЎЗИГА ХОС ХУСУСИЯТЛАРИ

Аннотация: Ушбу мақолада ахборот хавфсизлигининг муҳим бўлаги ҳисобланган электрон калитлар, уларни криминалистик тадқиқ қилиш усуллари, мазкур йўналишдаги мавжуд муаммолар ва келажакда эътибор қаратилиши лозим бўлган масалалар келтирилган.

Калит сўзлар: Рақамли технологиялар, электрон калитлар, ахборот хавфсизлиги, криптография, суд- экспертизаси.

Аннотация: В данной статье рассматриваются электронные ключи как важный элемент информационной безопасности, методы их криминалистического исследования, существующие проблемы в этой области и вопросы, требующие внимания в будущем.

Ключевые слова: Цифровые технологии, электронные ключи, информационная безопасность, криптография, судебная экспертиза.

Annotation: This article discusses electronic keys as a crucial component of information security, methods of their forensic examination, current challenges in this field, and issues that require future attention.

Key words: Digital technologies, electronic keys, information security, cryptography, forensic examination

Рақамли технологиялар тез суръатларда ривожланаётган замонавий даврда электрон калитлар нафақат ахборот хавфсизлигининг муҳим бўлаги сифатида, балки бутун рақамли экотизимнинг пойдевори сифатида ўз ўрнини мустаҳкамлаган. ХХІ асрнинг бошидан бошлаб электрон калитлар технологияси криптографиянинг назарий асосларидан, амалий қўлланилишгача бўлган барча босқичларни босиб ўтиб, бугунги кунда миллионлаб фойдаланувчиларнинг кундалик фаолияти ажралмас қисмга айланган. Ушбу технологиянинг ривожланиши нафақат индивидуал фойдаланувчилар учун, балки давлат тузилмалари, корпоратив ташкилотлар, хусусан, дастурий таъминот ишлаб чиқарувчилар ва халқаро ҳамжамият учун ҳам стратегик аҳамиятга эга бўлиб, рақамли жамиятнинг барқарор ривожланишини таъминлашда муҳим роль эгаллайди.

Бу технология асосида ётган математик тамойил ва алгоритмлар нафақат маълумотларнинг махфийлигини таъминлаш, балки рақамли идентификация, аутентификация, маълумотлар яхлитлигини сақлаш, дастурий таъминотлардан рухсатсиз фойдаланишни чеклаш каби муҳим вазифаларни ҳам бажаради. Электрон калитларнинг турли турлари ва уларнинг ўзига хос техник хусусиятлари ҳар бир аниқ вазифа ва қўлланилиш соҳаси учун оптимал ечимларни таклиф этади. Шу билан бирга, ушбу технологиянинг криминалистик нуқтаи назардан ўрганилиши замонавий ҳуқуқни муҳофаза қилиш органларининг фаолиятида янги имкониятлар ва йўналишларни очиб беради.

Криптографик алгоритмлар асосида яратилган, маълумотларни шифрлаш, рақамли имзолаш, аутентификация ва авторизация жараёнларини амалга ошириш учун мўлжалланган махфий ёки очик кодлар тўпламидан иборат электрон калитлар ва ушбу технология, пировардида нафақат шахсий маълумотлар хавфсизлигини таъминлашда, балки давлат идоралари, бизнес ташкилотлари ва оддий фойдаланувчилар ўртасидаги рақамли алоқаларни ҳимоя қилишда ҳам муҳим аҳамиятга эга.¹ Электрон калитларнинг пайдо бўлиши ва ривожланиши ахборот жамиятининг шаклланиши билан чамбарчас боғлиқ бўлиб, улар замонавий рақамли иқтисодиёт ва

¹ Daminova B. E., Aliyev R. A., Abduhalimova X. S., Umirova M. A. Elektron hukumat va elektron raqamli imzoning qo'llanilishi // Экономика и социум. 2025. №4-2 (131). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektron-hukumat-va-elektron-raqamli-imzoning-qo'llanilishi> (дата обращения: 25.06.2025).

электрон ҳукумат тизимларининг пойдевори ҳисобланади. Электрон калитларнинг ўзига хос хусусиятлари ва уларнинг кенг қўлланилиши замонавий криптографик тизимларнинг мураккаблиги ва кўп қирралилиги ҳақида яққол тасаввур беради.

Юқорида таъкидланганидек, электрон калитларнинг назарий асосларини маълумотларни ўзгартиришлардан ҳимоя қилиш учун математик усуллар ва алгоритмларни ўрганувчи фан соҳаси бўлган криптография фанининг фундаментал тамойиллари ташкил этиб, асосан икки турдаги калитлардан фойдаланилади: очик калит (public key) ва ёпиқ калит (private key).

Очик калит барча фойдаланувчилар учун мўлжалланган бўлиб, у орқали маълумотларни шифрлаш ёки рақамли имзони текшириш мумкин. Ёпиқ калит эса фақат калит эгасига маълум бўлиб, у шифрланган маълумотларни очиш ёки рақамли имзо қўйиш учун ишлатилади.¹ Ушбу икки томонлама калит тизими асимметрик криптография ёки очик калитли криптография деб аталади ва замонавий ахборот хавфсизлиги тизимларининг асосини ташкил этади.

Электрон калит тушунчаси ва аҳамияти нафақат техник жиҳатдан, балки ижтимоий-иқтисодий нуқтаи назардан ҳам кенг қамровлидир. Рақамли трансформация шароитида электрон калитлар нафақат маълумотлар хавфсизлигини таъминлаш воситаси сифатида, балки рақамли идентификация, электрон имзо қўйиш, онлайн тўловлар амалга ошириш ва электрон ҳужжат айланмаларини ташкил этиш учун ҳам кенг қўлланилмоқда.² Шунингдек, мазкур технология асосида фойдаланувчилар ўзларининг рақамли шахсини тасдиқлаши, банк операцияларини хавфсиз амалга ошириши, электрон ҳукумат хизматларидан фойдаланиши ва турли рақамли платформаларда аутентификация жараёнларини ўтказиши мумкин.

Фойдаланиш соҳасига кўра давлат, бизнес ва шахсий мақсадлар учун мўлжалланган турларга ажратилиб, биринчиси давлат органлари ва ташкилотлари ўртасидаги электрон ҳужжат

¹ Abdullayev Y. K. Elektron raqamli imzo algoritmlarining qiyosiy tahlili (RSA, ELGAMAL, DSA) // Academic research in educational sciences. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektron-raqamli-imzo-algoritmlarining-qiyosiy-tahlili-rsa-elgamal-dsa> (дата обращения: 25.06.2025).

² Гусакова Электронный ключ к успеху // Наука и инновации. 2010. №90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-klyuch-k-uspehu> (дата обращения: 25.06.2025).

айланмаларида, фуқароларнинг давлат хизматларидан фойдаланишида ва давлат маълумотлар базалари билан ишлашда қўлланилади. Бизнес электрон калитлари тижорат ташкилотларининг ички ва ташқи алоқаларида, электрон тижорат операцияларида ва корпоратив маълумотлар хавфсизлигини таъминлашда ишлатилади.¹ Шахсий электрон калитлар эса индивидуал фойдаланувчиларнинг рақамли фаолиятида, шахсий маълумотлар ҳимоясида ва турли электрон хизматлардан фойдаланишда қўлланилади.

Техник хусусиятлари бўйича электрон калитлар симметрик, асимметрик, ва гибрид шаклларга бўлинади. Симметрик калитлар - бу маълумотларни шифрлаш ва очиш учун бир хил калитдан фойдаланадиган тизимлар бўлиб, улар тезкор ишлаши билан ажралиб туради, лекин бошқа томондан калитни хавфсиз узатиш муаммоси мавжудлиги алоҳида ечимлар талаб этади. Асимметрик калитлар эса очик ва ёпиқ калитлар жуфтлигидан фойдаланиб, калитни узатиш муаммосини ҳал қилади, лекин ҳисоблаш жараёнининг мураккаблиги ва кўп вақт талаб этиши билан ажралиб туради. Гибрид тизимлар эса иккала усулнинг афзалликларини бирлаштириш мақсадида яратилган бўлиб, катта ҳажмдаги маълумотлар учун симметрик, калит алмашинуви учун асимметрик калитлардан фойдаланади.² Шунинг ёдда тутиш лозимки, танланаётган тизим ва калитларнинг узунлиги мураккаблик даражаси билан биргаликда хавфсизлик даражасининг юқори бўлишини ҳам таъминлайди.

Электрон рақамли имзо (ЭРИ) технологияси ҳам электрон калитларнинг энг муҳим қўлланилиш соҳаларидан бири ҳисобланади. ЭРИ орқали электрон ҳужжатларнинг асл нусхалиги, яхлитлиги ва муаллифлик ҳуқуқларини тасдиқлаш мумкин бўлади. RSA, ElGamal ва DSA каби энг кенг тарқалган ЭРИ

¹ Крисан Ю. А., Крисан А. А. Исследование электронного ключа с гальванической развязкой // Радиоелектроніка, інформатика, управління. 2008. №1 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-elektronnogo-klyucha-s-galvanicheskoy-razvyazkoj> (дата обращения: 25.06.2025).

² О. М. Шупило, М. М. Ащепкова Ключи к интернационализации электронной коммерции// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №9-5 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchi-k-internatsionalizatsii-elektronnoy-kommertsii> (дата обращения: 25.06.2025).

алгоритмларининг ҳар бири ўзига хос хусусиятларга эга.¹ RSA алгоритми ўзининг соддалиги ва ишончилиги билан машҳур бўлиб, кўплаб тижорат дастурларида қўлланилади. ElGamal алгоритми дискрет логарифм муаммосига асосланган бўлиб, юқори хавфсизлик даражасини таъминлайди. DSA (Digital Signature Algorithm) эса АҚШ ҳукумати томонидан стандарт сифатида қабул қилинган ва кенг миқёсда қўлланилади.

Ўзбекистон Республикасида ҳам ЭРИ алгоритмларининг стандартлари қабул қилинган бўлиб, Ўзбекистон Республикасининг “Электрон рақамли имзо тўғрисида”ги² Қонунига кўра Ўзбекистон Республикаси Ахборот технологиялари ва коммуникацияларини ривожлантириш вазирлиги электрон рақамли имзодан фойдаланиш соҳасидаги ваколатли давлат органи ҳисобланиб, электрон рақамли имзодан фойдаланиш соҳасидаги стандартлар, нормалар ва қоидаларни ишлаб чиқади.

Электрон калитларнинг амалда қўлланилиши электрон ҳукумат тизимларида, электрон калитлар орқали фуқароларнинг давлат хизматларига рақамли кириши, солиқ тўловлари, давлат харидлари ва ижтимоий хизматлардан фойдаланишида³, банк ва молия секторида онлайн банк хизматлар хавфсизлигини таъминлаш, пластик карталар билан тўловларни амалга ошириш, валюта алмашинуви ва сармоя амалиётларида айниқса намоён бўлмоқда. Электрон тижорат соҳасида эса маҳсулот ва хизматларни хавфсиз сотиб олиш, тўлов тизимларини ҳимоя қилиш ва мижозлар маълумотларини сақлашда электрон калитлардан кенг фойдаланилмоқда.⁴ Статистик маълумотларга кўра 2025 йил июль ҳолатига электрон рақамли имзо олиш бўйича Ўзбекистон

¹ Глухов А. Ю., Лопатин Д. В. Защита программного обеспечения с помощью электронных ключей // Гаудеамус. 2012. №20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-programmnogo-obespecheniya-s-pomoschyu-elektronnyh-klyuchey> (дата обращения: 25.06.2025).

² ЎРҚ-793-сон, Ўзбекистон Республикасининг Қонуни (12.10.2022).

³ Нечаев Ю. Б., Портных С. В. Мощные электронные ключи с активной обратной связью // Вестник ВГТУ. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moschnye-elektronnye-klyuchi-s-aktivnoy-obratnoy-svyazyu> (дата обращения: 25.06.2025).

⁴ Umarova M.Z. Elektron hukumat va interaktiv davlat xizmatlarini tashkil etish va ularni rivojlantirish // Raqamli iqtisodiyot (Цифровая экономика). 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektron-hukumat-va-interaktiv-davlat-xizmatlarini-tashkil-etish-va-ularni-rivojlantirish> (дата обращения: 25.06.2025).

Республикасининг **my.gov.uz** Ягона интерактив давлат хизматлари порталига 109 998 маротаба мурожаат қилинган.¹

Яна бир муҳим йўналиш сифатида дастурий таъминот ҳимояси соҳасида электрон калитларнинг махсус ўрнини айтиб ўтиш лозим. Дастурий маҳсулотларни ноқонуний нусхалашдан ҳимоя қилиш мақсадида электрон калитлар ёрдамида лицензия назорати амалга оширилади. Бу усул дастурий таъминот ишлаб чиқарувчиларининг интеллектуал мулк ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ва “электрон қароқчиликка” қарши курашишда самарали восита ҳисобланади. Электрон калитлар дастурий таъминотга ўрнатилган бўлиб, фойдаланувчи тўғри лицензияга эга эканлигини тасдиқлайди ва дастурнинг тўлиқ функционал имкониятларидан фойдаланиш имконини беради.

Замонавий электрон калитлар тизимларида хавфсизлик масалалари алоҳида эътибор талаб қилади. Электрон калитларнинг хавфсизлиги уларнинг яратилиши, сақланиши, узатилиши ва ишлатилиши жараёнларидаги барча босқичларда таъминланиши керак. Калитларнинг тасодифий генерацияси, хавфсиз сақлаш муҳитлари, шифрланган канал орқали узатиш ва вақт ўтиши билан калитларни янгилаш каби чоралар хавфсизлик даражасини оширади.² Бундан ташқари, квант компьютерларининг ривожланиши анъанавий криптографик алгоритмларнинг хавфсизлигига таҳдид солиш билан биргаликда, унга чидамли криптография алгоритмларини ишлаб чиқиш заруратини вужудга келтиради.

Электрон калитларнинг келажакда ривожланиш истиқболлари рақамли технологияларнинг умумий ривожланиш тенденциялари билан чамбарчас боғлиқ бўлиб, сунъий интеллект, блокчейн технологиялари, интернет қурилмалари (IoT) ва 5G алоқа тармоқларининг ривожланиши унга янги имкониятлар ва қўлланилиш соҳаларини очиб беради. Шу билан бирга, биометрик маълумотларни электрон калитлар билан интеграциялаш, мобиль қурилмаларда хавфсиз калитларни сақлаш, булутли хизматлар орқали калитларни бошқариш ва квант криптографиясига ўтиш каби

¹ <https://my.gov.uz/uz/service/1091>

² Abdusattorov S. Raqamli transformatsiya sharoitida elektron hukumatdan raqamli davlatga o'tish // Raqamli iqtisodiyot (Цифровая экономика). 2025. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raqamli-transformatsiya-sharoitida-elektron-hukumatdan-raqamli-davlatga-o-tish> (дата обращения: 25.06.2025).

йўналишлар келажакда электрон калитлар технологиясининг асосий ривожланиш векторларини белгилаб беради.

Бинобарин, электрон калитларнинг ижтимоий таъсири ва уларнинг кенг қўлланилиши натижасида юзага келаётган ўзгаришлар ҳам муҳим аҳамиятга эгаллигини унутмаслик лозим. Жумладан, рақамли идентификация тизимларининг ривожланиши, фуқароларнинг давлат ва бизнес ташкилотлари билан ўзаро муносабатларини тубдан ўзгартираётгани, турли хизматлардан масофавий фойдаланиш имкониятлари яратилаётгани эса, рақамли тенглик тамойилларини таъминлаш ва ижтимоий қатламларнинг рақамли технологиялардан фойдаланишни кенгайтириш масалаларини кун тартибига олиб чиқмоқда.

Ўз навбатида, замонавий рақамли жиноятчиликка қарши самарали курашишида электрон калитларни криминалистик тадқиқот қилиш ва уларнинг ишлаш алгоритмларини пухта ўрганиш ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлари учун муҳим аҳамиятга эга. Электрон калитлар технологиясини чуқур ўрганиш рақамли далилларни тўғри баҳолаш, электрон ҳужжатларнинг ҳақиқийлигини аниқлаш, киберхавфсизлик соҳасидаги ҳуқуқбузарликларни текшириш каби йўналишларда зарур бўлган билим ва кўникмаларни шакллантириш билан биргаликда, технологияларнинг доимий эволюцияси ва янги алгоритмларнинг пайдо бўлиши рақамли криминалистика соҳасидаги экспертлардан узлуксиз ўқиш, малака оширишни талаб этади. Шу билан бирга, электрон калитлар технологиясининг кенг қўлланилиши рақамли жамиятнинг хавфсизлигини таъминлаш ва фуқароларнинг ҳуқуқларини ҳимоя қилишда муҳим восита ҳисобланиб, ушбу технологиянинг криминалистик жиҳатдан ўрганилишини долзарб ва истиқболли йўналишга айлантиради.

Электрон калитларнинг экспертизаси - криминалистик тадқиқотларнинг махсус йўналиши бўлиб, электрон рақамли имзо, шифрланган маълумотлар, аутентификация тизимлари ва рақамли сертификатларнинг ҳақиқийлигини, яхлитлигини ва қонунийлигини аниқлашга қаратилгандир. Ушбу экспертиза тури нафақат техник жиҳатдан мураккаб жараёнларни ўз ичига олади, балки ҳуқуқий, криминалистик ва математик билимларнинг чуқур интеграциясини

ҳам талаб этади.¹ Суд экспертизаси методларининг самарали қўлланилиши рақамли далилларнинг ишончлилигини таъминлаш, электрон ҳужжатларнинг суд жараёнларида қабул қилинишини кафолатлаш ва киберхавфсизлик соҳасидаги ҳуқуқбузарликларни аниқлашда ҳал қилувчи аҳамиятга эга. Электрон тижоратнинг жаҳон иқтисодиётидаги ўрни ортиб бориши билан бирга, электрон калитларнинг суд экспертизаси ҳам янада мураккаб ва кўп қиррали методологик ёндашувларни талаб этмоқда.²

Электрон калитларнинг суд экспертизасида қўлланиладиган асосий методлар криптографик таҳлил, рақамли далилларни тўплаш ва таҳлил қилиш, электрон имзоларнинг текширилиши ва сертификатларнинг валидацияси каби йўналишларни ўз ичига олади. Криптографик таҳлил жараёнида экспертлар электрон калитларнинг математик асосларини ўрганиш билан бир қаторда, уларнинг генерация алгоритмлари, хеш-функциялар ва шифрлаш протоколларининг тўғрилигини текширади. Бу жараёнда турли алгоритмларнинг хусусиятлари чуқур таҳлил қилинади ва уларнинг техник параметрлари стандарт талабларга мувофиқлиги баҳоланади.³ Рақамли далилларни тўплаш методологияси эса электрон калитларнинг яратилиши, сақланиши, узатилиши ва ишлатилиши жараёнларининг барча босқичларини қамраб олади. Экспертлар компьютер тизимлари, мобиль қурилмалар, булутли хизматлар ва тармоқ инфратузилмаларидан электрон калитларга оид маълумотларни тўплаш, уларнинг яхлитлигини сақлаган ҳолда сақлаш ва кейинчалик таҳлил қилиш учун тайёрлаш бўйича махсус методлардан фойдаланадилар.

Электрон рақамли имзоларнинг суд экспертизаси электрон калитлар экспертизасининг энг муҳим йўналишларидан бири ҳисобланади. Бу жараёнда экспертлар электрон имзонинг яратилиш вақти, имзо эгасининг идентификацияси, имзоланган ҳужжатнинг

¹ Nasirova Z.X. Elektron tijoratning jahon iqtisodiyotidagi tutgan o'rnini // Raqamli iqtisodiyot (Цифровая экономика). 2024. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektron-tijoratning-jahon-iqtisodiyotidagi-tutgan-o-rni> (дата обращения: 25.06.2025).

² Normurodova L.D. Biometriya. biometrik tanib olish va biometrik identifikatsiyalash // Academic research in educational sciences. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-biometrik-tanib-olish-va-biometrik-identifikatsiyalash> (дата обращения: 25.06.2025).

³ Qudratov A.N., Adilov A.N. Elektron raqamli imzo // SCIENCE AND INNOVATION INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL. 2022. VOLUME 1 ISSUE 7. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7313179>

яхлитлиги ва имзо яратиш вақтидаги сертификатнинг амал қилиш муддати каби муҳим параметрларни текширади.¹ Электрон имзоларнинг ҳақиқийлигини аниқлаш учун экспертлар махсус дастурий воситалар ва криптографик кутубхоналардан фойдаланиб, очик калитлар инфратузилмаси (PKI - Public key Infrastructure) тизимидаги маълумотлар билан солиштиришлар ўтказадилар. Бундан ташқари, имзолаш жараёнида ишлатилган хеш-алгоритмлар, вақт белгиси хизматлари ва сертификатлар занжирининг барча элементлари батафсил текширилади. Электрон имзоларнинг суд экспертизасида биометрик идентификация усулларида ҳам фойдаланилади, бу эса имзо эгасининг шахсини аниқроқ тасдиқлаш имкониятини беради.²

Сертификатларнинг валидацияси ва текширилиши электрон калитлар экспертизасининг яна бир муҳим компоненти ҳисобланади. Рақамли сертификатлар электрон калитларнинг қонуний эгаларини тасдиқлаш ва уларнинг ишончлилигини кафолатлаш учун хизмат қилади. Суд экспертизаси жараёнида экспертлар сертификатларнинг бекор қилинганлар рўйхати ёки онлайн сертификат ҳолати протоколи орқали амал қилиш ҳолатини текширади, сертификат берувчи органларнинг ишончлилигини баҳолайди ва сертификатлар занжирининг яхлитлигини таҳлил қилади. Сертификатларнинг криптографик параметрлари, амал қилиш муддатлари, қўлланилиш соҳаси чегаралари ва махсус кенгайтмалар ҳам батафсил ўрганилади. Бу жараёнда халқаро стандартлар ва миллий қонунчилик талабларига мувофиқлик ҳам текширилади.

Техник воситалар ва дастурий таъминот электрон калитларнинг суд экспертизасида муҳим роль ўйнайди. Замонавий экспертиза лабораториялари махсус криптографик анализаторлар, рақамли криминалистика воситалари ва юқори унумли ҳисоблаш тизимлари билан жиҳозланади. Бу воситалар электрон калитларнинг мураккаб математик алгоритмларини таҳлил қилиш, катта ҳажмдаги маълумотларни қайта ишлаш ва турли форматдаги электрон

¹ Aldashev , I. ., & Xolmatova , D. (2024). Elektron raqamli imzo va undan foydalanish imkoniyatlari. Развитие и инновации в науке, 3(12), 5–9. извлечено от <https://inlibrary.uz/index.php/dis/article/view/52969>

² Куржос В. Л., Жданов Н. Ресурсоемкость генерации ключей электронной цифровой подписи // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursoemkost-generatsii-klyuchey-elektronnoy-tsifrovoy-podpisi> (дата обращения: 25.06.2025).

далилларни ўрганиш имкониятини беради.¹ Экспертлар шунингдек, очиқ кодли ва тижорат дастурларнинг комбинациясидан фойдаланиб, бир хил натижаларни турли воситалар орқали тасдиқлаш орқали экспертиза хулосаларининг ишончлилигини оширади.

Экспертлар ўчирилган файллар, формат қилинган дисклар ва шикастланган сақлаш қурилмаларидан электрон калитларга оид маълумотларни тиклаш учун юқори даражадаги техник кўникмалар ва махсус воситалардан фойдаланадилар. Бу жараёнда маълумотларнинг яхлитлиги ва далилий қийматини сақлаш учун қатъий протоколлар ва стандартларга риоя қилинади. Криптографик калитларнинг хотира нусхаларининг тикланиши, шифрланган контейнерларнинг очилиши ва пароль билан ҳимояланган файлларнинг таҳлили ҳам ушбу методологиянинг муҳим жиҳатлари ҳисобланади.

Вақт ва хронологик таҳлил электрон калитлар экспертизасининг мураккаб жиҳатлари орасида алоҳида ўрин тутади. Электрон калитларнинг яратилиш вақти, фойдаланилиш тарихи, амал қилиш муддати ва бекор қилиниш вақти каби маълумотлар суд жараёнларида муҳим далиллар ҳисобланади. Экспертлар турли вақт белгиси хизматлари, лог файллар, тизим журналлари ва метамаълумотларни таҳлил қилиб, электрон калитларнинг ҳаёт даврини аниқ белгилашга ҳаракат қиладилар.² Вақт зоналари, ёзги/қишги вақтга ўтиш, тизим соатларининг нотўғрилиги ва вақт синхронизацияси масалалари ҳам бу жараёнда албатта ҳисобга олинади. Бундан ташқари, электрон калитлардан фойдаланиш статистикаси ҳам криминалистик таҳлилнинг муҳим қисми бўлиб, жиноят фаолиятининг йўналишлари ва жадаллигини аниқлашда ёрдам беради.

Электрон калитларнинг суд экспертизасида халқаро ҳамкорлик ва маълумот алмашиш масалалари тобора муҳим аҳамият касб этмоқда. Трансчегаравий рақамли жиноятлар ва электрон тижоратнинг глобаллашуви турли давлатларнинг экспертиза

¹ М. Е. Ипатов, Д. В. Белоус, Р. Р. Сиразетдинов Электронная подпись в системе внутреннего электронного документооборота // Техника средств связи. 2019. №1 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-podpis-v-sisteme-vnutrennego-elektronnogo-dokumentooborota> (дата обращения: 25.06.2025).

² Шевченко В. А., Пантелеева Т. А. Электронная цифровая подпись (эцп) в россии // Вестник УМЦ. 2018. №2 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-tsifrovaya-podpis-etsp-v-rossii> (дата обращения: 25.06.2025).

хизматлари ўртасида яқин ҳамкорликни тақозо этмоқда. Турли давлатлардаги электрон имзо стандартлари, сертификатларнинг ўзаро тан олинishi ва халқаро ҳуқуқий рамкалар экспертлардан кенг билим ва тажрибани талаб қилади. Экспертиза хулосаларининг халқаро суд жараёнларида қабул қилиниши учун тегишли стандартлар ва протоколларга риоя қилиш зарур. Бу контекстда экспертларнинг халқаро сертификатга эга бўлиши ва доимий малака ошириши муҳим аҳамиятга эга.

Квант криптография ва пост-квант алгоритмларининг пайдо бўлиши электрон калитларнинг тадқиқотида янги методлар ва ёндашувларни талаб қилмоқда. Анъанавий криптографик алгоритмлар квант компьютерларининг ривожланиши натижасида хавфсизлик жиҳатидан заиф бўлиб қолмоқда, бу эса янги квантга чидамли алгоритмларнинг ишлаб чиқилиши ва қўлланилишини тақозо этмоқда.¹

Хулоса қилиб айтганда, электрон калитларни тадқиқ қилиш ва уларни аниқлашнинг тадқиқот усуллари доимий ривожланиш ва такомиллаштиришни талаб қиладиган мураккаб соҳа ҳисобланади. Замонавий технологияларнинг тез ривожланиши, янги таҳдидларнинг пайдо бўлиши ва ҳуқуқий талабларнинг ўзгариши бу соҳадаги экспертлардан узлуксиз ўқиш ва мослашувни талаб қилади. Белгиланган аниқ тартиб ва қоидалар, инновацион техник воситалар ва халқаро ҳамкорлик электрон калитлар экспертизасининг самарадорлигини таъминлашнинг асосий омиллари ҳисобланади. Келажакда квант технологиялар, сунъий интеллект ва биологик тизимларнинг интеграцияси бу соҳага янги имкониятлар ва қийинчиликлар қўшишини ҳисобга олган ҳолда электрон калитларнинг тадқиқоти рақамли жамиятнинг хавфсизлигини таъминлаш ва адолатли суд жараёнларини қўллаб-қувватлашда муҳим роль ўйнашини ҳам эсдан чиқармаслик лозим.

¹ Гимазетдинова И.Н. Уголовное дело как комплексная документальная форма представления результатов уголовного судопроизводства: дис. канд. юрид. наук: 5.1.4 / Гимазетдинова И. Н. - Москва, 2023. - 211 с.

**АКБУТАЕВ АБРОР
АБДУРАХМАНОВИЧ**
Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш Академияси
бўлим бошлиғи

ARIN IDORALARARO TARMOQLARI: JINOIY AKTIVLARNI QAYTARISHGA QARATILGAN HAMKORLIK MASALALARI

Халқаро характердаги, яъни трансмиллий жиноятларнинг турлари, улар томонидан етказилган зарарнинг кўлами нафақат бирор бир давлат, балки халқаро ҳамжамият учун хавфли бўлиб, «халқаро характердаги жиноятлар – халқаро шартномаларда назарда тутилган, давлатлараро тинчлик муносабатларининг турли соҳаларига тажовуз қилувчи ижтимоий хавфли қилмиш»¹ ҳисобланади.

Шундай экан, бугунги кунда давлатларнинг ривожланишини секинлаштираётган, уларнинг иқтисодий, ижтимоий ва сиёсий соҳаларига салбий таъсир кўрсатаётган, инсоният учун катта хавф туғдириб келаётган трансмиллий жиноятлардан бири бу – коррупция билан боғлиқ жиноятлардир.²

Коррупцияга қарши Конвенцияга асосан «Коррупция – бу жамиятда турли йўллар билан исканжага оладиган даҳшатли иллатдир. У демократия ва ҳуқуқ устуворлиги асосларига путур етказди, инсон ҳуқуқлари бузилишига олиб келади, бозорлар фаолиятига тўсқинлик қилади, ҳаёт сифатини ёмонлаштиради ва одамлар хавфсизлигига таҳдид соладиган уюшган жиноятчилик, терроризм ва бошқа ҳодисалар илдиз отиб, гуллаши учун шароит яратиб беради».³

Коррупция билан боғлиқ жиноятлар орасидан ҳозирда ўзининг хавфи ва халқаро характерга эга бўлиб бориши билан жиноий йўл

¹ Д.Облакулов, И.Мустанов. Халқаро жиноят ҳуқуқи./Монография./ТДЮИ.-Тошкент, Адолат, 2013 йил,57-бет.

² Изоҳ: Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг Коррупцияга қарши Конвенцияси (UNCAC). БМТ Бош Ассамблеясининг 2003 йил 31 октябрдаги 58/4-сонли қарорига илова. III-боб, 15-26-моддаларида бевосита коррупция билан боғлиқ жиноятлар ўз аксини топган.

³ UNCAC. Муқаддима, III-бет.

билан топилган даромадларни легаллаштириш борасидаги жиноятларни алоҳида таъкидлаб ўтиш лозим.

Жиноий йўл билан топилган даромадларни легаллаштириш («пулларни ювиш») 1920 йилларда АҚШда жуда кенг тарқалиб, мафия¹ аъзолари ушбу усул орқали «курук қонунлар» («сухой закон») амал қилганда, спиртли ичимликларни контрабанда йўли билан сотишдан орттирган пуллари қонуний бизнесга жалб қилиб, уларни легаллаштирганлар.²

Мазкур жиноят терроризм, наркотикларни ноқонуний айланмаси, ноқонуний миграцияни ташкиллаштириш, контрабанда, ноқонуний қурол сотиш, одам савдоси ва шу каби трансмиллий уюшган жиноятлар билан узвий боғлиқ бўлиб, ушбу турдаги жиноятларга қарши курашиш бўйича «хамкорликдаги» нормалар сифатида Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг 1988 йилдаги Гиёҳвандлик воситалари ва психотроп моддаларни ғайриқонуний равишда муомалага киритишга қарши кураш тўғрисидаги Конвенция, 2003 йилдаги Коррупцияга қарши Конвенция, 1999 йилдаги Терроризмни молиялаштиришга қарши кураш тўғрисидаги халқаро Конвенция, 2000 йилдаги Трансмиллий уюшган жиноятчиликка қарши Конвенцияда ўз аксини топган.³

Бир тарафдан умумий иқтисодий муаммоларнинг пайдо бўлиши, иккинчи тарафдан ушбу муаммоларни келтириб чиқараётган трансмиллий характердаги сабабларнинг мавжудлиги, дунё ҳамжамиятини халқаро иқтисодий майдондаги интеграция жараёнларига «паразит» сифатида кириб келган ушбу криминал

¹ Изоҳ: жиноий ҳамжамият, XIX асрнинг иккинчи ярмида Италиянинг Сицилия оролида ташкил топиб, кейинчалик АҚШ ва бошқа иқтисодий ривожланган давлатларда ўзининг фаолиятини давом эттирган. Жиноий гуруҳларнинг уюшмасини («оила») ташкил этиб, ягона ташкилоти, тузилиши ва ўзини тутиш қоидаларига эга.

² В.А.Уткин. Международное право с преступностью: учебное пособие. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2019. (Магистратура). 79-бет.

Изоҳ: «Пулларни ювиш» термини тарихдан ўз маъносида тўғри ишлатилиб келинган. XIX асрнинг охирида АҚШ доллари қоғозга эмас, балки ипак матога муҳрланган. Купюраларнинг кўп муомалада бўлиши, уларнинг қирланишига олиб келарди. Шундан сўнг банклар кир ювиш хоналари мавжуд бўлган меҳмонхоналар билан ушбу банкнотларни ювиш юзасидан шартномалар тузишган.

³ В.А.Уткин. Международное право с преступностью: учебное пособие. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2019. (Магистратура). 79-бет.

вазиятга қарши курашиш учун кучларни бирлаштириш зарурлигини тақозо қилди.¹

Ривожланаётган давлатлар коррупция билан боғлиқ жиноятлар натижасида ҳар йили 20-40 млрд. АҚШ доллари миқдорида пул маблағларини йўқотадилар, бу пул маблағлари ушбу давлатларнинг ривожланиш мақсадлари учун ажратилаётган расмий ёрдамнинг 20-40% га тўғри келади². Яширин пул оқимлари давлатларнинг ижтимоий ва иқтисодий ривожланиш дастурлари маблағларидан шаклланиб, камбағал давлатлардаги шароитнинг янада ёмонлашувига, бу каби коррупцион ҳаракатлар эса инсонларнинг давлатга, унинг ваколатли органлари ва ташкилотларига бўлган ишончини сўндиришга олиб келмоқда.³

Бугунги кунда халқаро ҳамжамият турли принципларни шакллантирган ва келишувларни тузган ҳолда жиноий фаолиятдан олинган даромадларни легаллаштириш муаммосига қарши курашиб келмоқда, «Катта йигирматалик» давлатлари эса коррупция билан боғлиқ жиноятларга қарши курашишни ўз фаолиятларининг асосий элементи қилиб белгилаганлар.⁴

Шунингдек, Коррупцияга қарши Конвенциянинг нормаларида ҳам «активларнинг қайтарилиши мазкур Конвенциянинг энг муҳим принципи ҳисобланади ва иштирокчи давлатлар ушбу йўналишда бир-бирлари билан кенг миқёсда ва яқиндан ҳамкорлик қиладилар ҳамда бир-бирларига ёрдам кўрсатадилар» деб белгиланган.⁵

Ноқонуний маблағларни легаллаштириш ва уларни қайтариш соҳасида натижаларга эришиш мақсадида 2007 йилнинг сентябрь ойида Жаҳон банки ва Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг Наркотик моддалар ва жиноятчилик бўйича бошқармаси (UNODC)

¹ Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. А.В.Бриллиантова; отв.ред. А.А.Арямов, Г.А.Русанов. - М.:Издательство Юрайт, 2019. 250-бет.

² «World Bank, Stolen Asset Recovery (StAR) Initiative: Challenges, Opportunities, and Action Plan («Инициатива по обеспечению возврата похищенных активов: задачи, возможности и план действий» (Washington, DC 2007), 9.» – Руководство по возврату активов для специалистов-практиков/Жан-Пьер Брюн, Лариса Грей, Кевин Стивенсон, Клайв Скотт, Пер. с англ. – М.:Альпина Паблишер, 2012, (Серия «Библиотека Всемирного банка»), 13-бет.

³ Руководство по возврату активов для специалистов-практиков/Жан-Пьер Брюн, Лариса Грей, Кевин Стивенсон, Клайв Скотт, Пер. с англ. – М.:Альпина Паблишер, 2012, (Серия «Библиотека Всемирного банка»), 9-бет.

⁴ Ўша жойга қаранг.

⁵ UNCAC. 51-модда.

«ўғирланган активларни қайтариш ташаббуси»ни (StAR ташаббуси) илгари суришди.¹ Мазкур ташаббус Коррупцияга қарши Конвенциянинг V бобида белгиланган активларни қайтариш принципларига таянган ҳолда амалга оширилиб, аъзо давлатлардан коррупция натижасида олинган даромадларнинг бошқа жойга ўтказилишини олдини олиш, уларни аниқлаш, тақиқ қўйиш, мусодара қилиш, қайтариш каби чоралар кўришни талаб қилади.² Ушбу чораларни амалга ошириш учун давлатлар томонидан бир қатор механизмлар қўлланилиб, уларнинг асосийларидан бири бу - ўзаро халқаро ҳамкорлик механизмидир.³

«Мансабдор шахслар» - коррупционерлар асосан офшор зоналар, қалбаки компаниялар ва корпоратив тузилмалардан кенг фойдаланиб, мукаммал молиявий схемаларни қўллаган ҳолда, коррупция натижасида орттирган бойликларини легаллаштиришга ҳаракат қиладилар.⁴ Глобаллашув жараёнларининг тезлашиб кетиши, техниканинг тараққий этиши маблағларни турли хил пул ўтказмалари (аккредитив, кредит ва дебит карталари, банкоматлар ва мобиль иловалар) орқали уяли телефон ёки компьютер клавиатураси тугмачасини босган ҳолда, бир зумда бошқа жойга кўчириш имконияти мавжуд бўлган бугунги кунда, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларнинг активларни қидириш ва уларни қайтариш билан боғлиқ фаолияти бир қанча ойлар ва йилларга чўзилиши кузатилмоқда.⁵

Бундан ташқари, бошқа давлатларнинг «суверенитет принципи», шунингдек ҳуқуқий одатлардаги, қонунчиликдаги, жараёнлардаги, тилдаги, вақтдаги ҳамда ресурслардаги фарқларнинг мавжудлиги ҳам ҳамкорликни секинлашишига ҳамда суриштирув, тергов ва бошқа ҳуқуқий ҳаракатларни амалга оширилишига тўсқинлик қилмоқда.⁶ Ушбу факторларнинг барчаси ўз навбатида

¹ Ўша жойга қаранг.

² Руководство по возврату активов для специалистов-практиков/Жан-Пьер Брюн, Лариса Грей, Кевин Стивенсон, Клайв Скотт, Пер. с англ. – М.:Альпина Паблишер, 2012, (Серия «Библиотека Всемирного банка»), 13-бет.

³ UNCAC. 55-57-моддалар.

⁴ Руководство по возврату активов для специалистов-практиков/Жан-Пьер Брюн, Лариса Грей, Кевин Стивенсон, Клайв Скотт, Пер. с англ. – М.:Альпина Паблишер, 2012, (Серия «Библиотека Всемирного банка»), 185-бет.

⁵ Ўша жойга қаранг.

⁶ Руководство по возврату активов для специалистов-практиков/Жан-Пьер Брюн, Лариса Грей, Кевин Стивенсон, Клайв Скотт, Пер. с англ. – М.:Альпина Паблишер, 2012, (Серия «Библиотека Всемирного банка»), 186-бет.

амалиётчилардан бугунги кунда халқаро ҳамкорликни тезкорлик билан, «ўзаро баҳамжиҳатлик принципи»га таянган ҳолда, кўпроқ «норасмий шаклда» амалга ошириш лозимлигини талаб қилмоқда.¹

Халқаро ҳамкорликнинг расмий шакли асосан кўп томонлама ёки икки томонлама шартномаларда белгиланган шаклдаги ўзаро ҳуқуқий ёрдам юзасидан расмий топшириқлар, сўровномаларни тузиш ва юборишга таянса, норасмий шаклда эса барча ҳуқуқий ёрдам турлари расмий сўровнома ёки топшириқларсиз, алоқа вакилларининг ўзаро ишончи ва бевосита ҳамкорлиги асосида тезкорлик, оператив ва ҳеч қандай муддатларсиз амалга оширилади.²

Активларни қайтариш соҳасида ҳамкорликни норасмий шаклда амалга ошириш мумкинлиги Коррупцияга қарши Конвенцияда ҳам ўз аксини топиб, унда «давлатлар расмий илтимосномаларсиз бир-бирларига мазкур Конвенцияда жиноят деб топилган ҳатти-ҳаракатлар орқали орттирилган даромадлар тўғрисидаги маълумотларни етказишга чоралар кўришга ҳаракат қилиши» белгиланган.³

Шу ўринда, шахсий алоқаларни ривожлантириш ва мустаҳкамлаш принципига⁴ асосланган ҳолда ташкил топган, ўзининг глобал характери ва кенг географияси, самарали ва эффе́ктив фаолияти билан мутахассис-амалиётчиларнинг норасмий тармоқларидан бири бўлган ARIN (*Asset Recovery Interagency Network*) – «активларни қайтариш бўйича идоралараро тармоқ»ларининг бугунги кундаги фаолиятини таништириб ўтиш лозим.

2002 йил октябрда Ирландиянинг Дублин шаҳрида активларни қайтариш борасида халқаро ҳамкорлик масалаларига бағишланган конференция бўлиб ўтиб, Camden Court Hotel Dublin меҳмонхонасида барча Европа Иттифоқи давлатлари вакиллари иштирок этишган. Конференция доирасида амалиётчиларга

¹ Ўша жойга қаранг.

² Directory of Asset Recovery Networks, 4 June 2018, CAC/COSP/WG 2/2018/CRP 4, www.unodc.org.

³ UNCAC. 56-модда.

⁴ Шахсий алоқаларни ривожлантириш ва мустаҳкамлаш принципига асосланган ҳолда ҳамкорликнинг норасмий шакли қуйидаги кўринишлар бўлади: *шахсий алоқаларни ўрнатиш, марказий органни белгилаш ҳамда мутахассис-амалиётчиларнинг тармоқлари*. Руководство по возврату активов для специалистов-практиков / Жан-Пьер Брюн, Лариса Грей, Кевин Стивенсон, Клайв Скотт, Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2012, (Серия «Библиотека Всемирного банка»), 190-191-бетлар.

ноқонуний активларни аниқлаш, қидириш ва уларни жинойтчилардан қайтариш тавсиялари таништирилиб, улардан асосийси жинойй фаолиятдан олинган активларни аниқлаш ва қайтаришга қаратилган алоқа вакилларининг норасмий тармоқларини ҳамда ҳамкорликдаги гуруҳларини ташкил этиш эканлиги таъкидланди. Мазкур тавсияларга таянган ҳолда ташкил этилган Активларни қайтариш бўйича Камден идоралараро тармоғи (CARIN) 2004 йилнинг 22-23 сентябрь кунлари Нидерландиянинг Гаага шаҳрида бўлиб ўтган Конгрессда расман шакллантирилди.¹

CARIN эришган ютуқлардан келиб чиққан ҳолда ер юзининг бошқа

6 та худудида ҳам активларни қайтаришга қаратилган ARIN идоралараро тармоқлари ташкил этилиб, ҳозирда уларнинг сони 8 тадан иборат².

Ўзининг географик тузилишига кўра Ғарбий ва Марказий Осиё минтақаси кўп давлатларни ўз ичига қамраб олган бўлишига қарамасдан, улар ARIN глобал тизимига тўлиқ интеграциялашмаган эди. Ушбу ҳудудда жойлашган давлатларнинг ўз тармоқларини ташкил этиш бўйича билдирган қизиқишлари, ўтказилган кўплаб музокаралар ва учрашувлардан сўнг, 2018 йилнинг ноябрь ойида Қозоғистонда бўлиб ўтган экспертларнинг навбатдаги йиғилишда ARIN-WCA (*Asset Recovery Interagency Network west and Central Asia*) – Ғарбий ва Марказий Осиё давлатларининг активларни қайтариш бўйича идоралараро тармоғи ташкил этилганлиги ва ўз фаолиятини бошлаганлиги эълон қилинди.

ARIN-WCAга бугунги кунда Афғонистон, Эрон, Қозоғистон, Қирғиз Республикаси, Покистон, Тожикистон, Туркменистон ва Ўзбекистон

(жами 8 та) давлатлари аъзо бўлиб, Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг Наркотик моддалар ва жинойтчилик бўйича бошқармаси (UNODC), CARIN, ARIN-AP, ARINSA, ARMA (Украина) тармоқнинг кузатувчилари ҳисобланади.

¹ Camden Asset Recovery Inter-Agency Network / The History, Statement of Intent, Membership and Functioning of CARIN. Manual, 5th Edition. © Guernsey Law Officers, 2015. www.europol.europa.eu, www.carin.network.

² ARIN-AP (Осиё ва Тинч океани), ARIN-CARIB (Кариб ҳавзаси), ARIN-EA (Шарқий Африка), ARIN-WA (Ғарбий Африка), ARINSA (Жанубий Африка), RRAG (Лотин Америкаси).

ARIN-WCA тармоғи тўлақонли ва самарали фаолият юритиши учун аъзо-давлатлардан ташқари, ўзининг *Бошқарув гуруҳи*, ҳар йили сайланадиган *Раиси*, доимий фаолият олиб боровчи *Котибияти*¹ ҳамда *Кузатувчиларига* эга.

ARIN тармоқларининг асосий мақсади - жиноий йўл билан топилган активларни қайтариш ва жиноятчиларни ушбу активлардан маҳрум қилишда ҳатти-ҳаракатлар самарадорлигини оширишдан иборатдир. Активларни қайтариш борасида ўз олдига қўйган мақсадларга эришиш учун бугунги кунда ARIN ташкилотлари томонидан қуйидаги асосий вазифалар белгиланган:

- алоқа вакиллари ўртасида ўзаро ҳамкорликни ўрнатиш ва ривожлантириш;
- халқаро мажбуриятлар доирасида жиноий фаолиятдан олинадиган даромадларга ўзининг кескин ва тезкор муносабатини билдириш;
- керакли ахборот ва тажриба алмашинувини ривожлантириш;
- активларни қайтариш борасида етакчи халқаро ташкилотлар билан ўзаро мустаҳкам алоқаларни ўрнатиш;
- активларни қайтариш бўйича эксперт марказлари ролини бажариш;
- мазкур соҳада тавсиялар ишлаб чиқиш ва кадрлар тайёрлаш масалалари бўйича ҳамкорликни ривожлантириш;
- активларни қайтариш бўйича тадқиқотлар ўтказиш.

ARIN тармоқларига аъзо давлатларнинг ҳар бири тармоқ доирасида ноқонуний активларни қайтариш билан боғлиқ вазифаларни амалга ошириш учун суд ва ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар вакиллари билан иборат 2 тадан вакил тайинлашади. Ушбу алоқа вакиллари ўз ваколатлари доирасида активларни қайтариш билан боғлиқ барча ҳуқуқий чораларни тезкорлик билан кўришга, хусусан жиноий активларни қидириш, уларни таъқиб қилиш, музлатиш, тақиқ қўйиш, мусодара қилиш ва қайтаришга ҳаракат қиладилар. Расмий кўринишдаги ҳуқуқий ёрдамдан фарқли ўлароқ ушбу ҳаракатлар содда шаклда, жумладан телефон, интернет, электрон почта, мобиль илова ёки видеоконференция воситасида, алоқа вакиллари билан шахсий ҳамкорликлари орқали амалга оширилиб, ўз характерига кўра тезкор ва самарали ҳисобланади.

¹ Изоҳ: Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси ARIN-WCA тармоғининг доимий Котибияти ҳисобланиб, унинг функцияларини амалга ошириш Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси Академиясига юклатилган.

ARIN тармоқларининг активларни қайтариш соҳасида ютуқларга эришиш факторлари таҳлил қилинадиган бўлса, улар қуйидагилардан иборат эканлигини кўриш мумкин:

- биринчидан, тармоқлар алоқа вакиллари ўртасидаги ҳамкорлик ўзаро шахсий алоқаларга таянган ҳолда ўрнатилганлиги;

- иккинчидан, ушбу ҳамкорлик ўзаро ишонч ва «баҳамжиҳатлик принципи»га таянади;

- учинчидан, мазкур ҳамкорлик расмий сўровлар ёки топшириқларсиз, содда шаклда, жумладан телефон, мобиль алоқа ва иловалар, интернет, электрон почта, видеоконференция орқали амалга оширилади;

- тўртинчидан, мазкур ҳамкорлик доирасида ортиқча расмийчилик, формал ҳужжатларни тузиш ҳамда муддат талаб қилинмайди, сўровлар оператив ва тезкорлик билан амалга оширилади;

- бешинчидан, тармоқ орқали алоқа вакиллариининг ўз ҳамкорларига ҳафтанинг исталган кунида ва вақтида (24/7 форматда) сўровлар, илтимосномалар юбориши ҳамда натижаларини сўраши, шунингдек керакли маълумотларни тезкор тарзда олиши таъминланганлиги;

- олтинчидан, ARIN тармоқлари алоқа вакиллари томонидан ноқонуний активлар аниқланганда, улар тўғрисида маълумот етказиш, уларни қидириш, таъқиб қилиш, тақиқ қўйиш, мусодара қилиш ҳамда қайтариш чораларини кўриш юзасидан мустақил ташаббус кўрсатади;

- еттинчидан, ҳамкорликдаги ўзаро тезкор ҳаракатлар активларнинг жинойтчилар қўлида сарфланиб кетишини олдини олади.

Бироқ амалиётда ARIN тармоқларининг фаолиятига тўсқинлик қилувчи факторлар ҳам йўқ эмас. Хусусан, давлатларнинг ички қонунчилиги ва процедураларига асосан норасмий шаклда юборилган илтимоснома ва сўровларнинг бажарилмаслиги, ахборот ва маълумотларнинг сир сақланиши туфайли уларни олиш имконияти йўқлиги, алоқа вакиллариининг доимий алмашинуви (ротацияси), илтимоснома ва сўровлар бажарилишини назорат қилишнинг имконияти йўқлиги ва муддатларининг аниқ эмаслиги, ушбу тармоқларнинг нормал фаолият юритишига ва керакли натижаларга эришишига, ноқонуний активларнинг жинойтчилар

томонидан

ўз манфаатлари йўлида сарфланиб кетишига олиб келмоқда.

Шундай экан, бугунги кунда ARIN тармоқлари фаолиятини янада ривожлантириш, ушбу тармоқларнинг жаҳон миқёсидаги ўрни ва аҳамиятини ошириш, амалга оширган ишларини кенг тарғиб қилиш ва уларни танитиш, тармоқларга янги, хусусан офшор ҳудудларда жойлашган давлатларни аъзо қилиш орқали уларнинг сафини янада кенгайтириш, ARIN тармоқларини нуфузли халқаро ташкилотлар (ФАТФ, Эгмонт гуруҳи, ЕХХТ, ШХТ ва ҳ.к.) билан интеграциялашувини амалга ошириш, фаолиятини қонунийлаштириш орқали уларнинг мақомини белгилаш лозимлигини тақозо этмоқда.

XURRAMOV BAHODIR SAPPAROVICH

O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza
qilish akademiyasi bo‘limi katta prokurori

RAQAMLI KO‘NIKMALARNI TIZIMLI SHAKLLANTIRISH ORQALI YOSHLAR ORASIDA KIBERXAVFNI BARTARAF ETISHNING ISTIQBOLI

*“Biz ijtimoiy tarmoqlarda doimiy bo‘lishni
xohlaymiz, ammo bu bizning haqiqiy
aloqalarimizni susaytiradi. Yuzma-yuz
muloqotlar o‘rniga onlayn muloqotlar bizni
jismonan va ruhiy jihatdan yolg‘iz qoldiradi”*

Sherry Turkle

***Annotatsiya.** Ushbu maqolada raqamli texnologiyalarning ta’lim jarayonidagi
ijobiy va salbiy tomonlari ko‘rib chiqiladi. Ijobiy tomonlari o‘quvchilarga
bilimlarni oson o‘zlashtirish, motivatsiya yaratish, kommunikatsiya va interaktiv
o‘rganish imkoniyatlarini taqdim etadi. Salbiy tomonlari esa xavfsizlik
muammolari, virtual aloqalarning shaxsiy aloqalarni kamaytirishi va
texnologiyalarning doimiy yangilanishini talab qilishi bilan bog‘liq. Maqola
raqamli texnologiyalarni samarali ishlatish uchun imkoniyatlar va xavflarni
tushunish, strategiyalarni ishlab chiqish zarurligini ta’kidlaydi.*

***Kalit so‘zlar:** raqamli texnologiyalar, ta’lim jarayoni, kiberxavfsizlik, axborot xavfsizligi, interaktiv o‘rganish, virtual aloqa, shaxsiy ma’lumotlar, tizim, texnologiya.*

Kirish. Bugungi kunda hayotni ilm-ma’rifat va ta’lim taraqqiyotisiz tasavvur etib bo‘lmaydi. Go‘yo insoniyat fan o‘qi atrofida aylanayotgandek. Jahonning yetakchi davlatlarida ta’limni rivojlantirish birinchi darajali ustuvor vazifa sifatida belgilanayotgani ham bejiz emas. Zero, har qanday mamlakatning kelajakdagi barqaror taraqqiyoti, avvalo, ta’lim sohasida erishilgan yutuqlar bilan chambarchas bog‘liqdir.

Ta’lim islohotlari jarayonidagi ustuvor maqsadlardan biri sifatida yoshlar orasida raqamli ko‘nikmalarni tizimli to‘g‘ri shakllantirish hamda bugungi globallashgan jamiyatda kiberxavfni bartaraf etish orqali axborot xavfsizligini ta’minlash masalasidir. Chunki raqamli texnologiyalar va internetning keng tarqalishi, ayniqsa yoshlar orasida, xavf-xatarlarni keltirib chiqarishi mumkin. Shuning uchun, bu sohada sezilarli o‘zgarishlarni amalga oshirish, avvalo, yoshlarning raqamli ko‘nikmalarini oshirish, ularni kiberxavflardan himoya qilish uchun zarur kasbiy, psixologik va professional ko‘nikmalarni rivojlantirish bilan bevosita bog‘liqdir.

Bugungi kunda dunyoning ko‘plab rivojlangan davlatlarida yoshlarni raqamli ko‘nikmalarni tizimli shakllantirish, shuningdek, ularni kiberxavfsizlik va axborot xavfsizligini ta’minlashga qaratilgan kompleks chora-tadbirlar amalga oshirilmoqda. Mamlakatimizda raqamli texnologiyalarni samarali va xavfsiz foydalanishni o‘rgatish, yoshlarni kiberxavflardan himoya qilish va ularning axborot xavfsizligini ta’minlashga qaratilgan farmon va qarorlarda belgilangan ustuvor vazifalardan kelib chiqib, raqamli ko‘nikmalarni shakllantirish tizimini xalqaro standartlar talablariga moslashtirish va ularni zamonaviy ijtimoiy muhitga mos holda shakllantirish muhim vazifalardan biri hisoblanadi.

Jumladan, O‘zbekiston Respublikasining 2020-yil 23-sentabrdagi “Ta’lim to‘g‘risida”gi O‘RQ-637-sonli Qonuni, shuningdek, O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2020 yil 5 oktabrdagi “Raqamli O‘zbekiston – 2030” strategiyasini tasdiqlash va uni samarali amalga oshirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi PF-6079-sonli hamda 2023-yil 11-sentabrdagi “O‘zbekiston - 2030” strategiyasi to‘g‘risida”gi farmonlari va 2005 yil 28 sentyabrdagi “O‘zbekiston Respublikasining jamoat ta’lim axborot tarmog‘ini tashkil etish to‘g‘risida” 2005-yil 28-sentabrdagi PQ–191-son, 2020-yil 15-iyundagi “O‘zbekiston Respublikasida kiberxavfsizlikni

ta'minlash tizimini yanada takomillashtirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi PQ-4751-son qarorlarida yoshlarni raqamli ko'nikmalarni tizimli shakllantirish va ularni kiberxavflardan himoya qilish alohida qayd etilgan. Ushbu hujjatlar yoshlarni zamonaviy bilimlarga ega bo'lishi, raqamli texnologiyalarni o'rgatishning innovatsion usullarni qo'llash, kiberxavfsizlikni ta'minlash, shuningdek, yoshlar orasida raqamli savodxonlikni rivojlantirishni masallariga alohida e'tibor qaratilgan.

Mazkur qonun hujjatlarida yoshlarni tarbiyalashda raqamli ko'nikmalarni tizimli shakllantirish va kiberxavfsizlikni ta'minlash, shu bilan birga, yoshlarni raqamli xavfsizlikka o'rgatish va kiberxavflardan himoya qilish, tez o'zgaruvchan raqamli muhitga moslashish qobiliyatini shakllantirishga alohida urg'u berilgan.

Xususan, hozirgi kunga qadar kiberxavfsizlik bo'yicha mutaxassislarni tayyorlaydigan davlat oliy ta'lim muassasalari, maktab, litsey va kollejlarning mavjud emasligi, kadrlar tayyorlash sifatiga salbiy ta'sir ko'rsatmoqda. Bundan tashqari, kiberxavfsizlikni tartibga soluvchi vakolatli organ tomonidan kadrlarni tayyorlash borasida yagona metodikani ishlab chiqish va yagona malakaviy talablarni belgilashda sustkashlik mavjud. Natijada, kadrlar tizimli asosda tayyorlanmayapti va ta'lim jarayoni uzluksiz izchillik asosida tashkil etilmayapti. Maktabgacha ta'limdan boshlab, maktab, litsey, kollej, oliy ta'lim muassasalari va oliy ta'limdan keyingi davrning izchillik asosda olib borilmasligi kadrlar yetishmovchiligiga olib kelmoqda. Ushbu muammo natijasida ichki ishlar organlarining kiberxavfsizlik bo'linmalariga nomzodlar jismoniy tayyorgarliksiz qabul qilinmoqda va bugungi kunga qadar har tomonlama salohiyatli kadrlar yetishmovchiligi dolzarb masala bo'lib qolmoqda.

Shu sababli, ushbu muammolarni hal qilishning samarali yo'li sifatida, kiberxavfsizlik sohasini rivojlantirishda ilg'or xorijiy tajriba va milliy tajribani birlashtirgan, yuqori darajadagi malakaga ega mutaxassislarni tayyorlash zarur. Bu jarayon yuqori bo'g'indan emas, balki quyidan yuqoriga qarab amalga oshirilishi lozim. Ya'ni, maktabgacha ta'lim, maktab, litsey, kollej, oliy ta'lim muassasasi va oliy ta'limdan keyingi davrning izchillik asosida olib boriladigan yagona pedagogik-metodik yondashuvni amalga oshirish zarur. Har bir ta'lim bosqichi o'quvchilarining aqliy imkoniyatlariga mos darsliklar va o'quv qo'llanmalarini tayyorlash, ularni bosqichma-bosqich raqamli ko'nikmalar bilan ta'minlab, kiberxavfsizlik sohasidagi bilim va salohiyatini yuksaltirish bugungi kunda dolzarb vazifalardan biridir.

Bundan tashqari, bugungi kunda Rossiya-Ukraina, Xitoy-Tayvan va boshqa mamlakatlar o'rtasida bo'lib o'tgan qurolli to'qnashuvlar faqatgina qurollar orqali emas, balki kiberurushlar orqali ham hal etilayotganini inobatga olgan holda, kiberxavfsizlik bo'yicha kadrlarni tayyorlashning yangi tizimini yaratish va uni tezda amaliyotga joriy etish juda muhimdir. Kiberxavfsizlikka oid bilimlarni uzluksiz ravishda shakllantirish, zamon talablariga mos mutaxassislar tayyorlash va xalqaro xavfsizlikka ta'sir qiladigan raqamli tahdidlarga samarali javob bera olish imkoniyatlarini yaratish bugungi kunning eng muhim vazifalaridan biri hisoblanadi.

Raqamli texnologiyalar o'quvchilarga ta'lim jarayonini yanada qiziqarli va samarali qilish imkoniyatini yaratadi. Ular o'quvchilarni motivatsiya qilish, o'rganishga bo'lgan qiziqishlarini oshirishda muhim rol o'ynaydi. Raqamli vositalar orqali talabalar turli yo'nalishlarda bilimlarni oson va qulay tarzda o'zlashtirishlari mumkin. Buning uchun birinchi qo'llanmalar, videolar, interaktiv darsliklar va onlayn platformalar yordamida o'rganish vazifalari taqdim etiladi.

Raqamli texnologiyalar o'quvchilarga shaxsiy o'rganish tajribalarini yaratishga yordam beradi, ularni o'z ehtiyojlariga moslashtirish imkoniyatini taqdim etadi. Shuningdek, talabalar o'z fikrlarini erkin bayon etish, boshqa o'quvchilar bilan fikr almashish, ilmiy maqolalar va kitoblar bilan ishlash imkoniyatiga ega bo'lishadi. Bu texnologiyalar yordamida o'quvchilarga matnlar, rasmlar, videolar, audio materiallar va boshqa multimedia vositalari orqali o'rganish imkoniyati yaratiladi, bu esa o'rganish tajribasini kuchaytiradi va ularning qiziqishlarini oshiradi.

Raqamli texnologiyalar o'quvchilarga dunyo amaliyotlari bilan bog'lanish, shaxsiy fikrlarini ifodalash va ilmiy maqolalar bilan ishlash imkoniyatini beradi. Bu o'rganish jarayonini haqiqiy hayotga yaqinlashtiradi. Shu sababli, raqamli texnologiyalar nafaqat bilimlarni rivojlantirishda, balki o'quvchilarda qiziqish va motivatsiyani oshirishda ham muhim ahamiyatga ega. O'quvchilarga interaktiv va zamonaviy o'rganish tajribasini taqdim etadigan bu texnologiyalar, o'rganishni yanada samarali va qiziqarli qiladi.

Raqamli texnologiyalar, internet va ijtimoiy tarmoqlar nafaqat kundalik hayotimizni osonlashtirish, balki bizning ruhiy holatimizga ham jiddiy ta'sir ko'rsatmoqda. Internet va texnologiyalar yordamida odamlar bir-birlari bilan tezkor muloqotda bo'lishlari mumkin, lekin bu, ayni paytda, psixologik salomatlikka salbiy ta'sir ko'rsatishi mumkin. Ijtimoiy tarmoqlar, masalan, Facebook, Instagram va Twitter, odamlarni doimiy

ravishda bir-birlariga taqqoslashga undaydi. Ko‘plab foydalanuvchilar o‘zlarini boshqalarga nisbatan past his qilishlari mumkin, chunki ular doimo boshqalarining ideal hayot tarziga guvoh bo‘lishadi. Bu, o‘z navbatida, o‘zini qadrlashni kamaytiradi va depressiya xavfini oshiradi. Raqamli texnologiyalar odamlar o‘rtasidagi muloqotni osonlashtirgan bo‘lsa-da, ularning o‘zaro munosabatlari yuzma-yuz kamroq bo‘lib qolmoqda. Ko‘proq onlayn muloqotlar insonlarni ijtimoiy izolyatsiyaga olib kelishi mumkin, bu esa depressiya va boshqa ruhiy salomatlik muammolarining rivojlanishiga sabab bo‘lishi mumkin.

Raqamli asrda psixologik salomatlik insonlar hayotida muhim o‘rin tutadi, chunki raqamli texnologiyalar va ijtimoiy tarmoqlar nafaqat ijtimoiy aloqalarni o‘zgartiradi, balki odamlarning ruhiy holatiga ham ta’sir ko‘rsatadi. Ijtimoiy tarmoqlar orqali odamlar doimiy ravishda o‘zlarini boshqalar bilan taqqoslashadi, bu esa o‘zini qadrlashni pasaytirishi, ijtimoiy izolyatsiya, xavotir va depressiyani keltirib chiqarishi mumkin.

Shu bilan birgalikda, raqamli texnologiyalardan ta’limda foydalanishning ijobiy va salbiy tomonlari haqida gapirganda, bir qancha ilmiy tadqiqotlar, Haleem A., Javaid M., va Suman R. kabi olimlarning ishlarida raqamli texnologiyalarning ta’lim jarayonida foydalanilishi turli ijobiy natijalar berishi ta’kidlab otilgan. Jumladan,

Ijobiy tomonlari

Tezlik va samaradorlik - raqamli texnologiyalar ish jarayonlarini tezlashtiradi va avtomatlashtirish imkonini yaratadi. Masalan, kompyuterlar va tizimlar ishning samaradorligini oshiradi, xatolarni kamaytiradi va vazifalarni tezroq bajarishga yordam beradi.

Mavjudlik va qulaylik - raqamli texnologiyalar o‘quvchilarga o‘z o‘quv vaqtlarini va joylarini tanlashda erkinlik beradi. Ular internet orqali har qanday joydan o‘quv materiallariga kirish, onlayn darslar olish va o‘qituvchilar bilan aloqada bo‘lish imkoniga ega. Bu esa o‘rganishni yanada qulay va osonlashtiradi.

Kommunikatsiya va aloqa - raqamli texnologiyalar bizga masofaviy aloqani osonlashtiradi va dunyo bo‘ylab axborot almashishni ta’minlaydi. Internet, elektron pochta, ijtimoiy tarmoqlar va mobil ilovalar orqali masofadan turib ham o‘zaro aloqa o‘rnatish mumkin.

Interaktivlik va hamkorlik - raqamli texnologiyalar o‘quvchilarga interaktiv darslar, testlar, forumlar va onlayn hamkorlik platformalari orqali o‘z bilimlarini oshirish va boshqalar bilan fikr almashish

imkoniyatlarini taqdim etadi. Bu o'quvchilarning faol ishtirokini va bir-biriga yordam berishini rag'batlantiradi.

Ma'lumotlar bazasi - raqamli texnologiyalar katta miqdordagi ma'lumotlarni saqlash, boshqarish va ulardan samarali foydalanish imkonini beradi. Bu o'quvchilarga kerakli ma'lumotlarga tezda kirish, ularni tahlil qilish va qulay vaqtda olish imkoniyatini yaratadi.

Boshqaruv va tahlil - raqamli texnologiyalar o'quv jarayonlarini nazorat qilish va baholashni osonlashtiradi. O'quvchilar o'z natijalarini tezda ko'rib chiqish, o'qituvchilar esa xatolarni aniqlash va ularni tuzatish, shuningdek, o'quvchilarning rivojlanishini tahlil qilish imkoniyatiga ega bo'ladi. Bu o'qituvchilarga o'quv tizimini boshqarish va samarali tahlil qilish imkonini yaratadi.

Salbiy tomonlari

Maxfiylik va xavfsizlik - raqamli texnologiyalar kiberjinoyat va shaxsiy ma'lumotlarni o'g'irlash bilan bog'liq xavfsizlik muammolarini yuzaga keltiradi. Internet orqali ma'lumotlar almashinuvi, o'zgartirish, olish va o'chirish imkoniyatlari maxfiylikni ta'minlashda katta xavf tug'diradi. Bu, o'quv jarayonlari va onlayn faoliyatlar xavfsizligini ta'minlashni yanada qiyinlashtiradi, ayniqsa shaxsiy ma'lumotlar va ma'lumotlar xavfsizligi masalalarida.

Masofaviy aloqalarning o'zgarishi - raqamli texnologiyalar shaxsiy aloqalarning kamayishiga olib kelishi mumkin. Internet orqali o'rnatilgan aloqalar virtual bo'lib, bu aloqalar real hayotdagi, yuzma-yuz aloqalar o'rnini bosa olmaydi. Natijada, odamlar orasidagi ijtimoiy aloqalar va shaxsiy muloqotlar kamayib, ijtimoiy izolyatsiya oshishi mumkin.

Ishtirokning kamayishi - raqamli texnologiyalar insonlarni virtual aloqalarga ko'proq jalb qiladi, bu esa jismoniy ishtirokning kamayishiga olib kelishi mumkin. Onlayn aloqalar o'quvchilarga ma'lumotlarni osonroq olish imkoniyatini yaratsa-da, bu real vaqt va joyda birgalikda ishlash va interaktsiya qilishni kamaytiradi. Bu, o'z navbatida, o'quvchilarning jismoniy faolligini pasaytiradi.

Mavjudlik va resurslar - raqamli texnologiyalar doimiy ravishda yangilanib boradi, bu esa ta'lim muassasalaridan doimiy yangilanishni va moslashishni talab qiladi. Texnologik vositalarni yangilash va o'qituvchilarga zarur bilimlar va ko'nikmalarni taqdim etish, shuningdek, o'quvchilarga raqamli texnologiyalarni samarali qo'llashni o'rgatish, talab qiladi. Bu jarayon, ayniqsa, moliyaviy resurslar va tajribali kadrlar yetishmasligi tufayli qiyinlashadi.

Bular faqat raqamli texnologiyalarning ijobiy va salbiy tomonlaridan ayrimlari. Ularning har biri o‘zaro bog‘liq va murakkab holatlarni keltirib chiqarishi mumkin. Raqamli texnologiyalardan samarali foydalanish uchun ularning imkoniyatlarini va xavflarini to‘g‘ri tushunish, shuningdek, kerakli resurslar va strategiyalarni ishlab chiqish zarur. Raqamli texnologiyalar ta’lim sohasida katta o‘zgarishlarga sabab bo‘lgan bo‘lsa-da, ularni muvaffaqiyatli amalga oshirish uchun yanada chuqur o‘rganish va rivojlantirish talab etiladi.

Xulosa va tavsiyalar.

Raqamli texnologiyalar ta’lim sohasida katta o‘zgarishlarga sabab bo‘lib, o‘rganish jarayonini yanada interaktiv va samarali qiladi. Ijobiy tomonlari sifatida, raqamli texnologiyalar o‘quvchilarga bilimlarni oson o‘zlashtirish, o‘rganishni qiziqarli va motivatsiyali qilish, shuningdek, kommunikatsiya va hamkorlikni rivojlantirish imkoniyatlarini yaratadi. Tezlik va samaradorlik, mavjudlik va qulaylik, interaktivlik, ma’lumotlar bazalari va boshqaruv imkoniyatlari raqamli texnologiyalarni ta’limda qo‘llashni yanada samarali qiladi. Bu texnologiyalar o‘quvchilarning bilimlarini yanada kengaytirish va mustahkamlash, o‘zaro fikr almashish va amaliy mashg‘ulotlar o‘tkazish uchun ajoyib platformani taqdim etadi.

Biroq, raqamli texnologiyalarning salbiy tomonlari ham mavjud. Maxfiylik va xavfsizlik, masofaviy aloqalarning kamayishi, ishtirok etishning pasayishi va texnologiyalarning tez o‘zgarishi bilan bog‘liq muammolar ta’lim jarayonida xavflar keltirib chiqarishi mumkin. Shaxsiy ma’lumotlarning xavfsizligi, virtual aloqalarning o‘rni, va resurslar yetishmovchiligi raqamli texnologiyalardan samarali foydalanishni cheklovchi omillar sifatida qolmoqda.

Shu bois, raqamli texnologiyalarni ta’limda muvaffaqiyatli va samarali qo‘llash uchun ularning imkoniyatlarini to‘g‘ri tushunish va xavflarini kamaytirish zarur. Bunda, ta’lim tizimining o‘zgartirilishi, raqamli ko‘nikmalarni shakllantirish va kiberxavfsizlikni ta’minlashni yangilash kabi ishlar juda muhimdir. Ta’lim muassasalarida texnologiyalarni yangilash va pedagoglarni o‘qitish, shuningdek, o‘quvchilarga raqamli savodxonlikni o‘rgatishning o‘rni katta.

Shu bilan birga, raqamli texnologiyalar nafaqat ta’limni rivojlantirishda, balki jamiyatni yanada global va integratsiyalashgan qilishda ham asosiy vosita sifatida xizmat qiladi. Raqamli texnologiyalarning salbiy ta’sirlarini kamaytirish, ulardan samarali foydalanishni ta’minlash uchun mustahkam tizim va yondashuvlarni ishlab chiqish talab etiladi.

RAXMATILLAYEV JASURBEK
RAXMATILLA O‘G‘LI

O‘zbekiston Respublikasi Huquqni
muhofaza qilish akademiyasi kafedrası
katta o‘qituvchisi, Phd.

IBODULLAYEV SAIDMUHAMMAD
RAHMATULLA O‘G‘LI

O‘zbekiston Respublikasi Huquqni
muhofaza qilish akademiyasi Prokurorlik
faoliyati magistraturasi tinglovchisi

DAVLAT XARIDLARI QONUNCHILIGI IJROSI USTIDAN PROKUROR NAZORATINI TAKOMILLASHTIRISHNING USTUVOR YO‘NALISHLARI

***Annotatsiya:** ushbu maqolada davlat va mahalliy organlarining milliy loyihalar doirasidagi tadbirlarni amalga oshirish, byudjetni ishlab chiqishga oid faoliyatini hisobga olgan holda, davlat xaridlari yuzasidan qonunchilikning bajarilishini prokurorlik nazorati doimo dolzarb va muhim bo‘lib qolayotganligi, prokurorlar, vakolatli organlar bilan hamkorlikda, milliy loyihalar, davlat va mahalliy dasturlar, davlat buyurtmasi doirasidagi xaridlar jarayonlarida qonunlar ijrosi bo‘yicha nazoratni o‘rnatish zarurligi, shuningdek, ijtimoiy jihatdan muhim sohalarga, ya‘ni sog‘liqni saqlash, turar joy-kommunal xo‘jaligi va yoqilg‘i-energetika kompleksi, transport, shahar qurilish, ta‘lim va madaniyat sohalariga alohida e‘tibor qaratish kerakligi haqida so‘z yuritiladi.*

***Kalit so‘zlar:** davlat xaridlari, qonunchilik, xaridlari sohasi, qonunchilik ustidan nazorat, prokuror teshiruvi, prokuror nazorati hujjatlari, protest, qaror, taqdimnoma, ariza, ogohlantiruv.*

Davlat xaridlari sohasidagi qonunchilik talablariga rioya qilish, bu sohada doimiy nazorat olib borish zarurligi, shuningdek, ushbu soha nazorat qiluvchi va huquqni muhofaza qilish organlari tomonidan doimiy kuzatilish lozimligi Prezident Sh.Mirziyov tomonidan bir necha marta ta‘kidlangan. Xususan, ilg‘or tajriba asosida davlat xaridlarida tovarlarning o‘rtacha bozor narxlari ko‘rinib turadigan elektron platforma yaratilishi, bunda, davlat xaridlarida sotib olinadigan tovar va xizmatlar narxi o‘rtacha bozor narxidan ko‘pi bilan 20 foizdan oshmasligining shart,

ushbu talabni buzganlik uchun qonun bilan javobgarlik va jarimalar joriy qilinishiga e'tibor qaratilgan¹.

Hozirgi kunda yuridik fanda davlat xaridlari sohasidagi qonunchilikni rivojlantirishga katta e'tibor qaratilmoqda. Chunki, ushbu soha davlat va jamiyat taraqqiyotining siyosiy va ijtimoiy-iqtisodiy jarayonlari ta'siriga uchrashi natijasida O'zbekiston qonunchiligining tez rivojlanayotgan sohasi hisoblanadi. Davlat xaridlari qonunchiligi jamoaviy munosabatlarning butun majmuasiga daxldor bo'lib, davlat buyurtmachilarining tovarlarga (ishlarga, xizmatlarga) bo'lgan ehtiyojlarini pulli asosda ta'minlash jarayonini o'zida jamlaydi.

Davlat va mahalliy organlarining milliy loyihalar doirasidagi tadbirlarni amalga oshirish, byudjetni ishlab chiqishga oid faoliyatini hisobga olgan holda, davlat va mahalliy ehtiyojlar uchun xaridlari yuzasidan qonunchilikning bajarilishini prokurorlik nazorati doimo dolzarb va muhim bo'lib qolmoqda.

Prokurorlar, vakolatli organlar bilan hamkorlikda, milliy loyihalar, davlat va mahalliy dasturlar, davlat buyurtmasi doirasidagi xaridlar jarayonlarida qonunlar ijrosi bo'yicha nazoratni o'rnatish zarur. Shuningdek, ijtimoiy jihatdan muhim sohalarga, ya'ni sog'liqni saqlash, turar joy-kommunal xo'jaligi va yoqilg'i-energetika kompleksi, transport, shahar qurilish, ta'lim va madaniyat sohalariga alohida e'tibor qaratish kerak.

Davlat xaridlari jarayonlarini huquqiy tartibga solishni takomillashtirish – bugungi kunning eng muhim vazifalaridan biri. Mavjud qonunchilikka zid amalga oshirilgan davlat xaridlarini shunchaki qonuniylashtirish kerak emas, balki davlat xaridlarini tartibga solish va bu sohada **elektron davlat xaridlari** shakllariga o'tish muammolarini kompleks hal qilish lozim.

O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoev korrupsiyaga qarshi kurashish borasidagi yangi tashabbuslarni, xususan, davlat xaridlarini shaffoflashtirish uchun elektron platforma yaratish zarurligini ta'kidladi.

Yig'ilishda mamlakatimiz prezidenti tomonidan davlat xaridlari ustidan nazoratni kuchaytirish maqsadida elektron platforma yaratish taklifi ilgari surildi. Bu tizim davlat mablag'larining qay tarzda sarflanayotganini monitoring qilish, xarid jarayonlarini avtomatlashtirish

¹ Korrupsiyaga qarshi kurashish bo'yicha milliy kengash yig'ilishi bo'lib o'tdi. 5.03.22025 y. Elektron resurs: <https://www.president.uz/uz/lists/view/7924>

va tenderlarda shaffoflikni ta'minlash imkonini beradi. Elektron platforma orqali barcha davlat xaridlari haqidagi ma'lumotlar ochiq bo'ladi.

Yaratiladigan elektron platforma nafaqat davlat organlari, balki keng jamoatchilik va OAV uchun ham ochiq bo'lib, ular xarid jarayonlarini nazorat qilish imkoniyatiga ega bo'ladi¹.

Ta'kidlash joizki, korrupsiya davlat xaridlarini adolatli o'tkazilishini qiyinlashtiradi, byudjet mablag'ining noto'g'ri sarflanishiga olib keladi va biznes muhitiga salbiy ta'sir ko'rsatadi².

Davlat xaridlari sohasidagi qonunchilikning mazmun-mohiyati ko'p tomonlama davlatning ushbu sohaga nisbatan siyosatiga bog'liq va mazkur siyosatining amalga oshirilishida asos hisoblanadi. O'zbekiston Respublikasida davlat xaridlari jarayonining benefitsiar mulkdor, davlat buyurtmachisi, davlat xaridlarining subyektlari, zaxiradagi g'olib, xarid qilish tartib-taomillari ishtirokchisining kaffillangan shaxsi, g'olib kabi ishtirokchilarining huquq va erkinliklarini tezkor himoyasini ta'minlovchi huquqiy mexanizmni takomillashtirish kerak.

Tadqiqotchi M.Maksyutov aytganidek, davlat xaridlari sohasidagi xalqaro hujjatlarni milliy qonunchilikka implementatsiya qilishda davlat xaridlari masalalarini, ushbu jarayon ishtirokchilarining huquq va qonuniy manfaatlarini himoya qilishni huquqiy tartibga solish sohasidagi davlat manfaatlarini ta'minlash, ehtiyojlaridan kelib chiqish kerak³.

Noqonuniy davlat xaridlariga qarshi samarali kurashish maqsadida ushbu sohada sodir etilayotgan jinoyatlarga belgilanayotgan jazolar qonunbuzilishlarini har tomonlama qamrab olishi muhim ahamiyat kasb etadi. O'zbekiston Respublikasi Jinoyat Kodeksining "O'zbekiston Respublikasining manfaatlariga xilof ravishda bitimlar tuzish" deb nomlangan 175-moddasi davlat xaridlari sohasidagi jinoiy alomatlarni o'z ichiga qamrab olmaydi.

Ko'rib chiqilayotgan sohada ma'muriy javobgarlik masalalari ham muhim bo'lib, uni takomillashtirish maqsadida O'zbekiston Respublikasi Ma'muriy javobgarlik to'g'risidagi kodeksga qo'shimchalar kiritish muhim ahamiyat kasb etadi. O'zR MJtK davlat xaridlari sohasida

¹ Abdullaev A. Davlat xaridlarini nazorat qilish uchun elektron platforma yaratiladi. Elektron resurs: <https://uza.uz/oz/posts/Davlat-xaridlarini-nazorat-qilish-uchun-elektron-platforma-yaratiladi> 702472

² Azizov N. Davlat xaridlarida korrupsiya. "Huquq" gazetasi, 27.03.2025 y., № 13 (1770)

³ Максютлов М. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: — Москва, 2018. — С. 115.

javobgarlikni nazarda tutuvchi mavjud norma, ya'ni O'zR MJtKning 175⁸ - moddasi "Davlat xaridlari to'g'risidagi qonunchilikni buzish" deb nomlanib, biz tadqiq etayotgan masala yuzasidan huquqbuzarlik tarkibini to'liq qamrab olmaydi.

Maqolani yozish jarayonida o'rganilgan adabiyotlardan ma'lum bo'ldiki, prokuror nazorati sohasidagi ilmiy yuridik adabiyotlarda qonunbuzilish holatlari aniqlanganda, prokuror nazorat hujjatlarining tushunchasi, mazmuni va uni tayinlashning asosiy nazariy, uslubiy va boshqa ko'rinishlari haqida gap ketadi.

Prokurorlar tomonidan tekshirishlar vaqtida aniqlangan qonunbuzilishlarini bartaraf etish maqsadida qonunbuzilishlarining xususiyatidan kelib chiqib, O'zbekiston Respublikasining "Prokuratura to'g'risida"gi Qonunida belgilangan prokuror nazorati hujjatlari - ***protest, qaror, taqdimnoma, ariza va ogohlantiruv***dan foydalaniladi. Ushbu ko'rsatilgan prokuror nazorati hujjatlari – qonunlarning aniq va bir xilda ijro qilinishi ustidan nazoratni amalga oshirish bo'yicha prokuror vazifalarini bajarish shakli hisoblanadi. Aynan nazorat hujjatlarining yordami bilan prokuror qonunbuzilishlarini aniqlash, bartaraf qilish va oldini olish bo'yicha o'ziga yuklatilgan vakolatlarni amalga oshiradi.

Qonunlar ijrosi ustidan nazorat hujjatlari qisqa, lo'nda, o'ziga yarasha zarur rekvizitlarni ya'ni, prokuraturaning nomi, manzili, hujjatning tuzilgan joyi va vaqti, hujjatni chiqarayotgan prokurorning familiyasi, mansabi, darajali unvoniga oid ma'lumotlarni o'z ichiga olgan bo'lishi kerak. Hujjatning kirish qismida qonun buzilishining mazmuni, uning faktik va yuridik tavsifi, xulosa qismida esa prokurorning qonun buzilishini bartaraf etish yuzasidan talabi, ogohlantiruvi va imkoniyat doirasida, qonunbuzarliklarni bartaraf qilish va ularning oldini olish yuzasidan aniq choralar ko'rish haqidagi tavsiyalari ko'rsatilgan bo'lishi kerak. Hujjat prokuror yoki uning o'rinbosari tomonidan imzolanadi. Ushbu prokuror nazorati hujjatlarini migratsiya sohasidagi qonunbuzilish holatlariga qarshi kurashda ham foydalaniladi¹.

Noqonuniy huquqiy hujjatlar qabul qilinishiga nisbatan eng samarali nazorat hujjatlari ichida prokuror protesti bo'lib, protest muassasa, tashkilotning qonunga zid hujjati yoki mansabdor shaxsning qonunsiz hujjati yoki harakatiga, hujjatni bekor qilish yoki uni qonunga moslashtirish, mansabdor shaxslarning qonunsiz harakatlarini to'xtatish hamda buzilgan huquqlarni tiklash haqidagi prokurorning qonunlar ijrosi

¹ Po'latov B.X. Prokuror nazorati. Darslik. –T.: 2008. – B. 126

ustidan nazorat tartibidagi asoslantirilgan hujjatdir. Prokuror tomonidan protest qabul qilish asosi va tartibi O‘zbekiston Respublikasi “Prokuratura to‘g‘risida”gi Qonunining 38-moddasi bilan belgilanadi. Prokuror protesti rad qilingan hollarda mazkur Qonunning 41-moddasiga asosan ariza bilan sudga murojaat qilish vakolatiga ega.

O‘z mazmuniga ko‘ra, prokuror protesti aniq bir maqsadga qaratilgan bo‘ladi: mansabdor shaxsning noqonuniy harakati yoki hujjatini bekor qilish, harakat yoki holatni qonunga muvofiq holatga keltirish, mansabdor shaxsning noqonuniy harakatini tugatish, buzilgan huquqni tiklash. Bizningcha, nafaqat noqonuniy harakatni o‘z vaqtida aniqlash va bu harakatga qonuniy asoslantirilgan protest keltirish, uni to‘g‘ri va tez ko‘rib chiqishga erishish, balki huquqbuzarliklarning bartaraf etilishini nazorat qilish, kelajakda ularning oldini olish uchun barcha zarur choralarni ko‘rish muhim ahamiyatga ega. Bu masalada V.K. Zvirbul aytgan fikrlar mutlaqo to‘g‘ri: “protest faqatgina noqonuniy hujjat bekor qilinganda emas, balki noqonuniy hujjat chiqarilishiga sabab bo‘lgan holat bekor qilinganda o‘z maqsadiga erishadi”¹.

Qonunbuzilishi holatlarini samarali bartaraf qilish bo‘yicha eng samarali hujjatlardan yana biri prokuror taqdimnomasidir. “Prokuratura to‘g‘risida”gi Qonunning 40-moddasiga asosan, prokuror qonun buzilishi, uning kelib chiqish sabablari va bunga imkoniyat yaratib berayotgan shart-sharoitlarni bartaraf etish to‘g‘risidagi taqdimnomani qonun buzilishini bartaraf etish vakolatlariga ega bo‘lgan organga yoki mansabdor shaxsga kiritadi.

Prokuror taqdimnomasi mazmun jihatidan qonun buzilishlar majmuasini bartaraf etishga qaratilgan hujjat bo‘lib, ushbu xususiyatga ko‘ra boshqa prokuror nazorati hujjatlaridan farqlanadi. Taqdimnoma huquqiy jihatdan sifatli rasmiylashtirilishi va aniqlangan qonun buzilishi holatlari aniq ifodalanishi lozim².

Taqdimnomalarning samaradorligini aniqlash uchun, ushbu nazorat hujjati bilan murojaat qilinayotgandagi maqsadlarni va erishilishi kerak bo‘lgan natijalarni aniqlashtirish kerak bo‘ladi. Nazorat tartibidagi prokuror taqdimnomalarining asosiy maqsadlari sifatida quyidagilarni ko‘rsatish mumkin: huquqbuzarliklarni va ularning sodir etilishiga sharoit yaratib bergan holatlar va sabablarning haqiqatda yo‘q qilinganligi, aybdor shaxslarning qonunda o‘rnatilgan tartibda javobgarlikka

¹ Звирбул В.К. Прокурорский надзор в СССР / В.К. Звирбул. - М. 1966. – С. 97.

² Po‘latov B.X. Prokuror nazorati. Darslik. –T.: 2008. – B.132.

tortilganligi, pirovardida – huquqbuzarlikning bartaraf etilganligi. Rus huquqshunos olimi A.P. Safanov haqli ta’kidlaganidek, taqdimnomalarning samaradorligi taqdimnoma yuborilgan organ yoki mansabdor shaxs tomonidan huquqbuzarliklarni bartaraf etish yuzasidan prokuror tomonidan yuborilgan takliflarni qanchalik amalga oshirilganligi bilan belgilanadi¹.

Agar tekshirishlar o’tkazish jarayonida prokuror ma’muriy huquqbuzarlik alomatlari borligini aniqlasa, u mansabdor shaxsga nisbatan ma’muriy huquqbuzarlik to’g’risida ish qo’zg’atish bo’yicha qaror qabul qiladi (“Prokuratura to’g’risida”gi Qonun, 29-modda.). «Prokuratura to’g’risida»gi qonunning 39-moddasidan tashqari, O’zbekiston Respublikasining Ma’muriy javobgarlik to’g’risidagi kodeksning 275-moddasida ma’muriy javobgarlik to’g’risida ish qo’zg’atish asoslari ko’rsatilgan. Jinoyat alomatlari mavjud bo’lgan xatti-harakat jinoyat ishi qo’zg’atish uchun asos bo’ladi. Qarorda jinoyat ishi qo’zg’atish uchun asos bo’lgan ijtimoiy xavfli qilmish va buning uchun Jinoyat kodeksidagi javobgarlikni belgilovchi modda, jinoyat ishini ish yurituviga olishi lozim bo’lgan mansabdor shaxs haqidagi ma’lumotlar aks ettirilishi lozim².

“Prokuratura to’g’risida”gi qonunning 42-moddasiga muvofiq, prokuror fuqarolarning qonun bilan qo’riqlanadigan manfaatlariga, huquq va erkinliklariga, jamiyat hamda davlat manfaatlariga zarar etkazishi mumkin bo’lgan g’ayriqonuniy hatti-harakatlar tayyorlanayotganligi xususida ishonchli ma’lumotlar mavjud bo’lganda huquqbuzarlikning oldini olish maqsadida mansabdor shaxslar va fuqarolarni qonunning buzilishiga yo’l qo’ymaslik haqida yozma ravishda ogohlantiradi hamda huquqbuzarlik sodir etganlik uchun javobgarlikni tushuntiradi.

Davlat xaridlari sohasidagi qonunbuzilishlarini aniqlashda prokuror nazorati hujjatlarini samaradorligi to’g’risidagi masala ham juda muhim bo’lib, qonunbuzilishlarining xususiyatidan kelib chiqqan holda yuqorida keltirilgan prokuror nazorati hujjatlari qabul qilinadi.

Shu nuqtai nazardan, davlat xaridlari sohasida sodir etilgan huquqbuzarliklarga nisbatan qo’llaniladigan prokuror nazorati hujjatlarining samaradorligi ham muhim ahamiyatga ega hisoblanadi.

¹ Сафонов А.П. Сущность и пределы прокурорского надзора за соблюдением законодательства в местах лишения свободы. Сб. «Вопросы прокурорского надзора». – М. 1972. – С. 141.

² Po’latov B.X. Prokuror nazorati. Darslik. –T.: 2008. – B. 132.

“Qonun ijodkorligi” atamasi yuridik fanda qonunlarni ishlab chiqish jarayoni sifatida tushuniladi¹. O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokurori iqtisodiy qonunchilik ijrosi ustidan prokuror nazoratini yanada takomillashtirish yuzasidan davlat xaridlari sohasida asosiy xalqaro-huquqiy normalarni milliy qonunchilikka implementatsiya qilish va huquqni qo‘llash amaliyotiga tatbiq etish bo‘yicha takliflar tayyorlab, Oliy Majlis Qonunchilik Palatasiga taqdim etadi. Ko‘rsatilgan mazkur holatlar prokuratura organlaridan qonun ijodkorligi faoliyatida faol qatnashishni talab qiladi.

Prokuratura organlarining qonun ijodkorligi faoliyati prokuror nazoratining tarkibiy qismi sifatida davlat va jamiyatning qonun bilan qo‘riqlanadigan manfaatlarini ta‘minlashda bevosita ta‘sir o‘tkazadi. Shu tarzda prokuratura organlarining qonun ijodkorligi faoliyatida ishtirok etishi ularning o‘z oldilaridagi maqsad va vazifalariga erishishlarida muhim ahamiyat kasb etadi².

Prokuratura organlarining qonun ijodkorligi faoliyatida ishtirok etishlarining boshqa shakllari sifatida Bosh prokuror timsolida qabul qilinadigan buyruq, ko‘rsatma, farmoyish va nizom kabi idoraviy hujjatlarini ishlab chiqish faoliyatini aytishimiz mumkin.

Shu sababdan, davlat xaridlari munosabatlari ishtirokchilarining huquq va manfaatlarining buzilish holatlarida prokuror nazorati faoliyatini takomillashtirishda asosiy talablarini hamda mazkur sohadagi prokuror nazoratining vazifalarni belgilaydigan, qonunbuzilishlarini aniqlash va oldini olishning taktik va metodologik jihatlarini ochib beradigan O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokurori buyrug‘ini qabul qilish maqsadga muvofiq bo‘lar edi.

Davlat xaridlari jarayoni ishtirokchilarining yuridik javobgarligi ularning huquqiy maqomining tarkibiy qismi hisoblanadi. Shu bilan birga ularni javobgarlikka tortish bo‘yicha vakolatlar ushbu sohadagi vakolatli davlat organlarining ajralmas qismidir³.

Davlat xaridlari munosabatlari ishtirokchilarini ular sodir etgan huquqbuzarligi uchun javobgarlikka tortishda ularning huquqlarining buzilishi O‘zbekiston Respublikasi iqtisodiy siyosatining amalga

¹ Saburov N., Saydullaev Sh. Davlat va huquq nazariyasi. O‘quv qo‘llanma. –Toshkent: TDYUI, 2011. – B. 104

² Максютлов М. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: диссертация на соискании ученой степени кандидата юридических наук: – Москва, 2018. – С. 189.

³ Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор. - М. 2001. – С. 144.

oshirilishiga haqiqiy tahdid hisoblanadi. Fikrimizcha, O'zbekiston Respublikasi davlat xaridlari jarayoni va ularning ishtirokchilarini asossiz javobgarlikka tortilishi ushbu toifadagi (jismoniy va yuridik) shaxslarning himoyasizligi muhitini shakllantiradi va bu holat ijro hokimiyati tomonidan ma'muriy bo'shliqlar paydo bo'lishiga sabab bo'ladi.

Yuqorida keltirilganlarni umumlashtirib quyidagi fikrlarni xulosa tarzida keltirishimiz mumkin:

- Davlat xaridlari tizimi iqtisodiy barqarorlik va samarali boshqaruvning asosiy omillaridan biridir. Mamlakatda davlat mablag'laridan samarali foydalanish, shaffoflikni ta'minlash, korrupsiyani oldini olish va davlat xaridlari tizimining adolatli ishlashini ta'minlash uchun prokuratura organlarining nazorati juda muhim ahamiyatga ega. Prokuratura bu tizimni nazorat qilgan holda davlat mablag'larini to'g'ri va samarali taqsimlashni, korrupsiyaning oldini olishni va noqonuniy faoliyatlarga qarshi kurashishni amalga oshiradi;

- Davlat xaridlari tizimi doimiy o'zgaruvchan sharoitda bo'lishi kerak, chunki iqtisodiyot, jamiyat va davlat boshqaruvining o'zgarishi bilan tizimni takomillashtirish zarurati paydo bo'ladi;

- Davlat xaridlari sohasidagi qonunchilik samarali ishlashi uchun uzluksiz yangilanib turishi lozim. Hukumat va parlament davlat xaridlari bo'yicha qonunchilikni doimiy ravishda ko'rib chiqib, ularni yanada samarali va oddiyroq qilishga harakat qilishlari kerak. Bu, ayniqsa, kichik biznes uchun muhim, chunki ular davlat xaridlarida ishtirok etishda ba'zan turli qiyinchiliklarga duch kelishadi;

- Davlat xaridlari tizimida noqonuniy faoliyatlar, korrupsiya yoki shubhali kelishuvlar aniqlanganda ular uchun aniq va qat'iy jazolar belgilanishi zarur. Bunday holatlar uchun jazo mexanizmlarini kuchaytirish, ularning oldini olish va xolis tekshiruvlarni tashkil etish kerak;

- Elektron davlat xaridlari tizimi davlat xaridlarini ancha soddalashtirish va shaffof qilish imkonini berdi. Elektron tizimlar orqali barcha xaridlar, shartnomalar va o'zaro aloqalar onlayn tarzda amalga oshiriladi va ularning jarayoni ochiq bo'ladi. Shuningdek, bu tizimlar korrupsiyani kamaytirish va davlat mablag'larining samarali ishlatilishini ta'minlash uchun muhim vosita hisoblanadi;

- Prokuratura organlari davlat xaridlari sohasidagi qonunbuzilishlarni aniqlash va ularga qarshi samarali choralar ko'rishda asosiy rolni o'ynashi lozim. Prokuratura organlarining bu boradagi asosiy

vazifasi - davlat mablag'larining noto'g'ri sarflanishi, shubhali kelishuvlar va korrupsiya holatlarini o'z vaqtida aniqlash va ularga tegishli javob berishdir.

- Davlat xaridlari sohasidagi qonunbuzilishlarni aniqlash va tergov qilish uchun prokurorlar tomonidan nazorat kuchaytirilishi zarur. Bu, asosan, davlat xaridlari bo'yicha tashkilotlarning faoliyatini muntazam ravishda tekshirishni o'z ichiga oladi. Davlat xaridlari sohasidagi nazoratni kuchaytirish uchun prokuratura organlari iqtisodiyot va moliya vazirligi, audit organlari bilan yaqin hamkorlikda ishlashlari lozim. Bu, davlat xaridlarining to'g'riligini, shaffofligini va qonuniyligini ta'minlashda samarali mexanizm yaratadi;

- Prokuratura organlari korrupsiyaga qarshi kurashishda muhim rol o'ynaydi. Korrupsiya holatlari ko'pincha davlat xaridlari jarayonlarida uchraydi. Prokuratura korrupsiya holatlariga qarshi tezkor javob berish va ilgari surilgan korrupsiya amaliyotlarini samarali tergov qilish uchun zaruriy mexanizmlarni ishlab chiqishi kerak. Davlat xaridlari jarayonining shaffofligini ta'minlash va korrupsiyaga qarshi kurashish uchun ommaviy ta'limni kuchaytirish zarur. Fuqarolar, tadbirkorlar va tashkilotlarni davlat xaridlari qonunchiligi va uning muhimligini tushuntirishga qaratilgan dasturlarni amalga oshirish kerak. Bu, o'z navbatida, jamiyatda korrupsiyaga qarshi kurashish ruhini kuchaytiradi;

- Davlat xaridlari jarayonlarida jamoatchilikning roli beqiyosdir. Jamoatchilikni jalb qilish, davlat xaridlarining shaffofligini oshirishga, korrupsiya va noqonuniy faoliyatlarning oldini olishga yordam beradi. Ommaviy monitoring va jamoatchilikning ishtiroki davlat xaridlarining shaffofligini oshiradi. Prokuratura organlari, davlat idoralari va tashkilotlar doimiy ravishda davlat xaridlari haqida xabar berib, ularning jarayonlarini ochiq qilishlari zarur;

- Davlat xaridlari qonunchiligi ijrosini nazorat qilish va prokuratura organlarining bu sohadagi faoliyatini takomillashtirish uchun bir qator chora-tadbirlarni amalga oshirish zarur. Qonunchilikni yangilash, nazoratni kuchaytirish, jamoatchilikni jalb qilish, hamkorlikni rivojlantirish va malaka oshirish kabi omillar davlat xaridlarining samarali va adolatli ishlashini ta'minlashda muhim rol o'ynaydi. Bu chora-tadbirlar davlat mablag'larining to'g'ri va samarali ishlatilishini, korrupsiyani kamaytirishni va jamiyatda ishonchni oshirishga yordam beradi.

**RAJABOV BEKZOD
XALIMOVICH**

O'zbekiston Respublikasi Huquqni
muhofaza qilish akademiyasi
katta o'qituvchisi, y.f.f.d. (PhD)

**PROKUROR – KRIMINALISTLAR FAOLIYATIGA
ZAMONAVIY ILMIY–TEXNIK VOSITALARNI JORIY QILISH
ISTIQBOLLARI**

Annotatsiya: Mazkur maqolada prokuror-kriminalistlar faoliyatini takomillashtirishni, tergovni raqamlashtirishni ko'zda tutuvchi yangi ilg'or texnologiyalarni nazarda tutuvchi yangi ilmiy-texnik vositalar bo'yicha fikr yuritiladi.

Asosan, tergovchi planshetini joriy qilish, yangicha suratga olishning kriminalistik vositalarni joriy qilish, dalillar bilan ishlashda zarur bo'ladigan ilg'or xorijiy davlatlar tomonidan foydalanilayotgan kriminalistik texnik vositalarni milliy tergov amaliyotiga joriy etishni nazarda tutuvchi taklif va tavsiyalar ilgari surilgan.

Kalit so'zlar: Tergovchi chemodani, tergovchi plansheti, ilmiy-texnik vositalar, "Matrice 300 RTK" rusumli uchuvchisiz uchadigan dron, "U-FED" mobil kompleksi, harakatdagi kriminalistik laboratoriya, "Projectina VisionX" ballistik tahlil mikroskopi, tsiyanoakrilat kameralar

Аннотация: В данной статье рассматриваются новые передовые технологии и научно-технические средства, направленные на совершенствование деятельности прокуроров-криминалистов, с акцентом на цифровизацию расследований. В основном, выдвигаются предложения и рекомендации по внедрению планшета следователя, новых видов криминалистических средств фотосъемки, а также по адаптации в национальную следственную практику криминалистических технических средств, используемых передовыми зарубежными странами для работы с доказательствами.

Ключевые слова: Чемодан следователя, планшет следователя, научно-технические средства, беспилотный летательный аппарат (дрон) "Matrice 300 RTK", мобильный комплекс "U-FED", передвижная криминалистическая лаборатория, микроскоп для баллистического анализа "Projectina VisionX", цианоакрилатные камеры.

Annotation: This article discusses new advanced technologies and scientific and technical tools aimed at improving the activities of prosecutor-criminalists, focusing on the digitalization of investigations. Primarily, it puts forward proposals and recommendations for the implementation of investigator tablets, new types of forensic photographic tools, and the adoption of forensic technical tools used by advanced foreign countries for working with evidence into national investigative practices.

Keywords: *Investigator's briefcase, investigator's tablet, scientific and technical tools, "Matrice 300 RTK" unmanned aerial vehicle (drone), "U-FED" mobile complex, mobile forensic laboratory, "Projectina VisionX" ballistic analysis microscope, cyanoacrylate chambers.*

O'tkazilgan tadqiqotimiz shuni ko'rsatdiki, prokuror-kriminalistlar so'roq qilish, yuzlashtirish, hodisa sodir bo'lgan joyni ko'zdan kechirish, tergov eksperimenti, tintuv, ekspertiza tergov harakatlarini o'tkazishda, shuningdek, hodisa sodir bo'lgan joydan olingan ashyoviy dalillarni tekshirishda, ushbu harakatlarni amalga oshirishda maxsus kriminalistik-texnik vositalardan foydalanadi.

Kriminalist olim M.Vander "Jinoyatlarni tergov qilishda kriminalistik-texnik vositalarni qo'llash" nomli ma'ruzalar to'plamida, "Zamonaviy ilmiy-texnik vositalar imkoniyatlaridan samarali foydalanishda ularni kriminalistika sohasida qo'llashga oid talablarga qat'iy rioya qilish zarurligiga, jinoyatlarni tergov qilish faoliyatida ilmiy-texnik vositalardan foydalanishda qonuniylikka qat'iy rioya qilish muhim talab"¹ ekanligini alohida ta'kidlaydi.

"Ilmiy-texnik vositalar" tushunchasi kriminalistika fanining kriminalistik texnika bo'limida alohida o'rganiladigan masaladir. Ilmiy texnik vositalar kriminalistik vazifalarni hal qilish uchun maxsus yaratilgan yoki moslashtirilgan vositalarni qamrab oladi.

Ilmiy-texnik vositalar jumlasiga, qurilmalar (apparatlar, asboblari, instrumentlar, moslamalar), materiallar (reaktivlar, daktiloskopik poroshoklar va plyonkalar, belgilash va o'rash uchun materiallar, atrofni o'rash uchun lentalar va boshqalar), texnik vositalarning moslashgan to'plamlari (maxsus jamlanmalar, ko'chma laboratoriyalar) kiradi².

Sudga qadar bo'lgan bosqichda kriminalistik ilmiy-texnik vositalardan protsessual va protsessual bo'lmagan shaklda foydalaniladi.

Protsessual shaklda qo'llaniladigan ilmiy texnik vositalar O'zbekiston Respublikasi JPKda belgilangan tergov va boshqa protsessual harakatlarni amalga oshirishda qo'llanilishi nazarda tutilgan texnik vositalarni anglatadi.

¹ Вандер М. Б. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений: Конспект лекций. 2-е издание, переработанное. СПб., 2002. с. 8
https://procuror.spb.ru/izdaniya/2002_02_04.pdf
Дата обращения: 01.12.2024 г.

² Вандер М. Б. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений: Конспект лекций. 2-е издание, переработанное. СПб., 2002. с. 3-4
https://procuror.spb.ru/izdaniya/2002_02_04.pdf
Дата обращения: 01.12.2024 г.

Bunday maxsus kriminalistika texnika vositalaridan foydalanish jinoyatlarni muvaffaqiyatli fosh qilish va tergov qilishda yuqori samaradorlikka ega bo'ladi.

Rus olimi M.Vander tergovchi, surishtiruvchi, mutaxassis, prokuror-kriminalist, tergovchining topshirig'i asosida tergov harakatlarini o'tkazuvchi tezkor xodimni protsessual shaklda ilmiy-texnik vositalardan foydalanish subyektlari sifatida e'tirof etadi¹.

Tergov harakatlarida ilmiy-texnik vositalardan izlar va predmetlarni aniqlash, ko'zdan kechirish, qayd etish, olib qo'yish, o'rash, tasdiqlash, tadqiq qilish (o'rganish) maqsadlarda foydalaniladi.

Prokuratura organlarini kriminalistika texnika vositalari bilan ta'minlash, shuningdek, jinoyatchilikka qarshi kurashishni tashkil etish va jinoyatlarni tergov qilishning ilmiy usullarini yorituvchi maxsus huquqiy adabiyotlarning kirib kelishi bilan prokuratura organlarida bir qator mavjud muammolar sabab quyidagi zarurat yuzaga kelgan:

- prokuratura tergovchilariga (yosh prokurorlarni) jinoyatlarni ochish, tergov qilish, jinoyatchilarni fosh etishning ilmiy-texnikasi va usullarini o'rgatish;

- ilmiy tavsiyalar va eng yangi ilmiy-texnik vositalarini tergov amaliyotiga joriy qilish, shuningdek, ilmiy-texnik vositalardan to'g'ri foydalanish ustidan nazoratni amalga oshirish;

- jinoyatlarni ochishning ilmiy-texnik vositalari, taktikasi va usullaridan foydalanishning ijobiy tajribasini ommalashtirish.

Ma'lumki, huquqni qo'llash amaliyotida tergov harakatlarini o'tkazish, ashyoviy dalillarni topish, ulardan nusxalar ko'chirish, qayd etish va tadqiq etish bilan bog'liq harakatlar zamonaviy kriminalistik-texnik vositalar yordamidan foydalangan holda amalga oshiriladi.

Jinoyatchilikka qarshi kurashish siyosatida, kriminalistik – texnik vositalardan foydalanish ko'pgina dunyo mamlakatlarining doimiy diqqat markazida bo'lib, aynan kriminalistik va ilmiy-texnik vositalar uchun moddiy mablag'lar ajratish, sarf-xarajatlar qilish mamlakat hukumati zimmasidagi masala hisoblanadi.

O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2020-yil 10-avgustdagi "Sud-tergov faoliyatida shaxsning huquq va erkinliklarini himoya qilish kafolatlarini yanada kuchaytirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi 6041-sonli

¹ Вандер М. Б. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений: Конспект лекций. 2-е издание, переработанное. СПб., 2002. С. 4
https://procuror.spb.ru/izdaniya/2002_02_04.pdf
Дата обращения: 01.12.2024 г.

Farmonining 10-bandida, davlat byudjeti parametrlarida prokuratura organlari uchun ajratilgan mablag'lar doirasida va byudjetdan tashqari mablag'lari hisobidan prokuror-kriminalistlarni zamonaviy maxsus jihozlar bilan ta'minlash choralarini ko'rib borilishi belgilangan. Farmonning ushbu bandi ijrosini ta'minlash maqsadida, 2021-yil davomida, prokuratura tergovchilari uchun yangi 363 ta kamera, 503 ta veb kamera, 414 ta diktofon respublika va hududiy prokuraturalarda faoliyat olib borayotgan prokuror-kriminalistlar 79 ta predmetni o'zida mujassam qilgan kriminalistik **tergov chemodanlari** bilan ta'minlangan¹.

O'zbekiston Respublikasi Bosh prokurorning 2021-yil 12-iyuldagi 243-sonli buyrug'iga ko'ra, tergovda qo'llaniladigan ilmiy-texnika vositalari bilan ta'minlashga bo'lgan ehtiyojlarni muntazam ravishda o'rganib borishi, ulardan foydalanishga doir masalalarni hal qilishi **prokuror-kriminalistlar** oldida turgan vazifalardan hisoblanadi.

“Zamonaviy texnik-informatsiyaviy, axborot-kommunikatsion texnologiyalarni qo'llash orqali yangi tergov harakatlarini o'tkazish va ish uchun zarur ma'lumotlarni to'plash, qayd etishdan iboratdir”².

Prokuror–kriminalist hodisa joyini suratga olish va videotasvirga tushirish nuqtayi nazaridan tergovda ishtirok etishi uchun zarurat tug'ilsa, murakkab tergov harakatlarini o'tkazishda hodisa sodir bo'lgan joydagi versiyalarni aniqlash va ko'rsatishda o'ta aniqlikdagi texnik vositalarni qo'llashi lozim bo'ladi.

Hozirgi kunda hodisa sodir bo'lgan joyni ko'zdan kechirish, ko'rsatuvlarni hodisa sodir bo'lgan joyda tekshirish, tintuv, shaxsni ushlash va advokatdan voz kechish kabi protsessual harakatlarini suratga olish, video tasvirga tushurishda raqamli fotoapparat, kameralardan foydalanib kelinmoqda. Tergov amaliyotida zamonaviy texnika vositalarini qo'llash, sun'iy intellektdan foydalanish bo'yicha ham qator chora-tadbirlar amalga oshirilib kelinmoqda.

Ilg'or tajribalar asosida, tergov harakatlarini o'tkazishda foydalaniladigan ilmiy-texnik vositalar tergov ishini osonlashishiga, dalillarni mustahkamlashda judayam qo'l kelishi beqiyos. Ayniqsa, so'ngi yillarda uchuvchisiz uchadigan dronlardan kechiktirib bo'lmaydigan tergov,

¹ Astanov I.R., Turg'unov A.. Tergov faoliyatini takomillashtirish tamda shaxsning huquq va erkinliklarini himoya qilishni ta'minlashda prokuror-kriminalistning o'rni.// Jamiyat va innovatsiyalar – Общество и инновации – Society and innovations special issue – 02 (2022) 504 b. ISSN 2181-1415

² Познанский Ю. Н. Информационные технологии как средство повышения эффективности деятельности руководителей органов предварительного следствия в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).

tezkor-qidiruv tadbirlarda, katta maydonlarni suratlarni olishda, ommaviy tartibsizliklarda shaxsni tanib olishda foydalanish o‘zining ijobiy samarasini ko‘rsatmoqda. Mamlakatimizda og‘ir va o‘ta og‘ir jinoyatlar bo‘yicha hodisa sodir bo‘lgan joyda dronlardan foydalanish amaliyotiga katta e‘tibor qaratilmoqda. Xususan, davlatimiz rahbari Sh.Mirziyoyev 2024 yil 7-iyun kuni Ichki ishlar vazirligi Jamoat xavfsizligi Departamentining Muvofiqlashtirish va monitoring qilish markazidagi tashrifida, aynan uchuvchisiz uchadigan dronlardan keng foydalanishni nazarda tutadigan alohida tuzilma tuzilishi¹, uni jinoyatchilikka qarshi kurashish, jamoat xavfsizligini ta‘minlash sohasida keng qo‘llash borasida fikrlari alohida tahsinga sazovor. Prokuror-kriminalistlar og‘ir va o‘ta og‘ir turdagi jinoyatlar bo‘yicha kechiktirib bo‘lmas tergov harakatlarida ishtirok etar ekan, ular tomonidan yangi zamonaviy kriminalistik-texnik vositalardan foydalanish, ularni tergov amaliyotida qo‘llash bo‘yicha zarur ko‘nikmalar ega bo‘lishini talab qiladi.

Zamonaviy kriminalistik texnika hisoblangan **“Matrice 300 RTK”** rusumli uchuvchisiz uchadigan dronning² imkoniyatlarini ko‘rib chiqamiz. Ushbu kriminalistik-texnik vositasi keng burchakli kameraga ega bo‘lib, 23 marotaba kattalashtirish, 8-marta kattalashtirish imkoniyatini beruvchi termal tasvirlagich va lazer masofa o‘lchagichiga ega. Ushbu kriminalistik texnik vosita IIVning biometrik identifikatsiya tizimiga bevosita ulanib, odamlar ko‘p to‘planadigan joylarda real vaqt rejimida shaxsni tashqaridan suratga olib, uni biometrik identifikatsiya qilish (tizim orqali tanib olib, uning shaxsiga doir ma‘lumotlari kelib chiqishi) imkoniga ega. Mazkur dron yordamida avtomobil yo‘llarida harakatlanib ketayotgan avtomashinalarni boshqarib ketayotgan haydovchilarni suratga olish orqali ularni boshqarayotgan shaxsni aniqlash imkoniga ham ega.

Ta‘kidlanadigan yana bir jihati shuki, ommaviy tartibbuzarliklar vaqtida ushbu dronni uchirib, ommaviy tartibbuzarliklar sodir etayotganlar, ular orasidagi alohida shaxslarni suratga tushirib bir vaqtning o‘zida biometrik identifikatsiya qilish imkonining borligi (ma‘lumotlar bazasidan ushbu shaxsga doir ma‘lumotlari zudlik bilan aniqlab beradi), tungi vaqtlarda qonunbuzarlik, jinoyat sodir etayotgan shaxslar haqidagi

¹<https://yhxx.uz/oz/news/prezident-shavkat-mirzieev-posetil-tsentr-koordinatsii-i-monitoringa-departamenta-obschestvennoj-bezopasnosti-ministerstva-vnutrennih-del> murojaat qilingan sana: 01.12.2024 yil.

²<https://plus3.ru/upload/iblock/9e5/9e535711c865888176e58e3841d7abf1.pdf> murojaat sanasi: 01.12.2024 yil.

ma'lumotlar olishdagi texnik ahamiyati judayam yuqori ahamiyat kasb etadi.

Mazkur uchuvchisiz uchadigan apparatlardan kelgusida prokuratura organlarida bo'lishi, dronlardan og'ir va o'ta og'ir jinoyatlar yuzasidan hodisa sodir bo'lgan joyni ko'zdan kechirishda foydalanilishi tergov harakatlarining sifatli bo'lishiga albatta o'z ta'sirini ko'rsatadi.

So'nggi yillarda texnika vositalaridan foydalangan holda suratga olish va videotasvirga olish darajasi yildan-yilga yaxshilashib bormoqda. "360 gradus ostida video va fotosuratga olish, maksimal tiniqlikda ko'rsatish imkoniyatida ega bo'lgan Samsung "Gear 360", "Insta 360 ONE R Twin Edition", "Kandao QooCam 8k" rusumli kamera apparatlari 4096 x 2048 dyum kenglikda fotosurat va tasvirga olish imkoniga ega"¹.

Bundan tashqari, **virtual makonni modellashtirish maqsadida**, virtual tizimdan va vizual effektlardan keng foydalanib kelinmoqda.

"So'nggi vaqtlarda virtual shlemlar maydonga chiqib keldi, displeylar (Oculus "Rift", HTC "Vive") yoki smartfonlar uchun qabul qilingan rasmni translyatsiya qilishga yordam beradigan dasturiy ta'minotlar (Samsung "Gear VR", "Homido", "Fibrum") ishlab chiqildi"².

Hodisa joyini ko'zdan kechirishda ishlatilgan texnik vositalar hodisalarning murakkab joylarini sferik panorama shaklida tasvirga olish imkoniyatini ham taqdim etmoqda.

"Moddiy obyektlarning sferik panorama metodikasi asosida o'rganilishi, keyinchalik qotillik jinoyatlari, uyda yuz bergan yong'in va u bo'yicha tayinlangan sudga oid - yong'in ekspertizasida qo'llanilib kelinmoqda"³.

Tadqiqotchi B.Hamidov ham o'zining monografik tadqiqot ishida, suratga olishning stereoskopik usulidan golografik usuliga o'tilayotganligini, golografik metod orqali hodisa joyidan topilgan

¹ Ковтун Ю.А., Шевсов Р.М., Винокуров Э.А., Архипсев И.Н., Ковтун В.А. Применение технических средств фото и видеофиксации в ходе производства осмотра места происшествия: тактические основы и процессуальные аспекты // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – №6. – С. 274.

² Абдурагимова Т.И., Трущенко И.В. Некоторые аспекты осмотра, обыска и выемки в селях обнаружения, фиксации и изъятия объектов для производства судебной компьютерной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы. Сборник научных трудов И Международного форума. – Москва, 2017. – С. 29

³ Садвакасов А.Р. О аудиовизуальной фиксации отдельных объектов при производстве осмотра места происшествия // Вестник современных исследований. – 2018. – № 5.4 (20). – С. 548

oyektlarni uch o'lchamda (3D) mustahkamlab, u haqda to'liq tasavvurga ega bo'lish va obyektни har tomonlama o'rganishga imkoniyat beradi.

Hodisa sodir bo'lgan joyni golografik usulda qayd etish usuli AQSH, Rossiya, Xitoy, MDH mamlakatlarining ba'zilarida hodisa joyidagi ashyoviy dalillarni qayd etishda golografik metodlardan ko'plab foydalanmoqda.

B.Hamidov suratga olishning ananaviy usuli huquqni muhofaza qilish organlari uchun yetarli darajada qulaylik yaratmay (hodisa joyidagi dalillarning umumiy ko'rinishini, holatini tasvirlaydi xolos), golografik usulda suratga olishning ijobiy tomoni obyektни bir vaqtning o'zida turli hajmlarda ko'rish, mustahkamlash va tadqiq etish imkoni borligi, jinoyat sodir bo'lgan joyni qayta ko'zdan kechirish, ekspertiza o'tkazish, hujjatlar va boshqa obyektlarni mustahkamlash hamda tadqiq etish mumkinligini alohida ta'kidlaydi¹.

Ushbu olim tomonidan tergov ishi samaradorligini oshirish uchun "Adis", "Papilyon" texnik vositalaridan foydalanish yaxshi natija berishini ham ta'kidlagan.

Ayniqsa, qo'l barmoq izlarining elektron nusxalarini olish uchun "Papilyon" tirik skaner tizimi, barmoq izlarini zudlik bilan aniqlash yuzasidan tezkor" Papilyon" filtr tekshiruv tizimi, odamning tashqi qiyofasini tiklash bo'yicha "Papilyon" polifeys tizimi, shaxsni hodisa joyida daktiloskopik identifikatsiya qilish uchun mobil yechim aloqa tizimlarining afzallik jihatlari o'rganilgan.

Darhaqiqat o'zida barmoq izlarini aks ettirgan va mamlakatimizda 2012-yildan buyon foydalanib kelinayotgan biometrik pasport tizimi jinoyatlarni fosh etishda o'tgan yillardan fosh etilmasdan qolgan og'ir va o'ta og'ir jinoyatlarni fosh etishda juda ham qo'l kelmoqda.

Bosh prokuraturaning prokuror-kriminalisti tashabbusi bilan jinoyat ishining batafsil o'rganilishi, shuningdek, jinoyat ishi bo'yicha har tomonlama tergov harakatlarini o'tkazishni nazarda tutuvchi puxta tayyorlangan yozma ko'rsatma talablarini qo'shimcha bajarilishi, bir qator o'tkazilgan tergov harakatlari va biometrik tizimning imkoniyatlaridan to'laqonli foydalanish uzoq yillardan buyon ochilmay qolgan jinoyatning fosh etilishiga sabab bo'lgan.

Raqamlarga nazar tashlaydigan bo'lsak, 2023-yilda tergovda qonuniylikni ta'minlash maqsadida Respublika Bosh prokuraturasining

¹ Hamidov B.H.. Tergovchining protsessual taktik faoliyati va unda qo'llaniladigan ilmiy texnik vositalar. Monografiya. T.: TDYU 2024. 104-b.

prokuratura organlari tergov tarmoqlari faoliyati ustidan nazorat boshqarmasi va uning quyi tarmoqlari tomonidan prokuratura organlarining tergovga qadar tekshiruv va dastlabki tergov jarayonida qabul qilingan qarorlarining qonuniyligi va asosliligi o'rganilib, ish uchun ahamiyatli protsessual harakatlarni o'tkazish haqida 6800 ga yaqin yozma ko'rsatmalar berilgan. Shuningdek, jinoyatchilik va tergov masalalari bo'yicha quyi prokuraturalarga 117 ta ko'rsatma va topshiriq, 78 ta yo'naltiruvchi xatlar yuborilgan. Tergovchilarga protsessual va kriminalistik yordam ko'rsatishga jiddiy e'tibor qaratilib, bu borda 430dan ortiq tadbirlar o'tkazilgan. Ushbu ko'rilgan choralar natijasida prokuratura organlarida tergov qilingan ishlarning sudlarda reabilitatsiya asoslariga ko'ra tugatilishi, tergov davrida noqonuniy jinoiy javobgarlikka tortish holatlari yildan-yilga kamayishi kuzatilib, 2023-yilda 2018-yilga nisbatan sudlar tomonidan oqlov hukmi chiqarish 105 taga yoki 30 foiz, shuningdek, tergovda qonunga xilof ravishda javobgarlikka tortish 207 taga yoki 97 foiz kamayishiga erishildi. Shuningdek, bu davrda prokuratura organlari tergovidan norozi bo'lib yo'llagan murojaatlar soni qariyb 6200 taga kamaygan. 2023-yilda Respublika Bosh prokuraturasi prokuror-kriminalistining tashabbusi bilan uzoq yillardan buyon ochilmasdan kelayotgan 5 ta qotillik jinoyati fosh etilgan¹. Xususan, Respublika Bosh prokuraturasi so'ngi yillarda sodir etilib fosh etilmay tergov to'xtatilgan og'ir va o'ta og'ir jinoyat ishlarini o'rganib chiqish uchun joylardagi prokuratura organlariga tegishli tartibda topshiriq xatlari yuborilgan.

Ayrim fosh etilmagan qotillik jinoyatlariga oid ishlar Bosh prokuratura tomonidan o'rganib chiqilib, hodisa joyidan olingan barmoq izlari bo'yicha muqaddam o'tkazilgan ekspertizalar jarayonida aniqlanmagan barmoq izlari Ichki ishlar vazirligi "Papilyon", "Adis sonda", biometrik identifikatsiya tizimidagi barmoq izlari hodisa joyidan olingan barmoq izlari bilan o'zaro solishtirilganligi natijasida jinoyat sodir etgan shaxslar aniqlanishiga erishilgan.

Masalan, Sergeli tumanida fuqaro S.D.ning jasadi qotillik alomatlari bilan topilganligi, fuqaro N.M.ning o'limi yuzasidan Bosh prokuratura tomonidan o'tkazilgan tergovda fuqaro S.M.Oilaviy janjal zamirida xotini S.M. oilaviy janjal zamirida xotini N.M. ni pichoqlab o'ldirganligi aniqlangan.

Prokuror-kriminalist tashabbusi bilan fosh etilishi ta'minlangan jinoyat

¹ Imomnazarov A.X. Sifatli tergov adolatga garov. O'zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi "Huquq" gazetasining 2024-yil 22-fevralda chop etilgan №8 soni. 3-bet.

ishlari yuzasidan amaliyotdan ko‘plab misollar kelitirish mumkin.

Jumladan, *Qashqadaryo viloyatida G‘. T.ning o‘limi yuzasidan qo‘zg‘atilgan jinoyat ishi bo‘yicha 2021-yil 9-aprelda berilgan boshqarma ko‘rsatmasidan so‘ng ish bo‘yicha olingan barmoq izlari bo‘yicha daktiloskopik ekspertiza o‘tkazilgan.*

Natijada, barmoq izlari fuqarolar O.M. va A.T.ga tegishli ekanligi aniqlanib, ular janjal oqibatida bundan 9 yil oldin G‘.T.ni qasddan o‘ldirganliklari fosh etilgan va ularning bergan ko‘rsatuvlariga asosan G‘.T.ning jasadi 2021-yil 17-oktabrda Chiroqchi tumanidagi daladan topildi.

Yoki, shu kabi Baxmal tumanida fuqaro B.X. ning, Paxtaobod tumanida L.E. ning bedarak yo‘qolganligi holati bo‘yicha jinoyat ishi qo‘zg‘atishni rad etish haqidagi noqonuniy qarorlar boshqarma tomonidan bekor qilinib, jinoyat ishi qo‘zg‘atilganidan so‘nggina ularning qotillik qurboni bo‘lganligi aniqlangan.

Xususan, tergov davomida fuqaro U.R. rashk zamirida B.X.ni 7 yil oldin T.P. ta‘magirlik niyatida L.E.ni 3 yil oldin qasddan o‘ldirgani aniqlanib, jabrlanuvchilarning jasadlari ko‘milgan joydan topildi.

Bundan tashqari, Uchtepada L.K.ning jasadi topilganligi, Bo‘stonliqda K.A.ning bedarak yo‘qolganligi, Farg‘ona shahrida M.X.ning jasadi topilganligi, Oqqo‘rg‘onda voyaga yetmaganlar Sh.M., Yo.U. va O.S.ning bedarak yo‘qolganligi, Yashnobod tumanida M.A.ning bedarak yo‘qolganligi, Marhamat tumanida I.A.ga nisbatan qotillik sodir etilganligi, Nurafshonda I.M.ning bedarak yo‘qolganligi, Denovda Sh.J.ning bedarak yo‘qolganligi, Chinozda I.A.ning bedarak yo‘qolganligi holatlari yuzasidan ochilmasdan qolgan qasddan odam o‘ldirish jinoyatlari fosh etilgan¹.

Huquqshunos F.Mirzayevning fikriga ko‘ra, jinoyatlarini tergov qilish jarayonida ilmiy-texnik vositalardan foydalanish jinoyatlarni ochish samaradorligini oshirish bilan birga jinoyat ishlarini yuritishga jalb etilgan fuqarolarning huquq va erkinliklarini ta‘minlash imkonini yaratadi. Shaxsiy daxlsizlik va xavfsizlik, dalillarning ishonchliligi ilmiy-texnik vositalardan foydalanishning asosiy shartlaridan hisoblanadi, tergov amaliyotiga ***poligraf tekshiruvi va odrologik ekspertiza imkoniyatlarini keng joriy***

¹ Astanov I., Turg‘unov A.. Tergov faoliyatini takomillashtirish hamda shaxsning huquq va erkinliklarini himoya qilishni ta‘minlashda prokuror – kriminalistning o‘rni. Jamiyat va innovatsiyalar – Общество и инновации – Society and innovations Special Issue – 02 (2022) / ISSN 2181-1415. 503-b

qilishni taklif qilgan¹. Poligraf vositasida so‘roq amalga oshirishning muhim sharti bu dastlab so‘roq qilinuvchidan rozilik olish bosqichi hisoblanadi, uning roziligi olinishi poligraf apparati ulanganda shaxs o‘zini erkin va sokin tutishi uchun zarur. Poligraf texnika vositasi orqali so‘roq amalga oshirilganda, poligrafolog tomonidan tergovchi qarorida ko‘rsatilgan savollarga javob olish uchun shaxsning emotsional va psixofiziologik holatini o‘rganish orqali so‘roq qilinuvchining dastlab tergoviga bergan ko‘rsatuvlarining rost yoki yolg‘onligiga aniqlik kiritiladi.

Shaxsni poligrafdan o‘tkazish tegishli mutaxassis-poligrafolog tomonidan amalga oshirilib, buning uchun tergovchi tomonidan so‘roq qilingan shaxsning ko‘rsatuvlarining rost yoki yolg‘onligini aniqlash maqsadida, sudga oid psixofiziologik ekspertizasi tayinlash qarori asosida amalga oshirali. Mazkur qarorga dastlabki so‘roq bayonnomasi ilova qilinib, poligraf tekshiruviga yo‘naltiriladi. Poligraf tekshiruvi natijalari alohida qayd etilib, uning xulosasi ish bo‘yicha ekspert xulosasi sifatida baholanadi. Ko‘p holatlarda tergovchilar jinoyat ishining tergov yakuni bilan shaxsning aybli yoki aybdor emasligi bo‘yicha dalillar yetarli bo‘lmaganda, shaxsning psixoemotsional holatini aniqlash bo‘yicha poligraf tekshiruvi natijasi yakuniy natijani beradi.

Tadqiqotchi F.Mirzayevning fikrlarini qo‘llab quvvatlagan holda, og‘ir va o‘ta og‘ir jinoyatlarni tergov qilishda, poligraf, sud-odrologik ekspertiza imkoniyatlaridan ko‘proq foydalanishni tergov amaliyotiga o‘zining tergov sifati va samaradorligiga oshirishga o‘zining ijobiy ta‘sirini ko‘rsatadi deb hisoblaymiz.

V.K.Tolokonnikov va M.A.Barsegyanlarning ta’kidlashicha, so‘nngi vaqtlarda Rossiya Federatsiyasi Tergov qo‘mitasi rahbariyati tergov organlarini kriminalistik ta‘minlashga juda katta ahamiyat berayotganligini, Rossiya Federatsiyasi Tergov qo‘mitasining Kriminalistika bosh markazida katta maydonlarni video va fotosuratga olishga mo‘ljallangan fotoapparatlar, bedarak yo‘qolganlarni qidirib topish uchun uchuvchisiz uchadigan dronlar, suv va yer osti qidiruv ishlarini amalga oshirish uchun transport vositalari, portativ turli moddalarni aniqlovchi spektrometr va boshqa jihozlar bilan ta‘minlanganligini, kriminalistika bosh markazi tomonidan hodisa sodir bo‘lgan joyni 3D modellarini yaratish va virtual tekshirishni nazarda tutuvchi “Hodisa sodir bo‘lgan joyni virtual ko‘zdan kechirish” uquv-uslubiy kompyuter dasturini ishlab chiqishganligini,

¹ Mirzayev F.Z. Odam o‘ldirish jinoyatlarini tergov qilish bo‘yicha xorij amaliyoti. //Huquqiy-tadqiqotlar jurnali. – Toshkent . 2021-yil №6

hududiy tergovchilar “kvartira”, “uydagi zinapoyalar”, “ko‘cha”, “dala”, “o‘rmon”, “park maydoni” kabi jinoyat joyi maketlari bilan ishlash imkoniyatiga egaligini, tergovchi-kriminalistlar faoliyatini tashkil etishdan maqsad tergov sifatini oshirish bo‘lib xizmat qiladi¹.

Rossiya Federatsiyasi Tergov qo‘mitasining Kriminalistika bosh markazi yangi texnologiyalar bilan ta‘minlangan. Xususan, tergovchi-kriminalistlar tomonidan tergovchilarga o‘tkaziladigan mashg‘ulotlar davomida yangi texnologiyalar tanishtiriladi, kriminalistika bosh markazidan kelgan tahliliy vositalar (xususan, raqamli ma‘lumotlarni to‘plash va tahlil qilish uchun mo‘ljallangan “U-FED” mobil kompleksi, kiyimdagi ko‘rinmas barmoq izlarini aniqlash imkonini beruvchi siyanoakriliant kameralar va boshqa dastlabki molekulyar genetik tadqiqot olib borish imkoniyatiga ega bo‘lgan DNK laboratoriyalari imkoniyatlari bilan) tadqiqoti jarayoni bilan yaqindan tanishib amaliyot o‘tashadi.

Rossiya Federatsiyasi Tergov qo‘mitasining Kriminalistika bosh markazi sud-ekspertiza muassasalarining barcha imkoniyatlariga ega bo‘lib, zamonaviy ilmiy-texnika vositalari bilan ta‘minlangan.

Prokuror-kriminalist og‘ir va o‘ta og‘ir jinoyatlar bo‘yicha tuzilgan tezkor-tergov guruhi a‘zosi sifatida hodisa sodir bo‘lgan joyga chiqqanida, ilmiy-texnik vositalardan foydalanish ko‘nikmasiga ega bo‘lishi lozim.

Huquqshunos olim A.Imomnazarov hodisa sodir bo‘lgan joyni ko‘zdan kechirishda qo‘llaniladigan to‘rt yirik turkumdagi kriminalistik texnik vositalar optik jihozlar, suratga olish vositalari, yoritish qurilmalari ovoz va videoyozish qurilmalarini izohlangan.

Ayniqsa ko‘zdan kechirishda dronlardan foydalanish samaradorligini, hodisa sodir bo‘lgan joyni dastlabki ko‘zdan kechirgach, 3D modeli orqali ko‘zdan kechirish afzalliklarini bayon qilgan. Ilmiy-texnika vosita Faro Focus 3D texnik vositasi yo‘l transport hodisasi yuz berganida hodisa sodir bo‘lgan joyni ko‘zdan kechirish, shu bilan birga uch tomonli laserskaner ko‘rinishini yaratish samaradorligini bayon qilib, hodisa sodir bo‘lgan joyni ko‘zdan kechirish uchun sun‘iy yoritish moslamalarining ijobiy jihatlarini, zamonaviy elektron optik o‘tkazgichlarning “Ves-4”, “Relief-1”, “S-70” imkoniyatlarini yoritib bergan².

¹ Толоконников В.К., Баргесян М.А.. Следовател-криминалист – наставник следователя. Вестник Самарской гуманитарной академии. “Право” 2014 №1 (15) с. 143-147

² Imomnazarov A.H. Ko‘zdan kechirish tergov harakatini takomillashtirishning protsessual va kriminalistik jihatlarini. 12.00.09-Jinoyat protsessi, kriminalistika, tezkor-qidiruv huquqi va sud ekspertizasi yo‘nalishidagi yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD) dissertatsiyasi avtoreferati. – Toshkent. HMQO Akademiya 2023-y. 17-b.

Bugungi davrda ko‘plab jinoyatlar axborot texnologiyalari vositasi yordamida sodir etilayotgani ko‘plab jinoyatlarni fosh etish, ular yuzasidan raqamli dalillarni tadqiq etish imkoniga ega bo‘lgan ilmiy-texnik vositalarga nisbatan ehtiyoj ham tobora ortib bormoqda.

Raqamli ma’lumotlarni to‘plash va tahlil qiliish uchun ishlatiladigan “U-FED” mobil kompleksi yuqori ahamiyat kasb etadi¹. Ushbu mobil kompleksi mobil qurilmalardagi muqaddam o‘chirib yuborilgan fayllarni qayta tiklash, ularni identifikatsiya qilish, boshqa raqamli flesh xotirali disklarda saqlash, ko‘chirib olish imkonini beradi. Ushbu mobil kompleks orqali kelgusida sudga oid kompyuter texnika ekspertizasi o‘tkazishda samarali natijalarni beradi.

Prokuror-kriminalistlar turli sharoitlarda og‘ir va o‘ta og‘ir jinoyatlar bo‘yicha hodisa sodir bo‘lgan joylarni ko‘zdan kechirishni ta’minlashlari uchun ularga birlashtirilgan harakatdagi kriminalistika laboratoriyalari bo‘lishi lozimligini alohida qayd etish lozim. **Harakatdagi (mobil) kriminalistik laboratoriya** - hodisa sodir bo‘lgan joyga borish, malakali ko‘zdan kechirish, izlar va ashyoviy dalillarni qidirish, qayd etish, olib qo‘yish va dastlabki o‘rganish uchun texnik jihozlar majmuasiga ega avtomobilda ichidagi ko‘chma laboratoriya ushbu ko‘chma laboratoriya prokuror-kriminalistlar uchun bevosita mo‘ljallangan². Ko‘chma kriminalistik laboratoriya kriminalist xodimlarining ashyoviy dalillarni tekshirish, olib qo‘yish va tekshirish maqsadida tezkor-qidiruv va tergov harakatlari o‘tkaziladigan joylarga borishi uchun mo‘ljallangan. Mobil kriminalistik laboratoriya avtonom ish rejimida daladagi tergov guruhiga kriminalistik yordam ko‘rsatish uchun mo‘ljallangan va kamida 8 kishigacha bo‘lgan mobil tergov guruhining ishlashi uchun mo‘ljallangan.

Laboratoriyaning ichki qismida 6 ta bo‘lim bo‘lishi kerak ya’ni haydovchi kabinasi, laboratoriya saloni, maishiy texnika to‘plamiga ega maishiy salon, sanitariya-gigiyena, uxlash xonasi, yuk bo‘limi, vaqtincha ushlab turilgan shaxslarni qamoqqa olingandan keyin tashish, tergov eksperimentlarini o‘tkazish va boshqalar uchun alohida kupega ega bo‘lishi kerak. Qo‘shimcha jihozlarni joylashtirish va tergov faoliyatini amalga oshirish uchun avtobus tomiga 2,4 m x 4,5 m o‘lchamdagi gorizontal

¹ Kamolov B. Mobil aloqa vositalarining sud-kompyuter-texnikaviy ekspertizasi jarayoni: bosqichlari va turlari. <https://sudex.uz/?p=6411> Murojaat sanasi: 01.12.2024 yil.

² Вандер М. Б. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений: Конспект лекций. 2-е издание, переработанное. СПб., 2002. С. 12 https://procuror.spb.ru/izdaniya/2002_02_04.pdf
Дата обращения: 01.12.2024 г.

platforma o'rnatilgan (masalan, foto va video yozuvlar uchun)¹. Uning foydali maydoni kamida 20 kv.m tashkil qilishi, tergov guruhi a'zolari ishlashi uchun qulay bo'lishi lozim.

Ballistika sohasida otish qurollari va gilzalar bo'yicha gilzotekani shakllantirishda eng yangi zamonaviy **“Projectina VisionX” ballistik tahlil mikroskopi**² yuqori natija beradi. Ushbu mikroskop **dunyodagi eng kuchli va samarali ballistik tahlil ilmiy texnik vositasi bo'lib**, optik dizayni 1,3x – 243x gacha kattalashtirish orqali tasvirlarni eng katta vizual aniqlikni ta'minlovchi xususiyatga ega bo'lib, gilzadagi yoki o'qdagi mayda izlarni ko'rish imkonini beradi.

Ushbu mikroskop binokolni burash emas balki, kattalashtirish uchun birgina tugmachani bosishni o'zi yetarli. Tekshiruv jarayonida qulaylikni ta'minlash uchun va ish unumdorligini oshirish uchun ushbu mikroskopda durbin 30 gradusli ko'rish burchagida joylashtirilgan.

Ushbu mikroskop ballistik tadqiqotlarda eng optimal ergonomik hosil qilishda yordam beradi. Ushbu qurilmaning yana bir ijobiy xususiyati o'zida xona yorug'ligiga mos ravishda o'zgaruvchan avtomatik yorituvchi chiroqlarga ega. Mikroskop durbini elektron boshqarish paneli orqali qo'l omilini aralashuvisiz o'zgartirish mumkin.

Ushbu kriminalist-texnika vositasi 360 darajada aylanish va har qanday o'lchamdagi dalillarni egish imkonini beruvchi tayanchlar yordamida dalillar bilan ishlash imkoniga ega. 95-233 mm. (3,7-9,2 dyum) kattaroq dalillar bilan ishlashda ancha qulay bo'lib, 1m. kenglikdagi joyni egallaydi. Ushbu kriminalistik texnika Shvetsariya olimlarining yangi loyihasi hisoblanadi.

Hodisa sodir bo'lgan joyni ko'zdan kechirishda ko'z bilan ko'rish imkoni bo'lmagan biologik izlar, yashirin barmoq izlari, qon va boshqa tana suyuqliklari, sochlar, bo'yoq chiplari, tolalar, mayda izlarni izlashda foydalanish mumkin bo'lgan zamonaviy yorug'lik tarqatuvchi **“PAGLAB MSA-810”** qurilmasi³ hisoblanadi.

Ushbu zamonaviy kriminalistik texnik uskuna hodisa sodir bo'lgan joyda qulay masofadan boshqarish imkoniga ega bo'lib, o'zidan yoruqlik nurlari tarqatishi orqali izlarni skanerlash va suratga olish imkoniga ega.

¹ Передвижная криминалистическая лаборатория. <http://www.inruscom.com/catalog/3/397>. Дата обращения: 07.12.2024 г.

² The Comparison Microscope VisionX <https://www.projectina.ch/products/comparison-microscopes/visionx>.

³ The PAGLAB MSA-810 is brilliance in a box <https://www.projectina.ch/products/crime-scene-equipment/paglab> murojaat sanasi: 01.12.2024 y.

Ushbu texnik vositalardan qorong‘u joylarni ko‘zdan kechirishda, ko‘z ilg‘amas biolorgik dalillarni izlashda zarur bo‘lib, uni ichki laboratoriya sharoitida va hodisa sodir bo‘lgan joylarni ko‘zdan kechirishda bevosita foydalanish mumkin.

Hodisa sodir bo‘lgan joyda poyabzaldan qolgan izlarni aniqlash uchun maxsus mo‘ljallangan **“CSL-Shoe”** nomli yangi zamonaviy kriminalistik texnik vositasi¹ bo‘lib, ushbu texnik vosita orqali devorlar, bino va binoning tomida maxsus yoruqliklar taratishi yo‘li orqali poyabzal izlarini aniqlovchi va ularni tiklovchi kriminalistik texnik vosita hisoblanadi.

Ushbu texnik vosita 2 soat (120 minut) uzluksiz ishlash va kengaytirilgan yorug‘lik intensivligini kuchaytirish uchun 55 vattdan yuqori Led qatorli keskinlikni ta‘minlovchi kontrastli yoritgichli uskuna hisoblanadi.

Shuningdek, hodisa sodir bo‘lgan joyni tekshirishda **“SL-450”** ksenon portativ yorug‘lik tayoqchasi, hodisa sodir bo‘lgan joydan olingan ashyolardagi ko‘zga ko‘rinmaydigan izlarni aniqlash va ularni tiklash imkoniga ega bo‘lgan **“Cyanoacrylate fuming chamber with Touch Panel”** sensor panelli tutunli siyanoakrilat kamerasi², nam va o‘zida biologik elementlarni saqlovchi dalillarni quritishga mo‘ljallangan **“Drying Cabinet for trace evidence Modell VTR 850”** rusumli shkaflari³ prokuror-kriminalistlar ishi uchun zarur bo‘lgan kriminalistik texnik vositalar jumlasidandir.

Huquqni muhozafa qilish organlari, shuningdek, prokuratura tergov tarmoqlari faoliyatida sun‘iy intellektni joriy qilishni nazarda tutuvchi amaliy ishlar olib borilmoqda. Xususan, Bosh prokuraturaning tergov tarmoqlarida **“Tergovchining elektron yon daftari”** planshetini joriy etish bo‘yicha 26.07.2024 yilda ishchi guruh shakllantirildi⁴. Ishchi guruh oldiga hodisa sodir bo‘lgan joyni ko‘zdan kechirish, ekspertiza tayinlash va boshqa kechiktirib bo‘lmas tergov harakatlarida ortiqcha vaqt va qog‘oz, mablag‘lar sarfini oldi olinadigan, bunday tergov harakatlari o‘tkazilishida mavjud murakkabliklar, eng asosiy jihati tergovchilar ishini yanada

¹ The CSL-Shoe is a portable crime scene light <https://www.projectina.ch/products/crime-scene-equipment/csl-shoe> murojaat sanasi: 01.12.2024 y.

² <https://www.projectina.ch/products/crime-scene-equipment/cyanoacrylate-fuming-chambers> murojaat sanasi: 01.12.2024 y.

³ Odour-free and humidity-controlled drying <https://www.projectina.ch/products/crime-scene-equipment/drying-cabinets>.

⁴ Dissertant Bosh prokuraturada 24.07.2024 yilda Tergovchining “elektron yon daftari” planshetini tergov faoliyatiga joriy etish yuzasidan tuzilgan ishchi guruh a‘zosi hisoblanadi. Ishchi guruh tarkibiga oid ma’lumotlar 1-ilovada.

soddalashtirishni ko‘zlaydigan innovatsion suniy intellekt imkoniyatlarini joriy etish masalasi qo‘yilgan.

Planshet orqali hodisa sodir bo‘lgan joyni ko‘zdan kechirayotgan tergovchi odatdagi qo‘lyozma shaklda yozma bayonnomani yozish o‘rniga tergovchining ovoz tovushlari orqali planshetda o‘rnatilgan dasturiy ta‘minot orqali yozuvlarni avtomatik tarzda elektron shakldagi matnga aylantirishni ko‘zda tutadi.

Mazkur ilmiy texnik vosita hodisa joyini elektron shaklda ko‘zdan kechirish (hodisa joyini ko‘zdan kechirishni raqamlashtirishni anglatadi) va dalillarni qayd etishni tez va sifatli o‘tkazish imkonini beradi. Tergovchilarga masofadan turib ma‘lumotlar bazalaridan foydalanish, elektron hujjatlar aylanishini ta‘minlash, tergovni rejalashtirishga ko‘maklashish imkonini beradi. Bundan tashqari hujjatlarni arxivlash, pochta xarajatlarini kamaytirishni nazarda tutadi. Huquqni qo‘llash amaliyotiga bunday ilmiy texnik vositalarni qo‘llash amaldagi JPK normalariga ham bir qator o‘zgartish va qo‘shimchalar kiritishni taqozo qiladi.

Yuqoridagilardan kelib chiqib, tergovchi va prokuror-kriminalistlar faoliyatida axborot texnologiyalarini joriy etish maqsadida taklif qilingan ko‘p funksiyali planshetni qo‘llash orqali hodisa sodir bo‘lgan joyni ko‘zdan kechirish natijasida ovozli yozuvlar orqali avtomatik ravishda ko‘zdan kechirish bayonnomasini tuzilishini ta‘minlashga oid normalarni joriy etishni nazarda tutuvchi JPKga quyidagi normalarni kiritish taklif etiladi:

Jumladan, JPKning 90-moddasi 4-qismini quyidagi mazmun bilan to‘ldirish: *“Tergov harakatlari bayonnomasiga yozuvlar qo‘lyozma yoki kompyuter-texnik vositalari yordamida qayd etilishi, shuningdek, ovozli tovushlarni avtomatik tarzda yozuv shaklda qayd etuvchi maxsus himoyalangan kompyuter dasturlaridan ham foydalanish mumkin”*.

ХАЛМУРАТОВ АЙБЕК ОРАЗБАЕВИЧ

старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Правоохранительной академии
Республики Узбекистан

ВИДЫ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕХАНИЗМЫ БОРЬБЫ С НИМИ

***Аннотация:** Киберпреступления представляют собой серьезную угрозу для компьютерных систем и личной информации. Вредоносные программы, кража данных, вымогательство и другие преступные действия в сфере кибербезопасности могут привести к серьезным последствиям. В данной статье рассматриваются виды киберпреступлений, такие как распространение вредоносных программ, хакерские атаки, фишинг и другие. Также описываются методы борьбы с киберпреступлениями, включая улучшение антивирусной защиты, обновление программного обеспечения, обучение пользователей основам кибербезопасности и пресечение деятельности киберпреступников.*

***Ключевые слова:** Киберпреступления, кибербезопасность, киберпреступники, незаконный, использование, доступ, безопасность, программа, финансовые средства, механизм, борьба.*

Киберпреступность – это вид преступной деятельности, который осуществляется через использование компьютерных технологий и интернета. Киберпреступники могут совершать различные виды преступлений, такие как кража личных данных, мошенничество, кибершпионаж, кибертерроризм, кибербуллинг, взлом компьютерных систем, распространение вредоносных программ и многое другое.

Киберпреступность может быть направлена как на отдельных граждан, так и на компании, правительства и другие организации. Она может привести к серьезным последствиям, таким как утечка конфиденциальной информации, финансовые потери, повреждение репутации, нарушение безопасности национального уровня и даже угроза жизни и здоровью людей.

Для борьбы с киберпреступностью разработаны специальные методы и технологии, такие как киберзащита, киберполиция, киберпатруль, киберанализ и другие. Также существуют

международные организации и соглашения, направленные на сотрудничество в борьбе с киберпреступностью.

Киберпреступность является серьезной угрозой для современного общества и требует постоянного внимания и усилий со стороны государств, компаний и граждан для ее предотвращения и пресечения.

Некоторые из основных видов киберпреступности включают в себя:

1. Кибермошенничество: форма киберпреступности, которая включает в себя использование компьютерных технологий для мошенничества, обмана и получения незаконной финансовой выгоды. Кибермошенники могут использовать различные методы, такие как фишинг, мошенничество с банковскими картами, мошенничество с онлайн-платежами и другие способы для обмана пользователей и получения их личной информации или финансовых средств. Для защиты от кибермошенничества важно быть осторожным в интернете, не доверять подозрительным ссылкам и сообщениям, использовать надежные пароли и защищенные методы оплаты.

2. Кибершпионаж: форма киберпреступности, которая включает в себя использование компьютерных технологий для мошенничества, обмана и получения незаконной финансовой выгоды. Кибермошенники могут использовать различные методы, такие как фишинг, мошенничество с банковскими картами, мошенничество с онлайн-платежами и другие способы для обмана пользователей и получения их личной информации или финансовых средств. Для защиты от кибермошенничества важно быть осторожным в интернете, не доверять подозрительным ссылкам и сообщениям, использовать надежные пароли и защищенные методы оплаты.

3. Кибертерроризм: это использование компьютерных технологий для совершения террористических актов или угрозы такими актами. Кибертеррористы могут атаковать компьютерные системы, сети, инфраструктуру или другие объекты, чтобы нанести ущерб или создать панику среди населения. Они могут использовать различные методы, такие как взлом, распространение вредоносного программного обеспечения, кибершпионаж и другие техники для достижения своих целей. Для борьбы с кибертерроризмом необходимо усиление кибербезопасности, совершенствование законодательства и международного сотрудничества, а также

повышение осведомленности об угрозе кибертерроризма.

4. Кибербуллинг (или кибертравля) – это форма жестокого обращения, осуществляемая через интернет и социальные сети. Кибербуллинг может включать в себя угрозы, оскорбления, распространение ложной информации, публикацию личных данных и другие формы цифрового насилия. Это может привести к психологическим проблемам, депрессии, тревожности и даже самоубийству жертвы. Для борьбы с кибербуллингом необходимо обучать людей цифровой грамотности, создавать безопасные онлайн-среды и принимать меры по защите потенциальных жертв.

5. Взлом компьютерных систем также является формой киберпреступления. Это процесс незаконного доступа к компьютерной системе или сети, с целью получения конфиденциальной информации, вредоносного воздействия на работу системы или уклонения от защитных мер. В результате взлома компьютерных систем могут быть похищены личные данные, финансовая информация, бизнес-секреты и другая конфиденциальная информация. Для борьбы с взломами компьютерных систем необходимо улучшать технические меры безопасности, обучать пользователей основам кибербезопасности и пресекать деятельность киберпреступников.

6. Распространение вредоносных программ также является формой киберпреступления. Это процесс создания и распространения программного обеспечения, которое наносит вред компьютерным системам, украденной информации или нарушает их работу. Вредоносные программы могут быть использованы для кражи личных данных, финансовых средств, шпионажа, вымогательства и других преступных целей. Для борьбы с распространением вредоносных программ необходимо улучшать антивирусную защиту, обновлять программное обеспечение, обучать пользователей основам кибербезопасности и пресекать деятельность киберпреступников.

Это лишь некоторые из видов киберпреступности, и их количество постоянно увеличивается с развитием технологий.

Далее необходимо рассмотреть механизм борьбы с каждым из видов киберпреступлений:

1. Механизм борьбы с кибермошенничеством включает в себя использование антивирусного программного обеспечения, брандмауэров, защищенных методов оплаты, двухфакторной

аутентификации, регулярное обновление программного обеспечения, обучение пользователей основам кибербезопасности и установку ограничений на доступ к конфиденциальной информации. Кроме того, правительства и международные организации проводят законодательные меры и международное сотрудничество для борьбы с кибермошенничеством, в том числе разработку и внедрение законов и политик по кибербезопасности. Важно также осведомлять пользователей о потенциальных угрозах и обучать их, как защищать свои данные и финансы от кибермошенников.

2. С кибермошенничеством также включает в себя сотрудничество между правоохранительными органами, банками, интернет-провайдерами и другими заинтересованными сторонами для обмена информацией о новых угрозах и методах мошенничества. Также важно проводить регулярные аудиты систем безопасности и мониторинг сетевой активности для выявления подозрительной активности и быстрого реагирования на угрозы. Кроме того, существует специализированное программное обеспечение для обнаружения и предотвращения кибермошенничества, которое может быть использовано организациями и частными лицами для защиты от угроз в онлайн-среде.

3. Для борьбы с кибертерроризмом необходимо разработать механизмы обнаружения, предотвращения и реагирования на кибератаки. Это включает в себя улучшение кибербезопасности путем использования современных технологий и методов защиты информации, а также обучение сотрудников и общества в целом об основах кибербезопасности.

Важным аспектом борьбы с кибертерроризмом является сотрудничество между различными странами и международными организациями. Обмен информацией о новых угрозах, методах атак и использование совместных ресурсов для борьбы с кибертерроризмом может значительно повысить эффективность защиты от кибератак.

Также важно разработать законодательство, которое бы регулировало и наказывало кибертеррористические действия. Это поможет создать правовую основу для пресечения и преследования кибертеррористов.

Наконец, важно проводить общественную работу по повышению осведомленности о кибертеррористических угрозах.

Это поможет людям и организациям быть более бдительными и готовыми к возможным кибератакам, а также поможет предотвратить панику и хаос в случае успешной атаки.

4. Для борьбы с кибербуллингом необходимо разработать механизмы обнаружения и блокирования цифрового насилия. Это может включать в себя использование специализированных программ и алгоритмов для обнаружения угрожающих сообщений и контента, а также возможностью блокировать доступ к ним.

Кроме того, важно проводить обучение о цифровой безопасности и этике в интернете, чтобы люди знали, как защитить себя от кибербуллинга и как помочь другим, став жертвами.

Также необходимо создавать безопасные онлайн-среды, где модераторы могут быстро реагировать на случаи кибербуллинга и принимать меры по удалению вредоносного контента и наказанию нарушителей.

Наконец, важно проводить профилактическую работу с потенциальными жертвами кибербуллинга, чтобы помочь им укрепить свою психологическую устойчивость и знать, как правильно реагировать на цифровое насилие.

5. Для борьбы с взломами компьютерных систем необходимо разработать механизмы защиты, такие как улучшение программного и аппаратного обеспечения, использование современных методов шифрования данных, внедрение систем мониторинга и обнаружения вторжений, а также регулярное обновление программного обеспечения для закрытия уязвимостей.

Кроме того, важно проводить обучение сотрудников и пользователей компьютерных систем по основам кибербезопасности, чтобы они знали, как предотвратить взломы и как правильно реагировать на подозрительную активность.

Также необходимо усилить меры наказания для киберпреступников, чтобы создать дополнительный стимул для предотвращения взломов компьютерных систем.

В целом, борьба с взломами компьютерных систем требует комплексного подхода, который включает в себя технические, образовательные и правовые меры.

6. Один из механизмов борьбы с распространением вредоносных программ – это использование антивирусного программного обеспечения, которое может обнаруживать и удалять вредоносные программы с компьютеров. Также важно обновлять антивирусное

ПО, чтобы оно могло распознавать новые виды вредоносных программ.

Другим механизмом защиты является использование брандмауэров и интрузионных систем, которые могут обнаруживать и блокировать подозрительную активность в компьютерных сетях.

Также важно проводить обучение пользователей по основам кибербезопасности, чтобы они знали, какие действия могут привести к заражению компьютера вредоносными программами и как правильно реагировать на подозрительные ситуации.

В целом, борьба с распространением вредоносных программ требует комплексного подхода, который включает в себя технические меры защиты, обучение пользователей и наказание киберпреступников.

Таким образом, киберпреступность представляет серьезную угрозу для информационной безопасности как индивидуальных пользователей, так и организаций. Виды киберпреступности включают в себя вредоносные программы, фишинг, кибершпионаж, кибертерроризм и другие. Механизмы борьбы с киберпреступностью должны включать в себя технические меры защиты, обучение пользователей о безопасном поведении в сети, а также наказание преступников.

Комплексный подход к борьбе с киберпреступностью является необходимым для обеспечения надежной защиты от вредоносных программ и других видов киберугроз. Он должен включать в себя совместные усилия как со стороны пользователей, так и специалистов по информационной безопасности. Безопасность в сети — это общая ответственность всех участников, и только совместными усилиями можно обеспечить безопасное использование интернета.

**ТУРГУНОВ АСРОРЖОН
АНВАРОВИЧ**

Старший преподаватель кафедры
Оперативно-розыскной деятельности и
киберправа Правоохранительной
академии Республики Узбекистан

**ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В
СИСТЕМУ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА В
УЗБЕКИСТАНЕ**

***Аннотация:** В статье рассматриваются актуальные вопросы внедрения искусственного интеллекта в систему электронного уголовного дела в Узбекистане. Освещаются основные ключевые аспекты, такие как правовые, технические и организационные барьеры, с которыми сталкивается система, а также перспективы ее развития.*

***Ключевые слова:** Электронное уголовное дело, информационные технологии, искусственный интеллект, законодательство, безопасность данных, перспективы.*

***Аннотация:** Мақолада Ўзбекистонда сунъий интеллект технологияларидан фойдаланишга эътибор қаратишган ҳолда жиноят ишларининг электрон тизимини жорий этишининг долзарб масалалари кўриб чиқилган. Тизимда дуч келадиган ҳуқуқий, техник ва ташкилий тўсиқлар, шунингдек унинг ривожланиш истиқболлари каби асосий асосий жиҳатлар таъкидланган.*

***Таянч сўзлар:** Электрон жиноят иши, ахборот технологиялари, сунъий интеллект, қонунчилик, маълумотлар хавфсизлиги, истиқболлар*

***Annotation:** The article examines the current issues of implementing artificial intelligence in the electronic criminal case system in Uzbekistan. It highlights the main key aspects, such as legal, technical, and organizational barriers faced by the system, as well as its development prospects*

***Keywords:** Electronic criminal case, information technology, artificial intelligence, legislation, data security.*

В нашей стране реализуются комплексные меры по широкому внедрению современных информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни, созданию дополнительных удобств для граждан, обеспечению оперативности и прозрачности в деятельности государственных органов. В Узбекистане применение технологий искусственного интеллекта имеет особое значение при использовании современных информационных технологий.

В соответствии со Стратегией «Цифровой Узбекистан — 2030» и в целях создания благоприятных условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта и их широкого применения в стране, обеспечения доступности и высокого качества цифровых данных в указанной сфере утверждено ряд мер по изучению и внедрению технологий искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект (ИИ) – это область компьютерных наук, направленная на создание систем и программ, способных выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта. Эти задачи включают обучение, понимание речи, принятие решений, решение проблем и распознавание объектов. ИИ может имитировать различные аспекты человеческого мышления и поведения, что позволяет системам взаимодействовать с внешней средой и самостоятельно адаптироваться к новым данным.

Технологии искусственного интеллекта формируют комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (в том числе, самообучение и поиск решений при отсутствии заранее заданного алгоритма) и при выполнении задач достигать результатов, как минимум сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека, а как максимум значительно превосходящих человеческие возможности¹.

Под ИИ понимаются платформы, обеспечивающие анализ и прогнозирование в судебной и правоохранительной сферах на основе обработки больших данных с использованием машинного обучения, нейронных сетей и методов распознавания образов с выводом результатов в визуальном или любом ином понятном для конечных пользователей виде. Выделяется несколько направлений практического использования ИИ в судебной и правоохранительной сферах. Конкретно речь идет о:

- продвинутых семантических корпоративных поисковых системах;
- системах поиска и анализа ситуаций, содержащихся в юридических документах;
- системах поддержки разработки юридических документов на основе автоматического генерирования шаблонов;

¹ Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. – 90 с.

- системах предиктивной судебной аналитики, ориентированных на адвокатские компании;

- юридических чат ботах, осуществляющих информирование сторон в ходе первоначальных контактов по тем или иным делам на естественных языках¹.

Искусственный интеллект может переводить допросы и очных ставок в текст, а также может помочь установить ведомственный контроль и прокурорский надзор за проведением доследственной проверки и уголовного расследования.

Но главная проблема использования ИИ в судебной практике – это то, что ИИ базируется не на ситуационной логике, а на вычислительных процедурах. ИИ не умеет работать с контекстами. Соответственно, в каждом государстве политические силы должны прийти к компромиссу и установить, в каких сферах и в каких аспектах судебной системы и правоохранительной деятельности можно использовать ИИ, а в каких использование этого инструмента опасно для политического консенсуса².

Искусственный интеллект невозможно реализовать в простой информационной системе. Одним из шагов к внедрению искусственного интеллекта является его обучение. Искусственный интеллект должен изучить ранее введенные данные и документы, выполненные действия.

Для обучения искусственного интеллекта документы должны быть в читаемой цифровой форме, и должно быть достаточно данных (реквизитов), описывающих документы.

В условиях современного мира, где цифровизация охватывает все сферы жизни, системы уголовного правосудия также требуют изменений. Системы электронного уголовного дела (далее – ЭУД) становятся неотъемлемой частью современного правосудия во многих странах мира.

Электронное уголовное дело представляет собой цифровую систему, которая позволяет автоматизировать процессы сбора, хранения и обработки информации, связанной с уголовными делами.

¹ Б.Исмаилов, А.Атажанов. «Зарубежный опыт внедрения современных технологий в систему правосудия» Жамият ва инновациялар – Общество и инновации – Society and innovations Special Issue - 2, №01 (2020) / ISSN 2181-1415 <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-vnedreniya-sovremennyh-tehnologiy-v-sistemu-pravosudiya/viewer>

² 3 Goodman B., Harder J. Four areas of legal ripe for disruption by smart startups (англ.). Law Technology Today. ABA Journal (16 December 2014).

Основные компоненты ЭУД включают электронные документы, базы данных, системы управления делами и платформы для обмена информацией между участниками уголовного процесса.

Внедрение искусственного интеллекта в систему электронного уголовного дела в Узбекистане открывает новые горизонты для повышения эффективности и качества правосудия. Рассмотрим ключевые сферы, где ИИ может быть применен:

1. Автоматизация обработки данных.

ИИ может значительно ускорить процесс обработки больших объемов данных, связанных с уголовными делами. Системы на основе машинного обучения способны анализировать текстовые документы, выявлять ключевые факты и автоматически классифицировать материалы.

2. Предсказательная аналитика.

Использование алгоритмов предсказательной аналитики позволяет прогнозировать вероятность совершения преступлений на основе исторических данных. Это может помочь правоохранительным органам в планировании патрулирования и профилактических мерах.

3. Анализ судебной практики.

ИИ может анализировать судебные решения и выявлять тенденции в практике судов. Это поможет юристам и судьям принимать более обоснованные решения, основываясь на предыдущих делах и их исходах.

4. Поддержка расследований.

Системы ИИ могут помочь в расследовании преступлений, анализируя данные из различных источников (например, социальных сетей, финансовых транзакций) и выявляя связи между подозреваемыми и жертвами.

5. Улучшение доступа к правосудию.

Чат-боты и виртуальные помощники на базе ИИ могут предоставлять гражданам информацию о процессе уголовного дела, их правах и обязанностях, а также помогать в подготовке необходимых документов.

6. Обнаружение мошенничества.

Алгоритмы машинного обучения могут быть использованы для выявления аномалий в финансовых данных, что поможет в борьбе с экономическими преступлениями и мошенничеством.

7. Обработка жалоб и обращений.

Системы ИИ могут автоматизировать процесс обработки жалоб граждан, анализируя их содержание и направляя на соответствующие уровни для дальнейшего рассмотрения.

Ожидаемые результаты от внедрения искусственного интеллекта в ЭУД включают повышение доступности правосудия, улучшение защиты прав граждан и сокращение временных затрат на рассмотрение дел. Президент Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёев, в своих выступлениях, также уделил этому особое внимание. “Мы должны укреплять открытости и прозрачности деятельности судов, реализации концепции “электронных и цифровых судов”¹.

Использование технологий ИИ позволит повысить уровень прозрачности судебных процессов. Это может снизить уровень коррупции и повысить доверие граждан к судебной системе. Применение аналитических инструментов для оценки работы судов, поможет выявить возможные проблемы и устранить их.

А также могут значительно упростить процесс сбора, хранения и обработки информации, что приведет к более быстрой и эффективной работе правоохранительных органов. Автоматизация процессов позволит сократить время на обработку дел и снизить вероятность ошибок. Это приведет к более быстрому разрешению дел и сокращению нагрузки на сотрудников.

В органах прокуратуры Республики Узбекистан началась работа по внедрению современных технологий и искусственного интеллекта в информационные системы. Основная цель внедрения технологий искусственного интеллекта – оптимизация нагрузки сотрудников.

В 2023 году начата разработка новую версию информационной системы «E-material», а также в опытном порядке внедрить технологии искусственного интеллекта.

Сегодня существует необходимость цифровизации доследственной проверки и уголовного расследования. Процесс регистрации преступлений автоматизирован, но остальные процессуальные действия не фиксируются в электронной форме. В настоящее время для работы информационных систем и интеграций требуется много ресурсов.

¹ Ш.М.Мирзиёев “Янги Ўзбекистон стратегияси” Тошкент – “Ўзбекистон” нашриёти - 2021 й. 464-бет. Ст. 109.

Если искусственный интеллект внедрится в информационные системы типа «электронное уголовное дело», то он может предоставлять следователям и дознавателям рекомендации по первоначальной квалификации преступлений.

В перспективе планируется в органах прокуратуры создать совершенно новую систему распознавания, классификации, распределения и направления, анализа и рассмотрения поступивших обращений, обобщения повторных обращений с помощью технологий искусственного интеллекта.

Открывает возможности для разработки новых решений на базе ИИ, таких как автоматизированные системы предсказания исходов дел или анализатор судебной практики. Эти инструменты могут помочь юристам в подготовке дел и повышении качества правовой помощи.

Но внедрение новых технологий требует подготовки специалистов, что может привести к повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов. Перспективы международного сотрудничества также открывают новые возможности для обмена опытом и лучшими практиками. Важно отметить, что успешная внедрения искусственного интеллекта в ЭУД может стать основой для дальнейших реформ в области уголовного правосудия. Тем не менее, реализация этих перспектив потребует значительных инвестиций в инфраструктуру, обучение персонала и разработку безопасных технологий для защиты данных.

Внедрение искусственного интеллекта в электронное уголовное дело в Узбекистане имеет потенциал для значительного улучшения работы правоохранительных органов и судебной системы. Однако важно учитывать этические аспекты и необходимость обеспечения прозрачности и справедливости при использовании ИИ-технологий.

Одним из ключевых аспектов внедрения ИИ в уголовное судопроизводство является обеспечение справедливости и недискриминационного подхода в принимаемых решениях. Алгоритмы ИИ могут унаследовать предвзятости или ошибки, заложенные в исходных данных, что приводит к искажению результатов. Поэтому важна прозрачность алгоритмов и возможность их проверки, чтобы избежать дискриминации по половым, расовым или другим признакам. Также встает вопрос о том, кто несет ответственность за решения, принятые ИИ, что требует ясного правового регулирования.

Уголовные дела обычно содержат множество конфиденциальной информации, включая личные данные участников процесса. Безопасность данных становится критически важной задачей при внедрении ИИ в уголовное производство. Необходимо разработать системы защиты, которые предотвратят утечку данных или их несанкционированное использование. Особое внимание уделяется шифрованию данных, а также регламентации доступа к ним, чтобы минимизировать риски вмешательства в правовые процессы.

Для эффективного и безопасного применения ИИ в уголовном правосудии требуется разработка четкой правовой базы. Это включает регулирование использования технологий, определение ролей и ответственности всех участников, а также стандартизацию методов обработки данных и принятия решений. Правовая система должна адаптироваться к новым вызовам, которые ставят перед ней технологии ИИ, чтобы обеспечить баланс между автоматизацией процессов и защитой прав граждан.

ГАФУРОВ ИКРОМЖОН ИЛХОМОВИЧ

Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси
Иқтисодий жинойятларга ва жиноий
даромадларни легаллаштиришга қарши
кураш кафедраси катта ўқитувчиси

ТЕЗКОР-ҚИДИРУВ ФАОЛИЯТИНИ ТАЪМИНЛАШ МАҚСАДИДА ОЧИҚ МАНБАЛАРДАН МАЪЛУМОТ ТЎПЛАШ ВА ТАҲЛИЛ ҚИЛИШ УСУЛЛАРИ

Аннотация. Ушбу мақолада тезкор-қидирув фаолиятида очиқ манбалардан маълумотлар олишнинг усуллари муҳокама қилинади ҳамда бу борада тезкор-қидирув бўлими ходимларининг вазифалари кўриб ўтилади ҳамда улар томонидан қилиниши керак бўлган мажбуриятлар кўриб чиқилади.

Аннотация. В данной статье обсуждаются способы получения информации из открытых источников при следственной деятельности, в связи с этим рассматриваются основные задачи, направления и цели деятельности оперативно-розыскных и следственных органов.

Abstract. *This article discusses ways to obtain information from open sources during investigative activities; in this regard, the main tasks, directions and goals of the activities of operational search and investigative bodies are considered.*

Калим сўзлар: *тезкор-қидирув, очик манбалар, интернет, жиноят, маълумот тўплаш усуллари, гувоҳлар, интернет манбалари.*

Ключевые слова: *Оперативно-розыскная, открытые источникники, интернет, способы получения информации, свидетели, интернет ресурсы.*

Key words: *Operational search, open sources, Internet, methods of obtaining information, witnesses, Internet resources.*

Кириш. Ҳозирги кунда тезкор-қидирув фаолиятини амалга оширишда маълумотлардан фойдаланиш муҳим аҳамиятга эга. Шу маълумотларни олишнинг бир қанча усуллари мавжуд шулардан бири очик манбалардан маълумотларни тўплаш ва таҳлил қилишдан иборат. Очик манба деганда интернет манбалари, фуқаролардан сўраб-суриштириб олинган маълумотлар ва бошқалар киради. Терговчи учун маълумотларни тўплаш ва тизимлаштириш, тезкор-қидирув фаолияти натижаларини текшириш ва баҳолаш, шунингдек улар асосида процессуал қарор қабул қилиш муҳим аҳамиятга эга.

Методология. Мақолада жиноятчиликка қарши курашда муаммоларни ҳал қилиш учун интернетдаги очик манбалардан оператив аҳамиятга эга маълумотларни қандай тўплаш ва таҳлил қилишдан фойдаланиш масаласи кўриб чиқилади.

Ушбу мақолада замонавий тезкор-қидирув маълумотлари, шу жумладан интернетда жойлашган очик манбалардан тўплаш усулларига доир маълумотлар бериб ўтилади. Сўнгги ўн йилликда бутун дунёда ва хусусан юртимизда жиноят содир этиш усулларида жиддий ўзгаришлар рўй берди.

Шу билан бирга, замонавий рақамли технологиялар тезкор-қидирув фаолиятини ташкил этишда муҳим аҳамият касб этиб келмоқда. Шунинг учун ҳуқуқни муҳофаза этиш органлари ходимларининг ахборот ва телекоммуникациялар фаолияти жараёнлари соҳасидаги билим, кўникма ва малакалари ошириш долзарб аҳамият касб этмоқда.

Тезкор-қидирув фаолиятида ахборот манбаларини иккита турга бўлиш мумкин:

а) жонли манбалар (одамлар, ҳайвонлар, қушлар, ўсимликлар ва бошқалар);

б) техник манбалар (ускуналар, асбоблар, қурилмалар ва бошқалар).

Шунингдек, ахборот манбаларини мобиль, кўчма ва стационар турга ҳам бўлиш мумкин: мобиль – одамлар, ҳайвонлар, қушлар; портатив – техник қурилмалар, асбоблар; стационар – ахборотни тўплаш, сақлаш, қайта ишлаш ва узатишнинг доимий пунктлари.

Тезкор ходим ахборотни, жумладан махфий маълумотларни турли хил манбалардан олади. Амалий фаолиятда маълумот тўплаш жараёнида ностандарт вазиятлар вужудга келади. Баъзан маълумот шундай манбадан келадик, у дастлаб ишончсиз ёки ҳақиқий эмасдек туюлиши мумкин. Бироқ, текшириш жараёнида айнан ана шу маълумотнинг аҳамияти катта бўлиб чиқади.

Вазият шундай бўлиши мумкинки, битта тафсилот ўз-ўзидан ҳеч нарсани англатмайди, лекин ахборот оқими занжирида, воқеаларни ўзаро баҳолашда у асосий далилга айланиши ҳам мумкин.

Тезкор ходим қайси маълумот манбасидан фойдаланмоқчи бўлса, у унинг мавжуд ва потенциал имкониятларини, фойдаланишнинг мақбул чегараларини ва бундай маълумот манбасининг ишончлилиқ даражасини тушуниши керак. Тезкор-қидирув фаолияти учун зарур бўлган маълумотлар турли хил бўлиб, муайян хизмат ёки бўлинма эҳтиёжлари ва тезкор бўлинмаларга юкланган вазифалар билан белгиланади. Кўриниб турибдики, терговчи, тезкор ходим ва техник хизматларнинг ахборотга бўлган эҳтиёжи ҳар хил бўлса-да, уларнинг барчаси бир хил жиноятни очишга ёрдам бериши мумкин.

Тезкор-қидирув фаолиятини ахборот билан таъминлаш барча тезкор бўлинмалар учун умумий бўлган ягона қонун билан белгиланади, лекин уларнинг ҳар бири амалда идоравий меъёрий ҳужжатлар билан тартибга солинадиган ўзига хос нормалардан фойдаланиши мумкин.

Маълумотлар бирламчи, тасдиқланган (ишончли), умумий ёки батафсил, очиқ (кўриш мумкин), ёпиқ (махфий), баҳоловчи, дастурий бўлиши мумкин. Ахборотнинг тавсифлари ўртасидаги номувофиқлик ёки унинг етарли миқдорда мавжудлигидан қатъий назар, тезкор ходим, қанчалик бошланғич ёки умумий бўлишидан қатъий назар, ҳеч қандай қўшимча маълумотни эътиборсиз қолдира олмайди. Тажрибали тезкор ходим доимий равишда иш вақтида ва ундан ташқарида турли манбалардан керакли маълумотларни олиши мумкин. Ахборот манбалари очиқ, қонуний ва оммага очиқ ёки ёпиқ, махфий бўлиши мумкин.

Очиқ манбаларга барча оммавий ахборот воситалари, турли расмий ҳисоботлар, хабарлар, очиқ статистик маълумотлар, баённомалар ва фойдаланишда ҳеч қандай чекловлар бўлмаган бошқа маълумотлар киради. Бошқалар учун ҳеч қандай маъно билдирмайдиган айрим хабарлар тезкор ходим учун катта қизиқиш уйғотиши мумкин. чунки бундай маълумотлар орқали:

- яширин алоқалар ёки муносабатлар фож бўлиши,
- шубҳали фаолият белгилари аниқланиши,
- жиноятга алоқадор шахслар ҳақида из мос тушиши,
- муҳим вақт, жой ёки воқеа билан боғлиқ сигналлар очилиши

мумкин.

Зарур маълумотларни тўплашда тезкор ходим қуйидаги саволлардан келиб чиқиб амалга ошириши муҳим ҳисобланади:

- Нимани аниқлаш керак?
- Қаерда ва қандай шаклда маълумот талаб қилиниши мумкин?
- Буни ким билиши мумкин ва қай даражада?

Кўриб чиқиладиган масалаларнинг ечими ташқи шароитга ҳам, оператив ходимнинг тажрибаси, билими, касбий маҳорати, иродаси, зукколиги ва имкониятларига ҳам бевосита боғлиқдир.

Олинган маълумотлар вазиятни йўналтириш, кейинги ҳаракатларни режалаштириш, амалга ошириладиган фаолият самарадорлигини кузатиш, бахтсиз ҳодисаларнинг олдини олиш ва хатолардан қочиш, тактик ва стратегик қарорлар қабул қилиш, қўшимча маълумот тўплаш бўйича янги вазифаларни белгилаш имконини беради. Тезкор ходимнинг ўзи унга қўйилган мақсад ва вазифаларга, шунингдек, юзага келадиган вазиятга қараб маълумот қидиришнинг аниқ шакллари танлайди.

Тезкор-қидирув ходими шахсга доир маълумотларни олишда инсон ҳуқуқларини бузилишига йўл қўймаслиги керак. Бу борада Ўзбекистон Республикасининг “Тезкор-қидирув фаолияти тўғрисида” ги қонунининг 7-моддасида “Тезкор-қидирув фаолиятини амалга оширувчи органлар ҳамда уларнинг ходимлари тезкор-қидирув тадбирларини ўтказишда инсон ҳуқуқлари, эркинликлари ва қонуний манфаатларига риоя этиши шарт.

Тезкор-қидирув фаолиятини амалга оширувчи органлар ҳамда уларнинг ходимлари томонидан инсон ҳуқуқлари, эркинликлари ва қонуний манфаатлари бузилган тақдирда, мазкур органлар ҳамда уларнинг раҳбарлари ушбу ҳуқуқлар, эркинликлар ва қонуний манфаатларни тиклаш, етказилган зарарнинг ўрнини қоплаш ҳамда

айбдорларни белгиланган тартибда жавобгарликка тортиш чораларини кўриши шарт.

Тезкор-қидирув тадбирларини ўтказиш натижасида олинган, жиноят ёки бошқа ҳуқуқбузарлик содир этиш билан боғлиқ бўлмаган ахборотдан инсон ҳуқуқлари, эркинликлари ва қонуний манфаатларини чеклаш учун фойдаланилиши мумкин эмас.

Ҳеч ким қийноққа солиниши, зўравонликка, шафқатсиз ёки инсон шаъни ва қадр-қимматини камситувчи бошқа тарздаги тазйиққа дучор этилиши мумкин эмас.

Инсоннинг шахсий ҳаёти ҳолатларига оид маълумотларнинг ошкор этилишига олиб келадиган, унинг ҳаётини, соғлиғини хавф остига қўядиган, шаъни ва қадр-қимматини камситадиган ҳаракатларни амалга ошириш тақиқланади”¹, деб белгилаб қўйилган. Тезкор-қидирувни амалга оширувчи орган ходимлари шахсга доир маълумотлар билан ишлаётганда шахсий маълумотларнинг дахлсизлик ҳуқуқини ҳурмат қилиши, ишга алоқаси бўлмаган маълумотларни олмаслик, сақламаслик ва олинган маълумотлар ишга алоқадорлиги ёки жиноят аломатлари аниқланмаган тақдирда йўқ қилиниши лозим.

Ахборотни тўплаш, қайта ишлаш узлуксиз ва кўп меҳнат талаб қиладиган жараён бўлиб, тезкор-қидирув ишининг асосий шаклини ташкил этади, унинг асосий йўналиши махфий маълумотларни яширин усуллар билан тўплашдан иборат.

Замонавий дунёда ахборот технологиялари жадал суръатлар билан ривожланмоқда ва дунёнинг аксарият мамлакатлари саноат жамиятидан постиндустриал ёки ахборот жамиятига ўтди. Шунинг учун, иш фаолиятида ва кундалик ҳаётда электрон гаджетлардан фаол фойдаланилмоқда. Шу қаторида жиноий мақсадларда замонавий технологиялардан фойдаланиш ҳам ортиб бормоқда. Бу ахборот технологияларидан фойдаланган ҳолда содир этилаётган жиноятлар сонининг пайдо бўлиши ва барқарор ўсишига олиб келди. Шу билан бирга, бундай жиноятлар орасида энг катта улушни онлайн фирибгарлик, экстремизм ва шахсий маълумотларни ўғирлаш каби жиноятлар эгаллайди. Замонавий технологиялар жиноятчиларга бир жойда бўлиб, бошқа минтақада ёки ҳатто бошқа давлатда яшовчи шахсларга қарши ноқонуний ҳаракатлар қилиш имконини беради. Шу боис, давлатда ҳуқуқ-тартиботни сақлаш ва

¹ <https://lex.uz/docs/-2107763>.

фуқароларни жиноий хуружлардан ҳимоя қилиш истагида бутун дунёда ҳуқуқ-тартибот идоралари ходимлари, турли ҳуқуқни муҳофаза қилувчи идоралар ва махсус хизматлар кибер жиноятчиликка қарши кураш воситаларини доимий равишда кузатиб бориш учун махсус дастурларни ишлаб чиқиш, жорий этиш ва улардан фойдаланиш орқали такомиллаштирмоқда.

Тезкор-қидирув фаолиятида очик манбалардан маълумотларни йиғиш ва таҳлил қилишда қуйидаги усулларида фойдаланиш мақсадга мувофиқ бўлади:

1. Тезкор-қидирув фаолияти мақсадларини аниқлаш ва очик манбалардан маълумот олишни талаб қиладиган вазифаларни аниқлаштириш.

2. Фойдали маълумотларни ўз ичига олиши мумкин бўлган очик манбаларни аниқлаш ва танлаш. Бунга интернет, ижтимоий медиа, янгиликлар манбалари, ҳукумат ҳисоботлари, илмий нашрлар ва бошқалар киради.

3. Долзарб маълумотлар учун танланган манбаларни фаол мониторинг қилиш. Тезкор-қидирув фаолияти объектига оид калит сўзлар ва сўровлар ёрдамида қидирув ўтказиш.

4. Олинган ахборотни асосий ва тегишли маълумотларга ажратиб кўрсатиш.

5. Ахборотни қидириш ва таҳлил қилиш жараёнларини автоматлаштиришда компьютер технологияларидан фойдаланиш. Бу каби усуллардан фойдаланиб, ахборотни имкон борица тезкор таҳлил қилиш орқали жиноятларни очиш имкониятини оширади.

Тезкор-қидирув фаолиятини амалга ошириш учун асосларни аниқлаш зарурати тезкор бўлинмаларнинг маълумот олиш учун мавжуд хусусиятлари ва имкониятлари билан белгиланади.

Махфийлик принципига риоя қилиш муҳимлигига қарамай, ушбу қоида тезкор бўлинмалардан маълумотларни тергов органларига ёки судга ўтказишни тақиқлаш сифатида талқин қилинмаслиги керак, чунки бундай маълумотларнинг муҳим қисмини фойдасиз қиладди.

Тезкор-қидирув фаолияти натижасида олинган фактга оид маълумотларни қайд этиш узоқ давом этадиган жараён бўлишига қарамай, бу тушунча тезкор-қидирув фаолияти мазмунининг узвий қисмига айланган ҳужжатлаштириш билан бевосита боғлиқдир. Агар бундай ҳужжатлардаги маълумотлар тергов органи ёки суд

ихтиёрига ўтказилса, улар ҳақли равишда далил манбалари турларидан бири - ҳужжатларга киритилиши мумкин.

Уларнинг ишончлилигини текшириш масаласи процессуал тарзда ҳал қилинади.

Шу билан бирга, тезкорлик ва махфийлик, шу жумладан ахборот манбаларининг шахсий хавфсизлигини ҳисобга олган ҳолда тезкор-қидирув маълумотларини қонунийлаштириш мумкин бўлмаган ёки амалий бўлмаган ҳолатлар юзага келади

Натижа. Жиноий ҳуқуқбузарликнинг ҳақиқий ҳолати одатда юқори даражадаги мураккаблик ва ноаниқлик билан белгиланади. Шунинг учун терговчи ўз тергов жараёнини режалаштиришда реал вазиятга эмас, балки унинг ахборот моделига асосланади. Терговчилар маълумот олиш учун интернет манбаларидан кўпроқ фойдаланмоқда. Бу энг содда тарзда турли хил қидирув тизимлари ёрдамида амалга оширилади, масалан, «Google» ёки «Yandex». Ахборотни қидириш жараёнида уни олиш учун ахборот ресурсларини чуқур таҳлил қилишни таъминлайдиган мураккаброқ қидирув тизимларидан фойдаланган ҳолда **«сояли интернет»**нинг мақсадли мониторингини амалга ошириш керак.

Қидирув натижаларига кўра сайтларни блоклаш ва уларнинг ташкилотчиларини аниқлаш чоралари кўрилади. Бундан ташқари, қидирув серверлари технологик жиҳатдан мураккаб ҳаракатларни амалга оширишда жиноятчилар фойдаланиши мумкин бўлган махсус техникалар ҳақидаги маълумотларни қидириш учун ишлатилиши мумкин.

Тезкор-қидирувни самарадорлигини ошириш, уларда акс эттирилган ижтимоий ҳодисаларнинг хусусиятларини аниқлаш ва ўлчаш учун ҳужжатлар мазмунини ўрганишнинг расмийлаштирилган таҳлилий усули бўлган контент таҳлилидан фойдаланишни назарда тутади. Бундай таҳлилнинг асосий объектлари тармоқ ахборот ресурслари ва жиноий характердаги тармоқ алоқаси жойларидаги (ижтимоий тармоқлар, блоглар, форумлар ва бошқалар) матнлар бўлиши мумкин. Олинган миқдорий характеристикалар статистик қайта ишланади.

Контент-таҳлил усулининг асосий хусусияти шундаки, у ҳужжатларни уларнинг ижтимоий контекстида ўрганиш имконини беради. Замонавий дастурий таъминот таҳлил қилинаётган маълумотлар массивларидаги матнларни муҳокама қилинаётган масалалар мавзуларига кўра туркумлаш имкониятига эга.

Сўнгги йилларда катта маълумотларни таҳлил қилиш деб аталадиган технологиялардан фойдаланиш операцион муҳим маълумотларни аниқлаш нуқтаи назаридан янада самаралироқ бўлди. Бундай маълумотларни махсус ёндашувлар, махсус воситалар ва усуллардан комплекс фойдаланган ҳолда қайта ишлаш турли хил фаолият соҳаларида (ишлаб чиқариш, соғлиқни сақлаш, савдо, давлат бошқаруви) бошқа воситалар билан эришиб бўлмайдиган янги қимматли билимларни олиш имконини беради.

Катта ҳажмдаги маълумотларни таҳлил қилишда турли хил ижтимоий хавфли ҳодисаларнинг истиқболини белгилаш ва жиноятларнинг олдини олиш мақсадида тезкор-қидирув усулларида фойдаланиш учун ҳақиқий технологик асос яратади. Кибермаконда тезкор-қидирув маълумотларни олишнинг мураккаб шакли сифатида жамоат учун ноошкора бўлган жиноий алоқаларни тўғридан-тўғри кузатиш мумкин. Тезкор-тергов мониторингининг ушбу соҳаси тегишли чатларда, конференцияларда, форумларда эълон қилинган хабарларни доимий равишда ўрганишни ўз ичига олади ва уларнинг бир-бири билан алоқаларини ўрнатиш, ўзаро алоқаларини аниқлаш имконини беради.

Кибер маконнинг ўзига хос хусусиятлари фуқароларни тезкор разведка фаолиятини рағбатлантиришга жалб қилишнинг янги шаклларида фойдаланиш учун шароит яратади. Кибермаконда фуқаролардан маълумот олишнинг энг осон усулларида бири операцион манфаатдор маълумотларни рўйхатга олиш учун ихтисослаштирилган сайтларни яратиш бўлиши мумкин.

Ихтисослашган веб-сайтларда содир этилган ва тайёрланаётган жиноятлар, гумон қилинаётган жиноятчилар ва уларнинг алоқалари тўғрисида хабар бериш учун шаклни тўлдиришингиз мумкин бўлган саҳифалар мавжуд.

Давлат органлари тезкор бўлинмаларининг кузатув дастурлари биринчи навбатда терроризм, экстремизм ва уюшган жиноятчиликка қарши курашда қўлланилганлиги сабабли, махсус дастурлар ёрдамида тўлиқ рақамли назорат билан боғлиқ фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини чеклаш бўйича барча оммавий маълумотлар ўрганилади. Жамият ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларнинг ушбу фаолиятига унинг аҳамияти ва жамият ва давлатни жиноий хуружлардан ҳимоя қилиш заруратидан келиб чиқиб, тушуниш билан ёндашиши керак.

Жиноят процессида тезкор-қидирув фаолияти натижаларидан фойдаланишнинг асосий йўналишлари Ўзбекистон Республикаси 2012 йил 25 декабрдаги “Тезкор-қидирув фаолияти тўғрисида”ги қонунда белгиланган. Жиноят процессида тезкор-қидирув натижаларидан фойдаланишнинг муҳим босқичи жиноят ишини қўзғатиш босқичидир. Терговчига тезкор-қидирув фаолияти натижаларини тақдим этиш жиноят ишини қўзғатиш тўғрисида процессуал қарор қабул қилиш учун асос бўлиши мумкин.

Агар мавжуд процессуал ва тезкор-қидирув маълумотлари жиноят ишини қўзғатиш учун етарли бўлмаса, терговчи иш учун аҳамиятли бўлган барча ҳолатларни аниқлаш учун зарур бўлган қўшимча маълумотларни олиш бўйича тезкор-қидирув фаолиятини амалга оширувчи органларга топшириқ ёки кўрсатмалар беришга ҳақлидир.

А.В.Земскова ўзининг ҳимоя қилинган докторлик диссертациясида: *Агар терговчи оператив-қидирув фаолияти натижаларини олган бўлса, уларни қайта ўтказиш — яъни қўшимча маълумот олиш мақсадида қайта фойдаланиш — учун мустақил ҳуқуқий асослар мавжуд эмаслигини таъкидлайди.*

Ушбу нуқтаи назарга кўра, тезкор-қидирув фаолияти натижалари фақат белгиланган тартибда ва қонунчиликка тўлиқ риоя этилган ҳолдагина далил сифатида эътироф этилиши лозим. Уларни такроран ишлатиш тергов жараёнининг қонунийлигига ҳамда олинган далилларнинг ҳаққонийлигига жиддий шубҳа уйғотади.

А.В.Земскованинг ОҚФ натижаларини қайта фойдаланиш учун мустақил ҳуқуқий асос мавжуд эмаслиги тўғрисидаги фикри назарий жиҳатдан асосли бўлса-да, амалиётда ҳар доим ҳам уни қўллаш имкони мавжуд эмас. Чунки айрим ҳолатларда дастлабки маълумотлар етарли даражада аниқ бўлмаслиги мумкин ва уларни такроран текшириш ҳақиқий ҳолатни тўғри баҳолаш учун зарур бўлади. Шу сабабли, ОҚФ натижаларидан қайта фойдаланишнинг ҳуқуқий механизмини аниқ белгилаш, уни қонунийлик ва ишонччилик тамойилларига зид келмаган ҳолда тартибга солиш мақсадга мувофиқдир.

Жиноят процессида тезкор-қидирув фаолияти давомида очиқ маълумотларни йиғишнинг асосий мақсади — жиноятни имкон қадар тез ва самарали фош этишга эришишдир. Бу жараёнда кузатиш, эшитиш, мулоқотни тинглаш, гувоҳлардан маълумот олиш

каби бир қатор тезкор усуллар қўлланилади. Масалан, кузатиш усули шубҳали шахснинг ҳаракатларини доимий назорат қилишга, унинг кимлар билан алоқада эканлиги ва қандай фаолият юритаётганини аниқлашга қаратилган бўлиб, ундан тўпланган маълумотлар кейинчалик жиноятни фош этишда муҳим аҳамият касб этади.

Шунингдек, эшитиш усули орқали шахснинг телефон суҳбатлари ёки бошқа турдаги мулоқотлари махсус техник воситалар ёрдамида кузатилади. Бу усулларнинг самарадорлиги амалиётда ўз исботини топган.

Амалиётчилар ва олимлар фикрича, бу усуллар жиноятчиликка қарши курашда муҳим ўрин тутadi. Улар жиноятларни аниқлаш, олдини олиш ва фош этиш борасида қонуний йўл билан фаол таъсир кўрсатади.

Шу билан бирга, жиноят аломатларини ўз вақтида аниқлаш, бу ҳақдаги маълумотлар келиб тушганда тегишли дастлабки чоратadbирлар кўриш ва гумон қилинувчини асосли қамоққа олиш содир этилган жиноят учун жазонинг муқаррарлиги тамойилини ҳаётга татбиқ этишнинг муҳим босқичидир. Бироқ амалиёт шуни кўрсатмоқдаки, тезкор-қидирув фаолияти субъектларининг жиноятчиликка қарши курашдаги айрим имкониятлари — жумладан, махсус техник воситалардан фойдаланиш, кузатув ва эшитиш тадбирларини ўтказиш, манфаатдор шахслар тўғрисида тўлиқ маълумот тўплаш, тезкор маълумотлар асосида терговга хос чоралар кўриш каби имкониятлар — тўлиқ ишга солинмаяпти.

Бунга асосий сабаблар сифатида қуйидагиларни кўрсатиш мумкин:

- жиноий гуруҳлар ва уюшмаларнинг фаолиятига нисбатан аниқ ва қатъий чоралар кўрилмаслиги;
- тезкор тадбирларни амалга оширишда ҳокимият органлари, айниқса прокуратура ва тергов органлари ўртасидаги ҳамкорликнинг сустлиги;
- прокурор кўрсатмалари ва суд қарорларининг ўз вақтида ва тўлиқ ижро этилмаслиги.

Маълумки, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларнинг тезкор-қидирув амалиётида тезкор-қидирув фаолияти тўғрисидаги қонун ва бошқа қонун ҳужжатларининг қоидалари қўлланилади.

Бизнингча, ҳуқуқни муҳофаза этувчи органлар томонидан тезкор-қидирув фаолиятини янада самарали таъминлаш ва

жиноятларни қисқа муддатда фош қилиш учун ушбу орган ходимларига терговга дахлдор бўлган маълумотларни олишдаги муаммоларни ҳал этиш, хусусан, очиқ манбалардан маълумотларни олишда уларга кенг имкониятлар бериш лозим

Хусусан, жиноятчиларга оид маълумотлар асосида интернет, ижтимоий тармоқлардан уларга оид далилларни қидиришда махсус нормаларни ишлаб чиқиш керак деб ҳисоблаймиз.

АКРАМОВ ХУСАН ФУРКАТОВИЧ
Ўзбекистон Республикаси ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси Ижтимоий-
гуманитар фанлар кафедраси доценти,
соц.ф.ф.д (PhD), доцент

АҲОЛИ ЎРТАСИДА ГИЁҲВАНДЛИКНИ ОЛДИНИ ОЛИШ: МУАММО ВА ЕЧИМЛАР

Аннотация: Мазкур мақолада аҳоли, айниқса, ёшлар ўртасида гиёҳвандликнинг кенгайиш сабаблари, ижтимоий-психологик омиллари ва бундай иллатнинг тарқалиш йўллари чуқур таҳлил қилинган. Шу билан бирга, мутахассислар фикри асосида профилактика тадбирларининг самарадорлиги ва ҳуқуқий чора-тадбирлар муҳокама қилинган. Илмий-амалий тадқиқот сифатида, Сурхондарё вилоятидаги наркологик марказ экспертлари билан ўтказилган интервьюлар асосида муҳим хулосалар келтирилган.

Калит сўзлар: гиёҳвандлик, ёшлар, ижтимоий омиллар, психологик хасталиклар, профилактика, эксперт сўрови, ҳуқуқий чоралар, репродуктив саломатлик.

Аннотация. В данной статье подробно проанализированы причины распространения наркомании среди населения, особенно среди молодежи, а также её социально-психологические факторы и пути распространения. На основе мнений экспертов наркологических учреждений рассмотрена эффективность профилактических мероприятий и юридических мер. Исследование опирается на интервью с экспертами Наркологического центра Сурхандарьинской области Республики Узбекистан.

Ключевые слова: наркомания, молодежь, социальные факторы, психологические расстройства, профилактика, экспертный опрос, юридические меры, репродуктивное здоровье.

Abstract: This article presents an in-depth analysis of the causes of drug addiction among the population, particularly youth, focusing on socio-psychological factors and distribution channels. It further discusses the effectiveness of preventive strategies and legal measures based on expert insights. The study is

supported by expert interviews conducted at the Narcological Center of Surkhandarya Region in the Republic of Uzbekistan.

Keywords: *drug addiction, youth, social factors, psychological disorders, prevention, expert interview, legal measures, reproductive health.*

Бугунги кунда жаҳон ҳамжамиятини ташвишга солаётган глобал муаммолардан бири бу — гиёҳвандликдир. У нафақат инсон саломатлиги, балки жамиятнинг ижтимоий, иқтисодий ва маънавий барқарорлигига ҳам таҳдид солмоқда. Хусусан, ёшлар ўртасида гиёҳванд моддалардан фойдаланишнинг ўсиши борасида огоҳликни ошириш, таълим-тарбия ва профилактик тадбирларни кучайтириш зарурати кун тартибига қўйилмоқда.

Гиёҳвандлик нафақат шахсий, балки оилавий ва жамият миқёсида ҳам ҳалокатли оқибатларга олиб келади. Ижтимоий тузилмаларда бундай иллатнинг кенгайиши жиноятчиликнинг кўпайиши, меҳнат унумдорлигининг пасайиши ва аҳолида руҳий беқарорликнинг кучайишига сабаб бўлади¹. Айниқса, ёш авлод орасида гиёҳвандликнинг кенгайиши уларнинг таълим олиши, иш билан банд бўлиши ва ижтимоий интеграциясига тўсқинлик қилади².

Гиёҳвандлик кассалиги билан шуғулланувчи респондентларни жалб қилиш учун табақалашган мақсадли саралаш усулидан фойдаланилган ҳолда, мақсадли саралаш асосида биз репрезентативликни таъминлаш мақсадида Ўзбекистон Республикаси наркология илмий амалий марказининг Сурхондарё вилояти филиалининг экспертлардан чуқурлаштирилган интервью ўтказдик. Жами экспертларнинг сони 9 нафарни ташкил этган бўлиб, уларга қуйидаги саволлар билан мурожаат қилдик.

Энг аввало мутахассислар ҳақидаги маълумотларни таҳлил қиладиган бўлсак, уларнинг ёшлари бўйича **1 таси 30 – 39 ёшларда, 4 таси 40 – 49 ёшларда, 3 таси 60 ва ундан юқори ёшда, 3 таси 50 – 59 ёшларда ва 1 тасининг ёши 20 – 29 ёшлар** оралиғида бўлиб, барча экспертларнинг маълумоти олий, маълумоти бўйича мутахассислиги **7 таси** нарколог, **1 таси** психотерапевт, **1 таси** психолог бўлиб фаолият юритишади.

¹ Abdullayeva, Z. (2022). Giyohvandlikning ijtimoiy oqibatlari. Sotsiologiya va hayot, №3, 18–22.

² World Health Organization (2021). Global status report on drugs and health. Geneva: WHO.

Экспертларнинг 5 таси 15 ва ундан ортиқ, 1 таси 5-10 йил, 1 таси 10-15 йил ва 2 таси 1-5 йил оралиғида гиёҳвандлар билан ишлаб келмоқдалар.

Аҳоли ўртасида гиёҳвандлик воситаларини истеъмол қилиш омилларини ижтимоий жиҳатларини ўрганиш мақсадида **“Айтингчи, нима учун инсонлар гиёҳвандлик воситаларини истеъмол қилишади?”** деган саволга экспертларнинг кўпчилиги энг **биринчи навбатда** яшаш жойида гиёҳвандлик муҳитининг шаклланганлиги, **иккинчи навбатда** атрофдаги дўстларининг бунга мойиллиги мавжудлигини, биринчи марта истеъмол қилиш мия фаолияти ва танага салбий таъсир ўтказмаганлиги туфайли ўрганиб қолиш хусусиятининг пайдо бўлиши ва психологик касаликларнинг (интермиттацион ўзини бошқара олмаслик, эътибор етишмаслиги синдроми, биполяр бузилишлар, ҳулқдаги деструктив бузилишлар, оппозицион қарашлардаги бузилишлар, посттравматик стресслар, шахсдаги антисоциал бузилишлар, ҳар қандай хавотирланишлар бўйича бузилишлар) мавжуд бўлиши кабиларни киритишмоқда, **учинчи навбатда** ёшликдаги қизиқиш сабабли бу касалликдан чиқиб кета олмаслик ва оила фаровонлигининг юқори даражада бўлганлиги деб таъкидланган, **тўртинчи навбатда** гиёҳвандлик истеъмол қилиш бу генетик хусусиятга эгаллигини ва уйдаги мураккаб муҳит мавжудлиги қайд этилган.

Қўшимча сифатида экспертлар гиёҳванд моддаларни топиш осонлашганлигини, ушбу моддаларни дорихоналардан сотиб олиш мумкинлигини ҳамда гиёҳвандлик моддаларини истеъмол қилиш асосан 1) генетик, 2) биологик, 3) психологик, 4) ижтимоий омиллар, 5) болаликда олинган травмалар, 6) оила аъзоларининг эътиборсизлигига таянишини тушунтиришган.

Жамиятимиздаги гиёҳвандлик гирдобига кириб қолган аҳолининг қандай кириб қолаётганлигини аниқлаш мақсадида берилган **“Айтингчи, гиёҳвандлик гирдобига кўпроқ қандай тоифадаги инсонлар дучор бўлмоқда?”** деган саволга экспертларнинг кўпчилиги **биринчи навбатда** психологик касалликлари мавжуд бўлган аҳолини қайд этишган, **иккинчи навбатда** оилавий муаммоларга эга бўлган, зўравонликка учраганлар, эътиборсиз қолган ёлғизларни, антисоциал хатти-ҳаракатларга эга оилалар фарзандларини киритишган, **учинчи навбатда** шоу бизнесдагилар (ижтимоий тармоқларда ўзини кўрсатишга ҳаракат қилаётганлар) юқори даражада ҳаяжонланишни

хоҳлайдиганлар, енгил табиатга эга бўлган хотин-қизлар яъни, фоҳишалик билан шуғулланувчилар **тўртинчи навбатда** жуфтини танлашда адашадиган, алданишга мойиллиги бор инсонларни белгилашган.

Қўшимча сифатида девиант хулқ атвор, биологик, психологик ва генетик мойилликка эга бўлган инсонларга кўпроқ генетик ва оиладаги муҳит таъсир этиши таъкидланган.

Экспертлардан **“Инсонларнинг гиёҳвандликка қизиқиши ва тобеълигининг асосий омиллари нималардан иборат?”** деган савол билан мурожаат қилганимизда, экспертларнинг кўпчилиги **биринчи навбатда** психологик касалликларга (интермиттацион ўзини бошқара олмаслик, эътибор етишмаслиги синдроми, биполяр бузилишлар, хулқдаги деструктив бузилишлар, оппозицион қарашлардаги бузилишлар, посттравматик стресслар, шахсдаги антисоциал бузилишлар, ҳар қандай хавотирланишлар бўйича бузилишлар) эга бўлганларда кўроқ учраши таъкидланган, **иккинчи навбатда** енгил табиатга эга бўлганлик яъни фоҳишабозликка мойиллиги бор аёлларда учраши қайд этилган, **учинчи навбатда** жамиятимиздаги мавжуд зўравонлик, шоу бизнесда ўз ўрнини топиш мақсадида олиб борилаётган айрим ҳатти-ҳаракатлар қайд этилган, **тўртинчи навбатда** оиладаги муаммолар, эътиборсиз қолиш, айрим инсонлардаги антисоциал ҳатти-ҳаракатлар, яъни одоб ахлоқ нормаларини доимий бузувчилар, юқори даражада ҳаяжонланишга мойиллиги бўлган инсонлар ва **бешинчи навбатда** алданишга мойиллиги бор инсонлар ва ОИТС касаллигига чалинганларда гиёҳвандликка қизиқиш ва тобелик пайдо бўлаётганлигини таъкидлашган.

Қўшимча сифатида экспертлар генетик, психологик ва ижтимоий омилларга таяниб, оиладаги муҳитга кўпроқ эътибор бериш кераклигини ва қизиқувчанлик, интернет плашадкалардаги реклама роликлари орқали кириб келаётганини таъкидлашган.

Экспертларга **“Айтингчи, гиёҳвандлик инсонларнинг репродуктив саломатлигига таъсир этадими?”** деган савол билан мурожаат қилинганида бир овозда инсон ўйлаб кўрганидан ҳам юқори даражада жуда салбий таъсир этади деб жавоб беришган. Бу мамлакат генофондига кескин зарба бўлиб, бундай ҳолатларни олди олинмаса кейинчаликка миллатимиз мавжудлигига хавф солади.

Ҳозирги кунда гиёҳвандлик воситалари қаерларда тарқалиши ҳақида маълумот ўрганилганда экспертлардан **“Сизнингча, аҳоли**

орасида гиёҳвандлик воситалари қаерларда кўпроқ тарқалади?” деган савол билан мурожаат қилганимизда, экспертлар **биринчи навбатда** кўнгил очар масканларда, **иккинчи навбатда** интернет майдонларида, **учинчи навбатда** дўстлар даврасида ва **тўртинчи навбатда** дорихоналарда тарқалаётганини таъкидлашган.

Қўшимча сифатида экспертлар аҳолининг жамоавий йиғилишларида (гапларида) ва айрим интернет тармоқ БОТларда ҳам гиёҳванд моддалар ҳақида маълумотлар берилишини таъкидлашган. Экспертлар имкони борича дорихоналарни назоратга олишни тавсия қилишмоқда.

“Айтингчи, аҳоли орасида гиёҳвандлик воситалари қандай вазиятларда тарқалади?” деган савол билан мурожаат қилганимизда, экспертларнинг кўпчилиги **биринчи навбатда** эътиборсиз қолган вақтда, антисоциал хатти-ҳаракатлар вужудга келган вақтда яъни, инсонларда девиант, деликвент ва криминоген ҳуқ атвор шакллари авж олганда ва психологик касалликлар авж олган вақтларда, **иккинчи навбатда** шоу бизнесдаги мураккаб вазиятлар вақтида яъни, медиа тизимларда бир-бирлари билан зиддиятларга борилган вақтларда, юқори даражадаги ҳаяжонланиш пайдо бўлган вақтларда, **учинчи навбатда** оилавий муаммолар юқори даражага чиққан вақтда ва инсонларда зўравонликдан қўрқувни (фобия) авж олган вақтларда, **тўртинчи навбатда** енгил табиатга эга бўлганлик вақтида яъни фоҳишалик қилаётган вақтда, ОИТС касаллигига чалинганликни билганлиги учун ва ўта оғир касалликларга чалинганлик вақтларида тарқалиш эҳтимоллиги юқори бўлишини таъкидлашган.

Қўшимча сифатида биологик ва психологик муҳиит гиёҳвандликни тарқалишига асосий омил бўлиб хизмат қилишини таъкидлашган. Шу билан биргаликда вақт ҳам аҳамиятга эгалигини тушунтиришга ҳаракат қилишган.

Экспертлардан **“Айтингчи, аҳоли орасида гиёҳвандлик воситаларининг тарқалиш усуллари қандай омилларга таянади?”** деган савол билан мурожаат қилганимизда, экспертларнинг кўпчилиги **биринчи навбатда** дўстлар орқали тарқалишини таъкидлашган, **иккинчи навбатда** кўнгил очар масканлар орқали, **учинчи навбатда** интернет майдонлари орқали ва **тўртинчи навбатда** дорихоналар орқали тарқалиш усуллари сифатида қайд этишган.

Гиёҳвандлар гиёҳвандлик воситаларини қандай шаклларда истеъмол қилишлигини аниқлаш мақсадида экспертлардан **“Айтингчи, гиёҳвандлар кўпроқ гиёҳвандлик воситаларини қандай истеъмол қилишади?”** деган савол билан мурожаат қилганимизда, экспертларнинг кўпчилиги энг **биринчи навбатда** нафас олиш йўли орқали порошок шаклидаги воситаларни хидлаш орқали, **иккинчи навбатда** тамаки шаклидаги воситаларни чекиш орқали, **учинчи навбатда** шприцлар ёрдамида қон томирга инъекциялар юбориш орқали, **тўртинчи навбатда** таблеткалар шаклида ошқозонда эрувчи воситалар орқали қабул қилиш ва **бешинчи навбатда** токсин воситалар буғларини ингалация қилиш орқали гиёҳвандлар кенг фойдаланилаётганлигини таъкидлашган.

Гиёҳвандликка қарши самарали курашнинг асосий йўлларида бири — уни олдини олиш бўйича комплекс чора-тадбирларни амалга оширишдир. Бу жараёнда қуйидаги усуллар муҳим аҳамиятга эга:

1. Маълумот ва маърифатни ошириш: Мактаб, коллеж ва университетларда гиёҳвандликка оид маърифий дарслар, тренинглар ва амалий учрашувлар ўтказиш¹.

2. Оиладаги тарбиянинг аҳамияти: Ота-оналарнинг фарзандлар билан очиқ мулоқоти, уларни тинглаш ва тушуниш маданияти профилактиканинг илк ва энг самарали босқичидир².

3. ОАВ ва интернет имкониятларидан фойдаланиш: Гиёҳвандликнинг зарари ҳақида жонли мисоллар асосида тайёрланган видеороликлар, мақолалар ва ижтимоий акциялар орқали аҳолини хабардор қилиш³.

Ўзбекистон Республикасида гиёҳвандликка қарши кураш соҳасида қатор қонунлар ва ҳуқуқий-меъёрий ҳужжатлар қабул қилинган. Хусусан, “Гиёҳвандлик воситалари ва психотроп моддалар тўғрисида”ги Қонун, шунингдек, Президент фармонлари ва Вазирлар Маҳкамасининг қарорлари орқали соҳада тартиб белгиланган⁴. Ички ишлар органлари, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар ва Соғлиқни сақлаш вазирлиги ўртасидаги ҳамкорлик бундан буён ҳам мустаҳкамланмоғи лозим.

¹ Tursunov, A. (2023). Ta’lim tizimida giyohvandlikka qarshi kurashning metodik asoslari. *Pedagogika va psixologiya jurnali*, №2, 44–49.

² Islomova, M. (2020). Oila tarbiyasining yoshlar ongiga ta’siri. *Oilaviy psixologiya*, №1, 11–15.

³ United Nations Office on Drugs and Crime (2022). *Social media campaigns to prevent drug use*. Vienna: UNODC.

⁴ Ўзбекистон Республикасининг “Гиёҳвандлик воситалари ва психотроп моддалар тўғрисида”ги Қонуни, 1999 йил 19 апрель.

Гиёҳвандликка қарши курашда жамиятнинг барча қатламлари, жумладан, таълим муассасалари, оила, давлат идоралари ва фуқаролик жамияти ташкилотлари ўзаро ҳамкорликда иш олиб бориши зарур. Қуйидаги таклифларни илгари суриш мумкин:

- Ёшлар ўртасида соғлом турмуш тарзини тарғиб қилиш бўйича доимий тадбирларни ташкил этиш;
- Ижтимоий тармоқлардаги таъсирчан профилактик контентларни яратиш;
- Гиёҳванд моддаларга оид жиноятлар юзасидан жамоатчилик назоратини кучайтириш;
- Республикамизда наркологик ёрдам марказлари сонини ошириш ва сифатини яхшилаш.

**МУСАЕВ ДЖАМАЛИДДИН
КАМАЛОВИЧ**

Доцент кафедры специально-правовых
дисциплин Таможенного института

**МАРШРУТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИКОВ
В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

На сегодняшний день Восточная Азия является регионом, в котором проживает около 30% мирового населения. При этом большинство стран этого региона можно классифицировать как развивающиеся. Согласно Всемирному докладу УНП ООН по наркотикам за 2020 г., наиболее интенсивный рост потребления наркотиков наблюдается именно в развивающихся странах.

Восточная Азия на протяжении длительного периода является глобальным источником многих видов наркотических средств и химических прекурсоров. При этом в регионе наблюдается не только рост потребления наркотических средств, но и наращивание производства многих растительных и синтетических веществ, которые являются незаконными с точки зрения международных и национальных правовых норм.

Исторически Азия была крупным мировым производителем мака и героина, предназначенного для потребительских рынков Европы и Северной Америки. В последнее время активно развивается фармацевтическая и химическая промышленность в

странах региона, что приводит к росту производства и поставок синтетических наркотиков и химических прекурсоров на региональные и мировые рынки.

В частности, данная тенденция отмечается экспертами Международного комитета по контролю над наркотиками, которые связывают увеличение производства и потребления метамфетамина в регионе с наличием большого числа предприятий химической промышленности.

В современных условиях мировая наркоторговля затрагивает подавляющее большинство стран мира. При этом, в мире существует несколько основных групп стран-производителей наркотических веществ: страны «Золотого полумесяца» (Афганистан, Пакистан, Иран), «Золотой треугольник» (Мьянма, Лаос, Таиланд), а также страны «Андского треугольника» (Колумбия, Перу, Боливия)¹.

Наркотические вещества поступают в Восточную Азию от всех указанных стран-производителей в различных объемах, что обусловлено спецификой восточноазиатского рынка наркотиков.

Рассматривая вопрос объема поставок наркотических веществ, необходимо учитывать, что поскольку незаконная торговля наркотиками является криминализированным и нелегальным видом деятельности, все суждения и данные об объемах производимой или изъятой наркотической продукции являются оценочными, и призваны показать не точный объем торговли наркотиками, а обозначить основные тенденции в этой сфере.

Кроме того, важно понимать, что, несмотря на то, что большинство стран-производителей наркотиков являлись таковыми на протяжении достаточно длительного исторического периода, виды производимой ими наркотической продукции претерпели существенные изменения за последние 30 лет.

Согласно докладу УНП ООН за 2019 г., за последнее десятилетие произошла существенная диверсификация веществ, продаваемых на мировом рынке наркотиков. Помимо традиционных веществ растительного происхождения (каннабиса, кокаина и героина), в последнее десятилетие наблюдается расширение рынка синтетических наркотиков и немедицинское использование рецептурных лекарств.

¹ Amnesty International Global Report. Death Sentences and Executions / Amnesty International. 2019. 54 p.

Становятся более доступны сильнодействующие препараты и увеличивается общее количество веществ, обладающих наркотическим эффектом и их возможные комбинации. Эта тенденция особенно явно прослеживается в странах Восточной Азии.

В настоящее время, по данным доклада за 2020 г., наиболее часто употребляемым наркотическим веществом в мире является каннабис. За ним по убыванию следуют опиоиды и опиаты, а на третьей позиции находятся стимуляторы амфетаминового типа.

В Восточной Азии наблюдается обратная ситуация: наиболее широкое распространение в странах региона получили метамфетамин, «экстази» и эфедрин (все относятся к стимуляторам амфетаминового ряда), второе место по распространенности занимают опиаты (героин, морфин), а каннабис выступает лишь третьим наркотическим веществом по уровню распространения в Восточной Азии.

Кокаин, занимая второе место в мире по объему изъятий, также не находит широкого распространения в регионе. Более того, в последние годы в Восточной Азии наблюдается крайне невысокое число подтвержденных случаев культивации сырья для его производства. Тем не менее, важно учитывать, что в последнее время в регионе наблюдается рост незаконного оборота и использования таких психоактивных веществ как кетамин и синтетические кантиноны¹.

Сравнительно невысокая степень распространения каннабиса в Восточной Азии во многом обусловлена тем, что основными странами-производителями данного типа наркотических веществ являются страны Латинской Америки, а именно Колумбия, Боливия и Перу, которые имеют высокую географическую удаленность от изучаемого региона.

Кроме того, основным рынком сбыта наркотической продукции для этих стран являются США и Канада. Тем не менее, ввиду наличия подходящих природно-климатических условий, в странах «Золотого треугольника» происходит культивация каннабиса.

Однако объемы производства и потребления данного вида наркотических средств в Восточной Азии существенно уступают

¹ Bureau of international narcotics and law enforcement affairs. International Narcotics Control Strategy Report (INCSR) / United States Department of State. 2015. 328 p.

мировым лидерам. Так, согласно отчету УНП ООН за 2020 г. потребление каннабиса в Северной Америке составило около 15% от всего населения региона, что в абсолютных значениях составляет приблизительно 74,6 млн чел¹.

Наибольшую привлекательность для производителей наркотиков представляют страны Восточной Азии, обладающие высокой численностью населения, что гарантирует большое число потенциальных потребителей, а также уровнем экономического развития, достаточным для приобретения наркотических веществ.

Исходя из этих двух критериев, среди наиболее привлекательных для наркоторговцев стран региона можно выделить КНР, Индонезию, Японию и Филиппины (все эти страны имеют численность населения более 100 млн. чел и демонстрировали рост ВВП за последние 20 лет).

Значительную угрозу для стран Восточной Азии представляет распространение опиатов, в первую очередь – героина. В этом аспекте поступление наркотических средств осуществляется как извне – через страны «Золотого полумесяца», так и имеет место региональное производство в странах «Золотого треугольника». Для начала следует рассмотреть динамику производства этого наркотика в Восточной Азии.

В первой половине 2000-х гг. основной проблемой для стран Восточной Азии было именно распространение наркотиков растительного происхождения. Оценочный объем посевных площадей опийного мака (выступает сырьем для производства героина) в регионе в 2000 г. составлял 128,6 тыс. га, что превышало показатели стран «Золотого полумесяца» (82,4 тыс. га в 2000 г.). В начале столетия культивирование наркотического сырья осуществлялось на территории Мьянмы, Лаоса и Таиланда.

С течением времени производство данного типа наркотиков постепенно сокращалось, и уже в 2005 г. объем посевных площадей в Восточной Азии составил 34,6 тыс. га⁷⁵. Во многом такая тенденция была связана с активизацией антинаркотической политики стран региона и постепенной переориентацией стран-производителей на наркотики синтетического происхождения.

¹Convention on Psychotropic Substances, 1971 // UNODC.
https://www.unodc.org/pdf/convention_1971_en.pdf.

Тем не менее, в период с 2006 по 2014гг. наблюдался неуклонный рост культивации опийного мака: если в 2006г. объем посевных площадей в регионе составлял 24 тыс. га, то уже в 2010г. он вырос до 41,1 тыс. га, а в 2014г. составил 63,8 тыс. га¹.

На современном этапе вновь наблюдается тенденция на снижение производства сырья для героина: в 2015 г. показатели составили 61,2 тыс. га, а к 2019 г. объем посевных площадей сократился до 38,1 тыс. га.

Несмотря на наличие позитивных тенденций, на текущий момент можно сделать вывод, что проблема производства и распространения героина остается актуальной для стран региона. Большая часть производства этого вида наркотиков сосредоточена на территории Мьянмы (около 33 тыс. га в 2019 г.), меньшая часть культивируется в Лаосе (около 5 тыс. га).

Параллельно с развитием производства традиционных наркотиков, в регионе развивалось производство синтетических наркотиков. Динамика изъятий метамфетамина, который является наиболее употребляемым наркотиком данного типа, в период с 2000 по 2010 гг. говорит о постепенном сокращении с 17,5 т. в 2000 г. до 7 т, в 2010 г.

Однако начиная с 2011 г. наблюдается существенный рост изъятий (с 20т. в 2011 г. до 118 т. в 2019 г.), что говорит о существенном увеличении производства и распространения синтетических наркотиков².

Согласно докладу УНП ООН о синтетических наркотиках в Восточной и Юго-Восточной Азии за 2020 г., продолжающееся распространение метамфетамина на региональном рынке осуществляется за счёт роста его производства.

В последнее время можно наблюдать увеличение производства данного вида наркотиков как внутри «Золотого треугольника», так и за его пределами в таких странах, как Камбоджа и Вьетнам.

При этом наблюдается уменьшение количества лабораторий по производству наркотиков в других частях региона, и смещение основных центров производства в район нижнего Меконга. Во

¹ Corruption Perceptions Index 2019 / Transparency International. <https://www.transparency.org/cpi2019>

² Single Convention on Narcotic Drugs. As amended by the 1972 Protocol amending the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 // UNODC. https://www.unodc.org/pdf/convention_1961_en.pdf.

многим такое смещение связано с неспособностью стран этого субрегиона обеспечить эффективный контроль над производством и распространением наркотиков¹.

Другой особенностью восточноазиатского рынка синтетических наркотиков является то, что в последнее время все больший спрос имеет метамфетамин в кристаллической форме. В таком состоянии наркотическое вещество имеет более выраженный и стойкий эффект на организм человека по сравнению с метамфетамином в форме таблеток и, следовательно, представляет большую угрозу.

При этом, рост производства данного вида наркотиков в Восточной Азии был бы невозможен без соответствующих химических веществ-прекурсоров, а именно их кражи из мест легального производства и дальнейшего незаконного оборота.

На сегодняшний день объем изъятий из незаконного оборота химических прекурсоров для производства метамфетамина существенно уступает объему изъятий готового продукта, что говорит о наличии трудностей в пресечении незаконного изготовления прекурсоров и их транспортировки.

Подавляющее большинство недавних изъятий произошло в районе границы Китая и Мьянмы, что свидетельствует об использовании приграничных зон преступными группировками для транзита прекурсоров. Другим важным пунктом для незаконного оборота прекурсоров является южный штат Шан государства Мьянма, расположенный на границе с Таиландом².

Стоит также отметить, что сам метамфетамин стал дешевле для потребителя, достигнув самых низких цен за последнее десятилетие в Восточной Азии. Эксперты УНП ООН отмечают существенное снижение цены на метамфетамин в регионе, который наблюдается с 2011 г. Если в период с 2005 по 2011 гг. розничная цена за таблетку метамфетамина в Таиланде колебалась от \$7,5 до \$8,5, то уже к 2015 г. она снизилась до \$5, а в 2019 г. одна таблетка стоила чуть меньше \$3.

¹ Thiel, Daniel. The Illicit Drug Industry & Counter-Narcotics in Southeast Asia // East by Southeast. <http://www.eastbysoutheast.com/illicitdrug-industry-counter-narcotics-southeast-asia/>.

² United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, 1988 // UNODC. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_en.pdf.

При этом, несмотря на снижение цены, качество метамфетамина осталось на прежнем уровне, а по некоторым оценкам экспертов УНП ООН даже повысилось (под качеством в данном случае имеется в виду «чистота» конечного продукта; чем «чище» продукт, тем большее воздействие он оказывает на организм потребителя)

УЗАКОВ ШУХРАТ ШАРАПОВИЧ

Ўзбекистон Республикаси Хуқуқни

муҳофаза қилиш академияси

кафедра бошлиғи, ю.ф.ф.д. (PhD)

ПРОКУРОР НАЗОРАТИ ТУШУНЧАСИ ВА ВАЗИФАЛАРИ

***Аннотация:** мазкур мақолада прокурор назорати тушунчаси ва вазифаларига оид масалалар таҳлил қилинган. Прокурорнинг қонун устуворлигини таъминлашда Конституция ва қонунларда мустаҳкамлаб қўйилган вазифаларига урғу бериб ўтилган. Миллий ва хорижий қонунчилик билан бирга, олимларнинг фикрлари ҳам таҳлил қилинган.*

***Калит сўзлари:** конституция, жиноят процесси, прокурор назорати, кафолат, манфаатлар, тушунча ва вазифа, хорижий тажриба, ҳуқуқ ва эркинликлар.*

Миллий қонунчилигимизда прокурор назоратининг бевосита вазифалари қонун устуворлигини мустаҳкамлаш, инсон ва фуқаронинг ҳуқуқ ва эркинликларини ҳимоя қилишдир.

Конституциямизнинг 143-моддасига биноан, “мамлакат ҳудудида қонунларнинг аниқ ва бир хилда бажарилиши устидан назорат Республика прокурори ва унга бўйсунувчи прокурорлар зиммасига юкланади”.

Қонунлар ижроси устидан прокурор назорати ўз олдида мамлакатимизда қонун устуворлигини мустаҳкамлаш, жамият ва давлат манфаатларини ҳимоя қилиш, жисмоний ва юридик шахсларнинг қонун билан қўриқланадиган мулкӣ ва номулкӣ манфаатларини ҳар қандай тажовузлардан ҳимоя қилишни ўз олдида мақсад қилиб қўйган. Шунингдек, терговга қадар текширув, суриштирув, дастлабки тергов давомида инсон ва фуқаронинг ҳуқуқ ва эркинликларини ҳурмат қилиш ва риоя қилиш бўйича зарур чора-тадбирларни кўради.

Прокурор фаолияти давомида назоратнинг барча йўналишларида қонунларнинг тўғри ва бир хилда қўлланилиши устидан назорат олиб бориш жараёнида қонун бузилиши ким томонидан содир бўлишидан қатъий назар, уларни ўз вақтида бартараф этиш чораларини кўриши шарт.

“Прокуратура тўғрисида”ги Қонуннинг 28-моддасига мувофиқ, тезкор-кидирув фаолиятни, суриштирувни ва дастлабки терговни олиб бораётган органлар томонидан қонунларнинг аниқ ва бир хилда бажарилиши устидан назорат олиб бориш прокурорларнинг асосий вазифаларидан бири ҳисобланади. Бинобарин, прокурор жиноят ишларини тергов қилиш устидан назоратни амалга оширар экан, қонунийликни назорат қилишнинг умумий функциясидан келиб чиқадиган вазифаларни ҳам, фақат прокурор назоратининг ушбу тармоғига хос бўлган вазифаларни ҳам бажаради. Суриштирув ва дастлабки тергов босқичидаги прокурор назоратининг ўзига хос жиҳати шундаки, биринчидан, у суриштирув, дастлабки тергов органлари томонидан қонунларнинг аниқ ва бир хилда бажарилиши устидан назорат олиб боради, иккинчидан, жиноят процессига жалб қилинган шахсларнинг (гумон қилинувчи, айбланувчи, гувоҳ, жабрланувчи) ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилади.

Прокурор жиноятларни очиш ва жиноят содир этган шахсларни топиб жавобгарликка тортилишига доир чораларни кўриши, жиноят процессига ноқонуний жалб қилинган шахсларнинг манфаатларини ҳимоя қилиши ва жиноят ишини олиб борувчи давлат органлари томонидан қонунбузилишнинг олдини олиш бўйича иш олиб бориши шарт.

Ҳар бир жиноятнинг тез, ҳар томонлама ва тўлиқ фош этилиши биринчи навбатда прокурорга катта масъулият юклайди. Терговга қадар текширув фаолияти натижасида жиноят фош этилганда, тезкорлик билан суриштирув ва тергов бошланиши бўйича чоралар кўради. Демак, прокурорга жиноят ҳақидаги ариза келиб тушгандан то жиноятчига суд ҳукми ўқилгунча назорат олиб бориш вазифаси юкланади. Шунингдек, жиноятнинг тўлиқ фош этилиши иш бўйича жиноят содир этган барча шахсларнинг фош этилиши, барча жиноий қилмишлар ҳамда уларнинг содир этилишига сабаб бўлган омиллар ва шарт-шароитлар аниқланганлигини билдиради.

Шу билан бирга, айрим ҳолатларда суриштирув ва дастлабки тергов органлари фаолиятида муайян камчиликларга йўл қўйилаётгани сабабли жиноятлар фош этилмай қолаётгани ҳам

маълум. Жиноятлар фош этилмаслигининг асосий сабаблари қаторига: тезкор-қидирув фаолияти, суриштирув ва тергов ишларини ҳамда прокурор назорати тўғри ташкил этилмаганлиги, прокурорлар ва терговчилар касбий маҳоратининг етарли даражада юқори эмаслигини ҳам киритиш мумкин.

Шу боис, прокурор суриштирув ва дастлабки терговни амалга оширадиган органлар томонидан қонунларнинг ижро этилиши устидан назорат қилиш фаолиятини мувофиқлаштириб бошқаришга мажбур.

Прокурорнинг навбатдаги вазифаси – жиноятларни тергов қилиш жараёнида тезкор-қидирув, терговга қадар текширув органи мансабдор шахслари, суриштирувчи ва терговчининг ҳаракатлари (ҳаракатсизлиги) устидан берилган шикоятларни кўриб чиқишдир.

Республикамиз Конституциясининг 55-моддасида ҳар ким мансабдор шахсларнинг қонунга хилоф қарорлари, ҳаракатлари ва ҳаракатсизлиги устидан шикоят қилиш ҳуқуқига эга бўлган қоидалар мавжуд. Шикоят (ариза) қонун ҳужжатларида белгиланган тартибда ва муддатларда кўриб чиқилиши керак. Ушбу талаблар тўлиқ прокуратура органларига, шу жумладан жиноят ишлари бўйича суриштирувни, дастлабки тергов билан боғлиқ шикоятларни кўриб чиқишга тааллуқлидир.

“Прокуратура тўғрисида”ги Қонуннинг 7-моддасига мувофиқ, прокурор қонунда белгиланган муддатларда суриштирув ва дастлабки тергов органларининг ҳаракатлари (ҳаракатсизлиги) устидан шикоятларни кўриб чиқиши ва улар бўйича қабул қилинган қарорлар тўғрисида ариза берувчиларга ёзма хабар бериши талаб этилади.

Бундай шикоятларни кўриб чиқиш тартиби Жиноят-процессуал кодексининг 27, 338, 358-моддалари билан ҳам тартибга солинади. Қонун бўйича суриштирувчи, терговчининг ноқонуний ҳаракати (ҳаракатсизлиги) ва қарорлари устидан процесс иштирокчилари ёзма ёки оғзаки шикоятлар беришлари мумкин.

Аризачи, шикоятни берувчи шикоятни бевосита терговни назорат қилувчи прокурорга тақдим этиши мумкин. Шикоят оғзаки тарзда берилган бўлса, шикоятни қабул қилган шахс томонидан баённома тузилади ва шикоятчи томонидан имзоланади. Қонунда белгиланган муддат ичида шикоят прокурор томонидан кўриб чиқилади, унинг натижаси тўғрисида аризачига, шикоят берувчига хабар берилади. Шикоятни қаноатлантириш рад этилган тақдирда

прокурор асослантирилган жавоб беришга мажбурдир. Ушбу тартиб прокурорнинг шикоятни тўғри ҳал қилиш учун жавобгарлигини оширади. Ариза (шикоят) берувчи шикоятини рад этиш сабабларини билиб, прокурорнинг қарори устидан юқори турувчи прокурорга ёки судга шикоят қилиш имкониятига эга (“Прокуратура тўғрисида”ги Қонуннинг 7, 25, 32-моддалари).

Прокурор назоратининг асосий мақсади Ўзбекистон ҳудудида қонунларнинг аниқ ва бир хил бажарилиши ва қўлланишини назорат қилишдир.

Прокуратура назоратининг мақсадлари — прокуратура органларининг мамлакатда қонунийликни таъминлаш ва қонун устуворлигини мустаҳкамлашга, шахс, жамият ва давлат ҳуқуқ ва манфаатларини ҳимоя қилишга қаратилган фаолиятининг якуний натижасидир.

Прокурор назоратининг тўртта асосий вазифасини ажратиб кўрсатиш мумкин:

- 1) конституциявий тузумни ҳимоя қилиш;
- 2) жисмоний ва юридик шахсларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини таъминлаш ва ҳимоя қилиш;
- 3) жамият ва давлат манфаатларини ҳимоя қилиш;
- 4) бузилган ҳуқуқларни тиклаш ва айбдорларни жавобгарликка тортиш ҳамда етказилган зарарни қоплаш чора-тадбирларини кўриш.

Прокуратура органларининг ҳуқуқ ва мажбуриятлари Ўзбекистон Республикаси Конституцияси (XXV-боб), жиноят ва жиноят-процессуал қонунчилиги (34-модда) ҳамда “Прокуратура тўғрисида”ги Қонунларда мустаҳкамланган ва кафолатланган.

Қонунларда мустаҳкамланган ва кафолатланган ҳуқуқ ва мажбуриятлар прокуратура органлари учун муҳим аҳамиятга эга, яъни прокуратура органларига берилган бу ҳуқуқлар шунчаки қонуний имконият эмас, балки бу аксинча, (шахс, жамият ва давлат олдида) мажбуриятдир. Шу билан бирга, бу нафақат мажбурий талаблар, балки прокуратура органларининг уларни амалга ошириш ҳуқуқидир. Прокуратуранинг бу хусусияти уларнинг давлатда ягона қонун устуворлигини таъминлашга қаратилган мақсадининг ўзига хос хусусиятлари билан белгиланади.

“Прокуратура тўғрисида”ги Қонунга мувофиқ, прокурорлар қуйидаги ҳуқуқларга эга:

прокурор ҳар ойда камида бир марта содир этилган ёки тайёрланаётган жиноятлар тўғрисидаги аризалар ва хабарларни қабул қилиш, қайд қилиш ва ҳал этиш бўйича қонун талабларининг бажарилишини текшириши шарт (Қонуннинг 28-моддаси 3-қисми);

қонунийлиги устидан назоратни амалга оширган ҳолда прокурор дастлабки терговда иштирок этиши мумкин. Бу тергов режасини тузиш, сўроқ қилишда иштирок этиш, воқеа жойини кўздан кечириш, тезкор-қидирув гуруҳини тузиш, жиноятларни тергов қилишнинг бориши бўйича йиғилишлар ўтказишда ифодаланади (Қонуннинг 28-моддаси 7-қисми);

прокурор дастлабки тергов шартларига риоя этилишини назорат қилади;

дастлабки тергов жиноят иши кўзғатилган кундан бошлаб иш айблов хулосаси билан прокурорга юборилгунга қадар ёки иш юритиш тугатилгунга ёки тўхтатилгунга қадар 3 ойдан ортиқ бўлмаган муддатда якунланиши керак.

тезкор-қидирув, терговга қадар текширув органи мансабдор шахсининг, шунингдек суриштирувчи ва терговчиларнинг қонунга хилоф ҳамда асоссиз қарорларини бекор қилади (Қонуннинг 28-моддаси 4-қисми);

суриштирувчининг, терговчининг жиноят ишини кўзғатиш ёки рад этиш тўғрисидаги қарорига розилик беради;

терговга қадар текширув, тезкор-қидирув фаолиятини, суриштирув, тергов органлари мансабдор шахслари ҳаракатлари, ҳаракатсизлиги ва қарорлари устидан тушган шикоятни кўриб чиқади;

жиноий таъқиб қилиш ҳам прокурор зиммасидадир (ЖПК 86-моддаси). Шу боис у бошқа ҳуқуқ ва мажбуриятларга эга.

КУДРАТОВ БУНЁД БАХТИЁРОВИЧ

Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни

муҳофаза қилиш академияси

марказ бошлиғи

АХБОРОТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРИ ЁРДАМИДА СОДИР ЭТИЛАЁТГАН ЖИНОЯТЛАРГА ҚАРШИ КУРАШИШНИНГ ҲУҚУҚИЙ ВА ИНСТИТУЦИОНАЛ АСОСЛАРИ

Аннотация. Мазкур мақолада ахборот технологиялари орқали содир этилаётган жиноятларнинг ўсиш динамикаси, уларнинг жиноятчиликдаги улуши ва бунга қарши кўрилаётган ҳуқуқий, институционал ҳамда илмий чоратadbирлар таҳлил қилинган. Хусусан, кибержиноятчиликка қарши курашиш мақсадида қабул қилинган Президент қарорлари, Рақамли криминалистика илмий-тадқиқот институти ва унинг таркибий марказлари фаолиятига алоҳида эътибор қаратилган. Шунингдек, давлат органлари, молия муассасалари ва жамоатчиликнинг ўзаро ҳамкорликдаги вазифалари ҳам кўриб чиқилган.

Калит сўзлар: кибержиноятчилик, ахборот технологиялари, рақамли криминалистика, дроп, ахборот хавфсизлиги, рақамли излар, Будапешт конвенцияси.

Аннотация. В данной статье проанализированы динамика роста преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, их доля в общей структуре преступности, а также принимаемые правовые, институциональные и научные меры по противодействию этим правонарушениям. В частности, особое внимание уделено указам Президента, принятым с целью борьбы с киберпреступностью, деятельности Научно-исследовательского института цифровой криминалистики и его структурных подразделений. Также рассмотрены вопросы взаимодействия государственных органов, финансовых учреждений и институтов гражданского общества в данном направлении.

Ключевые слова: киберпреступность, информационные технологии, цифровая криминалистика, дроп карта, информационная безопасность, цифровые следы, Будапештская конвенция.

Abstract. This article analyzes the growth dynamics of crimes committed using information technologies, their share in the overall crime structure, and the legal, institutional, and scientific measures being implemented to counter them. Particular attention is paid to the presidential decrees adopted to combat cybercrime, as well as the activities of the Digital Forensics Research Institute and its structural centers. The article also examines the roles and cooperative responsibilities of government agencies, financial institutions, and the public in addressing these issues.

Keywords: cybercrime, information technologies, digital forensics, drop, information security, digital traces, Budapest Convention.

Таҳлилларга кўра, 2024 йилда ахборот технологияларидан фойдаланиб содир этилган 58.800 та жиноятлар қайд этилган бўлиб, бу кўрсаткич 2023 йилга нисбатан 1.001,7 фоизга (5.337 та) ошган.

Қайд қилинган жиноятларнинг 36.444 таси (61,9 %) ахборот технологияларидан фойдаланиб содир этилган ўғирлик ҳамда 21.036 тасини (25,8 %) ахборот технологияларидан фойдаланиб содир этилган фирибгарлик жиноятлари ташкил этади.

Мазкур турдаги жиноятларнинг умумий жиноятчиликдаги улуши 44,4 фоизни ташкил қилаётганлиги, ушбу жиноятларни ўз вақтида аниқлаш ва самарали тергов қилиш махсус рақамли усул ва воситалардан фойдаланишни, рақамли далиллар билан ишлаш техникасини ишлаб чиқишни, юқори малакали мутахассислар тайёрлаш ҳамда бу борада тизимли илмий-тадқиқот базасини яратишни тақозо этмоқда.

Жорий йилнинг 8 июль куни давлат раҳбарининг маҳаллада жиноятчиликни жиловлаш ва қонун устуворлигини таъминлаш масалалари бўйича тақдирот билан таниш жараёнида кибержиноятчиликни бугунги куннинг энг жиддий муаммоларидан бири сифатида баҳолади. Хусусан, 2025 йил бошидан бери қайд этилган жиноятларнинг 42 фоизини айнан ахборот технологиялари ёрдамида содир этилган (кибержиноят) жиноятлар ташкил қилган.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 30.11.2023 йилдаги “Рақамли маҳсулотлар (хизматлар) истеъмолчилари ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ва рақамли технологиялар воситасида содир этиладиган ҳуқуқбузарликларга қарши курашишни кучайтириш чоралари тўғрисида”ги ПҚ381-сонли Қарори билан тасдиқланган “Йўл харитаси”да Рақамли технологиялар соҳасида жиноятчиликка қарши курашиш бўйича илмий-тадқиқот фаолиятини қўллаб-қувватлаш, бу борада Бош прокуратура Ҳуқуқни муҳофаза қилиш Академияси рақамли криминалистика илмий-методик маркази негизида Рақамли криминалистика илмий-тадқиқот институтини ташкил этиш вазифаси қўйилди.¹

Шу асосда 2024 йил 21 июндаги Ўзбекистон Республикаси Президентининг “Рақамли криминалистика соҳасида илмий-

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 30.11.2023 йилдаги “Рақамли маҳсулотлар (хизматлар) истеъмолчилари ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ва рақамли технологиялар воситасида содир этиладиган ҳуқуқбузарликларга қарши курашишни кучайтириш чоралари тўғрисида”ги ПҚ381-сонли Қарори.

тадқиқот фаолиятини ташкил этиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ229-сон Қарори билан Ўзбекистон Республикаси Хуқуқни муҳофаза қилиш академияси таркибида Рақамли криминалистика илмий-тадқиқот институти ташкил этилди.

Мухтарам Президентимизнинг юқорида баён қилинган қарорлари билан Институт зиммасига рақамли криминалистика соҳасида инновацион экспертиза турларини жорий этиш ва ўтказишни йўлга қўйиш, Big Data, сунъий интеллект, крипто-активлар юзасидан тадқиқотлар ўтказиш, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларга жиноятларнинг рақамли изларини аниқлаш, тўплаш, текшириш

ва баҳолашда амалий ёрдам кўрсатиш, рақамли экспертиза технологияларини жорий этиш ва янги йўналишларда суд экспертизалари методикаларини ишлаб чиқиш, илмий ёндашувлар асосида кибержиноятчиликнинг келиб чиқиш омилларини, бу йўналишда фош этиш ва тергов қилишдаги долзарб муаммоларни таҳлил қилиб, таклифлар ишлаб чиқиш ва бошқа долзарб вазифалар юклатилган.¹

Ҳозирда, Институт жамоаси томонидан ўзларига юклатилган вазифаларни юксак даражада бажариб, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларга рақамли криминалистика томонидан ҳам назарий ҳам амалий ёрдам беришмоқда.

Мамлакатимизда жиноятларни ўз вақтида ва тўла фош этиш, жавобгарликнинг муқаррарлиги тамойилини сўзсиз амалга оширишнинг самарали механизмларини яратиш, шу жумладан, шахснинг айбини илмий-техник жиҳатдан асосланган ишончли далиллар билан исботлаш жараёнларини янада такомиллаштириш мақсадида юқорида баён қилинган ислохотларни мантиқий давоми сифатида Бош прокуратура ва Ички ишлар вазирлиги томонидан бир қатор долзарб таклифлар ишлаб чиқилиб, амалиётга жорий этиш бўйича тегишли инстанцияларга киритилган.

Жумладан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг жорий йилнинг 30 апрель куни ахборот технологиялари ёрдамида содир этиладиган жиноятларга қарши курашиш фаолиятини янада кучайтириш мақсадида қабул қилинган “Ахборот технологиялари ёрдамида содир этиладиган жиноятларга қарши курашиш

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг “Рақамли криминалистика соҳасида илмий-тадқиқот фаолиятини ташкил этиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги 2024 йил 21 июндаги ПҚ229-сон Қарори.

фаолиятини янада кучайтиришга қаратилган чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПҚ153-сон қарорига мувофиқ қуйидаги йўналишлар бўйича устувор вазифалар белгиланди.¹

Ички ишлар вазирлиги Ўзбекистон Республикасида кибержиноятларга қарши курашиш йўналишида ягона ишлаш амалиётини йўлга қўйиш, бу борада барча масъул давлат органлари ва муассасалари фаолиятини мувофиқлаштириш ҳамда манзилли ҳамкорлигини ташкил этиш бўйича ваколатли орган этиб белгиланди.

Банклар, тўлов тизими операторлари ва тўлов ташкилотлари учун ўз кундалик фаолиятини ташкил этишда мижозларининг манфаати ва молиявий хавфсизлигини таъминлаш устувор вазифа сифатида белгиланди.

Ички ишлар вазирлигига манфаатдор вазирлик ва идоралар билан биргаликда 2025 йил якунига қадар бугунги кундаги амалиёт, замон талаблари ҳамда илғор хорижий тажрибаларни комплекс ўрганган ҳолда соҳанинг устувор йўналишлари ва ишлаш механизмлари, шунингдек, кибержиноятларнинг олдини олиш ва фош этишда давлат органлари, банклар, тўлов тизими операторлари ва тўлов ташкилотларининг аниқ масъулиятини белгилайдиган “Ахборот технологияларидан фойдаланиб содир этилаётган жиноятларга қарши курашиш тўғрисида”ги қонун лойиҳасини ишлаб чиқиб, Вазирлар Маҳкамасига киритиш вазифаси юклатилди.

Бундан ташқари, давлат раҳбарининг қарори билан Ички ишлар вазирлиги, Давлат хавфсизлик хизмати, Бош прокуратура ва Марказий банкнинг қуйидаги таклифлари маъқулланган:

(а) кибержиноятни содир этишда ўз номидаги банк картасидан, банк ҳисобрақамидан, SIM картасидан ҳамда электрон ҳамёнидан (электрон аккаунтлар) фойдаланишга йўл қўйган шахслар (дроп) учун маъмурий ва жиноий жавобгарликлар белгилаш;

(б) ахборот хавфсизлиги ва киберхавфсизлик талабларига риоя этмаганлик учун жавобгарликни белгиловчи амалдаги нормаларни оқибат мавжуд бўлмаса-да, жавобгарлик юзага келиши нуқтаи назаридан такомиллаштириш;

(в) банклар, тўлов тизими операторлари ҳамда тўлов ташкилотлари, шунингдек, бошқа ташкилотларнинг ахборот

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг “Ахборот технологиялари ёрдамида содир этиладиган жиноятларга қарши курашиш фаолиятини янада кучайтиришга қаратилган чора-тадбирлар тўғрисида”ги 30.04.2025 йилдаги ПҚ153-сон Қарори.

хавфсизлиги ва киберхавфсизлик талабларига риоя этмаганлиги натижасида содир этилган кибержиноят оқибатида келиб чиққан моддий зарарни улар ҳисобидан ундириш тартибини жорий этиш;

(г) жиноят қонунчилиги билан ахборот технологиялари соҳасидаги жиноятлар ҳамда пул маблағлари ва бошқа мол-мулкни жалб этишга доир ноқонуний фаолият учун белгиланган жазо чораларини кучайтириш;

(д) жиноят содир этишда ахборот технологияларидан фойдаланишни жавобгарликни ҳамда жазони оғирлаштирувчи ҳолат сифатида белгилаш;

(е) ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларнинг банк сирига оид сўров ва қарорлари ижросини таъминлашнинг аниқ муддатларини белгилашни ҳамда уларни бажариш механизм ва талабларини энгиллаштиришни назарда тутувчи тартибни жорий этиш.

Мазкур қарор билан шундай тартиб ўрнатилиши белгиландики, унга мувофиқ:

(а) банклар ва тўлов ташкилотларининг ўз ахборот хавфсизлиги сиёсати ва киберхавфсизлик талабларига риоя этиш борасидаги масъулиятини кучайтириш мақсадида Ички ишлар вазирлиги томонидан ҳар ой якуни бўйича тизимида энг кўп кибержиноятлар (заифликлар ва камчиликлар натижасида юзага келган) қайд этилган банклар ва тўлов ташкилотлари рўйхатини оммага эълон қилиш амалиёти жорий қилинади;

(б) Марказий банк томонидан жисмоний ва юридик шахсларнинг транзакцияларини мониторинг қилиш орқали аҳоли пул маблағларини жалб қилишга қаратилган фирибгарлик схемалари («молиявий пирамида») аломатлари ёки шубҳалар мавжуд бўлган ҳолатларни аниқлаш ҳамда улар ҳақида ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларга тезкор хабар бериш тизими йўлга қўйилади;

(в) Вазирлар Маҳкамаси томонидан ҳар йили аҳолининг кибермаданиятини юксалтиришга ва кибергигиенасини шакллантиришга қаратилган комплекс тарғибот-ташвиқот дастури тасдиқланади ҳамда ижроси қатъий назоратга олинади.

Шунингдек, қарор билан Марказий банкка 2025 йил 1 сентябрга қадар қуйидаги кечиктириб бўлмайдиган чораларни амалга ошириш вазифаси юклатилди:

(а) банклар, тўлов тизими операторлари, тўлов ташкилотлари ҳамда кредит бюроларининг транзакциялари ва бошқа зарурий

маълумотларини Марказий банкнинг ягона платформасига интеграция қилиш;

(б) Марказий банкда марказлашган антифрод тизимини ҳамда банклар, тўлов тизими операторлари ва тўлов ташкилотларининг антифрод тизимларини (сессион, транзакцион ва телекоммуникация) жорий этишни якунига етказиш;

(в) платформа ва махсус ҳимоя тизимлари бўйича техник топшириқ лойиҳаларини «Киберхавфсизлик маркази» ДУК, Ички ишлар вазирлиги ва Электрон технологияларни ривожлантириш маркази билан келишилган ҳолда ишлаб чиқиш.

2025 йил якунига қадар:

(а) вояга етмаганлар банкларда ҳисобрақамлари ва банк карталарини очиши бўйича тегишли талабларни ишлаб чиқиб, амалиётда жорий этиш;

(б) банклар ота-оналарни уларнинг вояга етмаган фарзандлари билан боғлиқ шубҳали (фрод) операциялар ҳақида хабардор қилиш амалиётини йўлга қўйиш;

(в) кибержиноятларни содир этиш учун фуқаролар ўзларининг банк ҳисобрақами, банк карталари ҳамда электрон ҳамёнлари бўйича маълумотларни тақдим этган шахслар (дроп) реестрини юритишни таъминлаш;

(г) банклар ва тўлов ташкилотлари томонидан ўзининг мобил иловаларига антивирус ҳимоя тизимларини ўрнатиш ҳамда фойдаланувчи қурилмасида зарарли дастурлар белгилари мавжудлиги аниқланганда уларни огоҳлантириш амалиётини жорий этиш чораларини кўриш.

Кибержиноятларни фош этиш йўналишида эса Ички ишлар вазирлигига бир ой муддатда кибержиноятларни барвақт тўхтатиш ва тезкорлик билан фош этиш, шунингдек, пул маблағларининг республика ҳудудидан чиқиб кетишини олдини олиш бўйича қуйидагиларни назарда тутувчи тезкор ҳаракатланиш тизимини яратиш юзасидан қуйидаги чораларни кўриш вазифаси юклатилди:

(а) ички ишлар органлари масъул бўлинмалари сўровига асосан шубҳали пул ўтказма амалиётларига алоқадор банк карталарини тезкорлик билан блоклаш;

(б) шубҳали пул ўтказма амалиётларига алоқадор банк карталари ҳақидаги маълумотларни зудлик билан ички ишлар органлари масъул бўлинмаларига тақдим этиб бориш.

Мазкур ҳужжат билан белгиландики:

(а) Бош прокуратуранинг ички ишлар органларида қонунчилик ижроси устидан назорат бошқармаси тузилмасида 6 та штат бирлигидан иборат кибержиноятларга қарши курашишда қонунийликни таъминлаш бўлими ташкил этилади ҳамда ҳудудий прокуратуралар ва Транспорт прокуратурасининг ички ишлар органларида қонунчилик ижроси устидан назорат бўлимларида унинг гуруҳлари фаолиятини йўлга қўйиш мақсадида 44 та штат бирлиги ажратилади;

(б) мазкур тузилмалар ички ишлар органларининг кибержиноятларни тергов қилиш ва фош этиш фаолияти жараёнида қонунчилик ижроси устидан прокурорлик назоратини амалга оширади;

(в) ташкил этилаётган тузилмалар Бош прокуратура ҳузуридаги Мажбурий ижро бюросининг ҳудудларни комплекс ижтимоий-иқтисодий ривожлантириш бўйича секторлар фаолиятига жалб этилган штат birlikлари ҳисобидан шакллантирилади.

Бундан ташқари, давлат раҳбарининг қарорида Ички ишлар вазирлигига:

(а) 2025 йил 1 сентябрга қадар Ички ишлар вазирлиги, Бош прокуратура ва Марказий банк ўртасида кибержиноятларга қарши курашишда тезкорлик билан маълумотлар узатиш ва келиб тушаётган мурожаатлар бўйича кечиктириб бўлмайдиган чораларни кўриш мақсадида электрон маълумотлар алмашинув платформасини ишга тушириш;

(б) Ташқи ишлар вазирлиги билан биргаликда киберхавфсизлик бўлинмалари ходимларининг илғор хорижий тажрибаларни ўрганиши ҳамда малакасини ошириш мақсадида уларнинг чет эл давлатларига хизмат сафарларини амалга ошириш чораларини кўриш;

Ташқи ишлар вазирлигига манфаатдор вазирлик ва идоралар билан биргаликда идоралараро ишчи гуруҳ тузган ҳолда уч ой муддатда Европа Иттифоқининг «Компьютер жиноятлари тўғрисида»ги Будапешт конвенциясига муайян шартлар асосида қўшилиш масаласини ҳар томонлама ўрганиб чиқишни таъминласин ва бу борада асослантирилган таклифларни белгиланган тартибда киритиш вазифаси юклатилди.

Яна бир ўзгаришлардан бири ушбу ҳужжатга асосан Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси Рақамли криминалистика илмий-тадқиқот институти тузилмасида Кибержиноятларга қарши

курашишга ва рақамли терговга кўмаклашиш маркази ташкил этилди ва қуйидагилар Марказнинг асосий йўналишлари этиб белгиланди:

(а) кибержиноятлар содир этилишига сабаб ва шарт-шароитларни аниқлаш мақсадида терговга қадар текширув ҳужжатларини, маъмурий ҳуқуқбузарликлар тўғрисидаги ишларни ҳамда жиноят ишларини илмий ёндашувлар асосида ўрганиш орқали асослантирилган тавсиялар ишлаб чиқиш ва ҳуқуқни қўллаш амалиётига татбиқ этиш;

(б) кибержиноятларни фош этиш ва уларни тергов қилиш амалиётидаги мавжуд муаммоларни аниқлаш ва уларни бартараф этиш бўйича илмий асослантирилган таклифларни ишлаб чиқиш;

(в) кибержиноятлар йўналишида тергов фаолияти самарадорлигини ошириш ҳамда таълим жараёнини такомиллаштиришни илмий ва услубий жиҳатдан таъминлаш.

Президент қарори билан мутасадди ташкилотларга юклатилган вазифалар ижроси ўз муддатларида таъминланган тақдирда кибержиноятларни олдини олиш, иссиқ изидан фош этиш, жабрланувчиларга етказилган зарарни ундириш ва бу тоифадаги жиноятларни тергов қилишда ўз самарасини кўрсатади.

Мамлакатда мазкур соҳада қабул қилинаётган норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар, хусусан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2023 йил 30 ноябрдаги ПҚ381-сон ва 2024 йил 21 июндаги ПҚ229-сон қарори, шунингдек, 2024 йил 30 апрелдаги ПҚ153-сон қарорига мувофиқ, ахборот технологиялари орқали содир этилаётган жиноятларга қарши курашишни институционал, илмий ва амалий жиҳатдан мустаҳкамлашга қаратилган тизимли чора-тадбирлар амалга оширилмоқда.

Хусусан, Рақамли криминалистика илмий-тадқиқот институти ва унинг таркибидаги Кибержиноятларга қарши курашиш ва рақамли терговга кўмаклашиш марказининг ташкил этилиши, соҳада инновацион эксперт тизимларини жорий этиш, рақамли далиллар билан ишлаш методларини такомиллаштириш ва халқаро тажриба асосида кадрлар салоҳиятини ошириш каби устувор йўналишларни назарда тутмоқда.

Шу билан бирга, кибержиноятлар оқибатида келиб чиқадиган зарарларни тезкор ундириш, жиноят содир этишда ахборот технологияларидан фойдаланишни оғирлаштирувчи ҳолат сифатида белгиловчи нормаларни такомиллаштириш, молия сектори

субъектларининг ахборот хавфсизлигига оид жавобгарлигини ошириш каби чора-тадбирлар амалиётга жорий этилмоқда.

Хулоса қилиб айтганда, ахборот технологиялари орқали содир этилаётган жиноятларга қарши самарали курашиш бугунги кун талабларидан бири бўлиб, бу жараёнда ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар, илмий-тадқиқот муассасалари, молия институтлари ва фуқаролик жамияти институтларининг ўзаро мувофиқлашган ва комплекс ҳамкорлиги ҳал қилувчи аҳамиятга эгадир. Қабул қилинган чора-тадбирлар тўлиқ ва ўз вақтида амалга оширилса, мазкур соҳада жиноятларнинг олдини олиш, уларни фош этиш ва жазолаш самарадорлиги янги босқичга кўтарилиши шубҳасиз.

**ТАИРОВА ГУЛМИРА
МУРОДЖОНОВНА**

Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси катта
ўқитувчиси

ЖИНОЯТЛАРНИ СИТУАЦИОН ОЛДИНИ ОЛИШ

Замонавий криминологияда жиноятни “вазиятга боғлиқ” ҳолда олдини олиш концепцияси алоҳида аҳамият касб этмоқда. Жиноий вазият вужудга келишини (ситуацион) олдини олиш модели жиноятни келтириб чиқарадиган муваққат ҳолат, муҳит ва имкониятларга таъсир кўрсатишга қаратилади.

Жиноятларни ситуацион олдини олиш — жиноят содир этилиши эҳтимолини камайтириш мақсадида муайян муҳит, моддий шароит ва одамлар фаолиятига таъсир қилиш орқали жиноят имкониятларини чеклашни назарда тутади.

Мазкур фаолиятнинг назарий асослари Р.Кларк томонидан ишлаб чиқилган бўлиб, у қуйидаги назарий ёндашувларга таянади:

Рационал танлов назарияси: шахс фойда ва зарар, имконият ва хатарни баҳолаган ҳолда жиноят содир этишга қарор қилади.

Рутин фаолият назарияси: жиноят учун уч омил керак — жиноятчи, қурбон ва назоратсиз муҳит, ушбу омиллардан бирортаси бўлмаса жиноят юз бермайди.

Ишончли имконият назарияси: қулай имконият бўлмаса, жиноят содир этилмайди.

Жиноятларни ситуацион олдини олишда қуйидаги принципларга таянилади:

- жиноят содир этиш имкониятларини чеклаш;
- жиноят содир этиш ҳолатини қийинлаштириш;
- жиноят содир этишнинг хавф-хатарларини кучайтириш;
- жиноят содир этишнинг салбий оқибатларини оғирлаштириш;
- жиноят содир этишга баҳона (важ) бўлувчи омилларни минималлаштириш.

Демак, *жиноятларни ситуацион олдини олиш деганда – жиноят содир этиш учун имкон яратадиган (яратган) шарт-шароит ва ҳолатларни бартараф этишга доир комплекс чоралар тушунишимиз лозим бўлади.*

Жиноятларни ситуацион олдини олишда, шундай вазиятлар ҳосил қилинадик, улар шахсда жиноят содир этиш мотивини уйғонишига ёки шахсда аввал шаклланган жиноий мотивнинг амалга ошишига йўл қўймайди.

Жиноятларни ситуатив превенцияси хорижда кенг тарғиб қилинадиган ва қўлланиладиган¹ амалиёт бўлиб, у ҳуқуқбузарлик содир этиши мумкин бўлган шахсларнинг кенг оммаси учун жиноят содир этиш хавфини ошириш мақсадида максимал даражада вазиятга таъсир кўрсатиш орқали (вазиятни лойиҳалаш, доимий ёки вақтинча бошқариш, манипуляция қилиш каби кўринишларда) алоҳида турдаги жиноятларни содир этиш имкониятларини камайтиришда ифодаланади.

Превенция – лот. *praventio*² – илдамлаш, олдинга ўтиш, бирор воқелик юз беришидан олдин ҳаракатланиш деган маъноларни англатади.

Жиноятларни ситуацион олдини олишда қуйидаги усулларга мурожаат этилади:

Жиноят содир этиш имкониятларини чеклаш (limiting criminal opportunities): жиноят учун зарур бўлган шароитлар, объектлар ва имкониятлар йўқ қилинади ёки чекланади. Мисол учун: автомобилга сигнализацияси ўрнатиш, дўкон витриналарини мустаҳкамлаш,

¹Newburn Tim. Criminology. 3rd Edition. – New York: Routledge. 2017. ISBN 9781315629513 (ebook). – P.600 / Adam Crawford. Crime Prevention Policies in Comparative Perspective. – UK, London: Willan Publishing Culmcott House, 2009. ISBN 978-1-84392-412-8 paperback. Chapter I.

²Репьев А.Г., Васильков К.А. “Превенция как правовая категория: в порядке научной дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020/2(133). – С.39

интернет-банкингда икки факторли аутентификацияни жорий этиш каби чоралар.

Жиноят содир этишни қийинлаштириш (increasing the effort): жиноятни амалга ошириш учун керакли ҳаракатлар миқдори ва мураккаблиги оширилади. Мисол учун: банкларда пул жавонларини кодлаш ва зирҳли қоплам билан ҳимоялаш, савдо дўконларида қимматбаҳо товарларни блокланган витриналарда сақлаш, бино ва ҳудудларда мустаҳкам тўсиқлар (электрон, сенсорли ёки биометрик турникет, махсус қўриқлаш зоналари) ҳосил қилиш.

Бу усулнинг мақсади — жиноятни амалга оширишни жисмоний, техник ёки логистик жиҳатдан қийинлаштириш. Масалан, аэропорт ёки банк биноларида турли тўсиқ ва текширув нуқталари жиноят имкониятини кескин пасайтиради.

Фош этилиш эҳтимолини ошириш ёки хатарни кучайтириш (increasing the risks): жиноят содир этувчи учун қўлга тушиш ёки жазога тортилиш эҳтимоли оширилади. Мисол учун, узлуксиз видеокузатув тизимларини жорий этиш, пост-патруль хизматларини кучайтириш, ёруғлик тизимларини яхшилаш, жамоат кузатув гуруҳлари фаолияти ва “қўшничилик назорати” дастурлари кабиларни жорий этиш, ID-коди бўлган (TV, ноутбук ва б.) қимматбаҳо буюмлар учун махсус белгилар (штрих-код, QR-код, микрочип ва ҳ.к.) қўйиш¹.

Ушбу усул жиноят содир этган шахсларни қўлга тушиш хавфини ошириш орқали уларнинг ҳаракатини тўхтатишга хизмат қилади. Масалан, Британияда видеокузатув воситалари ўрнатилган ҳудудларда дўкон ўғирликлари 30% гача камайганлиги кузатилган бўлса, АҚШда велоспед шассиларини кузатувчи мосламалар (GPS) билан жиҳозлаш орқали велосипед ўғирлаш ҳолатларини камайишига эришилган.

Жиноятдан кўзланган фойдани камайтириш ва зарарни ошириш (increasing the consequences): жиноят содир этган шахсга таъсир кўрсатадиган жазо ёки оқибатлар кучайтирилади. Мисол учун, маҳалла-куй, қариндош-уруғ ва жамоатчилик олдида шарманда бўлиш, иш жойида интизомий жазога тортилиш, бирор фаолият билан шуғулланиш ҳукуқи (лицензияси)дан маҳрум бўлиш.

¹ Изоҳ: ушбу чора кейинчалик қимматбаҳо буюмлар ўғирланганда уларни махсус белгилар орқали фош этиш имкониятларини оширади

Ушбу усул жиноят содир этган шахс учун олинадиган фойдани камайтириш мақсадида амалга оширилади.

Жиноят содир этиш учун баҳона ва мотивларни йўқотиш (reducing provocations and excuses): жиноят содир этиш учун қарор қабул қилиш жараёнини издан чиқариш, жиноят содир этиш учун ишлатилиши мумкин бўлган баҳоналарни камайтириш ва провокацияни олдини олиш чоралари кўрилади. Мисол учун, жамоат жойларида спиртли ичимлик ичишни, одамлар эътиборини тортадиган даражада очик-сочик юришни, ўта баланд овозларда гапиришни чеклаш, ўткир ҳиссий зўриқиш ва эмоционал нобарқарорлик ҳолатларига қарши хизматлар жорий этиш, жамоат жойларида намунавий ахлоқий ва ҳуқуқий хулқ-атворнинг кўргазмали бурчакларини ўрнатиш, ўқувчи ва талабаларга жамоат жойларида юриш-туриш ва қарор қабул қилиш кўникмаларини ўргатиш, оммавий тўпланишлар ва мунозараларни тартибга солиш, спорт тадбирларида хавфсизликни таъминлаш, иш жойларида зўравонликнинг олдини олиш дастурларини йўлга қўйиш, ёшлар орасида музокара ва муроасага эришиш кўникмаларини шакллантириш кабилар.

Бу усул жиноят содир этган шахслар томонидан ўз хатти-ҳаракатларини оқлашга уриниш йўллари чеклайди. Масалан, тозалик ва тартиб сақланган ҳудудларда безорилик ва бузғунчилик ҳолатлари камаяди.

Айни вақтида, ушбу усул инсонларнинг жиноятга мойиллик даражасини камайтириш, эҳтиёж ёки стресс туфайли содир этиладиган жиноятларнинг олдини олишга хизмат қилади. Масалан, кафе ва барларда зўравонликни камайтириш учун спиртли ичимликларни чеклаш, жисмоний хавфсизлик чоралари жорий этилади.

Жиноятларни ситуацион олдини олишнинг муҳим воситаларидан бири — ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар томонидан ташкил этиладиган *ситуацион марказлар* фаолияти ҳисобланади. Бу марказлар жиноят содир этилиши мумкин бўлган ҳудудлардаги маълумотларни реал вақтда жамлаш, таҳлил қилиш ва жиноятларни тезкор олдини олиш учун зарур бўлган куч ва воситаларга тегишли нуктага йўналтиришга доир қарорлар қабул қилишини таъминлайди.

Ситуацион марказларнинг вазифалари қуйидагилардан иборат:

- жиноятлар бўйича геоақлий таҳлил (*geo-intelligence analysis*),

- қайта-қайта жиноят содир бўлаётган ҳудудларни аниқлаш,
- пост-патрул ва оператив гуруҳлар фаолиятини мувофиқлаштириш,
- рақамли кузатув воситалари ва “ақлли шаҳар” компонентлари билан интеграцияланиш.

Ситуацион марказлар фаолияти Британия, АҚШ, Канада ва Австралияда самарали йўлга қўйилган бўлиб, жиноятчилик даражасининг сезиларли пасайишига сабаб бўлмоқда.

Ўзбекистонда ҳам маҳалла профилактика инспектори институти, жамоатчилик асосида кузатув гуруҳлари ва ақлли технологиялар жиноятларни ситуацион олдини олишнинг амалий намунаси ҳисобланади.

Хусусан, “Хавфсиз шаҳар” концепцияси доирасида видеокузатув тизимлари ва ситуацион марказлар ёрдамида патрул хизматларини ташкил этилиши алоҳида аҳамият касб этади. Бу тизим ҳуқуқбузарликлар таҳлилини автоматик равишда амалга ошириш ва олдини олиш имконини беради.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 29.11.2021 йилдаги ПФ-27-сон Фармони билан тасдиқланган Жамоат хавфсизлиги Концепцияси асосида «жиноят ўчоқлари» бўлиши мумкин бўлган ҳудудларда ички ишлар органлари ва Миллий гвардия бўлинмаларининг ҳарбий хизматчилари ва ходимларидан иборат автопатруль, отлиқ ва пиёда патрулларнинг узлуксиз фаолияти йўлга қўйилганлиги эътиборли ҳисобланади.

Пост-патруль хизматлари — жиноятларга тезкор жавоб бериш, жамоат тартибини таъминлаш, жиноят имкониятларини олдиндан аниқлаш ва уларга таъсир қилишда муҳим бўғин ҳисобланади. Улар зиммасига қуйидаги вазифалар юклатилади:

- жиноят содир этилиш эҳтимоли бўлган ҳудудларда мунтазам патруллик қилиш,
- фуқаролар билан мулоқот ва ишонч муҳитини яратиш,
- муайян турдаги жиноятларга шарт-шароит яратувчи вазиятларни аниқлаш ҳамда бу ҳақдаги маълумотларни ситуацион марказга етказиш,
- жиноят содир этилишига доир сигналларни тезкор текшириш ҳамда алоҳида жиноят(лар) содир этилишига йўл қўймаслик чораларини кўриш.

Президентнинг 03.01.2025 йилдаги “Республика маҳаллаларида хавфсиз муҳитни яратиш ва ҳуқуқбузарликларнинг барвақт олдини

олиш тизими самарадорлиги ошириш бўйича чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПҚ-1-сон Қарорида асосида маҳаллаларда криминоген вазиятни яхшилаш юзасидан ташкил этилаётган “намунали хавфсиз кўча”, “намунали хавфсиз йўлак” концепцияси ҳамда электрон назорат платформалари республикада жиноятларни ситуацион олдини олиш тизими шаклланишига ўзининг муносиб ҳиссасини қўшади.

Хулоса ўрнида айтиш мумкинки, жиноятларни ситуацион олдини олиш жиноятчиликка қарши замонавий ва самарали ёндашув бўлиб, у ижтимоий муҳитни ўзгартириш орқали жиноят содир этиш имкониятини камайтиради. Бу модель Ўзбекистон шароитида ҳам жуда қўл келади. Қолаверса, у қатор давлатларда полициянинг асосий функцияларидан бир сифатида эътироф этилади.

**КАРИМОВ УЛУҒБЕК
ХАКИМДЖОНОВИЧ**

Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси кафедраси
катта ўқитувчиси

**АГРАР СОҲАГА ОИД ЕР УЧАСТКАЛАРИНИ АЖРАТИШ ВА
УЛАРДАН ФОЙДАЛАНИШДА ДАВЛАТ НАЗОРАТИНИ
РАҚАМЛАШТИРИШ МУАММОЛАР**

Ер умуммиллий бойликдир, ундан оқилона ва мақсадли фойдаланиш Ўзбекистон Республикаси ҳудудида истиқомат қилиб келаётган ҳар бир шахснинг мажбурияти ҳисобланади, чунки ерсиз аграр соҳасини тассаввур қилиб бўлмайди.

Мустақиллик йилларидан ер участкаларини ажратиш (*реализация қилиш*), улардан фойдаланиш ва муҳофаза қилиш борасидаги ислохотларни чуқурлаштиришга алоҳида эътибор қаратиб келинмоқда. Айниқса сўнгги йилларда бу борадаги ислохотлар янада жадаллаштирилиб, ушбу соҳани рақамлаштириш орқали инсон омилини камайтириш йўли билан таниш-билишчилик, ошна-оғайничилик, бир сўз билан айтганда коррупция ҳолатларига сабабчи бўлиши мумкин бўлган омилларни олдини олишга қаратилган тизимни яратиш мақсадида қатор норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар қабул қилиб борилмоқда.

Масалан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2019 йил 17 июндаги “Қишлоқ хўжалигида ер ва сув ресурсларидан самарали фойдаланиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5742-сонли Фармони¹ билан суғориладиган қишлоқ хўжалиги ерлари махсус муҳофазага олиниб, ушбу ерларни қишлоқ хўжалигидан бошқа мақсадлар учун, шу жумладан саноат ва фуқаролик объектлари (*бинолар ва иншоотлар*) қурилиши учун, шунингдек, унумдор тупроқ талаб этилмайдиган илғор технологияларнинг (*гидропоника ва бошқалар*) янги усуллари қўлланиладиган иссиқхоналар қурилиши учун ажратишга йўл қўйилмаслиги қатъий белгиланди.

Шунингдек, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 8 июндаги “Ер муносабатларида тенглик ва шаффофликни таъминлаш, ерга бўлган ҳуқуқларни ишончли ҳимоя қилиш ва уларни бозор активига айлантириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-6243-сонли Фармони² билан маҳаллий давлат ҳокимияти органларининг қуйидаги, яъни ер участкаларини тўғридан-тўғри ажратиш, фойдаланишга бериш, келгусида ажратиш учун захиралаш, бириктириш, ободонлаштириш учун бериш ёки ерларни бошқача йўл билан тасарруф қилиш ва шу каби бошқа ваколатлари бекор қилинди.

Ёки, айнан ушбу Фармон билан қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ерлар барча турдаги қишлоқ хўжалиги товар ишлаб чиқарувчилари иштирок эта оладиган, натижалари Қорақалпоғистон Республикаси Вазирлар Кенгаши, вилоятлар ва Тошкент шаҳар ҳокимларининг қарори билан тасдиқланадиган очиқ электрон танлов якунларига кўра, фақат ижара ҳуқуқи асосида ажратилиши белгиланди.

Аҳамиятлиси, мазкур Фармон билан аграр соҳада ер участкаларини ажратиш борасида кўп йиллардан бери мавжуд бўлган таниш-билишчилик, ошна-оғайничилик, яъни коррупция (*манфаатлар тўқнашуви*)га муаммоларни бартараф этишга астойидил киришилганлигини кўришимиз мумкин.

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 17.06.2019 йилдаги “Қишлоқ хўжалигида ер ва сув ресурсларидан самарали фойдаланиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5742-сонли Фармони /Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 18.02.2025 й., 06/25/22/0156-сон

² Ўзбекистон Республикаси Президентининг 08.06.2021 йилдаги “Ер муносабатларида тенглик ва шаффофликни таъминлаш, ерга бўлган ҳуқуқларни ишончли ҳимоя қилиш ва уларни бозор активига айлантириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-6243-сонли Фармони/Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 10.05.2024 й., 06/24/76/0336-сон

Бироқ, очик танлов натижаларини тасдиқлашда мавжуд муаммолар ёки йўл қўйилаётган сансалорликлар туфайли Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2024 йил 18 январдаги “Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ер участкаларини ижарага бериш тартибини такомиллаштириш бўйича қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПФ-15-сонли¹ Фармони билан юқоридаги тартибга ўзгартириш киритилиб, инсон омилини камайтириш орқали холисликка янада олға қадам қўйилди.

Хусусан, юқорида қайд этилган Фармони билан эндиликда ер участкалари электрон онлайн аукцион орқали ажратилиши белгиланиб, натижалари Қорақалпоғистон Республикаси Вазирлар Кенгаши, вилоятлар ва Тошкент шаҳар ҳокимларининг қарори билан тасдиқланишига оид норма ПФ-6243-сонли Фармондан чиқариб ташланди.

Бугунги кунда эса, аукцион орқали ажратилаётган ер участкаларида ижарачи, яъни фойдаланувчилар томонидан мулк ҳуқуқи мавжуд бўлмасада, тасаввур қилинган ҳуқуқлар асосида, яъни ер участкасини аукционда сотиб олинганлиги мулк ҳуқуқини келтириб чиқаради деб ўйлаб, ўзбошимчалик билан ноқонуний қурилишлар амалга оширилаётганлиги кузатилмоқда.

Келгусида аграр соҳага оид ер участкаларини қонунга хилоф равишда оборотдан чиқишини олдини олиш мақсадида бу борада оммавий ахборот воситалари орқали тушунтириш ишларини олиб бориш ва зарур ҳолларда ер участкаси чегараларини белгилаб беришда “Ўздаерлойиха” ЛИТИ ҳамда бошқа ваколатли идоралар томонидан ердан фойдаланувчиларга бу борада тушунтириш ишларини олиб бориш ҳам мақсадга мувофиқ бўлади.

Аксинча, аграр соҳага оид ер участкасига бўлган ҳуқуқни онлайн аукциондан электрон танловга қайта ўтказиш келгусида ердан фойдаланувчиларни бу борадаги тушунчасини ўзидан-ўзи ўзгаришига олиб келишини ҳам истисно қилмайди.

Аграр соҳага оид ер участкаларидан фойдаланишга оид давлат назоратини амалга оширишга оид қонунчилик нормалари ҳам сўнгги йилларда доимий равишда такомиллаштириб борилмоқда.

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 18.01.2024 йилдаги “Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ер участкаларини ижарага бериш тартибини такомиллаштириш бўйича қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПФ-15-сонли Фармони/ Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 18.02.2025 й., 06/25/22/0156-сон;

Хабарингиз бор, 2020 йилда Ер ресурслари, геодезия, картография ва давлат кадастри Давлат қўмитаси тугатилиб, қишлоқ хўжалиги ерлари ва экинларини мониторинг қилиш, қишлоқ хўжалиги экинларини жойлаштириш, қишлоқ хўжалиги ерларини муҳофаза қилиш бўйича давлат назоратини амалга ошириш, тупроқ бонитировкасини ўтказиш, қишлоқ хўжалиги ерларининг меъёрий қийматини аниқлаш, тупроқ унумдорлигини ошириш, тупроқшунослик, геоботаникага оид тадқиқотларни амалга оширишга доир вазифалари, функциялари ҳамда ваколатлари Қишлоқ хўжалиги вазирлигига ўтказилган¹.

Ёки, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 24 февралдаги “Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ерлардан фойдаланиш ва муҳофаза қилиш тизимини такомиллаштиришга доир қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПҚ-5006-сонли Қарори² билан Қишлоқ хўжалиги вазирлигининг қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ерлардан фойдаланишни ташкил этиш ва муҳофаза қилиш соҳасида самарали давлат назоратини амалга оширишда ва Қўмита негизида ташкил этилган Кадастр агентлигининг ер участкаларига бўлган ҳуқуқларни давлат рўйхатидан ўтказиш ва давлат кадастрларини юритиш соҳасида ваколатлари аниқ белгилаб берилди.

Вазирлар Маҳкамасининг 2022 йил 14 февралдаги 22-сонли қарори³ билан “Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ерларни муҳофаза қилиш бўйича давлат назоратини амалга ошириш тартиби тўғрисида”ги Низом тасдиқланган бўлиб, унда давлат назоратини амалга ошириш тартиби қатъий белгиланган.

Жорий йил 1 апрель куни киритилган ўзгартиришга кўра, бугунги кунда қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ерларни муҳофаза қилиш бўйича давлат назорати республиканинг бутун ҳудудида Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридаги

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 07.09.2020 йилдаги “Ер ҳисоби ва давлат кадастрларини юритиш тизимини тубдан такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-6061-сон Фармони/Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 19.01.2024 й., 06/24/16/0051-сон;

² Ўзбекистон Республикаси Президентининг 24.02.2021 йилдаги “Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ерлардан фойдаланиш ва муҳофаза қилиш тизимини такомиллаштиришга доир қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПҚ-5006-сонли Қарори/ Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 23.11.2024 й., 06/24/184/0954-сон;

³ Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 14.01.2022 йилдаги “Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ерларда мониторинг ишларини амалга ошириш, ерларни муҳофаза қилиш ва ер тузиш фаолиятини тартибга солувчи норматив-ҳуқуқий ҳужжатларни тасдиқлаш тўғрисида”ги 22-сон Қарори/Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 02.04.2025 й., 09/25/197/0299-сон;

Агросаноат мажмуи устидан назорат қилиш инспекцияси томонидан амалга оширилади.

Бироқ, бугунги кунда ҳуқуқни муҳофаза қилувчи ва назорат органлари ўртасида аграр соҳага оид ер участкаларидан фойдаланиш устидан давлат назоратини амалга оширишда ягона рақамлаштирилган тизим яратилмаганлиги ер участкаларидан самарали фойдаланиш, қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ерлар талон-торож қилинишининг олдини олишда мавжуд муаммоларга барҳам берилмасдан қолаётганлигини кўрсатмоқда.

Айниқса, ер участкаларини ўзбошимчалик билан эгаллаш ва ноқонуний қурилмалар қуришнинг олдини олиш борасида рақамли технологиялардан кенг фойдаланиш орқали ягона назорат тизимини жорий этиш ҳамда ваколатли идоралар ўртасида ҳамкорликни янада кучайтириш мазкур соҳада қонунчилик ижросини таъминлаш ва назоратни амалга оширишда муҳим аҳамият касб этади.

Шу сабабли, мазкур соҳада ер назоратини амалга оширувчи Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридаги Агросаноат мажмуи устидан назорат қилиш инспекцияси, Иқтисодиёт ва молия вазирлиги ҳузуридаги Кадастр агентлиги ва бошқа махсус ваколатли давлат органлари ҳамда Бош прокуратура, Олий суд, Ички ишлар органлари ерга оид ҳуқуқбузарликлар тўғрисидаги маълумотларни киритиш ва ҳуқуқбузарлик ишларини кўриб чиқиш натижалари тўғрисида маълумотларни жойлаштириб, ўзаро айрибошлашга имконият берувчи ягона автоматлаштирилган ахборот тизими, яъни платформага тизимли жойлаштириш чорасини кўриш мақсадга мувофиқ бўлади.

Хабарингиз бор, юқорида қайд этилган Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 24 февралдаги “Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ерлардан фойдаланиш ва муҳофаза қилиш тизимини такомиллаштиришга доир қўшимча чоратadbирлар тўғрисида”ги ПҚ-5006-сонли Қарори билан Кадастр агентлигига ерга оид ҳуқуқбузарликларни аниқлаш, ҳужжатлар тўпламини шакллантириш ва уларни кўриб чиқиш мониторингини юритиш бўйича “E-YER NAZORAT” автоматлаштирилган ахборот тизимини яратиш ва унга ерга оид ҳуқуқбузарликларни ўз ваколатлари доирасида кўриб чиқиш ва натижалари тўғрисидаги маълумотларни тизимга киритиб бориш мақсадида Қишлоқ хўжалиги вазирлиги, Экология ва атроф-муҳитни муҳофаза қилиш давлат қўмитаси, Бош прокуратура, Ички ишлар вазирлиги ва

Мажбурий ижро бюросининг ҳудудий бўлинмалари, судлар ҳамда маҳаллий давлат ҳокимияти органлари ахборот тизимига интеграция қилиш вазифаси юклатилган эди.

Мазкур тизим яратилиб, интеграция ишлари якунланмаганлиги, яъни Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридаги Агросаноат мажмуи устидан назорат қилиш инспекцияси ва Олий суд билан маълумотлар айирбошлаш йўлга қўйилмаганлиги, шунингдек ушбу тизимда “Ўзбеккосмос” агентлиги имкониятларидан кенг фойдаланилмасдан қолинмоқда.

Шу билан, фақат ушбу ягона автоматлаштирилган ахборот тизими, яъни платформа орқали махсус ваколатли давлат органларининг ер қонунчилигига риоя қилмаслик, жумладан, ер участкаларидан мақсадсиз ва самарасиз фойдаланиш, ерларни ўзбошимчалик билан эгаллаш, ўзбошимчалик билан бино ва иншоотларни қуриш ҳолатларини барвақт аниқлаш, уларга тегишли чоралар кўришга оид вазифа ва функциялари амалга оширилиши зарур бўлиб, келгусида бу борада ҳукумат қарорини қабул қилиш ва унда ушбу қонидани қатъий белгилаш ўринли бўлади.

Жумладан, ҳукумат қарорида мониторингларни ўтказишда космик сураатларни қайта ишлаш ва таҳлил қилиш имкониятларидан кенг фойдаланиб, ушбу имкониятлар орқали аниқланган ерга оид қонунбузарлик эҳтимоли юқори ҳолатлар мазкур платформага интеграция қилиш, ҳуқуқбузарлик ҳолатларини тоифалаш ва тоифасига кўра махсус ваколатли органлар томонидан назорат тадбирларини ҳуқуқбузарлик содир этилиши хавфи юқори бўлган ҳудудларда назорат тадбирлари ўтказишга алоҳида эътибор қаратилиши зарурлигини белгилаб ўтиш мақсадга мувофиқ.

Хулоса қилиб айтганда, ушбу соҳада рақамлаштириш келгусида ваколатли органлар билан ҳамкорликни яхшилаш, уларнинг имкониятидан кенг фойдаланиш орқали прокурор назоратини самарали ташкил этиш, ҳуқуқбузарликлар олдини олиш ва қонунбузилиши ҳолатларига қарши муросасиз курашишни янги босқичга олиб чиқади.

**МАМАДАЛИЕВ УМИД
ЮЛДАШЕВИЧ**
Ўзбекистон Республикаси Хуқуқни
муҳофаза қилиш академияси
ўқитувчиси

ЭКСТРАДИЦИЯНИ ТАРТИБГА СОЛУВЧИ ХАЛҚАРО ШАРТНОМАЛАРНИНГ ҲУҚУҚИЙ ТАБИАТИ ВА ТИЗИМЛИ ТАҲЛИЛИ

Жаҳон ҳамжамиятида глобаллашув жараёнлари тобора чуқурлашиб бораётган ҳозирги замонда жиноятчиликка қарши курашнинг самарадорлигини таъминлаш мақсадида жиноятчиларни топшириш институти (экстрадиция)нинг аҳамияти ортиб бормоқда. Экстрадиция жараёнлари халқаро ҳуқуқ нормалари асосида амалга оширилиши, давлатлар ўртасидаги ҳуқуқий ҳамкорликни мустаҳкамлаш ва фуқароларнинг қонуний манфаатларини ҳимоя қилишни таъминлашга хизмат қилади. Бу борада кўп томонлама халқаро шартномалар алоҳида ўрин тутади.

Таъкидлаш жоизки, кўп томонлама халқаро шартномалар давлатларга аниқ ва бир хил ҳуқуқий мезонларга асосланган тартиб-таомиллар асосида ҳаракат қилиш имконини беради. Бу эса икки томонлама келишувларга нисбатан самаралироқ ечим сифатида намоён бўлади. Чунки икки томонлама шартномалар кўпинча айрим мамлакатларнинг миллий қонунчилигига боғлиқ бўлган ўзига хосликларга эга бўлиб, амалиётда турли хил муаммолар ва ноаниқликлар келиб чиқишига сабаб бўлади. Шу боисдан, кўп томонлама халқаро шартномалар экстрадиция жараёнини мустаҳкам халқаро ҳуқуқий асосда амалга ошириш учун муҳим ҳуқуқий восита ҳисобланади.

Айни вақтда дунё миқёсида турли минтақавий ва глобал даражадаги халқаро ташкилотлар доирасида экстрадиция масалаларига оид кўплаб шартномалар қабул қилинган. Бундай шартномаларни тузиш ва уларга қўшилиш орқали давлатлар нафақат ҳуқуқий ҳамкорликни кучайтиради, балки инсон ҳуқуқлари ҳимоясини таъминлаш, жиноятчиларни жазодан қутулиб кетишининг олдини олиш ҳамда халқаро ҳуқуқий тизимнинг барқарорлигига ҳисса қўшади.

Тадқиқот натижалари асосида асосли хулосалар чиқариш учун, биринчи навбатда, жиноятчиларни топшириш (экстрадиция) масалаларини тартибга солувчи амалдаги кўп томонлама халқаро шартномаларни атрофлича таҳлил қилиш ва уларга алоҳида эътибор қаратиш зарурдир. Зеро, айнан шу каби шартномалар халқаро ҳуқуқий ҳамкорликнинг устувор йўналишларини белгилаб беради ва давлатлар ўртасидаги ишончни мустаҳкамлашда муҳим аҳамият касб этади.

1. «Жиноятчиларни топшириш тўғрисидаги» Европа конвенцияси, Париж, 1957 йил 13 декабрь

1957 йилда қабул қилинган Жиноятчиларни топшириш тўғрисидаги Европа конвенцияси — жиноий жавобгарликка тортилаётган ёки суд ҳукми билан жиноятчи деб топилган шахсларни топшириш жараёнини енгиллаштиришга қаратилган халқаро шартнома ҳисобланади. Унинг асосий мақсади — жиноий ҳаракатлар содир этган шахсларни топшириш бўйича иштирокчи давлатлар ўртасидаги ҳуқуқий ҳамкорликни таъминлашдан иборатдир.

Конвенция иштирокчилари — ушбу Конвенцияни имзолаган ва унга қўшилган Европа Кенгашига аъзо давлатлар ҳисобланади. Уларнинг сафига қуйидаги мамлакатлар киради: Австрия, Албания, Андорра, Арманистон, Бельгия, Болгария, Босния ва Герцеговина, Буюк Британия, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерландия, Норвегия, Польша, Португалия, Руминия, Сан-Марино, Шимолий Македония, Сербия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швеция, Швейцария ва Эстония¹.

Ушбу Конвенциянинг 1 ва 2-моддаларида давлатларнинг жиноят содир этган шахсларни топшириш мажбурияти ҳамда топширишнинг асослари ҳақида баён этилган. Жумладан, қуйидагича қайд этилган:

«Ахдлашувчи Томонлар, ушбу Конвенцияда назарда тутилган шарт ва талабларга риоя этган ҳолда, бир-бирларига қуйидаги шахсларни топшириш мажбуриятини оладилар:

¹ Экстрадиция масалаларини тартибга солувчи халқаро шартномаларнинг умумий тавсифи // Universum: иктисод ва юриспруденция: электрон илмий журнал. 2024 йил. №7 (117). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/17759>

а) жиноят иши бўйича айблов қўйилган ва айблов иши юритилаётган шахслар;

б) суд ҳукмини ижро этиш мақсадида ёки ушбу шахсларга нисбатан чиқарилган қамоққа олиш тўғрисидаги қарор асосида қидирувга берилган шахслар».

2-модда мазмуни:

1.Топшириш фақат шундай жиноятларга нисбатан амалга ошириладики, улар учун **сўров юборган ҳамда сўров қабул қилган давлатларнинг қонунчилигига мувофиқ озодликдан маҳрум этиш ёки ҳибсга олиш жазоси назарда тутилган бўлиб, ушбу жазо муддати камида бир йил ёки ундан кўпроқ бўлиши лозим.**

Агар сўров юборган давлатда шахс судланган ва қамоқ жазоси белгиланган бўлса, жазо муддати **камида тўрт ойни ташкил қилиши керак¹.**

2. Агар топшириш сўровида **бир нечта алоҳида жиноятлар** кўрсатилган бўлса ва уларнинг ҳар бири сўров юборган ҳамда қабул қилувчи давлат қонунчилигига кўра озодликдан маҳрум этиш билан жазоланадиган бўлса, лекин **айрим жиноятлар белгиланган жазо муддати бўйича талабларга жавоб бермаса**, қабул қилувчи давлат қолган жиноятлар бўйича ҳам топширишни амалга ошириш ҳуқуқига эга бўлади.

3. Агар Аҳдлашувчи Томоннинг қонунчилиги 1-пунктда кўрсатилган айрим жиноятлар бўйича шахсларни топширишни назарда тутмаса, бу давлат **ушбу жиноятларни Конвенция қўлланилиши доирасидан мустасно этиши мумкин.**

4. Агар Аҳдлашувчи Томон юқоридаги ҳуқуқдан (3-пункт) фойдаланмоқчи бўлса, у **ратификация ёки қўшилиш ҳужжатини топшириш пайтида Европа Кенгаши Бош котибига ёки:**

- қайси жиноятлар бўйича топширишга рухсат этилганини кўрсатувчи рўйхатни;

- ёки топшириш мумкин бўлмаган жиноятлар рўйхатини;

- шунингдек, бундай тартибни назарда тутувчи **ҳуқуқий нормаларни** тақдим этиши лозим.

- Бош котиб бу рўйхатларни бошқа иштирокчи давлатларга етказди.

¹ Кишинёв Конвенцияси — “Фуқаролик, оилавий ва жиноят ишлари бўйича ҳуқуқий ёрдам” (7 октябрь 2002 й.) URL: <https://cis.minsk.by/page/1875>

5. Агар кейинчалик Аҳдлашувчи Томоннинг қонунчилиги бошқа жиноятлар бўйича топширишни тақиқласа, **ушбу давлат Бош котибни хабардор қилиши лозим.**

6. Бош котиб бундан бошқа давлатларни ҳам хабардор қилади. Бундай маълумот Бош котиб томонидан қабул қилинган санадан сўнг **уч ой ўтгач кучга киради.**

7. Агар Аҳдлашувчи Томон 4 ёки 5-пунктларда назарда тутилган ҳуқуқдан фойдаланган бўлса, у исталган вақтда **Конвенцияни аввал четлаб қўйилган жиноятларга нисбатан ҳам татбиқ этиши мумкин.**

Бу ҳолат ҳақида Европа Кенгаши Бош котибини хабардор қилади ва Бош котиб бу ҳақда бошқа Аҳдлашувчи Томонларга маълум қилади.

1957 йилги Европа Конвенцияси жиноятчиларни топширишнинг ҳуқуқий асосларини белгилашда муайян ва аниқ шартларни назарда тутди. Хусусан, экстрадиция фақат шундай жиноятларга нисбатан амалга оширилиши мумкинки, улар учун ҳам сўров юборган, ҳам сўров қабул қилувчи давлат қонунчилигига мувофиқ озодликдан маҳрум этиш жазоси камида бир йил муддатда белгиланган ёки ундан оғирроқ жазо кўзда тутилган бўлиши лозим.

Шунингдек, агар топшириш сўрови шахсга нисбатан илгари чиқарилган суд ҳукмини ижро этиш мақсадида берилган бўлса, экстрадиция фақат бундай жазонинг камида тўрт ойи ижро этилиши кутилсагина амалга оширилади.

Бундан ташқари, мазкур Конвенциянинг 4-моддасида алоҳида қайд этилишича, «одатий жиноят ҳуқуқи нуқтаи назаридан жиноят сифатида эътироф этилмайдиган ҳарбий жиноятлар юзасидан шахсни топшириш ушбу Конвенциянинг қўлланиш доирасидан чиқариб ташланади»¹.

Қўшимча равишда, ушбу меъёрий-ҳуқуқий ҳужжатнинг 5-моддасида шундай норма белгиланган: «Солиқлар, йиғимлар, божлар ва валюта операциялари билан боғлиқ жиноятлар юзасидан шахсни топшириш, ушбу Конвенция қоидалари асосида, фақатгина келишувчи Томонлар ана шундай жиноят ёки жиноятлар тоифаси

¹ Кишинёв Конвенцияси — “Фуқаролик, оилавий ва жиноят ишлари бўйича ҳуқуқий ёрдам” (7 октябрь 2002 й.) URL: <https://cis.minsk.by/page/1875>

бўйича ўзаро келишувга эришган тақдирдагина амалга оширилади»¹.

Юқоридаги меъёрларни таҳлил қилган ҳолда, муаллиф шундай хулосага келади: айрим турдаги жиноятлар юзасидан шахсни топшириш ҳуқуқи фақатгина келишувни тан олган давлатлар ўртасида тузилган алоҳида келишувларга асосланиши мумкин. Шу билан бирга, бу ҳолат экстрадиция жараёнида давлатлар ўртасидаги ихтиёрий келишувнинг мавжудлиги зарур шарт сифатида қаралишига олиб келади.

Шу нуқтаи назардан алоҳида таъкидлаш лозимки, 1978 йилда жиноятчиларни топшириш тўғрисидаги Европа Конвенциясига қабул қилинган Иккинчи қўшимча протокол молиявий жиноятлар бўйича топшириш механизмларига муҳим ўзгартиришларни киритди. Мазкур Протоколда қуйидаги ҳуқуқий норма ўз аксини топган:

«Экстрадицияни рад этиш учун асос сифатида сўров қилинган Томон қонунчилигида сўров юборувчи Томон қонунчилигида назарда тутилган солиқлар, йиғимлар, божлар ёки валюта операцияларига оид шунга ўхшаш ёки мос келувчи нормаларнинг мавжуд эмаслиги кўрсатилиши мумкин эмас»².

• **1975 йил 15 октябрда Страсбург шахрида қабул қилинган Қўшимча Протокол**, 1957 йилги Жиноятчиларни топшириш тўғрисидаги Европа Конвенциясига муҳим ўзгартиришлар киритди. Хусусан, ушбу Протоколда қуйидагича белгилаб қўйилган:

• «Конвенциянинг 3-моддаси қўлланилиши нуқтаи назаридан, қуйидаги жиноятлар сиёсий жиноятлар деб қаралмайди:

а) БМТ Бош Ассамблеяси томонидан 1948 йил 9 декабрда қабул қилинган «Геноцид жиноятининг олдини олиш ва унинг учун жазолаш тўғрисида»ги Конвенцияда назарда тутилган инсониятга қарши жиноятлар;

б) 1949 йилги Женева конвенцияларининг қуйидаги моддаларида кўрсатилган жиддий қонунбузарликлар:

– фаол армия таркибидаги яраланган ва касал шахслар ҳолатини яхшилашга оид Конвенциянинг 50-моддаси;

¹ Кишинёв Конвенцияси — “Фуқаролик, оилавий ва жиноят ишлари бўйича ҳуқуқий ёрдам” (7 октябрь 2002 й.) URL: <https://cis.minsk.by/page/1875>

² UNODC. Model Treaty on Extradition (United Nations Office on Drugs and Crime) URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/legal-tools/model-treaties.html>

– денгизда қуролли кучлар таркибида бўлиб, ҳалокатга учраган яраланган ва касал шахсларга оид Конвенциянинг 51-моддаси;

– ҳарбий асирлар билан муомала тўғрисидаги Конвенциянинг 130-моддаси;

– уруш вақтида фуқароларни ҳимоя қилишга оид Конвенциянинг 147-моддаси;

с) мазкур Протокол кучга кирган вақтда амал қилган уруш қонунлари ва урф-одатларини бузиш билан боғлиқ шунга ўхшаш ҳар қандай жиддий ҳуқуқбузарликлар, агар улар юқорида кўрсатилган Женева конвенцияларининг нормаларида тўғридан-тўғри назарда тутилмаган бўлса»¹.

• Қўшимча Протокол таҳлили асосида муаллиф шундай хулосага келади:

• геноцид ҳамда уруш қонунлари ва урф-одатларини бузиш билан боғлиқ жиноятлар сиёсий жиноят сифатида баҳоланмаслиги лозим, шунинг учун бундай жиноятлар экстрадициядан бош тортиш учун асос бўла олмайди.

Шунингдек, агар шахсни топшириш юзасидан турли давлатлар томонидан бир вақтда турли жиноятлар бўйича сўровлар келиб тушса, мурожаат қилинган давлат тегишли қарорни қуйидаги барча омилларни инобатга олган ҳолда қабул қилиши лозим:

- жиноятларнинг оғирлик даражаси;
- уларнинг содир этилган жойи ва вақти;
- сўровларнинг келиб тушган кетма-кетлиги;
- топширилиши сўралаётган шахснинг фуқаролиги;
- ҳамда бу шахсни кейинчалик бошқа давлатга топшириш эҳтимоли.

Юқоридаги ҳуқуқий нормаларни ҳисобга олган ҳолда, шундай хулосага келиш мумкинки:

Жиноятчиларни топшириш тўғрисидаги Европа Конвенцияси ҳамда Жиноят ишлари бўйича ўзаро ҳуқуқий ёрдам тўғрисидаги Европа Конвенцияси ва уларнинг Қўшимча Протоколлари – жиноят ишлари юзасидан давлатлар ўртасидаги ҳуқуқий ҳамкорликни таъминлашга йўналтирилган ўзаро боғлиқ халқаро шартномалар тўпламини ташкил этади.

¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. — М.: Волтерс Клувер, 2015. — 640 с.

2002 йил ҳолатига кўра, деярли барча Европа Кенгашига аъзо давлатлар ушбу икки Конвенцияга қўшилган бўлиб, мазкур ҳужжатлар фақат Европа Кенгаши аъзолари учун эмас, бошқа давлатлар ҳам Европа Кенгаши Вазирлар Қўмитасининг таклифи билан уларга қўшилиш ҳуқуқига эга.

2. Америкааро (Межамериканская) экстрадиция тўғрисидаги Конвенция

Америкааро экстрадиция тўғрисидаги Конвенция (Inter-American Convention on Extradition) — Америка қитъасидаги давлатлар ўртасида тузилган халқаро шартнома бўлиб, жиноий жавобгарликка тортилган ёки судланган шахсларни экстрадиция қилиш (топшириш) жараёнларини ҳуқуқий жиҳатдан тартибга солади. Мазкур Конвенция Жанубий Америка, Шимолий Америка, Марказий Америка ҳамда Кариб ҳавзасида жойлашган давлатлар ўртасида экстрадиция масалаларидаги ўзаро ҳамкорлик учун мустаҳкам ҳуқуқий асосни яратади.

Ҳозирги вақтда ушбу Конвенцияни қуйидаги давлатлар имзолаган:

Аргентина, Боливия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Доминикан Республикаси, Коста-Рика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Сальвадор, Уругвай, Чили ва Эквадор.

Шунингдек, ушбу Конвенцияни Венесуэла, Коста-Рика, Панама ва Эквадор расман ратификация қилган.

3. Жиноят ишлари бўйича ўзаро ҳуқуқий ёрдам тўғрисидаги Конвенция (Араб давлатлари Лигаси)

Араб давлатлари Лигаси Кенгаши томонидан 1952 йил 14 февралда Мисрда имзоланган мазкур ҳужжат — жиноят ишлари бўйича ўзаро ҳуқуқий ёрдам кўрсатишни тартибга солувчи халқаро шартнома ҳисобланади. У Ироқ, Иордания, Ливан, Саудия Арабистони ва Сурия томонидан имзоланган, бироқ фақатгина **Миср, Иордания ва Саудия Арабистони** ушбу шартномани расмий равишда ратификация қилган. Шу боис, **1954 йил 23 августдан бошлаб Конвенция фақат ушбу уч давлат ўртасида кучга кирган.**

Араб давлатлари Лигаси томонидан ратификация қилинган **Жиноят ишлари бўйича ўзаро ҳуқуқий ёрдам тўғрисидаги Конвенция** — араб мамлакатлари ўртасида жиноят ишларини ҳал этиш соҳасидаги ҳамкорликни рағбатлантиришга қаратилган халқаро битимдир.

Ушбу шартнома жиноят ишлари бўйича ўзаро ҳуқуқий ёрдамни амалга ошириш тизимини белгилайди. Жумладан, у жиноий жавобгарликка тортилган ёки жиноят содир этишда гумон қилинган шахсларни топшириш, далиллар алмашинуви, жиноят ишларини ҳамкорликда тергов қилиш ва иштирокчи давлатлар ўртасидаги бошқа ҳуқуқий ҳамкорлик масалаларини қамраб олади.

Мазкур Конвенция, одатда, жиноятчиликнинг олдини олиш ҳамда жиноят ишларининг адолатли кўриб чиқирилишини таъминлаш мақсадида давлатлар ўртасидаги ҳамкорликни енгиллаштирадиган ҳуқуқий нормалар ва тартиб-таомилларни ўз ичига олади.

4. Мустақил Давлатлар Ҳамдўстлигида фуқаролик, оилавий ва жиноят ишлари бўйича ҳуқуқий ёрдам ва ҳуқуқий муносабатлар тўғрисидаги Минск Конвенцияси (1993 йил 22 январь)

Ушбу Конвенция фуқаролик, оилавий ва жиноят ишлари соҳасида ҳуқуқий ёрдам кўрсатиш юзасидан МДҲга аъзо давлатлар ўртасидаги ҳамкорликни таъминлашга қаратилган халқаро шартнома ҳисобланади. Конвенцияда, жумладан, жиноятчиларни топшириш (экстрадиция) масалалари IV бобда, 56-моддадан 80-моддагача тартибга солинган.

Конвенция қоидаларига мувофиқ, экстрадиция фақат шундай жиноятларга нисбатан амалга оширилиши мумкинки, улар учун ҳам сўров юборувчи, ҳам сўровни қабул қилувчи давлат қонунчилигида камида бир йил озодликдан маҳрум этиш ёки бундан оғирроқ жазо назарда тутилган бўлиши лозим.

57-модда. Шахсни топширишдан бош тортиш асослари

1. Аҳдлашувчи томон шахсни топширишдан бош тортади, агар:

а) сўралган шахс ушбу аҳдлашувчи томоннинг фуқароси бўлса;
б) сўров қабул қилинган вақтда жиноий таъқибни қўзғатиш ёки суд ҳукмини ижро этиш, ушбу аҳдлашувчи томоннинг қонунчилигига мувофиқ, даврнинг ўтиши ёки бошқа қонуний асослар туфайли мумкин бўлмаса;

в) шахсга нисбатан ушбу жиноят бўйича айна аҳдлашувчи томон ҳудудида суд ҳукми чиқарилган ёки жиноят иши юритувини тугатиш тўғрисида қарор қабул қилинган бўлиб, у қонуний кучга кирган бўлса;

г) жиноят, сўров юборувчи ёки сўровни қабул қилувчи аҳдлашувчи томон қонунчилигига кўра, хусусий айблов тартибида,

яъни фақат жабрланувчининг аризаси асосида таъқиб қилинадиган жиноят бўлса.

2. Аҳдлашувчи томон шахсни топширишдан бош тортиши мумкин, агар жиноят унинг ҳудудида содир этилган бўлса.

3. Агар шахсни топшириш рад этилган бўлса, сўров юборувчи аҳдлашувчи томонга рад этишнинг ҳукуқий асослари тўғрисида расмий маълумот тақдим этилиши шарт.

Шу билан бирга, экстрадиция масаласини тартибга солувчи халқаро ҳукуқий ҳужжатлар қаторида 1993 йил 22 январда Минск шаҳрида имзоланган «Фуқаролик, оилавий ва жиноят ишлари бўйича ҳукуқий ёрдам ва ҳукуқий муносабатлар тўғрисидаги конвенция» ҳамда 1957 йил 13 декабрда қабул қилинган «Жиноий ишлар бўйича экстрадиция тўғрисидаги Европа конвенцияси» алоҳида аҳамият касб этади. Хусусан, ушбу ҳужжатларда акс этган 63–64-моддалар ҳамда 19-модда экстрадицияни кечиктириш (шартли экстрадиция) ва вақтинча экстрадиция қилиш институтларининг ҳукуқий асосларини белгилаб беради.

Минск конвенциясининг 63-моддасида қайд этилганидек, агар экстрадицияси сўралаётган шахс сўралган давлат ҳудудида бошқа жиноят бўйича жиноий таъқиб остида бўлса ёки унга нисбатан суд ҳукми чиқарилган бўлса, экстрадиция ушбу жиноят юзасидан жиноий таъқиб тугатилгунга, ҳукм ижро этилгунга ёки шахс белгиланган жазодан озод этилгунга қадар кечиктирилиши мумкин.

Ушбу норманинг тўлдирувчиси сифатида 64-моддада эса, агар экстрадицияни кечиктириш жиноий таъқиб ёки тергов жараёнига жиддий халал етказиш эҳтимолини келтириб чиқарса, сўралган шахс вақтинча экстрадиция қилиниши мумкинлиги назарда тутилган. Унга мувофиқ, вақтинча экстрадиция қилинган шахс белгиланган процессуал ҳаракатлар тугагандан сўнг, лекин ҳар ҳолда шахс топширилган санадан бошлаб кўпи билан уч ой ичида қайтарилиши шарт. Асосланган ҳолатларда ушбу муддатни узайтириш имконияти ҳам мавжуд.

Бунда эътиборга лойиқ жиҳат шундаки, Минск конвенцияси вақтинча экстрадиция қилинган шахсни қайтариш муддатини аниқ белгилаган бўлса, Европа конвенциясида бундай муддат назарда тутилмаган. Шу билан бирга, Европа конвенциясида ҳар бир ҳолат юзасидан шахсни вақтинча топшириш шартлари қўшимча келишув асосида ҳал этилиши белгиланган.

Юқорида келтирилган нормалардан келиб чиқиб, хулоса қилиш мумкинки, Минск конвенциясида фақат процессуал тартибга эътибор қаратилмаган, балки у ўзаро масъулият ва халқаро ҳамкорликнинг институционал асосларини ҳам мустаҳкамлайди. Унда акс этган нормалар ҳам умумий халқаро амалиётни, ҳам иштирокчи давлатларнинг ички ҳуқуқий тизимларини ҳисобга олган ҳолда ишлаб чиқилган бўлиб, самарали ва изчил экстрадиция сиёсати юритишга хизмат қилади.

5. Фуқаролик, оилавий ва жиноят ишлари бўйича ҳуқуқий ёрдам ва ҳуқуқий муносабатлар тўғрисидаги Кишинёв конвенцияси

Фуқаролик, оилавий ва жиноят ишлари бўйича ҳуқуқий ёрдам ва ҳуқуқий муносабатлар тўғрисидаги Кишинёв конвенцияси 2002 йил 7 октябрь куни Молдова Республикасининг пойтахти Кишинёв шаҳрида имзоланган. Ушбу конвенция иштирокчи давлатлар ўртасида ҳуқуқий ёрдам ва ҳуқуқий муносабатлар соҳасида ҳамкорликни рағбатлантиришга қаратилган халқаро шартнома ҳисобланади.

“Ҳозирги кунда Кишинёв конвенциясининг иштирокчилари қаторига Озарбайжон, Арманистон, Беларус, Қозоғистон, Қирғизистон ва Тожикистон давлатлари киради”¹. Шунингдек, ушбу конвенция Ўзбекистон Республикаси учун ҳам 2020 йил 12 июлдан эътиборан кучга кирган.

Кишинёв конвенциясининг асосий мақсадлари — фуқаролик, оилавий ва жиноят ишлари бўйича ҳуқуқий ёрдам кўрсатиш жараёнларини соддалаштириш ҳамда жиноятларни тергов қилиш ва уларнинг олдини олишда давлатлар ўртасидаги ҳамкорлик механизмларини шакллантиришдан иборат. Конвенция, шунингдек, иштирокчи давлатлар ўртасида ҳуқуқий масалаларни кўриб чиқишдаги ўзаро алоқаларни тизимлаштиришга хизмат қилади.

Конвенция ҳуқуқий ёрдам, экстрадиция, маҳкумларни топшириш ва юридик соҳадаги бошқа ҳамкорлик масалалари бўйича умумий тамойиллар ва қоидаларни белгилайди. Иштирокчи давлатлар ушбу конвенцияда белгиланган шарт ва қоидаларга ўз миллий қонунчилиги доирасида риоя этиш мажбуриятини ўз зиммасига оладилар.

¹ Қўшимча Протоколлар Европанинг экстрадиция тўғрисидаги Конвенциясига (1975, 1978 й.) URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=086>

Шуни таъкидлаш лозимки, ҳар бир иштирокчи давлат Кишинёв конвенцияси қоидаларини амалга оширишда, ўз миллий қонунчилигидан келиб чиқиб, муайян хусусиятлар ва чекловларга эга бўлиши мумкин. Шунингдек, расмий манбаларга мувофиқ, қуйидаги ҳолат алоҳида аҳамиятга эга: “Мазкур Конвенция Ўзбекистон Республикаси учун кучга кирганидан сўнг, Ўзбекистон ҳамда Кишинёв конвенциясига аъзо давлатлар ўртасида 1993 йил 22 январда қабул қилинган Фуқаролик, оилавий ва жиноят ишлари бўйича ҳуқуқий ёрдам ва ҳуқуқий муносабатлар тўғрисидаги конвенция (бошқа ном билан Минск конвенцияси) ҳамда унга 1997 йил 28 мартда киритилган Протоколнинг амал қилиш муддати тугатилди”.

Юқорида келтирилган маълумотлар асосида хулоса қилиш мумкинки, ҳар бир ҳолатда фарқли бўлиши мумкин бўлган минтақавий халқаро-ҳуқуқий нормалар экстрадиция институтининг ягона стандартларга мувофиқлашишини кўрсатмоқда. Бундай стандартлашув шартномавий нормаларни амалга ошириш, шунингдек миллий қонун ҳужжатларида экстрадицияга оид ҳуқуқий асосларни шакллантириш ва такомиллаштириш орқали намоён бўлади. Бу эса, ўз навбатида, трансчегаравий жиноятчиликка қарши самарали курашиш мақсадида давлатлар ўртасидаги ҳуқуқий ҳамкорликни мустаҳкамлашга хизмат қилади.

**ЯРАШЕВ БАХРОМБЕК
РУСТАМОВИЧ**

Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси кафедра
ўқитувчиси

**ЖИНОЯТ ИШЛАРИ БҲЙИЧА СУД ТЕРГОВИНИ
ТАКОМИЛЛАШТИРИШ МАСАЛАЛАРИ**

***Аннотация:** Мақолада жиноят ишлари бўйича судларда суд тергов ишлари ҳаракатлари ўтказишнинг мазмун – моҳияти, назарий жиҳатлари, ушбу жараённинг ретроспектив таҳлили (тарихий ривожланиш босқичлари), такомиллаштирилиши лозим бўлган масалалар таҳлил этилган.*

***Калит сўзлар:** суд тергов, суд, сўроқ қилиш, баённома, судья.*

***Аннотация:** В статье проанализированы и сущность проведения судебных следственных действий в судах по уголовным делам, теоретические*

аспекты, ретроспективный анализ этого процесса (этапы исторического развития), а также вопросы совершенствования данного процесса.

Ключевые слова: Судебное следствие, суд, допрос, протокол, судья.

Annotation: The article analyzes the essence of conducting judicial investigative actions in courts for criminal cases, theoretical aspects, a retrospective analysis of this process (stages of historical development), as well as issues related to the improvement of this process.

Key words: Judicial investigation, court, interrogation, protocol, judge

Жиноят процессида суд тергови — бу суд органларининг жиноят иши бўйича тергов ўтказиш, ҳужжатлар ва далилларни текшириш, шахсларнинг айблилиги ёки айбсизлигини аниқлаш мақсадида ўтказиладиган жараёндир.

Суд тергови — суднинг асосий вазифаларидан бири бўлиб, унда судланувчининг айбини аниқлаш ёки унинг айбсизлигини исботлаш учун барча зарурий тадбирлар ва техник усуллар қўлланилади. Суд терговининг мазмун ва моҳияти ҳам шахснинг айблилиги ёки айбсизлиги масаласини текшириб, қонуний, асосли ва адолатли суд қарори чиқаришдан иборат.

Суд тергови жараёнида далиллар тўпланиб, уларга ҳуқуқий баҳо берилади, ушбу жараёни амалга оширишга ишда қатнашаётган прокурор ва адвокатлар ёрдам беради.

Суд терговининг назарий жиҳатлари жиноят судлови ва унинг ишлаш механизмларига оид қуйидаги тушунчаларни қамраб олади:

1) далиллар суд тергови жараёнининг асосий қисми бўлиб, улар ишнинг аниқлиги ва ишончлилигини таъминлашга қаратилган;

2) шахсларнинг, айниқса жабрланувчи ва судланувчининг ҳуқуқ ва мажбуриятларини таъминлаш;

3) суд терговини ўтказишда қонун нормаларига, принципларига қатъий риоя қилишдан иборатдир.

Суд тергови ишларни адолатли ҳал қилинишида муҳим жараён бўлиб, унинг тарихи қадимги даврларга, ҳатто илк цивилизациялар даврига бориб тақалади. Турли маданиятларда суд тергови турлича шаклланган ва ривожланиб келган. Хусусан, суд тергови тарихи Миср, Месопотамия, Ҳиндистон ва Хитой каби қадимги цивилизациялардан бошланади. Масалан, Бобил қонунчилиги, Ҳаммурапи қонунларида ўз ифодасини топган бўлиб, бу қонунларда турли жиноятлар учун жазо турлари белгиланган. Бу эса тергов жараёнининг умумий тартибини шакллантиришга ёрдам берган.

Қадимги Рим даврида суд тергови ва ҳуқуқий жараёнлар янада мураккаблашган. Рим ҳуқуқи турли давлатлар ва маданиятларга таъсир қилган, шу жумладан суд терговининг замонавий шаклларига ҳам асос солган. Уларнинг ҳуқуқий тизимида айбдорлик ва айбсизликнинг далиллар билан исботланиши талаб қилинган.

Ўрта асрларда Европа давлатларида тергов жараёнлари черков томонидан бошқарилган. Инквизиция даврида суд жараёнлари қўрқинчли ва кучли тартибда олиб борилган. Инквизиция даврида диний суд ишлари учун махсус судлар ташкил этилган ва ёпиқ тергов усуллари ишлатилган.

Ислом ҳуқуқи (Шариат)да ҳам суд тергови мустаҳкам ўрин эгаллаган. Қуръон ва ҳадислар асосида ишлаб чиқилган Ислом ҳуқуқи адолатни таъминлашга қаратилган бўлиб, унда қози (судья)ларнинг адолатли қарор чиқаришлари талаб қилинган.

Замонавий ҳуқуқ тизимлари суд тергови учун юқори стандартларни жорий қилган. Бу даврда АҚШ, Европа ва бошқа кўплаб давлатларда далилларнинг қонунийлиги, ҳуқуқий ҳимоя ва суд жараёнларининг шаффофлигига катта эътибор берилган. Айниқса, адолатли суд жараёни ва қонуний ҳимоя тушунчалари кенг тарқалган.

Маълумки, дастлабки тергов ҳаракатлари жиноят иши қўзғатилганидан сўнг жиноят ишини юритиш ваколат берилган органлар томонидан амалга ошириладиган, жиноятни тўлиқ ва ҳолисона тергов қилиш, далилларни тўплаш, текшириш ва баҳолашга қаратилган жараёнлардан иборат. Бу жараённинг асосий мақсади — жиноят иши юзасидан далилларни йиғиш, уларни ҳолисона текширишдир.

Шу ўринда олимлардан В.Семенцовнинг таъкидлашича: “Дастлабки тергов ҳаракатлари — бу жиноят иши бўйича далилларни тўплаш ва текширишга қаратилган процессуал ҳаракатлар мажмуасидир. Улар жиноят ишида муҳим аҳамиятга эга бўлган фактларни аниқлаш, терговчилар ёки бошқа ваколатли шахслар томонидан ўтказилади.”

Суд тергови эса суд мажлислари жараёнида суд томонидан жиноят иши юзасидан далилларни текшириш, баҳолаш ва тасдиқлашга қаратилган жараёнлардан иборат. Суд терговининг мақсади — жиноят иши бўйича айбланувчи ёки ҳимояланувчи томонидан келтирилган далилларни баҳолаш, уларнинг

ҳақиқийлигини текшириш ва адолатли суд қарорини чиқариш учун асослар яратишдан иборат.

Яна бир гуруҳ олимлардан О.Баев дастлабки тергов ҳаракатларига таъриф беришда шундай дейди: “Ҳар бир тергов ҳаракати процессуал ҳаракат бўлиб, барча процессуал ҳаракатлар тергов ҳаракати эмас, балки жиноятга оид далилларни топиш ва қайта ишлашга қаратилган.”

Бу борада, И.Лузгин томонидан эса тергов ҳаракатларининг ижтимоий вазифаси қайд этилиб, “Тергов ҳаракатлари — бу жиноят ишлари бўйича далилларни тўплаш, уларни қонуний шаклда расмийлаштириш ва текшириш мақсадида ўтказиладиган жараён ҳисобланади” – дея таъриф берилган.

Олимлардан С.Шейфер томонидан эса суд терговига қуйидагича таъриф берилган: “Суд тергови — бу суд томонидан жиноят ишини кўриш жараёнида амалга ошириладиган, далилларнинг ҳақиқийлигини аниқлашга қаратилган, суд мажлисида ўтказиладиган жараён ҳисобланади.”

Тергов хусусиятига эга суд ҳаракатлари, суд ишларини кўриб чиқишнинг умумий шартлари асосида ўтказиладиган маълумот олиш усуллариининг мажмуини ўз ичига олади. Шу билан бирга, фақат суд ишларини кўриб чиқишнинг умумий шартлари суд тергови жараёнида суд томонидан маълумот олиш ҳаракатларини жиноят процессининг умумий принципларига мувофиқ равишда тўлиқ таъминлай олмайди. Фикримизча, айрим тергов хусусиятига эга суд ҳаракатларини амалга ошириш тартиби ва уларнинг мазмуни маълум саволларни келтириб чиқаради.

Атоқли олимлардан А.Ларин томонидан эса суд терговининг муҳимлиги таъкидланиб, у “Суд тергови, суд жараёнида далилларни текшириш, баҳолаш ва уларни ҳолисона ўрганишга қаратилган мажбурий жараён ҳисобланади”– дея фикр билдирган.

Ўзбекистон Республикаси Жиноят-процессуал кодексининг тергов ҳаракатлари ва тергов хусусиятига эга суд ҳаракатларини тартибга солиш бўйича қиёсий таҳлили дастлабки тергов ҳаракатлари тергов хусусиятига эга суд ҳаракатларига нисбатан юқори даражада тартибга солинганлигини кўрсатади. Хусусан, дастлабки тергов ҳаракатларини амалга ошириш тартиби Ўзбекистон Республикаси Жиноят-процессуал кодексининг **18 та** бобида тартибга солинган бўлиб, уларда **134 та** алоҳида қоида мавжуд. Бошқа томондан, суд тергови тергов хусусиятига эга суд

ҳаракатларини амалга ошириш бўйича эса фақатгина ягона **52-606** мавжуд бўлиб, бор-йўғи **10** та ҳукукий нормани ўз ичига олади.

Тергов ҳаракатларини тергов хусусиятига эга суд ҳаракатларидан ажратиб турувчи ўзига хос жиҳатлар уларни амалга ошириш шартлари ва тартибга солишдан иборатдир. Бундан ташқари, тергов ҳаракатлари рўйхати тергов хусусиятига эга суд ҳаракатларига қараганда кенгрокдир. Бундай тартибга солишнинг сабабларидан бири тергов ҳаракатларининг ва тергов хусусиятига эга суд ҳаракатларининг предмети бўлиши мумкин.

Тергов ҳаракатларидан фарқли равишда суд тергов ҳаракатларига алоҳида тартибда мурожаат қилади. Бу ҳолда мурожаат тегишли тергов ҳаракатларини амалга ошириш қоидаларига ишора қилади. Жиноят процессида далилларини исботлаш воситалари бўлган дастлабки тергов ва суд тергови бири-бирига ўхшаш муайян усулларни ўз ичига олади: сўроқ, суд экспертизасини ўтказиш, кўздан кечириш, кўрсатувларни ҳодиса содир бўлган жойда текшириш, тергов эксперименти, қидирув, танишиш учун такдим қилиш ва шу кабилар. Шу билан бирга, терговга тегишли бўлган, фақат судда амалга ошириладиган айрим ҳаракатлар, масалан, кўрсатувлар ва тергов ҳаракатлари баённомаларини ўқиб эшиттириш дастлабки тергов жараёнида ҳам амалга оширилиши мумкин.

Бу ҳақда ЖПКнинг 105-моддасида сўроқ жараёнида суриштирувчи, терговчи ишга қўшиб қўйилган ёки тарафлар ихтиёрида бўлган нарсалар ва ҳужжатларни сўроқ қилинувчига кўрсатишлари, шунингдек тегишли ҳужжатларни ўқиб эшиттиришлари мумкинлиги кўрсатилган.

Тергов ҳаракатларини аудио ёки видеоёзув, кинотасвирга олиш материалларини қайта тиклаш орқали амалга оширилиши мумкин. Бошқа томондан, тергов ҳаракатлари суддаги тергов ҳаракатларига ўхшаш усулларга эга бўлган ҳолда, уларга ўхшаш, лекин янада мураккаб усулларни ҳам ўз ичига олади. Масалан, суд тергови давомида фақат сўроқни амалга ошириш мумкин, аммо дастлабки тергов жараёнида юзма – юз суҳбат ва кўрсатувларни ҳодиса

содир бўлган жойда текшириш каби сўроқ элементлари бошқа усуллар билан қўшилган ҳолда амалга оширилиши мумкин. Кўрсатувларни ҳодиса содир бўлган жойда текшириш, шу жумладан, кўздан кечириш элементларини ҳам ўз ичига олади.

Ўзбекистон Республикасининг Жиноят-процессуал кодекси айрим терговга оид суд ҳаракатларини амалга оширишга рухсат берса-да, суд жараёнининг ташкилотчилик-техникавий хусусиятларини етарли даражада ҳисобга олмайди. Масалан, айтиб бериш вақтида бир неча судланувчига нисбатан суд жараёнида кўп сонли иштирокчиларнинг мавжудлиги туфайли суд тергов ҳаракатларини ўтказиш қийинчилик туғдириши мумкин, чунки бу ҳолатда уларнинг ҳимоячилари сони ҳам ошади. Бундан ташқари, томонларнинг бевосита иштирок этиши талаб қилинади. Бироқ, айрим ҳолларда, масалан тергов эксперименти ёки биноларни кўздан кечириш жараёнида барча иштирокчиларнинг ушбу жараёни кузатиши ва иштирок этишини таъминлаш, кўздан кечириш ҳудудларининг чекланганлиги сабабли, чекланиши мумкин. Бу каби ҳолатлар суд ишида иштирок этаётган шахсни далилларни бевосита ўрганишда, уларни шубҳа остига қўйишда ва саволлар беришда иштирок этиш имкониятидан расман маҳрум этиши мумкин.

Суд жараёнининг ушбу хусусиятлари терговга оид суд ҳаракатларини ўтказиш хусусиятларини такомиллаштириш зарурлигини кўрсатади. Суд тергови давомида асосий терговга оид суд ҳаракатларидан бири сифатида кўрсатиладиган сўроқни амалга оширишсиз ҳеч бир суд жараёни ўтмайди, унда судланувчи, жабрланувчи, гувоҳлар, эксперт ва мутахассис кабилар сўроқ қилинади.

Суд жараёнининг ривожланиш хусусиятлари, унда ўрганилиши керак бўлган далиллар рўйхатига қараб, суд тергови Жиноят – процессуал кодексида назарда тутилган барча турдаги сўроқларни ўз ичига олмаслиги мумкин. Бундан ташқари, тарафлар розилиги билан аввал дастлабки тергов жараёнида сўроқ қилинган шахсларнинг кўрсатувлари ўқиб эшиттирилиши мумкин. Бунда, судланувчини сўроқ қилиш, бир томондан, далилларни бевосита ўрганиш шакли сифатида хизмат қилса, иккинчи томондан, дастлабки тергов органи томонидан айбланувчининг зиммасига қўйилган айблов бўйича унинг ўз воқеалар версиясини баён этиш усулидир. Тергов ҳаракатлари баённомалари ўз мазмуни бўйича ўзгармас далил манбаи сифатида хизмат қилса, сўроқ далилларни йиғиш усулидир. Бу мазкур тергов ҳаракатининг хусусиятлари ва сўроқ қилинаётган шахс ўз кўрсатувларини сўзма-сўз қайта айтиши амалда мумкин эмаслигидан келиб чиқади.

Ҳатто судланувчи кўрсатув беришни истамаса ҳам, уни сўроқ қилиш имконияти унинг кўрсатув бериш ёки сўроқдан бош тортиш истагини баён қилгунга қадар сақланиб қолади ва бу суд мажлиси баённомасида қайд этилади. Бошланғич рад этишга қарамай, судланувчи кейинчалик истаган вақтда кўрсатув бериши мумкин.

Атоқли олимлардан Е.Селина кўрсатувларни жиноят ишлари юритишда далиллар турлари рўйхати аҳамияти нуқтаи назаридан баҳолаган. У сўроқлар давомида олинган кўрсатувлар ва бошқа тергов ҳаракатлари давомида олинган худди шу кўрсатувларни баҳолашда юзага келадиган муаммоларни таъкидлаб, “Танишиш учун тақдим қилиш ва кўп ҳолларда тергов эксперименти жараёнидаги кўрсатувлардан келиб чиқиб уларнинг муҳим қисмларини барча деталлари, тафсилотлари ва текширилган аниқлигида қайд этади, ҳодиса жойида кўрсатувларни текшириш эса кўрсатувларни исботлаш жараёнига мослаштириш воситаси бўлиб, уларнинг мураккаблашган қайд этилишини таъминлайди.” -дея фикр билдирган.

Бизнинг фикримизча, судда сўроқ қилиш турларини ҳуқуқий тартибга солиш билан боғлиқ масала муҳим аҳамиятга эга. Масалан, сўроқ турлари сифатида судланувчи ва жабрланувчини судда бир вақтнинг ўзида сўроқ қилиш ёки уларни бир вақтнинг ўзида бир неча нафар шахслар томонидан сўроқ қилинишини янада тартибга солиш муҳим. Амалдаги жиноят-процессуал кодексида эса бу ҳолат расман тартибга солинмаган, шунингдек, унинг ўтказилиш тартиби ҳам белгиланмаган.

Ўзбекистон Республикаси Жиноят-процессуал кодексига кўра гувоҳлар алоҳида сўроқ қилиниши лозим. Бироқ, суд жараёнида айрим ҳолатларда икки гувоҳ жиноий иш ҳолатлари бўйича қарама-қарши кўрсатувлар бериши мумкин. Шу сабабли, ушбу кўрсатувлар ўртасидаги зиддиятларни бартараф этиш мақсадида, конун томонидан аллақачон сўроқ қилинган шахсларни бир вақтда сўроқ қилиш имкониятини таъминлаш муҳим аҳамиятга эга. Ушбу ҳолатда янги гувоҳни сўроқ қилиш жараёнида аввал сўроқ қилинган гувоҳга яна савол бериш имкониятини таъминлаш тартибини белгилаш жиноий иш бўйича далилларни тўлиқроқ ўрганишга ва ушбу далиллар асосида жиноий ишнинг аниқ ҳолатларини белгилашга ёрдам беради.

Мавжуд тартибга кўра, иштирокчи шахслар кўрсатувларидаги зиддиятлар фақат суднинг якуний қарорида бартараф этилади. Бироқ

амалда, сўроқ қилинган шахсдан савол беришни тўхтатиб, аввал сўроқ қилинган гувоҳга савол бериш мумкин бўлган ҳолатлар кузатилади. Бундай сўроқнинг аҳамияти шунда намоён бўладики, бундай сўроқ зиддиятларни юқори даражада аниқлашга, кўрсатувлар ва уларда баён этилган маълумотларнинг ишончлилигини текширишга ва келгусида далилларни баҳолашни осонлаштиришга ёрдам беради. Нега гувоҳлар ва жабрланувчилар ўртасидаги зиддиятларни уларнинг ўзига мурожаат қилиб тушунтириш тақиқланади?

Шу боис, бир вақтда ва навбатма-навбат бир неча суд иштирокчиларини сўроқ қилиш тартибини суд терговида норматив асосда ривожлантириш лозим деб ҳисоблаймиз.

Ҳозирги пайтда, сўроқ қилинган шахсларнинг кўрсатувлари текшируви ва таҳлиliga факатгина жабрланувчи ёки судланувчиларнинг кўрсатувларига нисбатан йўналтирилган ҳолларда рухсат берилган. Бошқача айтганда, амалда юзма-юз суҳбат ёки шахмат усулидаги сўроқ жараёнида айбланувчи ва жабрланувчи, айбланувчи ва гувоҳ, жабрланувчи ва гувоҳ кўрсатувлари ўртасидаги зиддиятлар бартараф этилади. Бироқ, ушбу рўйхатда «гувоҳ ва гувоҳ» ўртасидаги зиддиятларни бартараф этиш назарда тутилмаган. Масалан, тергов ҳаракатлари ёки тезкор тадбирларда иштирок этган шахслар гувоҳ сифатида сўроқ қилинганларида, тадбир давомида иштирок этган ҳолатлар бўйича уларнинг кўрсатувларида зиддиятлар келиб чиқиши мумкин.

Бошқа томондан, олимлар А.Александров ва С.Гришин суд тергови давомида айрим тергов ҳаракатларини амалга ошириш хусусиятларини таҳлил қилиб, бир неча гувоҳни бир вақтда сўроқ қилишни сўроқнинг бир тури сифатида таърифлаб, уни суд терговида процессуал ҳаракат сифатида қабул қилиш мумкинлигини таъкидлайдилар. Бироқ, ушбу позиция жиноий-процессуал қонунчиликда тартибга солинмаган процессуал ҳаракатларнинг амалга оширилишига рухсат бериш шартларига зиддир. Чунки, жиноят-процессуал қонунчилигига кўра гувоҳларни алоҳида сўроқ қилишни талаб этилади.

Шу нуқтаи назардан, жиноят-процессуал қонунчилигига кўра агар аввал сўроқ қилинган шахслар кўрсатувларида жиддий зиддиятлар мавжуд бўлса, суд тарафларнинг илтимос ёки ўз ташаббуси билан уларни бир вақтнинг ўзида сўроқ қилиб, ушбу

жараёнда улар суднинг рухсати билан бир-бирига саволлар беришлари мумкин.

Суд терговда гувоҳнинг видеоконференцалоқа орқали иштирок этишида ҳам мураккабликлар юзага келади. Бу, маълумотларни узатиш тезлиги, тасвир ва овоз сифати билан боғлиқ техник муаммолардан ташқари, бевосита суд жараёнида иштирок этиш имконияти билан ҳам боғлиқдир. Айрим вербал категорияга тегишли суд ҳаракатлари “масофадан” амалга оширилиши мумкин бўлса, бошқа турдаги жараёнларда техник шартлар муаммо туғдириши мумкин.

Техник масалалар сифати нуктаи назаридан масофадан туриб, иш учун муҳим бўлган ҳолатларнинг мавжуд ёки йўқлигини аниқлаш жуда қийинчилик туғдиради. Шунингдек, гувоҳнинг видеоконференцалоқа орқали алоқага чиқиши суд мажлисида, айниқса сайёр судларда гувоҳга предметлар, ҳужжатлар ёки шахсларни таниш учун кўрсатишда ҳам қийинчиликлар туғдириши мумкин. Шу боис, сайёр судларда кўздан кечириш, танишиш предмет ёки ҳужжатларни учун тақдим этиш, тергов экспериментида гувоҳнинг видеоконференцалоқа орқали иштирок этишини қабул қилиш мақсадга мувофиқ эмас.

Шунингдек, терговга оид суд ҳаракатларидан бири бўлган ҳодиса содир бўлган жойни кўздан кечиришга алоҳида эътибор қаратиш керак. Бу борада айрим олимлар ҳодиса содир бўлган жойни кўздан кечириш ва айрим бошқа терговга оид суд ҳаракатларининг далиллилиқ аҳамияти камлигини таъкидлайди. Масалан атоқли олим Т.Добровольская таъкидлаганидек: “Жиноят содир этилган пайтдан суд томонидан жой ёки биноларни кўздан кечиришгача анча вақт ўтиши мумкин. Шу сабабли, суд томонидан ҳодиса жойини кўздан кечиришни жиноятдан кейин ёки зудлик билан ўша жойнинг ҳолатини қайд этиш мақсадида амалга ошириш мумкин эмас. Шунингдек, жиноят излари ва бошқа моддий далилларни топиш ҳам асосий мақсад бўлолмайди.” – дея, суд жараёнидаги кўздан кечириш суд тергови мақсадларига хизмат қилмайди деб ҳисоблайди.

Ушбу позицияни тўлиқ қонуний ва долзарб деб ҳисоблаш мумкин. Вақт ўтиши билан кўздан кечиришнинг аҳамияти тўлиқ ёки қисман йўқолиши мумкин. Айрим ҳолатлар кўздан кечиришни амалга оширишнинг мақсадига мувофиқ келмаслиги мумкин. Бироқ, бундай терговга оид суд ҳаракатларини ўтказиш зарурлиги ва

мақсадга мувофиқлигини ҳал қилиш суд муҳокамаси иштирокчиларига, якуний қарор суд раисига боғлиқ. Бундан ташқари, Жиноят-процессуал қонунчилик суд тергови давомида барча суд ҳаракатларини ўтказишни мажбурий шарт сифатида белгиламайди. Демак, ҳар бир жиноий иш бўйича аниқ ҳаракатни ўтказиш масаласини суд тергови давомидаги аниқ ҳолатларга қараб алоҳида ҳал қилиш керак.

Суд тергови жараёнида ҳодиса жойини кўздан кечиришда техник ва ташкилотчилик муаммолари ҳам мавжуд бўлиб, унда тарафлар (давлат айбловчиси, жабрланувчи, судланувчи ёки уларнинг ҳимоячилари ва бошқа иштирокчилар) биргаликда иштирок этади. Ушбу ҳолатда дастлабки тергов ва суд терговида кўздан кечириш жараёнлари ўртасида тўлиқ ҳуқуқий аналогия мавжуд эмаслигини таъкидлаб ўтмоқчимиз.

Жиноят-процессуал кодексида суднинг ушбу терговга оид ҳаракатлар мақсадлари ва асослари аниқ белгиланмаганлиги унинг суд тергови вазифаларини амалга оширишда зарурлигини тушунишда ноаниқликка сабаб бўлади. Турли тадқиқотчилар суд тергови жараёнида кўздан кечириш турли мақсадларга эга деб ҳисоблайдилар: далилларни текшириш, бевосита қабул қилиш, ҳодиса содир бўлган жойнинг шароитлари билан танишиш, объектларнинг жойлашуви тўғрисидаги зиддиятларни бартараф этиш.

Жиноят-процессуал қонунчилигига кўра, кўздан кечириш жиноят изларини топиш, жиноий иш учун муҳим бошқа ҳолатларни аниқлаш мақсадида амалга оширилади. Бир томондан, иш ҳужжатларида жой ёки биноларнинг шароити ҳужжатлаштирилиши керак, иккинчи томондан, жиноят излари, ҳужжатлар ва бошқа ашёларни топиш ва олиб қўйиш мақсад қилинади.

Агар суд кўздан кечиришнинг мақсади жойнинг шароитини қайд этиш эканини тан оладиган бўлсак, бу амалда номигагина ўтказиладиган тергов ҳаракати ҳисобланади, яъни баённомада фақат жойнинг шароити қайд этилади. Шу сабабли, қайси ҳолатларни суд мажлиси баённомасига киритиш кераклиги, жойлашув координаталарини қандай аниқлаш каби саволлар туғилади.

Шу боис, олимлардан С.Россинский суд жараёнидаги кўздан кечиришни ихтиёрий характерга эга деб ҳисоблайди ва кўздан кечириш заруриятини тергов ҳаракатлари баённомалари бўйича маълумотларнинг етарли эмаслиги билан боғлайди. В.Бозров ва

В.Кобяков суд кўздан кечиришни ўтказиш учун асослар сифатида қуйидагиларни кўрсатадилар: жиноий иш материалларида кўздан кечириш баённомаси йўқлиги, унинг тўлиқ эмаслиги, унинг далил сифатида қабул қилинмаганлиги ёки бошқа далиллар билан зиддиятга эга эканлиги каби ҳолатлар.

Биз суд кўздан кечиришининг мақсад ва асослари бўйича турли тадқиқотчилар томонидан билдирилган фикрларнинг кўп жиҳатдан ўхшашлигини, улар амалда бир хил мақсадларга йўналтирилганлигини кўрамиз. Қисқача хулоса шуки, суднинг арсеналида суд кўздан кечиришни ўтказиш имконияти мавжуд бўлиши лозим ва ҳар бир иш бўйича мазкур ҳаракатни ўтказиш ёки ўтказмаслик тўғрисидаги қарор судьянинг ваколатида қолиши керак.

Суднинг биринчи инстанцияда жой ёки биноларни кўздан кечириш ҳаракати терговга оид суд ҳаракати сифатида мажбурий эмас. Бундай ҳаракатни ўтказиш имконияти ҳар бир иш бўйича суд терговида вужудга келган ҳолатларга боғлиқ равишда томонлар ҳал қилади ва бу суднинг айрим қарорларига, шу жумладан, жиноят содир этилиш механизми тўғрисидаги хулосаларига таъсир кўрсатиши мумкин.

Шу билан бирга, суд тергови жараёнида жой ёки биноларни кўздан кечириш суд ҳаракати сифатида амалга оширилганда, унинг тартибга солинишида баъзи бўшлиқлар ҳам мавжуд. Жуда кам учрайдиган, аммо реал ҳолат шундайки, кўздан кечириш вақтида бирор бир муҳим далил топилиши мумкин. Бундай ҳолатда, қонунчиликда суд томонидан бундай ашёларни қандай олиб қўйиш ва иш материалларига қўшиш тартиби кўрсатилмаган.

Шу сабабли, суд тергови жараёнида кўздан кечириш вақтида аниқланган жиноят излари ёки томонларнинг фикрича жиноий ишга алоқадор бўлган бошқа ашёлар суд мажлиси ўтказилаётган жойда томонлар томонидан кўриб чиқилиши, агар жойида кўздан кечириш қийин бўлса, топилган ашёлар ўраб, муҳрланиб ва иштирокчи шахслар имзолари билан тасдиқлангандан кейин суд залида кўриб чиқилиши масалаларига аниқлик киритилса мақсадга мувофиқ бўларди.

Шунингдек, қонунчилигимизда суд тергови жараёнида топилган ашёларни жиноят иши ҳужжатларига қўшиш ҳақида судья томонидан тегишли қарор чиқарилишини кўрсатиш лозим.

Бундан ташқари, жиноят-процессуал қонунчилигида суд тергови жараёнида жой ёки биноларни кўздан кечиришга рухсат

берилса-да, турар жойни кўздан кечириш мумкинлиги ёки унинг тартиби ҳақида аниқ маълумот бермайди. Масалан, бунда суднинг оғзаки қарори керакми ёки ёзма қарор бўлиши шартми ва жой чекланганлиги сабабли барча иштирокчилар жойни тўлиқ кўриб чиқиш имконига эга бўлмаган ҳолларда кўздан кечириш тартиби қандай бўлиши аниқ эмас. Бундай шароитларда томонлар далилларни бевосита текшириш ҳуқуқидан чекланган бўлиши мумкин.

Шу билан бирга, суд жараёнида жойларни кўздан кечириши жараёнида гувоҳларни сўроқ қилиш ёки тергов экспериментлари каби ҳаракатларни ҳам амалга оширилиши мумкин. Бироқ, ҳодиса содир бўлган жойни кўздан кечириш вақтида сўроқ ўтказилса, у ўзига хос ҳодиса жойида кўрсатувларни текшириш усулига айланади.

Шу нуқтаи назардан, суд тергови жараёнида кўрсатувларни ҳодиса содир бўлган жойда текшириш томонлар иштирокида, зарур бўлса гувоҳлар, мутахассис ёки эксперт иштирокида ўтказилишини, бу ҳаракат томонларнинг илтимоси ёки суднинг ташаббуси билан ўтказилишини белгилаш мақсадга мувофиқ.

КОНОВАЛОВ ИЛЬЯ БОРИСОВИЧ

Прокурор Специализированного
центра цифровых исследований

Научно-исследовательского института
цифровой криминалистики

Правоохранительной академии
Республики Узбекистан

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ КАК ПРЕДМЕТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

***Аннотация:** в статье исследуются проблемы применения технологий больших данных в современной криминалистической практике. Автор анализирует ограничения традиционных методов компьютерно-технической экспертизы при работе с распределенными системами и облачными технологиями. Рассматривается концепция 5V для классификации больших данных в криминалистических исследованиях. Особое внимание уделяется правовым аспектам работы с конфиденциальной информацией в условиях законодательства Республики Узбекистан. Обосновывается необходимость*

новых методических подходов и использования специализированных инструментов для эффективного анализа цифровой информации в следственных действиях.

Ключевые слова: большие данные, цифровая криминалистика, компьютерно-техническая экспертиза, концепция 5V, распределенные системы хранения, облачные технологии, искусственный интеллект, конфиденциальная информация, криминалистическое исследование, цифровая информация.

Аннотация: Мақолада замонавий криминалистик амалиётда катта маълумотлар технологияларини қўллаш муаммолари ўрганилган. Муаллиф тақсимланган тизимлар ва булутли технологиялар билан ишлашда анъанавий компьютер-техник экспертиза усулларининг чекловларини таҳлил қилган. Криминалистик тадқиқотларда катта маълумотларни таснифлаш учун 5V концепцияси кўриб чиқилган. Ўзбекистон Республикаси қонунчилиги шароитида махфий ахборотлар билан ишлашнинг ҳуқуқий жиҳатларига алоҳида эътибор қаратилган. Тергов ҳаракатларида рақамли маълумотларни самарали таҳлил қилиш учун янги услубий ёндашувлар ва махсус воситалардан фойдаланиш зарурати асослантирилган.

Калим сўзлар: катта маълумотлар, рақамли криминалистика, компьютер-техник экспертиза, 5V концепцияси, тарқатилган сақлаш тизимлари, булутли технологиялар, сунъий интеллект, махфий ахборот, криминалистик тадқиқот, рақамли ахборот.

Abstract: The article examines the problems of applying big data technologies in modern forensic practice. The author analyzes the limitations of traditional computer-technical expertise methods when working with distributed systems and cloud technologies. The 5V concept for classifying big data in forensic investigations is considered. Special attention is paid to the legal aspects of working with confidential information under the legislation of the Republic of Uzbekistan. The necessity of new methodological approaches and the use of specialized tools for effective analysis of digital information in investigative actions is substantiated.

Keywords: big data, digital forensics, computer-technical expertise, 5V concept, distributed storage systems, cloud technologies, artificial intelligence, confidential information, forensic investigation, digital information

Развитие криминалистической науки, и, в частности, цифровой криминалистики, при большом количестве технических решений, позволяющих работать в сети и хранить огромное количество информации в формате, не поддающемся обработке стандартными средствами, заставляет исследователей задуматься о том, что экспертное исследование данных не всегда можно свести к компьютерно-технической экспертизе. Если посмотреть статистику рынка инструментов BigData то за последние 3 года прослеживается рост со 162,6 млрд. долларов США в 2021, к 2023

году данное значение составило 220 млрд., а в 2024 году данное значение выросло еще на 13%, при этом прогнозируемый объем данных накопленных человечеством составит 175 зеттабайт¹.

Изучение проблем работы с большими данными прослеживается в работах И.Б. Воробьевой², С.А. Машкова³, Р.М. Ушакова⁴ и других, что придает актуальности внедрения современным механизмов исследования больших объемов данных в криминалистике.

Если рассматривать все с точки зрения компьютерно-технической экспертизы, то объектом исследования становится носитель информации, по сути являющийся первоисточником данных. Таких носителей информации на компьютере может быть несколько, особенно если рассматривать серверную инфраструктуру с системами хранения данных, позволяющих хранить петабайты информации, что приводит к утрате актуальности отдельных действий, таких как получение криминалистической копии носителя информации. Ведь использование технологии RAID, по нашему мнению, приводит к тому, что данные размываются на нескольких носителях, и получение единовременной криминалистической копии всего пространства становится невозможным.

Вместе с тем получение копий отдельных фрагментов информации с использованием облачного хранения позволит выделить информацию, которую можно подвергнуть обработке. То же касается и работы с системами управления базами данных.

¹ Большие данные (Big Data) мировой рынок / Tadviser – электронный ресурс – режим доступа:

[https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%D0%B5_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_\(Big_Data\)_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA#.D0.9E.D0.B1.D1.8A.D0.B5.D0.BC_.D0.BC.D0.B8.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.BE.D0.B3.D0.BE_.D1.80.D1.8B.D0.BD.D0.BA.D0.B0_.D0.B8.D0.BD.D1.81.D1.82.D1.80.D1.83.D0.BC.D0.B5.D0.BD.D1.82.D0.BE.D0.B2_Big_Data_.D0.B4.D0.BB.D1.8F_.D0.B0.D0.B2.D1.82.D0.BE.D0.BF.D1.80.D0.BE.D0.BC.D0.B0_.D0.B7.D0.B0_.D0.B3.D0.BE.D0.B4_.D0.B2.D1.8B.D1.80.D0.BE.D1.81_.D0.B4.D0.BE_.2442.2C6_.D0.BC.D0.BB.D1.80.D0.B4](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%D0%B5_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_(Big_Data)_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA#.D0.9E.D0.B1.D1.8A.D0.B5.D0.BC_.D0.BC.D0.B8.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.BE.D0.B3.D0.BE_.D1.80.D1.8B.D0.BD.D0.BA.D0.B0_.D0.B8.D0.BD.D1.81.D1.82.D1.80.D1.83.D0.BC.D0.B5.D0.BD.D1.82.D0.BE.D0.B2_Big_Data_.D0.B4.D0.BB.D1.8F_.D0.B0.D0.B2.D1.82.D0.BE.D0.BF.D1.80.D0.BE.D0.BC.D0.B0_.D0.B7.D0.B0_.D0.B3.D0.BE.D0.B4_.D0.B2.D1.8B.D1.80.D0.BE.D1.81_.D0.B4.D0.BE_.2442.2C6_.D0.BC.D0.BB.D1.80.D0.B4) – дата обращения: 23.06.2025г.

² Воробьева И.Б. Применение больших данных (big data) при прогнозировании и расследовании преступлений / Вестник СГЮА. – №3 (140). – 2021 – с.195-202

³ Машков С.А. «Большие данные» и криминалистика: возможности и перспективы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – №2 (44) – 2024 – с.78-86

⁴ Ушаков Р.М. Технология big data как вектор развития криминалистической техники: перспективы применения в контексте их правомерности // Уральский журнал правовых исследований. – №2 (9) – 2020 – с.54-70

В целях упрощения и стандартизации работы с такими массивами данных, а также получения более точных результатов целесообразно совершенствовать методы работы с большими данными. Таким образом, данная работа позволит разобраться с тем, что именно стоит относить к «BigData» и какие ограничения имеются при исследовании больших объемов данных, в том числе и с точки зрения права.

К большим данным относят сведения, отвечающие требованиям концепции 5V, которая стала продолжением предложенной в отчете Gartner концепции 3V¹. Данные требования строятся на пяти основных свойствах, приведенных ниже: Volume (Объем), Velocity (Скорость), Variety (Разнообразие), Veracity (Достоверность) и Value (Ценность).

Если первые три свойства относятся именно к сложности обработки и несут именно количественную составляющую, то вторые два, появившиеся позже, относятся к качественным характеристикам, которые напрямую влияют на результаты экспертного исследования.

Если рассматривать определения, данные исследователями, то, по мнению М. Сониной, большими данными стоит называть вид представления большого количества информации в виде текста, таблиц, списков и прочего, анализ которой превышает возможности имеющихся в распоряжении стандартных инструментов².

При этом А. Закусилова выделила Big Data не как совокупность данных, а как набор инструментов для управления большими объемами данных³. Что является только одной из сторон медали, а потому работа Ю.Л. Назаренко более точно установила определение большим данным как совокупность подходов, инструментов и методов обработки разнородных данных огромных объёмов и

¹ Beyer M. Gartner Says Solving “Big Data” Challenge Involves More Than Just Managing Volumes of Data / Gartner Newsroom – 2011 – электронный ресурс. Режим доступа - <https://www.pressebox.com/pressrelease/gartner-deutschland-gmbh/Gartner-Says-Solving-Big-Data-Challenge-Involves-More-Than-Just-Managing-Volumes-of-Data/boxid/432132> - Дата обращения; 26.06.2025г.

² Сониная М. Big data / Словарь маркетолога – 2022 -электронный ресурс. Режим доступа - <https://www.calltouch.ru/blog/glossary/big-data/> – дата обращения: 17.10.2024г.

³ Закусилова А.Ю. Big Data: опасности и перспективы / Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral» – №4-1 – 2019 – с.163-167

значительного многообразия для получения понятных и эффективных результатов¹.

Таким образом можно выделить, что Big Data – это совокупность информации в структурированном и неструктурированном виде, представленной в различных форматах, для работы с которыми требуются нестандартные инструменты.

А, следовательно, и проведение криминалистического исследования требует нового подхода, основным принципом которого является усложнение подготовки к исследованию и уменьшение времени на анализ информации.

Если рассматривать практику работы с данными, то специалисты сталкиваются с такими проблемами, когда при участии в следственных действиях изъятию подлежит образ виртуальной машины с СУБД, а также файлы журналов ее работы. Также может быть изъят набор дампов базы данных на разные периоды времени и копии журналов СУБД и веб-сервера. При этом объем может исчисляться не петабайтами, и все может уместиться на одном жестком диске, но при этом обработка такой информации стандартными методами не представляется возможной.

В таких случаях для обработки информации используется среда программирования Python с ее компонентами, а также модели искусственного интеллекта, как коммерческие, так и с открытым исходным кодом, что особенно актуально в свете утверждённой главой государства Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года².

В то же время с точки зрения законодательства имеется ряд ограничений. Ведь BigData включают в себя не только информацию о способах совершения преступления, но и конфиденциальные данные, защищаемые законом, к которым относится информация о физических лицах³, а также информация, защищаемая как тайна

¹ Назаренко Ю.Л. Обзор технологии "большие данные" (Big Data) и программно-аппаратных средств, применяемых для их анализа и обработки // European science. – №9 (31) – 2017 – с.25-30

² Постановление Президента Республики Узбекистан от 14.10.2024г. №ПП-358 «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года» / Национальная база данных законодательства РУз. – электронный ресурс. Режим доступа – <https://lex.uz/ru/docs/7158606> – дата обращения: 23.06.2025г.

³ Закон Республики Узбекистан №ЗРУ-547 “О персональных данных” от 02.07.2019 года / Национальная база данных законодательства РУз. – электронный ресурс. Режим доступа – <https://lex.uz/ru/docs/4396428> – дата обращения: 23.06.2025г.

государственная¹, коммерческая², банковская³ и иная. Таким образом, на действия специалиста и эксперта накладываются обязательства о неразглашении ставших ему известными сведений.

Каким образом при анализе больших объемов данных не допустить нарушения законодательства? Эксперта в этом плане защищает закон «О судебной экспертизе»⁴, где расписаны обязанности судебного эксперта, а также процессуальное право, где подробно расписаны обязанности эксперта. Обязанности же специалиста ограничены только процессуальным правом, и потому их разъяснение ложится на плечи следователя.

Поэтому при работе с большими данными стоит учитывать, что этот пласт информации имеет большой объем и может включать информацию, сохранность которой ложится на плечи криминалиста.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современная криминалистика стоит на пороге серьезных изменений, связанных с необходимостью адаптации к работе с большими данными. Традиционные методы компьютерно-технической экспертизы, основанные на получении полных криминалистических копий носителей информации, становятся неэффективными при работе с распределенными системами хранения данных и облачными технологиями.

Концепция 5V (Volume, Velocity, Variety, Veracity, Value) предоставляет четкие критерии для определения больших данных, что позволяет криминалистам более точно классифицировать объекты исследования и выбирать соответствующие методы анализа. Вместе с тем выявлено, что основными вызовами при работе с BigData в криминалистике являются техническая сложность обработки больших объемов разнородной информации, необходимость использования специализированных инструментов и

¹ Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-1016 “О государственных секретах” от 24.12.2024 года / Национальная база данных законодательства РУз. – электронный ресурс. Режим доступа – <https://lex.uz/docs/7282640> – дата обращения: 23.06.2025г.

² Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-374 “О коммерческой тайне” от 11.09.2014 года / Национальная база данных законодательства РУз. – электронный ресурс. Режим доступа – <https://lex.uz/ru/docs/41882> – дата обращения: 23.06.2025г.

³ Закон Республики Узбекистан № 530-II “О банковской тайне” от 30.08.2003 года / Национальная база данных законодательства РУз. – электронный ресурс. Режим доступа – <https://lex.uz/ru/docs/41882> – дата обращения: 23.06.2025г.

⁴ Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-249 “О судебной экспертизе” от 01.06.2010 года / Национальная база данных законодательства РУз. – электронный ресурс. Режим доступа – <https://lex.uz/ru/docs/1633100> – дата обращения: 23.06.2025г.

технологий, правовые ограничения, связанные с защитой конфиденциальной информации, а также потребность в новых компетенциях специалистов и экспертов.

Для эффективного решения этих проблем необходимо совершенствовать методики по работе с большими данными в криминалистике, обеспечить подготовку специалистов в области анализа BigData, создать правовую базу, регламентирующую работу с конфиденциальной информацией при проведении экспертных исследований, а также внедрить современные технологические решения, включая инструменты машинного обучения и искусственного интеллекта.

Таким образом, только комплексный подход к решению указанных задач позволит криминалистике успешно адаптироваться к вызовам цифровой эпохи и обеспечить эффективное расследование преступлений в условиях постоянно растущих объемов цифровой информации. При этом особое внимание должно уделяться соблюдению правовых требований по защите конфиденциальной информации, что является одним из ключевых аспектов работы с большими данными в криминалистическом исследовании.

AKMAL AZIMOV

Head of Department at the Law
Enforcement Academy of the Republic of
Uzbekistan

DAVURKHON NODIROV

Head of Department at the Law
Enforcement Academy of the Republic of
Uzbekistan

SCIENTIFIC-THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF CRITERIA FOR EVALUATING THE ACTIVITIES OF STAFF IN PROSECUTOR'S OFFICES

Аннотация. Ушбу мақолада прокурорлик органлари ходимлари фаолиятини баҳолаш мезонларини илмий-назарий ва услубий жиҳатдан таҳлил қилиш масаласи ёритилган. Давлат органлари фаолияти

самарадорлигини баҳолаш мезонлари, айниқса, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар тизимидаги прокурорлик органлари учун аҳамиятли ҳисобланади. Муаллифлар KPI (Самарадорликнинг муҳим кўрсаткичлари) тизimini жорий этиш орқали ходимларнинг шахсий ва умумий фаолиятини баҳолашда аниқ ва самарали механизмлар ишлаб чиқиш зарурлигини таъкидлайди. Шунингдек, мақолада хорижий тажриба, соҳа мутахассисларининг фикрлари, статистик маълумотлар ва ижтимоий сўров натижалари орқали масаланинг долзарблиги асослаб берилган.

Калим сўзлар: Прокурорлик фаолияти, KPI, самарадорлик мезонлари, давлат хизмати, ҳуқуқий ислохотлар, ходимларни баҳолаш, натижага йўналтирилган бошқарув, суд-ҳуқуқ тизими.

Abstract. This article presents a scientific-theoretical and methodological analysis of the criteria for evaluating the activities of prosecutorial staff. The effectiveness of state bodies, particularly prosecutorial institutions, is emphasized as a key component in ensuring legality and the protection of citizens' rights. The author advocates for the implementation of a KPI (Key Performance Indicator) system as a modern tool to objectively assess staff performance. The article draws on international experience, expert opinions, statistical data, and survey results to substantiate the need for clear, measurable evaluation mechanisms tailored to prosecutorial work.

Keywords: Prosecutorial activity, KPI, performance evaluation, public service, legal reforms, efficiency criteria, results-based management, judicial system.

Аннотация. В статье проведён научно-теоретический и методологический анализ критериев оценки деятельности сотрудников органов прокуратуры. Эффективность деятельности государственных органов, особенно прокуратуры, рассматривается как ключевой фактор в обеспечении законности и защиты прав граждан. Автор подчёркивает важность внедрения системы KPI (ключевых показателей эффективности) для объективной оценки работы сотрудников. Актуальность темы подтверждается с помощью международного опыта, мнений экспертов, статистических данных и результатов опросов.

Ключевые слова: Деятельность прокуратуры, KPI, критерии эффективности, государственная служба, правовые реформы, оценка сотрудников, управление по результатам, судебно-правовая система.

In Article 2 of the Constitution of the Republic of Uzbekistan: "...the state represents the will of the people and serves their interests. State bodies and officials are responsible to society and citizens"¹, it is stated. The fact that the state expresses the will of the people, serves human interests, and the responsibility of state bodies and officials before society

¹ Uzbekistan Republic Constitution, Article 2 / National Legal Information Database, 01.05.2023, No. 03/23/837/0241

and citizens is constitutionally reinforced clearly demonstrates the primacy of human rights and freedoms in our republic.

In our view, the degree to which the state expresses the people's interests is integrally connected with the effective activity of structures established by the state—i.e., state bodies. Uzbek legal scholars M. Akhmedshaeva and M. Najimov regarding this issue stated: “...the development of every country, the level of population well-being, and the fulfillment of tasks before the state largely depend on the effectiveness of state body activities”¹.

When the state establishes its tasks and functions, it simultaneously defines the functions of each body through normative-legal documents. At the same time, the need arises to systematically introduce criteria for assessing the effectiveness of the activities of each state body. The leadership of each state body must constantly reflect on the effectiveness of its system's activity and pay attention to introducing an evaluation system.

Criteria for evaluating the effectiveness of a state body's activity, on one hand, define the main goals and directions of the body's activity; on the other, they allow its effectiveness to be assessed according to specific indicators. Especially, in the new judicial-legal reform system of Uzbekistan, particular attention has been paid to the issue of assessing the activity of state bodies. In this direction, on February 10, 2021, the President of the Republic of Uzbekistan issued Decree No. PF-6166 “On additional measures aimed at strengthening the personal responsibility of heads of state management bodies and local executive authorities in effectively organizing the implementation of legislative documents”², which was of crucial importance.

This Decree notes that implementing modern management methods, improving forms of control and monitoring, increasing demands, and introducing strict measures to increase the responsibility of state bodies are enabling factors to carry out the multifaceted tasks of state building under complex conditions, deepen economic and social reforms, and ensure sustainable and accelerated development of the republic. Certainly, the effective functioning of each state body is directly related to the task of ensuring governance in society and its consistent operation.

¹ State and legal theory; R. Yusufalieva, M. Akhmedshaeva, M. Najimov; Tashkent: JIDU, 2019, p. 90

² President of the Republic of Uzbekistan Decree No. PF-6166 of 10 February 2021 / National Legal Database, 11.02.2021, No. 06/21/6166/0101

It should be emphasized that each state body is responsible for a specific sector and its related tasks, and the activity of prosecutorial institutions stands out by being directly relevant to the activities of all state bodies. In our view, as an organ supervising the precise and uniform execution of laws throughout the republic, the assessment of procuratorial staff activities can be compared with the assessment of law enforcement and the effectiveness of normative-legal acts across the territory of the republic.

We believe that the necessity of assessing the activity of each responsible official in the prosecutorial bodies is integrally linked to its importance; namely: first, because the efficiency indicators of each employee ultimately constitute the overall effectiveness indicators of the prosecutorial institutions; secondly, monitoring of efficiency indicators makes it possible to timely influence negative indicators; thirdly, assessing each employee's activity not only imposes additional responsibility on the employee but also, within a certain framework, leads to strengthening trust and linkage between the state, society, and the citizen.

In Article 45 of the Law of the Republic of Uzbekistan "On the Prosecutor's Office," it is stated: "...the main criteria for evaluating prosecutors' activity are the state of legality and the protection of citizens' rights and freedoms, ensuring the protection of society's and the state's lawful interests"¹. This provision, while being a priority principle for assessing the activity of each staff member in the prosecutorial institutions, also means that evaluating prosecutorial institutions' activity is a separate, broad, and comprehensive process. Indeed, according to official data on lex.uz, considering that more than 37,000 normative-legal documents² are currently in effect in our republic, one may reasonably conclude that evaluating compliance for legality is a broad and inherently complex process.

It should be noted that the issue of efficiency and criteria for its assessment in the activities of state bodies—particularly prosecutorial institutions—has not been separately researched as a scientific topic. In jurisprudence, only certain aspects of efficiency have been studied by some domain scholars. Therefore, in our view, it is of critical importance

¹ Law of the Republic of Uzbekistan "On the Prosecutor's Office", Article 45 / National Legal Database, 21.04.2021, No. 03/21/683/0375; subsequently updated 19.11.2021, No. 03/21/729/1064

² Lex.uz national legislation database—over 37,000 active legal documents

to deeply research both theoretically and practically the specific methods and approaches for assessing efficiency, its criteria, and mechanisms. Since the normative-legal document framework is expansive, evaluation of legality enforcement in each branch inevitably possesses unique aspects. As our nation's leader has emphasized, "...results-orientation is becoming the primary requirement for all of us. Creation of a new system to monitor the performance of ministries and agencies' regional structures is essential"¹.

In analyzing the scientific and theoretical foundations of the effectiveness of state bodies' activities and their staff, we believe attention should be paid to broader approaches—that is, to legal scholars' thoughts about law, norms, the effectiveness of law implementation and enforcement.

Legal scholar M. Akhmedshaeva notes that the notion of efficiency in jurisprudence can be applied in various directions such as efficiency of legal regulation, efficiency of legislation, efficiency of legal norms, efficiency of criminal punishment². A number of legal scholars define efficiency in jurisprudence as the relationship between the purpose of adopting a legal norm and its result in regulating social relations³. Professor Kh. Odilqoriyev emphasizes that the coherence, stability, and efficiency of a legal system are directly related to the degree of compliance⁴. Combining these definitions, the concept of efficiency can reasonably be defined as the scope of intended purpose, the effect on regulated social relations, the activity of the responsible structure to bring it into effect, and its outcome. In this matter, scholars N. Matuzov and A. Malko also noted that the efficiency of laws and other normative-legal acts, improvement of legal regulatory mechanisms, and ensuring legality in society are directly related⁵.

It is known that the main indicator reflecting efficiency is result. In this regard, it is appropriate to cite scholar D. Tojiboeva's views. According to her, regardless of perspective, efficiency is reflected in the ratio of "result" and "expense." To increase efficiency means understanding that the expense must decrease relative to the degree of

¹ President Shavkat Mirziyoyev Address to Oliy Majlis, 25.01.2020 · president.uz

² M. Akhmedshaeva, *State and Law Development Trends in the Modern Era*; T.: TDYU Publishing, 2016, pp. 202–204

³ *State and Law Theory*; editorial professor H. Boboev; T.: TDYU, 2021, p. 212; Matuzov & Malko *Theory of State and Law*, 2004, p. 161

⁴ H.T. Odilqoriyev *State and Law Theory*, Tashkent: Adolat, 2018, p. 185

⁵ Matuzov N.I., Malko A.V. *Theory of State and Law*, 2004, p. 161

achievement of the intended result¹. From the author's standpoint, a state body created to perform certain functions and tasks must justify itself in terms of "expense" and "result." That is, expenses made to organize the activity of a state body must yield positive effects. This is achieved through evaluation.

Thus, the efficiency of each state body's activity simultaneously indicates the tasks and functions assigned to it and the outcomes of normative-legal act enforcement. Hence, it should be noted that in prosecutorial bodies—responsible for overseeing uniform and precise execution of laws—the achievement of efficiency also means ensuring the supremacy of law in society.

Introducing modern approaches to evaluating prosecutorial staff activities is a pressing task today. The head of state stated during a meeting with prosecutorial staff: "...people may endure everything but cannot endure injustice. The role of prosecutorial bodies in ensuring justice in society must be significant. The work of prosecutorial bodies requires great responsibility, devotion, and honesty. Behind every decision lies a human fate. Therefore, measuring seven times and cutting once must be the primary criterion"². As our President noted, in prosecutorial activity, justice and human fate are the primary criteria. In this direction, positive changes currently observed in the activities of prosecutorial bodies themselves are becoming important indicators for evaluating work effectiveness.

It is known that today introducing a KPI (Key Performance Indicator) system to evaluate prosecutorial staff activity is an important task. In some sources, the KPI system is translated into Uzbek as "Samapadorlikning Muhim Ko'rsatkichlari" – SMK^[13]. The evaluation system was created in the USA. Developed by Harvard Business School professors in the 1980s–90s management-by-objectives method—"a methodology that allows one to foresee the outcomes of their work performance in advance and determine ways to achieve them"—it formed the basis for creating the Balanced Scorecard intended to define goal-oriented indicators for fulfilling one's mission and strategic tasks and to publicly disclose information on their fulfillment. The KPI system is considered a modern manifestation of this system and has been used

¹ D. Tojiboeva "Efficiency: classical and neoclassical theoretical approach," International Finance and Accounting Electronic Journal, No 5, Oct 2017, p. 10

² Gazeta.uz, 09.01.2017, speech by President Mirziyoyev

effectively in developed countries for nearly 40 years and in Russia and CIS countries for over 15 years¹.

KPI is a system in the management process that allows setting organizational and employee objectives, classifying the degree of achievement of the set goals, analyzing both organizational and individual potential, and enhancing and controlling efficiency². In other sources, KPI is described as an organizational evaluation methodology aimed at forming indicators that help achieve goals³.

According to O. Meliev, the difference between KPI and other systems is that each employee's performance indicators are linked to the organization's overall efficiency. By applying KPI in public administration, one can reduce contradictory and redundant activity areas, ensure every civil servant contributes to overall efficiency, and motivates them individually aligned with the organization's mission, enabling fair incentive for labor⁴. We share the author's view that introducing and improving the KPI—or important performance indicator—system is meaningful for the following reasons: first, the system demands activity and productivity from all responsible employees; second, each employee realizes how their indicators affect the evaluation of the entire organization and approaches their duties with responsibility; third, the system allows timely intervention for employees with unsatisfactory performance; fourth, the system creates opportunities to reward employees who achieve high performance indicators. Based on these foundations, we support the view of the author.

In developed foreign countries, the KPI-based evaluation system has been widely used. For example, in the USA, leadership of ministries and agencies independently set individual work plans for employees. The performance of the civil servant is monitored at the end of the year based on the individual plan. The importance of each task execution is calculated. The U.S. Department of the Interior uses five evaluation levels in assessing performance: “unsatisfactory level,” “minimally satisfactory level,” “fully meets requirements,” “high level results,” and “excellent level results”⁵. These levels are unique criteria for evaluating employees' activities, execution of assigned tasks, and their productivity.

¹ KPI system in Uzbek: Samapadorlikning Muhim Ko'rsatkichlari; kpi.davaktiv.uz

² Office of Human Resources Management / commerce.gov

³ Gov.uz news article 30.08.2020

⁴ O. Meliev, 14 August 2020, jizzax.uz

⁵ U.S. OPM policy on Senior Executive Service

In France, for several years, the evaluation system of civil servants' efficiency (indicateurs clés de performance) has been used. In 2020, the Ministry of Transformation and Civil Service was established in France. Its main task is to ensure local implementation of the priority directions of state policy, make state service accessible for the people, and accelerate the introduction of digital technologies into civil service. In France, civil servants' efficiency is evaluated annually by an inter-ministerial audit committee under the ministry. The committee's conclusions influence predictions for the next year. The methodology is based on each ministry's development strategy, and indicators are separately defined. Incentives are mainly implemented through promotion¹.

Foreign experience shows that the most important performance indicators (KPI) are applied not only in commercial enterprises but also in state institutions. The Cabinet of the United Kingdom, which set a goal of developing e-government services, serves as an example. After introducing the KPI system into its activity, by 2013, 100 % of services in the United Kingdom were provided electronically.

It should be emphasized that KPIs are indicators that quantitatively measure achieved results and evaluate responsible employees. That is why we note that introducing and improving such a system is an essential task.

Researcher I. Yuldashev, based on the opinions of scholars and experts in this field, noted that when identifying priority directions for assessing efficiency, attention must be paid to the following aspects:

- that the content of performance evaluation is related to virtue, ability, diligence, honesty, and achievements;

- that second and third level performance indicators exist;

- that virtue, diligence, and honesty can be considered a general standard—a general index;

- that personal standards must also be taken into account in evaluating ability and various positions;

- that when giving overall and primary evaluations, all aspects should be taken into account;

- that evaluating state service staff performance should be based on “goal evaluation” and “360-degree evaluation” technologies².

¹ UZA news, 2020, posts about civil service transformation and evaluation

² I. Yuldashev “Employee performance evaluation system – the basis of modern civil service,” 01.06.2023, uza.uz

During our research, a questionnaire was conducted to study the relevance of the topic and respondents' opinions. To the question: "Do you believe that the introduction of performance evaluation criteria (KPI) system will contribute to the development of evaluation of prosecutorial activity?" 2,436 respondents, or 37.08 %, answered "yes, certainly." 1,261 respondents, or 19.19 %, answered "not really"; 1,883 respondents, or 28.66 %, considered this system not suitable for the prosecutorial sphere. 990 respondents (15.07 %) indicated that they do not understand the KPI system or cannot properly evaluate it.

The above figures give rise to the following reasoned considerations: namely, part of the employees serving in prosecutorial institutions (37.08 %) are aware of the KPI system, positively assess it, and consider this system an important factor in enhancing prosecutorial efficiency. From the respondents who answered "not really," "not suitable," or "do not understand—cannot evaluate" (totaling 62.92 %), one may conclude that the KPI system is still not well known among prosecutorial institution employees, and a large portion of sector staff are not aware of its possibilities.

The noted figures indicate the need to train prosecutorial staff and prepare personnel in this area regarding the KPI system, which is a key criterion for performance evaluation. At this point, we agree with Professor G. R. Malikova's opinion that training and retraining personnel for public service is one of today's urgent tasks¹.

Looking at statistical data: from 2017 to 2022, nearly 15,000 law-enforcement institution employees improved their qualifications at the Academy of the General Prosecutor's Office. This is certainly a positive figure, but these numbers only represent a part of overall staff².

In assessing prosecutorial staff activity by KPI, for the question on which factors are important, respondents answered: 1,827 (27.81 %) said workload; 1,909 (29.06 %) said productivity and results; 1,279 (19.47 %) said execution discipline; 636 (9.68 %) said initiative; 919 (13.99 %) said working hours and taking on extra tasks as the main criterion.

On the one hand, one notable issue was raised by 919 respondents emphasizing that prosecutors' involvement in extra tasks beyond their primary duties negatively affects their performance indicators.

¹ Malikova G.R., "Problems and Ways to Increase Prestige and Effectiveness of Professional Civil Service in Uzbekistan," *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2018, No 5, p. 1

² N. Yuldashev, "New Uzbekistan Prosecutor's Office: initial results of reforms," *General Prosecutor's Office Academy Bulletin* No 1(49) 2022, p. 6

On the other hand, respondents indicated that the activity of prosecutors should not be evaluated based on the number of documents prepared (1,940; 29.53 %), the number of appeals considered (1,206; 18.36 %), the number of events conducted (1,518; 23.11 %), the number of cases reviewed (1,053; 16.03 %), or execution discipline alone (853; 12.98 %). These data show that there is no unanimity among prosecutorial staff regarding assessment criteria, and various perspectives exist.

We believe that the introduction and implementation of clear performance evaluation criteria and mechanisms (KPI) in prosecutorial institutions will create a foundation for improving important efficiency indicators. As noted in our questionnaire, it is appropriate that efficiency indicators should cover various categories. Moreover, depending on the directions of prosecutorial activity and the approaches to staff performance evaluation, we can reasonably conclude that the evaluation of prosecutorial institutions' effectiveness—and the evaluation of each employee's indicators—must be carried out along several lines:

First, the main criterion for evaluating prosecutor activity should be their effectiveness in ensuring the legality status nationwide, protecting citizens' rights and freedoms, and protecting society's and state's lawful interests; these must be reflected by numbers where possible. For example, between 2016–2021, the effectiveness of prosecutors' participation in criminal courts increased, with courts acquitting nearly 400 persons on the basis of prosecutors' protests. The introduction of the institute of inquiry alone allowed rapid and simplified completion of 49,000 criminal cases. Highly negative practice of proceeding with investigation solely from the standpoint of accusation without considering exculpatory aspects was eliminated. As a result, over the past five years, more than 30,000 criminal cases were terminated at the investigation stage without going to court¹.

At this point, it is appropriate to apply the U.S. experience regarding prosecutorial evaluation, meaning that each prosecutor's effectiveness should be rated using levels such as “unsatisfactory level,” “minimal satisfactory level,” “fully meets all requirements,” “high level performance,” and “excellent level performance”—this approach yields positive results.

¹ N. Yuldashev, “New Uzbekistan Prosecutor's Office: initial results of reforms,” General Prosecutor's Office Academy Bulletin No 1(49) 2022, p. 6

Second, rapid reforms in society demand that each prosecutorial staff member timely assimilate, study, and apply normative-legal documents. For instance, scholar A. B. Komilov noted that while prosecutorial bodies previously operated as special activity in the legal protection system, now via prosecutorial oversight of legislative implementation, they perform legal protection through control over law enforcement—and this activity must be effective, targeted, align with strengthening legality and law enforcement in the country, ensure stable operation of the economic system, and create a favorable business environment¹.

Third, each staff member is required to possess diligence, ability, industriousness, and honesty in effectively fulfilling assigned duties. These virtues—serving as performance-ensuring factors—must be included in evaluation criteria.

Fourth, compatibility between the staff member and assigned workload is an important category in the evaluation criteria. That is, the tasks assigned to each person must match their physical capacity in terms of time; otherwise—action and result may not yield positive outcomes.

Fifth, each completed task must be evaluated and assessed based on quality indicators. The level of quality of performed work is a criterion reflecting the employee's attitude to work and ability.

Sixth, performance indicators of each employee should be separated into primary, secondary, tertiary levels—this enables timely resolution of problematic situations and creates a positive competitive environment among staff.

Seventh, ensuring that the material and technical facilities and conditions created are adequate for the staff to effectively fulfill assigned tasks is one of the main tools ensuring work productivity. Availability of modern information and communication technologies plays an important role here.

Eighth, considering that prosecutorial bodies are responsible for supervising the precise and uniform implementation of laws across the republic and that the range of normative-legal documents is broad and belongs to various sectors, segmenting and specializing staff by direction is one of the main criteria defining overall efficiency. For example, scholar Sh. I. Shayzakov emphasized the urgency of developing evaluation criteria for prosecutorial activity in administrative court proceedings as one of the republic's main directions, reinforcing

¹ A.B. Komilov PhD dissertation abstract, Tashkent 2020, p. 5

prosecutors' roles, task formulations, and legal foundations in that domain¹.

Ninth, timely material incentives for employees demonstrating high levels of performance should be considered—this is one of the motivating factors for effectiveness.

Tenth, prosecutorial staff must possess specific virtues and abilities depending on the unique nature of their assigned tasks. Accordingly, recruitment, placement, evaluation, and monitoring levels must be assessed. Naturally, every staff member must meet high qualification requirements. In line with this, continuous improvement of qualifications for prosecutorial staff, as well as assessment of their efficiency and indicators, is of significant importance.

MUZAFFAR DOSTQORIEV
Head of the Legal Department of the
Law Enforcement Academy of
Uzbekistan

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF A WITNESS AS A PERSON CONTRIBUTING TO THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN CIVIL PROCEDURE

***Annotation:** This article contains opinions and arguments on the legal status of the witness as a person, contributing to the administration of justice, rights and duties of him, as well as the importance of the testimony as a type of evidence in consideration of civil cases.*

***Keywords:** witness, persons contributing to the administration of justice, legal interest, legal status, rights and obligations, witness's testimonies, information, evidence.*

The judicial and legal reforms being implemented in the country are aimed at further improving the judicial system, ensuring the timeliness of civil case consideration, and enhancing their quality, which contributes to creating favorable conditions for individuals who approach the court to restore their violated rights.

The practical implementation of these reforms resulted in the adoption of the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan in its new edition, which came into force on April 1, 2018. This legislative act

¹ Sh.I. Shayzakov PhD dissertation abstract, Tashkent 2021, p. 5

contains a number of provisions aimed at increasing the effectiveness of legal procedure and strengthening the legal status of certain participants in the process.

This article presents opinions regarding the competence of a witness and their role as a person assisting in the administration of justice, as well as the significance of witness testimony as a type of evidence.

According to the current Civil Procedure Code, all provisions concerning the legal status, position, and rights and duties of a witness are set forth directly in Chapter 6, entitled “Participants in Civil Proceedings”, which is logically consistent. Thus, the subjects of civil procedural relations in the Code are generally grouped in one chapter.

According to Article 56 of the Code, a witness can be any person who is aware of any circumstances related to the case¹. However, the law does not provide a clear definition of the term “witness” (in a definitional norm), but instead provides a rule that can be considered a so-called “permissive” norm.

It should also be noted that, on the one hand, the legislator, using the phrase “any person”, does not limit the circle of persons who can participate in the process as witnesses. On the other hand, certain restrictions are outlined in the article. For example, the following individuals cannot be called and questioned as witnesses:

- Representatives in civil, economic, or administrative cases, or defenders in criminal cases, lawyers in administrative offense cases, mediators – regarding circumstances that became known to them in connection with the performance of their duties as a representative, defender, lawyer, or mediator;
- Persons who due to physical deficiencies or mental disorders, are unable to correctly perceive facts or give accurate testimony.

According to some scholars, for a person to participate in a civil procedure as a witness, they must meet the following requirements: they must be capable of perceiving and remembering the circumstances that occurred and later presenting this information. In order to correctly perceive a particular fact, remember it, and provide accurate information to the court, the witness’s sensory organs must be normal. However, the presence of deficiencies in these organs, which impair the perception of circumstances, does not prevent a person from providing information

¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан. Официальное издание – Министерство юстиции Республики Узбекистан. –Т.: «Адолат», 2018 г. С. 242. (Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. [www.http/lex.uz/docs/5535095](http://lex.uz/docs/5535095))

obtained through other sensory organs. For example, a person who lacks vision may testify about circumstances they learned through their hearing¹.

Regarding restrictions related to physical or mental deficiencies of a person participating as a witness in civil procedure, there is controversy about their practical significance. A person with physical deficiencies or mental disorders may still be able to correctly perceive facts and articulate them. In this case, excluding such individuals from participating as witnesses due to the aforementioned deficiencies, in our opinion, cannot be legal or justified. On the other hand, the law does not provide a clear mechanism for removing individuals from participation in the process as witnesses on these grounds. The court can only question the credibility of witness testimony if the physical and mental deficiencies of the individual are clearly and visibly apparent.

The issue of the competency of an individual to provide testimony, in terms of the direct connection between the person and the circumstance of which they became a witness, is, in our view, also contentious. A person who knows certain circumstances related to the case may not always be a direct eyewitness to those circumstances. Some scholars believe that a witness can be not only someone who was present at an event but also someone who knows about it from others. However, information provided by a witness is not considered evidence if they cannot identify the source of their knowledge².

As a general rule, witness testimony should primarily include circumstances that the witness personally perceived, which they themselves saw and heard. However, in practice, courts accept reports about facts that the witness learned from other sources, such as from another person.

In legal literature, there is a division of witness testimony based on various criteria. For example, M.A.Fokina believes that witness testimony, depending on its content, can be divided into three groups: information-data; information containing opinions; and testimony of expert witnesses. According to the author, information-data is usually

¹ М.М.Мамасиддигов. Гражданский процесс. – Ташкент, 2014. Стр. 140. (M.M.Mamasiddikov. Civil Procedure. – Tashkent, 2014. p. 140.)

² Гражданское процессуальное право России. Под ред. П.В. Алексия и Н.Д.Амаглобели. – М.: Закон и право, 2005. стр. 178. (Civil Procedural Law of Russia. Edited by P.V. Alekseev and N.D. Amaglobeli. – Moscow: Law and Justice, 2005. p. 178.)

provided by witnesses who are not familiar with the established relationships and legal relations of the parties in the dispute, as they are limited to presenting one or several facts that are relevant to the proper resolution of the civil case. Such testimony is typically provided by eyewitnesses who have learned certain circumstances by chance¹.

Nevertheless, witness testimony in civil cases, in our view, should be evaluated by the court primarily as a type of evidence. Special attention should be paid not only to the identity and legal status of the witness, their physical and mental state but also to the significance of the testimony in the case and its justification. Witness testimony should also relate to the factual circumstances of the case.

It should be noted that, according to the majority of scholars, the procedural status and activities of a witness, as a person assisting in the administration of justice in civil procedure, are regulated by an imperative method. Thus, the witness is obliged to appear in court at the designated time and provide truthful testimony².

For giving knowingly false testimony, a witness is held accountable under Article 238 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan³.

However, in the legislation of some former Soviet Union countries, there are exceptions to the above-mentioned rules regarding the obligation of a witness to testify.

For example, according to Article 69 of the Civil Procedure Code of Russia, the following categories of persons have the right to refuse to give witness testimony:

1. A citizen against himself;
2. A spouse against the other spouse, children, including adopted children, against parents, adoptive parents, and parents, adoptive parents, against children, including adopted children;
3. Siblings against each other, grandparents against grandchildren, and grandchildren against grandparents;

¹ Фокина М.А. Свидетельские показания в состязательном гражданском судопроизводстве. – Саратов, 1996. — С. 60. (Fokina M.A. Witness Testimony in Adversarial Civil Procedure. – Saratov, 1996. – p. 60.)

² Гражданский процесс в вопросах и ответах: учебное пособие/ под общ. ред. Л.В. Тумановой. -М.: Проспект, 2015. стр. 100. (Civil Procedure in Questions and Answers: Textbook / under the general editorship of L.V. Tumanova. – Moscow: Prospekt, 2015. p. 100.)

³ Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан. Официальное издание – Министерство юстиции Республики Узбекистан. –Т.: «Адолат», 2018 г. С. 243. (Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. [www.http/lex.uz/docs/5535095](http://lex.uz/docs/5535095))

4. Deputies of legislative bodies – regarding information they learned in connection with the performance of their deputy duties;

5. The Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation, Ombudsmen for Human Rights in the subjects of the Russian Federation – regarding information they learned in connection with the performance of their duties; 5.1) The Ombudsman for Children's Rights under the President of the Russian Federation, Ombudsmen for Children's Rights in the subjects of the Russian Federation – regarding information they learned in connection with the performance of their duties;

6. The Ombudsman for the Protection of Entrepreneurs' Rights under the President of the Russian Federation, Ombudsmen for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the subjects of the Russian Federation – regarding information they learned in connection with the performance of their duties¹.

According to Article 52 of the Civil Procedure Code of Ukraine, an individual has the right to refuse to testify regarding themselves, family members, or close relatives (husband, wife, father, mother, stepfather, stepmother, son, daughter, stepson, stepdaughter, brother, sister, grandfather, grandmother, grandson, granddaughter, adoptive parent or adopted child, guardian or custodian, a person under guardianship or care, family members or close relatives of these persons). The person who refuses to testify is obliged to provide the reasons for their refusal².

Similar provisions are also provided in the legislation of other former Soviet Union countries and around the world.

It should be noted that, according to the norms of the criminal procedural legislation of the Republic of Uzbekistan, a witness is exempt from liability for refusing to testify regarding close relatives. It can be assumed that witness testimony is as significant as testimony presented in criminal and administrative procedure. Therefore, in our opinion, the requirements for witnesses should not differ significantly across different types of proceedings.

It is known that a witness is included in the group of persons who assist in the administration of justice based on one main criterion – the

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) <https://base.garant.ru/12128809>. (the Civil Procedure Code of Russian Federation. <https://base.garant.ru/12128809>)

² Гражданский процессуальный кодекс Украины. <https://meget.kiev.ua/kodeks/gpk/glava-4> (the Civil Procedure Code of Ukraine. <https://meget.kiev.ua/kodeks/gpk/glava-4>)

absence of legal interest in the outcome of the case. However, this issue remains insufficiently studied, as there is no clear criterion for determining the presence of such an interest in a witness. There are opinions that witnesses, in one way or another, may have such an interest.

For example, V.V. Molchanov asserts that there is a connection between the quality of witness testimony and the activities of the parties in the process, which is confirmed by the following:

1. Witnesses are presented by the parties to substantiate their claims and objections;

2. Witnesses are often individuals who have a certain relationship with the parties (relatives, acquaintances), i.e., they are not entirely unrelated to the case;

3. The law does not obligate the parties to provide truthful explanations regarding the facts that they use to substantiate their claims and objections.

Thus, we can conclude that there may be a potential interest of the witness in a civil case.

Based on the points mentioned above, it can be said that the issue of regulating the activities of a witness as a person contributing to the administration of justice remains relevant to this day, as witness testimony continues to be one of the most widely used and accessible types of evidence in the consideration of civil cases.

**ИБРАГИМОВ МУРОДЖОН
ЖУМАНАЗАРОВИЧ**

Ўзбекистон Республикаси Ўқуқни
муҳофаза қилиш академияси кафедраси
ўқитувчиси

СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТНИНГ СОҒЛИҚНИ САҚЛАШ СОҲАСИДА КОМПЛАЕНС-НАЗОРАТ ТИЗИМИНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШНИНГ ЗАРУРИЯТИ

***Аннотация:** мақолада сунъий интеллектнинг соғлиқни сақлаш соҳасида комплаенс-назорат тизимини такомиллаштиришдаги долзарблиги, ўрни ва аҳамияти, шунингдек ушбу йўналишда ривожланган давлатларнинг тажрибаси ҳамда бу борада Ўзбекистондаги бугунги жараёнлар илмий,*

назарий ва амалий жиҳатдан ўрганилиб, тегишли таклиф ва хулосалар берилган.

Калим сўзлар: сунъий интеллект, соғлиқни сақлаш, рақамлаштириш, комплаенс-назорат, коррупция, фармон, қарор, низом.

Аннотация: В статье рассматривается актуальность, роль и значение искусственного интеллекта в совершенствовании системы комплаенс-контроля в сфере здравоохранения, а также опыт развитых стран в этом направлении. Кроме того, с научной, теоретической и практической точек зрения изучены современные процессы в Узбекистане в данной области, предложены соответствующие рекомендации и сделаны выводы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, здравоохранение, цифровизация, комплаенс-контроль, коррупция, указ, постановление, регламент.

Abstract: The article examines the relevance, role, and significance of artificial intelligence in improving the compliance control system in the healthcare sector, as well as the experiences of developed countries in this field. Furthermore, current processes in Uzbekistan are analyzed from scientific, theoretical, and practical perspectives, with relevant recommendations and conclusions provided.

Keywords: artificial intelligence, healthcare, digitalization, compliance control, corruption, decree, resolution, regulation.

Бугунги кунда дунёда сунъий интеллект (СИ) ва рақамлаштириш технологияларининг жадал ривожланиши турли соҳаларда инкилобий ўзгаришларни келтириб чиқармоқда. Санъатдан тортиб тиббиётгача, таълимдан саноатгача бўлган жабҳаларда СИ инсон фаолиятига ёрдамчи восита сифатида, шунингдек жадал ривожланиб бораётган ижтимоий муносабатларни тартибга солишда кенг ва тизимли қўлланилмоқда.

Соғлиқни сақлаш соҳасида қонунчилик ҳужжатлари ва меъёрларга риоя қилиш ҳамда назорат тизимларининг самарадорлиги ошириш – ижтимоий-иқтисодий ривожланиш, инсон соғлиғини муҳофаза қилиш ва коррупцияга қарши курашнинг асосий омили ҳисобланади. Бунинг учун замонавий технологиялар, айниқса, СИ асосидаги автоматик таҳлил ва назорат усуллариини замон талабидан келиб чиққан ҳолда кенг қўллаш зарур.

Жаҳон тажрибаси шуни кўрсатадики, СИ воситаларини соғлиқни сақлаш тизимида қўллаш комплаенс-назорат тизимини такомиллаштиришга, бу орқали эса тиббий хизматлар сифатини оширишга, молиявий камчиликларни бартараф этишга, шунга кўра соҳада коррупцияга қарши самарали курашиш имкониятини беради. Мақолада СИнинг соғлиқни сақлашдаги комплаенс-назорат

механизмларини ривожлантиришдаги ўрни, хорижий давлатлар томонидан СИни қўллаш орқали эришилган ютуқлар ва бу технологияни нотўғри қўллаш натижасида келиб чиқиши мумкин бўлган хавф-хатарлар ва муаммолар таҳлил қилинади. Бундан ташқари, Ўзбекистондаги соғлиқни сақлаш тизимида СИ асосидаги комплаенс-назоратни жорий этишнинг ижобий томонлари ва истиқболлари ҳақида фикр юритилади.

Аввалам бор, Ўзбекистонда янги ва замонавий институтлардан ҳисобланган комплаенс-назорат ва СИ тушунчаларига тўхталиб ўтиш жоиз ҳисобланади.

Комплаенс-назорат – бу ташкилотнинг ички сиёсатлари, соҳавий стандартлари ва норматив-ҳуқуқий ҳужжатларнинг талабларига риоя қилишни баҳолаш жараёнидир¹. Яъни, комплаенс-назорат бу ички комплекс назорат бўлиб, ташкилотнинг барча фаолиятини қонун доирасида текширувчи, коррупциявий ҳолатларни олдини олувчи энг самарали назорат тизими ҳисобланади.

СИ (ёки АИ) - инсон интеллектига тақлид қилишга қодир бўлган машиналар, алгоритмлар яратишга қаратилган, рақамли муҳитда автоматлаштирилган фан ва технология соҳасидир².

Ўзбекистонда коррупцияга қарши курашиш соҳасида илмий изланишлар кам олиб борилган. Хусусан, бугунги кунда комплаенс-назорат тизими илмий жиҳатдан чуқур тадқиқ этилмагани боис уни амалда қўллаш билан боғлиқ муаммолар ҳам юзага келмоқда. Айтиш лозимки, йилдан-йилга коррупцияга қарши курашиш соҳасида кенг қўлланилиб келаётган комплаенс-назорат тизимини илмий ва ташкилий-ҳуқуқий асосларини янада такомиллаштириш мақсадга мувофиқ.

Бир вақтнинг ўзида соғлиқни сақлаш тизимида комплаенс-назоратнинг ўрни ва ушбу йўналишда СИни қўллаш масаласи эса бу илмий, амалий ва ҳуқуқий жиҳатдан ўрганиш олдимизда турган долзарб масаладир.

Олимларнинг фикрига кўра, СИ соғлиқни сақлашда учта асосий қуйидаги вазифани бажаради:

Маълумотларни таҳлил қилиш – беморлар тарихи, диагностика натижалари ва даволаш жараёнларини тез ва аниқ баҳолаш.

¹ <https://www.ibm.com/think/topics/compliance-monitoring>

² https://uz.wikipedia.org/wiki/Sun%CA%BCiy_intellekt

Автоматлаштирилган қарорлар қабул қилиш – шифокорларга беморларнинг клиник қарорларини қабул қилишда ёрдам бериш (IBM Watson Health каби тизимлар).

Коррупциявий ҳолатларни, яъни хавф-хатарларни олдиндан аниқлаш – ноаниқ рецептлар, қонунбузарликлар ёки молиявий жиҳатдан келиб чиқадиган коррупциявий омилларни аниқлаш¹.

Ҳозирги кунда дунё мамлакатлари СИ орқали соғлиқни сақлашда комплаенс-назорат тизимини такомиллаштириб катта натижаларга эришишмоқда. Хорижий давлатлар тажрибаси шуни кўрсатадики, СИдан соғлиқни сақлаш соҳасида фойдаланиш қонунчилик ҳужжатларига риоя қилиш, келиб чиқиши мумкин бўлган муаммоларни баҳолаш, коррупциявий ҳолатларни олдиндан аниқлаш ва соҳадаги самарадорликни оширишдаги аҳамиятини кўрсатади.

Биринчидан, соғлиқни сақлаш тизимида комплаенс-назоратни амалга оширишда қонун-ҳужжатларини СИ орқали автоматлаштириш. Мисол учун:

IBM Watson² ва Google DeepMind³ каби платформалар СИ орқали соғлиқни сақлаш тизимидаги нормаларни миллий ва халқаро тиббий стандартларга (GDPR, HIPAA) мослигини текширади. Масалан, Австралиянинг “Harvey” дастури юридик ҳужжатларни таҳлил қилиб, соғлиқни сақлаш тизимида комплаенс бузилишларни олдиндан аниқлаш имкониятини тақдим этади⁴.

Иккинчидан, соғлиқни сақлаш тизимида СИ орқали комплаенс назоратни такомиллаштириб ноқонуний амалларни ёки коррупциявий ҳолатларни аниқлашни тезлаштиришга олиб келади. Мисол учун, АҚШда “Fraud Detection AI” тизими Medicare ва Medicaid да ўтказилган ноҳақ тўловларни аниқлаб, 1.5 млрд долларни қайтариб олди (2022)⁵.

Учинчидан, реал-вақтдаги назорат ва рискни баҳолашга кўмаклашади. Айтадиган бўлсаак, Нидерландиянинг “Zorgprisma Publiek” тизими СИ ёрдамида тиббий муассасаларнинг

¹ Дэвенпорт, Т. и Калакота, Р. (2019) Потенциал искусственного интеллекта в здравоохранении. Future Healthcare Journal, 6, 94-98. <https://doi.org/10.7861/futurehosp.6-2-94>

² <https://www.ibm.com/industries/healthcare>

³ <https://deepmind.google/discover/blog/codoc-developing-reliable-ai-tools-for-healthcare/>

⁴ <https://www.harvey.ai/>

⁵ <https://www.fiercehealthcare.com/antifraud/predictive-analytics-saves-government-1-5b-improper-payments>

қонунларнинг бузилиши эҳтимолини 30% га камайтирди¹. “Predictive Analytics” ёрдамида соғлиқни сақлаш ходимларнинг соҳавий хатоларни олдиндан кўриш имкониятини тақдим этмоқда (мисол учун: SAS Risk Management)².

Тўртинчидан, соғлиқни сақлаш тизимидаги маълумотлар хавфсизлиги ва шахсий маълумотларни ҳимоя қилишда эришилган ютуқлар бор. Европанинг “Differential Privacy” усули (GDPR): СИ маълумотларни анонимлаштириб, шифрлайди. Бу орқали эса беморлар ва соғлиқни сақлаш соҳасидаги ходимларнинг хавфсизлиги ва анонимлиги таъминлади³. АҚШда “Apixio” EHR (электрон сақлаш тизими) даги маълумотларни ҳимоя қилишда ишлатилади⁴.

Бешинчидан, соғлиқни сақлаш тизимида автоматлаштирилган ҳисоботлар ва аудит текширувларини амалга ошириш. Мисол учун, Blockchain+СИ (мисол, Эстониянинг KSI Blockchain тизими) тиббий жараёнларнинг тўғрилигини таъминлайди⁵.

“Robotic Process Automation” (RPA) аудит жараёнларини 80% тезлаштиради (Deloitte мисоли). Deloitte 2017-2020 йиллардаги ҳисоботларда RPA ёрдамида аудит жараёнларини 80% га тезлаштиргани ва аудитда 50-75% вақтни қисқартиргани ҳақида баён қилган⁶.

Олим Эрис Тополнинг фикрига кўра “Соғлиқни сақлаш соҳасида СИ орқали комплаенс-назоратни амалга ошириш, шунингдек сунъий интеллектни ушбу соҳада самарали қўллаш ботқоқликка ботган соғлиқни сақлаш тизимини инсонийлигини ва ушбу тизимга яна бир бор инсонларнинг ишончини қайтаради”⁷.

Мамлакатимизда ҳам сўнгги йилларда СИ ни турли соҳаларда қўллаш амалиёти шаклланишни бошлади. Профессор, С.Гулямов ва И.Бозоровларнинг фикрига кўра “СИ соғлиқни сақлаш соҳасида энг

¹<https://www.aim-mutual.org/mediaroom/dutch-health-insurers-more-fraud-visibility-through-cooperation/>

² https://www.sas.com/en_us/solutions/risk-management.html

³ <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>

⁴ <https://www.apixio.com/press/apixio-launches-ehr-integrated-post-visit-solution/>

⁵ <https://e-estonia.com/solutions/cyber-security/ksi-blockchain/>

⁶ <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/us/Documents/process-and-operations/us-cons-global-rpa-survey.pdf>

⁷ Тополь, Э. Дж. (2019) Глубокая медицина: как искусственный интеллект может снова сделать здравоохранение человечным. Базовые книги. // <https://www.aspenideas.org/sessions/deep-medicine-how-artificial-intelligence-can-make-health-care-human-again>

илғор технологиялардан бири ҳисобланади, чунки у операциялар ва беморларни парваришлаш хизматларининг самарадорлиги ҳамда натижадорлигини максимал даражада таъминлашга кўмаклашади. Сунъий интеллект беморларнинг соғлиғи ва фаровонлигини оширишни таъминлайди. У соғлиқни сақлаш мутахассисларига беморларнинг эҳтиёжлари ва жамиятдаги ўзгарувчан тенденцияларни яхшироқ тушуниб, сифатлироқ тиббий ёрдам кўрсатишда ёрдам беради”¹.

Ўзбекистонда ҳам соғлиқни сақлаш соҳасида комлаенс назоратни амалга ошириш бўйича кўплаб норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар қабул қилинди. Бундан ташқари ушбу соҳада СИ ни қўллаш бўйича бир қатор ҳужжатлар қабул қилинди ва кўплаб лойиҳалар амалиётга тадбиқ этиш жараёнидадир.

Рақамли иқтисодиёт ва СИ соҳасига оид бир қатор муҳим норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар қабул қилинган.

Хусусан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2018 йил 19 февралдаги “Ахборот технологиялари ва коммуникациялари соҳасини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5349-сон, 2020 йил 5 октябрдаги “Рақамли Ўзбекистон – 2030” стратегиясини тасдиқлаш ва уни самарали амалга ошириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-6079-сон, 2020 йил 2 мартдаги “2017–2021 йилларда Ўзбекистон Республикасини ривожлантиришнинг бешта устувор йўналиши бўйича Ҳаракатлар стратегиясини “Илм, маърифат ва рақамли иқтисодиётни ривожлантириш йили”да амалга оширишга оид давлат дастури тўғрисида” ПФ-5953-сон, 2022 йил 28 январдаги “2022–2026 йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг тараққиёт стратегияси тўғрисида”ги ПФ-60-сон фармонлари ва Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2020 йил 28 апрелдаги “Рақамли иқтисодиёт ва электрон ҳукуматни кенг жорий этиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ-4699-сон қарори, 2021 йил 17 февралдаги “Сунъий интеллект технологияларини жадал жорий этиш учун шарт-шароитлар яратиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ-4996-сон қарори, 2023 йил 11 сентябрдаги “Ўзбекистон-2030” стратегияси тўғрисида”ги ПФ-158-сон фармони, 2024 йил 14 октябрдаги “Сунъий интеллект технологияларини 2030 йилга қадар ривожлантириш стратегиясини тасдиқлаш тўғрисида”ги

¹ Гулямов С.С., Бозаров С.С. Вопросы ответственности искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // Юрист ахборотномаси – Вестник юриста – Lawyer herald. No 2 (2022) С. 36-42. // 2 (2022) DOI <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9416-2022-2-5>

ПҚ-358-сон қарори ва бошқа қатор ҳужжатларни алоҳида таъкидлаш жоиз.

2020 йилда 14 та ва 2021 йилнинг биринчи чорагида яна 14 та туманда одамлар энг кўп мурожаат қиладиган соғлиқни сақлаш, кадастр, ижтимоий ҳимоя, қишлоқ хўжалиги, таълим йўналишларини рақамлаштириш бўйича 239 та лойиҳа амалга оширилди. Масалан, “Электрон поликлиника” тизимини жорий қилиш орқали қоғоз ҳужжатлар 40 фоизга, навбат кутиш 60 фоизга қисқарди. Янада натижага эриши учун марказий шифохона ва поликлиникаларни тўлиқ рақамлаштириш лозим¹.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 17 февралдаги “Сунъий интеллект технологияларини жадал жорий этиш учун шарт-шароитлар яратиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ-4996-сон қарорига асосан соғлиқни сақлаш соҳасида Дастурий маҳсулотлар ва ахборот технологиялари технологик парки резидентларини жалб қилган ҳолда СИ технологияларини жорий этиш бўйича 2021-2022 йилларда амалга ошириладиган тажриба-синов лойиҳалар рўйхати тасдиқланиб, икки муҳим қадам қўйилди.

Булар жумласига: соғлиқни сақлаш соҳасида: инсон ўпкасининг компьютер томографияси таҳлили асосида пневмонияни аниқлаш ҳамда маммография таҳлили асосида кўкрак беzi саратонига илк босқичда ташхис қўйиш учун сунъий интеллект технологияларини қўллаш;

фармацевтика соҳасида: бозорнинг дори воситалари ва тиббий буюмларига бўлган эҳтиёжларини таҳлил қилиш ва прогнозлаштиришда сунъий интеллект технологияларини қўллаш².

Ҳозирги кундаги энг муҳим давлатимиздаги қадамлардан бири қуйидаги ҳужжатда ўз аксини топди, яъни 2024 йил 14 октябрдаги “Сунъий интеллект технологияларини 2030 йилга қадар ривожлантириш стратегиясини тасдиқлаш тўғрисида”ги ПҚ-358-сон қарорига биноан, қуйидаги вазифа СИ технологияларини жорий этиш бўйича устувор йўналиш этиб белгиланди. Яъни, соғлиқни сақлаш соҳасида-касалликларни ташхислаш, даволаш усуллариини белгилаш, тиббий тасвирларни таҳлил қилиш ва беморга оид маълумотларни бошқариш³.

¹ <https://uzsuv.uz/media/page/2023/06/korruptsiyaga-arshi-kurashish-darslik-2022.pdf>

² <https://lex.uz/docs/5297046>

³ <https://www.lex.uz/docs/7158604>

Шунингдек, “Сунъий интеллект технологияларини 2030 йилга қадар ривожлантириш” стратегиясига кўра соғлиқни сақлаш ва фармацевтика соҳаларида қўйидагиларни амалга ошириш белгиланди:

касалликларни прогнозлаштириш, диагностика қилиш ва даволаш услубларини белгилашга қаратилган лойиҳаларни амалга ошириш;

дори воситаларини ишлаб чиқариш ва етказиб бериш жараёнини оптималлаштириш;

инсон ўпкасининг компьютер томографияси таҳлили асосида пневмонияни аниқлаш;

маммография таҳлили асосида кўкрак беги саратонига илк босқичда ташхис қўйиш учун сунъий интеллект технологияларини қўллаш;

дори-дармонларга бўлган эҳтиёж, уларни минимал ва максимал ишлаб чиқариш сони ва бошқа молиявий ахборотларни таҳлил қилиш;

компьютер томографияси, уч ўлчамли тасвирларни таҳлил қилиш орқали касалликларни эрта аниқлаш тизимини йўлга қўйиш;

сегментация усули ёрдамида беморлар касалликларини аниқлаш;

жарроҳлик аралашувларини автоматлаштириш ва аниқлигини ошириш¹.

Бу эса ўз навбатида соғлиқни сақлаш тизимида комплаенс-назоратни СИ орқали амалга оширишни ҳуқуқий асосларини яратиб берди.

Бундан ташқари, ҳозирги кунда “Аҳоли саломатлиги-2030” стратегияси лойиҳасининг 2024-2026 йилларга мўлжалланган амалий тадбирлар режасига кўра, Ўзбекистондаги 565 та даволаш-профилактика муассасасида СИ технологияларини жорий этиш режалаштирилмоқда.

Шу мақсадда:

1. Ягона электрон тиббиёт тармоғини ташкил этиш;
2. Тиббиёт муассасаларини ахборот-техника воситалари билан таъминлаш орқали моддий-техник базасини мустаҳкамлаш. Тиббиёт ходимларининг рақамли технологиялар билан таъминланганлик даражасини 100 фоизга етказиш;

¹ <https://www.lex.uz/docs/7158604>

3. Сунъий интеллект технологияларини 565 та даволаш-профилактика муассасаларида жорий этиш;

4. 475 минг нафар ходимларни рақамли технологиялар бўйича малакасини ошириш;

5. “KfW” банкининг “Рақамли соғлиқни сақлаш ислохотларини қўллаб-қувватлаш” лойиҳаси доирасида рақамли соғлиқни сақлаш ягона платформасини яратиш.

6. Тиббиёт соҳасида кўрсатилаётган хизматларни рақамлаштириш;

7. Тиббиёт соҳасини рақамлаштириш бўйича Ахборот хавфсизлиги сиёсати талабларига қатъий амал қилган ҳолда иш юритилишини таъминлаш¹.

Юқорида белгиланган вазифалар, агарда амалиётда ўз аксини топадиган бўлса, соғлиқни сақлаш соҳасида комплаенс-назоратни амалга ошириш тубдан енгиллашади, коррупциявий ҳолатларни вужудга келиши олдини олинади, аҳолининг ушбу соҳага ишончи ортади ва инсон ҳуқуқлари самарали таъминланишига эришилади.

СИдан фойдаланган ҳолда рақамли платформаларини тузиш ва да ривожланган давлатлар соғлиқни сақлаш ва дори-дармонлар логистикаси йўналишларига урғу беришмоқда. Илғор мамлакатлар рақамли иқтисодиётининг кўплаб дастурларида (АҚШ, Австрия, Австралия, Буюк Британия, Жанубий Корея ва бошқалар) асосий эътибор “рақамли тиббиёт” ҳамда “ақлли шаҳар” ижтимоий йўналишларига қаратилмоқда. “Рақамли тиббиёт” ва “ақлли шаҳар” ижтимоий лойиҳаларини амалга ошириш кўпроқ мураккаблик ҳамда хилма-хилликни талаб қилади ва бундай лойиҳалар кенг халқ оммаси томонидан эътироф этилади². Аммо, шуни ҳам назарда тутиш лозимки СИ нинг ҳуқуқий мақоми масаласи, унинг жавобгарлиги ва у томонидан содир этилиши мумкин бўлган хатолар келгусида кўплаб муаамоларни ҳам келтириб чиқаради.

Фикримизча, давлатимиз томонидан қуйидаги амалий ишларни амалга оширилиши зарур, хусусан, миллий тиббий стандартларга мос СИ моделларини яратиш, СИ асосидаги комплаенс назорат курсларини ташкил этиш (мисол: Сингапурнинг AI for Healthcare дастури), халқаро ширкатлар (Google, IBM) билан лойиҳалар ишлаб

¹ <https://regulation.gov.uz/uz/d/91224>

² Коррупцияга қарши курашиш. Дарслик. // Масъул муҳаррир: А.Ш. Бекмуродов: – Тошкент: “Akademiya”, 2022. – 189-б.

чиқиш ва СИ ни компаенс-назоратда амалга оширишда тажриба сифатида ишга тушириш.

Юқоридагиларни инобатга олиб “Сунъий интеллект ва соғлиқни сақлаш”га оид миллий қонун лойиҳасини ишлаб чиқиш, сунъий интеллектнинг аниқ ҳуқуқий мақомини белгилаш, СИни қўллаш билан боғлиқ субъектлар жавобгарлиги масаласини қонунчиликда ўрнатиш, соғлиқни сақлаш соҳасида СИ ни қўллаш орқали компаенс назоратни амалга ошириш бўйича йўриқнома ва дастур ишлаб чиқиш таклиф этилади.

Хулоса қилиб айтадиган бўлсак, ҳозирги кунда СИ компаенс-назоратни фақат автоматизация қилиб қолмай, балки унинг превентив, объективлик ва тезлик жиҳатларини революциялаштирмоқда. Соғлиқни сақлашда компаенс-назоратнинг аҳамияти ошган сари, СИ бу соҳадаги назоратнинг замонавий воситасидир. Бу технология маълумотларни тез таҳлил қилиш, хатоларни олдиндан аниклаш ва қарорларни оптимизация қилиш имкониятини беради.

Бундан ташқари, энг коррупцияга мойил соҳа ҳисобланган соғлиқни сақлаш тизимини шаффоф ва холис соҳага айлантиради ва бу орқали инсон ҳуқуқларини таъминлаб, инсонларнинг давлатга ва соғлиқни сақлаш соҳасига ишончини оширади. Зеро, давлатимиз раҳбари Ш.Мирзиёев айтганидек “Соғлиқни сақлаш соҳасини ислоҳ қилиш давлат сиёсатининг энг муҳим йўналишларидан биридир”¹. Шунингдек, сунъий интеллект соғлиқни сақлашда компаенс-назоратни янада шаффоф ва самарали қилади. Бироқ, унинг муваффақияти илмий, техник ва ҳуқуқий жиҳатларнинг ҳар томонлама ўзаро ўрганилганлиги, ўрнатилганлиги ва таъсирига боғлиқ.

¹ <https://president.uz/uz/lists/view/176>

JASURBEK SATTAROV

Senior Prosecutor at the department of
Master's Studies of the Law Enforcement
Academy of the Republic of Uzbekistan

CRIMINAL LIABILITY FOR PERJURY: HISTORICAL AND COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Abstract: *Perjury – the act of giving false testimony under oath – is universally condemned as a serious offense against justice. This article provides a comprehensive analysis of criminal liability for perjury, drawing on historical evolutions and comparative perspectives from Uzbekistan, the United States, Germany, the United Kingdom, France, and Russia. It explores how ancient legal systems and major religious doctrines (including Islamic law) have long denounced false testimony as a grave wrong. The article then examines modern Uzbek legislation on perjury, including the specific provisions of Articles 238, 230-1, and 230-2 of the Criminal Code, and compares them with laws and practices in the U.S., Germany, UK, France, and Russia. Judicial practice and procedural challenges in prosecuting perjury are discussed, as are the social and ethical implications of false testimony – from miscarriages of justice to erosion of public trust. The article also offers institutional reform proposals to better prevent and address perjury, such as enhanced witness protection, use of technology in evidence-taking, and legal education. The analysis underscores that while laws differ in scope and severity, all surveyed jurisdictions treat perjury as a serious crime, reflecting a shared understanding of the fundamental role of truthful testimony in upholding the integrity of the justice system.*

Keywords:

Perjury, False Testimony, Comparative Law, Uzbek Criminal Code, Judicial Integrity, False Evidence, Oath, Witness Protection, Islamic Law, Legal Reform

Introduction

Perjury – knowingly giving false testimony under oath on a material matter – is a crime that strikes at the heart of the justice system. Courts and legal proceedings rely on truthful evidence to reach just outcomes; when a witness lies under oath, it “can be used to usurp the power of the courts, resulting in miscarriages of justice”. Nearly all legal systems, past and present, criminalize perjury or its equivalent, recognizing that false testimony not only can lead to wrongful convictions or acquittals but also undermines public confidence in the rule of law. The crime of perjury is generally defined by two key elements: **(1)** a deliberate, knowing falsity in testimony or sworn statement, and **(2)** the materiality of that lie to the

proceeding. In other words, the liar must intend to deceive, and the false statement must be relevant to the case's outcome. Most jurisdictions also require a high standard of proof for perjury (such as the corroboration of the falsity by more than one piece of evidence) to prevent abusive or unfounded prosecutions.

This article examines criminal liability for perjury through a historical and comparative lens. It first provides a **Historical Overview** of how false testimony has been perceived and punished from ancient times through religious and legal doctrines, including insights from Islamic law. Next, the article analyzes **Uzbek Legislation**, detailing how Uzbekistan's Criminal Code addresses perjury and related offenses (notably Articles 238, 230-1, and 230-2). A **Comparative Analysis** then surveys the treatment of perjury in five other legal systems – the United States, Germany, the United Kingdom, France, and Russia – highlighting similarities and differences in definitions, penalties, and approaches (including special provisions like recantation allowances or distinctions between sworn and unsworn falsities). The discussion proceeds to **Judicial Practice and Procedural Challenges**, acknowledging the real-world difficulties in prosecuting perjury (such as evidentiary hurdles and infrequent enforcement) despite its formal criminalization. The **Social and Ethical Implications** of perjury are considered, underscoring how false testimony harms innocent parties, benefits the guilty, and corrodes the ethical foundations of the justice system and society's trust in it. Finally, the article offers **Institutional Reform Proposals** – practical suggestions to strengthen the prevention, detection, and punishment of perjury, ranging from improved witness protection and evidentiary recording to legal reforms and public education. The **Conclusion** reaffirms the importance of combating perjury as part of safeguarding the integrity of judicial proceedings and the rule of law.

Historical Overview

Perjury is far from a modern concern; **historical sources across civilizations consistently condemn false witness**, often in the strongest terms. In the **Biblical tradition**, the Ninth Commandment explicitly forbids bearing false witness against one's neighbor, elevating truthfulness in testimony to a divine mandate. Ancient Middle Eastern legal codes treated perjury as a serious offense: for example, **Mesopotamian laws** such as the Code of Hammurabi prescribed the *lex talionis* ("eye for an eye") for false witnesses, meaning a perjurer would suffer the same punishment they sought to inflict on the accused. A person

who lied under oath in a capital case could face the penalty of death if their false testimony aimed to bring about another's execution. This harsh principle reflects how **ancient societies viewed false testimony as an especially heinous wrong**, one that not only injured the immediate victim of the lie but also “putur etkazadi (harmed) the foundations of justice and social order,” in the words of one Uzbek scholar.

Classical **Greco-Roman law** likewise criminalized perjury. In Ancient Rome, *falsum testimonium* (false witness testimony) was a punishable crime; under the Cornelian Law (*Lex Cornelia de falsis*), perjurers could be subjected to severe penalties, including exile and the loss of civic rights (e.g., the punishment of *aquae et ignis interdictio*, banishment from fire and water). Roman legal procedure recognized the damage false testimony could do both to individual cases and to public order, treating it as a *delictum* that could be prosecuted in either private or public forms.

Major **religious and ethical systems** have uniformly regarded perjury as immoral. In **Islamic law (Sharia)**, false testimony (*shahadat az-zūr*) is considered a grievous sin and strictly prohibited. The Holy Qur'an pointedly instructs believers “and do not approach false testimony” (Qur'an 22:30, interpretation) – a verse understood to *strongly condemn giving false witness*. Islamic teachings rank perjury among the *kabā'ir* (major sins), a point emphasized in Hadith literature as well. In classical Islamic jurisprudence, a person proven to have given false testimony could be deemed *fāsiq* (morally corrupt), disqualifying them from being a valid witness in the future. Notably, some Islamic legal scholars described perjury as a form of *zulm* (injustice) that warrants discretionary punishment (*ta'zir*) by the judge, to deter its grave consequences on individuals and society. Thus, from an Islamic perspective, perjury is both a sin against God and a crime against justice.

Across medieval and early modern Europe, perjury remained stigmatized and unlawful. In **England**, as early as 1563, a dedicated Perjury Act was enacted, imposing fines, imprisonment, and even the humiliating punishment of the pillory for those unable to pay fines. By the 18th century, Enlightenment jurists and philosophers were articulating theoretical justifications for punishing perjury. One doctrine spoke of a “**right to the truth**” (*Recht auf Wahrheit*) held by those seeking justice, framing false testimony as a violation of that right. Another influential view was the “**social trust**” theory, which posited that the integrity of the legal system – and society's trust in judicial outcomes – depends on

truthful testimony, thereby making perjury an attack on the community's trust. These concepts underscored that the harm of perjury extends beyond individual cases to the **public's confidence in justice**.

Historically, then, perjury has consistently been regarded as a serious offense. Whether grounded in **divine commandment, moral philosophy, or pragmatic needs of governance**, the message has been clear: those who swear to tell the truth must do so, and those who deliberately lie under oath merit punishment. This historical legacy sets the stage for modern legal frameworks, which continue to treat perjury as a crime – though the specific legal definitions and penalties vary across jurisdictions, as explored in the following sections.

Uzbek Legislation: Articles 238, 230-1, and 230-2

In Uzbekistan, criminal liability for perjury and related offenses is codified primarily in **Article 238 of the Criminal Code**, titled “Lžesvidetel'stvo” (False Testimony), and further reinforced by two newer provisions, **Articles 230-1 and 230-2**, addressing falsification of evidence. Together, these articles form a comprehensive approach to safeguarding the integrity of fact-finding in judicial and investigative proceedings.

Article 238 specifically criminalizes perjury in a broad sense. Under Article 238, it is a crime for a **witness or victim** in a criminal case to knowingly give false testimony, *or* for an **expert** to give a deliberately false conclusion, *or* for a **translator/interpreter** to deliberately mistranslate, when these acts occur during inquiry, pretrial investigation, or in court. In essence, Uzbekistan's definition of “false testimony” covers not only witness lies but also fraudulent expert reports and translations – recognizing that all such false inputs can mislead the course of justice. The baseline penalty for this offense is relatively moderate: upon conviction, a person may face up to *300 hours of community service*, or *restriction of liberty* (a form of probation-like supervision) for **1 to 3 years**, or *imprisonment for up to 3 years*. These punishments indicate that standard perjury (with no aggravating factors) is treated as a less severe crime (typically not a long-term imprisonable felony) in Uzbek law, reflecting perhaps an assumption that many false testimony cases involve less serious proceedings or first-time offenders.

However, Article 238 also provides **heightened penalties for aggravated forms** of false testimony. If the perjury is orchestrated or coerced by another, the law addresses that through part 2 of Article 238: any person who **induces or bribes someone to give false testimony (or**

false expert conclusions or translations), or who pressures them (by psychological or physical means) to lie, commits a separate offense. This covers what common law systems might call *subornation of perjury* and witness tampering. The punishment for such conduct is *restriction of liberty or imprisonment from 3 to 5 years*, indicating a significant uptick in severity for those who corrupt the testimony of others.

Most serious of all, if false testimony (or its subornation) is **committed in ways that gravely endanger justice**, Article 238 prescribes *severe felony-level penalties*. Specifically, if the act of perjury or inducing perjury is **done in the interests of an organized group** (e.g. organized crime), or if it **falsely accuses someone of a grave or especially grave crime**, the offender faces **5 to 8 years of imprisonment**. A false accusation of a serious crime is thus treated almost on par with the commission of a serious crime; this reflects the profound harm such perjury can cause, potentially putting an innocent person at risk of a long prison term or other grave consequences. In these aggravated scenarios, Uzbek law views perjury as a serious felony, essential to punish harshly in order to protect the innocent and uphold justice.

Beyond Article 238, Uzbekistan in 2018 introduced two new articles – **Article 230-1 and 230-2** – to address related misconduct: the *falsification of evidence*. These additions came as part of reforms to bolster citizens’ rights in criminal proceedings. **Article 230-1** criminalizes the falsification (forgery) of evidence in a case, and **Article 230-2** criminalizes falsification of results of operational-search activities (undercover investigations). Unlike Article 238, which can apply to any witness or expert, Articles 230-1/2 primarily target **official actors and participants responsible for evidence gathering**. Liability under these provisions is limited to “special subjects” – for example, investigators, detectives, prosecutors, judges, as well as parties like specialists and attesting witnesses involved in evidence collection. In other words, these laws aim at those entrusted with handling evidence who abuse that trust by fabricating or tampering with evidence.

The **penalties under Articles 230-1 and 230-2** are notably stringent, reflecting the legislature’s view that evidence falsification by officials is an egregious betrayal of justice. A basic act of evidence falsification (not resulting in grave outcomes) can still result in a prison term of **3 to 5 years**, along with possible restrictions (and likely a ban on holding certain positions). If the falsification is done with the intent to falsely accuse someone of a crime or to cover up a crime – effectively framing an

innocent person or impeding justice – the punishment rises to **5 to 7 years’ imprisonment**. And if the falsification concerns a case about a *serious or especially serious crime* or leads to *especially severe consequences*, the offender faces **7 to 10 years in prison**. These upper-end penalties (up to a decade behind bars) underscore that Uzbekistan treats official evidence fakery as one of the most serious violations in the justice system – on par with other grave offenses. By comparison, as noted, a typical witness committing perjury faces a maximum of 3 years in prison, whereas an official who manufactures evidence in a serious case could face up to 10 years. This calibrated approach makes sense: a lone lying witness is harmful, but a police or judicial official fabricating evidence can inflict broader and more systematic injustice, hence deserving stricter punishment.

It should also be noted that Uzbek law maintains some **consistency with international norms** in this area. Article 238’s coverage of coercing false testimony mirrors the **UN Convention Against Transnational Organized Crime (2000)**, which in Article 23 urges state parties to criminalize interference with witnesses and the giving of false testimony through coercion, threats or bribery. Uzbekistan’s laws thus fulfill these international recommendations by penalizing not only the false testimony itself but also any *behind-the-scenes manipulation* of witnesses or evidence.

In summary, Uzbekistan’s legislative framework demonstrates a thorough approach to perjury and evidence falsification. **False testimony by witnesses (Article 238)** is criminalized with escalating penalties depending on severity, and **evidence fabrication by those in charge (Articles 230-1, 230-2)** is dealt with even more harshly. These laws reflect an understanding of the multi-faceted threat perjury poses – whether coming from lay witnesses or from within the system – and they equip the justice system with tools to respond to each scenario. How these laws compare to those of other countries is the next subject of analysis.

Comparative Analysis: U.S., Germany, UK, France, and Russia

Every legal system studied – despite differences in legal tradition (common law vs. civil law vs. mixed systems) – recognizes perjury as a punishable offense. However, the **definitions, requirements, and penalties** for perjury can vary significantly across jurisdictions. This section compares key aspects of perjury law in five jurisdictions: the **United States, Germany, United Kingdom, France, and Russia**. Each sub-section highlights how perjury is defined, the severity of punishment,

and any notable unique features (such as requirements for proof or exceptions).

United States

In the United States, perjury is a criminal offense both at the federal level and in every state. Under **U.S. federal law**, perjury is defined in Title 18 of the U.S. Code §1621 as a situation where, having taken an oath to testify truthfully (or under a statutory declaration to tell the truth), an individual **“willfully and contrary to such oath states or subscribes any material matter which he does not believe to be true.”** In short, a person commits perjury if they knowingly lie about a **material fact** after swearing to tell the truth. The requirement of materiality is important: trivial or irrelevant lies (however ill-advised) typically do not amount to perjury if they have no potential to affect the proceeding. The person must also act with *intent* – mistaken or faulty memory is not perjury, nor is a non-material falsehood.

Punishment in the U.S. for perjury is serious but not usually extreme. The general federal perjury statute provides that an offender “shall... be fined under this title or imprisoned not more than five years, or both”. In other words, perjury is a **felony** under federal law, carrying a maximum sentence of 5 years’ incarceration (and monetary fines). Most U.S. states have similar provisions, often classifying perjury as a felony punishable by a term of years (commonly up to 5 years, though some states allow higher maximums). For example, in **California**, perjury is punishable by up to 4 years in state prison, but if the perjury leads to the wrongful execution of another (a very rare scenario), California law bizarrely classifies that as capital murder – theoretically allowing the death penalty for the perjurer. (This extreme consequence underscores how grave the law considers perjury that causes an innocent’s execution, though in practice such a charge is extraordinarily uncommon.)

Related offenses in U.S. law include *subornation of perjury* – persuading or inducing someone else to commit perjury – which is itself a separate crime. For instance, under federal law, subornation of perjury is also punishable by up to 5 years in prison (18 U.S.C. §1622). Additionally, making false statements **not under oath** can be prosecuted under different statutes (e.g. 18 U.S.C. §1001 for false statements to federal officials). But strictly speaking, “perjury” requires the false statement be made under oath or affirmation in an official proceeding or document.

One distinct procedural aspect in U.S. (and some other common law jurisdictions) is the **“two-witness rule”** for perjury. Traditionally, a perjury conviction cannot rest solely on the uncorroborated testimony of a single witness claiming that the defendant lied. There must be either two witnesses to the lie or one witness plus independent evidence of the falsity. This evidentiary rule is intended to prevent a mere swearing contest between two people from landing one in prison for perjury; there needs to be clear proof that the statement was false.

In practice, **perjury prosecutions in the U.S. are relatively rare**, despite the frequency with which witnesses may lie. Prosecutors often decline to pursue perjury charges except in egregious or high-profile cases, due to the difficulty of proof and the focus on more direct offenses. Notable exceptions have occurred – for example, the impeachment of President Bill Clinton in the late 1990s centered on allegations of perjury (lying under oath about personal matters). In the 2000s, athlete Marion Jones, an Olympic sprinter, was prosecuted and ultimately imprisoned for lying to federal investigators about her use of performance-enhancing drugs; she pleaded guilty to perjury charges and was sentenced to 6 months in prison. These instances show that when the false statements are material and the stakes are high (e.g., lying to a grand jury or federal agents in a major investigation), U.S. authorities will enforce perjury laws. Still, in the routine case of a witness shading the truth in court, prosecutions remain uncommon – a challenge the next sections will also see echoed elsewhere.

Germany

Germany’s approach to false testimony reflects the civil law system’s nuanced handling of sworn vs. unsworn statements. The German Criminal Code (Strafgesetzbuch, StGB) contains separate provisions for false testimony depending on whether the witness is under oath. **Giving a false statement *without* oath** in court is criminalized by StGB §153 (“Falsche uneidliche Aussage”), while **perjury under oath** is a more serious crime under StGB §154 (“Meineid”). Germany thus reserves the term “perjury” for situations where an oath has been administered – a step that German courts actually use sparingly (most witnesses in German trials are not routinely sworn in, unlike common law practice).

If a witness *is* sworn and then lies, §154 StGB provides stern punishment: *at least one year in prison*. In fact, **German law classifies perjury as a “Verbrechen” (felony)** because the minimum sentence is one year’s imprisonment. The statutory language of §154 states that

anyone who “falsely swears” before a competent authority shall be punished with imprisonment **“not less than one year”**. In especially mitigated cases, the court can reduce the punishment to **6 months to 5 years** (this is an allowance for “minder schwere Fälle”, lesser serious cases). The maximum penalty for regular perjury can go much higher – in theory up to 15 years in prison (which is the general maximum for most felonies in Germany aside from life sentences). A fine is not a permitted punishment for perjury in Germany, reflecting the view that a willful false oath is grave enough to warrant a criminal record and incarceration, not just a monetary penalty.

For comparison, giving a false statement *without an oath* (§153 StGB) carries a lower range: typically 3 months to 5 years imprisonment (and in less serious cases, as little as a fine or probation). Thus, Germany distinguishes between **false testimony under oath (treated very harshly)** and **false testimony not under oath (still criminal but less severe)**. This two-tier system is somewhat unique to civil law jurisdictions that maintain an oath system for witnesses. It puts great weight on the sanctity of the oath: the moment a witness swears to truthfulness, any lie becomes a serious felony. As mentioned, modern German courts often don’t swear in witnesses unless the case is of significant importance or there is concern about truthfulness, precisely because invoking the oath raises the stakes so high for the witness (a deliberate policy to avoid deterring witnesses from testifying out of fear of a perjury trap). Instead, many witnesses give testimony without oath; if they lie, they can be prosecuted under §153 with more moderate consequences.

Germany’s law also criminalizes *other false statements* in judicial contexts, such as false statements by parties or *false affidavits* in writing, but these are separate provisions. Importantly, **subornation** (inducing false testimony) and **attempted perjury** are also punishable. An individual who induces another to commit perjury can be charged as an instigator or accomplice under general principles of German criminal law, facing the same range of punishment as the perjurer. If a person attempts to lie under oath but is caught or corrects themselves in time, German law has provisions to address attempt and to sometimes allow withdrawal. In practice, a witness who realizes they gave false testimony and corrects it promptly can avoid punishment – similar in spirit to the recantation allowances found in some other jurisdictions, like France and Russia (discussed below).

In summary, **Germany's treatment of perjury** is characterized by *strict penalties for sworn lies* (minimum one year in prison, reflecting a very low tolerance for false oaths) and a differentiated approach that treats unsworn falsehoods as a lesser offense. This system underscores the high value placed on oaths in the German judiciary: taking an oath is meant to impress upon the witness the utmost duty of truth, with the law ready to back that up with severe sanctions.

United Kingdom

The United Kingdom (specifically England and Wales, whose law is referenced here) has a long history of prosecuting perjury, dating back to common law and early statutes. Today, the law is codified in the **Perjury Act 1911**, which defines perjury in terms very similar to the common-law understanding. Under Section 1 of that Act, **perjury is committed when a lawful oath has been administered and the person “willfully makes a statement material in a judicial proceeding, which he knows to be false or does not believe to be true.”** All the familiar elements appear: the statement must be made under oath (or affirmation), in a judicial proceeding, and be material to that proceeding; and the person must intentionally lie (knowing the statement is false or not believing it to be true). The law also extends to interpreters under oath and to written statements that are certified true (such as affidavits, statutory declarations, etc., covered in other sections of the Act).

One important safeguard in UK perjury cases is the corroboration rule, similar to the U.S. “two-witness” principle. The Perjury Act requires that one cannot be convicted of perjury solely on the evidence of one witness as to the falsity of the statement; there must be some additional evidence of the lie. This means, for example, if a single witness testifies that another person's sworn statement was false, that alone is insufficient – there must be either another witness or independent evidence (such as documents) that prove the statement false. This rule aims to prevent dubious “word-against-word” convictions.

In terms of **penalties**, the UK treats perjury as a serious crime. The maximum sentence for perjury under the Perjury Act 1911 is **7 years' imprisonment** (and/or a fine). Perjury is classified as an **indictable-only offense**, meaning it can only be tried in the Crown Court (higher court) and not in Magistrates' Court, reflecting its gravity. While seven years is the statutory maximum, actual sentences depend on the case specifics (lying to cover up a minor matter might get a few months in prison or a suspended sentence, whereas perjury that perverted the course of a major

trial could attract multiple years). Notably, perjury is often charged alongside or instead of “**perverting the course of justice**” if the false evidence significantly interfered with justice. In the famous case of **Jeffrey Archer**, a politician and novelist, he was convicted in 2001 of perjury and related offenses for lying in a civil libel case – he received a sentence of **4 years’ imprisonment** for the perjury and perverting justice charges. The trial judge underscored that this was a particularly egregious instance, as Archer’s lies had deceived a court into a wrongful outcome (he had won a libel suit based on false alibi evidence). The Archer case illustrates that British courts will impose multi-year prison terms for perjury when warranted, to punish the offender and deter others.

The UK law also enumerates several **offenses akin to perjury** in the 1911 Act: for example, **subornation of perjury** (procuring someone else to commit perjury) is a separate offense under Section 7 of the Act, punishable like perjury itself. There are also specific offenses for false statements in documents like marriage registers, birth/death certificates, etc., which carry their own penalties (these are remnants of historical concerns about falsifying official records). Additionally, the broader offense of **perverting the course of justice** can encompass acts of perjury or evidence fabrication and carries a maximum life sentence (though that is reserved for the most extreme cases like framing someone for a serious crime). Usually, prosecutors choose between perjury and perverting the course of justice based on which fits the conduct better.

In summary, the **UK’s regime** for perjury is broadly in line with common-law tradition: it focuses on false testimony under oath in judicial proceedings, requires a knowing lie on a material matter, and provides for up to 7 years in prison. The UK’s legal culture has seen several high-profile perjury prosecutions (aside from Archer, instances include cases against police officers who lied in court, witnesses in notorious trials, etc.), reinforcing the principle that lying under oath “strikes at the very heart of justice,” as judges often remark. With strong penalties and established legal doctrine, the UK treats perjury as a significant offense aimed at preserving the integrity of fact-finding in its courts.

France

In France, perjury is known as *faux témoignage* (false testimony) and is addressed in the French Penal Code as an offense against the administration of justice. The French approach is notable for including a built-in opportunity for recantation that can exonerate the false witness –

a feature reflecting an emphasis on *encouraging the correction of falsehoods* before irreparable harm is done.

Definition: Under **Article 434-13 of the French Penal Code**, “*Le témoignage mensonger fait sous serment devant une juridiction...*” – “False testimony given under oath before any court (or to an investigating officer executing a rogatory commission) is punishable...”. The elements here: the person is under oath, in a judicial proceeding or investigation, and provides false testimony. This essentially covers witnesses who lie under oath, similar to other systems. It does not explicitly mention experts or interpreters in this article – France has separate provisions for false expert reports (Article 434-18) and other related offenses, and a distinct offense for *subornation of witness* (Article 434-15, punishable by up to 3 years and a fine for inciting someone to give false testimony).

Penalty: The basic punishment for perjury in France is up to **5 years’ imprisonment and a €75,000 fine**. This is the standard maximum for false testimony under oath. However, French law, like many civil law jurisdictions, distinguishes based on severity and circumstances. If the false testimony was given against a defendant in a criminal proceeding and contributed to a wrongful conviction of a serious crime, the penalties can increase under other provisions (for example, if it helped wrongfully convict someone of a crime that carries ≥ 20 years, the penalty for the perjurer can increase, drawing from an older concept in French law that scales punishment with the consequences of the perjury). There is also an aggravated punishment of **7 years and €100,000 fine** under Article 434-14 if the false testimony was **induced by a bribe** (i.e., the witness was paid to lie) or was given against someone *in a criminal trial for a felony*. So, a bribed false witness in a serious case faces up to 7 years. These gradations aim to punish more harshly those false testimonies that are procured via corruption or that imperil someone’s liberty in a serious way.

Unique Recantation Exemption: One very distinctive clause in French law is that a person who has lied under oath can escape punishment by recanting in time. Article 434-13 itself states: “*Toutefois, le faux témoin est exempté de peine s’il s’est rétracté spontanément avant la fin de la procédure.*” – “*However, the false witness is exempt from punishment if he spontaneously retracts his testimony before the decision that ends the proceedings.*”. In practical terms, if a witness realizes they have given false testimony (or perhaps, feeling the pressure, decides to come clean) and they correct their statement of their own accord *before the case is over*, then they will not be prosecuted for the initial lie. This

provision encourages witnesses to correct falsehoods and thus serves the truth-finding function: it's better for the court to get to the truth late than never. It's important the retraction be voluntary and timely – one cannot wait until the falsehood is discovered or until after a verdict and then claim exemption; nor would it count if the lie was exposed by others first. But as long as the witness *voluntarily admits the truth* while the process is still ongoing (for instance, during the trial or before the judgment is final), French law forgives the earlier perjury. This stands in contrast to common law systems, where recantation might be considered in sentencing but is not a complete defense to the crime (except in very specific U.S. federal contexts, where a quick recantation within the same proceeding can sometimes prevent a perjury charge, but it's not as broad as the French rule).

In summary, **France's perjury law** sets a 5-year baseline for false testimony under oath, with higher penalties in aggravated situations, and features a notable *escape hatch* for recantation. This approach reflects a balance between deterring and punishing lies, and pragmatically allowing people to avoid punishment if they *help set the record straight* before it's too late. By doing so, the French system emphasizes the ultimate goal – truthful proceedings – and not just the punishment of the lie itself. Of course, once the proceeding is over (e.g., a verdict delivered) a recantation won't help the perjurer, and prosecution can proceed to sanction the misconduct and, hopefully, remedy any injustice done.

Russia

The Russian Federation's treatment of perjury is shaped by its civil law heritage and the Soviet legacy. Under **Article 307 of the Russian Criminal Code**, giving false testimony is a criminal offense, phrased as “*Заведомо ложные показания... либо заведомо ложное заключение эксперта, либо неправильный перевод...*” – “*Knowingly false testimony of a witness or victim, or a knowingly false expert opinion, or a knowingly wrong translation...*” in a criminal investigation or in court. This is very similar to the Uzbek provision we saw (not coincidentally, as Uzbek law in this area descends from the Soviet-era code): it covers witnesses, victims, experts, and interpreters who participate in proceedings. The Russian law requires the falsity to be **known** by the person (i.e., intentional lying).

However, **the penalties in Russia for basic false testimony are somewhat milder** in comparison to many other countries. For the **ordinary case of perjury (no aggravating factors)**, Article 307 provides

for a range of non-prison and short-term custody options: a fine up to 80,000 rubles, or correctional labor up to 2 years, or compulsory community service up to 480 hours, or *arrest* up to 3 months. These options indicate that a first-time perjurer in a routine case might even avoid incarceration, perhaps receiving a fine or community service. Imprisonment (deprivation of liberty) is not listed as a punishment in the basic part 1 of Article 307 at all – only a short-term “arrest” (a sort of jail term) of up to 3 months is the custodial measure. This suggests Russia views minor perjury as an offense that can often be handled without lengthy imprisonment, possibly due to the challenges of proof and the policy of not discouraging witness cooperation.

Aggravated perjury in Russia, though, triggers stiffer penalties. Part 2 of Article 307 addresses situations where the false testimony is combined with **accusing someone of a grave or especially grave crime**. If a witness lies in such a way that they falsely implicate another person in, say, a serious felony, the stakes rise. In that scenario, the punishment can be *compulsory labor for up to 5 years* or *imprisonment for up to 5 years*. So effectively, framing someone for a serious crime through perjury can land the perjurer in prison for a few years (up to five). This is analogous to how other systems punish more severely perjury that risks grave injustice. Still, the maximum of 5 years is not exceedingly high by international standards (Canada, for instance, allows up to 14 years; the UK 7 years; some U.S. states even higher in extreme cases). It reflects a calibrated approach: ordinary false testimony = non-prison or light jail, false testimony that could send an innocent to prison = up to 5 years in prison.

Russia also has an important **recantation provision** much like France’s. A note to Article 307 specifies that if the witness, victim, expert, or translator **voluntarily declares their testimony or conclusion to be false during the investigation or trial**, they are relieved from criminal liability. In other words, if before the process is over, the person comes forward and admits “what I said was false,” they will not be prosecuted for perjury. This encourages truth-telling and correction of the record. The condition is that it must be an act of the person’s own free will (not simply because they were caught in a lie by evidence). This Russian rule is very much in the spirit of the French rule we saw, and it underscores a shared civil law policy: the law’s goal is ultimately to get at the truth, so a timely change of heart should be rewarded by leniency (no punishment). Once the proceeding ends, however, this window closes.

It is also worth noting that Russia criminalizes *refusal to testify* separately (Article 308) and *fabrication of evidence* separately (Article 303 for officials like investigators, similar to Uzbek 230-1). Additionally, **subornation or coercion of false testimony** is dealt with in Article 309, which punishes those who bribe or threaten a witness to lie. These carry their own penalties (which can range widely, up to 3 years or more depending on severity). So the Russian framework, as with others, addresses not just the perjurer but those who might induce perjury.

In practice, as in many countries, **perjury prosecutions in Russia have been infrequent** and sometimes politically tinged. The relatively lenient base penalties may in part be because perjury charges are sometimes seen in politically charged cases (witnesses recanting earlier statements, etc.). But in recent years, especially in high-profile situations (for example, cases involving false testimony used to convict opposition figures or, conversely, witnesses lying to shield perpetrators), Russian authorities have shown willingness to apply these laws. One area of concern in Russia has been the use of forced testimony – ironically, sometimes people are pressured to give false testimony by officials, which complicates the moral equation. The law on paper, however, is clear in criminalizing the falsehood itself regardless of why it was told (with the exception that coercion could make one a victim rather than a perpetrator).

In summary, **Russia's law on perjury** (Article 307) covers the same ground as Uzbekistan's Article 238 or other similar statutes: false statements by key participants under oath or affirmation in a case. Russia's penalties for standard perjury are somewhat mild (often non-prison), reflecting a possibly pragmatic approach to minor lies, but the law allows up to 5 years in serious cases of false accusation. Like France, Russia provides a safe harbor for recantation, emphasizing corrective justice over pure retribution.

By comparing these jurisdictions, we see a spectrum: from Germany's very harsh stance on any false sworn word (minimum one year in prison), to Russia's relatively lenient treatment of unsworn lies and focus on only the gravest instances for imprisonment, to common law systems (US/UK) falling somewhere in between with moderate sentences but firm prosecution in principle. All jurisdictions, however, converge on the idea that **perjury is a crime because it threatens the very function of courts** – to ascertain truth and do justice. The differences lie in *how* they enforce that idea, shaped by legal traditions and policy choices.

Judicial Practice and Procedural Challenges

Laws on the books are one thing, but the **enforcement of perjury laws in practice** faces several challenges globally. Despite the severe language and penalties in statutes, prosecutions for perjury are not as common as the prevalence of lying might suggest. This section discusses how perjury cases play out in judicial practice and what procedural hurdles often arise.

1. Difficulty of Proof: By its nature, perjury can be challenging to prove. Courts are rightly cautious before branding someone a criminal liar – they require clear, strong evidence of intentional falsity. Often, proving a statement was knowingly false is hard unless there is objective evidence (e.g., documents, recordings) contradicting the testimony or a credible witness to the truth. One person’s word against another’s is usually insufficient. As noted, many jurisdictions demand corroboration for perjury convictions (the UK and U.S. have the two-witness rule; other countries require additional proof of falsity). This high bar means that even if a judge strongly suspects a witness lied, a formal perjury charge might fail unless investigators can unearth independent proof of the lie. For example, a witness denying involvement in a crime might be lying, but unless there is evidence like video footage or forensic proof or a second witness, prosecuting them for perjury is risky and often avoided.

2. Reluctance to Prosecute Witnesses: Another practical challenge is that prosecutors and courts often rely on the cooperation of witnesses, even those who may be untruthful at times. If every inconsistent statement or apparent lie in testimony led to a prosecution, witnesses would be frightened to testify at all. Therefore, authorities exercise discretion and usually reserve perjury charges for *flagrant* cases – such as when the lie was central to the case and has been incontrovertibly exposed. Minor inconsistencies or evasions are usually handled by undermining the witness’s credibility in the case at hand, rather than launching a separate criminal case for perjury. This professional judgment explains why, as a U.S. Congressional Research Service report noted, **perjury prosecutions are relatively rare** and typically “limited to those instances that significantly obstruct the proceeding”. Similarly, in the UK, the Crown Prosecution Service must consider whether a perjury prosecution is in the public interest, weighing the severity of the lie and the cost/benefit of pursuing it when the main trial might already be over.

3. Overlap with Other Offenses: Perjury often overlaps conceptually with other crimes like *contempt of court* or *obstruction of justice*. Courts sometimes punish a witness’s false testimony indirectly –

for instance, by holding them in contempt (especially if the lies are blatant and disrupt proceedings). In some cases, rather than charge perjury, prosecutors might opt for a broader charge of “**perverting the course of justice**” (UK) or “**obstruction of justice**” (US) if the conduct includes more than just lying (e.g., tampering with evidence or inducing others to lie). These offenses can be easier to prove or carry higher penalties. For example, the Archer case in the UK involved both perjury and perverting the course of justice; in the end, it was the perverting charge that carried equal or greater weight in sentencing. In the U.S., someone who lies to a federal investigator without being under oath can be charged with “making false statements” (18 U.S.C. §1001) instead of perjury – a route often taken as it avoids the extra burden of proving an oath was administered. Thus, practical charging decisions may circumvent perjury statutes in favor of other legal tools.

4. Sentencing Practices: Even when perjury is prosecuted and a conviction obtained, judges have discretion in sentencing and often consider the context. First-time offenders who lied out of fear or duress may receive lighter sentences (or even suspended sentences), whereas calculated lies that had drastic consequences draw heavier punishment. For instance, in Russia, as noted, a basic perjury might not result in any jail time but just a fine. In Uzbekistan, likewise, a court might impose community service for a relatively minor false testimony (given the law allows that). On the other hand, if the perjury caused someone else to be wrongly jailed, courts tend to impose real imprisonment to mark the seriousness. Overall, judicial practice shows a *gradient of penalties*, often lower than the maximum unless the case is truly egregious.

5. Immunity and Privileges: Procedurally, not everyone in a proceeding can be readily prosecuted for perjury due to certain immunities. **Defendants in criminal cases** in many countries have a privilege against self-incrimination and typically cannot be penalized for lying in their own defense (with some exceptions). For example, a defendant’s false statements on the stand might not be charged as perjury in some civil law systems, because the defendant isn’t testifying under the same obligation as a witness (their “oath” is often not taken or is considered a formality). Even in common law jurisdictions, while theoretically a defendant who testifies and lies can be prosecuted for perjury, in practice it’s not common, partly because the defendant has a right to present a defense and the system tolerates that they may not be truthful. **Diplomats** and others with legal immunity obviously can’t be

prosecuted for perjury in host countries. These nuances mean that perjury laws mainly target witnesses, experts, etc., and not necessarily every instance of falsehood in court.

6. International Aspects: In an era of transnational litigation and tribunals, perjury has also appeared on the international stage. High-profile international courts (like war crimes tribunals) have had to deal with witnesses lying; they too have provisions to prosecute perjury, but similar issues of proof and discretion apply. Additionally, one country might seek to prosecute someone for perjury that occurred in a foreign proceeding – which is legally complex and usually not done except through contempt proceedings within the court where it occurred. Mutual legal assistance treaties sometimes cover cooperation in investigating and extraditing for perjury, but given its nature, perjury is usually handled domestically by the jurisdiction in which the testimony was given.

In sum, while **judicial practice affirms the seriousness of perjury**, the actual number of prosecutions is limited. Courts and prosecutors tend to wield perjury charges selectively, targeting clear-cut, significant lies. The rationale is to uphold respect for the oath and truth without creating a chilling effect on witnesses. Moreover, when perjury cases are brought, they must navigate stringent proof requirements designed to protect individuals from being unjustly accused of lying. These procedural safeguards – necessary to avoid wrongful convictions for perjury – at times make it ironically difficult to punish those who do lie. This tension between deterrence of false testimony and ensuring fair treatment of the accused perjurer is a recurring challenge in all jurisdictions.

Social and Ethical Implications

Perjury is not merely a technical or legal issue; it has profound **social and ethical ramifications**. A single lie under oath can reverberate beyond a courtroom, affecting victims, accused persons, communities, and the moral fabric of society's commitment to justice. This section explores why perjury is considered so damaging, and what broader implications flow from the act of false testimony.

1. Undermining Justice and Wrongful Outcomes: The most direct impact of perjury is on the accuracy of court verdicts. When a witness lies, it **obstructs the court's ability to find the truth**, leading potentially to **miscarriages of justice**. An innocent defendant might be convicted because a false witness incriminated them, or a guilty party might be acquitted because a witness falsely exonerated them or muddled the evidence. These outcomes are the opposite of what a justice system strives

for. The historical record is unfortunately replete with examples of wrongful convictions that were later overturned when it came to light that key testimony had been fabricated or mistaken. The innocent person suffers immensely – loss of freedom, reputation, even life in extreme cases – while the true wrongdoer remains free. This **moral harm** is why many traditions, from Hammurabi’s code to religious texts, have equated false witness with a serious sin or crime deserving heavy punishment. As one legal maxim puts it, *fiat justitia ruat caelum* (“let justice be done though the heavens fall”) – but perjury turns that on its head, threatening to let injustice be done, which is an ethical tragedy for any society valuing rule of law.

2. Erosion of Public Trust: Perjury doesn’t just harm individual cases; cumulatively, it **erodes trust in the legal system**. If the public perceives that witnesses routinely lie and get away with it, or that court decisions might be based on false evidence, confidence in the courts declines. A justice system operates on the assumption that most testimony is truthful – judges and juries are essentially trusting that witnesses (having sworn an oath) are generally telling the truth except where evidence shows otherwise. When that trust is betrayed, it “weakens society’s belief in the rule of law”. Citizens might become cynical, thinking trials are just contests of deception. Victims of crimes may be less willing to come forward if they fear witnesses will lie and nothing will happen. Thus, perjury has a **corrosive effect**: each unpunished lie in court is a small tear in the fabric of legal integrity, and many such tears can leave the system in tatters in the eyes of the public. Legal scholars in the 18th century (as mentioned earlier) emphasized this through the “social trust” theory – the justice system’s legitimacy rests on collective trust, which perjury directly attacks.

3. Harm to Victims and Protection of the Guilty: In cases where perjury leads to an innocent person’s conviction, that innocent person becomes a direct victim of the false testimony. Even in less extreme scenarios, lies can **violate the rights of parties** in the trial. For example, consider a civil lawsuit: if a witness lies about a fact, one side may wrongfully lose property or damages. In a criminal case, if a victim of a crime lies (say, exaggerating or fabricating aspects of their account), the defendant could face a punishment disproportionate to the truth. Conversely, if a witness lies to protect a guilty defendant (providing a false alibi, for instance), the actual victim of the crime is denied justice and closure. That guilty person remains at large, possibly able to offend

again. In this sense, perjury can **embolden criminality** – if criminals believe they can subvert justice by inducing false testimony, the deterrent effect of law is diminished. Society, on the whole, is less safe when outcomes of trials can be manipulated by deceit.

4. Ethical and Religious Condemnation: Many ethical systems, beyond the legal sphere, categorically condemn lying, especially under solemn oath. **Honesty is a core virtue** in virtually all cultures, and lying in court is often viewed as a particularly heinous lie because it's a betrayal of one's community and its pursuit of justice. Religious teachings, such as in Islam and Christianity, consider false testimony a grave sin. Ethically, even among secular philosophies, the Kantian perspective would label perjury as a violation of the categorical imperative (one could not rationally will that everyone lie under oath, as that would make the oath meaningless). The **integrity of the individual** is at stake: someone who commits perjury is often stigmatized as untrustworthy, labeled a perjurer (which carries heavy shame). Thus, beyond formal punishment, perjurers suffer social opprobrium if discovered. The ethical norm against perjury is deeply ingrained because of the recognition that truth-telling is essential to justice and social cooperation.

5. Inevitable Discovery and Personal Consequences: There is also a more pragmatic angle to consider: lies often eventually unravel. A person who commits perjury may later face the truth coming out – perhaps new evidence emerges, or they themselves admit the lie (especially if conscience weighs on them). The consequences then can extend beyond legal penalties. Their personal and professional life can be ruined; if they are a professional (lawyer, police officer, etc.), they can lose their career. The risk of perjury is thus an ethical gamble that can have life-altering impact on the liar themselves. Many legal systems consider **remorse and rectification** as mitigating factors – for instance, France and Russia's laws encourage recantation by offering immunity. This implicitly acknowledges that while perjury is grave, admitting the truth is the ethically correct course and should be facilitated.

In aggregate, the **social and ethical implications of perjury** justify why it is treated as a crime in the first place. It's not just a lie; it's a lie that *subverts justice*, harms innocent individuals, allows the guilty to escape, and weakens societal trust in the rule of law. In a broader sense, perjury offends the fundamental moral principle that **the ends of justice should be achieved by truth and fairness**. A society where oaths mean nothing and testimony is routinely false would soon find it impossible to

peacefully resolve disputes or hold anyone accountable – the court system would cease to function effectively, and vigilante or extrajudicial measures might rise as confidence in trials falls. Thus, the strong stance against perjury across cultures and eras is rooted in both **utilitarian harm prevention** (preventing wrongful outcomes and chaos) and **deontological ethics** (upholding truth as a virtue and duty). Every instance of punishing a perjurer, conversely, sends a message reaffirming the value of honesty in public life and the society's commitment to truthful justice.

Institutional Reform Proposals

Given the challenges in completely eradicating perjury and the importance of truthful testimony, many legal experts and policymakers have pondered **reforms and measures** to better prevent, detect, and address perjury. Below are several proposals and strategies – some already implemented in certain jurisdictions, others suggested in legal scholarship – that could strengthen the fight against false testimony:

1. Strengthening Witness Preparation and Oath Administration:

One straightforward step is ensuring that witnesses fully understand the **oath or affirmation** they take and the seriousness of lying under it. Courts can make the oath-taking more than a rote ritual – for example, having the judge directly address the witness about the importance of truth, the legal consequences of perjury, and even the moral duty. Some studies suggest that when witnesses are clearly warned and the solemnity of the moment is emphasized, they are less likely to lie. Additionally, providing **witness education** (especially for vulnerable or first-time witnesses) about their duty of honesty and the process may prevent inadvertent falsehoods or panic-induced lies. In some countries, witnesses receive pamphlets about their role; this could include a clear statement about perjury laws to deter intentional lies.

2. Improving Detection through Technology: Modern technology can be leveraged to catch lies or discourage them. For instance, **audio and video recording of all testimony** (already common in many courts) creates a clear record that can later be analyzed; it also might deter a witness from lying knowing there is a recording that can be reviewed. Beyond that, advanced techniques like voice stress analysis or even polygraphs, while not admissible as evidence in many places, could potentially be used as investigative tools when perjury is suspected (with due caution about their reliability). Another idea is using **data analytics** on testimonies – for example, comparing a witness's statements across multiple cases or against known databases for inconsistencies. While this

ventures into novel territory, the concept is that perjurers sometimes lie repeatedly, and technology might reveal patterns a human judge or lawyer could miss.

3. Witness Protection and Support: Sometimes, witnesses lie due to **fear or intimidation**. They may be threatened by one of the parties (especially in organized crime cases or domestic violence cases) to give false testimony or to remain silent. Strengthening **witness protection programs** can mitigate this. If a witness knows they and their family will be safeguarded, they are more likely to tell the truth and resist pressure to commit perjury. Protection can range from police escorts and anonymity measures (where allowed) to even relocation in extreme cases. On the support side, providing psychological support or counseling to witnesses might also reduce instances where a witness, under stress, gives inaccurate testimony. In short, by addressing the **root causes** of why some witnesses lie (coercion or fear), we can reduce perjury.

4. Legal Reforms – Perjury Law Updates: Some commentators argue that perjury statutes themselves could be **updated or harmonized** to close loopholes. For example, clarifying the **materiality requirement** so that prosecutors don't have to litigate whether a lie was material – some have suggested any deliberate lie under oath should be punishable, to avoid drawn-out disputes over materiality (critics argue this could over-criminalize trivial lies, so it's a debate). Another reform could be to create a **graduated offense system**: currently perjury is often one offense regardless of the magnitude of the lie. Introducing degrees of perjury (akin to degrees of murder) might allow more precise punishment – e.g., first-degree perjury for lies that convict someone innocently, second-degree for other significant lies, third-degree for minor context lies. This way, prosecutors and judges have more flexibility to match the charge to the wrongdoing. Some legal systems already differentiate (as we saw, Russia/Uzbekistan/Germany differentiate by consequence or oath; common law does not except in sentencing). Legislation could also consider extending perjury-like penalties to statements made in **pre-trial contexts** (like false statements in police interviews) to capture lies that currently might evade perjury charges because no oath was administered – though perjury law traditionally sticks to sworn statements, an expansion could be contemplated in the interest of comprehensive truth-finding.

5. Enhanced Enforcement and Incentives: Another approach is simply **enforcing existing laws more rigorously** to send a message. If

courts refer obvious perjury cases to prosecutors, and prosecutors actually charge them, it can have a deterrent effect (the downside being the resource cost and the reluctance issues noted earlier). On the incentive side, giving witnesses **options to correct themselves without penalty** (like the French and Russian recantation provisions) is a good practice to maintain – perhaps it could be formalized in more jurisdictions. Even in those that have it, ensuring witnesses are aware that “it’s okay to correct your testimony, you won’t be charged if you come clean now” could prompt honesty before a verdict is wrongly reached. Additionally, **leniency programs** could be introduced: for instance, if someone is caught in a lie but then substantially aids the investigation in rectifying it or helps expose a larger scheme of perjury, their punishment could be mitigated. This is akin to plea bargaining – basically encouraging cooperation once a lie is detected.

6. Public Awareness and Ethical Education: On a broader level, reducing perjury might come from **instilling a culture of honesty**. Educational curricula (in law schools, and even at high school level civics) can emphasize the civic duty of truthfulness in judicial proceedings. Public service campaigns or high-profile cases being publicized also signal that perjury is not a trivial matter but a serious offense. If jurors and judges routinely condemn perjury during trials (when it’s evident), that gets reported and the social stigma is reinforced. In some communities, a problem is that lying to authorities is not strongly stigmatized due to historical mistrust; community outreach to build trust in the legal system can indirectly shore up respect for truth-telling in court.

7. Institutional Checks: Courts could adopt certain **institutional practices** to catch or deter lies. For example, requiring key witnesses to certify their statements multiple times (written and oral) might create psychological pressure not to deviate from truth. Courts might also employ **court-appointed experts or observers** in cases where they suspect widespread perjury (such as observers in elections-related cases or in environments prone to organized false testimony) to later testify about the credibility of processes. These are less common ideas, but the concept is bringing in neutral checks against coordinated lying. Another notion is a more frequent use of **perjury prosecutions as a tool to reinforce other prosecutions**: for instance, if a gang member testifies falsely to exonerate a fellow gang member, prosecuting the perjury may both punish that lie and also help indirectly prove the guilt of the defendant by removing the false evidence.

Ultimately, **no single reform will eliminate perjury** – as long as individuals have motives to lie and think they can get away with it, some will roll the dice. However, a combination of approaches – better prevention (through witness support and education), better detection (through technology and investigative focus), and calibrated but firm enforcement (through law reform and strategic prosecutions) – can significantly mitigate the incidence of perjury. Some of these proposals have already shown promise where tried. For example, the use of video recordings in court has caught witnesses who later tried to change their story, leading to perjury charges; witness protection programs have clearly allowed key witnesses to tell the truth against powerful defendants.

In implementing reforms, care must be taken to maintain fairness (e.g., not infringing on the right against self-incrimination, and not overzealously prosecuting honest mistakes as perjury). But given the high stakes of truthful justice, continued innovation and effort in this area are justified. As one Uzbek legal analysis suggests, combating perjury is not just about punishing lies after the fact, but creating **conditions that promote honesty** – “ensuring impartiality by preventing pressure on participants, protecting witnesses from intimidation, leveraging technology to reduce opportunities for falsehood, and raising the legal consciousness of society”. These ideals can guide global best practices in curbing the perjury problem.

Conclusion

Perjury – the deliberate assault on truth in the halls of justice – remains a vital concern for legal systems worldwide. This article’s exploration has shown that from ancient civilizations to modern states, **false testimony has been universally deplored as anathema to justice**, and laws have evolved to combat it in various forms. A comparative look reveals both common threads and divergent strategies: all jurisdictions examined criminalize perjury, yet the *definitions, thresholds, and punishments* can differ, reflecting unique legal philosophies and practical priorities. Uzbekistan’s legal framework, with its Articles 238, 230-1, and 230-2, provides a multifaceted approach that not only punishes lying witnesses but also strikes at those who would fabricate evidence from within the system – an approach echoed in part by Russian law and foreshadowed by international mandates. Common law jurisdictions like the U.S. and UK emphasize the solemnity of the oath and impose moderate to severe penalties, up to five or seven years in prison, signaling that perjury is a serious felony, even if prosecutions are selective. Civil

law countries like Germany and France underscore the moral gravity with strict rules (Germany's one-year minimum for false swearing) and pragmatic leniency (France's allowance for retraction), balancing deterrence with encouragement of honesty.

Across these systems, a consistent theme is that **perjury strikes not only at individual victims but at society's trust in the courts**. When a witness swears to tell the truth and then lies, the very foundation of adjudication is shaken. For this reason, judges, lawmakers, and scholars have long viewed perjury as more than just "another crime"; it is often labeled *an "offense against public justice"*. The historical survey reinforced that this view is ancient – false witnesses were condemned in scripture and severely punished in codes because communities recognized that *truth is the lifeblood of justice*. The comparative analysis further shows that while methods differ, the end goal is shared: to **ensure that court decisions are based on facts, not falsehoods**.

The judicial practice review reminded us, however, that the war against perjury is ongoing and complex. Enforcement faces hurdles like high proof standards and the need to not discourage witnesses from coming forward. Many lies in court still go unpunished – sometimes out of necessity, sometimes out of mercy or pragmatism. This does not mean perjury laws are toothless; rather, it highlights the careful balance legal systems must maintain between rigorously enforcing truth-telling and keeping the doors of justice open and accessible. High-profile convictions (from Jeffrey Archer in Britain to Marion Jones in the U.S.) serve as cautionary tales that even powerful figures are not above the law when they lie under oath. At the same time, the relative rarity of perjury prosecutions in everyday cases suggests that **the legal system operates with a measure of trust** – perhaps wisely, reserving its fire for the worst abuses.

Socially and ethically, the harm of perjury cannot be overstated: it can destroy innocent lives, allow criminals to escape, and corrode communal trust in justice. In a justice system, *every participant – judges, jurors, lawyers, and witnesses – relies on an implicit pact of honesty*. Perjury is a betrayal of that pact. Thus, combating perjury isn't just a procedural task, but a moral imperative to protect the innocent and uphold the rule of law. As long as human fallibility and malice exist, perjury will never be completely eradicated. But through a combination of robust laws, vigilant enforcement, supportive measures for witnesses, and a

culture that values truth, its incidence can be minimized and its perpetrators held to account.

In closing, “**Justice**” and “**Truth**” are inseparable ideals: one cannot flourish without the other. Criminal liability for perjury, in all its historical weight and comparative nuance, is a manifestation of society’s insistence that *lying under oath is not only wrong, but punishably wrong*. This insistence safeguards the integrity of verdicts and, by extension, the legitimacy of the legal system itself. As we continually refine our approaches – learning from each other’s legal systems and experiences – we reinforce a timeless principle: in the courtroom, as in life, **truth must prevail** for justice to be done.

References

- Bernard, Thomas J. *Perjury*. **Encyclopædia Britannica** (2023) – Definition and discussion of perjury and its requirements, including the role of oaths and materiality.

- Criminal Code of Uzbekistan (1994, as amended to 2025), Articles 230-1, 230-2, 238 – Statutory provisions on falsification of evidence and false testimony; introduced enhanced penalties up to 10 years for evidence falsification by officials and up to 8 years for aggravated perjury by witnesses.

- Criminal Code of the Russian Federation (1996), Article 307 – Law defining knowingly false testimony, expert opinion, or translation, with basic penalties (fine, corrective labor, arrest) and up to 5 years’ imprisonment if false testimony implicates someone in a grave crime; includes exemption for spontaneous recantation.

- Crown Prosecution Service (UK), *Legal Guidance: Public Justice Offences – Perjury* (CPS, updated 2021) – Elements of perjury under the Perjury Act 1911 and corroboration requirement; notes that perjury is indictable-only and carries up to 7 years in prison.

- **Lex.UZ** – Uzbek legal portal entry on Article 238 (“Lzhesvidetel’s tvo”) of the Criminal Code of Uzbekistan. Provides text of law: false testimony by witness/victim, false expert conclusion or wrong translation, punishable by up to 3 years’ imprisonment (basic) or 5–8 years if aggravating circumstances.

- Norma.uz (2018). “За фальсификацию доказательств – до 10 лет лишения свободы” – News article explaining the introduction of Articles 230-1 and 230-2 in Uzbekistan’s Criminal Code, targeting falsification of

evidence by investigators and others, with sanctions of 3–5 years up to 7–10 years in prison for severe cases.

- Perjury Act 1911 (UK), Section 1 – Statute defining perjury in English law; perjury occurs when a lawful oath is administered and a material statement is made willfully false; Section 5 and 13 impose corroboration rules for proof; maximum penalty set by Section 1(1) as 7 years’ imprisonment.

- Reuters (2008). “Disgraced U.S. sprinter Jones leaves Texas prison” – News report on Marion Jones’s case; she pleaded guilty to perjury (lying to federal investigators about steroid use) and was sentenced to 6 months in prison.

- The Guardian (2001). “Archer jailed for four years” – Report on Lord Jeffrey Archer’s conviction for perjury and perverting the course of justice in a libel trial, resulting in a 4-year prison sentence.

- **Sattarov, J.A.** (2025). “Criminal Description of False Testimony” – Scholarly article providing insight from an Uzbek perspective on perjury’s social danger and needed measures. Emphasizes that false testimony hinders truth-finding and erodes trust in law enforcement, and suggests reforms such as ensuring witness impartiality, protecting witnesses from pressure, using technology (audio/video) to deter lies, and increasing legal awareness in society.

- Thomas, Frymer-Kensky (1980). “*Tit for Tat: The Principle of Equal Retribution in Near Eastern and Biblical Law.*” **Biblical Archaeologist** 43:230–234 – Research noting that ancient laws (Hammurabi’s Code, etc.) applied *lex talionis* to perjurers; false witnesses could face the same punishment they sought to inflict.

- French Penal Code, Article 434-13 (current through 2022) – Legal provision defining *faux témoignage* (false testimony) under oath, punishable by up to 5 years’ imprisonment and €75,000 fine, and exempting from punishment a witness who retracts false testimony before the end of proceedings.

- German Criminal Code (Strafgesetzbuch), Sections 153–154 – Statutes covering false testimony: §153 (unsworn false statement) punishable by up to 5 years; §154 (perjury under oath) punishable by *not less than one year* imprisonment (with 6 months minimum in mitigating cases), underscoring that false sworn testimony is a felony in Germany.

- Encyclopædia Britannica (1926 ed., *Perjury* entry) – Historical note that common law originally only recognized perjury in judicial settings

under oath, later expanding to affirmations and other tribunals in the 19th century. (Background for development of perjury law.)

• **Toshpulatov, A.** (2008). “Проблемы уголовной ответственности за ложные показания” – Dissertation (Ph.D.) on issues of criminal liability for false testimony. Cited in Uzbek sources for noting that even ancient religious texts (Bible, Avesta) forbade false witness, and analyzing weaknesses in prior Uzbek law that led to 2018 reforms.

• U.S. Code, Title 18, §1621 – Federal perjury statute. Specifies elements (oath, authorized tribunal, willfully giving false material statement) and penalty of up to 5 years’ imprisonment or fine.

• U.S. LII (Cornell Law School) – Wex Legal Encyclopedia on “Perjury” – Outline of perjury basics in U.S. law: requirement of knowingly lying about a material fact under oath, variations by jurisdiction, and references to federal law prohibiting perjury and false declarations.

**КАЮМОВ БАХТИЁР
ЭРКИНЖОНОВИЧ**

Начальник бакалавриата
Правоохранительной Академии
Республики Узбекистан

**ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ
ПО ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМУ ПАРТНЕРСТВУ**

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются вопросы обеспечения надлежащей защиты прав частного партнера и возможности их свободного осуществления. Анализируется баланс интересов партнеров в ГЧП как основу для успешной реализации соглашения о ГЧП. Автор указывает основные структуры гарантий, предоставляемых государством, общие гражданско-правовые гарантии защиты прав частного партнера. Также, предлагается создать онлайн-платформу для эффективной реализации проектов ГЧП.*

***Ключевые слова:** государственно-частное партнерство, неприкосновенность права собственности, гарантии по защите партнера, гарантия дохода, гарантия минимальной платы за обслуживание, гарантия нормативных и правовых поправок, исключительное право, специальное право.*

***Калит сўзлар:** давлат-хусусий шериклик, мулк ҳуқуқининг дахлсизлиги,*

Keywords: *public-private partnership, exclusive right, special right*

При реализации проекта государственно-частного партнерства (ГЧП) особое значение приобретает защита прав и интересов частного партнера. Вопросы защиты прав частной стороны возникает всегда, особенно если оно вступает в отношения с государством. Государство издревле стремилось привлечь частный капитал делегируя некоторые свои полномочия и гарантируя частной стороне защиту их имущества от национализации, конфискации, реквизиции. Данное положение отражает и Республика Узбекистан, особенно рассматривая ГЧП как основу развития экономики страны и решения общественных проблем. Рассматривая баланс интересов партнеров в ГЧП как основу для успешной реализации соглашения о ГЧП и развития экономики видится справедливым наличие в отечественном законодательстве основополагающих принципов ГЧП – равенство сторон, недопустимость дискриминации (статья 4 Закона о ГЧП¹).

Следует отметить, что Указом Президента Республики Узбекистан от 24 августа 2022 года №УП–198 “О мерах по надежной защите неприкосновенности права собственности, недопущению необоснованного вмешательства в имущественные отношения, повышению уровня капитализации частной собственности”² предусмотрена отмена с 1 сентября 2022 года порядка прекращения права на земельный участок путем отмены актов, явившихся основанием для возникновения права на земельный участок, включая акты Кабинета Министров, органов государственной власти на местах этими же либо вышестоящими органами и должностными лицами, в частности на основании протеста прокурора, за исключением случаев отмены либо признания недействительными данных актов судом.

Также, отмен порядок прекращения прав путем отмены административных актов, явившихся основанием для возникновения имущественных прав, принявшими их или вышестоящими административными органами либо должностными лицами, в частности на основании протеста прокурора, за

¹ Национальная база данных законодательства, 11.05.2019 г., № 03/19/537/3113; 23.01.2021 г., № 03/21/669/0060; 07.06.2022 г., № 03/22/775/0477.

² Национальная база данных законодательства, 25.08.2022 г., № 06/22/198/0770.

исключением случаев отмены либо признания недействительными данных актов судом.

Для успешной реализации проекта ГЧП важно достичь равновесия в интересах партнеров, найти точки соприкосновения, определить справедливое договорное регулирование и указать соответствующие гарантии по защите каждого партнера, в особенности слабой стороны в договоре – частного партнера.

Права и обязанности признаются основополагающим началом гражданско-правового статуса частного партнера. Обязанность является необходимостью конкретного поведения лица и возможностью осуществления своих прав, что обосновывает положение, по которому именно права и обязанности являются объектом правовых гарантий. Таким образом, государство гарантирует не правовые нормы, а непосредственно права и обязанности частной стороны.

Главной гарантией для частной стороны в соглашении о ГЧП является обеспечение государством стабильной правовой системы в стране. Такое обеспечение предполагает объективное, независимое и беспристрастное (принцип недопустимости коррупции) урегулирование споров, могущих возникнуть между частной стороной и государством, кредиторами и третьими лицами.

В целях обеспечения надлежащей защиты прав частного партнера и возможности их свободного осуществления необходимо предусмотреть определенные гарантии в законодательстве. Закон о ГЧП Республики Узбекистан имеет всего одну статью, посвященную гарантиям прав частного партнера, где и отражается лишь его защита от изменения законодательства страны, прямо влияющей на деятельность частной стороны. По данному вопросу имеются 3 нормативных акта (статья 12 ГК РУз, статья 35 ЗРУ «О собственности в Республике Узбекистан», статья 9 ЗРУ «О защите частной собственности и гарантиях прав собственников»), предусматривающих возможность признания недействительным акта государственного и иного органа или органа самоуправления граждан, который не соответствует законодательству и нарушает права частной собственности. Дополнительной гарантией от данного изменения служит Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по кардинальному улучшению инвестиционного климата в Республике Узбекистан» №УП-5495 от 1 августа 2018 года, по которому добросовестно действовавшим инвесторам и субъектам

предпринимательства возмещается имущественный ущерб, в связи с принятием в отношении них со стороны государственного органа (должностного лица) административного акта, в последующем признанного недействительным или его отмены.

Именно вопросы защиты от изменения законодательства широко обсуждается во многих развитых странах, которые стремятся обеспечить надлежащую защиту прав частного партнера не только от неблагоприятного изменения законодательства, но и других негативных последствий.

К примеру, в ОАЭ в Руководстве по ГЧП перечислены три основные структуры гарантий, предоставляемых государством:

1. использование услуг или гарантия дохода: обычно используется в транспортном секторе, поскольку правительство гарантирует частной стороне минимальное использование услуг на ежедневной основе (т.е. гарантированный минимальный дневной доход). В таких случаях, когда минимальный порог не достигается, государство обычно оплачивает разницу;

2. гарантия минимальной платы за обслуживание: этот тип гарантии предусматривает, что государство будет платить частной стороне минимальную плату за обслуживание, как они договорились в соглашении, независимо от результатов работы;

3. гарантия нормативных и правовых поправок: эта форма гарантии не является денежной по своему характеру, но служит для защиты частной стороны от любой будущей нормативной политики. Любой риск, связанный с изменением регуляторной политики, которое может быть принято, несет государственный партнер, поскольку правительство территории несет ответственность за преобладающую регуляторную политику.¹

Для ГЧП в сфере энергетики и водоснабжения в ОАЭ, помимо Дубая, кредитная поддержка обычно предоставляется Министерством финансов Абу-Даби. Такая кредитная поддержка покрывает обязательство покупателя приобрести проект после прекращения действия основного контракта на закупку. Как правило, местное правительство приобретает контрольный пакет акций транспортного средства для доставки.

¹ Anthony Ellis, Phil Hanson, Samer Mahjoub, Charles Oliver and Amro Al-Ahmar. The Public-Private Partnership Law Review: United Arab Emirates. *Herbert Smith Freehills LLP*. 2021.

В определенных секторах (например, образование и другая социальная инфраструктура) некоторые проекты были реализованы без какой-либо государственной гарантии, особенно там, где такие проекты не финансируются за счет проектов.

В Великобритании проекты, закупленные центральным правительством, могут иметь государственный кредитный рейтинг. Государственные гарантии вневедомственных государственных органов не распространены, но иногда предоставлялись в определенных секторах и по наиболее сложным проектам. В 2012 году правительство ввело в действие схему гарантий Великобритании для поддержки крупных проектов, которая продлится до 2026 года и управляется Infrastructure Projects Authority (IPA).¹

Частный партнер обычно принимает на себя значительный риск спроса или использования в проектах PFI / PF2, но для определенных проектов это может быть целесообразным. Существуют примеры предоставления государством гарантий использования для снижения риска спроса в таких случаях.

В Республике Корея (Южная Корея) в соответствии с Законом о ГЧП прямая финансовая поддержка частных лиц может принимать следующие три формы: строительные субсидии, минимальные гарантии дохода и выплаты по окончании контракта.

Строительные субсидии – это финансовая поддержка, предоставляемая государственными органами на этапе строительства, и сроки такой поддержки определяются в концессионном соглашении в связи с планом капитальных вложений концессионера.

При минимальных гарантиях доходов правительство или органы местного самоуправления гарантируют определенную долю доходов по концессионному соглашению, что предназначено для снижения финансового риска частных лиц по привлечению частных инвестиций в проекты ГЧП. Однако государственная гарантия редко предоставлялась для недавно продвигаемых проектов ГЧП.

Выплаты при прекращении действия производятся частным партнерам компетентным государственным органом при расторжении концессионного соглашения. Поскольку право

¹ Tom Marshall, Helen Beatty and Sam Cundall. The Public-Private Partnership Law Review: United Kingdom. *Herbert Smith Freehills LLP*. 2021.

собственности на соответствующую инфраструктуру после прекращения действия концессионного соглашения принадлежит правительству или местным автономным органам власти, были введены выплаты при прекращении действия, чтобы выгоды, получаемые государством от таких инфраструктурных проектов, не составляли неосновательного обогащения для правительства. Выплаты при увольнении выплачиваются в разных диапазонах по каждому типу проектов ГЧП.¹

В Республике Корея право на управление и эксплуатацию считаются имущественными правами, и соответственно к ним применяются положения Гражданского закона, касающиеся недвижимости. Концессионер должен получить предварительное одобрение компетентного органа перед разделением, консолидацией или передачей своих прав на управление.

Европейский Союз для регулирования отношений в сфере ГЧП принял Директиву, которая подробно рассматривает отношения между двумя партнерами и рекомендует странам участникам придерживаться данных положений. Директива предусматривает два варианта прав, которыми могут пользоваться партнеры:

1. «исключительное право» (exclusive right): право, предоставленное компетентным органом государства-члена посредством любого закона, постановления или опубликованного административного положения, которое совместимо с Договорами, следствием которых является ограничение осуществления деятельности одним экономическим оператором, и который существенно влияет на способность других экономических операторов осуществлять такую деятельность;

2. «специальное право» (special right): право, предоставленное компетентным органом государства-члена посредством любого закона, постановления или опубликованного административного положения, которое совместимо с Договорами, действие которых заключается в ограничении осуществления деятельности двумя или более экономическими операторами, которые существенно влияют на способность других экономических операторов осуществлять такую деятельность.

¹ Soongki Yi, Young Woo Park and Pilwoon Oh. The Public-Private Partnership Law Review: South Korea. *Yoon & Yang LLC*. 2021.

Как таковых государственных гарантий для ГЧП во Франции не существует. Однако в начале 2009 года государство создало систему гарантий для приоритетных проектов ГЧП в ответ на финансовый кризис, который затронул ряд очень крупных ГЧП. FIN INFRA рассмотрела четыре проекта на общую сумму более 13 миллиардов евро, но только один проект – по схеме концессионного соглашения – был выбран для получения гарантии: высокоскоростная железная дорога Sud Europe Atlantique, которая была самой большой железной дорогой в истории ГЧП когда-либо реализованная в Европе (финансирование 7,8 млрд евро). Это концессионное соглашение было предоставлено Réseau Ferré de France консорциуму во главе с VINCI, и государство гарантировало кредиторам приоритетный обеспеченный долг в размере 1,06 млрд евро.¹

В отличие от государства, местные власти могут гарантировать ссуды, предоставленные проектной компанией по концессионному соглашению или договору о партнерстве. Более того, государственный заказчик (включая государство) может заключать прямые соглашения с частной стороной и ее кредиторами для урегулирования конкретных вопросов (отмена или недействительность концессионного соглашения, или договора о партнерстве) и защиты интересов кредиторов.

В Республике Узбекистан права и обязанности частного партнера нуждаются в специальных правовых инструментах, осуществляющих надежную охрану и защиту прав частного партнера, обеспечивающих беспрепятственное пользование правами частного партнера и надлежащее исполнение возложенных на него обязанностей.

В Республике Узбекистан вопросы защиты прав частного партнера регулируется Законом о ГЧП (статья 34). Однако, кроме специального нормативно-правового акта в нашей стране существуют и общие правила по защите прав и интересов как частной, так и публичной стороны. К примеру, общим нормативно-правовым актом является Гражданский кодекс Республики Узбекистан, который определяет основные положения регулирования отношений в сфере ГЧП (сделки, вещные права, обязательства). В отношении заключения, изменения, расторжения

¹ Francois-Guilhem Vaissier, Louis-Jérôme Laisney, Olivier Le Bars and Sacha Ruffié. The Public-Private Partnership Law Review: France. *White & Case LLP*. 2021.

и прекращения соглашения о ГЧП можно смело применять положения ГК РУз о договорах и сделках, что касается надлежащего исполнения обязательств, ответственности при ненадлежащем исполнении либо при не исполнении обязательств, а также обеспечении исполнения обязательств допускается применение общих положений об обязательствах, при получении земли во временное пользование либо владение допускается использование положений договора аренды либо института вещного права, при определении субъектного состава в ГЧП мы снова обращаемся к институту ГК о лицах (физические и юридические лица, а также государство). Так еще раз доказывается гражданско-правовое преобладание в отношениях ГЧП с момента заключения соглашения и до момента его прекращения либо расторжения.

Из проведенного анализа действующего законодательства в сфере ГЧП можно прийти к выводу о том, что гарантии прав частного партнера имеют свою специфическую особенность, которая выражается в следующем:

1. общие гражданско-правовые гарантии. Конструкция соглашения о ГЧП идентична гражданско-правовому договору, что говорит о возможности частного партнера пользоваться всеми гарантиями, установленными Гражданским кодексом.

2. инвестиционные гарантии. В большинстве случаев частным партнером в ГЧП выступает инвестор, и соответственно на него распространяются положения о защите прав инвесторов, предусмотренные инвестиционным законодательством.

3. публичные гарантии. Закон о ГЧП позволяет применять в отношении частной стороны публичные гарантии (к примеру, в налоговой сфере).

4. специальные гарантии. Статья 34 Закона о ГЧП предусматривает гарантии защиты прав и интересов частного партнера при изменении некоторых положений законодательства.

Общие гражданско-правовые гарантии защиты прав частного партнера могут быть проявлены в нижеследующем:

1. судебная защита гражданских прав, нашедшей свое отражение в статье 10 ГК.

2. невозможность в одностороннем порядке отказаться от исполнения обязательств (статья 237 ГК).

3. недопустимость в одностороннем порядке изменения условий договора (статья 237 ГК).

4. Возможность изменить, дополнить или расторгнуть соглашение о ГЧП только по соглашению сторон или в судебном порядке (статья 29 Закона о ГЧП и статья 382 ГК).

5. Прекращение отношений между партнерами после надлежащего исполнения соответствующих обязательств (статья 341 ГК).

Кроме того, в теории цивилистической науки предусматриваются случаи, когда договор может быть прекращен при банкротстве одной стороны или ее ликвидации, то с наступлением смерти лица, либо по обоюдному согласию сторон, или неисполнение одной стороной своих обязательств предоставляет право другой стороне обратиться в суд с требованием о расторжении договора. Исходя из того, что ГЧП подпадает под гражданско-правовое регулирование следует использовать данные положения и в отношении указанного института. В связи с вышеизложенным видится целесообразным предусмотреть в законодательстве о ГЧП нормы по которым, соглашение о ГЧП может быть расторгнуто в случае банкротства и / или ликвидации частного партнера.

Публичные гарантии уже отражены в самом Законе о ГЧП, которые проявляются в виде выплаты субсидий, вкладов в виде активов и имущества, выделения бюджетных средств, предоставления бюджетных ссуд, займов, грантов, кредитных линий и других видов финансирования, налоговые льготы и преференции (устанавливаются Налоговым кодексом Республики Узбекистан) (статья 38 Закона о ГЧП). Так, можно сделать вывод, что публичные гарантии защиты прав частных партнеров представляют собой исключительно денежный характер.

Обеспечение открытости и прозрачности отношений в сфере ГЧП предусматривается законодательством в ограниченном виде – принцип прозрачности правил и процедур при осуществлении ГЧП. В Республике Узбекистан должным образом не налажена работа по доступности информации о соглашениях, заключаемых публичной и частной стороной в рамках ГЧП.

В связи с этим предлагается рассмотреть вопрос создания онлайн-платформы:

- облегчающей подготовку проектов ГЧП;

- позволяющей получать информацию проектах ГЧП, субъектах, объектах и стоимости проекта, сориентировать в арсенале доступных правовых инструментов.

- создающей условия для обратной связи (feed back) для частных партнеров.

Видится целесообразным предусмотреть в законодательстве о ГЧП норму, по которой соглашение о ГЧП может быть расторгнуто в случае банкротства и/или ликвидации частного партнера.

**ALLANOV ORIF
MENGLIMURATOVICH**

TATU Kiberxavfsizlik va kriminalistika
kafedrası mudiri, PhD, dotsent

**TURDIBEKOV BAXTIYOR
BAXODIR O'G'LI**

TATU Kiberxavfsizlik va kriminalistika
kafedrası assistenti

**RAQAMLI KRIMINALISTIKADA FOYDALANILUVCHI
ZAMONAVIY DASTURIY VOSITALAR TAHLILI**

Zamonaviy raqamli asrda jinoyat tahlili, sud ekspertizasi va axborot xavfsizligi sohalarida raqamli kriminalistik vositalarning roli beqiyosdir. Quyida turli vositalar Recuva, Stylesuxx, Autopsy, FotoForensics, LogAnalyzer (Event Viewer), Magnet App Simulator, Wireshark, AccessData FTK kabilarning nazariy asoslari, amaliy qo'llanilishi, imkoniyatlari va kamchiliklari tahlil qilinadi. Ushbu vositalar foydalanuvchilarga raqamli dalillarni tiklash, tahlil qilish va himoya qilishda muhim ko'nikmalarni beradi. Zamonaviy texnologiyalar taraqqiyoti bilan raqamli kriminalistika – ya'ni kompyuter va boshqa elektron qurilmalardagi ma'lumotlarni tergov qilish sohasi jadal rivojlanmoqda. Bugungi kunda sud ekspertizasi jarayonlarida raqamli dalillar muhim o'rin egallab, ularni aniqlash, tiklash va tahlil qilishda maxsus dasturiy vositalar ishlatiladi.

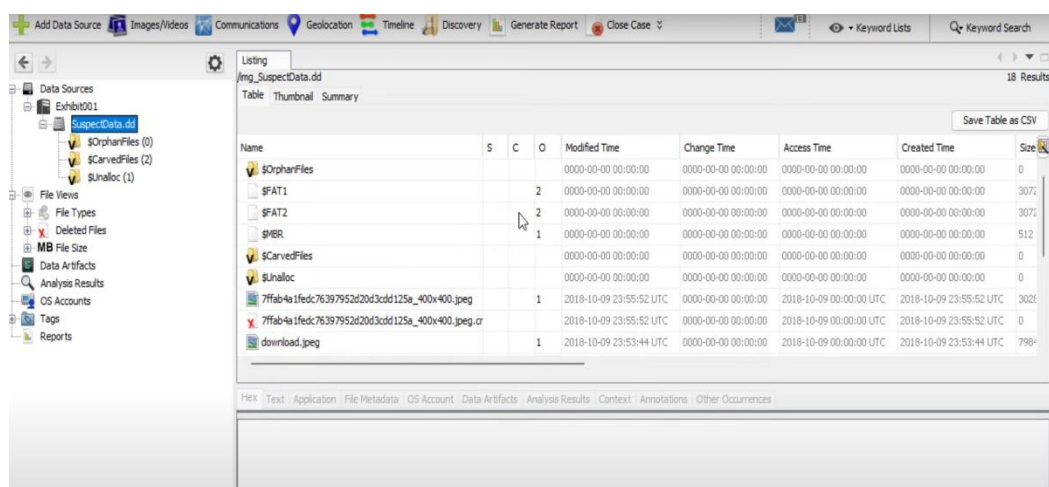
Raqamli kriminalistik vositalardan biri **Recuva** dasturidir. Bu dastur orqali noto'g'ri o'chirilgan yoki zarar yetgan fayllarni tiklash imkoniyati mavjud. Recuva ma'lumotlar tiklashning foydalanuvchi uchun qulay

[illegible]

Stylesuxx Steganography kabi dasturiy vositalar esa axborotni boshqa fayllar – masalan, rasm ichida yashirish imkonini beradi. Bu holat ko‘plab jinoyat ishlarida, xususan, noqonuniy axborot uzatish va yashirish holatlarini aniqlashda muhim vosita bo‘lib xizmat qiladi. Stylesuxx yordamida fayl ichiga yashirilgan ma’lumotni chiqarib olish va tahlil qilish mumkin. Bu orqali tergovchi vizual jihatdan oddiy ko‘ringan rasm ortida qanday matn yoki kod mavjudligini aniqlaydi. 2-rasmda Stylesuxx vositasida tasvir faylga maxfiy ma’lumotni kiritilishi jarayoni tasviri keltirilgan.

2-rasm. Stylesuxx vositasida tasvir faylga maxfiy ma'lumotni kiritilishi

Operatsion tizimda sodir bo'lgan hodisalarni chuqur tahlil qilish uchun **Autopsy** forensik platformasi ishlatiladi. Bu vosita ochiq manba asosida ishlab chiqilgan bo'lib, diskdagi har qanday harakat, ochilgan hujjatlar, o'chirilgan fayllar, kirish-chiqish vaqtlarini aniqlash imkonini beradi. U o'zining modulli arxitekturasi bilan katta hajmdagi dalillarni avtomatlashtirilgan tarzda tahlil qiladi. Foydalanuvchi faoliyati, veb-sahifa tarixlari, multimedia fayllar, elektron pochta yozishmalari — barchasi Autopsy orqali ko'rib chiqilishi mumkin. 3-rasmda Autopsy dastur vositasida Windows Operatsion tizimi tahlili natijasi tasviri keltirilgan.

The screenshot shows the Autopsy interface with a file listing table. The table has columns for Name, S, C, O, Modified Time, Change Time, Access Time, Created Time, and Size. The data is as follows:

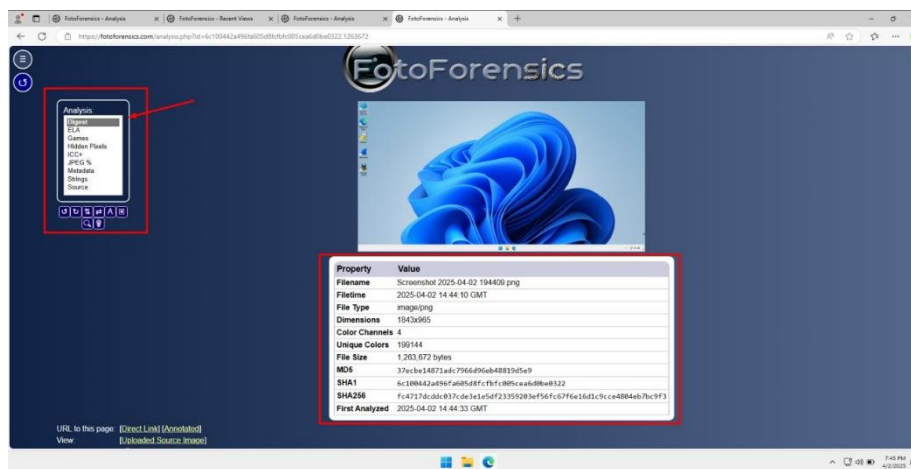
Name	S	C	O	Modified Time	Change Time	Access Time	Created Time	Size
\$OrphanFiles				0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0
\$FAT1			2	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	3072
\$FAT2			2	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	3072
\$MFT			1	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	512
\$CarvedFiles				0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0
\$Unaloc				0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0000-00-00 00:00:00	0
7fab4a1fedc76397952d20d3cdd125a_400x400.jpeg			1	2018-10-09 23:55:52 UTC	0000-00-00 00:00:00	2018-10-09 00:00:00 UTC	2018-10-09 23:55:52 UTC	3020
7fab4a1fedc76397952d20d3cdd125a_400x400.jpeg.cr				2018-10-09 23:55:52 UTC	0000-00-00 00:00:00	2018-10-09 00:00:00 UTC	2018-10-09 23:55:52 UTC	0
download.jpeg			1	2018-10-09 23:53:44 UTC	0000-00-00 00:00:00	2018-10-09 00:00:00 UTC	2018-10-09 23:53:44 UTC	7984

3-rasm. Autopsy dastur vositasida tahlil natijasi

Windows tizimi foydalanuvchilari uchun esa **Windows Event Viewer** muhim vositalardan biri hisoblanadi. Bu ilova orqali tizimdagi barcha faoliyat, hodisalar va xatoliklar loglarda qayd etiladi. Event Viewer orqali xavfsizlik buzilishi, kirish urinishlari, tizim ishdan chiqishi, dasturiy xatoliklar kabi holatlar aniqlanadi. Xususan, *Event ID 6005* tizim ishga tushganini, *ID 6006* esa tizim o'chirilganini bildiradi. Bundan tashqari, *Event ID 41* – to'satdan quvvat uzilishi yoki qayta yuklanishni ko'rsatadi.

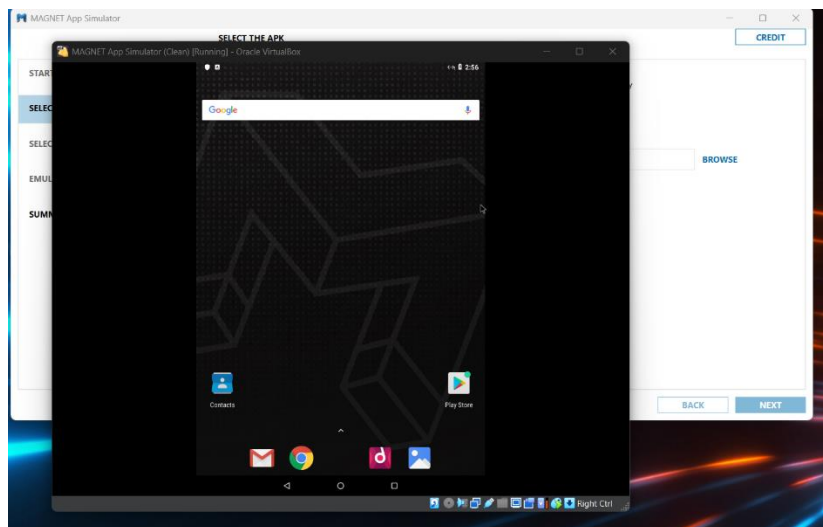
Raqamli tasvirlar (rasmlar) soxtaligini aniqlashda **FotoForensics** vositasi muhim o'rin tutadi. U rasmga o'zgartirish kiritilgan-kiritilmaganligini ELA (Error Level Analysis) orqali tahlil qiladi. Raqamli jinoyatlarda – ayniqsa montajlangan suratlar, qalbakilashtirilgan pasportlar yoki boshqa hujjatlarda – FotoForensics rasmning haqiqiylikini tekshiradi. Bu vosita yordamida rasmning metadata ma'lumotlari (EXIF) ham o'rganiladi: qachon olingan, qaysi qurilmada, GPS ma'lumotlari va

boshqalar. 4-rasmda Foto forensic veb ilovasida tasvir faylni tahlil qilish jarayoni tasviri keltirilgan.

4-rasm. Foto forensic veb ilovasida tasvir faylni tahlil qilish jarayoni

Mobil qurilmalar kriminalistikasi sohasida **Magnet App Simulator** asosiy vositalardan biridir. Bu dastur Android qurilmasidan olingan ma'lumotlar asosida mobil ilovani virtual tarzda ishga tushiradi va sud-tergov organlariga vizual tarzda ilova qanday ishlaganini, foydalanuvchi qanday kontent bilan ishlaganini ko'rsatadi. .apk fayllar va /data/ katalogidan olingan ma'lumotlar asosida mobil ilovaning haqiqiy faoliyati emulyatsiya qilinadi. Bu esa gumondorning ilova ichidagi harakatlarini aniq ko'rsatib beradi. 5-rasmda Magnet simulyatorda android ilovani ishga tushirish jarayoni tasviri keltirilgan.

5-rasm. Magnet simulyatorda android ilovani ishga tushirish jarayoni

Internet va lokal tarmoqlarda sodir bo‘ladigan trafikni real vaqt rejimida tahlil qilish uchun eng kuchli vositalardan biri bu **Wireshark** hisoblanadi. Bu ilova turli protokollarda uzatilayotgan paketlarni filtrlaydi, dekodlaydi va ularni vizual ko‘rinishda taqdim etadi. Foydalanuvchi faolligi, yuborilgan parollar, ishlatilgan saytlar, shubhali trafiklar Wireshark orqali aniqlanadi. Ayniqsa, lokal tarmoqlarda ma’lumot o‘g‘riligi, port skanerlash, zararli trafikni kuzatishda bu vosita beqiyos ahamiyatga ega. 6-rasmda Wireshark dasturiy vositasida umumiy tarmoq trafigi tahlili natijasining tasviri keltirilgan.

No.	Time	Source	Destination	Protocol	Length	Info
596	1.063173	fe80::80a0:f67e:162...	ff02::1:3	LLNMR	93	Standard query 0x46e2 A localVucSemRB
597	1.064047	101.101.201.223	224.0.0.252	LLNMR	73	Standard query 0x46e2 A localVucSemRB
598	1.065318	fe80::80a0:f67e:162...	ff02::1:3	LLNMR	93	Standard query 0x44fb AAAA localVucSemRB
599	1.066210	101.101.201.223	224.0.0.252	LLNMR	73	Standard query 0x44fb AAAA localVucSemRB
600	1.070423	101.113.113.147	230.0.0.1	UDP	92	55356 → 6666 Len=50
601	1.078479	172.20.9.227	224.0.0.252	IGMPv2	60	Membership Report group 224.0.0.252
602	1.080189	101.104.16.78	224.0.0.251	NDMS	60	Standard query response 0x0000
603	1.081149	fe80::68cc:bfd6:6ca...	ff02::fb	NDMS	74	Standard query response 0x0000
604	1.087004	HewlettP_b8:28:90	Broadcast	ARP	60	Who has 172.20.1.166? Tell 172.20.1.111
605	1.093529	HewlettP_27:5f:ed	Spanning-tree (for...	STP	119	Root = 32768/0/00:16:e0:4e:28:00 Cost = 420 Port = 0x001b
606	1.100564	101.254.123.118	101.255.255.255	NDMS	92	Name query NB WPAD(00)
607	1.111710	HuaweiE_09:16:1d	Broadcast	0x9908	60	Ethernet II
608	1.112536	Vmware_56:8e:f3	Broadcast	ARP	60	Who has 172.20.15.39? Tell 172.20.88.5
609	1.112536	Vmware_56:8e:f3	Broadcast	ARP	60	Who has 172.20.18.60? Tell 172.20.88.5
610	1.112536	Vmware_56:8e:f3	Broadcast	ARP	60	Who has 172.20.12.208? Tell 172.20.88.5
611	1.112536	Vmware_56:8e:f3	Broadcast	ARP	60	Who has 172.20.11.105? Tell 172.20.88.5

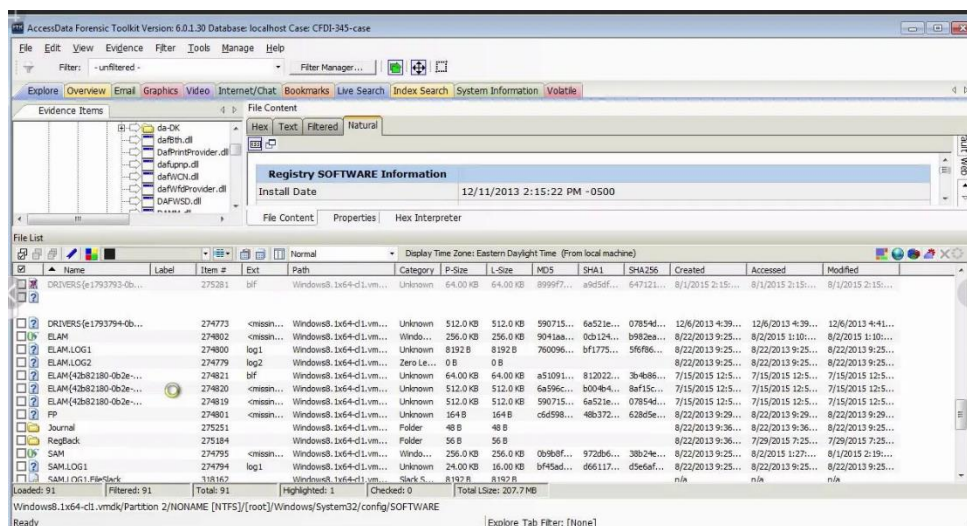
> Frame 1: 60 bytes on wire (480 bits), 60 bytes captured (480 bits) on interface \Device\NPF_{A050530E-1C92-4630-81E6-78E05C995BAE}, id 0
 > Ethernet II, Src: QuantaCo_16:42:5d (b4:a9:fc:16:42:5d), Dst: Broadcast (ff:ff:ff:ff:ff:ff)
 > Address Resolution Protocol (request)

```

0000  ff ff ff ff ff ff b4 a9 fc 16 42 5d 08 06 00 01  .....B.....
0010  08 00 06 04 00 01 b4 a9 fc 16 42 5d ac 14 00 cc  .....B.....
0020  00 00 00 00 00 00 ac 14 06 d1 00 00 00 00 00 00  .....
0030  00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00  .....
  
```

6- rasm. Wiresharkda umumiy tarmoq trafigi tahlili natijasi

Raqamli kriminalistika sohasida keng qo‘llaniladigan kuchli vositalardan biri bu **AccessData Forensic Toolkit (FTK)** dasturidir. U jinoyat tergovlari, sud-ekspertiza tahlillari va axborot xavfsizligi sohasida raqamli qurilmalardagi ma’lumotlarni aniqlash, tahlil qilish va hujjatlashtirish uchun ishlab chiqilgan. FTK yordamida nafaqat kompyuterlar, balki smartfonlar va boshqa raqamli qurilmalarning ham chuqur tahlili amalga oshiriladi. 7-rasmda AccessData Forensic Toolkit ishchi oynasi tasviri keltirilgan.

7- rasm. AccessData Forensic Toolkit ishchi oynasi

Yuqorida keltirilgan ma'lumotlar asosida quyida raqamli kriminalistika vositalarining vazifasi, afzalliklari va kamchiliklari 1-jadvalda tahlili keltirilgan.

1-jadval

Umumlashtirilgan raqamli kriminalistika vositalari tahlili

Dastur nomi	Asosiy vazifasi	Afzalliklari	Kamchiliklari
Recuva	O'chirilgan fayllarni tiklash	Oddiy interfeys, bepul	Cheklangan tiklash imkoniyati
Stylesuxx	Steganografiyani aniqlash	Yengil va tez	Ko'p fayl formatlarini qo'llamaydi
Autopsy	Diskdagi dalillarni tahlil qilish	Ko'p funksiyali, bepul	Ko'p resurs talab qiladi
FotoForensics	Rasm haqiqiylikni tekshirish	Online, tezkor	Tahlil aniqligi cheklangan
Event Viewer	Windows hodisalarini kuzatish	Tizim hodisalari haqida aniq ma'lumot	Yangi foydalanuvchi uchun murakkab

Magnet App Simulator	Mobil ilova dalillarini simulyatsiya qilish	Android apk-larni real ko‘rinishda ko‘rsatadi	Faqat Android ilovalari uchun
Wireshark	Tarmoq trafigini tahlil qilish	Real vaqtli trafik tahlili	Ma’lumotlarni tushunish qiyin bo‘lishi mumkin
AccessData FTK	Diskdagi barcha ma’lumotlarni kriminalistik tahlil qilish	Keng imkoniyatli, professional	Murakkab interfeys, litsenziya kerak

Raqamli kriminalistika vositalari axborot xavfsizligini ta’minlash, jinoyatlarni fosh etish va dalillarni huquqiy tarzda asoslashda muhim ahamiyat kasb etadi. Har bir vosita o‘z sohasida ixtisoslashgan bo‘lib, ular yordamida fayllarni tiklashdan tortib, tarmoqdagi harakatlarni nazorat qilishgacha bo‘lgan keng ko‘lamli tahlillarni amalga oshirish mumkin. Recuva kabi dasturlar ma’lumotlarni tiklashni ta’minlasa, Wireshark tarmoq trafigini real vaqtda ko‘rsatib beradi. Magnet App Simulator esa mobil qurilmalarda amalga oshirilgan harakatlarni vizual ko‘rsatib, tergovchilarga qulaylik yaratadi. Autopsy, FotoForensics, Event Viewer esa chuqur tizimli yoki vizual tahlillarni olib boradi. Kelajakda bu kabi vositalarning sun’iy intellekt bilan integratsiyasi raqamli kriminalistik tahlilni yanada samaraliroq va tezroq amalga oshirishga xizmat qiladi. Shu boisdan, ushbu vositalarni o‘rganish va amaliyotda to‘g‘ri qo‘llash zamonaviy raqamli xavfsizlik mutaxassislari uchun zaruriy bilim va ko‘nikmalardan biridir.

ALIMARDON AHMADOV

Prosecutor of the Scientific and Educational
Center for Combating Corruption of the Law
Enforcement Academy of the Republic of
Uzbekistan, Judicial Advisor

COMMUNICATION NETWORKS IN ASSET RECOVERY – A GLOBAL TOOL IN COMBATING CORRUPTION

Abstract. *Informal communication networks have become a crucial but poorly studied element of worldwide asset recovery operations targeting corruption. This research examines how organizations like the Asset Recovery Inter-Agency Network (ARIN), the Egmont Group, and regional Asset Recovery Networks enhance international cooperation through immediate intelligence exchange, relationship building, and bypassing formal mutual legal assistance limitations.*

By analyzing operational frameworks and expert perspectives, this study shows these unofficial channels have proven essential in retrieving billions in misappropriated funds while functioning within regulatory ambiguity that creates concerns regarding oversight, uniformity, and legal consistency.

The research contends that with corruption tactics growing more complex and digital, the strategic evolution of these networks presents both possibilities and obstacles for international asset recovery's future.

Keywords: *asset recovery, informal networks, anti-corruption, cross-border cooperation, financial intelligence*

Аннотация. *Норасмий алоқа тармоқлари коррупцияга қарши кураш доирасида активларни қайтариш бўйича глобал саъй-ҳаракатларнинг энг муҳим, бироқ етарлича ўрганилмаган қисмларидан бирига айланди. Ушбу мақолада активларни қайтариш бўйича идоралараро тармоғи (ARIN) “Эгмонт” гуруҳи ва минтақавий активларни қайтариш тармоқлари каби норасмий тармоқлар трансчегаравий ҳамкорликка қандай ҳисса қўшаётгани таҳлил қилинди. Улар реал вақт режимида ахборот алмашувини таъминлаб, ўзаро ишончни мустаҳкамлайди ва ўзаро ҳуқуқий ёрдамнинг расмий тартиб-таомиллари чекловларини четлаб ўтиш имконини беради.*

Операцион механизмлар ва мутахассислар фикрини ўрганиш орқали тадқиқотда хулоса қилиндики, ушбу норасмий каналлар миллиардлаб долларлик ўғирланган активларни қайтаришида муҳим роль ўйнайди, бироқ улар қонунийлик, стандартлаштириш ва ҳисобдорлик масалаларига оид “сояли зона”да фаолият юритади.

Мақолада таъкидланишича, коррупция схемалари тобора мураккаб ва рақамлашган тус олаётган бир вақтда, бундай тармоқларни стратегик ривожлантириш халқаро активларни қайтаришининг келажаги учун бир вақтнинг ўзида имконият ҳам, муҳим вазифа ҳам ҳисобланади.

Калит сўзлар: активларни қайтариш, норасмий тармоқлар, коррупцияга қарши кураш, трансгегаравий ҳамкорлик, молиявий разведка

Аннотация. Неформальные коммуникационные сети стали важнейшим, но недостаточно изученным компонентом глобальных усилий по возврату активов в рамках борьбы с коррупцией. В данной статье анализируется, как такие сети, как Межведомственная сеть по возврату активов (ARIN), Группа «Эгмонт» и региональные сети по возврату активов, способствуют трансграничному сотрудничеству, обеспечивая обмен разведывательной информацией в режиме реального времени, выстраивая доверительные отношения и обходя ограничения формальных процедур взаимной правовой помощи.

Благодаря изучению операционных механизмов и экспертных мнений, исследование показывает, что эти неформальные каналы сыграли важную роль в возврате миллиардов похищенных активов, действуя в условиях «серой зоны» регулирования, которая поднимает вопросы подотчётности, стандартизации и правовой согласованности.

В статье утверждается, что по мере того, как коррупционные схемы становятся всё более сложными и цифровыми, стратегическое развитие этих сетей представляет собой одновременно и возможность, и вызов для будущего международного возврата активов.

Ключевые слова: возврат активов, неформальные сети, борьба с коррупцией, трансграничное сотрудничество, финансовая разведка

Introduction.

Over the years, our battle against corruption worldwide has undergone a dramatic transformation, and recovering illicit assets has become one of the most crucial – yet incredibly difficult – parts of this fight. When you look at the numbers, it is staggering: the World Bank tells us about public officials in developing countries steal somewhere between 20 to 40 billion dollars every single year¹. Even more disheartening is what the UN Office on Drugs and Crime discovered – we are only managing to get back about 2% of all illicit money globally². While we have solid legal frameworks and international treaties that form the backbone of cross-border asset recovery efforts, there is another world operating alongside these formal systems. It is a network of dedicated professionals – investigators, prosecutors, regulatory officials, people working in financial intelligence units, and civil society advocates –

¹ World Bank, "Stolen Asset Recovery (StAR) Initiative: Challenges, Opportunities, and Action Plan" (2007), p. 9.

² United Nations Office on Drugs and Crime, "Estimating Illicit Financial Flows Resulting from Drug Trafficking and Other Transnational Organized Crimes" (2011), p. 127.

who've learned to work together in ways that cut through red tape¹. These networks have become essential for practitioners around the world, allowing them to share intelligence quickly, coordinate complicated investigations, and find their way through the maze of different countries' legal systems.

Here is the problem with sticking only to official channels: traditional mutual legal assistance can drag on for 12 to 18 months², but corrupt officials can zip their stolen money across international borders in mere minutes using today's financial technology. When you are dealing with criminals who move this fast, relying solely on formal mutual legal assistance treaties and diplomatic processes – important as they are³ – simply is not enough to keep up with how quickly and cleverly corrupt actors operate⁴.

These informal working relationships have proven their worth by helping recover billions in illicit assets. Just looking at StAR played a role in the confiscation and repatriation of nearly USD 1.9 billion worth of illicit assets following requests from diverse jurisdictions⁵. Meanwhile, the Egmont Group's 166 financial intelligence units share more than 65,000 intelligence reports with each other every year⁶.

This article explores how informal communication networks have become vital to recovering illicit assets around the world, looking at how they work, how effective they are, and tackling the ongoing struggle between the flexibility that makes them so useful and the formal legal requirements that still need to be met when it comes to getting assets back.

1. Overview of Informal Communication Networks

It is not possible to overstate how important informal information sharing has become when it comes to tracking down illicit assets. What

¹ FATF (2023), Recovering International Proceeds of Crime through Inter-Agency Networks, FATF, Paris, <http://www.fatf-gafi.org/publications/Methodsandtrends/recovering-proceeds-crime-inter-ag>

² Transparency International, "Exporting Corruption: Progress Report 2020: Assessing Enforcement of the OECD Anti-Bribery Convention" (2020), p. 15.

³ World Bank / UNODC. (2018). Stolen Asset Recovery: International good practices for non-conviction based (NCB) forfeiture. <https://star.worldbank.org>

⁴ Stephenson, K., Gray, L., Power, R., Brun, J.-P., Dunker, G., & Panjer, M. (2011). Barriers to Asset Recovery: An Analysis of the Key Barriers and Recommendations for Action. The World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2323>

⁵ World Bank & UNODC. (2023). Stolen Asset Recovery Initiative (StAR): Annual report 2022. Washington, DC: World Bank. <https://star.worldbank.org/sites/star/files/publication/star-annual-report-2022.pdf>

⁶ Egmont Group of Financial Intelligence Units, "Annual Report 2022-2023" (2023), p. 18.

happens is that officials in one country can reach out directly to their colleagues in other countries, get advice, and share information without going through all the usual bureaucratic channels. Using secure communication platforms, they can get financial information about bank transactions or specific individuals incredibly quickly.

Here is a real example of how this works: let us say prosecution authorities in Uzbekistan need to know if someone has a bank account in another country. They can send an informal request through the ARIN-WCA Secretariat to the right authority in a member country from another ARIN network, simply asking whether this person has an account there¹. These networks are incredibly useful because they are fast and it is easy to contact the right people.

The reality is that in most cases, tracking down and recovering assets that have been moved illegally across borders is not something any single country can handle on its own – it requires countries to work together. This cooperation happens in two main ways: the formal route (through mutual legal assistance) and the informal route (through working networks and established contact points)². As the world has gained experience fighting corruption, we have seen the development of several specialized networks and systems that allow countries to quickly share information, help each other out, and even work together to recover illicit assets.

Asset Recovery Inter-Agency Network (ARIN)

Asset Recovery Inter-Agency Networks (ARINs) are basically international and regional groups that have been set up to help countries work together at every step of getting back stolen money. ARINs connect many countries through seven regional ARIN networks that have been established around the world³, including: ARIN-WCA – Asset Recovery Inter-Agency Network for West and Central Asia; ARIN-AP – Asset Recovery Inter-Agency Network for Asia-Pacific; ARIN-WA – Asset Recovery Inter-Agency Network for West Africa; ARIN-EA – Asset Recovery Inter-Agency Network for East Africa; ARINSA – Asset

¹ International Partnerships on Asset Recovery. Overview and Global Directory of Networks. StAR. <https://star.worldbank.org/sites/star/files/networks-16-reduced-maps.pdf>

² Three ways to improve international cooperation in asset recovery. <https://baselgovernance.org/blog/three-ways-improve-international-cooperation-asset-recovery#:~:text=1,mutual%20legal%20assistance%20requests>

³ FATF (2023), Recovering International Proceeds of Crime through Inter-Agency Networks, FATF, Paris, <http://www.fatf-gafi.org/publications/Methodsandtrends/recovering-proceeds-crime-inter-ag>

Recovery Inter-Agency Network for Southern Africa; CARIN – Camden Asset Recovery Inter-Agency Network (Europe and Eurasia); RRAG – Red de Recuperación de Activos de GAFILAT (Asset Recovery Network of GAFILAT – Latin America)¹.

These networks create a connected global system of informal cooperation that dramatically improves how well cross-border asset recovery efforts work².

The way these networks operate is similar across the board: when you need to track down illicit assets that have been moved to another country, you make a request to a contact person in that jurisdiction, who then tries to get the information you need through their own network. Everyone uses English as the working language, and all members can communicate comfortably in it; contact people can reach out to each other directly by phone or email. ARIN contacts provide help throughout the entire investigation, especially when it comes to identifying assets, freezing or seizing them, confiscating them, and getting them returned, including figuring out how recovered assets should be divided up between countries. This is how ARIN networks have become so important for getting timely information about corruption and economic crimes and for speeding up formal legal processes by using informal communication channels.

Uzbekistan is not just a member of the ARIN-WCA network – it runs the show as the network’s Secretariat³. What is worth pointing out is that the ARIN-WCA network handles quite a range of tasks when it comes to identifying, tracking down, freezing, seizing, confiscating, and getting back assets that were illicitly obtained through corruption and other crimes and then moved overseas.

What makes the ARIN-WCA network so convenient and effective⁴ is how straightforward it is to get information – you can make simple requests using a sample format they provide. Before you even submit a request, you can have consultations about it, and if you run into questions

¹ FATF (2023), Recovering International Proceeds of Crime through Inter-Agency Networks, FATF, Paris, <http://www.fatf-gafi.org/publications/Methodsandtrends/recovering-proceeds-crime-inter-ag>

² OECD. (2021). Asset Recovery under the Anti-Bribery Convention: Snapshots of Cases and Lessons Learned. Paris: OECD Publishing. <https://www.oecd.org/corruption/asset-recovery.htm>

³ OECD (2024), Baseline Report of the Fifth Round of Monitoring of Anti-Corruption Reforms in Uzbekistan: The Istanbul Anti-Corruption Action Plan, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/363ba9d8-en>.

⁴ <https://www.unodc.org/rpanc/en/asset-recovery-interagency-network-of-west-and-central-asia-arin-wca.html>

or things are not clear, national contact points can check with the Secretariat as part of their regular work. There is an important privacy protection built in any information or documents you get through a request cannot be shared with third parties or other countries without written permission from whoever made the original request.

Here is something crucial to understand about information you get through the ARIN-WCA network – it cannot be used as evidence in criminal, administrative, civil, or economic proceedings, or when resolving other disputes¹. The only way such information can be used as evidence is if it has been collected following the procedures laid out in Uzbekistan’s Criminal Procedure Code and meets the specific requirements outlined in Articles 88, 90, and 92–94 of that Code.

Egmont Group of Financial Intelligence Units

The Egmont Group of Financial Intelligence Units (FIUs) is an informal structure that unites FIUs from around the world. Its main objective is to strengthen mechanisms for information exchange among member FIUs and to provide methodological assistance. Currently, the Egmont Group includes over 150 countries² (181 FIUs)³, and Uzbekistan has been a member of this network since 2011⁴. For example, if Uzbekistan’s FIU (Department for Combating Economic Crimes⁵) needs information regarding proceeds transferred abroad, it may send a request through the Egmont Group to the competent authority of the relevant country via a secure channel.

It should be noted that the information or documents obtained through exchanges between FIUs cannot be used directly as procedural evidence. However, the Egmont Group is considered highly useful in the initial stages of investigating illicit assets by providing relevant information.

¹ OECD (2024), Baseline Report of the Fifth Round of Monitoring of Anti-Corruption Reforms in Uzbekistan: The Istanbul Anti-Corruption Action Plan, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/363ba9d8-en>.

² Egmont Group Annual Report. 2014-2015. https://egmontgroup.org/wp-content/uploads/2021/09/Egmont_Group_Annual_Report_2014-2015.pdf

³ <https://egmontgroup.org/about/funding>

⁴ O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 05.09.2018 yildagi “Egmont” moliyaviy razvedka bo‘linmalari guruhining faoliyatida ishtirok etish doirasida O‘zbekiston Respublikasining majburiyatlarini ta’minlashga doir tashkiliy chora-tadbirlar to‘g‘risida”gi 710-son qarori.

⁵ O‘zbekiston Respublikasi. (2004, 26-avgust). “Jinoiy faoliyatdan olingan daromadlarni legallashtirishga, terrorizmni moliyalashtirishga va ommaviy qirg‘in qurolini tarqatishni moliyalashtirishga qarshi kurashish to‘g‘risida”gi Qonun, № 660-II.

INTERPOL (International Criminal Police Organization)

Another global organization that plays an important role in asset recovery is INTERPOL, of which Uzbekistan has been a member since 1994¹. INTERPOL carries out its activities through a system of notices² – a mechanism of international police cooperation used to identification, tracking, and freezing of assets linked to criminal proceedings.

While INTERPOL does not itself enforce asset freezes or confiscations, its tools and coordination channels often serve as the first point of contact or catalyst for formal mutual legal assistance procedures or informal interagency cooperation. In practice, INTERPOL complements other mechanisms such as the Egmont Group or ARIN networks, contributing to the rapid detection and early immobilization of criminal proceeds before they can be dissipated³.

Through secure telecommunication channels, INTERPOL is capable of exchanging information quickly and responding immediately when a country requests assistance⁴. The purpose of this network is also to ensure informal and rapid cooperation in locating assets obtained as a result of corruption.

2. Challenges and Opportunities

Academics who study asset recovery have increasingly started to recognize just how important informal communication networks have become as essential tools in fighting corruption across borders. While most of the early research focused heavily on formal mutual legal assistance (MLA) frameworks, more recent studies are highlighting the real problems with these official mechanisms – especially how complicated their procedures are, how easily they can be influenced by politics, and how painfully slow they tend to be⁵. As a result, scholars have started thinking about informal networks not just as handy shortcuts but as fundamental parts of what we might call a hybrid enforcement approach.

¹ O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi. (1994, March 5). “O‘zbekiston Respublikasining Jinoyat qidiruv politsiyasining xalqaro tashkiloti (Interpol)ga kirishi to‘g‘risida” (No. 118). <https://www.lex.uz/docs/804618>

² INTERPOL. International Notices system. Fact Sheet. <https://www.interpol.int/>

³ INTERPOL. (2021). Asset Recovery and International Police Cooperation: The Role of INTERPOL Notices and Channels in Tracing Criminal Assets. Lyon: INTERPOL General Secretariat. <https://www.interpol.int/en/Crimes/Corruption/Asset-recovery-support>

⁴ <https://www.interpol.int/en/How-we-work/Databases>

⁵ Stephenson, K., & Levi, M. (2013). The Role of Informal Networks in Asset Recovery: Opportunities and Pitfalls. *Journal of Financial Crime*, 20(3), 245–260.

A growing body of literature highlights how informal cooperation enhances institutional agility and circumvents the delays associated with treaty-based requests¹. These networks foster what scholars have termed “communities of enforcement”, where mutual trust, iterative interaction, and shared norms catalyze collective problem-solving beyond what formal legal structures can accomplish².

However, concerns regarding the legal status and evidentiary admissibility of information obtained through informal means are recurrent in the literature. Pieth³ argues that overreliance on such mechanisms may entrench asymmetries between well-resourced and under-resourced jurisdictions, thereby exacerbating global enforcement imbalances. Furthermore, the opacity of informal exchanges has been criticized for potentially undermining procedural safeguards and rule-of-law principles⁴. Nonetheless, empirical studies suggest that when combined with formal proceedings, informal channels substantially improve the responsiveness and success rates of asset recovery initiatives⁵.

Another strand of research focuses on the institutional evolution of informal networks, analyzing how practitioner-led cooperation has gradually shaped transnational norms of anti-corruption enforcement⁶. As such, informal networks are increasingly seen not only as reactive tools but also as instruments of systemic alignment in international law enforcement architecture. At the same time, there are limitations related to the internal capacities, like limited human resources allocated to coordination and monitoring functions⁷ in Uzbekistan.

Finally, when you look at policy reports from major international organizations like the World Bank, UNODC, and FATF, they keep

¹ Nance, M. T., & Jannick, A. (2016). Cross-Border Asset Recovery and the Informal Economy of Cooperation. *Global Governance*, 22(4), 543–562.

² Heinrichs, M. (2019). Trust and Enforcement in Transnational Anti-Corruption Networks. *International Review of Administrative Sciences*, 85(2), 247–264.

³ Pieth, M. (2011). Recovering Stolen Assets: A Problem of Capacity and Political Will. In M. Pieth (Ed.), *Recovering Stolen Assets* (pp. 9–24). Peter Lang.

⁴ Dornbierer, A. (2020). Legal Safeguards in Informal International Cooperation: A Comparative Analysis. *International Journal of Evidence & Proof*, 24(1), 45–67.

⁵ OECD. (2020). *Asset Recovery in Practice: Lessons from OECD Countries*. Paris: OECD Publishing.

⁶ Zagaris, B. (2022). Transnational Enforcement Networks and the Development of International Norms. *Journal of International Criminal Justice*, 20(1), 109–133.

⁷ OECD (2025), *Anti-Corruption Trends in Eastern Europe and Central Asia: Strategic Frameworks and Business Integrity*, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/69c92037-en>

pushing for countries to weave these informal mechanisms right into their national asset recovery strategies. These reports are perfectly in sync with what academics have been discovering – those informal approaches have real practical value when it comes to getting around fragmented legal systems and political foot-dragging, especially in situations where formal cooperation gets bogged down because countries are protective of their sovereignty or because diplomatic processes have simply ground to a halt.

Conclusion

The effectiveness of today's global fight against corruption increasingly hinges on how strategically informal communication networks are utilized. These networks have become indispensable for cross-border cooperation, enabling practitioners to bypass bureaucratic delays and respond swiftly – especially during the early stages of intelligence gathering, where speed is often the decisive factor in tracing illicit assets.

However, the Republic of Uzbekistan has yet to establish a regulatory legal framework governing the informal exchange of information between agencies within the ARIN-WCA framework. To address this gap, we propose the development of a Joint Resolution of the Prosecutor General's Office, the State Security Service, the Ministry of Internal Affairs, the Customs Committee, and the Tax Committee "On the organization of interagency cooperation of state bodies within the framework of the Interagency Network for Asset Recovery of Western and Central Asian States (ARIN-WCA)". Such a resolution would institutionalize informal cooperation mechanisms, enhance national coordination in asset recovery, and ensure alignment with international practices.

**NAZAROV FARHODJON
ABDUVAKHOBOVICH**

*Head of the Department of Operational-
Search Activities and Cyberlaw, Academy
of Law Enforcement, Republic of
Uzbekistan*

THE IMPORTANCE OF THE INDEPENDENCE OF PROSECUTORIAL BODIES: INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE

Abstract. *Law and order is one of the key factors in achieving economic prosperity and political-legal stability in any state. By strengthening the rule of law and legality, the state effectively performs its functions, ensuring social justice in society and guaranteeing the protection of citizens' rights and freedoms.*

Naturally, the role of the constitutional body overseeing the enforcement of laws — the prosecutor's office — is significant and relevant in establishing and maintaining law and order in society.

This article analyzes the importance of the independence of prosecutorial bodies for their effectiveness, based on international standards and foreign experience, and offers recommendations and suggestions for improving legislation and legal practices.

The article proposes legislative, doctrinal, and institutional reforms to enhance the independence of prosecutorial bodies, drawing on national legislation, international standards, foreign practices, and the research works of Z. Ibragimov, Z. Islamov, B. Pulatov, F. Rakhimov, J. Gutmann, S. Voigt, A. Vinokurov, A. Akhmetova, O. Kapinus, I. Antonov, S. Kekhlerov, V. Bessarabov, and others

Keywords: *prosecutor, prosecution, principles, independence, legality, accountability, international standards, foreign experience.*

Introduction.

Every society, in building its national statehood, defines its primary strategic goals and establishes their legal foundation.

In Uzbekistan, the referendum held on April 30, 2023, adopted a revised Constitution aimed at strengthening the constitutional foundation for building a New Uzbekistan.

According to Article 15 of this Constitution, the supremacy of the Constitution and laws of the Republic of Uzbekistan is unconditionally recognized, with the Constitution holding supreme legal force, applying directly, and forming the basis of a unified legal space. All state bodies,

organizations, officials, civil society institutions, and citizens must act in accordance with the Constitution and laws

Law and order is a critical factor in achieving economic prosperity and political-legal stability. By strengthening the rule of law, the state ensures social justice and guarantees citizens' rights and freedoms.

The prosecutor's office, as the constitutional body overseeing law enforcement, plays a significant role in establishing and maintaining law and order.

The organization and activities of prosecutorial bodies in Uzbekistan are guided by the principles of unity, centralization, legality, independence, and transparency, as established in the Law "On the Prosecutor's Office." Independence is an integral characteristic, enabling prosecutors to perform their functions free from external influence, submitting solely to the law

The position of the prosecutor's office within the system of separation of powers remains a debated topic. Some scholars, such as N. Fedorov (1992), argue that the prosecutor's office belongs to the executive branch due to its administrative and imperative powers.

Others, like V. Lomovsky (2001), view it as an extension of the legislative branch, responsible for ensuring the enforcement of laws. A third perspective, supported by scholars like V.N. Yeryomina and Uzbek scholars Z. Islamov, M. Rajabova, G. Alimov, and I. Jasimov, posits that the prosecutor's office is a distinct institution, independent of all branches and integral to the checks and balances system.

This study explores the importance of prosecutorial independence, drawing on international standards and foreign experiences, with a focus on Uzbekistan.

The research question is: How can prosecutorial independence be strengthened in Uzbekistan to enhance its effectiveness, based on global standards and comparative practices? The objectives are to: (1) define the legal and theoretical foundations of prosecutorial independence, (2) analyze international standards and foreign practices, and (3) propose reforms to enhance independence and accountability.

Methods. This study employs a multifaceted methodology to examine the independence of prosecutorial bodies, with a particular focus on Uzbekistan and comparative foreign practices. The methods include:

1. Comparative Legal Analysis: A detailed review of Uzbekistan's Constitution, the Law "On the Prosecutor's Office," and international legal instruments, including the UN Guidelines on the Role of Prosecutors

(1990), the UN Convention Against Corruption (2003), and Council of Europe Recommendations R(2000)19 and No. 11 (2012).

2. Doctrinal Review: Analysis of scholarly works by Uzbek scholars (e.g., Z. Islamov, M. Rajabova, G. Alimov, Z. Ibragimov) and international researchers (e.g., J. Gutmann, S. Voigt, A. van Aaken) to construct a theoretical framework for prosecutorial independence.

3. Comparative Case Studies: Examination of prosecutorial systems in countries such as Serbia, Brazil, Germany, Japan, and others to identify best practices in ensuring independence, transparency, and accountability.

4. Typology Development: Creation of a typology of prosecutorial independence based on legislative frameworks, institutional structures, and accountability mechanisms, particularly in the context of entrepreneurship and law enforcement oversight.

5. Document Analysis: Review of national legislation, international standards (e.g., UN, Council of Europe, CIS documents), and bilateral agreements involving Uzbekistan's General Prosecutor's Office

Data were sourced from legal texts, international guidelines, and academic literature, ensuring a comprehensive analysis of both theoretical and practical dimensions of prosecutorial independence.

Results

2.1 Definition and Legal Nature

In Uzbekistan, the Law “On the Prosecutor’s Office” mandates that prosecutorial bodies exercise their powers independently of state authorities, public associations, or officials, submitting solely to the law. Interference in prosecutorial activities is prohibited, and any attempt to influence a prosecutor to make unlawful decisions, obstruct their activities, violate their inviolability, disclose investigation data without permission, or fail to comply with their demands incurs legal liability.

2.2 Theoretical Foundations

The position of the prosecutor’s office within the separation of powers is a contentious issue. One group of scholars, including N. Fedorov (1992), argues that the prosecutor’s office belongs to the executive branch, citing its administrative and imperative powers and its integration within executive structures in many foreign countries. Another group, represented by V. Lomovsky (2001), views the prosecutor’s office as an extension of the legislative branch, responsible for ensuring law enforcement and accountable to the legislature. Lomovsky argues that the legislative branch retains oversight to ensure the unity of legality, and the

prosecutor's office, confronting powerful entities, requires legislative support.

In contrast, a third perspective, supported by V.N. Yeryomina and A.D. Boykov (1997), posits that the prosecutor's office is a distinct institution, independent of all branches and a key element of the checks and balances system.

Uzbek scholars Z. Islamov (2003), M. Rajabova (2000), G. Alimov (2004), and I. Jasimov (2004) echo this view, emphasizing that the prosecutor's office does not belong to the legislative, executive, or judicial branches.

Islamov argues that its functions preclude affiliation with any branch, while Rajabova highlights its role in overseeing uniform law application.

Alimov's analysis of the Uzbek Constitution confirms its independence, and Jasimov describes it as a functionally independent state-legal institution

The study finds that the third perspective aligns with Uzbekistan's legal system, where the prosecutor's office ensures balance among branches without belonging to any.

However, the gradual expansion of sectoral functions and potential executive influence challenge claims of complete independence. Z. Ibragimov (2011) suggests defining the prosecutor's office's status through legal norms to clarify its role and relationships with other branches, considering Uzbekistan's political-legal development, history, and traditions. M. Rustambaev and E. Nikiforova (2002) caution that hasty changes to the legal system could disrupt law enforcement mechanisms. V.V. Klochkov (1994) emphasizes that a rule-of-law state requires a system of checks and balances, with the prosecutor's office ensuring the cohesive functioning of separated powers.

4. International Standards and Comparative Practices

International standards on prosecutorial independence are formalized through universal, regional, and bilateral documents. Universal documents include:

- **UN Guidelines on the Role of Prosecutors (1990):** States must ensure prosecutors perform duties without intimidation, hindrance, or interference, upholding human rights and justice.
- **UN Convention Against Corruption (2003):** States should strengthen prosecutorial integrity to combat corruption, ensuring independence equivalent to the judiciary.

- **Council of Europe Recommendation R(2000)19:** Prosecutors must operate without unjustified interference, with transparent instructions and public reporting.

- **Council of Europe Recommendation No. 11 (2012):** Prosecutors performing oversight functions must act independently and transparently.

Additional documents, such as the Budapest Guidelines (2005) and Bordeaux Declaration (2009), emphasize independence, ethics, and accountability. Regional documents, like the CIS Model Law “On the Prosecutor’s Office” (2006), provide frameworks for CIS states, while bilateral agreements facilitate cooperation between Uzbekistan’s General Prosecutor’s Office and foreign counterparts.

International standards focus on three areas:

1. **Collegial Governance:** Independent bodies, such as Serbia’s State Council of Prosecutors, oversee appointments and disciplinary actions, ensuring independence. Similar councils exist in Georgia, Moldova, and Latvia.

2. **Independence and Competence:** Prosecutors must be free from political interference, with continuous training mandated in countries like Belgium, France, and Poland.

3. **Accountability Mechanisms:** Public oversight, such as Japan’s citizen-led Committees for Oversight of Prosecutorial Investigation Activities or Norway’s Bureau for the Investigation of Police Affairs, enhances trust. Judicial oversight of prosecutorial actions is provided in Germany, Lithuania, and Kazakhstan.

Comparative practices reveal diverse models:

- **Brazil:** The Constitution (Article 127) grants the prosecutor’s office administrative, financial, and functional autonomy, emphasizing unity and independence.

- **Germany:** Prosecutors operate between executive and judicial branches, with independence at the case level.

- **Lithuania and Ukraine:** Prosecutorial bodies report publicly, with Lithuania mandating annual reports and Ukraine requiring biannual media updates.

- **CIS and Latin American Countries:** Prosecutors are independent, accountable to legislative bodies or heads of state, and oversee law enforcement.

4. Implications of Prosecutorial Independence

The study finds that prosecutorial independence is critical to prevent the office from becoming a tool for political or economic lobbying. Interference undermines the rule of law, leading to:

1. Disruption of Checks and Balances: Subordination to any branch strengthens that branch, weakening the balance of power.

2. Corruption Risks: Dependence on a branch's goals can lead to falsified reports or corrupt practices.

3. Reduced Effectiveness: Increased workloads and resource shortages lower oversight quality, increasing latent legal violations.

Accountability is integral to independence. In Uzbekistan, the General Prosecutor reports to the Senate of the Oliy Majlis and the President, with lower-level prosecutors accountable to local councils.

The General Prosecutor's legislative initiative authority ensures participation in law-making. Internal independence (e.g., transparent recruitment and evaluation) and external independence (e.g., freedom from state interference) are reinforced by laws prohibiting political party membership during service (Law "On the Prosecutor's Office," Article 5).

Research by J. Gutmann and S. Voigt (2019) highlights that prosecutorial independence (PI) and accountability (PA) are critical for the rule of law. Uzbekistan ranks 41st (PI) and 28th (PA) among 99 countries, though data limitations may affect accuracy. Van Aaken et al. (2010) emphasize that "de facto" independence reduces public sector corruption, underscoring the need for practical implementation of legal protections.

Discussion

The results confirm that prosecutorial independence is essential for upholding the rule of law, combating corruption, and ensuring social justice. Uzbekistan's legal framework supports independence, but challenges, such as potential executive influence, persist. International standards and foreign practices provide valuable lessons:

- **Collegial Governance:** Serbia's model of an independent prosecutorial council could enhance Uzbekistan's system by ensuring impartial appointments and discipline.

- **Public Accountability:** Lithuania's and Ukraine's reporting practices demonstrate how transparency builds public trust, applicable to Uzbekistan.

• **Judicial Oversight:** Germany's and Kazakhstan's appeal mechanisms ensure prosecutorial actions align with human rights, offering a model for reform.

Theoretically, the prosecutor's office's independence aligns with its role as a "guardian of the law" within the checks and balances system, as supported by Yeryomina, Boykov, and Uzbek scholars.

However, Ibragimov's (2011) call for legal clarity on the prosecutor's office's status is critical, as ambiguity hinders consistent development. Rustambaev and Nikiforova (2002) warn against hasty reforms, suggesting reforms must align with Uzbekistan's political-legal context.

The study's limitations include reliance on secondary sources and limited empirical data on Uzbekistan's prosecutorial practices. Future research should incorporate primary data, such as case studies or surveys of public perceptions, to assess "de facto" independence. Balancing independence with accountability remains complex, as excessive oversight could undermine autonomy. Gutmann and Voigt (2019) and van Aaken et al. (2010) emphasize that "de facto" independence is critical for effectiveness, particularly in combating corruption, highlighting the need for robust legal and practical safeguards.

Proposed Reforms for Uzbekistan

Based on the findings, the following reforms are proposed:

1. Legislative Clarity: Amend the Constitution to explicitly define the prosecutor's office as an independent entity, distinct from all branches, to clarify its role in the separation of powers.

2. Collegial Governance: Establish a prosecutorial council, similar to Serbia's, to oversee appointments, promotions, and disciplinary actions, ensuring impartiality.

3. Enhanced Accountability: Mandate regular public reporting, as in Lithuania, through media and official websites, to increase transparency and public trust.

4. Continuous Training: Implement mandatory professional development programs, drawing on European models, to enhance prosecutorial competence.

5. Judicial Oversight: Introduce mechanisms for appealing prosecutorial decisions to courts, as in Germany, to protect human rights and ensure legality.

6. Digitalization: Leverage digital tools to streamline oversight functions, improving efficiency and transparency in prosecutorial activities.

Conclusion

The independence of the prosecutor's office is a cornerstone of the rule of law, ensuring impartial oversight, social justice, and the protection of citizens' rights. In Uzbekistan, the prosecutor's office plays a unique role as a multifunctional state body overseeing compliance with the Constitution and laws.

International standards, such as those from the UN and Council of Europe, and foreign practices from Brazil, Germany, and Serbia, highlight the importance of legislative clarity, collegial governance, and public accountability.

The proposed reforms—defining the prosecutor's office's status, establishing a prosecutorial council, enhancing transparency, and leveraging digital tools—can strengthen Uzbekistan's prosecutorial system. By aligning with global best practices while respecting national context, Uzbekistan can enhance the prosecutor's office's role as a guardian of legality, contributing to a stable and just society.

MIRZAKULOVA XURSANOY

Law enforcement academy of the Republic of
Uzbekistan Language teaching department

NISHONOV ILXOMDJON DILMURODOVICH

Law enforcement academy of the Republic of
Uzbekistan Language teaching department

YULDASHEV XURSHID NOZIM O'G'LI

Law enforcement academy of the Republic of
Uzbekistan Language teaching department

LANGUAGE ANXIETY AND ITS EFFECTS ON THE SPEAKING PROFICIENCY OF LAW ENFORCEMENT STUDENTS

***Abstract.** This study investigates speaking anxiety among first-year bachelor students of the Investigative activity group, focusing on learners' self-reported*

perceptions of anxiety experienced during English as a second language (L2) speaking tasks. Grounded in Krashen's affective filter hypothesis and supported by cognitive and sociopsychological theories of foreign language anxiety (FLA), the research explores emotional, cognitive, and behavioral manifestations of anxiety in a professional academic setting. A structured questionnaire, adapted from validated FLA instruments, was administered to 50 participants. Descriptive statistical analysis revealed moderate to high levels of speaking anxiety, particularly in contexts involving unprepared speech and fear of making mistakes. The findings highlighted significant cognitive interference, including lexical retrieval issues and disrupted fluency, as well as common avoidance behaviors such as reluctance to volunteer answers. Low self-confidence in spontaneous communication emerged as a critical issue. The study emphasizes the multidimensional nature of speaking anxiety and its detrimental impact on learners' oral language development. It calls for pedagogical strategies that address emotional well-being, normalize mistakes, and build communicative confidence in law enforcement students preparing for high-stakes professional roles.

Keywords: Anxiety, L2, speaking anxiety, destabilization, communication, interaction.

1. INTRODUCTION

The present study is grounded in Stephen Krashen's theory of the affective filter (1981), which explains how emotional states such as anxiety can either facilitate or hinder the process of language acquisition. According to Krashen, heightened anxiety acts as a filter that limits access to the brain's cognitive functions, thereby preventing learners from effectively processing linguistic input. Conversely, when anxiety is reduced, the brain becomes more receptive to new information, making language learning more effective. Within this framework, foreign language anxiety (FLA) is understood as a critical psychological barrier that can obstruct success in acquiring and using a new language. For the purposes of this study, FLA refers to the psychological discomfort and tension associated with learning and using a language that is not the learner's native tongue.

Building on Krashen's framework, a broader body of psychological research has established anxiety as a significant affective factor that impairs academic performance. Mastering a foreign language requires sustained attention and active cognitive engagement, yet anxiety often emerges as a powerful inhibitor of progress. From an evolutionary perspective, anxiety serves a protective function by heightening sensitivity to potential threats. However, in academic contexts, persistent or intense anxiety often reflects a lack of emotional adjustment to social

demands, which can diminish learning efficiency. Scholars now distinguish between anxiety as a temporary state and anxiety as a stable personality trait because these forms differ in duration, triggers, and impact on learning.

Early empirical studies reinforced the importance of this distinction. Leibert and Morris (1967) demonstrated that heightened anxiety disrupts learners' emotional stability and distorts how they interpret feedback and task demands. Later, Zeidner (1998) emphasized that the core cognitive feature of anxiety is worry, which consumes mental resources by generating irrelevant or intrusive thoughts that interfere with concentration. These cognitive interferences are especially problematic in language learning, where focused attention and working memory are essential for successful performance.

Within applied linguistics, Horwitz et al. (1986) were among the first to conceptualize foreign language anxiety as a distinct construct. They defined it as a collection of self-perceptions, beliefs, and emotional responses that arise specifically in the context of language learning. Their research identified three interrelated components of FLA: communication apprehension, test anxiety, and fear of negative evaluation. Each of these factors has been shown to reduce learners' willingness to participate in classroom interactions, compromise their performance under assessment, and undermine their resilience during communicative tasks.

In a later study, Horwitz (1991) observed that many learners experience what she described as debilitating anxiety, which significantly impairs cognitive performance and hampers effective language acquisition. Unlike mild anxiety, this form represents a persistent emotional state that disrupts concentration, weakens working memory, and erodes self-confidence, all of which are essential for successful communication in a second language. Learners experiencing this level of anxiety often report fear of being judged, reluctance to engage in speaking activities, and a persistent sense of linguistic inadequacy.

These internalized fears often manifest visibly in learners' behavior. Studies have shown that FLA can lead to avoidance of eye contact, minimal verbal participation, and even panic-like symptoms during oral tasks. These behaviors are frequently triggered by perceived negative judgments, whether from teachers, peers, or high-stakes audiences such as interviewers or conference panels. Because fear is a basic emotional response to threat, many researchers have framed FLA as a domain-

specific expression of fear that can become maladaptive when it generalizes beyond the immediate context.

Beyond these surface-level behaviors, scholars have also examined anxiety through a clinical and cognitive lens. Kanar (2011) identified several cognitive symptoms in anxious speakers, including disorganized thinking, lexical retrieval failures, and self-critical inner speech, many of which emerge even before the learner begins to speak. Gkonou (2011) and Tsui (1996) noted that learners with low self-esteem, particularly those at beginner levels, often remain silent for fear of making mistakes. Such learners may avoid feedback altogether, viewing it as a threat rather than an opportunity for growth. Similarly, Pekrun (1992) argued that individuals who have experienced anxiety in the past are more likely to react with anxiety in similar future situations, creating a self-reinforcing cycle.

To better account for individual differences, MacIntyre (1999) built upon Spielberger's (1983) distinction between trait anxiety and state anxiety. Trait anxiety refers to a general predisposition to experience anxiety across various contexts, often accompanied by low confidence and chronic emotional imbalance. In contrast, state anxiety is a temporary emotional reaction to specific situations, such as oral exams or public speaking, and tends to dissipate once the triggering event passes. Amiri (2015) illustrated this type of anxiety in studies of students undergoing test-related stress, highlighting how situational triggers can evoke strong but short-lived anxious responses.

Taken together, this body of research presents anxiety as a complex and multifaceted phenomenon shaped by biological, cognitive, and social factors. Understanding the different types, triggers, and consequences of anxiety is essential for educators and researchers alike. By clarifying its underlying mechanisms, educators can implement targeted interventions such as strategy training, supportive classroom environments, and systematic desensitization to reduce learners' affective filters and foster greater confidence, participation, and language proficiency.

1. METHODOLOGY

Given the limited amount of empirical research into speaking anxiety among Law enforcement students, this study investigates the perspectives of 1st-course bachelor students from the *Investigative activity* faculty on the causes of speaking anxiety in L2 classroom settings, as well as any possible differences in their perceptions. The study aimed to address the following two research questions:

1. What kind of perspectives on the reasons for speaking anxiety do 1st-course students of the *Investigative activity* faculty have?

2. Are there any differences between pupils' and teachers' perspectives on the causes of speaking anxiety in the L2 classroom?

The study design was a questionnaire survey. The focus was placed solely on student perspectives to better understand individual experiences of language-related speaking anxiety.

2.1. PARTICIPANTS

The participants in this study were 50 first-course bachelor students (aged 18–19) enrolled in the *Investigative activity* group. The group included students with varying levels of English proficiency, ranging from elementary to intermediate, as determined by their classroom performance and teacher assessments. A convenience sampling method was used to select the participants, based on their availability and willingness to take part in the study. Prior to data collection, the purpose of the research was explained to the students, and informed consent was obtained from the students themselves. Participation was voluntary, and confidentiality of the students' responses was ensured throughout the study.

2.2. INSTRUMENT AND PROCEDURE

To investigate the relationship between speaking anxiety and language use in the classroom, a structured questionnaire was used as the sole research instrument. The questionnaire was designed to measure students' levels of speaking anxiety in English as a second language and was adapted from validated scales previously used in studies on foreign language anxiety. It consisted of Likert-scale items that assessed emotional, cognitive, and behavioral responses related to speaking activities during English lessons. Sample items focused on students' feelings when required to speak in front of peers, their confidence in expressing themselves, and their fear of making mistakes while speaking. Before being administered, the questionnaire was reviewed by language education specialists to ensure its content validity and clarity. A pilot test was also conducted with a small group of students to make minor adjustments to item wording based on their feedback. The procedure began with a short orientation session, during which the purpose of the study was explained and students were assured of the confidentiality and anonymity of their responses. With informed consent obtained from both students and their legal guardians, the questionnaire was distributed during regular school hours in a quiet and comfortable classroom

environment. The entire data collection process was completed within one week under the direct supervision of the researcher.

2.3. DATA ANALYSIS

The questionnaire data were analyzed using descriptive statistical methods, which are important tools for describing, organizing, and interpreting quantitative data. The study focused on calculating mean scores (M) and standard deviations (SD) for each questionnaire item to assess the overall patterns and variability in students' responses to speaking fear. The mean (M) is the arithmetic average of all participant replies to a specific item and serves as a central tendency, indicating the overall amount of agreement or disagreement with anxiety-related claims. This measure was critical for determining which anxiety factors were more common among the individuals.

In addition, the standard deviation (SD) for each item was calculated to determine the level of dispersion or variability in replies. A reduced standard deviation suggests that people responded similarly, implying a common experience or agreement on that component of speaking fear. In contrast, a higher standard deviation indicates more diverse perceptions, which could be attributable to individual variances in language skill, classroom experience, or personality qualities. Combining these two statistical measures allowed for a more sophisticated understanding of how anxiety emerges across cognitive, affective, and behavioral aspects during classroom speaking tasks.

By applying this method, the we were able to determine not only the **average levels of anxiety** for each factor but also to **identify which sources of anxiety were universally experienced** and which varied significantly among students. This analysis laid the foundation for interpreting key trends in the results and provided empirical support for the subsequent discussion on the cognitive, affective, and behavioral impacts of speaking anxiety in L2 learning environments.

3. RESULTS

To analyze the pupils' responses to the speaking anxiety questionnaire, descriptive statistics were used, including the mean (M) and standard deviation (SD). The mean represents the average level of agreement with each statement, while the standard deviation indicates the degree of variation in responses. The formula used to calculate the standard deviation is as follows:

$$SD = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N (x_i - \bar{x})^2}$$

Where:

- SD is the standard deviation
- N is the total number of participants
- x_i is each individual score
- $\bar{x}$ is the mean score of the group

Table 1 below presents the descriptive statistics for 10 statements related to students' emotional, cognitive, and behavioral experiences of speaking anxiety in the classroom. The Likert scale ranged from 1 (Strongly disagree) to 5 (Strongly agree).

Table 1. Descriptive statistics of speaking anxiety questionnaire (N = 50)

Item	Statement (Abbreviated)	M	SD
1	I feel nervous when I have to speak English in front of the class	3.98	0.81
2	I worry about making mistakes when speaking English	4.22	0.74
3	I forget what I want to say when I feel anxious while speaking	3.70	0.90
4	My heart pounds when the teacher asks me to answer in English	3.84	0.86
5	I feel that classmates will judge me if I speak incorrectly	4.10	0.79
6	I try to avoid volunteering answers in English	3.48	0.95
7	I become so tense that I cannot pronounce words clearly	3.62	0.88
8	I feel confident when I speak English with classmates	2.68	0.92
9	Giving an impromptu presentation in English makes me panic	4.04	0.83
10	I am comfortable asking spontaneous questions in English (reverse-scored)	2.56	0.97

The analysis of the questionnaire responses from a sample of 50 first-course law enforcement students revealed that the overall levels of speaking anxiety were moderately high. The highest mean scores were observed in the items “*I worry about making mistakes when speaking English*” (M = 4.22) and “*Giving an impromptu presentation in English makes me panic*” (M = 4.04). These results indicate that the most significant sources of anxiety are related to error correction and unprepared speech situations, both of which are associated with increased performance pressure. Such anxiety-provoking contexts are aligned with the construct of foreign language anxiety as described by Horwitz et al. (1986), particularly in the dimensions of communication apprehension and fear of negative evaluation. These anxiety-provoking conditions are further compounded by **social-evaluative dynamics**, wherein students feel scrutinized by both their peers and instructors. The data suggest that learners possess a heightened sensitivity to being judged or embarrassed, which in turn activates affective filters that block effective speech production. In adolescent learners, whose self-concept and social awareness are still in development, this perceived risk of negative social judgment can be particularly debilitating.

In addition to social anxiety, the findings also reflect substantial cognitive and physiological manifestations of speaking anxiety. For example, statements such as “*I forget what I want to say when I feel anxious*” (M = 3.70) and “*I become so tense that I cannot pronounce words clearly*” (M = 3.62) demonstrate that anxiety significantly disrupts learners’ ability to retrieve language and maintain fluency. These responses support earlier research suggesting that high anxiety compromises working memory, inhibits lexical access, and can cause muscle tension, all of which interfere with effective speech production. In the case of adolescent learners, these disruptions may be amplified by their developmental stage, during which cognitive and emotional regulation skills are still maturing. As such, speech anxiety appears to affect not only the affective domain but also the cognitive and physiological processes essential for language use.

The study also revealed a pattern of avoidance behaviors, which serve as a coping mechanism for managing anxiety. The item “*I try to avoid volunteering answers in English*” (M = 3.48) reflects a common behavioral tendency among students to remain silent or disengaged during speaking activities. This avoidance may stem from the anticipation of embarrassment or the fear of performing poorly in front of others.

Similarly, the item *“My heart pounds when the teacher asks me to answer in English”* ($M = 3.84$) suggests that even expected speaking turns cause a physiological stress reaction, which may further deter students from participating. These findings align with the concept of language anxiety as a self-reinforcing cycle: students avoid speaking due to fear, which in turn limits their practice and development, thereby increasing their future anxiety levels.

Low self-confidence in spontaneous speech was another notable theme emerging from the data. The two reverse-scored items, *“I feel confident when I speak English with classmates”* ($M = 2.68$) and *“I am comfortable asking spontaneous questions in English”* ($M = 2.56$), received the lowest average scores in the survey. These results indicate that the majority of students do not perceive themselves as competent or fluent in spontaneous communicative contexts. This lack of self-assurance may originate from limited classroom exposure to unscripted speaking opportunities, insufficient corrective feedback, or previous negative experiences while speaking. Furthermore, low confidence can lead to reduced motivation and increased avoidance of communicative tasks, both of which are detrimental to oral language development and long-term achievement.

Finally, the standard deviation values, which ranged from 0.74 to 0.97 across all items, revealed moderate variability in students’ responses. Items with lower standard deviation, such as the fear of making mistakes ($SD = 0.74$), showed high consistency among respondents, indicating that this is a shared experience for most pupils. In contrast, items related to spontaneous interaction, such as *“I am comfortable asking spontaneous questions in English”* ($SD = 0.97$), displayed greater variation. This suggests that while some students are consistently anxious, others feel more at ease, particularly in informal speaking situations. These differences may be attributed to individual learner characteristics, such as personality type, previous language learning experience, and the quality of teacher-student interaction. Recognizing such variation is essential for designing differentiated instructional approaches that support students at varying levels of speaking confidence and anxiety.

4. DISCUSSION

This study’s findings clearly show that speaking anxiety is a significant affective barrier for students who are learning English as a second language learners. The findings found that the majority of students reported moderate to severe anxiety, particularly in scenarios requiring

public speaking, impromptu activities, and the fear of making mistakes. These findings are consistent with Horwitz (2000) definition of foreign language anxiety, which comprises communication apprehension, test anxiety, and fear of negative evaluation. The high mean scores for statements like “*I worry about making mistakes*” and “*Giving an impromptu presentation makes me panic*” demonstrate that speaking-related tasks cause a lot of emotional distress in the L2 classroom. These patterns suggest that the emotional burden associated with speaking in a foreign language can significantly influence not only learners’ psychological well-being but also their overall classroom performance. When students experience heightened anxiety, their willingness to communicate decreases, often resulting in passive participation, withdrawal from oral activities, or complete silence. This, in turn, limits opportunities for authentic language use and impedes the development of communicative competence. Moreover, repeated experiences of failure or embarrassment in speaking situations can foster long-term negative self-perceptions, reinforcing the cycle of anxiety and avoidance.

Importantly, the strong emotional reactions identified in this study point to the need for pedagogical interventions that prioritize emotional safety alongside linguistic development. Creating a supportive environment where mistakes are seen as a natural part of learning, providing structured speaking opportunities with peer support, and offering strategies for anxiety management such as preparation techniques or relaxation exercises can all contribute to reducing speaking-related stress. Thus, addressing speaking anxiety is not merely a matter of emotional support but a necessary component in building learners’ confidence and facilitating sustained language growth.

In addition to affective responses, the data revealed cognitive and physiological aspects of anxiety. Students reported forgetting what they meant to say and feeling bodily symptoms like stress and speech disturbance. This is consistent with previous research showing that anxiety can impair working memory, impede cognitive processing, and reduce verbal fluency (MacIntyre & Gardner, 1994). These effects are particularly prominent in adolescents, whose emotional regulation and metacognitive control are still developing. The findings indicate that worry is more than just a surface emotional reaction, but rather a condition that affects key language functions and degrades performance quality. This suggests that language anxiety should be approached not merely as a transient emotional state, but as a complex phenomenon with cognitive,

emotional, and physiological dimensions that interact dynamically. The implications of this are significant for both language pedagogy and classroom practice. For instance, anxiety can manifest in reduced risk-taking during communicative tasks, reluctance to initiate or sustain interaction, and a tendency to prioritize accuracy over fluency, which may hinder natural language development. Furthermore, students experiencing anxiety may over-monitor their speech for errors, which diverts cognitive resources away from meaning-making and toward form-focused processing, ultimately resulting in slower, less fluent speech.

Avoidance tendencies were also common among the participants, as seen by their inclination to avoid volunteering in class or to pause when asked to respond. These habits serve as temporary coping techniques, but they have long-term implications by limiting exposure to important speaking practice. The physiological responses reported (e.g., higher heart rate when called upon) demonstrate how worry expresses itself even in normal classroom situations. This lends support to the hypothesis that language anxiety might set off a self-reinforcing loop in which fear of speaking reduces involvement, stifles oral growth, and raises future anxiety (Young, 1991). Such avoidance behaviors not only hinder individual language development but can also create a ripple effect in the classroom environment. When many students exhibit reluctance to speak, classroom interaction patterns become imbalanced, placing a greater burden on more confident speakers and reducing the overall communicative dynamism of the learning space. Additionally, the lack of oral engagement means that students miss out on valuable feedback and real-time adjustments that are essential for developing fluency and pragmatic competence.

Another key finding was a lack of confidence in spontaneous communication. The two reverse-scored items on speaking with classmates and asking questions had the lowest mean scores, indicating low self-perceived speaking competence. This represents students' uneasiness with unrehearsed engagement, which could be due to insufficient communicative practice, a lack of helpful feedback, or poor classroom experiences. The link between self-confidence and language performance is well established, and low self-efficacy is frequently associated with less motivation, risk-taking, and worse achievement (Bandura, 1997; Dörnyei, 2014).

The variety in standard deviation values across questions demonstrated that, while some anxiety-inducing factors, such as fear of

making mistakes, are universal, others, notably those related to spontaneous speech, differ between individuals. This implies that there are individual variances in anxiety sensitivity, which may be influenced by learner personality, past exposure to English, or perceived teacher support. Recognizing this heterogeneity is critical for developing customized instructional practices that accommodate students with various anxiety profiles.

Taken together, these findings underscore the need for pedagogical interventions aimed at reducing speaking anxiety in the L2 classroom. Teachers should create a supportive environment that encourages risk-taking, accepts mistakes as part of the learning process, and gradually exposes pupils to speaking tasks using scaffolding. Regular low-stakes speaking practice, peer collaboration, and positive reinforcement can all help kids gain confidence and overcome anxiety-related obstacles.

5. CONCLUSION

This study provides persuasive evidence that speaking anxiety is a significant affective and cognitive obstacle to oral competency among *Investigative activity* 1st course students. According to the findings, the majority of students report moderate to high levels of anxiety when speaking, especially in unstructured or high-pressure settings like impromptu presentations and public speaking. These findings support previous theoretical models of foreign language anxiety, particularly Horwitz et al.'s (1986) framework, which includes communication apprehension, test anxiety, and fear of negative evaluation as important components of language-related stress.

The study found that speaking anxiety had both affective and physiological consequences on learners, manifesting as nervousness, lexical retrieval difficulties, and physical symptoms including higher heart rate. Cognitive interference, such as impaired memory and speech disfluency, was also common among respondents. Furthermore, avoidance behavior arose as a frequent coping mechanism, feeding a self-perpetuating cycle that stifles oral language development. Particularly concerning is the low self-perceived skill in spontaneous communication, which indicates a lack of confidence and insufficient exposure to actual, engaging speaking chances. The diversity in anxiety levels among students shows that individual learner characteristics such as personality traits, prior experience, and perceived classroom support are important in influencing their affective responses to speaking tasks.

These findings highlight the need of employing educational interventions that address emotional aspects of language learning. Teachers are advised to create supportive classroom environments that normalize mistakes, promote progressive exposure to oral activities, and stimulate peer collaboration. Targeted interventions, such as confidence-building activities, desensitization exercises, and tailored feedback, can reduce anxiety while improving learners' speaking skills and motivation. Recognizing and resolving language anxiety is critical not just for enhancing immediate communication skills, but also for promoting long-term engagement and success in second language learning.

**MIRMAXMUDOV ZOHIJON
IRISMATOVICH**

Senior Lecturer at the Law Enforcement
Academy of the Republic of Uzbekistan,
Independent Researcher

**STICE IN IMPOSING CRIMINAL SENTENCES: THE CASE OF
MONETARY FINES**

Аннотация: Мақолада жарима тушунчаси, моҳияти, жарима жазосини тайинлашдаги умумий қоидалар ҳамда Германия жиноий қонунчилигида жарима жазосининг ўзига хос белгилари таҳлил қилинган.

Калит сўзлар: жарима, жазо, одиллик, жазо тури, маҳкум, жиноят-ижроия.

Аннотация: В статье анализируются понятие штрафа, сущность, общие правила назначения штрафа, а также специфические признаки штрафа по уголовному праву Германии.

Ключевые слова: штраф, наказание, справедливость, вид наказания, уголовно-исполнительный

Abstract: The article analyzes the concept of a fine, the essence, the general rules for imposing a fine, as well as the specific features of a fine under German criminal law.

Key words: fine, punishment, justice, type of punishment, penal enforcement.

Cesare Beccaria, an active reformer of criminal law and an Italian lawyer, asserted in his works that “one of the most effective means of preventing crime lies not in the severity of the punishment that may be

imposed, but in the certainty of its enforcement”¹. In this regard, it is of crucial importance that punishment is guaranteed for every crime, and, even more importantly, that this punishment is proportionate to the gravity of the offense committed, that is, it must align with the principle of justice.

This same principle is also enshrined in Article 8 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, which states that the punishment or other legal measure applied to a person guilty of committing a crime must be fair, that is, it must correspond to the gravity of the crime, the degree of guilt and the social danger of the person².

“In the development strategy of New Uzbekistan for 2022–2026”, approved by Decree No. PF-60 of the President of the Republic of Uzbekistan, one of the goals (Goal 14) establishes ensuring the rule of law and constitutional legality, and recognizes human dignity as the main criterion of this process. It highlights the priority of consistently continuing the policy of improving criminal, criminal procedure, and criminal executive legislation, as well as widely introducing the principle of humanism into the system of criminal punishments and their execution³.

As a gradual continuation of this, the goals (goal 84) listed in Presidential Decree No. PF-158 on the Strategy “Uzbekistan – 2030” set the task of reducing the practice of imposing imprisonment sentences from 30 percent to 20 percent as a key criterion of the ongoing judicial and legal reforms carried out on the basis of the principle “For Human Dignity”.

Therefore, the excessively high proportion of punishments involving imprisonment (as of 2024, one-third of all convicted persons account for such sentences — 33.6%) is considered one of the main factors leading to a number of negative consequences, including the resocialization of convicts, an increase in the rate of recidivism, the growth of the “prison

¹ Beccaria C. *A Treatise on Crimes and Punishments*. – Saint Petersburg: Publishing House at the Provincial Government, 1803. URL: http://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002986821

² Criminal Code of the Republic of Uzbekistan // Bulletin of the Supreme Council of the Republic of Uzbekistan, 1995, No. 1; Bulletin of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, 1996, No. 9, Art. 144; 1997, No. 2, Art. 56; No. 9, Art. 241; 1998, Nos. 5–6, Art. 102; No. 9, Art. 181; 1999, No. 1, Art. 20; No. 5, Art. 124; No. 9, Art. 229; 2000, Nos. 5–6, Art. 153; 20.05.2025, No. 03/25/1065/0453.

³ National Database of Legislative Information. Republic of Uzbekistan, 29.01.2022, No. 06/22/60/0082; 18.03.2022, No. 06/22/89/0227; 21.04.2022, No. 06/22/113/0330; 10.02.2023, No. 06/23/21/0085; 03.01.2024, No. 06/24/221/0003; 28.12.2024, No. 06/24/227/1089; 01.03.2025, No. 06/25/27/0196.

population”, rising costs associated with ensuring the execution of this type of punishment, and the deterioration of jail conditions.

The growing interest of the state and the public in the institution of fines as a means of protecting social relations in society from criminal influences and combating crime is not new, not only for the academic community but also for the system and enforcement bodies involved in this field. Time and social life itself have shown that the problem of combating crime cannot be solved solely by restricting a person’s freedom, imposing harsh punishments, and, in particular, isolating individuals from society for many years. The ongoing efforts of the international community to develop new, more effective forms of criminal prosecution and most importantly, those that do not involve imprisonment, and which meet the modern social needs, clearly indicate the relevance of the topic under study¹.

The widespread use of fines as the primary form of punishment is also considered to comply with the requirements of the UN General Assembly Resolution No. 45/110 of 14 September United Nations Standard Minimum Rules for Non-Custodial Measures” (the Tokyo Rules). Although these Rules are recommendatory in nature, they have a significant influence on the international principles of sentencing. Clause 2.3 of the Rules states that “taking into account the nature and gravity of the offence, the personality and background of the offender, as well as the community’s interests and demands for fewer custodial sentences imposed by the courts, the criminal justice system should provide a wide range of opportunities for selecting and applying non-custodial measures”².

Time has shown that it is possible to compensate the costs incurred for offenders who have committed socially dangerous acts only by imprisoning them and forcibly engaging them in work requiring heavy physical exertion in the interests of society and the state, however, this approach does not always achieve the intended purpose of punishment, especially the moral rehabilitation of the convict.

In an era of developing and increasingly sophisticated social relations, it is becoming increasingly clear that this type of punishment is insufficient to fulfill the task of educating the individual and returning

¹ Vasilieva T.V. Sentencing and Execution of Criminal Punishment in the Form of a Fine (Socio-Legal Problems): Abstract of the Candidate of Juridical Sciences Dissertation. Ryazan, 2004. p. 3.

² United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures (Tokyo Rules): UN General Assembly Resolution No. 45/110 of 14.12.1990. URL: www.garant.ru.

them to society in a normal state. Accordingly, most legal scholars around the world are encouraged to conduct extensive scientific research in this area, studying other punishments as an alternative to imprisonment, further improving and diversifying them, and finding theoretical and practical measures aimed at reducing crime through the correct and sufficient application of punishment.

In this context, the theory of the German legal scholar Albert Berner (1818–1907) is noteworthy. According to him, the existence of fines within the system of punishments has enabled certain privileged individuals to escape the imposition of more severe penalties. In his views, he discussed the differentiated application of the system of punishments to various segments of the population. At the same time, he advanced the idea that criminals were often distinguished not by the number of crimes they committed or the severity of their offenses, but by social status, privileges, and other advantages of the person¹.

The development of capitalist relations led to changes of the individual's position within the social and production systems. Along with the evolution of statehood and social relations, criminal law doctrine has also shifted toward ideas of humanism, which is reflected in the reduction of norms providing for the death penalty and in the removal of corporal punishments such as bodily mutilation (e.g., amputation, flogging) from the punishment system, which demonstrates the adoption of more humane approaches. The attitude toward the offender began to take on a different character. Under the conditions of the capitalist system, the offender is viewed as a person whose labor or property could generate benefit for the state or could be used to compensate the damage caused to the victim. The state began to make use of its punitive function as a means of deriving economic benefit for state revenue through the imposition of fines².

The repressive force of a fine depends on its amount, which is established by law and determined by the court in each individual case.

The problems related to the application of punishment in the form of a fine are multifaceted, encompassing not only relations within the criminal law and criminal executive spheres but also socio-economic

¹ Berner A.F. Textbook of Criminal Law. General and Special Parts. Translated and published by N. Neklyudov. St. Petersburg, 1865.

² Vasilieva T.V. Sentencing and Execution of Criminal Punishment in the Form of a Fine (Socio-Legal Problems): Abstract of the Candidate of Juridical Sciences Dissertation. Ryazan, 2004. p. 7.

aspects related to the nature, its scope of application, and its general prospects for development of this punishment.

An analysis of international law enforcement practice has shown that among non-custodial sentences and other criminal law measures, fines are the most widely used form of punishment and have a significant impact on the moral rehabilitation of the offender and the prevention of new crimes.

For example, under the Criminal Code of the Federal Republic of Germany there are only two types of principal punishments:

- 1) imprisonment
- 2) a fine¹

The skillful use of fine as a type of punishment has a serious psychological effect on the offender, and the material consequences of the fine make it useless to commit property, economic and other crimes².

In the academic literature, it is noted that when a fine is imposed on persons who do not have a permanent place of residence, employment, or other sources of income, the intended purpose of the punishment may not be achieved, that is, the execution of the sentence will not be ensured, and on the contrary, it is considered appropriate to impose a fine on persons who do have permanent residence, employment, or other sources of income, based on the level of social danger of the committed crime and the defendant, and other objective circumstances. In such cases, it is appropriate to determine the fine amount based on the defendant's salary and other sources of income at the time of sentencing. At the same time, a fine should not become a means of avoiding punishment or aimed at financially ruining the defendant.

According to O. Nichugovskaya³, who conducted scientific research on the imposition of fines, a fine should not be viewed as a payment for violating the law or as compensation paid to evade liability, but rather as a measure of responsibility for the crime committed

As noted above, an analysis of sentencing practice shows the number of imprisonment sentences by courts is increasing significantly. For example, while in 2020 courts imposed imprisonment sentences on 25.4%

¹ Golovnenkov P.V. Criminal Code of the Federal Republic of Germany: Scientific and Practical Commentary and Translation of the Law Text. Potsdam, 2021. p. 58.

² Revina V.P. Criminal Law of Russia. General Part. 2009.

³ Nichugovskaya O.N. The System of Punishments in Modern Russian Criminal Legislation: Problems and Prospects for Development: Abstract of the Candidate of Juridical Sciences Dissertation. Moscow, 2012. p. 6.

of all convicted persons, by the end of 2024 this figure had reached 33.6 percent, indicating a sharp increase in the imposition of imprisonment.

These facts indicate the need for a wider application of fines as a real alternative to imprisonment (primarily short-term imprisonment).

Because, according to the statistical indicators of sentencing by judicial authorities, the practice of imposing fines in the country was 10.1% in 2020, and 12% last year, which indicates that the role of this type of punishment in the dynamics of criminal punishments is significantly lower.

It should be noted that the current criminal legislation of Uzbekistan has a number of shortcomings that significantly limit the possibilities of applying fines. Firstly, this is manifested in the fact that the effect of punishment varies and is not always sufficient, depending on the financial situation of the convict. For example, if two individuals, one with a high income and one with a low income, commit a crime of the same level as part of a group, and the court imposes a fine of 200 times the base calculation amount on each of them, this fine may place a heavy burden on the low-income offender, while having an insufficient impact on the high-income offender, thereby failing to achieve the intended purpose of the punishment.

Thus, in 2021, the sentences of 316 people (amounting to 6.9 billion soums) who were sentenced to fines were replaced with other, more severe punishments due to their failure to pay the criminal fines. By 2024, this figure had increased to 1,311 convicts (amounting to 45.9 billion soums), which shows an increase of more than four times.

In this regard, special attention must be paid to the principle of proportionality, as it serves to reconcile the interests of criminal law and criminal policy during the sentencing process. The principle of proportionality is based on the notion that the rights and freedoms of individuals and citizens may be restricted by the state only to the extent necessary to ensure the foundations of the constitutional order, morality, public health, the rights and legitimate interests of others, as well as state security. By its nature, punishment in any form always involves a certain degree of restriction of the rights and freedoms of the convicted person. Therefore, applying the principle of proportionality here is of particular importance, as it ensures that an individual's rights and freedoms are limited only to the extent necessary and sufficient to achieve the purpose of the sentence imposed by the court.

According to German criminal law, the imposition of a fine is carried out in two stages. In the first stage, in accordance with the general principles of sentencing provided for in Article 46 of the Criminal Code of the Federal Republic of Germany, the number of **daily units (day-fines)** to be imposed on the defendant is determined. In this case, the degree of social danger of the act and the defendant, the nature of the guilt, must be assessed, just as when imposing a term of imprisonment¹. According to the position of the German Supreme Court² and the prevailing views in the field of national jurisprudence, the financial situation of the defendant should not be taken into account at this stage. The only exception is when financial situation of the defendant plays a decisive role in the genesis of criminal behavior.

The number of daily units (day-fines) must be at least 5 and at most 360 full daily units (Article 40, Part 1 of the German Criminal Code). When imposed for multiple crimes, the maximum amount of the fine is calculated at up to 720 full daily units (Article 54, Part 2 of the Criminal Code).

In the second stage of imposing a fine under the day-fine system, **the amount of each daily unit** is determined. In this stage, the amount of the fine is set based on the defendant's personal characteristics and financial situation (Article 40, Part 2 of the Criminal Code), with primary attention given to achieving the purpose of the punishment.

Thus, the essence of the day-fine system implies that when imposing a fine, it is not only based on the defendant's actions, but also on their personal characteristics and financial situation.

The day-fine system established in the norms of the German Criminal Code is designed to eliminate the unequal effect of this type of punishment from a "subjective point of view"³. The core idea of this system is to separate the criminal assessment of the offender's act from the assessment of their financial situation, while determining a fine amount that can achieve the necessary punitive effect⁴.

¹ Schafer, Gerhard Praxis der Strafzumessung 3, neubearb Aufl Munchen Beck, 2001, Rn 78.

² Federal Supreme Court of Germany. Decision No. 2 StR 451/75 from 12.12.1975. NJW 1976, p. 634.

³ For details see Gossel, Karl Heinz, Zipf Heinz Strafrecht ein Lehrbuch Allgemeiner Teil, Teilbd 2. Erscheinungsformen des Verbrechens und Rechtstolgen der Tat 7, neubearb u erw Aulf Heidelberg Muller, Jurist Verl, 1989, §63, Rn 119, Meier, Brend-Dieter Strafrechtliche Sanktionen Berlin Springer, 2001, str.201 and others

⁴ Fischer, Thomas Strafgesetzbuch und Nebengesetze 53 Aufl Munchen Beck 2006, §40, Rn 2, Streng Franz Strafrechtliche Sanktionen 2 Auflage Stuttgart, Berlin, Koln Kohlhammer, 2002, Rn

In conclusion, it can be said that the day-fine system, when applied in imposing fines, can be regarded as an advanced system in terms of the “transparency” of sentencing, its social fairness, and its “efficiency”¹. Moreover, a detailed analysis of the fine institution in the criminal legislation of Germany and the application of fines based on the day-fine system allow us to conclude that this experience could help resolve the contradictions that currently hinder national courts from expanding the scope of fines.

БОРСИЕВА ЗАМИРАТ

старший прокурор научно-образовательного центра противодействия коррупции Правоохранительной академии Республики Узбекистан

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И
АНТИКОРРУПЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ: ВЫЗОВЫ,
ВОЗМОЖНОСТИ И РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОВЕТОВ**

В условиях институциональных преобразований, реализуемых в Республике Узбекистан, цифровая трансформация приобретает статус системного компонента государственной политики в сфере противодействия коррупции. Речь идёт не только о внедрении информационно-коммуникационных технологий как вспомогательного ресурса, но и о переопределении самой логики управления через цифровые принципы: прозрачность, подотчётность, превентивность, интеграцию с гражданским обществом. В этом контексте деятельность Территориальных советов по противодействию коррупции, действующих в Автономной Республике Каракалпакстан, областях и в городе Ташкент, становится особенно значимой. Именно на уровне регионов цифровизация антикоррупционных механизмов проходит проверку на прочность, применимость и результативность.

Нормативно-правовой фундамент цифровизации антикоррупционной деятельности сформирован рядом ключевых

107, Munchener Kommentar zum Strafgesetzbuch B 1 §§ 1-51 StGB Munchen Beck, 2003, §40, Rn 29.

¹ Horn Eckhard Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch Allgemeiner Teil §§ 1 - 79b 3, neubearb Aulf Neuwied (u a) Luchterhand, 1983, §40, Rn 1

документов, включая Государственную антикоррупционную программу, Указ Президента от 6 июля 2021 года №ПФ-6257, а также решения Национального совета по противодействию коррупции, зафиксированные в протоколах №4 (от 19 августа 2021 года) и №6 (от 9 ноября 2021 года). В данных актах Территориальным советам поручено не только координировать усилия местных органов власти и общественных институтов, но и осуществлять системный мониторинг реализации антикоррупционной политики, включая использование цифровых решений. Несмотря на нормативную определённую, анализ практической деятельности свидетельствует о существующих институциональных и компетентностных барьерах.

Результаты проведённого в 2025 году социологического исследования, охватившего более 60% состава действующих Территориальных советов, выявили фрагментарность цифрового взаимодействия и слабую интеграцию платформенных решений в текущую управленческую практику. Так, только 15% респондентов указали на регулярное использование платформы E-Anticor.uz, в то время как 31% сообщили, что слышали о ней, но не применяют в своей деятельности, а 30% вообще не знают о её существовании. При этом половина опрошенных не отслеживает исполнение решений, принятых самими Советами, что ставит под сомнение их контрольную и аналитическую функцию. Таким образом, возникает необходимость не только в технической, но и в методической, организационной и образовательной трансформации подходов к цифровизации антикоррупционной деятельности.

Потенциал цифровых решений в деятельности Территориальных советов выходит далеко за пределы документооборота или ведения учёта. Цифровизация даёт возможность перейти к системной визуализации рисков, построению открытых баз данных, формированию цифровых дашбордов и публичных карт мониторинга исполнения государственных решений. Так, в соответствии с Методикой рейтинг-оценки эффективности работы Территориальных советов (утверждённой протоколом №6), показатели цифровой активности — такие как присутствие в социальных сетях, публикация информации на платформах органов власти, участие в онлайн-опросах и ведение цифровой отчётности — входят в состав

критериев эффективности и напрямую влияют на итоговую оценку деятельности.

Представляется целесообразным рассматривать цифровизацию не как изолированную технологическую новацию, а как трансформацию институционального поведения. Для этого необходим переход от фрагментарного к системному использованию цифровых инструментов, в том числе через следующие инициативы: создание интерактивных карт коррупционных рисков с возможностью общественного ввода данных; автоматизация внутреннего документооборота и отслеживания исполнения решений; интеграция аналитических панелей и шаблонов отчётов в цифровую экосистему антикоррупционной политики. Кроме того, следует развивать цифровые навыки самих членов Территориальных советов, обеспечивая модульное обучение, направленное на освоение инструментов визуализации данных, коммуникации с населением через цифровые каналы и онлайн-презентации результатов работы.

Оценка результативности предпринимаемых мер требует критического осмысления: несмотря на зафиксированное снижение числа зарегистрированных коррупционных преступлений на 24,1% в 2024 году, подавляющее большинство правонарушений продолжает регистрироваться в тех секторах, где цифровая подотчётность остаётся низкой: здравоохранение, образование, государственные закупки. Это указывает на то, что институциональные усилия по цифровизации должны быть не декларативными, а сопровождаться практической реализацией на местах. Только при условии, что цифровые инструменты станут не факультативным, а встроенным элементом деятельности Территориальных советов, возможно добиться устойчивого снижения системных рисков и повышения доверия граждан к антикоррупционной архитектуре государства.

Цифровая трансформация в антикоррупционной политике представляет собой не технический процесс, а институциональную стратегию нового типа управления. Её успешная реализация невозможна без создания нормативно закреплённой, организационно устойчивой и методически обеспеченной модели, в которой Территориальные советы выступают не как вспомогательные структуры, а как полноценные субъекты цифрового антикоррупционного управления. В этом контексте

ключевыми условиями становятся: постоянное повышение цифровых компетенций членов Советов; методическая поддержка в подготовке аналитических и мониторинговых материалов; институционализация цифрового мониторинга как обязательной функции; формализация механизмов взаимодействия с обществом через цифровые платформы. Только в таком случае можно говорить о формировании зрелой, гибкой и устойчивой модели противодействия коррупции, способной эффективно адаптироваться к вызовам современности и ожиданиям гражданского общества.

В этой связи представляется целесообразным предложить:

- разработку и внедрение единой цифровой платформы для внутренней коммуникации и отчётности Территориальных советов с интеграцией в структуру E-Anticor.uz;

- создание национального Центра цифровых компетенций при Агентстве по противодействию коррупции с фокусом на обучение и сопровождение членов Советов;

- утверждение типовых цифровых шаблонов и методик визуализации антикоррупционной деятельности, обязательных к применению при оценке эффективности Советов;

- институциональное закрепление обязанности по ежеквартальному цифровому мониторингу решений Территориальных советов как части официального механизма подотчётности;

- реализацию пилотных проектов по внедрению цифровой аналитики и публичных дашбордов антикоррупционного реагирования в регионах с высокой коррупционной уязвимостью.

Только комплексный подход, объединяющий цифровые технологии, образовательные реформы и институциональное лидерство Территориальных советов, способен придать антикоррупционной стратегии устойчивость, системность и долгосрочный эффект.

АХМЕДОВ ШАМИЛЬ МУНИРОВИЧ
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института пожарной безопасности и проблем чрезвычайных ситуаций Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Узбекистан

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Аннотация: в настоящей статье рассматривается история становления и развития судебной пожарно-технической экспертизы в Республике Узбекистан. Анализируются ключевые этапы формирования данной отрасли, а также присущие им особенности. На основе анализа мнения ученых, статистических показателей и правоприменительной практики автором сформулированы выводы и перспективы дальнейшего совершенствования производства данной пожарно-технической экспертизы.

Ключевые слова: история, судебная экспертиза, судебная пожарно-техническая экспертиза, судебно-экспертная деятельность, Республика Узбекистан, правовая база, пожар, расследование пожаров.

Abstract: This article explores the history of the formation and development of forensic fire-technical expertise in the Republic of Uzbekistan. It analyzes the key stages in the establishment of this field, along with their specific characteristics. Based on the analysis of scholarly opinions, statistical data, and law enforcement practices, the author presents conclusions and outlines prospects for the further improvement of fire-technical expert examinations.

Keywords: history, forensic examination, forensic fire-technical examination, forensic expert activity, Republic of Uzbekistan, legal framework, fire, fire investigation.

Аннотация: ушбу мақолада Ўзбекистон Республикасида судга оид ёнгин-техника экспертизасининг шаклланиши ва ривожланиш тарихи кўриб чиқилади. Ушбу соҳанинг асосий босқичлари ва уларга хос хусусиятлар таҳлил қилинган. Олимларнинг фикрлари, статистик кўрсаткичлар ва ҳуқуқни қўллаш амалиёти таҳлил қилиш асосида муаллиф томонидан ушбу ёнгин-техник экспертизасини ўтказишни янада такомиллаштириш бўйича ҳуқуқсозлар ва истиқболлар шакллантирилган.

Калит сўзлар: тарих, суд экспертизаси, судга оид ёнгин-техникавий экспертизаси, суд-экспертлик фаолияти, Ўзбекистон Республикаси, ҳуқуқий база, ёнгин, ёнгинларни тергов қилиш.

Введение

Пожары издавна представляют серьёзную угрозу для жизни людей, имущества и стабильности общества. Несмотря на развитие технологий и повышение уровня пожарной безопасности, пожары остаются частым явлением, сопровождаясь значительными экономическими и социальными потерями. По данным международных рейтингов, Республика Узбекистан занимает 84-е место по коэффициенту смертности от пожаров — 1,70 на 100 тыс. человек, что свидетельствует о высокой опасности данного явления.¹

Расследование преступлений, сопровождающихся пожарами, представляет значительную сложность, главным образом, в связи с уничтожением в процессе горения (тушения, разборки) следов преступления. Особые затруднения вызывает определение причины пожара и обстоятельств его возникновения, без чего, как правило, невозможно установление признаков состава преступления, его квалификация, выявление виновных лиц.

Существует достаточное количество причин, объясняющих нынешнюю ситуацию в борьбе с преступлениями данного рода. Одна из них заключается в специфических особенностях осмотра места пожара, выявление, фиксация и изъятие вещественных доказательств, проведение допросов в ходе расследования, разработке версий о причинах пожара, необходимости участия специалистов при проведении осмотра места пожара, подготовке материалов для проведения судебных экспертиз, особенностях назначения пожарно-технической экспертизы и ее проведение.

Судебная пожарно-техническая экспертиза — это одна из важнейших и специфических областей судебной экспертизы, которая направлена на установление причин возникновения пожара, определение обстоятельств его возникновения. Пожары, являясь одним из наиболее разрушительных и опасных явлений, требуют комплексного и научно обоснованного подхода к расследованию, что делает судебную пожарно-техническую экспертизу неотъемлемой частью системы правосудия в любой стране. Важность этой дисциплины не ограничивается лишь разрешением уголовных дел о поджогах, но также распространяется на случаи нарушения норм пожарной безопасности, установление источников

¹ Пожары. Коэффициент смертности на 100 000 человек «WORLD HEALTH RANKINGS». Режим доступа: <https://www.worldlifeexpectancy.com/ru/cause-of-death/fires/by-country/>.

возгорания и даже на процессы страхования ущерба, причиненного пожаром.¹

История становления судебной пожарно-технической экспертизы является отражением общего развития науки и техники, а также изменения подходов к правоприменению. Изучение её исторических этапов позволяет понять, как формировались методологии и стандарты, какие факторы оказывали влияние на развитие этой дисциплины, и как она превратилась в самостоятельное направление экспертной деятельности.

СПТЭ в Узбекистане начала развиваться в XX веке, в период становления государства и юридической системы. Основной задачей первых экспертов в области пожаров была помощь в установлении причины возникновения пожара, будь то человеческий фактор, технический дефект или другие обстоятельства. В этот период роль судебных экспертов сводилась к консультативной, и основные выводы, как правило, основывались на общих принципах безопасности и норм пожарной безопасности.

I. Ранний этап: донаучный период

В древние времена пожары являлись одной из главных угроз для городов и поселений. Первые попытки их анализа носили интуитивный характер. В Древнем Риме, например, были приняты законы, регулирующие меры пожарной безопасности (знаменитый Кодекс Юстиниана), однако отсутствовала методика расследования причин пожаров.²

Средневековые стало периодом, когда пожары часто связывались с суевериями и религиозными представлениями. Причины пожаров зачастую объяснялись «божьим наказанием» или действиями колдовства. На данном этапе отсутствовали как систематизация знаний, так и научный подход к изучению пожаров.³

II. Научно-технический прогресс и первые шаги к формированию экспертизы

С XVI века, с развитием естественных наук, начались первые попытки научного анализа пожаров. Работы таких учёных, как:

¹ Методология судебной пожарно-технической экспертизы: основные принципы. М.: ФГБУ ВНИИПО, 2013. 23 с.

² Зарождение пожарного дела в Древнем Риме. Режим доступа: <https://fireman.club/statyi-olzovateley/zarozhdenie-pozharnogo-dela-v-drevnem-rime/>.

³ Причина пожара в мифологии и религии. Режим доступа: <https://propb.ru/articles/blog-knyazeva-p-yu/prichina-pozhara-v-mifologii-i-religii/>

1. Георгий Агрикола (XVI век) описал процессы горения при добыче полезных ископаемых;¹

2. Роберт Бойль (XVII век) изучал взаимодействие воздуха и огня, заложив основы химии горения;²

3. Михаил Ломоносов и Антуан Лавуазье (XVIII век) доказали, что процесс горения связан с кислородом, что стало важным открытием для последующих исследований.³

Они позволили заложить основы понимания химических процессов горения. Развитие физики, химии и инженерного дела в XVI–XIX веках стало фундаментом для формирования теоретических подходов к исследованию пожаров. Однако, несмотря на появление теоретических основ, прикладное применение этих знаний для анализа причин пожаров оставалось на начальном уровне.

В России, начиная с указов Петра I, появились первые нормативные акты, регулирующие строительство и меры противопожарной защиты, такие как правила устройства каменных труб и запрет деревянной застройки в центральных частях городов.⁴

Во второй половине XIX века стали активно развиваться системы пожарной охраны, а с ними и первые формы анализа причин пожаров.

В частности, в Европе и США (к примеру: Национальная ассоциация противопожарной защиты, на англ. National Fire Protection Association (NFPA), которая основана в 1896 году)⁵ начали разрабатываться методы расследования пожаров, основанные на использовании технических знаний.

III. Возникновение судебной пожарно-технической экспертизы как отдельной дисциплины. Формирование научных подходов (начало XX века).

¹ Георгий Агрикола. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

² Лепешкин О.М. Теория горения и взрыва: учеб. пособие / О.М. Лепешкин, А.С. Доронин. – СПб., 2023. – 165 с.

³ Демидов П.Г. Основы горения веществ / Москва, 1951. – 294 с.

⁴ Абрамов В.А., Глуховенко Ю.М., Сметанин В.Ф. История пожарной охраны. Краткий курс: Учебник: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. проф. В.А.Абрамова. – М.:Академия ГПС МЧС России, 2005. – 285 с.

⁵ Национальная ассоциация противопожарной защиты. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальная_ассоциация_противопожарной_защиты.

Начало XX века ознаменовалось появлением первых специализированных методов расследования пожаров. Важным этапом стало признание необходимости привлечения технических специалистов для установления причин пожаров. В этот период происходит становление судебной экспертизы как института, включая пожарно-техническую экспертизу. В 1913 году в России была создана первая лаборатория для исследования пожаров при Санкт-Петербургском пожарном обществе. Появление новых горючих материалов (например, бензина) потребовало изучения их свойств и влияния на пожары.¹

IV. Советский период (1920–1990-е годы)

Изначально создания пожарно-технических экспертных учреждений в СССР начинается с 1945 г., когда в городах Москве, Ленинграде, Свердловске и Горьком Приказом НКВД СССР от 10 марта 1945 г. № 046 были созданы Подвижные пожарные лаборатории (ППЛ).² Приказ устанавливал, что лаборатории создаются в целях всестороннего научно поставленного исследования явлений, происходящих на пожарах в жилом и промышленном секторе народного хозяйства.

В дальнейшем для решения вышеперечисленных и других задач связанных с исследованием пожаров приказом министра внутренних дел СССР в октябре 1957 году были организованы Пожарно-испытательные станции (ПИС) Военизированной пожарной охраны МВД СССР³ в разных республиках ССР, в число которых входила и Узбекская ССР. С данного периода берёт начало производство экспертизы пожаров в Республике Узбекистан.

Спустя 10 лет - 25 ноября 1968 года Пожарно-испытательная станция была преобразована в Пожарно-техническую станцию (ПТС). За время работы станции была изучена пожарная опасность технологического процесса текстильного производства. Методические рекомендации, разработанные и внедренные

¹ Из истории создания Испытательных Пожарных Лабораторий (ИПЛ). Режим доступа: <https://вдпо.рф>.

² Судебно-экспертные учреждения федеральной противопожарной службы. Режим доступа: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/uchrezhdeniya-mchs-rossii/sudebno-ekspertnye-uchrezhdeniya-federalnoy-protivopozharnoy-sluzhby>.

³ Антонов А.О. О системе судебно-экспертных учреждений федеральной противопожарной службы / А.О. Антонов // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. – 2015. – № 3. – С. 28-31. – EDN BBUAOX.

Пожарно-технической станцией, в значительной степени позволили снизить пожарную опасность данного производства.

В 1980 году Пожарно-техническая станция перешла на новый этап своей истории. С этого времени она стала известна как Испытательная пожарная лаборатория (ИПЛ) со штатом 21 человек.

Параллельно с пожарной охраной Узбекской ССР 30 декабря 1950 года была создана Ташкентская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория, начавшая свою работу с 1 июня 1951 года.

На начальном этапе в лаборатории проводились судебно-почерковедческие и отдельные виды технико-криминалистической экспертизы документов. В 1958 году по инициативе Х. Сулаймановой на базе лаборатории было создано первое в Средней Азии специализированное исследовательское учреждение – Ташкентский научно-исследовательский институт судебной экспертизы, что явилось важным фактором по укреплению научных основ правосудия.

В дальнейшем по мере укрепления технической базы института в её деятельность были внедрены ряд новых видов экспертных исследований, среди которых входила и судебная пожарно-техническая экспертиза.¹

На основании Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан за № 234 от 22 июня 1995 года², институт был преобразован в Республиканский научно-исследовательский криминалистический центр. А уже в 2003 году Центр стал именоваться Республиканским центром судебной экспертизы им. Х. Сулаймановой при Министерстве юстиции Республики Узбекистан.

V. Становление судебной пожарно-технической экспертизы в период независимости Республики Узбекистан (1990-е – 2016-е гг.)

После обретения Узбекистаном независимости в 1991 году началась активная реформа судебной системы и системы судебных экспертиз. В это время значительно изменился подход к проведению судебных экспертиз, включая пожарно-техническую экспертизу.

¹ История становления судебной экспертизы в республике Узбекистан / У. Рахимова // Жамият ва инновациялар–Общество и инновации–Society and innovations Special Issue – 1(2021) / ISSN 2181-1415.

² Постановление Кабинета Министров при Президенте Республики Узбекистан, от 22.06.1995 г. № 234 // Национальная база данных законодательства «LexUZ on-line».

В 1997 году в Узбекистане была создана специализированная структура - Республиканский центр судебных экспертиз им. Х. Сулаймановой при Министерстве юстиции Республики Узбекистан, который стал центральным органом, координирующим работу всех судебных экспертов в стране. Создание этого центра позволило организовать систему аттестации экспертов, подготовки специалистов и введения стандартов для всех видов судебных экспертиз.

27 января 1992 года приказом МВД Республики Узбекистан на базе Испытательной пожарной лаборатории была организована Специализированная научно-исследовательская лаборатория (СНИЛ). Были организованы информационно-аналитическое отделение, секторы исследования пожаров, пожарной опасности веществ и материалов и пожарной опасности технологических процессов промышленного оборудования и электротехнических изделий.

После реформ 2001 года на базе Специализированной научно-исследовательской лаборатории была создана Пожарно-техническая лаборатория ГУПБ МВД Республики Узбекистан. А с 2005 года Начиная с этого года лаборатории, руководством Главного управления поручена разработка и внедрение ряда нормативно-правовых актов в области пожарной безопасности, предусмотренные постановлением правительства «О мерах по совершенствованию системы пожарной безопасности в Республике Узбекистан».

В 2007 году при 6 территориальных управлениях пожарной безопасности дополнительно созданы Пожарно-технические лаборатории II-разряда (УПБ МВД Республики Каракалпакстан, УВД Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской, Ферганской и Навоинской областях) лаборатории оснащены необходимой оргтехникой, фото и видеоаппаратурой, оперативными чемоданами и различным исследовательским оборудованием.

VI. Современный этап развития пожарно-технической экспертизы

В 2019 году государственная служба пожарной безопасности переходит из системы МВД в систему МЧС Республики

Узбекистан.¹ Связи постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 18.12.2019 г. № 1011 «Об организации деятельности Научно-исследовательского института пожарной безопасности и проблем чрезвычайных ситуаций Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Узбекистан»² в системе МЧС создаётся Научно-исследовательский институт пожарной безопасности и проблем чрезвычайных ситуаций (НИИ ПБиЧС) ныне Пожарно-техническая лаборатория Главного управления пожарной безопасности МВД Республики Узбекистан, и в приложение к данному постановлению указано «Создание экспертных подразделений и экспертно-квалификационной комиссии при Министерстве по чрезвычайным ситуациям, а также утверждение Инструкции по организации и проведению пожарно-технических экспертиз», что привело к созданию и организацию проведения судебной пожарно-технической экспертизы в НИИ ПБ и ЧС МЧС Республики Узбекистан.

На сегодняшний день судебные пожарно-технические экспертизы проводятся в РЦСЭ им. Х. Сулаймановой при Министерстве юстиции и НИИ ПБ и ЧС Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Узбекистан.

Заключение:

История становления судебной пожарно-технической экспертизы в Республике Узбекистан отражает эволюцию экспертной науки в условиях перехода от советской системы к независимой национальной правовой и технической базе. За несколько десятилетий эта отрасль превратилась из вспомогательного подразделения в самостоятельное направление судебной экспертизы с развитой методологией, современной материально-технической базой и квалифицированными специалистами.

Особое значение для развития СПТЭ имели создание нормативно-правовой базы, внедрение новых научных подходов и технологий, а также интеграция международного опыта. Сегодня

¹ В Узбекистане пожарных из ведения МВД передали МЧС. Режим доступа: <https://kun.uz/ru/01285357>.

² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан, от 18.12.2019 г. № 1011 «Об организации деятельности Научно-исследовательского института пожарной безопасности и проблем чрезвычайных ситуаций Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Узбекистан» // Национальная база данных законодательства «LexUZ on-line».

судебная пожарно-техническая экспертиза играет важнейшую роль в расследовании пожаров, обеспечивая объективное установление их причин и способствуя укреплению законности и безопасности в обществе.

Перспективы дальнейшего развития СПТЭ в Узбекистане связаны с повышением автоматизации экспертиз, совершенствованием образовательных программ и расширением международного сотрудничества. Укрепление институциональных основ и внедрение инноваций станут залогом эффективной борьбы с пожарами и минимизации их последствий, что соответствует стратегическим задачам обеспечения безопасности граждан и устойчивого развития страны.

**KARIMOV IFTIKHOR
IBRAGIMOVICH**

Senior Lecturer at the Department of
Criminalistics and Forensic Expertise of
the Academy of Law Enforcement

**LEGAL ANALYSIS OF EXTREMISM AND PROBLEMS IN ITS
PREVENTION**

***Abstract.** This article is devoted to the analysis of the legal and criminalistic aspects of crimes of a religious extremist nature. It examines the lexical and scientific definitions of the concept of extremism, its features, and its social danger. The problems of combating extremist activities in the world and in Uzbekistan, in particular, the processes of propaganda and recruitment through the Internet network, are studied. The article provides proposals for improving the normative legal framework for combating extremism, using the capabilities of artificial intelligence, and modernizing investigative processes. It also discusses the threat of the “troll factory” and the spread of extremist ideas on social networks, as well as measures to prevent them. Special attention is paid to shortcomings in the legislation of Uzbekistan and ways to eliminate them.*

***Keywords:** extremism, religious extremism, extremist crimes, Internet propaganda, troll factory, criminal procedure, terrorism prevention.*

***Аннотация.** Мақола диний экстремизм хусусиятидаги жиноятларнинг ҳуқуқий ва криминалистик жиҳатларини таҳлил қилишга бағишланган. Унда экстремизм тушунчасининг лугавий ва илмий таърифлари, унинг белгилари ва ижтимоий хавфлилиги кўриб чиқилади. Жаҳонда ва Ўзбекистонда экстремистик фаолиятга қарши курашишдаги муаммолар, хусусан, интернет тармоғи орқали тарғибот ва ёллаш жараёнлари тадқиқ этилган.*

Мақолада экстремизмга қарши курашишнинг норматив-ҳуқуқий асосларини такомиллаштириш, сунъий интеллект имкониятларидан фойдаланиш ва тергов жараёнларини модернизация қилиш бўйича таклифлар берилган. Шунингдек, “троллар фабрикаси” ва ижтимоий тармоқларда экстремистик гоялар тарқалишининг хавфи, уларнинг олдини олиш чоралари муҳокама қилинади. Ўзбекистон қонунчилигидаги камчиликлар ва уларни бартараф этиш йўлларига алоҳида эътибор қаратилган.

Таянч сўзлар: Экстремизм, диний экстремизм, экстремизм билан боғлиқ жиноятлар, интернет-пропагандаси, троллар фабрикаси, жиноят процесси, терроризмни олдини олиш.

Аннотация. Эта статья посвящена анализу юридических и криминалистических аспектов преступлений религиозно-экстремистского характера. В ней рассматриваются лексические и научные определения понятия экстремизма, его особенности и общественная опасность. Изучаются проблемы противодействия экстремистской деятельности в мире и, в частности, в Узбекистане, процессы пропаганды и вербовки через сеть Интернет. В статье предлагаются меры по совершенствованию нормативно-правовой базы для борьбы с экстремизмом, использованию возможностей искусственного интеллекта и модернизации следственных процессов. Также обсуждается угроза «фабрик троллей» и распространение экстремистских идей в социальных сетях, а также меры по их предотвращению. Особое внимание уделяется недостаткам в законодательстве Узбекистана и путям их устранения.

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, конституционный строй, религиозные организации, территориальная целостность, суверенитет.

Despite the implementation of large-scale measures aimed at combating crimes of a religious extremist nature worldwide, the number of such organizations continues to grow. Specifically, although 68 extremist organizations in the United States, 47 in the Russian Federation, 78 in the United Kingdom, and 15 in Turkey have been dismantled, the total number of these organizations currently exceeds 500. Furthermore, although 5,342 pieces of extremist content have been banned by courts in the Russian Federation, 1,133 in Kazakhstan, 167 in Kyrgyzstan, and 2,417 in Tajikistan, the total number of extremist materials disseminated via the global Internet network has now exceeded 40,000. This situation indicates the necessity for a distinct and specialized approach to improving the effectiveness of investigating crimes of a religious extremist nature.

Research aimed at improving the criminalistic aspects of investigating crimes of a religious extremist nature is of critical importance today. This includes differentiating the existing normative legal acts in the field of

investigating such crimes, establishing liability for financing extremist activities, effectively utilizing the capabilities of artificial intelligence to promptly identify materials containing extremist ideologies, enhancing the tactics of conducting searches, interrogations, and other investigative actions related to such crimes, simplifying the foundations and procedures for conducting religious, linguistic, and other types of expert examinations, equipping pre-investigation and investigative bodies with modern technical tools and software, as well as studying the problems arising in law enforcement practice.

Before addressing the criminalistic aspects of investigating crimes of a religious extremist nature, it is appropriate to analyze the term “extremism” and to fully comprehend its conceptual meaning. In contemporary academic research, the theoretical analysis of the concept of “extremism” represents not only one of the key issues in legal science, but also a fundamental and, at the same time, ambiguous problem in practical application.

To understand the meaning of “extremism” correctly and comprehensively, it is advisable to examine its lexical definition. According to the Explanatory Dictionary of the Uzbek Language, extremism (from Latin *extremus* – farthest; radical, extreme; drastic) is defined as adherence to radical and extraordinary methods in politics and ideology, and a tendency to take drastic measures¹.

German scholars A. Pfahl-Traugher and E. Jesse have defined extremism as “a phenomenon aimed at the destruction of the fundamental principles of democracy in a constitutional state”². However, the concept of extremism may not be confined to political contexts alone, and this definition only partially reflects the broader reality. In particular, it does not comprehensively encompass extremist movements in the religious sphere.

Peter Coleman, a staff member at Columbia University’s International Center for Cooperation and Conflict Resolution, and Andrea Bartoli, a specialist at George Mason University’s Institute for Analysis and Conflict Resolution, have acknowledged that “extremism is a complex phenomenon, even though it may be difficult to perceive its complexity. The easiest way to define it is as behaviors (beliefs, attitudes, emotions, actions, strategies) that

¹Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. 29p. URL.https://ziyouz.com/books/uzbek_tilining_izohli_lugati (Date of access to the electronic source: 18.02.2023)

² Armin Pfahl-Traugher. Jahrbuch für Extremismus- und Terrorismus forschung 2009/2010 // https://www.hsbund.de/SharedDocs/Downloads/2_Zentralbereich/20_Referat_W/Publikationen/20_Schriften_Extremismus_Terrorismusforschung/band_03.pdf?__blob=publicationFile&v=3. (Date of access to the electronic source: 11.02.2023)

are far from the norm”¹. This definition provides a broad interpretation of the concept of extremism, including not only views but also behaviors that differ from accepted norms.

According to these scholars, the imbalance of power is also important in identifying extremism, as during conflicts the actions of members of a weaker group often appear more extreme than the actions of members of a stronger group that seeks to protect the status quo. In addition, weaker groups tend to prefer direct and episodic forms of violence (e.g., suicide bombings), while groups in power are more likely to prefer structured forms of violence (e.g., covert use of torture or unofficial sanctioning of police brutality).

Therefore, the emergence and development of the concept of “extremism,” the study of research conducted by foreign scholars in this regard, and the development of a definition of this concept based on the demands of the present day are required.

Likewise, S.N. Fridinsky provided a similar definition, stating that “violent actions of extremists against victims are often referred to as terrorism”². Based on this definition, it can be seen that in terms of content, extremism is very close to terrorism, since through terrorist acts murder, intimidation, and actions that cause terror among people are committed against victims.

Thus, the conceptual and terminological analysis of legal literature and legislative acts in the field of combating extremism makes it possible to identify the following key characteristics of extremism:

First, extremism involves not only violence (as a rule, of a radical nature) but also the use of non-violent methods, such as the dissemination of extremist materials and the incitement of national, religious, or ethnic hatred and discord.

Second, extremism is a systemic social phenomenon that combines ideological beliefs (which serve as motives and goals of extremist crimes and offenses) based on religious, racial, national, gender, or political motives that promote the superiority of one group over others ³.

¹ Coleman, P.T., Bartoli, A. Addressing Extremism. Retrieved from [http://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386 White Paper 2 Extremism 030809.pdf](http://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386%20White%20Paper%20Extremism%20030809.pdf) (Accessed: 11.02.2023)

² Fridinsky, S.N. Combating Extremism (Criminal-Legal and Criminological Aspects): PhD dissertation in Law. Rostov-on-Don, 2003. – pp. 26–27.

³ Karyagina, A.B. Interethnic Conflicts as a Factor in the Spread of Extremism in the Southern Federal District: Problems and Solutions. In: Proceedings of the Scientific and Practical Conference. Omsk, 2021. – pp. 93–97.

Third, extremism presupposes actions prohibited by law (whether administrative or criminal offenses).

Fourth, extremism primarily consists of actions aimed at achieving goals that violate citizens' rights and freedoms and undermine the democratic foundations of the state.

Fifth, the concepts of "extremism" and "extremist activity" are closely interrelated and may be interpreted in accordance with the law enforcement practice of a particular state.

In other words, in each specific case, the essence of extremism may manifest itself through different forms and methods, which necessitates the application of various legal instruments taking into account the historically developed characteristics of a given state's development.

Based on the above-analyzed materials, the following conclusions can be drawn:

- Although a number of scientific studies have been conducted in the field of combating extremism, the concept of "extremism" differs in its interpretation across politics, science, and legislation. Furthermore, legal scholarship lacks a unified view regarding the essence of extremism, its subjects, objectives, and motives;

- The academic community considers extremism in both broad and narrow senses: in the broad sense, it is defined as "adherence to radical views to achieve certain goals"; in the narrow sense – as "activity aimed at defeating and eliminating opponents";

- Based on the analysis, the following characteristics of extremism can be distinguished: adherence to uncompromising radical views and their dissemination in society; pursuit of ideological, religious, or political objectives; support for or use of violence; rejection of or deviation from current legislation and socially accepted moral norms; incitement of social, racial, national, religious, or other forms of hatred; and the generation of threats to national security;

- The concept of extremism is broader than that of terrorism, and the boundary between them is manifested in the use of violence in the actions of individuals, groups, or organizations;

- By its very nature, extremism – whether in the form of "radical views" or "active measures" – poses a direct threat to the constitutional order and national security.

Article 3 of the Law "On Combating Extremism" defines extremism as "radical forms of actions aimed at destabilizing the socio-political situation, forcibly changing the constitutional order of the Republic of Uzbekistan,

seizing power by force and appropriating its authority, and inciting national, racial, ethnic or religious hatred”¹. This definition is formulated in a clear and simple language.

However, in this definition, the legislator associates extremism with political power, evaluating it as radical forms of actions directed at the use of force against or seizure of power, and incitement of hatred. Nevertheless, the definition does not specify what exactly constitutes “radical forms of actions.” Additionally, the expression “radical forms of actions aimed at destabilizing the socio-political situation” remains ambiguous, which may result in classifying any act of violence as extremism, even if it does not actually fall under the scope of extremist activity.

Articles 244¹ and 244² of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan establish criminal liability for religious extremism. Likewise, Article 3 of the Law “On Combating Extremism” provides a definition of extremism. However, this definition does not clearly indicate which specific criminal acts constitute the crime of extremism. These criminal acts are elaborated in more detail under the concept of “extremist activity”.

For example, the concept of “extremism” is defined as consisting of four components, namely: radical forms of actions aimed at destabilizing the socio-political situation, forcibly changing the constitutional order, seizing power through violence and appropriating its authority, and inciting national, racial, ethnic, or religious hatred².

However, this definition does not include responsibility for a range of activities reflected in the concept of “extremist activity,” such as: actions aimed at violating the territorial integrity and sovereignty of the Republic of Uzbekistan; establishing or participating in illegal armed formations; engaging in terrorist activities; preparing, storing, distributing, or displaying materials that threaten public safety and public order; as well as producing, storing, distributing, or displaying attributes or symbols of extremist organizations; organizing or participating in mass riots based on political, ideological, racial, national, ethnic, or religious hatred or enmity; or openly calling for the implementation of such actions, including their planning, organization, preparation, or execution. Therefore, in this study, with the aim of unifying the aforementioned concepts, we propose the following revised definition of extremism based on the above analysis:

¹ Law of the Republic of Uzbekistan “On Combating Extremism”. Tashkent, July 30, 2018, No. ORQ-489. <https://lex.uz/docs/384> (Accessed: 18.02.2023).

² Law of the Republic of Uzbekistan “On Combating Extremism”. Tashkent, July 30, 2018, No.489. <https://lex.uz/docs/384> (Accessed: 18.02.2023).

Extremism is the expression of radical forms of extremist activity aimed at destabilizing the socio-political situation, forcibly changing the constitutional order of the Republic of Uzbekistan, seizing power through violence and appropriating its authority, and inciting national, racial, ethnic, or religious hatred;

In addition, although detailed analyses of crimes characterized by religious extremism have not been carried out in the criminal law literature, terms such as “extremism,” “religious extremism,” and “crimes related to extremism” are commonly used.

It should be noted that the category of “crimes of an extremist nature” is significantly broader than that of “crimes related to extremism.” These concepts have both similarities and differences.

Crimes of an extremist nature are unlawful acts directed against the existing legal order in society, the constitutional foundations of the state, and national, religious, or social harmony. These crimes are typically based on radical ideas or aspirations, with the primary goal of ensuring ideological, political, or religious superiority of certain individuals or groups.

The main characteristics of crimes of an extremist nature are reflected in the following:

Extremist crimes are committed on ideological or doctrinal grounds. They are aimed at causing harm to society or the state through radical ideologies.

They are directed against the interests of the state or society, meaning that such crimes pose a threat to state sovereignty, territorial integrity, or national and religious harmony within society.

Crimes of an extremist nature involve methods such as the use of violence, intimidation, or threats.

Extremist organizations often disseminate their ideas through mass propaganda and by manipulating specific segments of society.

In today’s globalized world, information has become an inseparable part of human life. As a result, international extremist organizations have been widely using the global Internet network to recruit individuals into their ranks.

According to available data, the number of Internet users in Uzbekistan has exceeded 31 million, with 29.5 million of them using mobile Internet¹. This clearly reflects the rapid development of information and communication technologies in our country and the increasing availability of

¹ Shermatov, Sh. (2022). The number of Internet users in Uzbekistan exceeds 31 million. Retrieved from <https://www.gazeta.uz/uz/2022/12/15/internet-users/> (Accessed: 19.11.2023).

high-quality communication systems that enable citizens to exercise their constitutional rights to access, store, and disseminate information.

This situation indicates the urgent need to prevent the population from falling under the influence of extremist currents via the global Internet network and to create a healthy informational environment for youth. The President of the Republic of Uzbekistan, Shavkat Mirziyoyev, emphasizing the tasks related to strengthening ideological immunity in the hearts and minds of our youth, stated: “In fulfilling these tasks, we rely on our national traditions that have been formed over centuries and the rich heritage of our ancestors¹”.

Modern technologies today serve as a tool that allows terrorists and extremists to act with impunity in virtual space, inevitably providing extremist and terrorist organizations with global power and extensive reach².

In her research, G.V. Yeliseeva has studied how extremist organizations pursue political objectives by carrying out recruitment activities through the use of communication technologies, noting that Internet-based recruitment has become the most effective method at present³.

Researcher V.M. Kapitsin, who has studied the modern methods of recruitment into extremist organizations, emphasizes that individuals are motivated to join such organizations by ideological aspirations, the desire to change the world, to dominate others, to promote terrorism, and by notions of “brotherhood” and personal advancement⁴.

According to L.N. Pankova and Yu.V. Taranukha, extremist organizations most frequently use psychological, political, and ideological methods to recruit individuals into their ranks⁵.

M.V. Novikova believes that today’s recruiters first cultivate a destructive culture within the consciousness of the individual, and only then

¹ Mirziyoyev, Sh.M. (2016). The Rule of Law and the Protection of Human Interests as the Guarantee of National Development and Public Welfare. Speech at the ceremony dedicated to the 24th anniversary of the adoption of the Constitution of the Republic of Uzbekistan. Retrieved from <https://www.gazeta.uz/uz/2016/12/07/speech> (Accessed: 24.10.2022).

² Myurid, E. (2020). ISIS and Russia: Is Confrontation Inevitable? (ISIS is a terrorist organization banned in Russia). Moscow: Knizhny Mir, 186 pages.

³ Yeliseyeva, G.V. (2024). Legal Foundations of Countering the Manifestations of Terrorism and Extremism in the Youth Environment. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-protivodeystviya-proyavleniyam-terrorizma-i-ekstremizma-v-molodezhnoy-srede> (Accessed: 07.04.2024).

⁴ .Extremism and Terrorism: Political-Psychological Similarities and Differences. (2021). Journal of Social and Humanitarian Knowledge, pp. 49–56

⁵ Pankovoy L.N., Taranuxi Yu.V. i dr. Profilaktika (preduprezhdeniye) ekstremizma i terrorizma metodicheskoye posobiye propagandistov M:- 2020. S 70-81

proceed to the recruitment stage. Initially, they instill hatred toward the rules and values of society, provoke animosity, and subsequently engage in the direct recruitment of individuals into their organizations ¹.

According to surveys conducted among law enforcement officers currently working in practice and based on criminal cases initiated in relation to crimes of an extremist nature, it has been found that 90 percent of extremist organizations recruit individuals through social media platforms.

Analyses show that, currently, religious extremist organizations around the world actively conduct their propaganda mainly via social media platforms and messengers such as Telegram (48%), YouTube (14%), Facebook (13%), Odnoklassniki (13%), Instagram (11%), and WhatsApp (1%). These activities are aimed at inciting national and religious hatred, as well as encouraging individuals to commit suicide, and their consequences are extremely dangerous and alarming.

Currently, there are more than 40,000 extremist websites engaged in recruiting individuals on the global Internet network. According to Jeffrey Feltman, United Nations Under-Secretary-General for Political Affairs, there are around 50,000 Twitter accounts supporting the ideas and activities of ISIS (Islamic State of Iraq and the Levant), each with an average of 1,000 “followers” and “supporters.” In addition, ISIS’s media centers “Al-Furqan” and “Al-Hayat” conduct propaganda operations through social media platforms in Arabic, English, German, French, Russian, Hindi, Urdu, Bengali, Turkish, Kurdish, and several other languages ².

Taking into account that extremist organizations are providing personnel to international terrorist networks, we can clearly understand how alarming the situation truly is.

The materials disseminated via the Internet take various forms and are mainly presented as text, audio, and video. For instance, on the YouTube video hosting platform, around 300 hours of video content are uploaded every minute across a wide range of topics. Over the past 15–20 years, mobile communication has become widespread in many countries around the world, including among the youth of Uzbekistan. Nowadays, text messaging through mobile applications such as

¹ Novikova M.V., Nikolayeva I.I. Sposobi verbovki i kontrolya soznaniya v destruktivnix kultax. International journal of experimental education №12, 2019

² T.M.Albo. Propagandistskaya deyatel'nost' IGIL i metodi borby s ney. <https://cyberleninka.ru/article/n/propagandistskaya-deyatelnost-igil-i-metody-borby-s-ney>. (Elektron manbaga murojaat qilangan vaqt: 03.11.2023)

WhatsApp, ICQ, MSN Messenger, and Telegram is becoming increasingly common¹.

As of now, approximately half of the world's population—around 3 billion people—use various social media platforms. Among them, the largest portion—2 billion individuals—are Facebook users. In Uzbekistan, the number of Facebook users is approaching one million, the majority of whom are between 25 and 34 years old, with 65.5% being men and 34.5% women. Instagram, with a global user base of 1 billion, has 1,586,500 users in Uzbekistan. Telegram, which has 200 million subscribers globally, serves 18 million users in Uzbekistan².

Extremist organizations, due to their ability to deliver large volumes of content in mere seconds through social media, are effectively using these tools to distribute extremist materials to their supporters. These groups frequently promote Islamic terms such as takfir, hijrah, jihad, caliphate, and shahid to further their ideological goals. For example, ISIS created a Facebook page named “Caliphatebook” to promote the widespread dissemination of its ideas and is currently attempting to cultivate supporters of radical ideologies through it³.

Such sites and accounts often appear suddenly on the network and disappear after a certain time, frequently changing names and domains without altering their core content. As a result, it has become nearly impossible to block these sites.

Extremist and terrorist groups are also hiding their content within online sports pages, web conferences, and pornographic websites. Propaganda and information about future extremist activities are stored in a scattered manner across the entire internet. Extremists who know how to access hidden codes are able to compile and study this information in a centralized way.

According to experts, videos disseminated by militants are professionally produced and published on internet platforms. Due to the capabilities of the internet, such high-quality videos are used to promote

¹ A. Rakhmonov. Negative consequences of destructive ideas and the need to prevent them. Formation of ideological immunity – a requirement of the time. <https://telegra.ph/33-mavzu-08-14>. (Date of access to the electronic source: 03.02.2024)

² G. Gaffarova. The influence of social networks on the spirituality of youth. Academic research in educational sciences. Scientific Journal Impact Factor (SJIF) 2021: 5.723 <https://cyberleninka.ru/article/n/izhtimoiy-tarmolarning-yoshlar-manaviyatiga-tasiri>. (Date of access to the electronic source: 19.09.2022)

³ “Islamic State” launched its own social network. URL: <https://www.interfax.ru/world/428849>. (Date of access to the electronic source: 11.02.2023)

militant activities. Each time new videos and photographs are released by militants, they differ in content and quality from the previous ones. Militants monitor how their content impacts the international community and adjust their activities accordingly ¹.

Our analysis indicates that extremist and terrorist organizations based in Syria, Iraq, Afghanistan, and other countries are actively recruiting individuals among the populations of Central Asian states.

These organizations employ the following methods to achieve their objectives:

- Inciting national, racial, ethnic, and religious hatred;
- Conducting ideological indoctrination of citizens directly or remotely (via the Internet);
- Portraying extremists and terrorists as true Muslims or Islamic warriors (creating a positive image);
- Offering material incentives;
- Exaggerating the state's social problems to foster public distrust in the government;
- Promoting their own interpretations of Islam and Sharia principles².

Based on the analysis of investigated criminal cases, it has been observed that extremist organizations utilize the following categories of individuals to recruit members through the global Internet network:

- *Ideological leaders*;
- *Field commanders*;
- *Religious bloggers*;
- *Troll factories*;
- *Sleeper cells*.

Ideological leaders are among the most crucial elements employed by international extremist organizations. Today, numerous channels, accounts, social media pages, and messaging platforms in the virtually unregulated online space provide the opportunity for unauthorized religious education. This, in turn, creates favorable conditions for the ideological leaders of extremist organizations to propagate the ideologies of religious fundamentalism and extremism under the guise of teaching generally accepted Islamic knowledge.

¹ Analysis of studied criminal cases

² A. Karimov. Factors influencing the commission of offenses related to extremism and terrorism among youth and some aspects of combating them. <https://www.inacademy.uz/index.php/EJLFAS/article/view/11275/80> (Date of access to the electronic source: 04.08.2023)

These ideological leaders often address socially sensitive and trending topics such as sexual relations, government policy, the “Russia–Ukraine war,” the “Palestinian crisis,” and others that attract public attention. They communicate freely with followers via social networks like Zoom, WhatsApp, Telegram, and others, answering any questions from interested users, thereby steadily increasing the number of their followers. Through these actions, they expand their circle of influence. Eventually, ideological leaders instill ideas such as “land of disbelief,” hijrah, jihad, martyrdom, and “restoration of the caliphate” in their followers, encouraging them to travel to conflict zones and participate in violent clashes¹.

As a result, many citizens become like “zombies,” joining the ranks of international terrorist and extremist organizations under the pretext of carrying out so-called jihad and hijrah. For example, according to experts, 80 percent of ISIS militants were recruited through social media and messaging platforms².

In the recruitment of individuals into extremist and terrorist organizations, the so-called “field commanders” of these groups also play a crucial role. For instance, the leaders of international extremist and terrorist organizations based in countries experiencing armed conflict, such as Syria, Iraq, Afghanistan, and others, regularly upload footage of their battlefield operations, skills, and handling of weapons and ammunition directly to social media platforms. These videos and materials are professionally produced by experts with specialized knowledge. During the production process, the speeches of the Prophet Muhammad (peace be upon him) and verses from the Qur'an revealed during times of conflict are used as textual justifications, aiming to legitimize their destructive activities from a religious perspective. In addition, they make effective use of combat chants (nasheed), salawat (prayers in honor of the Prophet), and specific musical backgrounds to emotionally influence viewers.

Moreover, from a young age, boys develop an interest in military action through computer games such as Counter-Strike, GTA, PUBG, and other similar combat games. Observations show that field commanders of

¹ S. Sharipov. Religious extremist movements and their ideas. The threat of terrorism. Official website of the Committee on Religious Affairs under the Cabinet of Ministers. <https://religions.uz/uz/news/detail?id=391> (Date of access to the electronic source: 11.02.2023)

² Recruitment into ISIS ranks in most cases occurs through social networks and messengers. URL: <https://digital.report/vlasti-uzbekistana-80-storonnikov-igil-verbuet-cherez-internet> (Date of access to the electronic source: 11.02.2023)

extremist organizations skillfully exploit this factor. The real-time combat scenes featured in their videos evoke a strong desire among young viewers to participate in such scenarios themselves. Terrorist recruiters engage youth through in-game chats of online combat games and are even creating game clones that simulate terrorist attacks as gameplay.

On July 23, 2021, during the opening of the 9th Moscow Conference on International Security, Director of Russia's Federal Security Service (FSB), Alexander Bortnikov, stated:

“Youth represent a specific risk group, as they are being subjected to psychological manipulation through social networks and the chat functions of popular computer games. Moreover, terrorist groups have reached the point of creating their own clones of these games, designed to influence young users. In this way, potential supporters of terrorist and extremist organizations are being taught not only through voice chat but also through direct game-based simulations of terrorist attacks.”

For example, one such figure is Sirojiddin Ziyavutdinovich Mukhtarov, also known under the alias “Abu Saloh Oshiy,” who has been the ideological leader of the terrorist group “Tawhid wal-Jihad.” While the Russian Ministry of Defense has reported his death, his previously published video materials – showing him engaging in subversive activities in Syria – continue to circulate on social media platforms and have led many individuals to join these groups under his ideological influence¹.

These circumstances demonstrate the necessity for law enforcement and security personnel to exercise specific oversight within online gaming environments, particularly in genres such as Counter-Strike, GTA, PUBG, and other combat-style games.

According to Article 10 of the Law of the Republic of Uzbekistan “On Freedom of Conscience and Religious Organizations,” the preparation, import, and dissemination of religious content within the territory of the Republic shall only be permitted following a positive conclusion from a religious studies examination. This provision aims to prevent the spread of ideas and views that could lead to the disruption of interfaith harmony and religious tolerance, or incite religious violence and lawlessness. Additionally, the procedures for preparing, importing, and

¹ The Ministry of Defense reported the elimination of a terrorist leader in Syria. More details at RBC: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/631bb4429a7947c68e37dc50?from=copy> (Date of access to the electronic source: 04.09.2023)

distributing religious materials are to be established by the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan¹.

Nevertheless, at present, any individual can independently produce religious content and publish it on social media platforms at any time. It is well known that Article 12¹ of the Law “On Informatization” stipulates that website owners, including bloggers, must not allow the dissemination of extremist religious ideas through their platforms, are obliged to verify the accuracy of the information before posting it, and must immediately remove any content found to be false or in violation of the law².

However, due to a lack of proper knowledge, most website owners and bloggers are not capable of identifying prohibited content within the texts and videos they publish. As a result, when appropriate measures of accountability are applied, law enforcement officials are often mistakenly perceived by the public as acting against religion.

In turn, the Agency for Information and Mass Communications of Uzbekistan is authorized to restrict access to websites if such obligations are not fulfilled.

What is particularly concerning is that despite formal bans, access to prohibited websites is still easily available through tools such as VPNs and proxy software.

An analysis of current law enforcement practices reveals a number of practical challenges, some of which stem from deficiencies within normative legal documents themselves. For instance, Clause 14 of the regulation approved by Resolution No. 132 of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan dated 28 June 2007 stipulates that, following the completion of Internet monitoring by the Center for Mass Communications Affairs, a conclusion must be submitted to the relevant authorities within five working days, or within thirty working days if expert participation is required³. It should be emphasized that this provision does not take into account the sensitive reality of how rapidly information spreads in the age of globalization. In five days, any type of

¹ Law of the Republic of Uzbekistan “On Freedom of Conscience and Religious Organizations”, No.699 of July 5, 2021.URL: <https://lex.uz/docs/5491534> (Date of access to the electronic source: 01.06.2022)

² Law of the Republic of Uzbekistan “On Informatization”, No. 560-II of December 11, 2003. URL: <https://lex.uz/docs/83472> (Date of access to the electronic source: 12.11.2023)

³ Resolution No. 132 of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan “On Measures to Improve the Monitoring of Compliance with Legislation in the Field of Mass Communications”, dated June 28, 2007. URL: <https://lex.uz/docs/1226048> (Date of access to the electronic source: 10.10.2022)

harmful content could already be processed, reposted, or deleted, effectively eliminating the opportunity to initiate an expert examination.

Moreover, the legal framework in Uzbekistan currently lacks clear regulation over issues such as the operation of religious-themed internet channels, profiles, and bots, as well as the publication of religious content by websites that are not formally authorized to distribute such information.

In addition, the concept of “propaganda” is not clearly defined in the legislation, which creates difficulties in law enforcement practice when qualifying specific actions and legally assessing whether certain behavior constitutes the dissemination of prohibited ideas.

In recent times, significant reforms have been carried out in Uzbekistan aimed at genuinely ensuring citizens’ freedom of speech and conscience, as well as their right to access information. The increasing number of Internet users in the country, especially among the youth, has created a favorable environment for so-called “troll factories.” According to the analysis of criminal cases, extremist organizations have actively used troll factories to draw public attention to their agendas¹.

A “troll” is a fictional green creature from Scandinavian folklore known for its grotesque and disruptive behavior². The term “troll factory” refers to a group of hackers operating through social networks with the aim of manipulating public consciousness, undermining political stability, and generating distrust toward state authorities by highlighting certain controversial issues (primarily those that could threaten public order or government authority) in a negative light³. Such troll factories may also be created by governments themselves to improve the social and political climate on the Internet or to positively influence public opinion on specific matters.

For example, according to a report by the research organization Freedom House, in 30 countries, government-affiliated troll factories are active on social media platforms, posting comments and opinions in line with official agendas⁴.

¹ Analysis of Studied Criminal Cases

² URL: <https://www.islamonline.uz/site/item/> (Date of access to the electronic source: 15.08.2023)

³ M. Hakimjonov. “Troll Factory”. URL: <https://oliymahad.uz> (Date of access to the electronic source: 15.08.2023)

⁴ Freedom House Discovered State “Troll Factories” in 30 Countries, Including Russia, Ukraine, and Belarus. URL: <https://meduza.io/news/2017/11/14/freedom-house-obnaruzhila-gosudarstvennye-fabriki-trolley-v-30-stranah-vklyuchaya-rossiyu-ukrainu-i-belorussiyu> (Date of access to the electronic source: 23.08.2023)

However, this study focuses on troll factories organized by extremist groups that exploit religious and political factors to promote alien ideologies and discredit religious and political scholars within a state.

A typical analysis group within a troll factory consists of around 10 individuals. Additionally, 10 more participants operate fake profiles on social networks. As a result, the total number of so-called “analysts” reaches approximately 100 people. If each of them manages 10 fake accounts, the perceived number of participants involved in preparing discussion threads, publishing blog posts, commenting on social media, and leaving remarks on news websites may appear to be around 1,000 individuals. In reality, however, there may be no more than 10 actual operators managing the entire operation¹.

At present, so-called “troll groups” are actively working to increase the number of their supporters by raising topics that incite religious hatred through their channels on popular social media platforms such as YouTube, Instagram, Facebook, Telegram, X (formerly Twitter), and others. These groups are succeeding in expanding their influence among the public.

“Troll groups” not only post content that calls for jihad, hijrah, and martyrdom, but also distort topics such as hijab, beards, and religious freedom. In addition, they attract public attention by publishing misleading religious interpretations related to controversial issues like the “wedding night,” “sexual relations,” and other topics that have caused public uproar in the media.

The activity of troll groups mainly manifests through writing “posts” and accompanying them with comments on the Internet. For example, a troll group might publish a specially prepared video aimed at discrediting political elites or religious scholars. Then, coordinated troll hackers flood the comment section with thousands of manipulative remarks such as “tell the truth,” “who gave you the right,” or “are you afraid?”—including mocking and insulting language. These comments aim to escalate the situation and provoke others to join the conversation. Trolls then “like” each other’s comments, artificially inflating the post’s visibility and engagement.

As a result, the post quickly becomes one of the most viewed items on the platform, attracting even more users. Influenced by the apparent

¹ M. Hakimjonov. Troll Factory. URL: <https://oliymahad.uz/8878> (Date of access to the electronic source: 23.08.2023)

popularity and validation from others, additional users begin to support these views, eventually forming a “controlled crowd” that supports a particular narrative.

It should be noted that the state coups in Arab countries, as well as the “color revolutions” and violent clashes in Georgia, Belarus, Ukraine, and Kazakhstan, were largely the result of ideological influence campaigns conducted by interested powers using troll groups to manipulate public consciousness¹.

In conclusion, today, a “troll group” can insult and discredit anyone—from heads of state to ordinary citizens—and manipulate reality to fit their agenda, turning it into a distorted, negative version of events.

Based on the above, we believe the following measures would yield positive results:

Currently, law enforcement agencies in Uzbekistan have the technical capability to block access to prohibited websites. However, they lack the tools to block accounts on social media platforms. The speed and convenience with which content can be distributed on these platforms, coupled with the limited monitoring capabilities of law enforcement, create favorable conditions for extremist organizations. These groups are therefore investing more resources into propaganda efforts in this direction.

According to Clause 8 of the Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PQ-4436 dated September 4, 2019, “On Additional Measures for Improving Religious and Educational Activities,” the Supreme Court is instructed to publish, via its official website and other mass media outlets, a regularly updated list of organizations, websites, social media platforms, and mobile messengers that have been recognized by the court as extremist or terrorist and whose activities have been officially banned within the territory of the Republic of Uzbekistan.

To ensure the implementation of this directive, the Supreme Court has been continuously updating and publishing a list of sources and content (materials) that are prohibited from being imported, produced, distributed, or displayed within the country. This list is available in the “Open Data” section of the Court’s official website (<https://sud.uz/open-info/supreme-court-open-info>).

¹ Jin Sharp: Diktaturadan Demokratiyagacha. 2022. Global Book. B.73

Based on this resolution, from 2019 to 2024, more than 80 rulings by the Supreme Court of Uzbekistan have led to the official ban of over 1,000 sources and their materials on the grounds of promoting extremist and terrorist ideologies. These include platforms such as Facebook, Odnoklassniki, Instagram, TikTok, the Telegram messenger, the YouTube video hosting service, and others, whose activities have been officially prohibited in Uzbekistan.

However, despite the existence of mechanisms for blocking websites, the technical inability to restrict or block social media accounts presents significant challenges in law enforcement practices. As a result, the publication of banned sites and platforms by the Ministry of Justice and the Supreme Court through official websites and media outlets has, in practice, become a form of negative publicity rather than a public warning. This, in turn, has increased attention to such platforms among thousands of young users, potentially drawing them into the sphere of influence of these prohibited organizations.

Furthermore, according to Resolution No. 180 of the Cabinet of Ministers dated April 14, 2022, “On the Approval of the Regulation on the Procedure for Preparing, Importing, and Distributing Religious Materials and Conducting Religious Studies Expert Examination,” all religious content must undergo religious expert review, and a positive conclusion must serve as a legal basis for its preparation, import, and distribution in Uzbekistan. However, due to the lack of technical capability to block individual profiles and channels, many such entities continue their operations to this day.

It is also worth noting that in certain cases, citizens—particularly minors—receive religious content from various accounts and channels on social media. However, the lists of prohibited websites and platforms available on the official websites of the Ministry of Justice (<https://adliya.uz>) and the Supreme Court (<https://sud.uz>) are vague and difficult to navigate. As a result, individuals are often unable to independently verify whether the material they have received is associated with a banned source.

According to the results of a sociological survey, 56% of respondents believe that publishing the list of over 1,000 banned content sources through social media, based on Supreme Court rulings, is not an effective method for protecting individuals from falling under the influence of prohibited organizations. An additional 28% partially agreed with this assessment.

Therefore, drawing on the advanced experience of foreign countries, it is advisable to implement modern computer programs that utilize artificial intelligence to determine—without human intervention—whether certain materials are prohibited or not.

According to available data, Telegram Messenger is currently strengthening its security measures and enhancing user data protection. As stated by the platform's founder, Pavel Durov, Telegram has introduced a new system that includes the right to provide relevant authorities with the IP addresses and phone numbers of users who violate its terms of service.

Telegram's search functionality is significantly more powerful than that of other messengers, allowing users to locate public channels and bots more efficiently. Unfortunately, this functionality is sometimes exploited by individuals engaged in the sale of illegal goods.

In recent weeks, a specialized moderation team supported by artificial intelligence has made Telegram search much safer. It is now reported that problematic content identified through the search function is no longer accessible. Additionally, users are encouraged to report any harmful or illegal findings in the Telegram search system via the @SearchReport bot.

These measures underscore the need to use Telegram's search tool exclusively for legal purposes, especially in the context of strengthening the fight against crime. Telegram has emphasized that any user encountering dangerous or unlawful content in the search results should report it via @SearchReport.

It is noteworthy that in the first half of 2024 alone, Telegram blocked over 400,000 channels and groups associated with terrorism. Moreover, 19% of all terrorist attacks worldwide in 2023 were either organized through or had connections to social media platforms.

Telegram is undertaking serious measures to ensure security and prevent criminal activity on its platform, including the use of artificial intelligence and collaboration with law enforcement agencies. However, these measures must not infringe upon users' privacy rights.

In the context of rapid investigative operations, it is necessary to submit official requests to Telegram for the provision of IP addresses and phone numbers of individuals involved in extremist activity, as well as for the blocking of profiles and channels declared prohibited by court decisions.

According to legal practice, it takes an average of six to eight months for the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan to officially ban

even a single piece of content. During this time, the public remains fully exposed to the content, which poses a significant risk of hundreds of individuals falling under the influence of extremist ideologies.

Analysis of pre-investigative materials and criminal cases studied during the course of this research shows that in 70% of terrorism- and extremism-related cases, the websites, channels, and profiles associated with suspects or defendants were overlooked and not subjected to timely legal action..

According to the existing procedure, the suspect's (accused person's) phone, computer, and other technical devices are first seized, then inspected and sent for the appropriate forensic examination. After receiving the expert opinion, the pre-investigation and investigative authorities conduct relevant investigative actions based on the information contained in the seized devices, and the technical device is recognized as material evidence and submitted to the court along with the criminal case.

After that, the criminal case is scheduled for trial, a judicial investigation is conducted, and during the sentencing process, attention is paid to the technical device submitted by the investigative authority, and the issue of destroying the device is addressed in the judgment.

Unfortunately, it must be noted that the defendant's websites, channels, and profiles on the global Internet are not given attention during this process.

As a result of the continued activity of these sites, channels, and profiles, cases of new individuals being recruited into extremist organizations do not stop. This indicates that the work being carried out is insufficient.

For example, although on February 7, 2024, the Kibray District Criminal Court of Tashkent Region issued verdict No. 1-1107-2302/233, finding a group of individuals guilty under Articles 244¹, 244², and 159 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, no measures were taken regarding the Telegram, Instagram, and other mobile application channels and profiles of the convicted persons, which contained materials about "hijrah" and "jihad" related to organizations banned in the Republic of Uzbekistan and had more than 9,000–10,000 followers. As a result, these profiles and channels continue to operate to this day.

In order to eliminate such negative situations, it has become necessary to introduce a procedural coercive measure that would allow the temporary restriction of the activity of relevant content both during the pre-trial proceedings and at the trial stage.

Therefore, within the framework of this research, a procedural coercive measure to suspend the activity of websites, channels, and profiles has been

developed for inclusion in the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. This coercive measure serves to temporarily suspend the operation of websites, channels, and profiles containing criminal content belonging to the suspect, accused, or defendant; to prevent further criminal activity; to ensure that courts pay attention to such cases; and to enable effective enforcement of court verdicts.

**УСМОНОВ МАНСУРБЕК
МУХАММАДЖОНОВИЧ**
Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси кафедра
катта ўқитувчиси

ДАВЛАТ СОЛИҚ ХИЗМАТИ ОРГАНЛАРИ ФАОЛИЯТИНИ ТАРТИБГА СОЛУВЧИ ҚОНУН ҲУЖЖАТЛАРИНИНГ ТАҲЛИЛИ

***Аннотация:** Мазкур мақолада Ўзбекистон Республикасида давлат солиқ хизмати органларида қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг ҳуқуқий асослари, улардаги қарама-қаршиликлар ва бўйлиқларни тўлдириш, шунингдек соҳага оид бошқа қонунчилик ҳужжатларини такомиллаштириш юзасидан асосли таклифлар баён этилган.*

***Калит сўзлар:** прокурори назорати, давлат солиқ хизмати органлари, текиширув, қарор, фармон, буйруқ.*

***Аннотация:** В данной статье изложены правовые основы прокурорского надзора за исполнением законодательства в органах государственной налоговой службы Республики Узбекистан, обоснованные предложения по восполнению имеющихся в них противоречий и пробелов, а также совершенствованию других законодательных актов в данной сфере.*

***Ключевые слова:** государственная налоговая служба, финансы, комитет, управление, структура, Закон, Постановление, Указ, приказ.*

***Abstract:** This article sets forth the legal foundations of prosecutorial oversight of the execution of legislation in the bodies of the state tax service of the Republic of Uzbekistan, substantiated proposals for filling the existing contradictions and gaps in them, as well as for improving other legislative acts in this area.*

***Key words:** state tax service, finance, committee, department, structure, Law, Resolution, Decree, order.*

Давлат солиқ хизмати органларида қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг ҳуқуқий асосларини тизимли таҳлил этиш

асосида уни янада такомиллаштириш мазкур соҳада прокурор назоратини самарали таъминлашга хизмат қилади.

Прокуратура назоратининг ҳуқуқий асослари Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг нормалари, солиқ, жиноий ва маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодексларда белгиланган нормалари ва уни амалга ошириш учун муҳим бўлган қоидаларини ўз ичига олади. Ушбу норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар прокуратура назоратини амалга ошириш учун зарур шарт-шароитларни яратади ва уларни қуйидаги таркибий қисмларига ажратиш мумкин:

- Ўзбекистон Республикаси Конституцияси;
- Ўзбекистон Республикасининг қонунлари;
- Ўзбекистон Республикаси Президентининг фармон ва қарорлари;
- Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг қарорлари;
- Ўзбекистон Республикаси Бош прокурорининг буйруқлари;
- бошқа норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар.

Таҳлиллар шуни кўрсатадики, прокурор назоратининг ҳуқуқий асослари тизимида Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг тутган ўрни ва аҳамияти беқиёсдир. Чунки, Конституция қонунчилик асослар тизимида энг муҳим ва унга пойдевор бўлиб хизмат қилувчи асос ҳисобланади. Шу боис, ҳуқуқий тартибга солиш соҳаси ва даражасига кўра энг муҳим қоидалар ушбу Конституция нормаларида ифодаланади ҳамда улар олий юридик кучга эга ҳисобланади.

Юридик адабиётларда қайд этилишича, Конституция “Ўзбекистон давлатидаги ҳуқуқнинг бош манбаи бўлиб, у турли қонунчилик соҳаларининг муштараклигини, бир бутунлигини ва ўзаро мувофиқлигини таъминлайди. Конституция ўз юридик кучига кўра энг олий ҳуқуқий-норматив ҳужжат ҳисобланади. Ундан кейин конституциявий қонун ва манбаларда “оддий” деб қайд этилган қонунлар ўрин эгаллайди”.¹

Давлат солиқ хизмати органларида қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг муҳим ҳуқуқий асосларидан яна бири Ўзбекистон Республикасининг “Прокуратура тўғрисида”ги Қонуни ҳисобланади. Хусусан, қайд этилган Қонуннинг 3-моддасига

¹ Конституциявий ҳуқуқ: Дарслик / Х.Т.Одилқориев, Ў.Х.Мухамедов, Б.А.Саидов ва бошқ.; Масъул муҳаррир Ш.Т.Икрамов. – Т.: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2014. – Б. 29.

мувофиқ, прокуратура органларини ташкил этиш ва уларнинг фаолият юритиш тартиби, шунингдек, уларнинг ваколатлари Ўзбекистон Республикасининг Конституцияси, ушбу қонун ва бошқа қонун ҳужжатлари билан белгиланади. Шубҳасиз, айнан ушбу норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар прокуратура органлари фаолияти, қонунлар ижроси устидан назорат, шу жумладан, солиқ соҳасидаги қонунлар ижроси устидан прокурор назоратининг ҳуқуқий асосларини ташкил этади.

А.Комиловнинг таъкидлаганидек, “Қонунлар ижроси ва ҳуқуқий ҳужжатлар қонунийлиги устидан прокурор назоратини амалга ошириш бўйича прокурор фаолиятини ҳуқуқий тартибга солиш махсус ҳуқуқий ҳужжат сифатида “Прокуратура тўғрисида”ги Қонун билан қамраб олинади ва бошқа қонунларда уларга риоя этилиши устидан прокуратура назоратини амалга ошириш учун алоҳида кўрсатма берилиши талаб этилмайди”¹.

Бундан ташқари, ушбу қонунда прокуратура органларининг асосий вазифалари, фаолиятининг асосий йўналишлари, энг асосийси қонунлар ижроси устидан назорат, унинг предмети, прокурорларнинг қонунларнинг ижро этилиши устидан назоратни амалга ошириш жараёнидаги ваколатлари каби масалалар батафсил тартибга солинган. Ушбу қонуннинг 4-моддасида прокуратура органлари фаолиятининг асосий йўналишлари кўрсатиб ўтилган бўлиб, улардан бири солиқ интизомини мустаҳкамлашга, солиқ, валюта соҳасидаги жиноятлар ва ҳуқуқбузарликларга қарши курашга, шунингдек давлатга етказилган иқтисодий зарарни қоплашга қаратилган қонунларнинг ижро этилиши устидан назорат қилиш билан боғлиқ масала ҳисобланади. Ушбу йўналиш предмети давлатнинг муҳим иқтисодий йўналишларидан бири ҳисобланади. Таъкидлаш жоизки, прокуратура органлари томонидан солиқ қонунчилиги иштирокчиларининг соҳага оид нормаларни татбиқ этиш жараёнида йўл қўйилган қонунбузилиш ҳолатлари юзасидан айнан ушбу йўналишдаги прокурор назоратининг предмети бўлиб ҳисобланади ва ваколат доирасида таъсир чоралари қўлланади.

Тадқиқот натижалари, прокурор назоратини амалга ошириш бўйича махсус ҳуқуқий ҳужжат сифатида “Прокуратура тўғрисида”ги Қонун билан қамраб олинади.

¹Комилов А.Б. Тадбиркорларни ҳуқуқий ҳимоя қилишга қаратилган қонунлар ижроси устидан прокурор назоратининг ташкилий-ҳуқуқий асосларини такомиллаштириш. Дисс.. ю.ф.н. Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси Академияси, 2020. – Б. 50.

Шу каби, давлат солиқ хизмати органларида қонунлар ижроси устидан прокурор назоратини ташкил этиш ва уни амалга оширишда Ўзбекистон Республикаси Бош прокурорининг соҳавий буйруқлари алоҳида ўрин тутади.

Ўзбекистон Республикаси “Прокуратура тўғрисида”ги Қонуни билан берилган бўлиб, ушбу қонуннинг 13-моддасига асосан, Бош прокурорга Ўзбекистон Республикаси Бош прокурори прокуратура органларига раҳбарлик қилиш ва улар фаолияти устидан назоратни амалга ошириши билан бирга, буйруқлар чиқариш ҳамда прокуратура органларининг таркибий бўлинмалари тўғрисидаги низомларни тасдиқлаш ваколати берилган.

Бундан ташқари, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 16.01.2024 йилдаги “Яширин иқтисодиётга қарши курашиш соҳасида давлат назорати механизмларини такомиллаштириш чоратадбирлари тўғрисида”ги ПФ-11-сон Фармони қабул қилиниб, Бош прокуратуранинг ташкилий-штат тузилмасида Яширин иқтисодиётга қарши курашиш соҳасида назорат бошқармаси ташкил этилди.

Мазкур Фармон ижросини таъминлаш мақсадида, Ўзбекистон Республикаси Бош прокурорининг 09.02.2024 йилда “Яширин иқтисодиётга қарши курашиш соҳасида прокурор назорати фаолиятини ташкил этиш тўғрисида”ги 293-сонли буйруғи қабул қилиниб, бош бошқарманинг низоми тасдиқланди ҳамда Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридаги Солиқ қўмитаси, Бош прокуратура ҳузуридаги Иқтисодий жиноятларга қарши курашиш департаменти органлари (*терговга қадар текширув, суриштирув, тергов ва тезкор-қидирув фаолиятидан ташқари*), Давлат молиявий назорат инспекцияси, Бозорлар ва савдо комплекслари, Қорақалпоғистон Республикаси Вазирлар Кенгаши, вилоятлар ва Тошкент шаҳар ҳокимликлари ҳамда соҳага оид бошқа вазирлик, идоралар, корхона, муассаса ва ташкилотлар (*бошқарма ваколатларига тааллуқли масаллар бўйича*) назорат ҳамда ўзаро ҳамкорликни амалга оширувчи объекти сифатида белгиланди.

Шу каби, ушбу буйруқда прокуратура органларининг давлат солиқ хизмати органларида қонунчилик ижроси устидан прокурор назорати самарадорлигини оширишга доир қатор талаблари баён этилган.

Хусусан, давлат солиқ хизмати органлари фаолиятини сервисга йўналтирилган хизматга айлантириш, солиқ ва бошқа мажбурий

тўловларнинг тўғри ҳисобланиши ҳамда бюджетга тўлиқ ундирилишини таъминлаш, солиқ маъмуриятчилигини амалга ошириш жараёнида қонунийликни ҳамда солиқ, тўловчиларнинг ҳуқуқ ва манфаатларини рўёбга чиқариш соҳаларида назоратни амалга ошириш, давлат бюджетига тушумларни тўлиқ ва ўз вақтида туширилиши ҳамда қўшимча манбалар аниқланиши ва қамраб олинишини таъминлаш, маҳаллий бюджетларнинг даромад базасини кенгайтириш борасида белгиланган вазифалар ижроси устидан назоратни амалга ошириш, бюджет маблағларидан мақсадли ва самарали фойдаланиш, бюджет қоидалари, шунингдек, бюджет ва смета-штат интизомига риоя этилишини таъминлаш соҳаларида давлат назорати ҳамда молиявий ҳуқуқбузарликлар профилактикасини амалга оширилиши устидан назоратни ташкил этиш борасидаги асосий вазифалар сифатида белгиланган.

Таъкидлаш жоизки, давлат солиқ хизмати органлари фаолияти билан боғлиқ қонунчилик ҳужжатларига ўзгартириш ва қўшимчалар киритилаётган бўлса-да, айрим норматив-ҳужжатлар ҳамда Бош прокурорнинг қонунчилик ижроси устидан назорати йўналишидаги соҳавий буйруқлари бугунга қадар такомиллаштирилмаган.

Хусусан, Ўзбекистон Республикаси Президенти томонидан 02.08.2018 йилда “Ўзбекистон Республикасида амалга оширилаётган солиқ ва божхона ислохотларини ҳуқуқий таъминлаш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5499-сон Фармонига¹ асосан Бош прокуратурада Солиқ ва божхона ислохотларини амалга ошириш соҳасида қонунчилик ижроси устидан назорат бошқармаси ташкил этилди.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 27.07.2018 йилдаги “Тадбиркорлик субъектларининг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш тизимини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5490-сон Фармонининг² (28.07.2018 йил ҳолатига) 5-бандига кўра тадбиркорлик субъектлари

¹ Ўзбекистон Республикаси Президенти томонидан 02.08.2018 йилда “Ўзбекистон Республикасида амалга оширилаётган солиқ ва божхона ислохотларини ҳуқуқий таъминлаш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5499-сон Фармони.
(https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi/soliq_va_bojhona_sohasi_ustidan_prokuror_nazorati_kuchaytirildi)

² Ўзбекистон Республикаси Президентининг 27.07.2018 йилдаги “Тадбиркорлик субъектларининг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш тизимини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5490-сон Фармони/ҚММБ, 16.02.2024 й., 06/24/36/0130-сон.

фаолиятида ўтказиладиган текширувларни мувофиқлаштириш бўйича ваколатли орган Бош прокуратура деб белгиланди.

Ўз навбатида, мазкур Фармон ижросини таъминлаш мақсадида Бош прокурорнинг 31.10.2018 йилда “Текширувларни электрон рўйхатга олиш ягона тизимини юритиш тартиби ҳақидаги низомни тасдиқлаш тўғрисида”ги 205-сонли буйруғига асосан назорат қилувчи органлар томонидан тадбиркорлик субъектлари фаолиятида ўтказиладиган текширувларни Бош прокуратура билан келишиш тартиби белгиланди.

Шунингдек, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 15.03.2019 йилда қабул қилинган “Тадбиркорлик фаолиятини ҳимоя қилиш тизимини тубдан такомиллаштириш ва прокуратура органлари фаолиятини оптималлаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5690-сон Фармони¹ билан 2019 йил 1 апрелдан бошлаб тадбиркорлик субъектлари фаолиятида ўтказиладиган текширувларни мувофиқлаштириш ва назорат қилувчи органлар томонидан ўтказиладиган текширувларнинг қонунийлиги устидан назорат қилиш Ўзбекистон Республикаси Президенти ҳузуридаги Тадбиркорлик субъектларининг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш бўйича вакил томонидан амалга оширилиши белгиланди.

Шундай бўлсада, тадбиркорлик субъектлари фаолиятида текширувларни ўтказиш ва келишиш тартибини белгиловчи Бош прокурорнинг 31.10.2018 йилдаги “Текширувларни электрон рўйхатга олиш ягона тизимини юритиш тартиби ҳақидаги низомни тасдиқлаш тўғрисида”ги 205-сонли буйруғи амалда бекор қилинмаган.

Бундан ташқари, Ўзбекистон Республикасининг 25.12.2007 йилдаги “Ўзбекистон Республикасининг Солиқ кодексини тасдиқлаш тўғрисида”ги ЎРҚ-136-сон Қонуни билан тасдиқланган ва 01.01.2020 йилга қадар амалда бўлган Солиқ кодексининг² 14-боб 85-моддасида солиқ текшируви солиқ тўловчининг молия-хўжалик фаолияти текшируви (*тафтиш*) ва қисқа муддатли текширув

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 15.03.2019 йилда қабул қилинган “Тадбиркорлик фаолиятини ҳимоя қилиш тизимини тубдан такомиллаштириш ва прокуратура органлари фаолиятини оптималлаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5690-сон Фармони/ҚММБ, 12.06.2023 й., 06/23/90/0352-сон.

² Ўзбекистон Республикасининг 25.12.2007 йилдаги “Ўзбекистон Республикасининг Солиқ кодексини тасдиқлаш тўғрисида”ги ЎРҚ-136-сон Қонуни. ЎР ҚТ, 2007 й., 52 (I)-сон. (<http://lex.uz/docs/1296979>).

шаклида амалга оширилиши ва қисқа муддатли текширув солиқ тўловчининг молия-хўжалик фаолиятини текшириш билан боғлиқ бўлмаган, унинг айрим операцияларининг солиқ тўғрисидаги қонун ҳужжатларига мувофиқлиги текшируви эканлиги белгиланган.

Бироқ, ушбу солиқ кодекси Ўзбекистон Республикасининг 07.01.2020 йилдаги “Ўзбекистон Республикасининг Солиқ кодекси қабул қилиниши муносабати билан Ўзбекистон Республикасининг айрим қонун ҳужжатларига ўзгартишлар ва қўшимча киритиш, шунингдек айрим қонун ҳужжатларини ўз кучини йўқотган деб топиш тўғрисида”ги ЎРҚ-601-сонли Қонунига¹ асосан ўз кучини йўқотган ва янги таҳрирдаги Солиқ кодекси амалга киритилган.

Янги таҳрирда тасдиқланган ва амалиётга татбиқ этилган Солиқ кодексининг 17-бобининг 135-137-моддаларида ваколатли органларнинг солиқ тўловчилар ва солиқ агентлари томонидан солиқ тўғрисидаги қонунчиликка риоя этилиши устидан назорат қилишга доир фаолияти солиқ назорати эканлиги, солиқ органлари солиқ назоратини солиқ текширувлари ва солиқ мониторинги шаклида амалга ошириши, шунингдек, солиқ органлари солиқ текширувлари камерал, сайёр солиқ текшируви ва солиқ аудити каби турлари мавжудлиги белгиланган.

Шундай бўлсада, Ўзбекистон Республикасининг 29.08.1997 йилдаги “Давлат солиқ хизмати тўғрисида”ги Қонунининг² 5-моддаси 16-бандида ва Вазирлар Маҳкамасининг 17.04.2019 йилдаги “Давлат солиқ хизмати органлари фаолиятини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги 320-сонли қарори³ билан тасдиқланган “Ўзбекистон Республикаси Давлат солиқ қўмитаси тўғрисида”ги Низомнинг 4-боб, 34-бандида бозорларда, савдо комплексларида ва уларга туташ бўлган автотранспорт воситаларини вақтинчалик сақлаш жойларида бир марталик йиғимнинг тўлиқ тушганлигини ва уни топшириш

¹ Ўзбекистон Республикасининг 07.01.2020 йилдаги “Ўзбекистон Республикасининг Солиқ кодекси қабул қилиниши муносабати билан Ўзбекистон Республикасининг айрим қонун ҳужжатларига ўзгартишлар ва қўшимча киритиш, шунингдек айрим қонун ҳужжатларини ўз кучини йўқотган деб топиш тўғрисида”ги ЎРҚ-601-сонли Қонуни/ҚММБ, 08.01.2020 й., 03/20/601/0025-сон.

² Ўзбекистон Республикасининг 29.08.1997 йилдаги “Давлат солиқ хизмати тўғрисида”ги Қонуни/ҚММБ, 12.03.2022 й., 03/22/758/0207-сон.

³ Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 17.04.2019 йилдаги “Давлат солиқ хизмати органлари фаолиятини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги 320-сонли қарори/ҚММБ, 07.05.2024 й., 09/24/266/0329-сон.

ҳисобини, ижара тўловини, назорат-касса машиналаридан, қонун ҳужжатларида назарда тутилган ҳолларда эса онлайн назорат-касса машиналари ёки виртуал кассалардан фойдаланилишини, ҳисоб-китоб терминаллари, савдо ва хизматлар кўрсатиш қоидаларига риоя этилишини белгиланган тартибда қисқа муддатли текширишларни амалга ошириш ҳуқуқлари мавжудлиги ҳақидаги қоидаларга ўзгартириш киритилмаган ёки амалда бекор қилинмаган.

Шу каби, Ўзбекистон Республикаси Бош прокурорининг 24.11.2017 йилдаги “Ижтимоий ва иқтисодий қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратини янада такомиллаштириш тўғрисида”ги 166-сон буйруғининг 4.2-бандидаги тадбиркорлик субъектлари фаолияти билан боғлиқ режали, қисқа муддатли текшириш турлари ҳақидаги тушунчалари ўзгартирилмаган.

Барчамизга маълумки, қонунчилигимизда давлат солиқ хизмати органларида қонунчилик ижроси устидан назорат соҳасидаги Ўзбекистон Республикасининг Солиқ, Жиноят, Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодекслари ва “Давлат солиқ хизмати тўғрисида” қонунлари прокурор назоратининг муҳим ҳуқуқий асослари ҳисобланади.

Хусусан, давлат солиқ хизмати органларида қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратини таъминлашда Ўзбекистон Республикаси Солиқ кодексига асосан солиқ тўловчиларнинг солиқ тўғрисидаги қонунчиликка риоя этилиши устидан назорат қилиш, Ўзбекистон Республикасининг Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодексининг 264-моддасига мувофиқ маъмурий ишларни кўриб чиқиш, Ўзбекистон Республикаси Жиноят-процессуал кодексининг 39¹-моддасига асосан бозорлар, савдо комплекслари ҳудудларида ва уларга туташ бўлган автотранспорт воситаларини вақтинча сақлаш жойларида аниқланган молиявий-иқтисодий ва солиқ соҳаларидаги ҳуқуқбузарликларга доир ишлар бўйича терговга қадар текширувларни амалга ошириш борасидаги нормалар алоҳида ўрин тутди.

Хулоса қилиб айтганда, фикримизча, давлат солиқ хизмати органларида қонунчилиги ижроси устидан прокурор назорати муносабатларни тартибга солишга қаратилган ҳуқуқий асосларни иккига яъни умумий ва махсус гуруҳларга ажратиб олишимиз мумкин. Яъни, Ўзбекистон Республикаси Конституцияси, “Прокуратура тўғрисида”ги, “Давлат солиқ хизмати тўғрисида”ги ва соҳага оид бошқа қонунларни умумий гуруҳ деб ҳисобланса,

кодекслар, Ўзбекистон Республикаси Президентининг фармон ва қарорлари, Вазирлар Маҳкамасининг қарорлари, Бош прокурорнинг соҳавий буйруқларини, Олий суд Пленуми қарорларни махсус гуруҳга киритишимиз мумкин.

Шунингдек, юқорида қайд этилган норматив ва идоравий ҳужжатларга ўзгартириш ва қўшимчалар киритилиши қонунчиликдаги ҳуқуқий бўшлиқлар ҳамда қарама-қаршиликларни бартараф этилишига, бу борадаги ҳуқуқ нормаларни амалиётда бир хилда қўлланилишига хизмат қилади.

Таъкидлаш жоизки, саналган ҳуқуқий асослар давлат солиқ хизмати органларида қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг таркибий ва ажралмас қисми бўлиб, ушбу назорат йўналишида прокуратура органлари томонидан ишларни ташкил этиш ва амалга оширишда прокуратура органлари фаолиятининг муҳим пойдевори ҳисобланади.

ОЛИМЖОНОВ ҲУМОЮН ЖАҲОНГИР ЎҒЛИ

Тошкент шаҳар Чилонзор тумани
прокурори ёрдамчиси

ЖИНОЯТ ИШИНИ ҚЎЗҒАТИШ БОСҚИЧИДА ШАХС ҲУҚУҚ ВА ҚОНУНИЙ МАНФААТЛАРИНИ ҲИМОЯ ҚИЛИШДА ПРОКУРОР НАЗОРАТИНИНГ ЎРНИ ВА РОЛИ

***Аннотация:** Мазкур мақолада жиноят ишини қўзғатиш босқичида шахс ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилишда прокурор назоратининг ўрни ва роли таҳлил қилинган. Айниқса, жиноят ишини қўзғатишда, аризачи, жиноятдан жабр кўрган шахс, шохид, гумон остидаги шахсларни ҳуқуқларини ҳимоя қилишда прокурор назорати кафолатлар муҳимлиги асослантирилган. Тадқиқ қилиш жараёнида жиноят процессуал қонунчиликка тегишли таклиф ва тавсиялар берилган.*

***Калит сўзлари:** жиноят ишини қўзғатиш босқичи, прокурор назорати, кафолат, қонунийлик, инсон ҳуқуқ ва қонуний манфаатлари, кафолатлар, мақом.*

Жиноят ишини қўзғатиш босқичида прокурор назорати шахсининг конституцияси ва қонунларда мустаҳкамлаб қўйилган ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилишга қаратилган. Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг 19-моддасига

биноан, инсон ҳуқуқ ва эркинликлари халқаро ҳуқуқнинг умумэътироф этилган нормаларига биноан ҳамда ушбу Конституцияга мувофиқ эътироф этилади ва кафолатланади.¹ Умумэътироф этилган ҳуқуқ ва эркинликларни давлат томонидан аниқроғи унинг ваколатли органлари томонидан муҳофаза қилинади.

Мамлакатимизда олиб борилаётган суд-ҳуқуқ соҳасидаги олиб борилаётган ислоҳотлар замирида шахс ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳақиқий ҳимоясини таъминлаш қаратилган ва бу Ўзбекистонда амалга оширилаётган суд-ҳуқуқ ислоҳотининг устувор ижтимоий ва ҳуқуқий мақсадларидан биридир. Бинобарин, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2018 йил 14 майдаги ПҚ-3723-сонли “Жиноят ва жиноят-процессуал қонунчилиги тизимини тубдан такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги Қарорида “Жиноят ва жиноят-процессуал қонунчилигининг самарали тизимини яратиш давлатнинг қонунийлик ва ҳуқуқ-тартиботни таъминлаш, инсон ҳуқуқ ва эркинликлари, жамият ва давлат манфаатлари, тинчлик ва хавфсизликни ишончли ҳимоя қилиш бўйича устувор вазифаларидан бири ҳисобланади”.² Демак, давлат инсон ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини мустаҳкамлаш учун замонавий ҳуқуқи механизмларни такомиллаштиришга эътибор қаратмоқда, бу ўз навбатида қонунийликни таъминлашга тўсқинлик қилувчи ҳуқуқий бўшлиқлар мавжуд эканлигини кўрсатмоқда.

Инсон ва фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини кафолатларини таъминлаш масалаларига давлат органлари айниқса прокуратура органларининг диққат марказида. Чунки, инсон ва фуқаронинг ҳуқуқ ва эркинликларини ҳимоя қилиш прокуратура органлари зиммасига юкланган асосий вазифаларидан биридир.³ Бу ҳақда, Ш.И.Зокиров ўз фикрини билдириб, яъни мамлакатимизда қонун устуворлигини таъминлаш ва демократик, ижтимоий-иқтисодий ислоҳотларни амалга ошириш, инсон ҳуқуқ ва эркинликлари ҳимояси кафолатларга қаратилган қонунларнинг сўзсиз бажарилишини самарали назорат қилиш орқали халқ

¹ Ўзбекистон Республикаси Конституцияси. – Т.: Ўзбекистон, 2025.

² Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2018 йил 14 майдаги ПҚ-3723-сонли “Жиноят ва жиноят-процессуал қонунчилиги тизимини тубдан такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги Қарори.

³ Шамсиев А.А. Особенности прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека при производстве предварительного расследования // Журнал правовых исследований, 2018 №10, С. 6.

манфаатларига хизмат қилиш прокуратура органларининг устувор вазифаси этиб белгиланган.¹ М.Абдижалиев, ушбу вазифаларни прокуратура органларига янги таҳрирдаги Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг 40-моддаси диспозициясидан келиб чиқиб, масъулият юклайди.²

Жиноят ишини қўзғатиш босқичида шахс ҳуқуқ ва эркинликларининг процессуал кафолатлари деганда, одатда, терговга қадар текшириш ва ижро этиш жараёнида инсон ва фуқароларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини таъминлаш ва ҳимоя қилишга қаратилган қонунда белгиланган воситалар тушунилади. Прокуратура органлари таъсир чоралари аввало шахсларнинг асосий ҳуқуқ ва эркинликларини амалга ошириш учун зарур шарт-шароитлар яратиш, уларни амалга ошириш жараёнида юзага келиши мумкин бўлган бузилишлардан олдини олиш, агар бузилган бўлса, уларни тиклаш чораларини кўриш ва айбдор мансабдор шахсларга нисбатан қонуний чора кўришдан келиб чиқади. Моҳиятан қараганда, прокуратура органлари шахсларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини конституция ва қонунлар орқали ҳимоя қилади ва бу асосий процессуал кафолат бўлиб хизмат қилади. Шундай қилиб, прокуратура органлар фаолияти тезкор-қидирув фаолияти, терговга қадар текширув органларини жиноят ишини қўзғатиш босқичида ўз ваколатларини амалга оширишда қонунийлик принципига риоя этилишини кафолатлайди.

Қонунийлик ва асосланганлик талаблари жиноий таъқиб қилиш жараёнида назорат тизимининг асосини ташкил қилади. Терговга қадар текширув босқичи жуда қисқа муддатни (ўн кундан, бир ойгача бўлиши мумкин) камраб олганлиги учун, ушбу жараёнда қонун талабларига риоя этилишини таъминлайдиган механизмнинг самарадорлиги ва фойдаланиш имкониятини оширишни талаб қилади. Бу масалада В.Каримов сўровнома ўтказиб, унинг таъкидлашича терговга қадар босқичида инсон ҳуқуқ ва қонуний манфаатлари энг бузилади. Бунинг асосий сабаби сифатида қуйидагиларни келтирган: а) хизмат манфаатларини нотўғри тушуниш (2 %); б) сохта обрў орттириш, ғараз ёки бошқа

¹ Зокиров Ш. И. Прокуратура органларида мурожаатларга доир қонунчилик ҳужжатлари ижроси устидан прокурор назорати бўйича айрим мулоҳазалар. *Uzbek Scholar Journal* Volume- 15, April, 2023 www.uzbekscholar.com. - Б. 49.

² Абдижалиев М. Давлат органларига мурожаат қилишнинг ҳуқуқий асослари. <https://fargona.adliya.uz/main/uz/publikatsii/detail.php?ID=1255>

интилишлар (4 %); в) ўзини тута билмаслик (7 %); г) юзага келган вазиятни нотўғри баҳолаш (7 %); д) мураккаб вазиятларда ҳаракат қила билмаслик (19%); е) раҳбарлар томонидан таъсир ўтказилиши (9%); ж) норматив ҳуқуқий ҳужжатлар талабларини билмаслик (27%); з) ишдаги қоникарсиз кўрсаткичлар учун жазоланишдан кўрқиш (2 %); и) қарорлар қабул қилишда зарур принципиаллик, қатъиятлилиқ йўқлиги (3 %); к) фаолиятни баҳолаш мезонларининг номукамаллиги (10%); л) ҳаракатларини зарарли оқибатларга олиб келишини кўра билмаслик ёки уларнинг пайдо бўлмаслигига енгилтаклик билан умидвор бўлиш (2%); м) шахсий ишни баҳолашнинг номукамаллиги (1 %) ва н) бошқалар (2 %).¹ Фикри давомида, “статистик маълумотларнинг гувоҳлик беришича тезкор ходимлар бошқа хизмат ходимларига нисбатан қонунийликни кўпроқ бузишади. Ушбу ҳолатни, сизнинг фикрингизча, қандай тушунтириш мумкин?” деган саволга сўров ўтказилганларнинг 39 % “анъанавий назорат шакллари (жамоатчилик, прокурор) нинг чекланганлиги” деб, 26 % эса “айрим тезкор-қидирув тадбирлари натижаларидан жиноят процессида фойдаланишдаги қийинчиликлар” деб жавоб беришди.² Чиндан ҳам, юқоридаги статистик маълумотлардан кўринадики жиноят ишини кўзғатиш босқичида қонунийлик муҳим саналади. Бу жараёнда шахс ҳуқуқларини ҳимоя қилишда прокурор назорати кафолат сифатида қонунчилик бўйича ўзига хос ваколатларга эга.

А.М.Баранов, прокурор назорати умуман жиноят ишини кўзғатиш босқичида қонунийликни таъминлашнинг махсус воситаларидан биридир.³ Чиндан ҳам, жиноят ишини кўзғатиш босқичида шахсларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини кафолатловчи омиллардан бири бу прокурорга қонунларда унга кенг ваколатлар берилгани билан боғлиқдир. Прокурорнинг жиноят ишини кўзғатилиши устидан назоратни амалга ошириш соҳасидаги

¹ Каримов В. Тезкор-қидирув фаолиятини амалга ошириш жараёнида қонунийликни бузишга оид қилмишлар ва уларнинг таснифи. Юридик фан ва ҳуқуқни қўллаш амалиётининг долзарб муаммолари. Илмий-амалий конференция материаллари. I жилд / Масъул муҳаррир ю.ф.д., проф. М.М.Мамасиддиқов. –Т.: “Lesson press”. 2020. – Б. 277.

² Каримов В. Тезкор-қидирув фаолиятини амалга ошириш жараёнида қонунийликни бузишга оид қилмишлар ва уларнинг таснифи. Юридик фан ва ҳуқуқни қўллаш амалиётининг долзарб муаммолари. Илмий-амалий конференция материаллари. I жилд / Масъул муҳаррир ю.ф.д., проф. М.М.Мамасиддиқов. –Т.: “Lesson press”. 2020. – Б. 277.

³ Баранов А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: Автореф. дис. докт. юрид. наук. Омск, 2006. С. 28.

ваколатлари универсал хусусиятга эга. Яъни, прокурорлар инсон ҳуқуқ ва эркинликлари тааллуқли қонунлар мажмуи орқали муҳофаза қилади. Бу, жиноят ишини қўзғатилиш босқичида иштирок этаётган барча шахсларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини турли усул ва воситалар билан ҳимоя қилиш учун шароит яратади. Юқорида маълум бўладики, инсон ҳуқуқ ва эркинликларини кафолати сифатида бир томондан давлат яъни ушбу муносабатларда инсон ҳуқуқ ва эркинликларини муҳофаза этиш учун махмус ваколат берган давлат органи майдонга чиқса, иккинчи томондан конституция ва қонунларда мустаҳкамлаб қўйилган кафолатлар муҳим роль ўйнайди. Бунда, иш юритишга ваколатли бўлган давлат органлари қонунийликка риоя этиш учун прокурор назорати ишга тушади. Прокурорлар инсон ҳуқуқ ва эркинликларини муҳофаза қилишдаги ўз вазифаларни сидқидилдан бажаришлари учун Бош прокурор тезкор-қидирув фаолияти, терговга қадар текширув, суриштирув ва дастлабки тергов органлари фаолияти устидан прокурор назоратини ташкил этиш тўғрисида ички идоравий буйруқ қабул қилган. Унга мувофиқ, Бош прокурор жиноят иши юритишда инсон ва фуқароларнинг Ўзбекистон Республикаси Конституцияси, қонунлари ва халқаро-ҳуқуқий ҳужжатларда кафолатланган ҳуқуқ ва эркинликларига риоя этилиши устидан самарали ва таъсирчан прокурор назорати ўрнатилиш масаласи қатъий белгиланган.¹ Шунингдек, ушбу Буйруқнинг 4.1-бандида, жиноят ва ҳодисалар ҳақида ваколатли органлардан келиб тушган кунлик маълумотлар синчковлик билан ўрганилиб, назорат қилувчи прокурорлар томонидан терговга қадар текширув, суриштирув ёки дастлабки тергов устидан назорат ўрнатилиши қайд этилган. Ушбу Бурғда инсон ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини таъминловчи энг муҳим қоидалардан бири бу жиноятдан жабр кўрган шахсга жиноят оқибатида етказилган моддий зарарнинг ҳақиқий миқдори суриштирув ва дастлабки терговда аниқланишига ҳамда ундирилишига жиддий эътибор қаратиш таъкидланган. Бундан ташқари, жиноятлар тўғрисидаги ариза ва хабарларни қабул қилиш, рўйхатга олиш ва ҳал этиш тартибини бузиш ҳолатлари аниқланса, улар бартараф этилиши ва айбдор шахслар жавобгарликка

¹ Ўзбекистон Республикаси Бош прокурорининг 2016 йил 26 февралдаги 129-сонли “Жиноятчиликка қарши кураш, суриштирув, дастлабки тергов ва тезкор-қидирув фаолиятида қонун устуворлигини ҳамда шахснинг ҳуқуқ ва эркинликлари ҳимоясини самарали таъминлаш тўғрисида”ги Буйруғи.

тортилиши белгиланди. Худди шундай қоидалар, Жиноят-процессуал кодексининг 382-моддасида ҳам белгиланган.¹ Шунингдек, ушбу ваколатлар “Прокуратура тўғрисида”ги Қонунда ҳам ўз аксини топган.²

Шундай қилиб, прокурорнинг ҳуқуқ ва мажбуриятлари жиноят иши қўзғатиш босқичида жисмоний ва юридик шахсларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларининг жиноят процессуал кафолатларининг бир турини намоён этади. Таъкидлаш жоизки, прокурорнинг ваколатлари жиноят тўғрисидаги аризаларни қабул қилишда ариза берувчиларнинг ҳуқуқларини таъминлашнинг қонунийликнинг бир кафолати сифатида қаралади. Прокурор ўз процессуал ваколатларини амалга ошириш босқичида жиноят тўғрисидаги хабарларни текшириш жараёнида терговга қадар текширув органлар қонунийликка риоя этишини назорат қилиш, агар ғайриқонуний оқибатлар юзага келган бўлса, уни бартараф қилади, бузилган ҳуқуқларни тиклайди, етказилган зарарни қоплаш чораларини кўради, жиноят содир этган айбдор шахсларга қонунда назарда тутилган жазо чораларини кўради, ҳуқуқбузарликларнинг сабабларини аниқлайди ва бартараф этади.

Шу билан бирга, прокурор назоратни амалга ошириш жараёнида, шахсларни қонунга зид ва асоссиз жиноятга жалб қилиш олдини олиш чораларини кўради.

Айтиш лозимки, Жиноят-процессуал кодексида назарда тутилган қоидаларни ҳисобга олган ҳолда, ушбу босқичда прокурорнинг ваколатлари бир мунча чекланган. Яъни, жиноят тўғрисидаги ариза ва хабарни текшириш жараёнида содир этилган ҳуқуқбузарликларга фақат у яқунлангандан кейин, қабул қилинган қарорнинг нусхаси олингандан кейингина, жиноий иш қўзғатиш ёки қўзғатишни рад этиш тўғрисида қарор қабул қилишда фойдаланиладиган хулосалар чиқарилгандан кейингина реакция қилиши мумкин. Шу боис, жиноят ишини қўзғатиш босқичида прокурор назоратининг вазифаларидан бири, яъни терговга қадар текширув жараёнида йўл қўйилган қонун бузилиши ҳолатларига зудлик билан чора кўриш эндиликда тўлиқ бажариб бўлмаслигини эътироф этиш лозим. Жиноят-процессуал кодексининг 331, 333-

¹ Ўзбекистон Республикасининг Жиноят-процессуал кодекси. – Т.: Ўзбекистон, 2025.

² Ўзбекистон Республикасининг 2001 йил 29 августдаги 257-II-сонли “Прокуратура тўғрисида”ги Қонуни.

моддасида прокурор жиноят ишени қўзғатиш ёки рад этиш тўғрисидаги қарорни ва қарорнинг қонуний ёки ноқонуний эканлигини аниқлаш учун тегишли материалларни кўриб чиқиши керак бўлган аниқ муддатни белгиламайди.¹

Ишда иштирок этаётган шахслар ҳуқуқларига риоя этилишини таъминлаш ва терговга қадар текширув органлари томонидан жиноятлар тўғрисидаги ариза ва хабарлар бўйича асоссиз текширув ўтказилмаганлиги тўғрисида прокурор ваколатига жиноят ишени қўзғатишни рад этиш тўғрисидаги қарорларнинг қонунийлиги тўғрисида хулоса бериш ҳуқуқини киритиш мақсадга мувофиқдир. Жиноят ишени қўзғатишни рад этиш тўғрисидаги қарорни қонуний деб эътироф этиш процессуал тартибда расмийлаштирилиши муҳим аҳамиятга эга. Чунки, бир томондан, прокурор тезкор-қидирув фаолияти, терговга қадар текширувни амалга оширувчи орган мансабдор шахсларининг хатти-ҳаракатларига ҳуқуқий баҳо берган бўлади. Иккинчи томондан, терговга қадар текширув органлар томонидан қабул қилинган қарор келгусида прокурор томонидан бекор қилиш ҳолатлари камайишига олиб келади. Мисол учун, Бош прокуратурадан олинган статистика кўра, 2025 йилнинг ярим йиллиги ўзидаёқ, прокурорлар томонидан ички ишлар органлари томонидан жиноят ишени қўзғатишни рад этиш тўғрисида қабул қилинган қарорларни текшириш жараёнида яъни жиноят иши қўзғатиш рад қилиш ҳақидаги бекор қилинган қарорлар сони 744 тани ташкил қилади. 2024 йилда эса, бу кўрсаткич, 1182 тани ташкил қилади.² Терговга қадар текширув орган мансабдор шахси томонидан ҳар бир жиноят ишени қўзғатишни рад этиш тўғрисидаги қарор қабул қилишда прокурор хулоса олиниши мақсадга мувофиқ бўлади. Бу, хулоса назорат фаолиятининг натижаси бўлиб хизмат қилади. Бироқ, кейинчалик жиноят ҳақида янги маълумотлар пайдо бўлиши, жиноят ишени қўзғатиш эҳтимолини истисно этмайди, яъни прокурор хулосаси натижалари бўйича илгари прокурор томонидан қонуний ва асосли деб топилган жиноят ишени қўзғатишни рад этиш тўғрисида қарор чиқарилган бўлса ҳам. Терговга қадар текширув олиб боровчи орган мансабдор шахси прокурор билан келишмасдан мустақил жиноят ишени қўзғатишни

¹ Ўзбекистон Республикасининг Жиноят-процессуал кодекси. – Т.: Ўзбекистон, 2025.

² Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси берган маълумоти.

рад этиш келгусида ишда иштирок этган фуқароларнинг ҳуқуқлари бузилишига олиб келиши мумкин.

Шу боис, Жиноят-процессуал кодексининг 333-моддасида қуйидаги мазмунда қўшимча киритиш таклиф этилади:

“Тезкор-қидирув фаолияти, терговга қадар текширув орган мансабдор шахслари томонидан жиноят ишини қўзғатишни рад этиш тўғрисидаги қарори қабул қилишдан олдин прокурор хулоса беради”.

Прокурор терговга қадар текширув орган мансабдор шахс томонидан қабул қилинган жиноят ишини қўзғатишни рад этишни қонуний деб топса, жиноят ишини қўзғатишни рад этиш тўғрисидаги китобга тегишли ёзув киритади. Албатта, жиноят ишини қўзғатиш босқичида фуқароларнинг ҳуқуқлари, эркинликлари ва қонуний манфаатларини таъминлаш мақсадида прокурор аниқланган қонунбузарликларга чек қўйиш учун муҳим ваколатларга эга бўлиши керак, бу, бизнинг фикримизча, нафақат тезкор-қидирув фаолияти, терговга қадар текширув орган мансабдор шахслари томонидан қабул қилган қарорга амалга қилиши лозим, балки суриштирув ёки дастлабки терговда қабул қилинган қарорларга тааллуқли бўлиши лозим.

Шундай қилиб, жиноят тўғрисидаги ариза ва хабарларни қабул қилиш, рўйхатга олиш ва ҳал этиш бўйича тегишли идоралар фаолиятининг қонунийлиги устидан прокурор назоратини амалга ошириш келгусида жисмоний ва юридик шахсларнинг ҳуқуқлари, эркинликлари ва қонуний манфаатлари ҳимоя қилишда кафолат бўлиб хизмат қилади. Амалиётда кўра ва статистик маълумотларга кўра, жиноят ишини қўзғатиш босқичида энг кўп фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликлари бузилиш ҳолатлари учрайди. Бу биринчи навбатда, прокурорнинг назорат бўйича ваколатлари етарлича таъминланмаганлиги билан боғлиқдир.

Респондентлар ўртасида ўтказилган сўров натижаларига кўра, инсон ҳуқуқлари ва эркинликлари бузиладиган босқич қайси деган саволга, 63% тезкор-қидирув фаолияти, терговга қадар текширув босқичида, 28% дастлабки тергов босқичида ва атиги 9% суд босқичида бузилиш ҳолатлари учрайди деб жавоб берганлар.

Кейинги масалаларни таҳлил қилишда жиноят ишини қўзғатиш босқичида шахсларнинг ариза ва хабарларни қабул қилиш, рўйхатга олиш ва ҳал этишда прокурор назорати воситалари орқали таъминлашнинг айрим долзарб жиҳатларига эътибор қаратади. Суд

контролига қараганда, прокурор назорати шахс ҳуқуқ ва эркинликларини ҳимоя қилишда ўзига хос хусусиятга эга. Айниқса, жиноят ишини қўзғатиш босқичида шахсларнинг ариза ва хабарларни қабул қилиш, рўйхатга олиш ва ҳал этишда яққол намоён бўлади. Шу сабабли, прокурорларнинг ваколатлари бир қанча қонунларда жумладан, Жиноят-процессуал кодексида, “Прокуратура тўғрисида”ги Қонун,¹ “Тезкор-қидирув фаолияти тўғрисида”ги Қонун², ички идоравий буйруқ ва бошқа кўплаб қонунларда ўз аксини топган.

Айнан, Жиноят-процессуал кодекси фуқароларнинг конституциявий ҳуқуқ ва эркинликларини таъминлашга қаратилган бўлиб, уларни турли восита ва усуллар орқали ҳар томонлама, синчковлик билан ўрганишга даъват этган. Албатта, қонунчиликка биноан, жиноят ҳақидаги ариза ва хабарларни қабул қилиш, рўйхатга олиш ва ҳал этишда, хусусан, жиноят тўғрисида хабар берган шахсларнинг ҳуқуқий мақоми муҳим саналади. Чунки, қонунчиликда шахсларнинг ҳуқуқий мақомини акс эттирмасдан туриб, уларни самарали ҳимоя қилиб бўлмайди.

Жиноят ишини қўзғатиш босқичида шахсларни жумладан, аризачи, жиноятдан жабр кўрган шахс, гумон остидаги шахс, шохидларни процессуал мақомини ўрнатилмасдан туриб, таъсирчан ҳимоя қилиб бўлмайди. Демак, прокурор назорати ҳуқуқларни ҳимоя қилиш кафолати сифатида майдонда ҳаракат қилиш учун қонунда иштирокчиларни ҳуқуқ ва мажбуриятларни белгилаш зарурдир. Бу ўз навбатида, прокурорга ўз вақтида шахсларни ҳуқуқларини ҳимоя қилиш бўйича фаол аралашишга имкон беради, барча қонунбузарликларни бартараф этиш бўйича чора-тадбирларни кўради, шубҳасиз ҳуқуқларни тиклашга эришилади. Албатта, прокурор ҳуқуқий воситалар орқали тезкор-қидирув фаолияти ёки терговга қадар текширув органлар мансабдор шахслар ҳаракат ёки ҳаракатсизлиги таъсир ўтказиш имконияти бўлиши лозим. Бундан ташқари, жиноят ишини қўзғатиш босқичида аризачи, жиноятдан жабр кўрган шахс, гумон остидаги шахс, шохидлар ҳам ўз ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини рўёбга чиқариш имкониятига эга бўлиши

¹ Ўзбекистон Республикасининг 2001 йил 29 августдаги 257-II-сонли “Прокуратура тўғрисида”ги Қонуни.

² Ўзбекистон Республикаси 2012 йил 25 декабрдаги ЎРҚ-344-сонли “Тезкор-қидирув фаолияти тўғрисида”ги Қонуни.

лозим, масалан тезкор-қидирув фаолияти ёки терговга қадар текширув органлар мансабдор шахслар ҳаракат ёки ҳаракатсизлиги устидан прокурорга шикоят қилиш ҳуқуқи. Бунинг учун, биринчидан, қонунчиликда аризачи, жиноятдан жабр кўрган шахс, гумон остидаги шахс, шохидларни конкрет ҳуқуқ ва мажбуриятларини белгилаш, яъни максимал иштирокчиларни муносабатлари аниқлаштириб олиш зарур, иккинчидан, ушбу соҳада прокурор назорат фаолиятини такомиллаштириш лозим. Бу, жиноят ишини қўзғатиш босқичида, идоравий назорат, суд контроли ва прокурор назорати ўзаро мутаносиблиги ажратиб олиш учун ҳам даркор. Бу соҳада, А.С.Пўлатов жиноят процессида гувоҳнинг мақоми ва уни такомиллаштириш масалари,¹ Л.И.Астанова жиноят процессида гувоҳнинг мақоми² ва Ш.Хакназаров суднинг жиноят процесси иштирокчиларининг хавфсизлигини таъминлаш масалалари³ ва бошқалар шахсларнинг ҳуқуқий мақоми белгилаш бўйича аниқлаштиришга ҳаракатлар қилганлар. Бу ҳақида, М.Т.Ботаевнинг фикри ўринлидир. Унинг таъкидлашича, жиноят ишини қўзғатиш босқичида иштирок этаётган шахслар эмин-эркин ҳаракат қилишлари учун уларни ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини рўёбга чиқариш учун зарур шарт-шароитлар яратиш зарур. Таъкидлаш жоизки, терговга қадар текширув жараёнида уларни жабрланувчи, гувоҳ, гумон қилинувчи сифатида жалб қилиниши мумкин эмас. Бироқ амалиётда, улар жабрланувчи, гувоҳ, гумон қилинувчи мақомидан ҳануз фойдаланиб келмоқдалар. Албатта, бу қонунга зид ҳолатдир. Уларни процессуал мақомини белгилаш, бир томондан, ишга жалб қилинган шахслар учун ҳам фойдали бўлса, иккинчи томондан, терговга қадар текширувни амалга оширувчи мансабдор шахслар зиммасига масъулият юклайди.⁴ Чиндан ҳам, бу иштирокчилар билан тегишли орган мансабдор шахслар ўртасидаги муносабатларни аниқлаштиришга, “ошкораликка” ва

¹ Пўлатов А.С. Жиноят процессида гувоҳнинг мақоми ва уни такомиллаштириш масалалари: Автореф.дисс...юридик. фан. фалсафа. докт (PhD). ТДЮУ, 2022.

² Астанова Л. И. Проблема статуса свидетелей в уголовном процессе. Автореф.дисс...канд. юрид. наук. Т., МВД, 1993.

³ Хакназаров Ш. Суднинг жиноят процесси иштирокчиларининг хавфсизлигини таъминлаш масалалари. Автореф.дисс...юридик. фан. фалсафа. докт (PhD). Т., Ҳуқуқни муҳофаза қилувчи академия, 2023.

⁴ Ботаев М.Т. Терговга қадар текширувда шахснинг ҳуқуқ ва эркинликларини таъминлаш йўллари. ТЕРГОВ ДЕПАРТАМЕНТИ / СЛЕДСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ | 2/2022. 14-сон. – Б. 43-47.

хуқуқбузарликлар хавфини камайтиради. Қонунчиликда иштирокчиларнинг процессуал мақоми белгиланиши, уларда жиноят ҳақидаги ариза, хабар кўриб чиқилиши ва қонуний чоралар кўришга бўлган ишончида намоён бўлади.

Мазкур доирасида ўрганилган жиноят ишини қўзғатишни рад этиш тўғрисидаги 180 та материалнинг 95%да жиноят тўғрисидаги ариза муаллифлари у ёки бу қилмиш юзасидан уларга бевосита жисмоний, маънавий ёки моддий зарар етказганлигини кўрсатган. Ўрганилган материаллардан шуниси маълум бўладикки, кўпинча аризачилар шахсларга нисбатан тухмат, ёлғон хабар берганлар. Бу ўзаро адоват, хусумат ёки бошқа сабаблар замирада бўлган. Амалиётда, аризачиларни ёлғонидан жабр кўрган шахслар судга даъво билан камдан-кам ҳолатларда мурожаат қилганлар. Негаки, ушбу ҳолатда кўп вақт сарф қилинишига, асабийлашишига, ўзаро жанжалларга, уни ижроси бўйича тоқат қилаолмасликларини таъкидлаганлар. Шу билан бирга, амалиётда жиноят ишини қўзғатиш босқичида жиноят ҳақидаги ариза ва хабарларни кўриб чиқиш қисқа муддатларни қамраб олганлиги учун, прокурор назорати кафолатлари самарали таъминлаш бир мунча қийин бўлади.

Шундай қилиб, жиноят тўғрисидаги аризалар ва хабарларни кўриб чиқиш босқичида прокурор назоратининг кафолатловчи роли, биринчи навбатда, аризалар ва хабарларни кўриб чиқишнинг ўз вақтида бажарилиши, уларнинг натижалари бўйича қабул қилинган қарорларнинг асослилиги, ариза ва хабарларни кўриб чиқишда процессуал шаклга риоя этилиши ҳамда ариза берувчиларнинг ҳуқуқлари тўғрисидаги қонун талабларини таъминлашда намоён бўлиши керак.

Жиноят ишини қўзғатиш босқичи вақт жиҳатидан энг қисқа муддатни текширишни талаб қилганлиги учун, иштирокчиларнинг ҳуқуқларига риоя этилишини таъминловчи механизмнинг юқори тезкорлиги ва шаффофлигини талаб қилади. Бу, фуқароларнинг ўз ҳуқуқларини ҳимоя қилишни сўраб прокуратура органларига мурожаатлари сони ҳам шундан далолат беради яъни прокурорлар томонидан қонуний жиноят ишини қўзғатишни рад этиш ҳолатларни бартараф этганлиги яққол исолдир. Ўз навбатида, прокуратура органлари шахсларни ҳуқуқларни кафолатлашнинг таъсирчан механизми ишлаб чиқиш далолат беради. Прокурор назорати кафолати бир томондан, терговга қадар текширув органлари ҳаракат

ёки қарорлари бўйича фуқароларнинг шикоятини кўриб чиқишда намоён бўлса, иккинчи томондан, ўз ваколати доирасида тезкор-қидирув фаолияти, терговга қадар текширув органлар мансабдор шахсларнинг устидан назоратни олиб боришга, таъсир чораларни кўришга имкон беради.

Прокурор ўз функцияни давлат номидан иш кўрар экан, аввало бошқа давлат органларга қараганда энг кўп ушбу жараёнда қонунбузилишларни аниқлайди ва таъсир чораларини кўради. Бу айнан бошқа органларга қараганда прокуратурага ишига профессионализм билан ёндашишга имконини беради. Жиноят ҳақидаги ариза ва хабарларни кўришда шахсларни ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини кафолатлашда прокуратуранинг роли ва ўрни бекиёсдир.

Жиноят ишини кўзғатиш босқичида прокурор назоратининг кафолатлари - жиноятлар тўғрисидаги ариза ва хабарларни қабул қилишда қонунийликни таъминлаш, қарорларнинг ўз вақтида ва қонуний қабул қилиниши устидан назорат қилиш (иш кўзғатиш ёки рад этиш), ноқонуний қарорларни бекор қилиш ва материалларни тергов ўтказиш учун юбориш ҳуқуқи киради. Ушбу назорат фуқароларнинг ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ва қонунийликни таъминлаш, иш кўзғатишни рад этиш, муддатларни чўзиш ва одил судловга эришиш ҳуқуқларини бузишнинг олдини олишга хизмат қилади;

Шу боис, Жиноят-процессуал кодексида аризачининг тушунчасини қуйидаги мазмунда тўлдириш таклиф этилади:

“Жиноят тўғрисида ариза ва хабар берувчи шахс - бу содир этилган ёки тайёрланаётган жиноят тўғрисида маълумот билан ҳуқуқни муҳофаза қилиш органларига мурожаат қилган ҳар қандай шахсдир (Ўзбекистон фуқароси, чет эл фуқароси ёки фуқаролиги бўлмаган шахс). Бу жиноятдан жабр кўрган шахс ҳам, бошқа ҳар қандай фуқаро ҳам бўлиши мумкин”.

**ОЧИЛОВ САМАРИДДИН
КАМОЛИДДИНОВИЧ**
Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни
муҳофаза қилиш академияси
Бакалаврият факултети катта прокурори

ВОЯГА ЕТМАГАНЛАРНИ ЖАЗОНИ ЎТАШДАН МУДДАТИДАН ИЛГАРИ ШАРТЛИ ОЗОД ҚИЛИШ МАСАЛАЛАРИ

Аннотация: Мақолада вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишнинг илмий-назарий жиҳатлари ёритилган бўлиб, тадқиқот давомида мавзуга оид қонунчилик ва ҳуқуқни қўллаш амалиёти, ўқув ва илмий адабиётлардаги назарий тушунчалар, тадқиқот ишлари, хорижий мамлакатлар тажрибаси таҳлил қилинган. Вояга етмаганларга нисбатан жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллаш асосларини такомиллаштиришида янги ёндошувлар баён этилган. Тадқиқот натижасига кўра вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишга оид қонунчиликдаги бўшлиқлар ва уларни бартараф этиш ҳамда ҳуқуқни қўллаш амалиётидаги муаммолар ёритилиб, уларнинг ечими юзасидан таклиф ва тавсиялар берилган.

Калит сўзлар: вояга етмаган, маҳкум, қонунчилик, жиноят, жазо, ҳукм, жазодан озод қилиш, асослар, шартлар, хулқ-атвор, ахлоқ.

Аннотация: В статье освещены научно-теоретические аспекты условно-досрочного освобождения несовершеннолетних от отбывания наказания. В ходе исследования проанализированы соответствующее законодательство и практика его применения, теоретические понятия, представленные в учебной и научной литературе, научные исследования, а также опыт зарубежных стран. Изложены новые подходы к совершенствованию оснований для применения условно-досрочного освобождения в отношении несовершеннолетних. По результатам исследования выявлены пробелы в законодательстве, касающемся условно-досрочного освобождения несовершеннолетних от наказания, и проблемы в правоприменительной практике, а также предложены рекомендации и предложения по их устранению.

Ключевые слова: несовершеннолетний, осужденный, законодательство, уголовное дело, наказание, приговор, освобождение от наказания, основания, условия, поведение, мораль.

Abstract: The article highlights the scientific and theoretical aspects of granting parole (conditional early release) to minors. During the research, relevant legislation and its application in practice, theoretical concepts found in academic and scientific literature, research works, and the experience of foreign countries were analyzed. New approaches have been presented to improve the grounds for

applying conditional early release to minors. Based on the results of the study, gaps in the legislation related to the early conditional release of minors from punishment, as well as issues in law enforcement practice, have been identified, and proposals and recommendations have been made to address them.

Keywords: *minor, convicted person, legislation, criminal case, punishment, sentence, release from punishment, grounds, conditions, behavior, morality.*

Кириш.

Вояга етмаганлар жиноятчилиги масаласи жамиятнинг жиддий ижтимоий ва ҳуқуқий муаммоси ҳисобланиб, мамлакатда жиноятчилик даражаси ва жамиятнинг умумий хавфсизлигига таҳдид солувчи омиллардан бири сифатида эътироф этилиб келинган. Вояга етмаганлар ҳуқуқбузарлиги ва жиноятчилиги профилактикасини амалга оширишнинг самарали усул ва воситаларини ишлаб чиқиш, айниқса жиноят содир этган вояга етмаганлар ўртасида такроран жиноят содир этилишини олдини олиш масалаларини тадқиқ этишни тақозо этмоқда.

Айни пайтда, ёшлар билан ишлашни ташкил этиш борасида амалга оширилаётган ижобий ишларни эътироф этиш билан бирга, соҳадаги вазият таҳлили ёшларнинг кенг қатламларига дахлдор бўлган долзарб масалалар сақланиб қолаётганлигидан далолат бермоқда.¹

Жиноий жазони ўташга ҳукм қилинган вояга етмаганларнинг ахлоқан тузатишга эришиш ҳамда ижтимоий адаптация қилиш, уларнинг озодликка чиқишга бўлган ҳуқуқларини таъминлаш самарадорлигини ошириш бугунги кунда муҳим аҳамият касб этади.

Ҳуқуқбузарликлар профилактикаси ва жиноятчиликка қарши курашиш, айниқса жиноят содир этганлиги учун жиноий жазони ўташга ҳукм этилган вояга етмаган шахслар томонидан қайта жиноят содир этилиши ҳолатларини олдини олиш ижтимоий барқарорликни таъминлашда алоҳида ўрин тутди.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 3 январдаги ПҚ–1-сонли қарори билан тасдиқланган Криминоген вазияти мураккаб маҳаллаларда жиноятларнинг олдини олиш бўйича манзилли чоралар концепциясида² алоҳида тоифадаги

¹ Мирзиёев Ш.М. Янги Ўзбекистон тараққиёт стратегияси. Тўлдирилган иккинчи нашри. – Тошкент: “Ўзбекистон” нашриёти, 2022. – 416 бет. 243-244-бетлар.

² Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 3 январдаги “2025 йилда республика маҳаллаларида хавфсиз муҳитни яратиш ва ҳуқуқбузарликларнинг барвақт олдини олиш

шахслар (вояга етмаганлар, ёшлар, аёллар, ишсизлар, муқаддам судланганлар, пробация ҳисобида турганлар ва бошқалар) билан манзилли, таъсирчан ишларни тизимли ташкил қилиш маҳаллаларда жинойтчиликни жиловлаш ва хавфсиз муҳитни яратиш борасидаги фаолиятнинг устувор йўналишларидан бири сифатида белгиланди.

Бугунги кунга қадар тадқиқотчи-олимлар томонидан вояга етмаганлар жинойтчилиги ва уни олдини олиш, вояга етмаганларнинг жиноий жавобгарлиги ва жазо тайинлаш амалиёти, вояга етмаганларни жиноий жавобгарлик ва жазодан озод қилиш борасида бир қатор тадқиқотлар олиб борилган бўлса-да, вояга етмаганларнинг жиноий жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш муаммолари махсус ўрганилмаган, бу борада етарлича тадқиқот ишлари олиб борилмаган.

Ҳуқуқбузарликларни олдини олиш ва жинойтчиликка қарши курашиш механизмларини такомиллаштиришга қаратилган амалдаги қонунчиликда белгиланган талаблар, шунингдек жинойт қонунчилигидаги жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллашга оид янги нормалар вояга етмаган маҳкумларнинг хулқ-атворини тузатиш ва уларни соғлом жамиятга мослаштиришнинг замонавий усул ва воситаларини ишлаб чиқиш ҳамда бу борадаги ҳуқуқни қўллаш амалиётини такомиллаштиришга қаратилган тадқиқотлар олиб боришни тақозо қилади.

Тадқиқот мавзуси жинойт ҳуқуқида вояга етмаган маҳкумларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни такомиллаштириш масалаларини ўрганиш ва бу борада мавжуд муаммоларни аниқлаш ва тадқиқ этиш ҳамда ушбу муаммоларнинг ечими юзасидан илмий-назарий хулосаларни ишлаб чиқишга қаратилган.

Материаллар ва усуллар.

Мавзу бўйича ҳал қилиниши назарда тутилган масалалар юзасидан тадқиқот олиб боришда илмий билишнинг кузатиш, тизимли-тузилмавий, мантиқий (анализ, синтез), қиёсий-ҳуқуқий, илмий манбаларни комплекс тадқиқ этиш, юридик таҳлил, социологик, статистик ва тарихий илмий-тадқиқот усуллари қўлланилди.

Мазкур илмий-тадқиқот усулларида фойдаланиб, мавзун илмий-назарий тавсифлаш борасида муайян натижага эришилган ва жиноят ҳуқуқининг умумий қисмига оид назарий ҳамда илмий жиҳатдан асосланган таклиф ва тавсиялар ишлаб чиқилган.

Тадқиқот мавзусини ўрганиш ҳамда бу борада илмий-назарий хулосалар ва таклифлар ишлаб чиқиш қуйидаги босқичлар кетма-кетилигида амалга оширилди:

вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатида илгари шартли озод қилиш институтини такомиллаштириш зарурияти ва бу борада ҳал қилиниши лозим бўлган масалаларни ёритиш;

вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатида илгари шартли озод қилиш ҳақидаги назарий тушунчалар, бу борада тадқиқотчи олмилар томонидан олиб борилган илмий ишларни таҳлил қилиш;

вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатида илгари шартли озод қилишга оид амалдаги қонунчилик таҳлили ҳамда бошқа қонунчилик ҳужжатларидаги нормаларнинг ўзаро таъсирини кўриб чиқиш;

судланган вояга етмаганлар ҳамда жазони ўташдан муддатида илгари шартли озод қилиш қўлланилган вояга етмаганлар ҳақидаги статистик маълумотларни таҳлил қилиш;

хорижий мамлакатлар жиноят қонунчилигида вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатида илгари шартли озод қилишнинг ўзига хос хусусиятларини ёритиш;

вояга етмаганларни жазони ўтишдан муддатида илгари шартли озод қилиш институти ҳақида илмий-назарий хулосалар ишлаб чиқиш, ушбу институтни қўллашни такомиллаштириш борасида қонунчиликка таклифлар ишлаб чиқиш.

Вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатида илгари шартли озод қилиш амалиёти ушбу нормани қўллаш имконияти қонунчиликда белгиланган шартли асослар ва мезонларга мувофиқ амалга оширилади. Бироқ, бугунги кундаги қонунчилик тенденцияси ва криминоген вазиятнинг умумэътироф этилган талқини ҳамда инсон ҳуқуқларини таъминлаш борасидаги замонавий қарашлар ушбу институт борасида алоҳида тадқиқот олиб бориш заруриятини юзага келтирди.

Шунингдек, жиноят қонунчилигига ўтган давр мобайнида киритилган ўзгартириш ва қўшимчалар ҳамда жиноятчилик ва ҳуқуқбузарликлар профилактикаси соҳасида қабул қилинган бошқа қонунчилик ҳужжатларининг ушбу институтга оид нормаларга

таъсири кўриб чиқилмаганлиги мавзунинг долзарблигини намоён қилувчи омиллардан бири ҳисобланади.

Вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексининг 89-моддасига асосан қўлланилади. Мазкур моддага кўра, ўн саккиз ёшга тўлмасдан содир этган жинояти учун озодликдан маҳрум қилишга, озодликни чеклашга ёки ахлоқ тузатиш ишларига ҳукм қилинган шахсга нисбатан жазони ўташдан муддатидан илгари шартли равишда озод қилиш тартиби қўлланилиши мумкин.

Бунга вояга етмаган маҳкум озодликдан маҳрум қилиш, озодликни чеклаш ёки ахлоқ тузатиш ишлари жазолари учун белгиланган тартиб-қоида талабларини бажарган ҳамда меҳнат ва ўқишга ҳалол муносабатда бўлганлиги талаб қилинади.

Ўзбекистон Республикаси Жиноят-ижроия кодексида маҳкумлар жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинишининг умумий тартиби белгиланган бўлиб, вояга етмаганларни жазодан озод қилиш тартиби алоҳида норма билан белгиланмаган.

Ўзбекистон Республикаси Ички ишлар вазирининг 2012 йил 29 декабрдаги “Ўзбекистон Республикаси Ички ишлар вазирлиги озодликдан маҳрум қилиш туридаги жазони ижро этиш муассасаларининг ички тартиб қоидаларини тасдиқлаш тўғрисида”ги 174-сон буйруғи (2013 йил 29 июль, рўйхат рақами: 2495) билан тасдиқланган Ўзбекистон Республикаси Ички ишлар вазирлиги озодликдан маҳрум қилиш туридаги жазони ижро этиш муассасаларининг ички тартиб қоидаларида ҳам вояга етмаганларни жазодан озод қилиш тартиби алоҳида белгиланмаган.

Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Жазони ўташдан муддатидан илгари озод қилиш ва жазони енгилроғи билан алмаштириш бўйича суд амалиёти тўғрисида”ги қарорида муқаддам жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган ёки жазоси енгилроғи билан алмаштирилган вояга етмаган маҳкум жазонинг ўталмаган қисми мобайнида қасддан янги жиноят содир этганда жазо тайинлаш тартиби баён этилган.

Меҳнатга ёки ўқишга ҳалол муносабат деганда, вояга етмаганнинг ҳалол меҳнат қилиши ва ўқишга ҳалоллик билан муносабатда бўлганлиги, фақатгина маълумот олиш учун ўқишга

бўлган муносабатигина эмас, балки ҳунар-техника билим юртида ўқиши ва ўз малакасини ошириши ҳам назарда тутилади.¹

Маҳкумлар таълимининг мақсади маҳкумларнинг саводини чиқариш ва уларга умумий ўрта маълумот бериш, уларни турли касб-ҳунар эгаллашларига ёрдам бериш, жазони ўтаётган вақтда уларни ижтимоий фойдали меҳнат билан банд қилиш ва, энг асосийси, уларни озодликка чиққанларидан сўнг қайта ижтимоийлашувини енгиллаштиришдан иборат.²

Қонунчиликдаги мавжуд ҳолатлар шундан иборатки, таълимга бўлган муносабатни, бизнинг фикримизча, маҳкумларнинг тузалиш даражасини объектив баҳоловчи мажбурий мезон сифатида эътироф этиш қийин. Бу мезонни шартли равишда муддатидан олдин озод этилишга даъво қилувчи барча шахсларга нисбатан қўллаш мумкин эмас. Агар тарбия колониясида жазо ўтаётган вояга етмаган маҳкумларга нисбатан ушбу мезонни шубҳасиз қўллаш мумкин бўлса, ахлоқ тузатиш колониясида сақланаётган шахсларга нисбатан бундай дейиш қийин. Ахлоқ тузатиш муассасаларида озодликдан маҳрум этилган, 30 ёшга тўлмаган шахслар учун умумий ўрта (тўлиқ) таълимни олиш мажбурий тарзда ташкил этилади (Жазони ижро этиш кодексининг 112-моддаси, 1-қисми). Демак, қолган маҳкумлар таълимни ўз хоҳишига кўра оладилар.³

Судлар фаолиятига оид статистик маълумотларда⁴ жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган вояга етмаганлар 2020 йилда 133 нафарни, 2021 йилда 236 нафарни, 2022 йилда 546 нафарни, 2023 йилда 725 нафарни, 2024 йилда 831 нафарни, 2025 йилнинг 1-ярмида 469 нафарни ташкил этган.

Албатта, мамлакатимизда вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш амалиётини қўллаш кенгайганлиги жиноий-ҳуқуқий сиёсатни либераллаштириш борасида амалга оширилган ислохотларнинг маҳсули ҳисобланади.

¹ М.Х.Рустамбаев. Ўзбекистон Республикасининг Жиноят кодексига шарҳлар. Умумий қисм. Тошкент: “Yuridik adabiyotlar publish”, 2021. – 784 б. 746-б.

² Тураханова Д.А. Пенитенциар тизимда таълим олиш масалалари (жаҳон тажрибаси мисолида). Замонавий таълим/Современное образование, 2020, 4 (89). 42-б.

³ Степанов В.В. Назначение наказания несовершеннолетним и освобождение от него: теоретические, законотворческие и правоприменительные аспекты (по материалам судебной практики Ставропольского края). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России., Москва., 2009. 30 стр. , стр. 18.

⁴ Судлар фаолияти бўйича статистик кўрсаткичлар./ Жиноят ишлари бўйича судлар./ Жиноят ишлари бўйича статистик маълумотлар. Расмий веб-сайт: stat.sud.uz.

Шу билан бирга, ёшларнинг ҳуқуқлари, эркинликлари ва қонуний манфаатларини таъминлаш ёшларга оид давлат сиёсатининг устувор йўналишларидан бири сифатида эътироф этилган.

Вояга етмаганларни жавобгарлик ва жазодан озод қилиш қўлланиши турли вақтларда давлатдаги ижтимоий-сиёсий вазиятдан келиб чиқиб, жинойтчиликнинг ҳолати ва вояга етмаганлар ўртасида жинойтлар кўпайиши ёки камайиш ҳисобига ўзгариб борган.¹

Шу билан бирга, жинойт содир этганлиги учун судланган шахслардан вояга етмаганлар 2020 йилда 499 нафарни, 2021 йилда 1152 нафарни, 2022 йилда 1773 нафарни, 2023 йилда 1911 нафарни, 2024 йилда 2214 нафарни ташкил этган бўлса, 2025 йилнинг 1-ярмида бу кўрсаткич 1255 нафарни ташкил этган.²

Судланган вояга етмаган шахслар сони ортиб бораётганлиги, аввало бу борада амалга ошириладиган умумпрофилактик чоратадбирлар самарадорлигини оширишни тақозо қилса, бошқа томондан вояга етмаган маҳкумларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишда фақатгина қонунчиликда белгиланган мезонлар билан чекланмасдан уларни ҳақиқатда ахлоқан тузалганлигини баҳолашни назарда тутадиган механизмларни жорий этиш заруриятини келтириб чиқаради.

Жиноий жавобгарлик ва жазодан озод қилишнинг асослари кенг маънода шахснинг жамият учун катта хавф туғдирмаслиги, қонун талабларини бузган бўлса-да, бу хавфнинг кейинчалик йўқолиши ёки бундай шахсни жазони тўлиқ ёки қисман ўтамасдан ҳам тўғри йўлга солиш имконияти мавжудлигини англатади. Содир этилган жинойтнинг хусусияти ва жамият учун хавф даражаси эса шахснинг жамият учун хавфлилик даражасини белгиловчи мезонлар ҳисобланади.³

Вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш амалиёти таҳлили шуни кўрсатадики, ушбу институтни қўллаш самарадорлигини ошириш вояга етмаган маҳкумларни содир этган жинойтидан тегишли хулоса чиқарганлиги ва ахлоқан

¹ Турабаева З. Вояга етмаганларни жиноий жавобгарлик ёки жазодан озод қилишнинг ривожланиш тарихи. Жамият ва инновациялар – Общество и инновации – Society and innovations Special Issue – 07 (2023) / ISSN 2181-1415, 201-6.

² Судлар фаолияти бўйича статистик кўрсаткичлар./ Жинойт ишлари бўйича судлар./ Жинойт ишлари бўйича статистик маълумотлар. Расмий веб-сайт: stat.sud.uz.

³ Яковлева Л.В. Институт освобождения от наказания в Российском праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктор юридических наук. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России., Москва., 2003. 56 стр. , стр. 19.

тузалганлиги баҳолашнинг усул ва воситаларини жорий этиш лозим бўлади.

Ҳукукий жиҳатдан шартли равишда муддатидан илгари озод қилиш маҳкумнинг қонуний манфаати ҳисобланади. Ушбу институт маҳкумнинг субъектив ҳукуқи сифатида эътироф этилиши, шубҳасиз, бу чоранинг вояга етмаган шахснинг ўзини тутиши ёки у томонидан ўтаб бўлинган жазо муддати билан боғлиқ эмаслигини тасдиқлайди.¹

Шу маънода вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишда тайинланган жазонинг муайян ўтаган бўлиши эмас, балки унинг хулқ-атворининг ҳолати асосий мезон сифатида олиниши, вояга етмаган маҳкумни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш унинг тузалиш йўлига ўтганлигини намоён этувчи ҳолатларга асосланиши мақсадга мувофиқ.

Вояга етмаган маҳкумлар билан ишлашда уларнинг оилавий муҳити ва келгусида жамиятга қайтишидаги қўллаб-қувватлаш механизмлари муҳим ўрин тутиши алоҳида таъкидланиб, бу йўналишда уларнинг ота-оналари билан мунтазам мулоқотини таъминлаш, психологик қўллаб-қувватлаш ва ижтимоий-маънавий тарбияни кучайтириш орқали ёшларнинг қайта жиноят содир этиш эҳтимоли камайиши, мустақил ҳаётга тайёрланиши илгари сурилган.²

Ўзбекистон Республикасининг Ўзбекистон Республикасининг 2024 йил 7 августдаги “Пробация тўғрисида”ги ЎРҚ-938-сон қонунининг 17-моддасига кўра пробация назоратидаги вояга етмаган шахсларни ижтимоий мослаштириш дастурларини ишлаб чиқиш чоғида улар билан яқка ёки жамоавий тартибда суҳбатлар ўтказилганда ва ушбу шахсларга нисбатан ижтимоий мослаштириш чоралари қўлланилганда уларнинг ёши, ўзига хос индивидуал хусусиятлари ҳисобга олинган ҳолда, вояга етмаган шахслар оила аъзоларининг ёки қонуний вакиллариининг ижтимоий мослаштиришда иштирок этиши учун шарт-шароитлар яратилади.

¹ Горшенин А.А. Условное-дасрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетних. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ульяновский государственный университет, Казан., 2006. 28 стр. , стр. 10.

² Мулоқот мавзуси — вояга етмаган маҳкумларнинг ҳуқуқ ва манфаатларини тўлақонли таъминлаш. 2025 йил 12 сентябрь. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Қонунчилик палатасининг расмий веб-сайти. <https://parliament.gov.uz>

Айнан вояга етмаган маҳкумнинг жиноят содир этиши кўп жиҳатдан оилавий муҳитга ҳам боғлиқлиги уни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишда ҳам унинг яшаётган оиланинг ижтимоий хусусиятларини ўрганишни назарда тутадиган тартибларни жорий этиш масалаларини кўриб чиқишни тақозо қилади.

Вояга етмаганлар учун шартли равишда муддатидан олдин озод қилишнинг енгилроқ шартларини белгилашда, аввало, уларнинг психофизиологик хусусиятлари инобатга олинади. Давлат вояга етмаган шахснинг қарашлари ва муносабатларини ўзгартиришда, уни жамиятнинг тўлақонли аъзоси, қонунга итоаткор фуқаро сифатида шаклланишида манфаатдор.¹

Тадқиқот ишларида² вояга етмаган ёшда жиноят содир этган шахсларга шартли равишда муддатидан олдин озод қилиниши учун ўтлашлари керак бўлган минимал жазо муддатлари камайтирилиши, вояга етмаган ёшда жиноят содир этган шахслар учун камида 6 ой деб белгилаш зарурлиги қайд этилган.

Хорижий мамлакатлар жиноят қонунчилигида ҳам вояга етмаганларнинг жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишга оид нормаларда ўзига хос тартиблар баён этилганлигини кўришимиз мумкин.

Россия Федерацияси Жиноят кодекси 93-моддаси³ ва Озарбайжон Республикаси Жиноят кодексининг 90-моддасида⁴ жиноят содир этган вақтда вояга етмаган шахсга нисбатан жиноий жазони муддатидан илгари шартли равишда озод қилишда фақатгина ҳукм қилинган турдаги жазо турлари учун белгиланган муайян муддатни ўтаган бўлиши назарда тутилган.

¹ Долгополов К.А. Назначение наказания несовершеннолетним и освобождение от него: теоретические, законодворческие и правоприменительные аспекты (по материалам судебной практики Ставропольского края). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. «Ставропольский государственный университет, Ставрополь., 2008. 31 стр. , стр. 26.

² Щерба Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. вопросы теории и практики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Дальневосточного юридического института МВД России., Владивосток., 2007. 23 стр. , стр. 19.

³ Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. Уголовный кодекс Российской Федерации. <https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/obshchaja-chast/razdel-iv/glava-12/statja-79/>

⁴ Информационная система Континент. Уголовный кодекс Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. <https://continent-online.com>.

Қозоғистон Республикаси Жиноят кодексининг 86-моддасида¹ ва Беларус Республикаси Жиноят кодексининг 119-моддасида² вояга етмасдан жиноят содир этган шахслар агар жазони ўташ ёки ижро этиш тартибида жиддий қоидабузарликлар содир этмаган бўлса жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиниши мумкин.

Украина Республикаси Жиноят кодексининг 107-моддасига³ кўра вояга етмасдан жиноят содир этган шахсларга нисбатан содир этилган жиноятнинг оғирлигига қарамасдан, жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш қўлланилиши, бунинг учун фақатгина айбдор шахс ўзининг ватанпарварлиги, меҳнатга ва ўқишга муносабати билан ўзини тўғрилаганлигини исботлаган бўлиши талаб қилинади.

Натижалар ва уларни муҳокама қилиш.

Вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш борасидаги қонунчилик ва ҳуқуқни қўллаш амалиёти, бу борада олиб борилган тадқиқотлар ва тадқиқотчи-олимлар томонидан илгари сурилган илмий-назарий қарашлар ва хорижий мамлакатлар тажрибаси бир қатор баҳсли ҳамда илмий-назарий жиҳатдан ечимини топиш лозим бўлган ҳолатларни юзага келтиради.

Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексида жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш вояга етганлар (73-модда) ва вояга етмаганларга (89-модда) нисбатан алоҳида тартибда белгиланган.

Жиноят кодексининг 89-моддаси мазмунига кўра жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллаш “ўн саккиз ёшга тўлмасдан” жиноят содир этган шахсларга нисбатан амалга оширилиши белгиланган.

Мазкур норма мазмунига кўра, жиноят содир этган вақтида вояга етмаган маҳкум жазони ўташ давомида вояга етган бўлса ҳам вояга етмаган даврида содир этган жинояти учун ҳукм қилинган жазодан 89-моддада белгиланган тартибда жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиниши мумкин.

¹ Информационно-правовая системанормативных правовых актов Республики Казахстан. Уголовный кодекс Республики Казахстан. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

² Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, 2003-2025. Источник: <https://pravo.by/document> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

³ Информационная система Континент. Уголовный кодекс Украины. <https://continent-online.com>.

Вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш вояга етганларга нисбатан қуйидаги бир қатор фарқли жиҳатлар мавжудлигини кўрсатади:

интизомий қисмга жўнатиш ва хизмат бўйича чеклаш жазо турлари вояга етмаганларга нисбатан тайинланмаслиги сабабли жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиниши мумкин бўлган жазо турларида ушбу жазолар кўрсатилмаган;

жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишга асос бўладиган ҳолатлар сифатида вояга етганларни нисбатан фарқли равишда жазо турлари учун ўрнатилган тартиб-қоида талабларини бажарган ва меҳнатга ҳалол муносабатда бўлиш билан бирга ўқишга ҳам ҳалол муносабатда бўлганлиги талаб қилинади;

жазони ўташдан муддатидан илгари озод қилиш шартларида қуйидаги фарқли жиҳатлар мавжуд:

вояга етганлар ижтимоий хавфи катта бўлмаган ёки унча оғир бўлмаган жинояти учун суд тайинлаган жазо муддатининг камида учдан бир қисмини ўтаган бўлиши талаб қилинса, вояга етмаганларга нисбатан тўртдан бир қисмини ўтаган бўлиши лозим;

вояга етганлар оғир жинояти учун, шунингдек қасддан содир этган жинояти учун, агар шахс илгари қасддан содир этган жинояти учун озодликдан маҳрум этишга ҳукм қилинган бўлса, суд тайинлаган жазо муддатининг камида учдан икки қисмини ўтаган бўлиши талаб қилинса, вояга етмаганларга нисбатан жазо тури ва қасддан ёки эҳтиётсизликдан содир этилишидан қатъий назар оғир жиноят учун тайинланган жазо муддатининг камида учдан бир қисмини ўтаган бўлиши лозим;

вояга етганлар ўта оғир жинояти учун, суд тайинлаган жазо муддатининг камида тўртдан уч қисмини ҳақиқатда ўтаб бўлганлиги талаб қилинса, вояга етмаганлар жазо муддатининг камида ярмини ҳақиқатда ўтаб бўлганлиги талаб қилинади;

вояга етганларга нисбатан жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллашни истисно этадиган ҳолатлар мавжуд бўлиб, бунда ҳолатларни қўллаш вояга етмаганларга нисбатан белгиланмаган;

вояга етганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш чоғида суд асослар мавжуд бўлган тақдирда, маҳкумнинг зиммасига бир қатор мажбуриятларни юклатиши мумкинлиги назарда тутилган бўлса, вояга етмаганларга нисбатан бундай мажбуриятлар қўлланилмайди;

жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган вояга етган шахсларнинг хулқ-атвори устидан назоратни амалга ошириш механизми мавжуд бўлиб, жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган вояга етмаган шахсларнинг хулқ-атвори устидан назорат қилиш механизми белгиланмаган.

Ўзбекистон Республикаси Жиноят-ижроия кодексида вояга етмаганларни ёки ўн саккиз ёшга тўлмасдан жиноят содир этганлиги учун ҳукм қилинган шахсларни жазодан озод қилиш тартиби алоҳида норма билан белгиланмаганлиги бу борада ҳуқуқий бўшлиқ мавжудлигини кўрсатади.

Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Жазони ўташдан муддатидан илгари озод қилиш ва жазони енгилроғи билан алмаштириш бўйича суд амалиёти тўғрисида”ги қарорида вояга етмаган маҳкумни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллаш юзасидан алоҳида тушунтириш берилмаганлиги бир қатор баҳсли ҳолатларни юзага келтиради.

Хусусан, Жиноят кодексининг 73-моддасидаги жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишга монелик қиладиган ҳолатлар ҳамда жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш қўлланилган маҳкумнинг зиммасига юклатиладиган мажбуриятлар ҳамда унинг хулқ-атвори устидан назорат олиб бориш тартиблари Жиноят кодексининг 89-моддасида назарда тутилмаганлиги бу борадаги масаларни ҳал қилишда расмий тушунтириш (шарҳ) бериш заруриятини юзага келтиради.

Ўзбекистон Республикаси Ички ишлар вазирлиги озодликдан маҳрум қилиш туридаги жазони ижро этиш муассасаларининг ички тартиб қоидаларида ҳам вояга етмаганларни жазодан озод қилиш тартиби алоҳида белгиланмаганлиги вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишнинг ўзига хос хусусиятини инобатга олишни инкор қилишга олиб келиши мумкин.

Тадқиқотчи-олимларнинг вояга етмаган шахсларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишга оид илмий-назарий қарашларида ушбу институтни қўллашда вояга етмаган маҳкум унга нисбатан тайинланган жазо муддатини муайян қисмини ўтаган бўлиши лозимлиги ҳақида талаблар инкор этилиб, вояга етмаганни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишда асосий мезон сифатида муайян муддат давомида ўталган жазо муддати эмас, балки маҳкумнинг хулқ атвордаги ижобий ўзгаришларни инобатга олиш лозимлиги илгари сурилади.

Вояга етмаган шахсни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллашда унинг хулқ-атворидаги ижобий ўзгаришларни асосий мезон сифатида эътироф этиш жазони ўташдан муддатидан илгари шартли равишда озод қилишда белгиланган жазо муддатининг камида тўртдан бир қисми, камида учдан бир қисми, камида ярмини ҳақиқатда ўтаб бўлишига оид талабларни ҳам қайта кўриб чиқиш заруриятини вужудга келтиради.

Хорижий мамлакатлар тажрибаси таҳлили вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишда айрим мамлакатлар жинойт қонунчилигида маҳкум фақатгина тайинланган жазонинг муайян муддатини ўтаган бўлиши ҳақидаги талаб мавжуд бўлса, бошқа мамлакатлар жинойт қонунчилиги вояга етмаган шахсларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш учун ахлоқан тузалиш йўлига ўтганлиги ҳақидаги талаб белгиланганлигини кўрсатади.

Жинойт кодексининг 89-моддаси иккинчи қисмига кўра вояга етмаган шахсни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш тегишли жазо турлари учун ўрнатилган тартиб-қоида талабаларини бажарган меҳнат ва ўқишга ҳалол муносабатда бўлган маҳкумга нисбатан қўлланилади.

Мазкур норма мазмунига кўра, вояга етмаган ёки ўн саккиз ёшга етмасдан содир этган жинойти учун ҳукм қилинган шахсни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш учун у жазо учун ўрнатилган тартиб-қоида талабларини бажарган бўлиши билан бирга меҳнат ва ўқишга ҳалол муносабатда бўлганлиги талаб қилинади.

Агарда вояга етмаган шахс ахлоқ тузатиш ишлари ёки озодликдан маҳрум қилиш тарзидаги жазони ўташга ҳукм қилинганда уни меҳнатга ёки ўқишга жалб қилиш чоралари кўрилиши мумкин. Бироқ, озодликни чеклаш жазосига ҳукм қилинган вояга етмаган маҳкумга ёки жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган вояга етмаган маҳкумга нисбатан муайян турдаги мажбуриятлар юклатилмаганлиги уларни меҳнат ёки ўқишга жалб қилиш имконини бермайди, бу эса уларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш учун меҳнат ва ўқишга ҳалол муносабатда бўлганлигини баҳолаш имконини бермайди.

Таклиф ва тавсиялар.

Вояга етмаган маҳкум ёки ўн саккиз ёшга тўлмасдан жиноят содир этган маҳкумни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллашда уни тузалиш йўлига ўтганлигини комплекс баҳолаш имконини берадиган норма жорий этиш мақсадга мувофиқ.

Шунга кўра, Жиноят кодексининг 89-моддаси иккинчи қисмини “Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли равишда озод қилиш ушбу модданинг биринчи қисмида кўрсатилган жазо турлари учун белгиланган тартиб-қоида талабларини бажарган ҳамда ижтимоий фойдали фаолият билан машғул бўлган маҳкумга нисбатан қўлланилиши мумкин” деган мазмундаги таҳрир қилиниши таклиф этилади.

Шунингдек, Жиноят кодексининг 89-моддаси қуйидаги мазмундаги алоҳида қисм билан тўлдирилиши таклиф этилади:

“Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш чоғида суд асослар мавжуд бўлган тақдирда, маҳкумнинг зиммасига қуйидаги мажбуриятларни юклатиши мумкин:

а) ишга ёки ўқишга жойлашиш;

б) муддатидан илгари шартли озод қилинган шахснинг яшаш жойи, иш ёки ўқиш жойи ўзгарганлиги ҳақида унинг хулқ-атвори устидан назоратни амалга оширувчи органга хабар бериш;

в) муайян жойларга бормаслик;

г) алкоголизм, гиёҳвандлик ёки заҳарвандлик касаллигидан даволаниш курсини ўташ.

Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленуми томонидан Жиноят кодекси 73-моддасининг тўртинчи қисмида белгиланган ҳолатлар вояга етмаганларга нисбатан татбиқ этилмаслиги, шунингдек 73-моддаси олтинчи-тўққизинчи қисмлари ўн саккиз ёшга тўлмасдан содир этган жиноят учун жазога ҳукм қилиниб, 89-модданинг учинчи қисмида белгиланган муддатларни қўллашда вояга етган шахсларга нисбатан қўлланилиши ҳақида тушунтириш берилиши тавсия этилади.

Хулоса.

Вояга етмаган даврида содир этган жинояти учун ҳукм қилинган жазони ўташи давомида вояга етадиган бўлса, унга нисбатан жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш Жиноят кодексининг 89-моддаси тартибида қўлланилади. Шу сабабли, Жиноят кодексининг 89-моддаси биринчи қисмида жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллаш тартибида “вояга

етмасдан” сўзлари ўрнига “ўн саккиз ёшга тўлмасдан” сўзлари қўлланилган.

Мавзу юзасидан олиб борилган тадқиқотлар натижасига кўра вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллашда қонунчилик ҳамда ҳуқуқни қўллаш амалиётида мавжуд бўшлиқлар аниқланиб, уларни бартараф этиш юзасидан таклиф ва тавсиялар ишлаб чиқилди.

Тадқиқот ишида вояга етмаган маҳкумларга нисбатан жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллаш асосларини белгилашда уларда ижобий ҳуқ-атвор шаклланганлиги ва ахлоқан тузалганлигини инобатга олиш лозимлиги устувор аҳамият касб этиши лозимлиги ҳақида илмий-назарий қарашлар илгари сурилди.

**VOSIYEV JAMSHID
MUSTAFOEVICH**

Deputy Head of Department of the General
Prosecutor's Office of the Republic of
Uzbekistan, Independent Researcher

**MODERN THEORETICAL ASPECTS OF CIVIL-LAW
REGULATION OF HUMAN BIOMECHANICAL
MODIFICATIONS**

Abstract: *As innovations in the field of human biomechanical enhancement rapidly advance, regulatory systems around the world must evolve accordingly to manage these emerging technologies appropriately. This article analyzes the advanced theoretical foundations of civil law and explores the possibilities of establishing a governance framework based on principles that balance enhancement opportunities and precautionary measures. A comparative analysis of regulatory approaches in the European Union, the United States, the Asia-Pacific region, and Uzbekistan examines the diverse applications of theoretical concepts and highlights the need for their harmonization. Through inductive thematic coding of sources, key principles such as the primacy of human welfare, proportionality, and the dynamism of rights are studied and proposed as guiding bases for shaping the field. The analysis forecasts trends such as the increasing use of neuro-implants and draws attention to the legal challenges arising in this domain. By analyzing the positive aspects of various theoretical perspectives and the effective practices in international experience, this research presents a comprehensive approach for shaping modern law. Moreover, the article proposes practical strategies for*

implementing human rights–based reforms through constitutional renewal, legislative improvement, and international cooperation.

Keywords: *civil law, biotechnology law, assistive technologies, innovative technologies, bioethics, regulation, foresight analysis*

Introduction

The field of human biomechanical modification and enhancement is a rapidly evolving new scientific domain with profound legal and ethical implications that require careful study and regulation. As technologies such as neuro-implants, bionic limbs, and genetic enhancement continue to advance, civil law systems must also evolve to regulate these innovations appropriately. This article analyzes modern civil law theories and principles that underpin the legal governance of innovations related to the biological and mechanical enhancement of humans.

After reviewing existing scientific foundations and trends, the article presents comparative, inductive, and foresight-based analytical methods. The research findings section discusses the theoretical bases for regulating bioenhancement, the guiding principles, and comparative cases from the European Union, the United States, the Asia-Pacific region, and Uzbekistan. The discussion section highlights the significance of the results, research limitations, and future directions. Finally, the conclusion section provides key findings, practical applications, the impact on legal development, and recommendations for legislative improvement.

1. Relevance and Importance of the Research Topic

Human biomechanical modification — that is, the enhancement of the human body and capabilities through neuro-implants, prosthetics, and genetic engineering technologies — is emerging as a transformative process with profound legal consequences. As these novel and potentially revolutionary innovations develop, law enforcement and regulatory bodies face complex challenges in aligning bioenhancement processes with existing legal frameworks in areas such as human rights, healthcare, and disability law. For instance, neuro-implants that enhance cognition or prosthetic limbs with superhuman strength create new uncertainties regarding the concept of legal personhood and its protection¹.

At the same time, the radical forms of bioenhancement raise pressing issues of equitable and fair access to these opportunities. If such technologies remain available only to the wealthy, social inequality could

¹ Jonson P. (2020). *Law and the technologies of the twenty-first century*. Cambridge University Press.

deepen further¹. As technologies increasingly integrate with artificial intelligence, urgent legal guidance and standards are required to address issues such as data privacy, surveillance systems, and the integrity of “human–machine” interfaces².

From this perspective, the civil law system must adopt a principled yet evolutionary approach to regulating these complex innovations. This research aims to construct a new theoretical foundation for legal governance by systematically analyzing modern civil law perspectives in the field of human enhancement.

The study develops a theoretical basis of practical value for shaping legal policies across different countries. Given the rapid pace of technological development, lawmakers need adaptable principles and comparative legal conclusions to ensure the lawful governance of bioenhancement³. By synthesizing the latest civil law theories, identifying key guiding principles, and analyzing comparative cases worldwide, this research provides policymakers and reformers with scientifically grounded and practical tools. In doing so, it creates an empirical basis for convincing cautious legislators of the necessity of proactive legal reforms while safeguarding human welfare. Thus, the research represents not only a practical but also a conceptual step toward creatively applying civil law thinking to emerging technologies.

2. Analysis of Modern Trends

Several key trends are emerging in the field of human biomechanical enhancement, underscoring the timeliness and relevance of this analysis.

First, technologies such as neuro-implants and bionic limbs are rapidly improving and entering practical use⁴. For example, Neuralink and other companies are testing brain–computer interfaces (BCIs) that enable paralyzed patients to control computers or prosthetic limbs through

¹ Haravey D. (2022). The cyborg manifesto. Science, technology, and socialist-feminism in the late 20th century. In *Simians, cyborgs and women* (pp. 149-181). Routledge.

² Smith B.D (2021). Challenges and strategies for integrating ethical analysis into the design and governance of human augmentation technologies. *Ethics and Information Technology*. <https://doi.org/10.1007/s10676-021-09609-5>

³ Zhang S. X. (2020). Global perspectives on regulating human germline genome modification. *Hastings Center Report*, 50(3), 19-28. <https://doi.org/10.1002/hast.1128>

⁴ Patel K. (2022). The future of brain implants. *Forbes*. <https://www.forbes.com/sites/krishnapatelmd/2022/02/07/the-future-of-brain-implants/?sh=2c6d7d3c65f5>

thought¹. This represents an entirely new stage in the human–technology symbiosis and calls for clear legal frameworks to guide its regulation.

Second, in the field of genetic engineering, the use of CRISPR technology to alter physical traits such as muscle growth or cognitive capacity is expanding². Because heritable gene modifications can have long-term effects on future generations, their legal and ethical implications require serious consideration.

Third, the areas of bioenhancement application are broadening—from medicine to the military, and even to transhumanist movements that view human enhancement as a symbol of moral freedom³. Therefore, these technologies must be evaluated not only as medical devices but also as a broad socio-legal category.

Fourth, equitable access to such technologies remains unresolved—due to high costs, developing countries and low-income groups are often excluded⁴. Hence, effective legal systems must ensure a balance between technological progress and social justice.

Finally, intense debates persist within society over the ethical boundaries of human enhancement: some view it as an “assault on human nature,” while others see it as a new stage of human liberation⁵. These opposing perspectives reaffirm the urgent need for scientifically grounded, principled regulation based on comparative legal analysis.

3. Data Collection and Synthesis

In this study, data were collected and analyzed through a rigorous methodology to ensure reliable and scientifically grounded conclusions. The research began with an extensive review of scholarly sources related to civil law theories concerning human enhancement technologies. This process encompassed areas such as the philosophy of law, legal ethics, biotechnology law, and judicial practice. The main focus was on

¹ Mask E. [@elonmusk]. (2021 yıl, 9 april). Neuralink’s initial goal is to enable someone with paralysis to use a smartphone with their mind faster than someone using thumbs [Tweet; image of brain implant device]. Twitter. <https://twitter.com/elonmusk/status/1380511464277184516>

² Doudna J.A (2023). CRISPR and human genome editing: A global ethics perspective. Cambridge University Press.

³ Haravey D. (2022). The cyborg manifesto. Science, technology, and socialist-feminism in the late 20th century. In Simians, cyborgs and women (pp. 149-181). Routledge.

⁴ Zhang S. X. (2020). Global perspectives on regulating human germline genome modification. Hastings Center Report, 50(3), 19-28. <https://doi.org/10.1002/hast.1128>

⁵ Directive 2001/83/EC of the European Parliament and of the Council of 6 November 2001 on the Community code relating to medicinal products for human use <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2001/83/oj>

identifying key theoretical directions such as natural law, the theory of human dignity, the concept of integrative justice, and critical approaches¹.

Searches were conducted across legal databases to compile primary sources including constitutions, laws, regulatory acts, and international court decisions relevant to the regulation of human enhancement technologies. During the research process, synonymous concepts such as “enhancement,” “biotechnology,” “cybernetics,” and “transhumanism” were employed to broaden the scope of inquiry. These official sources served as the empirical foundation for the analysis. Supplementary data were also drawn from policy recommendations and reports prepared by organizations such as the Transhumanist Party of Great Britain and the Presidential Commission on Neuroethics, which provided proposals for maintaining a balance between development and safety in the field of bioenhancement².

An inductive method was applied in data synthesis to identify key themes, principles, and interconnections within and across sources. This facilitated the construction of a comprehensive theoretical model and the derivation of legal conclusions³. Perspectives from various academic schools were integrated according to their relevance to the issues of human enhancement. A meta-analysis of global legal sources compared theoretical ideas with practical realities, revealing supporting or contradictory trends⁴. The systematic comparison of abstract theories with empirical data ensured that the research remained both practically relevant and scientifically substantiated.

4. Comparative and Inductive Approach

This study integrates comparative and inductive methods to develop a theoretical foundation and identify guiding principles for the legal regulation of human enhancement technologies.

The comparative approach involves a systematic analysis of civil-law relations concerning human enhancement technologies across various

¹ Doumani R. (2020). Chapter 10: Inductive coding. In *Philosophical Approaches to Qualitative Research* (pp. 189-206). Oxford University Press.

² Smith B.D (2021). Challenges and strategies for integrating ethical analysis into the design and governance of human augmentation technologies. *Ethics and Information Technology*. <https://doi.org/10.1007/s10676-021-09609-5>

³ Levitt H.M, Motulsky S.L, Wertz F.J, Morrow S.L va Ponterotto J.G (2017). Recommendations for designing and reviewing qualitative research in psychology: Promoting methodological integrity. *Qualitative Psychology*, 4(1), 2-22. <https://doi.org/10.1037/qup0000082>

⁴ Directive 2001/83/EC of the European Parliament and of the Council of 6 November 2001 on the Community code relating to medicinal products for human use <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2001/83/oj>

legal systems worldwide¹. The analysis of selected global cases revealed distinct legal models reflecting differences in cultural values and priorities. For instance, the European Union, guided by the precautionary principle, tends to mitigate risks by imposing restrictions on enhancement technologies, whereas the United States favors a market-based approach, emphasizing innovation and technological acceleration². However, in both systems, the issue of economic inequality remains relevant, as advanced technologies primarily reach wealthier segments of society first.

The inductive approach, on the other hand, focuses on identifying general themes and normative principles from the collected legal sources and scholarly literature³. This process combines international trends, ethical concepts such as dignity and autonomy, and practical policy challenges to create a cohesive framework of guiding rules for legislative development.

The conclusions derived through induction are not merely theoretical but grounded in real-life evidence. For example, the growing subculture of “biohackers,” who repurpose medical devices for personal or recreational use, demonstrates the necessity of establishing legal obligations for responsible use within legislation.

Thus, the integration of comparative and inductive methods enables a scientifically grounded, universal, and practically relevant analysis of the complex legal processes associated with bioenhancement.

5. Foresight Analysis

To regulate emerging technologies effectively, it is essential to anticipate their potential development trajectories and consequences, as technologies often evolve rapidly and in unexpected directions⁴. In this study, projected development pathways of human enhancement technologies were modeled, and possible legal challenges were forecasted through scenario-based analysis. Scientometric data on patents, investments, and scientific discoveries revealed which types of

¹ Levitt H.M, Motulsky S.L, Wertz F.J, Morrow S.L va Ponterotto J.G (2017). Recommendations for designing and reviewing qualitative research in psychology: Promoting methodological integrity. *Qualitative Psychology*, 4(1), 2-22. <https://doi.org/10.1037/qup0000082>

² Zhang S. X. (2020). Global perspectives on regulating human germline genome modification. *Hastings Center Report*, 50(3), 19-28. <https://doi.org/10.1002/hast.1128>

³ Doumani R. (2020). Chapter 10: Inductive coding. In *Philosophical Approaches to Qualitative Research* (pp. 189-206). Oxford University Press.

⁴ Jonson P. (2020). *Law and the technologies of the twenty-first century*. Cambridge University Press.

enhancements are progressing most rapidly¹. These roadmaps made it possible to estimate when enhancement technologies—such as those based on neuro-implants or gene editing—might become commercially widespread.

The structured foresight analysis based on scenarios allowed “testing” potential legal reforms under various hypothetical conditions. For instance, if neuro-implants enabled people to communicate through thought, how would this affect civil rights such as freedom of expression or personal privacy? Similarly, low-probability but high-impact events—such as mass “biohacking” of enhancement technologies—highlight the necessity of developing legal contingency frameworks.

Thus, by conducting scenario-based foresight analysis, legal decision-making becomes more resilient to multiple possible futures, ensuring that enacted laws remain adaptable and effective amid technological uncertainty.

6. Theoretical Foundations for Developing Modern Civil-Law Principles of Regulating Human Biomechanical Modification

To fully realize the benefits of human enhancement while minimizing associated risks, civil law systems require balanced, profound, and dynamic governance mechanisms². Modern legal theories provide a scientifically grounded foundation for maintaining equilibrium between human welfare and scientific progress.

John Rawls’ “theory of justice” offers a social justice model based on the “veil of ignorance” principle, which obliges policymakers to consider the interests of all social groups, including the disadvantaged³. From this perspective, ensuring equal and fair access to bioenhancement technologies becomes a legal and moral imperative.

The “theory of somatic rights” helps differentiate between enhancements carried out under medical necessity and those driven by social pressures—such as beauty standards or workplace competition. This distinction is crucial for determining when enhancement constitutes a right versus when it becomes coercive or discriminatory⁴.

¹ Zhang S. X. (2020). Global perspectives on regulating human germline genome modification. *Hastings Center Report*, 50(3), 19-28. <https://doi.org/10.1002/hast.1128>

² Doudna J.A (2023). *CRISPR and human genome editing: A global ethics perspective*. Cambridge University Press.

³ Rawls J. (1971). *A theory of justice*. Harvard University Press.

⁴ Haravey D. (2022). *The cyborg manifesto. Science, technology, and socialist-feminism in the late 20th century*. In *Simians, cyborgs and women* (pp. 149-181). Routledge.

The “right to an open future” model justifies the need for oversight of enhancement interventions applied to children¹. For instance, if parents impose irreversible genetic or mechanical modifications on their offspring, such actions could restrict the child’s future freedom of choice. Therefore, legislation must safeguard children’s “right to an open future.”

At the same time, transhumanist approaches advocate for the individual’s right to freely alter their biology through technology—an expression of cognitive liberty². However, this freedom must not threaten public safety. The most prudent path lies in adopting adaptive restrictions that simultaneously uphold strong protection of individual rights and maintain public security.

For example, in Singapore’s practice, most forms of enhancement are permitted, but deliberate weakening or impairment of human capabilities is prohibited. This represents a model of balanced, state-level governance, demonstrating how freedom and regulation can coexist within a coherent legal framework³.

7. Guiding Principles for Applying Modern Civil-Law Concepts to Human Bioenhancement

The results of comparative and inductive analyses reveal several core guiding principles for regulating bioenhancement within the framework of civil law:

Primacy of Human Welfare:

Laws must primarily serve the well-being and freedom of individuals. The interests of the state or corporations should never outweigh those of human beings. In assessing societal benefit and impact, tools such as social welfare indices or social audit mechanisms should be applied to ensure that technological progress enhances human quality of life.

Proactivity over Precaution:

Instead of excessive caution that may stifle innovation, a proactive approach should be adopted—one that promotes safe and ethical development. Legislation should function not only as a shield against risks but also as an instrument for advancing science. This can be achieved

¹ Devis D.S (2009). Genetic dilemmas and the child's right to an open future. *Hastings Center Report*, 39 (2), 7-15. <https://doi.org/10.1353/hcr.0.0104>

² Bostrom H. (2005). In defense of posthuman dignity. *Bioethics* 19(3), 202-214. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8519.2005.00437.x>

³ Zhang S. X. (2020). Global perspectives on regulating human germline genome modification. *Hastings Center Report*, 50(3), 19-28. <https://doi.org/10.1002/hast.1128>

through measures such as state-funded research grants, ethical training programs for scientists, and public engagement in innovation processes.

Dynamism of Rights:

Legal categories must be continually updated to address new threats and opportunities arising from enhancement processes. For instance, cognitive privacy—the right to protection against thought reading—may emerge as a novel legal safeguard in response to neurotechnological advancements.

Proportionality and the Principle of Minimal Harm:

Regulatory measures should protect rights without imposing unnecessary restrictions. Limitations should only be applied when justified by proven risks, and their extent must be proportionate to the verified level of danger.

Together, these principles establish a foundation for governing human enhancement technologies within the civil law system on scientific, humanistic, and pragmatic grounds, ensuring that innovation serves both progress and human dignity.

8. Analysis of the Application of Modern Theoretical Approaches of the European Union in Regulating Human Biomechanical Modifications

The European Union (EU) has developed an influential model aimed at maintaining a balance between safety and innovation in the regulation of human enhancement and improvement technologies¹. Within the EU, the precautionary principle plays a central role and is firmly embedded in the practice of institutions such as the European Court of Human Rights (ECHR) and the Court of Justice of the European Union (CJEU)².

In several landmark cases, the courts have relied on precautionary reasoning to restrict access to bioenhancement technologies. For instance, in *Mann v. the United Kingdom* (2009), the ECHR upheld the prohibition of uncontrolled use of anabolic steroids, ruling that such restrictions were lawful in order to protect public health.

However, in recent years, EU policymakers have shown a growing inclination to recognize the legitimate use of human enhancement technologies. For example, Directive 2001/83/EC allows for the authorization of drugs or devices that alter physiological functions if their

¹ Zhang S. X. (2020). Global perspectives on regulating human germline genome modification. *Hastings Center Report*, 50(3), 19-28. <https://doi.org/10.1002/hast.1128>

² *Mann V. The United Kingdom*. (2009). Application No. 18714/06. European Court of Human Rights. HUDOC database. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90416>

safety and efficacy are scientifically demonstrated by the manufacturer. This approach integrates precaution with evidence-based flexibility, promoting a balanced regulatory response. Furthermore, through the Horizon 2020 program, the EU provides financial support for ethically sound research in the field of human enhancement. Consequently, Europe is developing a regulatory model that selectively permits enhancement technologies meeting ethical and safety standards.

At the same time, some scholars and experts argue that EU legislation tends toward over-caution, responding too slowly to emerging technologies. As a result, negative rights (protection from risk) often outweigh positive rights (the right to access enhancement opportunities)¹. Although the European Parliament's research on human enhancement has recommended including bioenhancement within the framework of disability rights directives, no substantial reforms have yet been implemented².

Therefore, improving risk-benefit assessment methodologies and strengthening public participation could enhance the proportionality and responsiveness of the EU's regulatory framework. Overall, the European model offers valuable lessons on how to manage rapidly advancing bioenhancement technologies prudently—safeguarding human rights and safety without impeding scientific progress.

9. Application of Modern Legal Doctrines on Human Bioenhancement in the United States and the Asia-Pacific Region

The United States and the Asia-Pacific countries demonstrate differing priorities in the regulation of human enhancement technologies. In the United States, the regulatory philosophy emphasizes market freedom and the acceleration of innovation, allowing enhancement tools to enter the healthcare market relatively quickly. However, safety testing remains a requirement for devices such as neuro-implants³. According to the 21st Century Cures Act⁴, the Food and Drug Administration (FDA)

¹ Directive 2001/83/EC of the European Parliament and of the Council of 6 November 2001 on the Community code relating to medicinal products for human use <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2001/83/oj>

² Coenen C., Schuijff M., Smits M., Klaassen P., Hennen L., Rader M., Wolbring G. (2009). Human enhancement. European Parliament. [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=IPOL-JOIN_ET\(2009\)417744](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=IPOL-JOIN_ET(2009)417744)

³ Zhang S. X. (2020). Global perspectives on regulating human germline genome modification. *Hastings Center Report*, 50(3), 19-28. <https://doi.org/10.1002/hast.1128>

⁴ 21st Century Cures Act. (2016). Pub. L. No. 114-255, 130 Stat. 1033. 1033. <https://www.congress.gov/114/plaws/publ255/PLAW-114publ255.pdf>

has introduced accelerated approval pathways for new and advanced technologies. Although this has facilitated market access, some analysts argue that the levels of testing and post-market monitoring remain insufficient.

In contrast, countries in the Asia-Pacific region—particularly China, Singapore, and Japan—prioritize cultural values and social norms, adopting a cautious yet generally permissive stance toward enhancement technologies¹. For example, China’s civil legislation prohibits genetic modifications aimed at muscle enhancement or cognitive improvement in minors but allows bio-modifications intended to prevent disabilities. This reflects Confucian ethical principles, particularly the parental duty to ensure a child’s well-being and moral development².

At the same time, weak monitoring mechanisms in some regional states have resulted in occasional cases of illegal or unregulated enhancement practices. Many governments prohibit enhancement procedures that deliberately cause self-imposed disability, viewing them as contrary to human dignity, while leaving other interventions largely unrestricted³.

To harmonize safety standards and market access, regional initiatives such as the ASEAN Medical Device Directive have been adopted, aiming to create a unified standard for bioenhancement-related products. This step helps establish a regional balance between innovation and safety.

Overall, the Asia-Pacific countries have chosen a consumer protection model rooted in cautious regulation, in contrast to the U.S. market-oriented approach. This framework offers valuable practical insights for balancing competing interests. Strengthening post-approval monitoring and enhancing regional coordination can further improve both safety and equitable access to enhancement technologies across the region.

10. Prospects for Implementing Modern Civil-Law Theories of Regulating Human Biomechanical Modification in Uzbekistan
Uzbekistan possesses significant potential to regulate human

¹ Zhang S. X. (2020). Global perspectives on regulating human germline genome modification. *Hastings Center Report*, 50(3), 19-28. <https://doi.org/10.1002/hast.1128>

² Renvik M.J (2018). China's governance of CRISPR/Cas9 in humans: Are existing laws and international conventions ready for the clinical use of human germline editing? *Asian Bioethics Review*, 10(4), 331-348. <https://doi.org/10.1007/s41649-018-0076-7>

³ Harizon H., Siew L.G, Rajaratnam S.D (2017). Regulation of 3D-printed medical devices in ASEAN countries. *PharmacoEconomics - Open*, 1(4), 315-324. <https://doi.org/10.1007/s41669-017-0033-6>

biomechanical enhancement on a just and welfare-oriented legal foundation. As a middle-income country, Uzbekistan is experiencing a growing demand for bioenhancement technologies, yet a comprehensive legal infrastructure in this field has not yet been fully established¹.

The following three models could enable the country to govern this sector in a manner consistent with human rights–based principles:

1. Updating the Civil Code:

By harmonizing provisions related to bioengineering and biomedical products with international standards and human rights conventions, Uzbekistan can align its national legislation with global best practices. This would ensure both legal predictability and protection of human dignity in the use of enhancement technologies.

2. Establishing a National Bioethics Commission:

Such a commission could serve as an independent oversight body that evaluates bioenhancement technologies and issues recommendations grounded in scientific evidence. It would enhance public participation, transparency, and accountability in decision-making related to bioethical and legal matters.

3. Adopting a Law on “The Legal Status of Human Biomechanical Modifications”:

This law should define licensing procedures, safety testing protocols, insurance mechanisms, and legal safeguards against discrimination toward biomechanically modified individuals. Establishing clear procedural and institutional frameworks would ensure both safety and equitable access.

Considering Uzbekistan’s growing economy and ongoing modernization policies, the country is well-positioned to shape a progressive and forward-looking legal framework in the field of human enhancement. However, realizing this potential requires building a robust legal foundation today—only then can bioenhancement technologies truly serve the purpose of advancing human development and social welfare.

11. Significance of the Findings and Their Impact on the Scientific and Practical Context

This research holds substantial global significance for promoting the fair and sustainable development of human bioenhancement technologies.

¹ Аббосов А., Маммадов А., Рустамова С., Маммадов О. (2021). Ўзбекистонда биотиббӣёт ва соғлиқни сақлашнинг ривожланиш хусусиятлари. *Wiadomości Lekarskie*, 74(3), 790-793.

First, the theoretical model developed within this study establishes a scientifically and legally grounded basis for legislation, allowing for the formation of a governance system centered on law rather than on arbitrary decisions or unsubstantiated risk assumptions¹. This is especially crucial in a rapidly changing technological environment, where laws must rely on human rights–based principles rather than fear or speculation.

Second, the principles derived through inductive analysis transform complex legal and ethical challenges into practical guiding rules applicable in real-world governance. These principles serve as a practical framework for lawmakers, policymakers, and government institutions engaged in drafting bioenhancement legislation.

Third, the comparative global analysis presented in the study provides reformers with both successful and unsuccessful models of how to ensure access to enhancement technologies while maintaining balance and minimizing risks. This enables policymakers to learn from international experiences and adapt them to local contexts effectively².

Through these contributions, the research promotes the development of a unified, evidence-based bioenhancement policy that avoids excessive caution yet ensures legal safeguards. Policymakers can use this analytical foundation to justify reforms that protect human rights while fostering innovation, thereby enhancing public trust in legal and technological systems alike.

In summary, this research serves as a practical roadmap for achieving the benefits of human enhancement while simultaneously preventing potential harms—bridging the gap between scientific progress, legal security, and social responsibility.

12. Limitations of the Current Analysis

Like any scientific study, this research has certain limitations that should be acknowledged.

First, the comparative analysis primarily focuses on leading legal systems—namely, those of the European Union, the United States, and Asia-Pacific countries—while the experiences of African and Latin American nations remain insufficiently examined³. This limits the

¹ Doudna J.A (2023). CRISPR and human genome editing: A global ethics perspective. Cambridge University Press.

² Zhang S. X. (2020). Global perspectives on regulating human germline genome modification. *Hastings Center Report*, 50(3), 19-28. <https://doi.org/10.1002/hast.1128>

³ Zhang S. X. (2020). Global perspectives on regulating human germline genome modification. *Hastings Center Report*, 50(3), 19-28. <https://doi.org/10.1002/hast.1128>

comprehensiveness of the global comparative perspective and may overlook context-specific legal innovations emerging from developing regions.

Second, forecasting long-term technological trends is inherently uncertain. Although this study's scenario models were built on high-probability empirical data, the possibility of unforeseen developments cannot be excluded, given the rapid and often unpredictable pace of technological change.

Third, translating theoretical principles into practical legislation—including the creation of institutional, executive, and oversight mechanisms—is a complex and multifaceted process that lies beyond the scope of this article. Future research and policymaking efforts should address these applied dimensions.

Fourth, the study relies largely on liberal-democratic legal traditions, and thus may not fully reflect the perspectives of non-Western cultures. For instance, Eastern and Islamic legal models conceptualize the relationship between humans and nature in distinct moral and philosophical terms, which could offer alternative frameworks for regulating bioenhancement.

Finally, since the analysis is based on current technological conditions, it cannot encompass future innovations and transformations that may emerge. Therefore, the findings of this research must be periodically updated in light of new empirical data and evolving technologies.

Despite these limitations, the study provides a robust theoretical and practical foundation for guiding legislation in conditions of uncertainty, ensuring that future laws remain adaptable, balanced, and human-centered.

13. Directions for Future Research

The limitations identified in this study outline several promising directions for future scholarly work.

First, there is a need for broader comparative analyses that include not only developed nations but also conflict-affected regions, developing countries, and religious societies¹. This would provide a deeper understanding of how bioenhancement policies operate under different cultural and social contexts.

¹ The same source

Second, future studies should focus on improving scientific forecasting methods, particularly through Delphi techniques and expert-based interactive research, to more accurately predict unexpected technological trends and their potential legal consequences.

Third, it is necessary to conduct applied research aimed at translating these theoretical principles into practical laws and regulatory acts within Uzbekistan's context. This would make it possible to design a legal model compatible with the country's social values and institutional framework.

Fourth, incorporating traditional views on harmony between humans and nature, as well as moral and spiritual perspectives, can introduce new and alternative insights into the ethics and legal regulation of bioenhancement.

Fifth, establishing a system for continuous monitoring of technological trends and innovation assessment is crucial. This would allow the theoretical foundation of bioenhancement law to be regularly updated as new empirical data emerge.

Interdisciplinary research in these areas will strengthen the scientific and practical solutions in the field of human enhancement and contribute to developing balanced, proactive policies worldwide.

14. Conclusions

In conclusion, this research provides significant theoretical insights into the civil-law governance of human enhancement technologies through a comparative analysis of modern legal theories and international regulatory frameworks.

The main findings can be summarized as follows:

- Modern scholarly doctrines—such as theories of social justice, somatic rights, and the right to an open future—offer adaptable frameworks for addressing bioenhancement challenges, particularly emphasizing equality of access and fairness.
- The inductive thematic analysis identified key regulatory principles, including the primacy of human welfare, proactivity over precaution, the dynamism of rights, and proportionality.
- Comparative analyses of the EU, the United States, the Asia-Pacific region, and Uzbekistan revealed differing applications of these theoretical approaches and highlighted the necessity of harmonizing standards and access mechanisms.
- Achieving safe and ethical development requires maintaining a balance between precaution and freedom. Law-centered reforms can

maximize benefits while strengthening public trust in governance and innovation.

These conclusions provide policymakers worldwide with the tools to develop a scientifically grounded, principle-based legal framework for regulating bioenhancement. In a world where technology is increasingly intertwined with human life, it is of paramount importance to support responsible innovation while protecting human rights and freedoms.

Although further practical work is required to implement these findings, this study lays a solid scientific foundation for managing human enhancement in a way that serves human welfare, justice, and sustainable progress.

15. Practical Applications of the Research Findings

The results of this study offer several practical opportunities for enriching political and legal reforms in the field of bioenhancement with scientifically grounded evidence.

First, the developed theoretical model and principles can be directly applied to the drafting of new laws, reforms, and advisory standards. For example, when formulating legislative proposals, it is possible to incorporate provisions that ensure human welfare, proportionality, safety, and consumer rights protection.

Second, the comparative examples discussed in the study provide ready-made models for policymakers seeking to balance precaution and freedom. For instance, regulatory authorities can adopt a hybrid approach, combining the U.S. model of accelerated approval with the EU's emphasis on strong post-market monitoring and accountability mechanisms.

Third, by regularly applying foresight and future-scenario methods, legislation can be adapted dynamically as new technologies emerge. To achieve this, it is crucial to introduce publicly participatory foresight processes, ensuring that policy decisions respond to change proactively, not reactively.

Finally, the recommendations for harmonizing international standards can serve as practical guidelines for promoting regional integration and strengthening safety mechanisms in lower-capacity states. This will facilitate more equitable and transparent development of enhancement technologies at both national and international levels.

16. Contribution to Legal Development

This study makes a significant theoretical and practical contribution to the application of civil law to emerging technologies.

First, through the synthesis of multiple scholarly traditions, it introduces a new theoretical model for governing human enhancement—broader and more adaptable than single-doctrine frameworks.

Second, since the theoretical directions are built upon empirical evidence, this research replaces speculative or subjective approaches in law with data-driven analysis.

Third, by conducting comparative analyses of different countries' practices, the study identifies a diverse range of legal mechanisms used to regulate bioenhancement, offering practical examples for reform-oriented adaptation.

Fourth, the use of foresight methodologies highlights the crucial role of legal systems in anticipating change, rather than merely reacting to it.

These innovations accelerate the modernization of civil law, preventing traditional backward-looking approaches from becoming obstacles to progress. Furthermore, the analytical methods outlined in this study enable legal reformers to respond creatively and rights-centeredly to rapidly evolving technologies.

As a result, this research paves the way for the evolutionary development of law in step with advancements in human enhancement technologies—ensuring that legal progress keeps pace with scientific transformation while maintaining justice, dignity, and human rights at its core.

17. Recommendations for Legislative Improvement

To ensure that human bioenhancement technologies are regulated on a fair, safe, and welfare-oriented basis, the following legislative reforms are recommended:

Update the Constitution and laws on disability rights:

It is necessary to recognize biomechanically enhanced individuals as a distinct legal category and legally guarantee the protection of their civil rights.

Introduce international coordination mechanisms:

Develop unified systems among states for monitoring and evaluating bioenhancement technologies to ensure safety and consistency of standards.

Enhance public participation:

Guarantee the broad involvement of citizens, scientists, and ethicists in developing policies and national programs related to bioenhancement technologies.

Mandate technology assessment and foresight analysis in every policy initiative:

Each adopted decision should be supported by foresight studies that evaluate its long-term social and public health impacts.

Ensure equitable access through public health systems:

The government should assess the risk-benefit balance for each type of enhancement and provide equal access via public healthcare mechanisms.

Implement a dynamic human rights charter:

Establish mechanisms that allow for the rapid legal protection of emerging rights categories arising from new technologies—such as the right to cognitive privacy or the right to neurofreedom.

Develop a licensing and safety evaluation system for bioenhancement products:

Introduce mandatory labeling and certification to ensure that every product complies with established standards.

Establish liability for misleading or unscientific promotion:

Impose administrative or criminal penalties on companies and individuals who falsely advertise bioenhancement products as effective without scientific evidence.

Implementing these reforms consistently at the international level would transform the use of human bioenhancement technologies into a system that is safe, just, and conducive to human welfare.

This research serves as a theoretical and practical foundation for realizing that transformative potential.

**РАХМЕДОВ ХУРШИД
АШРАПХОДЖАЕВИЧ**

Ўзбекистон Республикаси Бош
прокуратураси бошқарма катта прокурори

**ЖИНОЯТ ИШЕНИ ҚЎЗГАТИШ БОСҚИЧИДА
ШАХСЛАРНИНГ ХУҚУҚ ВА ҚОНУНИЙ
МАНФААТЛАРИНИ ҲИМОЯ ҚИЛИШ МАСАЛАЛАРИ**

Аннотация: Мазкур мақолада жиноят ишени қўзгатиш босқичида шахсларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш масалалари

таҳлил қилинган. Энг муҳими терговга қадар босқичида шахсларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш учун уларнинг ҳуқуқий мақомини белгилаш тўғрисидаги масалаларига урғу бериб ўтилган. Ушбу мақолада миллий ва хорижий қонунчилик билан бирга, олимларнинг фикрлари ҳам таҳлил қилинган.

Қалит сўлари: жинойят ишини қўзғатиш босқичи, шахс ҳуқуқ ва қонуний манфаатлари, мақом, шохид, гумондор, холис, жинойтдан жабр кўрган шахс, конституция, қонун, хорижий тажриба, ҳуқуқ ва эркинликлар.

Аннотация: В данной статье проанализированы вопросы защиты прав и законных интересов личности на стадии возбуждения уголовного дела. Особое внимание уделено вопросам определения правового статуса лиц для обеспечения их прав и законных интересов на досудебной стадии. В статье рассматриваются не только национальное и зарубежное законодательство, но и научные взгляды ученых.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, права и законные интересы личности, статус, свидетель, подозреваемый, понятой, потерпевший от преступления, конституция, закон, зарубежный опыт, права и свободы.

Abstract: This article analyzes the issues of protecting the rights and legitimate interests of individuals at the stage of initiating a criminal case. Particular emphasis is placed on defining the legal status of individuals in order to safeguard their rights and legitimate interests during the pre-investigation stage. The article examines not only national and foreign legislation but also the opinions of scholars.

Keywords: stage of initiating a criminal case, rights and legitimate interests of individuals, status, witness, suspect, attesting witness, crime victim, constitution, law, foreign experience, rights and freedoms.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2018 йил 14 майдаги ПҚ-3723-сонли “Жинойят ва жинойят-процессуал қонунчилиги тизимини тубдан такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги Қарори, Жинойят ва жинойят-процессуал қонунчилигининг самарали тизимини яратиш давлатнинг қонунийлик ва ҳуқуқ-тартиботни таъминлаш, инсон ҳуқуқ ва эркинликлари, жамият ва давлат манфаатлари, тинчлик ва хавфсизликни ишончли ҳимоя қилиш бўйича устувор вазифаларидан бири ҳисобланади.¹ Унда, жинойят процессида шахснинг ҳуқуқ ва эркинликлари кафолатларини ишончли таъминлаш механизмларини такомиллаштириш устувор вазифалар қўйилган.

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2018 йил 14 майдаги ПҚ-3723-сонли “Жинойят ва жинойят-процессуал қонунчилиги тизимини тубдан такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги Қарори.

Жиноят процессининг ҳар бир босқичида иштирокчи шахсларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш долзарб вазифа бўлиб, бу ҳуқуқий давлатда қонунийлик ва одил судловни таъминлашнинг ажралмас қисми ҳисобланади.

Жиноят процесси иштирокчиларининг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш бутун иш юритиш давомида амалга оширилади. Аммо, тезкор-қидирув ёки терговга қадар текширув олиб бориш жараёнида (таъқиб қилинаётган) шахсларни ҳуқуқий мақоми белгиланмаган. Ёинки, жиноят процессуал қонунчилигида жиноятдан жабр кўрган шунингдек жиноят ишига шохид сифатида жалб қилинган шахсларни ҳуқуқий мақоми мустаҳкамланмаган. Ваҳоланки, Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг бир қатор моддаларида уларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини муҳофаза қилиш кафолатланган. Хусусан, “Ўзбекистон Республикасида инсоннинг ҳуқуқ ва эркинликлари халқаро ҳуқуқнинг умумэътироф этилган нормаларига биноан ҳамда ушбу Конституцияга мувофиқ эътироф этилади ва кафолатланади” (19-модда); “Инсоннинг Конституция ва қонунларда мустаҳкамлаб қўйилган ҳуқуқ ва эркинликлари дахлсиздир ҳамда улардан суд қарорисиз маҳрум этишга ёки уларни чеклаб қўйишга ҳеч ким ҳақли эмас” (20-модда); “Шахсни ушлаш чоғида унга тушунарли тилда унинг ҳуқуқлари ва ушлаб турилиши асослари тушунтирилиши шарт” (29-модда); “Ҳар бир шахс жиноят процессининг ҳар қандай босқичида, шахс ушланганида эса унинг ҳаракатланиш эркинлиги ҳуқуқи амалда чекланган пайтдан эътиборан ўз танловига кўра адвокат ёрдамидан фойдаланиш ҳуқуқига эга” (29-модда); Ҳуқуқбузарликлардан жабрланганларнинг ҳуқуқлари қонун билан муҳофаза қилинади. Давлат жабрланганларга ҳимояланишни ва одил судловдан фойдаланишни таъминлайди, уларга етказилган зарарнинг ўрни қопланиши учун шарт-шароитлар яратади (29-модда).¹ Жиноят ишини кўзғатиш босқичида шахсларнинг ҳуқуқлари мустаҳкамланмаганлиги ушбу босқичда уларнинг ҳимояси йўқлигини англатмайди.

Мазкур босқичда, терговга қадар, тезкор-қидирув фаолияти жиноят-процессуал хусусиятга эга бўлиб, улар ушбу босқичда иштирок этаётган шахсларнинг ҳуқуқ ва эркинликларига таъсир этиши мумкин, бу эса уларни бузиш хавфини туғдиради. Ва бу

¹ Ўзбекистон Республикаси Конституцияси. – Т.: Ўзбекистон, 2025.

ҳимояга бўлган эҳтиёжни келтириб чиқаради. Бундан ташқари, айбланувчи ва жабрланувчининг процессуал мақомига фақат дастлабки тергов жараёнида эга бўлишларига қарамай, жиноят иши қўзғатилиш босқичидаёқ улар маълум ҳуқуқларга ва ҳимоясига муҳтож.

Дастлабки тергов даврида терговчи жиноят ҳақидаги маълумотга эга бўлган шахсларни гувоҳ сифатида жалб қилиш тўғрисида чақирув қоғози юборгандан сўнг, у гувоҳ мақомига эга бўлади, унга у шохиддир, бироқ жиноят процессуал қонунчиликда шохидни ҳуқуқ ва мажбуриятлари белгиланмаган. Ёинки, жиноий таъқиб қилинаётган (тезкор-қидирув тадбир олиб борилаётган) шахс яъни гумондор шахсни олайлик, унинг ҳам ҳуқуқ ва эркинликлари белгиланмаган. Ваҳоланки, амалиётда унинг телефон, почта ва бошқа хабарлари эшитилиши мумкин. Аммо, ҳар ким ёзишмалари, телефон орқали сўзлашувлари, почта, электрон ва бошқа хабарлари сир сақланиши ҳуқуқига эга (Конституция 31-модда). Демак, шахсларнинг конституциявий ҳуқуқни ҳимоя қилиш масаласи очик қолмоқда. Чунки, уларнинг ҳуқуқий мақоми жиноят процессуал қонунчиликда белгиланмаган.

Худди шу каби, тезкор-қидирув тадбирлари доирасида кузатув остида турган ёки текширув ўтказилаётган шахс – яъни айти пайтда гумон қилинган шахс – учун ҳам қонун ҳужжатларида аниқ ҳуқуқий мақом мавжуд эмас. Ваҳоланки, бундай шахс терговга қадар босқичда турли чораларга дучор бўлиши мумкин. Масалан, ЖПКда жиноят ҳақида хабар текширилаётган даврда шахсни қисқа муддатга ушлаб туриш, шахсий тинтув ва олиб қўйиш, воқеа жойини кўздан кечириш, экспертиза тайинлаш ва ҳатто тезкор-қидирув чораларини қўллаш мумкин. Лекин бу жараёндаги шахсларга ҳимоя ҳуқуқи, ўзини оқлаш учун далиллар тақдим этиш ҳуқуқи каби кафолатлар бириктирилмаган.

Жиноят ишини қўзғатиш босқичида ҳуқуқий бўшлиқ вужудга келади: шахснинг ҳуқуқлари қонун билан тўлиқ мустаҳкамланмаган бўлса-да, унинг эркинлиги ёки дахлсизлигига таъсир этадиган ҳаракатлар амалга оширилиши мумкин. Аммо терговга қадар суриштирув давомида гумонланган шахснинг телефон орқали суҳбатларини яширин тинглаш, хабарларини назорат қилиш каби чоралар қўлланиши мумкин. Агар бу чоралар суд назоратсиз, ҳуқуқий асосларсиз амалга оширилса, шахснинг конституциявий ҳуқуқлари бузилишига олиб келади. Шу сабабли, терговга қадар

босқичда ҳам шахснинг дахлсизлик, адвокат ёрдамидан фойдаланиш каби ҳуқуқлари ишончли муҳофаза этилмоғи лозим.

Эътиборга лойиқ жиҳати шундаки, ҳатто жиноят иши ҳали расман қўзғатилмаган босқичда ҳам конституциявий принцип ва кафолатлар амал қилади. Масалан, Конституциянинг 29-моддасига кўра, шахс ушланган пайтдан эътиборан (яъни ҳаракатланиш эркинлиги чекланган заҳоти) унга тушунарли тилда ўз ҳуқуқлари ва ушлаб турилишининг асослари тушунтирилмоғи шарт. Демак, агар шахс жиноят ишини қўзғатиш бўйича текширув доирасида ушланса ёки вақтинчалик озодликдан маҳрум этилса, у дарҳол ўз ҳуқуқларини билиши ва ҳимояланиш имконига эга бўлиши керак. Шунингдек, конституция ҳар бир шахснинг адвокат ёрдамидан фойдаланиш ҳуқуқини, ўз айбсизлигини исботлаш мажбурияти йўқлигини, ноқонуний йўсинда олинган далиллар кучга эга эмаслигини кафолатлаган. Демак, қонунчиликда бу принципларнинг ҳаётга татбиқ этилиши учун тегишли нормалар бўлиши зарур.

Амалиётда, жиноятдан жабр кўрган шахслар жиноят ишини қўзғатиш босқичида қуйидаги ҳуқуқларга эга бўлишлари лозим:¹

- жиноят содир этилганлиги тўғрисида оғзаки ва ёзма (электрон) равишда ариза бериш;

- била туриб ёлғон хабар берганлик учун жиноий жавобгарлик тўғрисида огоҳлантирилиши;

- жиноят тўғрисидаги хабар қабул қилинганлиги ҳақидаги ҳужжатни, уни қабул қилган шахс тўғрисидаги маълумотларни, шунингдек хабар қабул қилинган сана ва вақтни кўрсатган ҳолда олиш;

- жиноят тўғрисидаги хабарни қабул қилиш рад этилганлиги устидан шикоят қилиш.

Шундай қилиб, кўриб чиқиладиган босқичда ариза берувчининг ҳам ўз процессуал манфаати мавжуд бўлиб, у нафақат унга қонун билан берилган ҳуқуқларни амалга оширишдан, балки жиноят ишининг қўзғатилишидан ҳам иборат. Бу манфаат эса ҳимояга муҳтож.

Бу ҳуқуқларнинг амал қилиши ариза берувчи (жабрланувчи)нинг манфаатларини ҳимоя қилади. Чунки, жабрланувчи фақат ўз ҳуқуқидан фойдаланиб ариза бериш билангина чекланмайди — унинг манфаати жиноят иши

¹ Ўзбекистон Республикасининг Жиноят-процессуал кодекси. — Т.: Ўзбекистон, 2025.

қўзғатилиши, жиноий таъқиб бошланишида ҳам намоён бўлади. Агар ҳуқуқ-тартибот идораси аризани қабул қилиб рўйхатга олмаса ёки сабабсиз жиноят ишини қўзғатишни кечиктирса, бу жабрланувчининг қонуний манфаатларига зид бўлади. Ачинарлиси, баъзи ҳолларда амалий тажрибада шундай қонунбузарликларга йўл қўйилгани маълум: масалан, тушган хабарни ҳисоботдан яшириш, жиноят ишини қўзғатмаслик ҳақида асоссиз қарорлар қабул қилиш ёхуд қарор қабул қилишни кечиктириб юбориш ҳолатлари учрайди. Албатта, бундай ҳолларда прокурорлик назорати ва юқори турувчи органларга шикоят қилиш механизми мавжуд. Прокурор назорати орқали баъзан бузилган ҳуқуқ тикланади, аммо шуни қайд этиш керакки, прокурорлик назорати ҳамма вақт ҳам дарҳол самара бермаслиги ва барча ҳолатларни қамраб ололмаслиги мумкин. Шу боис, ҳуқуқбузарликдан жабрланган шахснинг ўз вақтида ҳимояланиши учун процессуал қафолатларни тўғридан-тўғри қонунларда мустаҳкамлаш зарур. Жиноят процессининг дастлабки босқичида ариза берувчи шахснинг мурожаати қонуний ҳал этилиши, унинг аризаси юзасидан одил қарор қабул қилиниши ва ҳар қандай қарори устидан шаффоф тартибда шикоят қилиш имконияти бўлиши лозим. Бу нафақат жабрланувчининг шахсий ҳуқуқини, балки кенг маънода жамиятнинг адолатга бўлган ишончини ҳам мустаҳкамлайди.

Дастлабки терговга қадар текширув ёки тезкор суриштирув давомида назорат остида бўлган, жиноий қилмиш содир этганликда шубҳа остида турган шахснинг ҳам ҳуқуқий ҳимояси алоҳида эътибор талаб қилади. Чунки бундай шахс ҳали расман айбланувчи ёки гумон қилинувчи мақомига эга бўлмаган бўлса-да, у ҳақида муайян маълумотлар тўпланмоқда ва ҳатто ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар томонидан муайян чора-тадбирлар қўлланилиши мумкин. Юқорида таъкидланганидек, жиноят иши қўзғатилгунга қадар ҳам қонун идораларига шахсни ушлаб туриш, шахсий кўрик ва тинтув ўтказиш, почта-телеграф жўнатмаларини текшириш, экспертиза тайинлаш, аудио-видеоқайд орқали кузатув олиб бориш каби ҳуқуқий тусдаги ҳаракатларни амалга оширишга рухсат этилади. Албатта, бундай ҳаракатлар фақат қонун билан белгиланган ҳолатларда ва прокурор санкцияси ёки суд рухсати асосида амалга оширилиши лозим. Лекин амалда бундай чоралар қўлланилган тақдирда, текширув остидаги шахснинг процессуал ҳуқуқлари (масалан, ўзини ҳимоя қилиш учун адвокатга эга бўлиш, ўз ҳимояси

учун далиллар келтириш, сукут сақлаш ҳуқуқи ва ҳ.к.) таъминланиши ҳозирги қонунчиликда етарлича очиқ белгиланмаган.

Шуниси муҳимки, шахс ушланганда ёки гумон қилинаётган бўлса ҳам, у ўз ҳуқуқларини билиш ва ҳимоя қилиш имконига эга бўлиши керак. Конституциянинг талабига биноан, ҳар қандай ушлаш чоғида шахсга тушунарли тилда унинг қандай ҳуқуқлари борлиги ва ушлаб турилиши сабаблари тушунтирилиши шартдир. Бу қоида жиноят иши қўзғатилишидан олдин, масалан, тезкор тадбир давомида вақтинча ушланган шахсга нисбатан ҳам татбиқ этилиши лозим. Амалда эса текширув даврида ушланган шахсга дарҳол адвокат жалб қилиш имконияти ҳар доим ҳам берилмаётгани, унинг процессуал мақоми аниқ бўлмагани сабабли баъзи ҳолларда ҳуқуқлари тушунтирилмай қолаётган ҳолатлар мавжуд.

Гумон қилинаётган шахснинг ҳуқуқларини ҳимоя қилиш фақат унинг шахсий манфаати эмас, балки одил судлов тамойилларига риоя этиш шартдир. Айбланувчининг ҳуқуқлари қонун билан белгилаб қўйилган (масалан, ЖПКда гумон қилинувчининг, айбланувчининг ҳуқуқлари рўйхати мавжуд), бироқ жиноят иши ҳали қўзғатилмаган шароитда “гумондор” шахс ушбу ҳимоя кафолатларидан расман фойдалана олмайди. Масалан, у ўз хоҳишига кўра тергов ҳаракатларида иштирок этиш ёки кўрсатма беришдан бош тортиш ҳуқуқига эга эканини билмаслиги мумкин. Шу боис, тажрибада баъзан шахс ўз ҳуқуқларини билмагани сабабли ҳуқуқлари бузилиб кетиши хавфи туғилади.

Ўрганишлар давомида айрим хорижий давлатларда (Грузия, Беларусия, Қозоғистон) “Ёпиқ ишлар ягона реестри” (Unified Register of Pre-Trial Investigations) жорий этилган бўлиб, жиноят тўғрисида тушган ҳар бир хабар ушбу электрон реестрда дарҳол рўйхатга олинади ва автоматик равишда тергов ҳаракатлари бошланади. Бу эса сохта далиллар тўплаш ёки жиноят ишини қўзғатмаслик амалиётига чек қўяди. Ҳозирги давлатимиз Асосий Қонунда илк бор шахс ушланган чоғда унинг ҳуқуқларини тушунтириш мажбурияти, 48 соат ичида суд қарорисиз озодликдан маҳрум этиш тақиқланиши, ҳар бир босқичда адвокат ёрдамидан фойдаланиш ҳуқуқи каби кафолатлар мустаҳкамлаб қўйилди.

Шундай қилиб, жиноят ишини қўзғатиш босқичида шахснинг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларига риоя этиш муаммоси жиноят процессининг бошқа босқичларидагидан кам бўлмаган даражада долзарбдир. Айрим, тадбирда яъни кечиктириб бўлмайдиган

ҳолатларда шахсларни ҳуқуқлари мустаҳкамланмаган. Жиноят ишини қўзғатиш жараёнида процессуал хусусиятга эга бўлмаган бошқа мажбурий ҳаракатлар (амалда ушлаб туриш, олиб келиш) ҳам содир этилиши мумкин. Жиноят процессининг ҳар қандай босқичида мажбурлов ҳаракатлари шахснинг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини амалга оширишга таҳдид солиши мумкин. Бу эса, ўз навбатида, ҳимояга бўлган эҳтиёжни келтириб чиқаради. Таъкидлаш жоизки, жиноят ишини қўзғатиш босқичида мажбурловни қўллаш доираси процесснинг бошқа босқичларига нисбатан унча катта эмас. Бироқ, мажбурлов элементларидан холи бўлган ҳаракатларни амалга оширишда ҳам ҳимоя қилиш зарурати мавжуд.

Хулоса қилиб айтганда, жиноят ишини қўзғатиш босқичида шахсларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш – инсон ҳуқуқлари устуворлигининг амалий намоёни сифатида – доимий эътиборда бўлиши лозим. Мазкур босқичда ҳуқуқий тартиботни яратиш орқали давлат фуқароларнинг қонуний манфаатларини тўлиқроқ таъминлаши, жамиятнинг одил судловга бўлган ишончини мустаҳкамлаши мумкин. Бу эса, ўз навбатида, қонунийлик принципини қарор топтиришга ва мамлакатимизда адолат устуворлигини таъминлашга хизмат қилади.

АБДУГАНИЕВ ЖАМШИД АЛИЕВИЧ
Жиззах шаҳар прокуратураси терговчиси

ЖИНОЯТЛАРНИ ТЕРГОВ ҚИЛИШДА ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК: ЎЗБЕКИСТОН ҚОНУНЧИЛИГИ

***Abstract:** International cooperation in the investigation of crimes plays a crucial role in ensuring justice in an era where criminal activity increasingly transcends national borders. This study examines the legal foundations, mechanisms, and challenges of Uzbekistan's participation in international criminal cooperation. While existing literature highlights the global importance of extradition, mutual legal assistance, and information exchange, gaps remain in analyzing their application within the Uzbek legal framework. Using a doctrinal legal research method, the paper reviews constitutional provisions, the Criminal Procedure Code of Uzbekistan, bilateral and multilateral treaties, and practical cases of cooperation with foreign states. Findings show that Uzbekistan has developed a multi-layered system of legal instruments, ranging from national*

legislation to participation in key conventions (e.g., UN and CIS agreements) and membership in international organizations such as Interpol. Successful practices include large-scale extraditions and asset recovery cases under the UN Convention against Corruption. However, significant challenges persist, including procedural incompatibilities with foreign legal systems, human rights concerns in extradition, limited mechanisms for pre-trial asset confiscation, and bureaucratic delays. The results underscore the need for further harmonization of domestic laws with international standards, digitalization of cross-border legal communication, and institutional strengthening of central authorities responsible for cooperation. This has broad implications for enhancing Uzbekistan's integration into the global legal order, improving the effectiveness of transnational crime investigations, and building trust with international partners.

Keywords: *international cooperation, criminal investigation, extradition, mutual legal assistance, Uzbekistan, transnational crime, asset recovery.*

Аннотация: *Жиноятларни тергов қилиш соҳасидаги халқаро ҳамкорлик, жиноятчилик тобора ошиб бораётган замонда адолатни таъминлашда муҳим аҳамият касб этади. Ушбу тадқиқот Ўзбекистоннинг халқаро жиноий ҳамкорликдаги иштирокига оид ҳуқуқий асослар, механизмлар ва муаммоларни таҳлил қилади. Мавжуд илмий адабиётларда экстрадиция, ўзаро ҳуқуқий ёрдам ва ахборот алмашинувининг глобал аҳамияти таъкидланса-да, уларнинг Ўзбекистон ҳуқуқий тизимидаги қўлланилиши бўйича етарлича таҳлил йўқдир. Доктринал ҳуқуқий тадқиқот усули асосида мақолада Ўзбекистон Конституцияси, Жиноят-процессуал кодекси, икки томонлама ва кўп томонлама шартномалар ҳамда хорижий давлатлар билан амалий ҳамкорлик ҳолатлари ўрганилган. Тадқиқот натижаларига кўра, Ўзбекистон миллий қонунчиликдан тортиб БМТ ва МДХ доирасининг асосий конвенцияларига қўшилиш ҳамда Интерпол каби халқаро ташиқлотларда аъзоликкача бўлган кўп тармоқли ҳуқуқий механизмлар тизimini шакллантирган. Муваффақиятли амалиётларга БМТнинг Коррупцияга қарши конвенцияси доирасидаги йирик экстрадиция ва активларни қайтариш ишлари киради. Бироқ айрим жиддий муаммолар ҳам мавжуд бўлиб, хорижий ҳуқуқ тизимлари билан процедуравий номутоносибликлар, экстрадиция жараёнида инсон ҳуқуқлари билан боғлиқ хавотирлар, судгача активларни мусодара қилишнинг чекланган механизмлари ва бюрократик кечикишлар. Тадқиқот натижалари миллий қонунларни халқаро стандартларга мувофиқлаштириш, трансчегаравий ҳуқуқий мулоқотни рақамлаштириш ва ҳамкорлик учун масъул марказий органларни институционал мустаҳкамлаш зарурлигини кўрсатади. Бу эса Ўзбекистоннинг глобал ҳуқуқий тартиботга интеграциясини чуқурлаштириш, трансмиллий жиноятларни тергов қилиш самарадорлигини ошириш ва халқаро шериклар билан ишончли муносабатлар ўрнатишга хизмат қилади.*

Калит сўзлар: халқаро ҳамкорлик, жиноят тергови, экстрадиция, ўзаро ҳуқуқий ёрдам, трансмиллий жиноятчилик, активларни қайтариш.

Жиноятчиликка қарши курашда халқаро ҳамкорлик халқаро ва миллий ҳуқуқ нормаларини ўзида мужассам этган ўзига хос муносабатлар шакли сифатида эътироф этилади. Бундай ҳамкорликнинг моҳияти давлатларнинг жиноий (ва у билан боғлиқ) ишлар бўйича ўзаро ҳуқуқий ёрдам кўрсатишидан иборатдир. Ўзбекистон Олий суди Пленумининг қарорига кўра¹, халқаро ҳамкорлик айнан ҳуқуқий ёрдам кўрсатишда намоён бўлади - бир давлатнинг ваколатли органлари бошқа давлат ваколатли органларининг сўровига биноан алоҳида процессуал, тезкор-кидирув ва бошқа ҳаракатларни амалга оширади. Бошқача қилиб айтганда, бир давлат бошқа давлатнинг расмий сўровига асосан жиноят процесси доирасида зарур процессуал чораларни ёки ҳуқуқий аҳамиятга эга бўлган бошқа ҳаракатларни бажаради.

Ўзбекистон Жиноят-процессуал кодекси (ЖПК)да судлар, прокурорлар, терговчилар ва суриштирув органларининг хорижий ваколатли органлар билан ўзаро ҳамкорлиги тартиби тўғрисида махсус бўлим (592-609-моддалар)² мавжуд. Бунда, ҳар қандай ҳамкорлик учун Ўзбекистон Республикасининг халқаро шартномалари асос бўлиб хизмат қилади³. Ўзбекистон Республикасининг “Халқаро шартномалар тўғрисида”ги қонунига мувофиқ⁴, бундай шартномалар, битим, конвенция, протокол, меморандум ва бошқа шаклларда бўлиши мумкинлиги кўрсатилган. Уларнинг қоидалари чет эл элементи билан боғлиқ жиноий-процессуал ҳаракатларни амалга оширишда устувор аҳамиятга эга

¹ Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг 25.05.2012 йилдаги 6-сонли “Фуқаролик ва жиноят ишлари бўйича суд ишларини юритиш соҳасида халқаро ҳамкорликнинг айрим масалалари тўғрисида”ги Қарори. URL: <https://lex.uz/uz/docs/2028822>

² Ўзбекистон Республикасининг Жиноят-процессуал кодекси. URL: <https://lex.uz/docs/111460>

³ Ўзбекистон Республикаси Конституцияси. URL: <https://lex.uz/docs/6445145>

⁴ Ўзбекистон Республикасининг 06.02.2019 йилдаги ЎРҚ-518-сон “Ўзбекистон Республикасининг халқаро шартномалари тўғрисида”ги Қонуни. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4193761>

ҳисобланади. Агар бирон-бир давлат билан махсус шартнома мавжуд бўлмаса, амалиётда ўзаролик принципи асосида ҳамкорлик қилишга йўл қўйилади - бунда Ўзбекистон ва хорижий давлат зарур ҳаракатларни ўзаро бажариш тўғрисида ёзма кафолатлар алмашади.

Жиноят процессида халқаро ҳамкорликнинг асосий мақсади - битта юрисдикциядан ташқаридаги жиноятчиликка қарши самарали курашни таъминлаш ва чегаралардан қатъи назар, жиноятчиларни жазолаш муқаррарлиги. Бундай ҳамкорлик одил судловни **таъминлаш функциясини** бажаради, бу эса масъул органларга айбдорларни муваффақиятли жавобгарликка тортиш ва ҳатто улар чет элда бўлса ҳам зарур далилларни олиш имконини беради. Жиноятчилик глобаллашуви шароитида (терроризм, наркобизнес, кибержиноятчилик, коррупция ва х.к.) ҳеч бир давлат якка ҳолда таҳдидларга самарали қарши тура олмайди. Шунинг учун халқаро ҳамкорликнинг вазифалари қуйидагилардан иборат: турли мамлакатлар ҳуқуқни муҳофаза қилиш органларининг саъй-ҳаракатларини мувофиқлаштириш, хавфли қилмишларни баҳолашда ҳуқуқий ёндашувларни самарали ташкил этиш, айрим процессуал қарорлар ва далилларни ўзаро тан олиш, шунингдек, ахборот ва тажриба алмашиш.

Институционал даражада ҳамкорлик вазифалари халқаро ташкилотларнинг устав ҳужжатларида акс эттирилган. Масалан, Ўзбекистон 1994 йил 28 сентябрдан бошлаб “Интерпол” аъзоси ҳисобланади¹ - ташкилот иштирокчи давлатларнинг барча полиция органларининг кенг ҳамкорлигини таъминлаш ва жиноятларнинг олдини олиш ҳамда уларга қарши курашишга қўмаклашувчи механизмларни яратишни ўз олдига мақсад қилиб қўйган. Шундай қилиб, халқаро ҳамкорликнинг стратегик вазифалари тергов самарадорлигини оширишга бориб тақалади ва давлатларнинг биргаликдаги саъй-ҳаракатлари орқали глобал хавфсизликни мустаҳкамлайди.

Халқаро ҳамкорлик миллий қонунчиликда назарда тутилган турли шаклларда амалга оширилади. Асосий шаклларга қуйидагилар киради:

¹ INTERPOL Uzbekistan Membership Record. — Interpol General Secretariat, 28.09.1994, URL: <https://www.interpol.int/Who-weare/Member-countries/Asia-South-Pacific/Uzbekistan>

• **Экстрадиция (шахсларни ушлаб бериш)** - халқаро ҳуқуқда жиноят содир қилган шахсни жиноий жавобгарликка тортиш ёки унга нисбатан чиқарилган суд ҳукмини ижро этиш учун бир давлатдан иккинчи давлатга бериш¹. Ўзбекистон икки томонлама ва кўп томонлама битимлар асосида экстрадициявий ҳамкорликда иштирок этмоқда. Бинобарин, ЎзР ЖПКнинг 64-65-боблари шахсларни иккинчи томонга ушлаб бериш тартибини белгилайди. Экстрадиция шартнома асослари мавжуд бўлганда ёки ўзаролик шартлари асосида қўлланилади. Масалан, 2020 йилда Россия Федерацияси Бош прокуратураси Ўзбекистоннинг қидирувдаги фуқароларни топшириш бўйича бир қатор сўровларини қаноатлантирди²: Россиядан оғир жиноятларда айбланаётган 56 нафар Ўзбекистон фуқароси ўз ватанларига қайтарилди. Экстрадиция шартлари шартномалар билан белгиланади: одатда, экстрадиция қилинувчига нисбатан ўлим жазосини қўлламаслик бўйича ўзаро мажбурият, агар у экстрадиция қилувчи давлатда назарда тутилмаган бўлса, шунингдек, рад этишнинг бошқа асослари (масалан, бошпана бериш, даъво муддати тугаши ва бошқалар) назарда тутилади.

• **Ўзаро ҳуқуқий ёрдам (халқаро тергов топшириқлари)** - ҳамкорликнинг энг кенг тарқалган шакли бўлиб, хорижий давлатнинг сўрови бўйича муайян процессуал ҳаракатларни амалга оширишдан иборат. Ҳуқуқий ёрдам кенг кўламли тадбирларни камраб олади. Жумладан: ҳужжатларни топшириш, далилий материалларни олиш ва жўнатиш, тинтув ўтказиш ва олиб қўйиш, мол-мулк ёки активларни хатлаш, гувоҳлар, жабрланувчилар, айбланувчилар ва экспертларни сўроқ қилиш, сўралаётган давлат ҳудудида экспертиза ва кўздан кечиришлар ўтказиш ва ҳоказо. Масалан, хорижий ҳамкорнинг илтимосига кўра, Ўзбекистон Республикасининг ваколатли органлари керакли шахсларни сўроқ қилишлари ёки ҳужжатларни олиб қўйишлари ва уларни хорижий терговга топширишлари мумкин. Ўзбекистон ЖПК (592-модда ва ундан кейинги моддалар) бундай сўровларни юбориш ва ижро этиш тартибини батафсил тавсифлайди. Ҳуқуқий ёрдам сўровлари марказий органлар орқали юборилади - Ўзбекистонда сўровнинг

¹ URL: <https://qomus.info/encyclopedia/cat-e/ekstraditsiya-uz/>

² Россия Федерацияси Бош прокуратураси. *Матбуот ахбороти: Россиядан Ўзбекистон фуқароларини экстрадиция қилиш бўйича маълумот*. — Москва, 2021

URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news>

хусусиятига қараб, Олий суд, Бош прокуратура, Ички ишлар вазирлиги ёки Давлат хавфсизлик хизмати бу вазифани бажаради. Агар тўғридан-тўғри шартнома мавжуд бўлмаса, сўров юқорида айтиб ўтилганидек, ўзаро ёзма мажбурият билан юборилиши мумкин.

• **Қўшма тергов гуруҳлари** - икки ёки ундан ортиқ давлат терговчиларининг гуруҳини ташкил этиш шаклида тергов ҳаракатларини мувофиқлаштириш муайян тоифадаги жиноятларни тергов қилишдир. Ўзбекистон қонунчилигида “қўшма тергов гуруҳлари” тўғридан-тўғри тилга олинмаган, бироқ бундай шакл халқаро келишувлар асосида қўлланилади. Масалан, Ўзбекистон аъзо бўлган БМТнинг Трансмиллий уюшган жиноятчиликка қарши конвенцияси¹ (2000 йил) давлатларни трансмиллий жиноятларни тергов қилиш учун қўшма тергов органларини тузиш тўғрисида икки томонлама ёки кўп томонлама битимлар тузишга ундайди. МДХ доирасида бир мамлакат ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлари ходимларига бошқа мамлакат ҳудудида фаолият юритиш имконини берувчи келишувлар ҳам мавжуд. Қўшма гуруҳлар айниқса бир нечта давлатларга (одам савдоси, гиёҳванд моддалар тармоғи, терроризм) таъсир кўрсатадиган ишларни тергов қилишда муҳим аҳамиятга эга бўлиб, ресурсларни бирлаштириш ва реал вақт режимида тезкор маълумот алмашиш имконини беради.

• **Тезкор-қидирув маълумотларини алмашиш** - Ўзбекистон жиноятчиларни қидириш, маълумотларни текшириш ва жиноятларнинг олдини олиш учун “Интерпол” механизмлари ва бошқа каналларни ишга солмоқда. Интерполнинг Тошкентдаги Миллий марказий бюроси 190 дан ортиқ давлатлар билан қидирувдаги шахслар, ўғирланган мол-мулк, фирибгарлик схемалари ва бошқалар ҳақида маълумот алмашади². Интерпол низомида таъкидланганидек, ташкилотнинг асосий мақсадларидан бири турли мамлакатлар полициясининг ўз қонунлари доирасида кенг ҳамкорлик қилишини таъминлашдир. ва инсон ҳуқуқларини ҳурмат қилиш руҳида. Бу орқали миллий ҳуқуқ-тартибот идоралари гумонланувчиларга халқаро қидирув эълон қилиши ва

¹United Nations. *Convention against Transnational Organized Crime*. — New York: United Nations

URL: <https://treaties.un.org/Pages>

² INTERPOL National Central Bureau Tashkent. *Annual Report*. — Tashkent, 2023.

URL: <https://www.interpol.int/content/>

маълумотларни олиши мумкин. чет элда яшириниб юрган жиноятчилар ҳақида. Ахборот алмашинуви амалга оширилмоқда ва бошқа халқаро ташкилотлар ва марказлар орқали (масалан, *Пул ювишга қарши кураш бўйича Осиё-Европа гуруҳи, МДХ Аксилтеррор маркази, Уюшган жиноятчиликка қарши курашни мувофиқлаштириш бюроси* ва бошқалар орқали).

Ўзбекистон ҳамкорлигининг халқаро-ҳуқуқий базаси

Ўзбекистон Республикасининг “Халқаро шартномалари тўғрисида”ги Қонун¹ шартномаларнинг турларини (давлатлараро, ҳукуматлараро, идоралараро битимлар ва бошқалар) ҳамда уларни тузиш тартибини белгилайди.

Халқаро ҳамкорликни амалга оширишда Ўзбекистон Республикасининг тегишли органлари кучга кирган халқаро шартномаларга ва ички процессуал қонунчилик нормаларига амал қилишлари шарт. Шундай қилиб, норматив асосни халқаро битимларнинг ўзи (Ўзбекистон Республикаси томонидан ратификация қилинган) ҳамда улар асосида ҳамкорлик тартиб-қоидаларини аниқлаштирувчи Жиноят-процессуал кодекси қоидалари ташкил этади.

Кўп томонлама битимлар.

Ўзбекистон жиноят ишлари бўйича ўзаро ёрдамни тартибга солувчи асосий халқаро конвенцияларнинг иштирокчиси ҳисобланади. МДХда 1993 йилдаги Фуқаролик, оилавий ва жиноий ишлар бўйича ҳуқуқий ёрдам тўғрисидаги Минск конвенцияси² ва унинг ўрнига қабул қилинган 2002 йилдаги Кишинёв конвенцияси таъсир кўрсатишнинг асосий воситаларига айланди. У Минск конвенцияси билан таққослаганда ҳамкорлик механизмларини такомиллаштирди: томонларнинг ваколатли органларига ортиқча узоқ муддатли дипломатик ёзишмаларни четлаб ўтиб, тўғридан-тўғри ҳамкорлик қилиш имконини берди; алоқа воситаларига сўровлар юборишга рухсат берди, кечиктириб бўлмайдиган

¹ Ўзбекистон Республикасининг 06.02.2019 йилдаги ЎРҚ-518-сон “Ўзбекистон Республикасининг халқаро шартномалари тўғрисида”ги Қонуни.

URL: <https://lex.uz/ru/docs/4193761>

² Фуқаролик, оилавий ва жиноий ишлар бўйича ҳуқуқий ёрдам ва ҳуқуқий муносабатлар тўғрисида”ги Конвенция.

URL: <https://lex.uz/docs/4907818>

ҳолларда, жиноят ишлари бўйича суд экспертизаларини ташкил этиш ва ўтказишда ёрдам кўрсатиш имкониятини назарда тутган. Ушбу конвенцияга қўшилиш Ўзбекистон учун сўровларни кўриб чиқиш тартибини номарказлаштирди ва тезлаштирди.

Глобал миқёсда Ўзбекистон жиноятларнинг айрим турларига қарши курашда ҳамкорлик қилиш бўйича мажбуриятларни белгилайдиган БМТнинг қатор конвенцияларига қўшилди. Улар орасида: 2000 йилдаги БМТнинг Трансмиллий уюшган жиноятчиликка қарши конвенцияси, 2003 йилдаги БМТнинг Коррупцияга қарши конвенцияси, 1999 йилдаги Терроризмни молиялаштиришга қарши кураш тўғрисидаги конвенция, 1988 йилдаги БМТнинг Гиёҳванд моддаларнинг ноқонуний айланишига қарши конвенцияси¹ ва бошқалар. Ушбу шартномалар ўз ҳудудида жиноий таъқиб қилиш шарти билан ушлаб бериш ёки ушлаб беришни рад этиш, маълумот алмашиш ва ўзаро ҳуқуқий ёрдам кўрсатиш тўғрисидаги қоидаларни ўз ичига олади. Ўзбекистоннинг миллий қонунчилиги тўғридан-тўғри бундай кўп томонлама конвенциялар асосида ҳамкорлик қилиш имкониятини назарда тутди, агар Ўзбекистон ҳам, сўровчи давлат ҳам уларнинг иштирокчиси бўлса. Умуман олганда, универсал келишувларда (БМТ конвенцияларида) иштирок этиш миллий жиноий база тизимини жаҳон ҳуқуқий маконига интеграциялаштиради ва ҳамкорлик учун асос бўлиб хизмат қилади.

Тараққиётга қарамай, жиноий таъқиб соҳасида самарали халқаро ҳамкорлик йўлида сезиларли тўсиқлар сақланиб қолмоқда.

Биринчидан, ҳуқуқий тизимлар ва тартиб-таомиллардаги фарқлар. Мамлакатларнинг ҳуқуқий меъёрлари баъзан далилларни тўплаш ва мустаҳкамлашни турлича тартибга солади, бу эса чет элда олинган материалларни судда номақбул деб топиш хавфини келтириб чиқаради. Мутахассисларнинг таъкидлашича, процессуал шаклларнинг номувофиқлиги туфайли ҳужжатларни расмийлаштириш ва уларга миллий жараёнда юридик куч беришда қийинчиликлар юзага келади. Йўл қўйишнинг икки томонлама

¹ United Nations. United Nations Convention against Corruption (2003); Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism (1999); Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances (1988). — New York: UN, 2003.

URL: <https://www.unodc.org/unodc>

стандартларига қатъий риоя қилиш талаб этилади: чет элда тўпланган далиллар хорижий давлат қонунларига ҳам, Ўзбекистон Республикаси ЖПК талабларига ҳам мос келиши керак. Ҳатто кичик процессуал тафовутлар ҳам миллий суд томонидан далилларни номақбул деб рад этиш учун асос бўлиши мумкин. Ушбу тафовутларни бартараф этиш доимий услубий ишларни ва икки мамлакат ҳуқуқ-тартибот идоралари ходимларини бир-бирининг тизимлари нозикликлари ҳақида ўзаро ўқитишни талаб қилади.

Иккинчидан, ишонч ва ҳуқуқий кафолат масаласи. Баъзи давлатлар айбланувчиларнинг ҳуқуқларини таъминлаш стандартлари пастроқ бўлган мамлакатларга экстрадиция сўровларига эҳтиёткорлик билан муносабатда бўлишади.

Учинчидан, халқаро мажбуриятларни бажаришни қийинлаштирувчи миллий қонунчиликдаги бўшлиқлар. Масалан, экспертларнинг таъкидлашича, Ўзбекистонда узок вақт давомида суд ҳукми чиқарилгунга қадар хорижда жиноий фаолиятдан олинган даромадларни ҳибсга олиш ва мусодара қилишнинг тўлиқ механизмлари мавжуд бўлмаган. Бу эса жиноий йўл билан орттирилган активларни хатлаш тўғрисидаги хорижий сўровларни ижро этишда ва бундай активларни Ўзбекистонга қайтариш тартиб-таомилларини бошлашда қийинчиликлар туғдирмоқда. ИХТТ томонидан ўтказилган қонунчилик таҳлили¹ шуни кўрсатдики, мамлакатда, кенгайтирилган мусодара (жиноий даромадлар эвазига билвосита олинган мол-мулкни мусодара қилиш) назарда тутилмаган.

Жиноят-процессуал кодексида махсус мусодара қилиш тўғрисидаги қоидалар мавжуд бўлса-да, уларни қўллаш фақат жиноятлар рўйхати билан чекланган ва фақат кучга кирган ҳукм бўйича амалга оширилади. Коррупцион активлар чегарадан тезда олиб ўтилиши мумкин бўлган шароитда, бу қонунчиликдаги бўшлиқ хорижий томоннинг сўровларига ўз вақтида жавоб беришга ва давлатнинг ўзи томонидан музлатилган маблағларни талаб қилишга тўсқинлик қилади. Бундай бўшлиқлар босқичма-босқич бартараф этилмоқда: масалан, 2023 йилда суд ҳукми чиқарилгунга қадар

¹ Eurasian Group on Combating Money Laundering and Terrorist Financing (EAG). *Legal Review Report: Uzbekistan*. — Moscow, 2021.
URL: <https://eurasiangroup.org>

(даъвони таъминлаш доирасида) мол-мулкни мусодара қилиш масалаларини кўриб чиқиш тартибини жорий этувчи тузатишлар қабул қилинди¹. Шунга қарамай, мулкый ундиришлар ва молиявий ахборот алмашинуви тўғрисидаги қонунларни такомиллаштириш долзарб вазифа бўлиб қолмоқда.

Санаб ўтилган тўсиқларга қарамай, сўнгги йиллардаги тенденциялар Ўзбекистоннинг жиноят-ҳуқуқий соҳадаги халқаро ҳамкорлиги мустаҳкамланиб бораётганидан далолат беради. Мамлакатнинг сиёсий иродаси жаҳон ҳуқуқий маконига янада чуқурроқ интеграциялашувга қаратилган.

МДХ ва қўшни мамлакатлар доирасида истиқболлар ҳамкорликни янада институционаллаштириш билан боғлиқ. Мавжуд тузилмалар - масалан, МДХнинг Уюшган жиноятчиликка қарши курашни мувофиқлаштириш бюроси (бу ерда Ўзбекистон фаол иштирок этишни бошлади) орқали янада яқинроқ мувофиқлаштириш режалаштирилмоқда. Чегара ҳудудларида қўшма тергов марказларини ташкил этиш бўйича келишувлар ишлаб чиқилиши мумкин, Шанхай ҳамкорлик ташкилоти кўп томонлама операциялар учун яна бир платформани тақдим этмоқда - Ўзбекистон аллақачон ШХТнинг экстремизмга қарши курашиш конвенциясига қўшилган² ва аксилтеррор бўлинмаларининг машғулотларида иштирок этмоқда. Истиқболда бу трансмиллий ишларни тергов қилишда ШХТ мамлакатлари ўртасида доимий равишда терговчилар ва экспертлар алмашинувига айланиши мумкин.

Алоҳида йўналиш - халқаро стандартларни миллий қонунчиликка имплементация қилиш. Ўзбекистонлик ҳуқуқшунос олимлар ЖПКга чет эл далиллари ва маълумотларидан фойдаланишни соддалаштирадиган ўзгартиришлар киритишни таклиф қилмоқда. Масалан, чет элдан келган материаллар асосида жиноий иш қўзғатиш имкониятини қонунда тўғридан-тўғри назарда

¹ Ўзбекистон Республикасининг 19.01.2024 йилдаги ЎРҚ-899-сонли “Жиноят, Жиноят-процессуал кодексларига ҳамда Ўзбекистон Республикасининг Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодексига ўзгартириш ва қўшимчалар киритиш ҳақида”ги Қонуни.
URL: <https://lex.uz/docs/6763724>

² Shanghai Cooperation Organization. *Convention on Combating Extremism*. — Astana, 2017.
URL: <https://eng.sectsco.org/20170613>

тутиш ғояси илгари сурилмоқда. Бундай ҳолатда қонун билан мустаҳкамлаш орқали Ўзбекистон халқаро характердаги жиноятларни, ҳатто улар ҳамкорлар томонидан аниқланган тақдирда ҳам, тергов қилишда ташаббус кўрсатишга тайёрлигини намоёиш этади. Шунингдек, активларни мусодара қилиш тўғрисидаги қоидаларни БМТнинг Коррупцияга қарши конвенцияси талабларига тўлиқ мослаштириш бўйича ишлар олиб борилмоқда.

Яна бир истиқболли таклиф - халқаро ҳуқуқий ҳамкорликни рақамли трансформация қилиш. Ўзбекистон нисбатан ривожланган электрон одил судлов тизимига эга. Ҳозирда Кишинёв конвенцияси фавқулодда вазиятларда сўровларни факсимил ёки электрон шаклда юборишга рухсат беради. Кейинчалик ўзаро ёрдам линияси бўйича электрон ҳужжат айланишига тўлиқ ўтиш зарур: электрон, химояланган алоқа каналларидан фойдаланиш, Evidenced (рақамли далилларни алмашиш лойиҳаси) каби кўп томонлама тизимларга қўшилиш мумкин. Бу сўровларни бажариш вақтини ойлардан кунлар ва соатларга қисқартиради, бу масалан, кибержиноятларни тергов қилишда ёки ҳисоб-китоб дақиқаларда амалга ошириладиган банк транзаксияларини кузатишда жуда муҳимдир.

Хулоса қилиб айтганда, жиноятларни тергов қилишда халқаро ҳамкорлик Ўзбекистон учун факультатив воситадан самарали ҳуқуқни муҳофаза қилиш фаолиятининг мажбурий элементига айланмоқда. Мамлакат қонунчилиги халқаро нормаларга тобора мослашмоқда, шартномалар тармоғи кенгаймоқда, ўзаро ҳамкорликнинг ижобий амалиёти ривожланмоқда. Асосий муаммолар - ҳуқуқий тафовутлар, инсон ҳуқуқлари кафолатлари, ички механизмларни такомиллаштириш - ислохотлар ва халқаро ҳамжамият билан мулоқот орқали англаб етилмоқда ва босқичма-босқич бартараф этилмоқда.

Истиқболлар эса жиноятчиликка қарши глобал ташаббусларга янада интеграциялашиш, ҳамкорлик жараёнларини рақамлаштириш ва турли давлатлар ҳуқуқ-тартибот идоралари ўртасида ишончни мустаҳкамлаш билан боғлиқ. Ўзбекистон миллий ва халқаро миқёсда хавфсизликни мустаҳкамлаш орқали жиноятларни тергов қилиш бўйича халқаро саъй-ҳаракатларда бундан кейин ҳам фаол иштирок этиш ниятида.

Ўзбекистон Республикасининг жиноятларни тергов қилиш соҳасидаги халқаро ҳамкорлигининг ҳуқуқий базаси ва амалиётини таҳлил қилиш шуни кўрсатадики, мамлакатда миллий қонунчилик, икки томонлама ва кўп томонлама шартномалар, шунингдек, халқаро ташкилотларда иштирок этишни ўз ичига олган кўп даражали ҳамкорлик тизими яратилган. Асосий ютуқлар экстрадиция, активларни қайтариш ва шартномалар тармоғини кенгайтиришнинг муваффақиятли мисоллари бўлиб, бу глобал ҳуқуқий механизмларга интеграциялашувнинг самарадорлигини тасдиқлайди. Шу билан бирга, процессуал нормалардаги фарқлар, айбланувчилар ҳуқуқларининг ҳуқуқий кафолатлари муаммолари, шунингдек, жиноий даромадларни мусодара қилиш механизмларини янада такомиллаштириш ва ҳуқуқий ахборот алмашинувини рақамлаштириш зарурати каби жиддий муаммолар сақланиб қолмоқда. Тадқиқотнинг импликациялари миллий ҳуқуқни халқаро стандартлар билан уйғунлаштириш, хорижий ҳамкорларнинг ишончини мустаҳкамлаш ва кўшма терговларнинг тезкорлигини ошириш зарурати глобал ва миллий хавфсизликка бевосита таъсир кўрсатади. Электрон одил судлов тизимларини трансчегаравий ҳамкорликка интеграциялаш моделларини ишлаб чиқиш, шунингдек, Ўзбекистоннинг халқаро ҳамкорлиги амалиётини МДХ ва ШХТнинг бошқа мамлакатларидаги шунга ўхшаш жараёнлар билан қиёсий таҳлил қилиш кейинги тадқиқотларнинг истиқболли йўналишлари ҳисобланади.

АЗИМОВ УЛУҒБЕК АЗИМОВИЧ

Ўзбекистон Республикаси Бош
прокуратура бошқарма катта
прокурори, мустақил изланувчи

ФУҚАРОЛИК СУДЛАРДА ВОЯГА ЕТМАГАНЛАРГА ОИД ИШЛАР КЎРИЛИШИДА ПРОКУРОР ИШТИРОКИНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШДА ИННОВАЦИОН ЁНДАШУВЛАРНИ ЖОРИЙ ЭТИШ ИСТИҚБОЛЛАРИ

Жаҳон мамлакатлари қонунчилигининг ривожланиш тенденцияси прокурорнинг суд ишларини юритишдаги иштирокини таъминлаш борасида турли йўналишларда ривожланиб бораётганлигини кўрсатмоқда. Бу масалада айниқса ахборот-коммуникация технологияларини кенг жорий этиш каби инновацион ёндашувларга алоҳида эътибор берилмоқда.

Мамлакатимизда қонунийликни қатъий таъминловчи, очик ва адолатли прокуратура фаолиятининг мустаҳкам ҳуқуқий асосларини яратиш, суд тизимини босқичма-босқич рақамлаштириш орқали фуқароларнинг одил судловга эришиш даражасини тубдан ошириш, суд процессида томонларнинг ҳақиқий тенглик ва тортишув тамойилларини рўёбга чиқариш вазифалари 2022 - 2026 йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг Тараққиёт стратегиясининг асосий мақсадлари¹ этиб белгиланганлиги ҳам бундан далолат беради.

Эътиборлиси, 2024 йилда 30 дан ортиқ дунё мамлакатлари ўз суд тизимини рақамлаштириш ва виртуаллаштириш бўйича чоратадбирларни кўра бошлаган.²

Мисол учун, Жанубий Кореяда (полиция, адлия органлари (прокуратура), суд ҳамда бошқа ХМКОларнинг электрон тизимлари интеграция қилинган) KICS электрон тизими,³ Янги Зеландияда Child, Youth and Family's Client Information System – CYRAS (ижтимоий хизматлар, судлар ва таълим муассасалари ўртасида

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 28.01.2022 йилдаги “2022 — 2026 йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг тараққиёт стратегияси тўғрисида”ги ПФ-60-сон фармони // <https://lex.uz/docs/5841063>

² Virtual Civil Trials. The Law Library of Congress, Global Legal Research Directorate. 2020. - R. 78.

³ Korea Information System of Criminal-Justice Services веб-сайти – <https://fgn.kics.go.kr/en/jsp/kics/overview.jsp>

болалар ва ёшлар ҳуқуқларига оид ишларни мувофиқлаштириш имконини берувчи) ахборот тизими, Россия Федерациясида “Арбитраж”,¹ Қозоғистонда (судга мурожаат ва даъво аризаларни киритиш учун) “Суд кабинети” веб-хизмати ҳамда (суд ҳужжатларни ижро этилишини назорат қилувчи ва ҳисоботларни шакллантирувчи) “Торелик” тизими² ишга туширилган.

Шу билан бирга, адабиётларда фақат прокуратура органларининг судларда иштирок этишга оид фаолиятини рақамлаштириш билан масала ўз ечимини топмаслиги, бунинг учун судлар фаолияти ҳам тўлиқ рақамлаштирилган бўлиши лозимлиги³ ҳақидаги илмий фикрларга тўлиқ қўшилса бўлади.

Шу боис ҳам давлатимиз раҳбари томонидан судлар фаолиятини рақамлаштиришга алоҳида эътибор қаратилмоқда.

Жумладан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2017 йил 30 августдаги “Судлар фаолиятига замонавий ахборот-коммуникация технологияларини янада жорий этиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ - 3250-сон қарори⁴ билан суд фаолиятининг рақамлаштиришнинг бутунлай янги даври бошланди деса бўлади.

Шунингдек, бу борадаги ислохотларнинг навбатдаги босқичи ҳисобланган Давлатимиз раҳбарининг 2020 йил 3 сентябрдаги “Суд ҳокимияти органлари фаолиятини рақамлаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ-4818-сон қарори⁵ билан судлар фаолиятини рақамлаштириш бўйича бир вазифалар белгилаб берилди.

Жумладан, Қарор ижроси доирасида эндиликда судлар фаолиятида 2022 йилда жорий этилган “Адолат” ахборот тизимлари комплекси орқали давлат ҳокимияти органлари, хўжалик бошқаруви органлари ва адвокатлар томонидан судларга даъво, ариза ва

¹ Гурулев Д.В. Организация работы с использованием компьютерных технологий в прокуратуре субъекта Российской Федерации по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении дел арбитражными судами. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва 2014, с. 168

² Балгынтаев А.О. «Электронное уголовное судопроизводство в Республике Казахстан» // Веб-сайт «Юрист» – https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34878697&pos=6;-107#pos=6;-107, 2022.

³ Бобоев М.М., Прокуратура органлари фаолиятини рақамли трансформация қилишнинг ташкилий-ҳуқуқий асосларини такомиллаштириш // Юридик фанлар бўйича PhD илмий даражасини олиш диссертацияси – Тошкент, Ҳуқуқни муҳофаза қилиш Академияси. 2023 й. 103-бет

⁴ <https://lex.uz/docs/3327998>.

⁵ <https://lex.uz/docs/4979896>.

шикоятлар фақат электрон шаклда тақдим этилади ва бу билан судларда қоғоз шаклида иш юритишдан босқичма-босқич воз кечилади.

Қайд этиш лозимки, қатор олимлар судлар фаолиятини рақамлаштиришнинг ўрни ва аҳамиятига алоҳида тўхталиб ўтишган. О.Пирматов ўз тадқиқот ишида **суд ишларини рақамлаштириш** – ишлар бўйича судларнинг одил судловни амалга ошириш жараёнида суд ҳамда суд процессининг бошқа иштирокчилари ўртасида юзага келадиган процессуал ҳаракатларни рақамли (0 ва 1 санок тизимида) шаклда амалга оширишдир, деган фикрни илгари суриб, суд ишларини рақамлаштириш учун қуйидаги ишларни амалга ошириш лозимлиги тўғрисида хулосага келган:

суд ишларини оммабоп бўлган платформага жойлаштириш;
онлайн судларни мамлакатимиздаги оммабоп бўлган ижтимоий тармоқларга улаш;

Ўзбекистон Республикасида электрон суд тизимини такомиллаш-тириш, яъни электрон суд муҳокамалари, сунъий интеллектни тез тартибда жорий этиш;

электрон судларнинг қарорларини ижро қилишни такомиллаштириш;

суд ишлари бўйича судларига блокчейн технологиясини татбиқ этиш.¹

М.М. Мамасиддиқовнинг фикрича, суд фаолиятининг очиқлиги ва шаффофлиги, суд муҳокамасининг ошкоралигини таъминлаш суд ишларини юритишнинг демократик процессуал шакллариининг муҳим таркибий қисмларидан бири ҳисобланиб, одил судловдаги қонунийликни амалга ошириш ҳамда процесс иштирокчиларининг ҳуқуқларини рўёбга чиқаришда муҳим юридик кафолат вазифасини бажаради². Муаллифнинг ушбу фикрига қўшилган ҳолда, суд ва прокуратура органлари фаолиятини рақамлаштириш болаларнинг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини ҳимоясини таъминлашда ҳам муҳим аҳамиятга эга эканлигини таъкидлаш лозим бўлади.

¹ Пирматов О.Ш., Фукаролик суд ишларини рақамлаштириш ва виртуаллаштириш // Юридик фанлари доктори диссертацияси автореферати. -Тошкент, ТДЮУ. 2023. – 21 б.

² Мамасиддиқов М.М., Отажонов А.А. ва бошқ. Мамлакатимизда давлат идоралари фаолияти устидан самарали жамоатчилик назоратини ўрнатиш механизмларини ишлаб чиқиш ва такомиллаштириш / Монография. Муаллифлар жамоаси. Масъул муҳаррир ю.ф.д., проф. М.М.Мамасиддиқов. -Тошкент. “Lesson press”. 2020. –167 б.

Ҳозирда вояга етмаганлар билан боғлиқ ишларга оид суд муҳокамаси ва уларда прокурор иштирокини таъминлаш жараёнида кўплаб давлат органлари, идоралари ва ташкилотлар билан маълумот алмашинуви асосан “қўлда бошқариш” усулида, яъни қоғоз шаклида амалга оширилмоқда.¹

Ваҳоланки, Янги Ўзбекистон даврида суд, прокуратура ва бошқа ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларда Ахборот-коммуникация технологиялари (АКТ) соҳаси анча ривожлантирилди.

Масалан, олдинги йилларда жорий этилган дастурлар замонавий дастурлаш тилларда ёзилган ахборот тизимлари билан алмаштирилди. Ахборот-коммуникация технологияларини жорий этиш ва ахборот хавфсизлигини таъминлаш бошқармаси дастурчилари фикрига кўра, замонавий ахборот тизимлари яратилганлиги интеграция қилишга замин бўлди.²

Вояга етмаганларга оид ишлар бўйича суд муҳокамаларида прокурор иштироки ўта муҳим аҳамиятга эга бўлганлиги сабабли мамлакатимизда ушбу соҳани рақамлаштириш ва сунъий интеллект технологияларини қўллаш ўта долзарб масала ҳисобланади.

Шу боис ҳам прокуратура органлари билан судларнинг фаолиятида электрон маълумотлар алмашинувини тўлиқ йўлга қўйиш мақсадида Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2023 йил 16 январда қабул қилинган “Одил судлов фаолиятини амалга оширишни самарали ташкил этиш бўйича қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида” ги ПФ-12-сон Фармони³ билан “Судларда прокурор иштироки” ахборот тизимини яратиш ҳамда 2024 йилдан Бош прокуратура ва Олий суд ахборот тизимларини интеграция қилиш йўли билан ўзаро ҳужжат алмашинувини тўлиқ йўлга қўйиш белгиланди.

Мазкур тизим ишга туширилиши вояга етмаганлар билан боғлиқ барча ишлар кўрилишида прокурор ваколатини тўлиқ ва ҳолисона таъминлаш, прокурор иштирокини таъминлаш учун суддан зарур ҳужжатларини олиш, суд қарорларига нисбатан келтирилган

¹ Суд қарорларини ижросини таъминлаш билан боғлиқ жараён бундан мустасно, сабаби мазкур жараён бўйича судлар 35 та давлат ташкилотларининг 52 та Ахборот тизимларига интеграция қилинган.

² Бобоев М.М., Прокуратура органлари фаолиятини рақамли трансформация қилишнинг ташкилий-ҳуқуқий асосларини такомиллаштириш // Юридик фанлар бўйича PhD илмий даражасини олиш диссертацияси – Тошкент, Ҳуқуқни муҳофаза қилиш Академияси. 2023 й. 102-бет

³ <https://lex.uz/docs/6358913>.

протестларни юбориш, суд ва прокуратура ўртасида ўзаро ҳужжат алмашиш, судларда кўрилаётган мазкур тоифадаги ишларни онлайн кузатиб бориш, иш бўйича прокурор фикрини электрон шаклда юбориш каби имкониятларга йўл очилади.

Бугунги кунда Бош прокуратура ва Олий суд ўртасида интеграция жараёнларига оид ҳужжатлар имзоланиб, Олий суд ахборот тизимларини интеграция қилиш йўли билан ўзаро ҳужжат алмашинуви қисман (*ЖИБ судларга ҳужжатларни (хат, хабар, мурожаат, протест) юбориш*) йўлга қўйилган.

Шу сабабли, дунё бўйича рақамли технологиялар ривожланиб, сунъий интеллектдан кенг фойдаланиш имкони яратилган даврда фуқаролик судларда вояга етмаганларга оид ишлар кўрилишида прокурор иштирокини такомиллаштиришда ҳам замонавий инновацион технологиялардан кенг фойдаланишни тақозо этади.

Сўнгги вақтларда ахборот технологиялари деганда одатда компьютер технологиялари тушунилади. Хусусан, ахборот технологиялари компьютерлардан ва дастурий таъминотдан фойдаланиш орқали маълумотларни яратиш, сақлаш, қайта ишлаш, узатилишини чеклаш ва қабул қилиш фаолияти билан боғлиқ. Компьютер техникаси ва дастурлаш мутахассисларини кўпинча АТ–мутахассислари деб аташади. Мазкур ҳолат ушбу тадқиқотлар соҳасидаги терминология ва унга тегишли тушунчалар ҳали ҳам аниқ таърифланмаганлигидан далолат беради.

И.Г.Захарованинг фикрича, компьютер технологиялари тушунчаси ахборот технологиялари тушунчасига қараганда анча тор, чунки ахборот технологияларида компьютер бошқа турли (аудио ва видео ускуналар, проекторлар ва бошқа техник) воситалар каби фойдаланиш мумкин булган яна бир воситадир.

Адабиётларда Д.В.Гурулев, С.А.Вишняков, Ю.А.Тихомиров, Ё.Н.Кудрявцев, И.В.Панарин, А.М.Новиков, Н.В.Соловьев, Т.П.Захарова, Д.И.Беляев, Л.К.Иванова, М.Ю.Петров, Е.С.Кузнецова, В.А.Морозов каби ҳуқуқшунос олимларнинг бу борадаги турли қатор фикр ва мулоҳазалари келтирилган.

Масалан, Д.В.Гурулёвнинг фикрича прокуратура органларида томонидан замонавий компьютер технологиялари ютуқларини ўзлаштирилиши прокуратура органларининг соҳа-фаолиятлари бўйича ташкилий-техник ва услубий фаолиятни енгиллаштириш, ҳужжатлар ва таъсир чораларни тайёрлаш, шу жумладан, судларга даъво (ариза) тайёрлаш, судларга киритилган талабларни қўллаб-

қувватлаш ҳамда апелляция, кассация ва назорат тартибида шикоят келтириш сифатини ошириш имконини беради¹.

Юқоридаги олимларнинг фикрига қўшилган ҳолда судларда, шу жумладан, фуқаролик судларда вояга етмаганларга оид ишлар кўрилишида прокурор иштирокини такомиллаштириш борасида битта ёки иккита инновацион ёндашув билан чегараланиб бўлмаслиги, мазкур ёндашувларнинг барчасини негизида сунъий интеллектдан кенг фойдаланиш имконини яратиш бўлмоғи лозимлигини айтмоқчиман.

Хусусан, фикримизча фуқаролик судларда вояга етмаганларга оид ишлар кўрилишида прокурор иштирокини такомиллаштириш учун замонавий ахборот коммуникация технологиялардан фойдаланган ҳолда қуйидаги, яъни:

– прокурорларнинг суд процессида масофадан иштирок этиш усулидан кенг фойдаланиш учун зарур имконият ва шароитларни яратиш;

– суд жараёнида прокурорга ишга оид зарур маълумотларни тезкор тарзда олиш имконини берувчи барча давлат органлари, идора ва ташкилотлар билан интеграция қилинган ягона маълумотлар базасини жорий этиш;

– судда ишлар кўрилишида прокурор томонидан иш бўйича амалга оширилиши лозим бўлган ҳаракатларини тавсия этиш имконини берувчи сунъий интеллектга асосланган махсус «Прокурор ёрдамчиси» таҳлилий Дастурини жорий этиш;

– энг асосийси, юқоридаги барча Дастур ва тизимларни жамловчи махсус рақамлаштирилган Ахборот тизимини жорий қилиш (*мазкур тизимга заруратга кўра бошқа янги Дастур ва тизимларни интеграция қилиш ва такомиллаштириб боришнинг имкони мавжуд бўлиши керак*) лозим бўлади².

Энди қайд этилганларнинг ҳар бирига алоҳида тўхталиб ўтсак.

1. Фуқаролик судларда вояга етмаганларга оид ишлар кўрилишида прокурор иштирокини масофадан амалга ошириш амалиётини жорий этиш.

¹ Гурулев Д.В. Организация работы с использованием компьютерных технологий в прокуратуре субъекта Российской Федерации по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении дел арбитражными судами. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва 2014, с. 158

² Мазкур тизим ва дастурлардан усуллардан бошқа соҳаларда прокурор назорати фаолияти самарадорлигини ошириш мақсадида ҳам кенг фойдаланилса бўлади, бироқ ушбу масала диссертация мавзуси доирасига кирмаганлиги сабабли уларга тўхталиб ўтирмаймиз.

Вояга етмаганларга оид ишлар бўйича суд муҳокамаларида иштирок этиш имкониятини ошириш ва процесснинг барча томонлари, шу жумладан прокурор иштирокини осонлаштириш мақсадида масофавий суд (видеоконференция) муҳокамалар амалиётидан кенг фойдаланиш ҳозирги замон талаби деса муболаға бўлмайди.

Таъкидлаш жоизки, видеоконференцалоқа тизимларининг бир нечта турлари мавжуд:

шахсий (индивидуал) видеоконференцалоқа тизимлари икки фойдаланувчи ўртасида реал вақт режимида (шахсий видео қўнғироқлар) мулоқот қилиш имкониятини беради;

гуруҳ видеоконференцалоқа тизимлари бир вақтнинг ўзида бир нечта одамлар иштирок этиши мумкин бўлган масофавий ишчи гуруҳлар йиғилишларини, ишчи учрашувларни, конференцияларни ўтказиш имконини беради (гуруҳ видео конференциялари).

Масофавий иштирок (видеоконференция) этиш имконияти хатто ностандарт шароитларда ҳам суд муҳокамаларида (алоқа сеансларини ўтказиш) қатнашиш имконини беради.

Мисол учун, муайян бир суд иши бўйича прокурор ваколатини таъминлаётган ходим хизмат сафари ёки бошқа сабабларга кўра бошқа ҳудудда бўлган вақтида (бошқа ходим ишнинг ҳужжатлари билан танишиши, яъни “ичига кириши” учун ҳам анча вақт сарфланади) ҳам ўша ишда масофадан иштирок этиш имкони мавжуд бўлади.

Маълумки, 2014 йил 1 сентябрдан иқтисодий судларда суд мажлисларини видеоконференцалоқа режими орқали ўтказиш амалиёти йўлга қўйилиб, кейинчалик барча судлар фаолиятига татбиқ этилган.

Ўзбекистон Республикасининг Олий суди Пленумининг 24.06.2017 йилдаги “Фуқаролик, жиноят ва маъмурий ишларни кўришда суд мажлисларини видеоконференцалоқа режимида ўтказишнинг айрим масалалари тўғрисида”ги 23-сон Қарори билан мазкур масала бўйича тушунтириш берилган.

Таҳлилларга кўра, 2021-2023 йилларда фуқаролик ишлари бўйича судлар томонидан биринчи босқичда кўрилган жами

1 216 074 та ишлардан 33 762 тасида ёки 2,6 фоизда прокурор иштироки таъминланган¹.

Ваҳоланки, прокурор иштирок этган мазкур 33 мингдан ортиқ ишларда прокурорнинг масофадан иштирок этиш имконияти жорий этилган тақдирда прокурор ходимларинг судга бориб келишга сарфланган анча ($33\,762 \cdot 2 (=67\,524 \text{ соат})$ ёки $/ 8 = 8\,440$ иш кун) вақти тежалишига этишса бўлади.

Янада аниқ рақамларга тўхталадиган бўлсак, ушбу даврда кўрилган жами 15 446 та фарзандликка олиш тўғрисидаги ишлардан 15 428 тасида прокурор иштироки таъминланган² бўлиб, уларда прокурорнинг масофадан иштирок этиш имконияти жорий этилган тақдирда прокурор ходимларинг судга бориб келишга сарфланган ўртача 2 соатдан вақти тежалган бўлар эди.

Таъкидлаш жойизки, барча судларда суд мажлисларини видеоконференцалоқа тизими орқали (*масофадан*) ўтказиш имкониятини берувчи замонавий тизим жорий этилган. Шундан келиб чиқиб, прокурорларнинг ҳам суднинг биносига бормасдан, хизмат хонасидан қайд этилган тоифа ишлар бўйича суд мажлисида масофадан иштирок этиш тартибини жорий этиш ҳамда мазкур имкониятдан кенг фойдаланишга оид зарур ташкилий ва амалий чораларни кўриб чиқишни илгари сурамиз.

Мазкур ёндашувнинг афзалликлари қуйидагилардан иборат:

битта жойдан (хизмат хонасидан) турли ихтисослашувдаги судларда (ЖИБ, ФИБ, МИБ) ишлар кўрилишида иштирок этиш имкони яратилади, натижада, прокурорнинг судларга бориб келиш учун сарфланадиган иш вақти тежалади.

Ваҳоланки, жиноят, фуқаролик, маъмурий ишлар бўйича судларда прокурор ваколатини таъминлаш вазифаси одатда битта прокурор (катта) ёрдамчисига юклатилганлиги инобатга олсак, мазкур ходимнинг турли манзилларда жойлашган ушбу судларга бориб келишга сарфланадиган вақтининг ўзи тежалиши катта аҳамиятга эга (*ушбу иқтисод қилинган вақт бошқа шу каби долзарб ишларда иштирок этишга ажратилиши, пировардда суд ишларни тезкор кўриб чиқиш имкони яратилади*);

¹ Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратурасининг ягона ҳисоботлар портали. <http://report.bp.gov>

² Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратурасининг ягона ҳисоботлар портали. <http://report.bp.gov>

вояга етмаганларга оид фуқаролик суд ишлар бўйича прокурор иштирок (*мажбурий бўлган ишлар*) эта олмаганлиги сабабли ишни кейинга қолдириш ҳолатлари олди олинади;

суд процессида содир бўладиган тарафлар тортишуви, прокурорнинг қонуний фикр билдиришга бўлган имкониятлари ошади (*прокурор, даъвогар, жавобгар ёки бошқа манфаатдор шахсларни ҳақорат қилиш, уларга психологик босим ўтказиш ҳолатлари олди олинади*);

суд процессида прокурорнинг хавфсизлиги ва ҳолислиги таъминланади;

бундан ташқари, суд ишлари юритишнинг қонун ва суд олдида тенглик, судьяларнинг мустақиллиги, тарафлар тенг ҳуқуқлиги, ишларни қонунчилик асосида ҳал этиш каби тамойилларига риоя этилиши таъминланиб, мазкур тоифадаги ишларда прокурор иштироки самарадорлиги кескин ошади.

Шу билан бирга, прокурорнинг суд процессида масофадан иштирок этишда ахборот хавфсизлиги тамойилларига ҳам тўла амал қилинишини ҳам таъминлаш зарур. Булар жумласига маълумотларни шифрлаш, идоралараро махсус алоқа каналлари орқали фойдаланиш ва бошқа шу каби хавфсизликни таъминлашнинг бошқа техник талабларга риоя этиш лозим.

2. Вояга етмаганларга оид ишлар бўйича идоралараро ягона маълумотлар базасини жорий этиш.

Прокуратура, суд ҳамда бошқа давлат органлари, идоралар ва ташкилотларнинг вояга етмаганларга оид ишлар бўйича маълумотларни сақлаш, олиш ва таҳлил қилиш имконини берувчи ягона маълумотлар базасини жорий этилиши прокурорлар, судьялар, васийлик ва ҳомийлик органлари ҳамда бошқа мутасадди органларнинг ваколатли ходимлари ишга алоқадор зарур маълумотларни тезкор ва самарали олиш имконини беради.

Ягона маълумотлар базаси вояга етмаганлар билан боғлиқ ишларга оид барча маълумотларни марказлаштирилган ҳолда сақлаш, зарур ҳолларда мутасадди органлар томонидан белгиланган тартибда уларни тезкор олиш имконияти яратилишини таъминлаш мақсадида жорий этилади. Бундай маълумотлар базасининг яратилиши прокуратура, судлар, васийлик ва ҳомийлик органлари, таълим муассасалари ҳамда бошқа ижтимоий хизматлар ўртасида тезкор маълумот алмашинуви ва ўзаро ҳамкорлик самарадорлигини оширади.

Хусусан, текширувлар давомида аниқланган вояга етмаганлар ҳақидаги қонун ҳужжатлари бузилиши ҳолатлари тўғрисидаги батафсил маълумотлар ҳамда муносабат билдиришни талаб қилувчи маълумот ва ахборотлар мазкур маълумотлар базасининг эгаси ва администратори ҳисобланадиган прокуратура органларининг ягона маълумотлар базасида сақланиши лозим, мазкур базадаги маълумотларнинг актуаллиги ва яхлитлиги учун жавобгарлик ҳам уларнинг зиммасида бўлади.

Мазкур маълумотлар базаси мутасадди органлар, вазирлик, идора ва ташкилотларнинг идоравий ахборот тизимлари билан интеграция қилиниши, хавфсиз ҳамда махфийлик, шунингдек, маълумотларни ҳимоя қилиш талаблари асосида ишлаб чиқилиши лозим.

Хусусан, мазкур маълумотлар базаси “Васийлик ва ҳомийлик”¹, “Ижтимоий ҳимоя ягона реестри”², “Е-ижтимоий профилактика”³, “Е-вояга етмаган”⁴, “Е-ma’muriy ish”⁵, “Ягона тиббий маълумотлар портали”⁶, “Давлат назорати” (arxiv.davlat.nazorat)⁷ каби ахборот тизимлар билан интеграция қилиниши лозим.

Ягона маълумотлар базаси идоралараро ахборот-коммуникация муҳитининг элементи ҳисобланади. Прокуратура ягона маълумотлар базасининг эгаси сифатида унинг ички тузилишини ҳамда маълумотлар формат (шакл)ларини белгилайди. Ҳужжатлар билан ишлашни ташкил этиш прокуратура органлари фаолиятининг ҳамда қарор қабул қилиш жараёнларининг муҳим таркибий қисми ҳисобланиб, прокуратура органлари зиммасига юклатилган вазифаларнинг сифатли ва тезкор бажарилишига кескин таъсир қилади.

¹ Ижтимоий ҳимоя миллий агентлиги (Васийлик ва ҳомийлик остидаги болалар тўғр. маълум.га оид тизим)

² Ижтимоий ҳимоя миллий агентлиги (кам таъминланган оилаларни аниқлаш ва уларга ижтимоий нафақалар тайинлаш ҳамда маълумотнома тақдим этишга оид тизим).

³ ИИБ (mydevs.uz) (“Маҳалла етилиги”га юклатилган вазифалар ижросини мониторинг қилиш, аҳоли билан манзилли ишлашни ташкил этишга оид тизим).

⁴ ИИБ (Қаровсиз ва назоратсиз қолган вояга етмаганлар ҳисобини юритиш ва назоратини ташкил этишга оид тизим).

⁵ ИИБ (Маъм. ҳуқуқ-лар тўғр. иш ҳужж. ва маъм. жавобгар. тортилган шахс маълумот. электрон тарзда расмийл. ҳамда маъм. ҳуқуқ-лик тўғр. ишлар. юритиш).

⁶ ССВ (соғлиқни сақлаш соҳасида фаол. ташк. этиш, элект. тиббий ҳисоб, элект. рецепт, дори восита. ҳисоби, элект. тиббий тарих ҳамда бемор билан шифокор орасидаги алоқани таъминлашга оид тизим).

⁷ Адлия вазирлиги ҳузуридаги “ЎЗАРХИВ” агентлиги (архив иши бўйича дав. назорат. ташкил этишни ва онлайн рўйхатга олишни амалга оширишга оид тизим).

Ягона маълумотлар базасини жорий этилиши қуйидаги афзаллик ва имкониятларни беради:

барча мутасадди (ваколатли) органлар ўртасида тезкор ахборот алмашинуви таъминланади, иш бўйича зарур маълумотларни қидириш, олиш ва қайта ишлаш учун сарфланадиган вақт кескин қисқартирилиши натижасида ушбу органларнинг ўзаро ҳамкорлик самарадорлигини янада ошади;

базадан олинган маълумотлар асосида иш бўйича адолатли, холисона ва тезкор қарорлар қабул қилиниши таъминланади, барча иштирокчиларнинг фаолияти мувофиқлаштириб борилади ҳамда бу борада масъулият, ҳисобдорлик ва шаффофлик даражаси ошади;

маълумотлардан тезкор фойдаланиш имкони таъминланиши орқали хатоликка йўл қўйиш ва процессуал қонунбузилиш ҳолатларнинг олди олинади, шунингдек, процесснинг барча босқичларида вояга етмаганларнинг ҳуқуқларига риоя этилиши устидан назорат янада кучаяди;

маълумотларни ҳимоя қилиш борасида замонавий технологиялардан фойдаланилиши – ахборот хавфсизлиги ва махфийликнинг юқори даражаси таъминлайди.

судларда ишлар кўрилишида вояга етмаганларнинг ҳуқуқларини ҳимоя қилиш борасида ҳуқуқни қўллаш амалиётини таҳлил қилиш, улар асосида тегишли ҳисобот ва умумлашмаларни тайёрлаш имкони яратилади.

Юридик адабиётларда вояга етмаганларга оид ишлар бўйича ягона маълумотлар базаси жорий этилишининг ўрни ва аҳамияти юзасидан В.П.Григорьев, Е.С.Иванова, А.Н.Смирнов, Т.О.Петрова, С.В.Козлов, Н.А.Кузьмина, А.В.Лебедев каби олимлар турли фикр ва мулоҳазалар билдиришган.

Масалан, С.Е.Чанов ахборот оқимлари билан ишлаш ва алоқа алоқаларини ўрнатиш учун ягона ахборот маконини шакллантириш ҳар бир давлат органининг (тизимининг) муҳим вазифаси ҳисобланади деган хулосага келган¹.

Юқоридагилардан келиб чиқиб, ишлар бўйича ягона маълумотлар базасини жорий этиш учун қуйидаги ишларни амалга ошириш лозим:

концепция ва техник топшириқни ишлаб чиқиш, яъни, базанинг мақсадлари, вазифалари ва функционал (*маълумотларни қайта*

¹ Чанов С.Е. Конфликт интересов по-новому // Эж-юрист. 2009. № 23

ишлаш, ҳимоя қилиш, ш.ж. шифрлаш, фойдаланувчиларни аутентификация қилиш каби) талабларини аниқ белгилаш, техник топшириқни ишлаб чиқиш ҳамда тизимни яратиш босқичларини режалаштириш;

базани ишлаб чиқиш ва синовдан ўтказиш ҳамда ваколатли органлар фаолиятига жорий қилиш;

базага (*суд ишлари, қарорлари, аризалар, эксперт хулосалари ва бошқа*) маълумотларни киритиб бориш ҳамда сақлаш;

базани суд, прокуратура, васийлик органлари, тиббий ва таълим муассасалари ҳамда бошқа ижтимоий хизматларнинг идоравий ахборот тизимлари билан интеграция қилиниши таъминлаш;

базанинг барча (*прокурор, судья, васийлик ва ҳомийлик органлари ҳамда ижтимоий ходимлари ва ҳ.к.*) фойдаланувчилари ўқитиш, уларни қўллаб-қувватлаш ҳамда маслаҳат бериш тизимини ташкил этиш;

база иш фаолиятини мониторинг қилиб бориш, самарадорлигини баҳолаш, шунингдек, доимий таҳлил асосида тизимни такомиллаштириб бориш.

Таъкидлаш жоизки, бундай маълумотлар базаси АҚШ, Буюк Британия, Франция, Испания, Германия, Скандинав ороллари, Канада, Австралия, Нидерландия, Янги Зеландия, Жанубий Корея, Жанубий Африка, Бразилия каби хорижий мамлакатларда жорий этилган.

Мисол учун, бундай маълумотлар базаси жорий этилишининг энг машҳур мисоли – АҚШдаги штатлараро болалар фаровонлиги масаллари бўйича автоматлаштирилган ахборот тизими (Statewide Automated Child Welfare Information System (SACWIS) ҳисобланади.

Жумладан, SACWIS - болалар фаровонлиги таъминлаш масалалари билан боғлиқ ишлар, жумладан, васийлик, фарзандликка олиш, зўравонликдан ҳимоя қилиш ва вояга етмаганлар билан боғлиқ бошқа фуқаролик ишлари бўйича маълумотларни тўплаш, сақлаш ва бошқаришга мўлжалланган идоралараро интеграциялашган ягона ахборот тизими.

Маълумотлар базасида каби ҳар бир иш бўйича батафсил маълумотлар, шу жумладан боланинг шахсий маълумотлари, оила тарихи, қўпол муносабат билан боғлиқ текшириш натижалари, суд қарорлари ва боланинг фаровонлигини яхшилашга оид белгиланган тадбирлар сақланади.

База ижтимоий хизматлар, ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлари, таълим ва тиббиёт муассасалари каби турли давлат идоралари ўртасида маълумотни автоматлашган тарзда алмашинувини таъминлайди.

3. Сунъий интеллектга асосланган махсус “Прокурор ёрдамчиси” таҳлилий Дастурни жорий этиш.

“Прокурор ёрдамчиси” таҳлилий Дастури вояга етмаганларга оид барча ишлар бўйича уларнинг ҳуқуқлари ва манфаатлари ҳимояси билан боғлиқ хавфларни баҳолаш ва таҳлил қилиш ҳамда амалга оширилиши лозим бўлган ҳаракатларини тавсия этиш имконини беради.

Хусусан, мазкур диссертация мавзуси доирасидаги масалага тўхталадиган бўлсак, фуқаролик судларда вояга етмаганлар билан боғлиқ ишларнинг кўрилишида ягона маълумотлар базасидан олинган ишга оид маълумотлар асосида процесс давомида болаларнинг ҳуқуқлари ва манфаатлари ҳимояси билан боғлиқ хавфларни баҳолаш ва таҳлил қилиш имконига эга Дастурнинг жорий этилиши мазкур тоифадаги ишлар бўйича прокурор иштироки самарадорлигини кескин оширади.

“Прокурор ёрдамчиси” таҳлилий Дастуридан фойдаланиш судларда прокурорлар томонидан одил судлов тамойили ҳамда болалар ҳуқуқларини ишончли ҳимоясини таъминлаш даражасини кескин яхшилашга кўмаклашади. Дастур потенциал таҳдидларни аниқловчи ҳамда турли қарорларнинг болага таъсирини баҳоловчи алгоритмларни (сунъий интеллект) ўз ичига олади.

Жумладан, ягона маълумотлар базасидан олинган маълумотлар Дастурда қуйидаги, яъни:

маълумотни тўплаш, уни жамлаб бориш: маълумот мавжудлиги ва унинг параметрларини (*тури, жиҳати ва ҳ.к.*) қайд этиш;

маълумотларни тизимлаштириш, уларни таҳлил қилиш;

тегишли прокурор назорати ҳужжатини (*даъво ариза, ариза ва ҳ.к.*) лойиҳасини тайёрлаш, бошқарув қарорларини ижро этиш;

тайёрланган прокурор назорати ҳужжатини (*даъво ариза, ариза ва ҳ.к.*) лойиҳалари сифатини назорат қилиш (*даъво ёки аризада келтирилган талабларнинг асосси келтирилган далил ва ҳужжатларнинг етарлилиги ва ҳ.к.*);

тегишли ҳужжатнинг мутасадди раҳбар томонидан имзоланиши каби босқичлардан ўтади.

Дастурнинг баҳолаш ва таҳлилий имкониятларини қуйидаги турларга ажратиш мумкин:

статистик ва таҳлилий платформалар – вояга етмаганларга оид ишлар бўйича маълумотларни таҳлил қилиш, қонуният ва тенденцияларни аниқлаш учун статистик усуллардан фойдаланадиган Дастурлар;

прогнозлаштириш моделлари – даврий (*тарихий*) маълумотлар асосида, ишлар натижалари ва эҳтимолий хавфларни прогноз қилувчи автоматлаштирилган ўқитиш моделлари;

маълумотларни “визуаллаштириш” воситалари – маълумотларни яхшироқ тушунишни ва асосли хулосалар чиқаришни енгиллаштирувчи графикалар, диаграммалар ва хариталарни яратиш воситалари;

эрта (олдиндан) огоҳлантириш тизимлари – ҳақиқий вақт режимида маълумотларни мониторинг қилувчи ва потенциал хавфлар ёки аномалиялар ҳақида огоҳлантирувчи тизимлар.

“Прокурор ёрдамчиси” таҳлилий Дастурини (*сунъий интеллект алгоритмлари асосида*) жорий этилиши қуйидаги афзаллик ва имкониятларни беради. Хусусан:

вояга етмаганларга оид ишлар бўйича барча зарур маълумотларни йиғиш ва таҳлил қилиш, улар ўртасида қонуниятларни аниқлаш ҳамда ишга оид эҳтимолий хавф ва муаммоларни прогноз қилиш;

судларда кўрилаётган, шу жумладан, фуқаролик судларда вояга етмаганлар билан боғлиқ ишларда иштирок этувчи прокурорлар томонидан иш бўйича аҳамият берилиши лозим бўлган жиҳатлар (*фарзандликка олувчи шахс муқаддам жинсий эркинликка қарши жиноят содир этганлиги, ота-оналик ҳуқуқидан маҳрум этилаётган шахс муайян бир вақт мобайнида оғир касаллиги туфайли фарзандини тиббий муассасадан олиб кетаолмаганлиги ва ҳ.к.*) ҳақида тавсия бериш;

прокурорнинг иш бўйича бериладиган фикрни (асослантиришда қонун ва қонуности ҳужжатларнинг ишга оид қисми, банди, хатбошисидан фойдаланиш ҳақида тавсиялар бериш ва ҳ.к.) сифатини яхшилаш;

суд қарорларининг асослилигини, қонунийлигини, уларнинг вояга етмаганлар ҳуқуқларига таъсирини баҳолаш ҳамда унинг асосида қўлланилиши лозим бўлган прокурор назорати ҳужжатлари

турларини тавсия қилиш ва шу каби бошқа илғор имкониятлар яратилади.

Дастурнинг бундай имкониятларидан:

такрорий зўравонлик содир этилиши хавфини баҳолаш – оилавий зўравонлик ёки болалар билан шафқатсиз муомалада бўлиш ҳолатларида такрорий зўравонлик эҳтимолини баҳолаш учун фойдаланиш;

ижтимоий хизматларга бўлган эҳтиёжларни прогноз қилиш, яъни, вояга етмаганларнинг ижтимоий хизматлар, таълимга кўмаклашиш ёки тиббий ёрдамга бўлган эҳтиёжларини прогноз қилиш учун маълумотларни таҳлил қилиш;

суд қарорларини таҳлил қилиш, яъни, суд қарорларининг асосланганлигини, қонунийлигини ва самарадорлигини таҳлил қилиш ва бошқа шу каби йўналишларда фойдаланиш мумкин.

Шу билан бирга, вояга етмаганларга оид маълумотлар махфийлиги ва ҳимоясини таъминлаш, аниқ таҳлил учун юқори сифатли ва актуал маълумотларга бўлган эҳтиёж, шунингдек, таҳлилий дастурларнинг нотўғри қўлланиши ёки талқин қилиниши хавфи ҳам вужудга келиши мумкин.

Ҳозирда хорижий мамлакатларда вояга етмаганлар ҳуқуқлари ва манфаатларига боғлиқ хавфларни баҳолаш ва прогноз қилиш учун таҳлилий Дастур (воситалар)дан фойдаланишни қонун ҳужжатлари билан тартибга солиш кескин ривожланмоқда. Уларнинг айримларида болаларни ҳимоя қилиш ва уларни фаровонлигини баҳолаш учун технологиялардан фойдаланишга оид махсус қонунлар ёки тартибга солувчи ҳужжатлар қабул қилинган.

Хусусан, АҚШ, Буюк Британия, Нидерландия, Австралия, Финляндия, Канада, Германия, Норвегия, Швеция, Франция, Дания, Янги Зеландия, Эстония, Жанубий Корея ва Исроил давлатларида бундай қонунлар ёки тартибга солувчи ҳужжатлар мавжуд.

Мазкур мамлакатларнинг барчасида болаларнинг ҳимояси учун таҳлилий Дастурлардан фойдаланишда махфийлик, маълумотларни қайта ишлашдаги шаффофлик нормаларига қатъий риоя этилиши ҳамда вояга етмаганларнинг ҳуқуқлари бузилиш эҳтимолини олдини олиш учун ҳуқуқий механизмлар ҳам жорий этилиши талаб қилинади.

Мисол учун, Жанубий Кореяда болаларни ҳимоя қилиш билан боғлиқ хавфларни баҳолаш учун рақамли технологиялар кенг жорий этилмоқда. Бироқ, мазкур соҳани ҳуқуқий жиҳатдан тартибга

солиниши жараёни нисбатан янги ҳисобланади ва ҳанузгача такомиллаштирилмоқда.

Бу борадаги фаолиятни тартибга солувчи асосий қонунлар – Child Welfare Act ва Personal Information Protection Act ҳисобланади.

Яна битта мисол, Нидерландияда ҳам вояга етмаганларга нисбатан ҳавфларни прогноз қилиш ва баҳолаш учун таҳлилий Дастур ва воситалардан фаол фойдаланилади. Бундай воситалардан бири бу болаларни ҳимоя қилиш мақсадида ҳавфни баҳолаш учун фойдаланиладиган “Risk Assessment Instrument for Child Protection (RIK)” ҳисобланади. Мазкур фаолият шахсий маълумотлардан фойдаланишни қатъий назорат қилувчи “Маълумотлар ва махфийликни ҳимоя қилиш тўғрисида”ги Қонун билан тартибга солинади.

Бу борада болалар ва ёшлар учун хизматларни тартибга солувчи қонунлар бу “Dutch Youth Act”, шунингдек “General Data Protection Regulation (GDPR)”ни ташкил этади.

4. Юқоридаги қайд этилган барча *(ягона маълумотлар базаси ва ҳ.к.)* ва шу каби бошқа Дастур ва тизимларни жамловчи махсус рақамлаштирилган Ахборот тизимини жорий қилиш. *(тизим заруратга кўра бошқа янги Дастур ва тизимлар билан интеграция қилинади ва такомиллаштириб борилади).*

Махсус рақамлаштирилган Ахборот тизимини жорий қилиниши қуйидаги афзаллик ва имкониятларни беради:

прокурор фаолиятини амалга ошириш учун зарур бўлган (мутасадди давлат органлари ва ташкилотларнинг) маълумотларни ягона база орқали сақлаш ва қидириш, уларни осон ва тезкор олиш орқали прокурор фаолияти самарадорлиги ошади;

маълумотларни киритиш, сақлаш ва таҳлил қилиш автоматлаштирилиши натижасида бунинг учун сарфланадиган вақт тежалади;

прокуратура, суд ҳамда бошқа давлат органлари, идора ва ташкилотлар ўртасида маълумот алмашинуви тезкорлиги ошади;

барча зарур маълумотлар бир жойда сақлаш ва уларни бир вақтнинг ўзида олиш имкониятини яратиш орқали мутасадди органлар ўртасидаги ҳамкорлик даражаси янада ошади;

сунъий интеллект ёрдамида маълумотларни таҳлил қилиш ва прогнозлаштириш имкониятини яратиш орқали прокурорларга ишларнинг ҳавфли жиҳатларини аниқлаш ҳамда кўрилиши лозим бўлган тегишли чораларни тавсия қилишга кўмаклашади;

графикалар, диаграммалар ва хариталар орқали маълумотларни яхшироқ тушуниш ва асосли хулосалар чиқариш имкони яратилади;

АКТ орқали прокурорлар суд мажлисларига масофадан, тезкор ва осон қатнашиш имконини яратиш орқали, уларнинг судга бориб келиш учун сарфланадиган вақти тежалади, суд ишларини тезкор кўриб чиқиш учун замин яратилади;

сунъий интеллектга асосланган дастурлар прокурорларнинг иш фаолиятини соҳалар бўйича чуқур таҳлил қилиш, натижалари бўйича қонуни ва асосли қарорлар қабул қилишга кўмаклашади;

маълумотларни шифрлаш, махсус алоқа каналлари ва бошқа техник талаблар орқали тизимда ахборот хавфсизлиги таъминланади;

қонун ҳужжатлари ва тартиблар асосида маълумотларнинг махфийлиги ҳимояланади, бу билан вояга етмаганларнинг ҳуқуқлари бузилиши эҳтимоли камаяди;

ягона маълумотлар базаси ва унга интеграция қилинган тизимлар асосида ҳуқуқни қўллаш амалиётини мувофиқлаштириш ва ягона суд амалиётини шакллантириш имкони яратилади;

барча жараёнлар ва маълумотларнинг ҳаққонийлиги ва шаффофлиги ҳисобдорлик даражаси ошади;

ягона ахборот тизимига янги дастурлар ва технологияларни интеграция қилиш ҳамда тизим фаолияти самарадорлигини баҳолаш ва мониторинг қилиш имкони уни доимо замон талаблари асосида такомиллаштириб борилишини таъминлайди;

дастурнинг амалга оширилиши прокуратура органларига хизматга қабул қилинган иш ўрганувчи ва ёш мутахассисларга, шунингдек, малакасини ошираётган ходимларнинг билими ҳамда касб-маҳоратини оширишга кўмаклашади.

Мисол учун, прокуратура органларининг рақамлаштирилган Ахборот тизими орқали болалик ва оналикни ҳимоя қилишга оид қонунчилик ижроси юзасидан ўтказилган текширишда ёш она узок муддат давомида туғруқхонадан янги туғилган чақалоғини олишдан бош тортганлиги ҳолати аниқланди.

Мазкур ҳолатда Ахборот тизимида маълумотлар билан ишлашда қуйидаги босқичларини амалга оширилади:

мазкур текширишга оид барча маълумотлар ягона маълумотлар базасига сақланади;

сақланган маълумотлар асосида ахборот тизими автоматлаштирилган тартибда текшириш натижаларини таҳлил қилади;

ягона (идоралараро) маълумотлар базасида мавжуд маълумотлар асосида тизим онани оналик ҳуқуқидан маҳрум қилиш билан боғлиқ (туғруқхонадан чақалоғини олишдан бош тортган даврда она касаллиги туфайли тиббиёт муассасасида даволанган ёки даволанмаган, онанинг саломатлиги ҳолати, яшаш ҳудудидан ташқарига чиқиб кетганлиги ҳолати ва шу каби бошқа) зарур маълумотлар жамланади;

таҳлил натижасига кўра туғруқхонадан янги туғилган чақалоғини олишдан бош тортганлиги ҳолати Оила кодексининг 79-моддасига мувофиқ онани оналик ҳуқуқидан маҳрум қилиш учун асос бўлиши сабабли прокурорга унга нисбатан оналик ҳуқуқидан маҳрум қилиш тўғрисида судга даъво ариза киритиш лозимлиги тавсия қилинади;

прокурорга оналик ҳуқуқидан маҳрум қилиш тўғрисида судга даъво ариза намунаси ва лойиҳаси таклиф этилади;

қонунчиликда даъво аризага илова қилиниши лозим бўлган (*шу жумладан бошқа давлат органлари ва идоралардан олинadиган*) ҳужжат ва маълумотлар рўйхати тузилиб, улар ягона маълумотлар базасидан олиб берилади;

фойдаланувчининг хоҳишига кўра кўра мазкур ҳолатга оид маълумотлар асосида тегишли графика (диаграмма)лар шакллантириб берилади;

фойдаланувчига хоҳишига кўра мазкур ҳолат бўйича суд амалиётига оид (Олий суд пленуми қарорлари, суд қарорлари ва ҳ.к.) ҳужжатлар ҳамда бу борада прокуратура органлари томонидан амалга оширилган ва оммалаштирилган ижобий ишларни ўрганиб чиқиш тавсия этилади;

барча қайд этилган ҳаракат ва тавсиялар рақамлаштирилган Ахборот тизимида фойдаланувчининг шахсий профилъ хотирасида сақланади.

Энг асосийси, судларда прокурор иштирокини такомиллаштиришнинг юқорида қайд этилган замонавий усуллари (дастурий таъминотларни ишлаб чиқиш, синовдан ўтказиш, амалиётга жорий этиш каби босқичлари) жорий этиш жуда катта молиявий ҳаражат талаб қилмайди. Сабаби дастурий таъминот билан боғлиқ барча ишлар Бош прокуратуранинг Ахборот-

коммуникация технологияларини жорий этиш ва ахборот хавфсизлигини таъминлаш бошқармаси мутахассислари томонидан амалга оширилади¹.

Юқоридагиларга кўра, прокуратура органлари ҳозирги кунда ўз фаолиятининг асосий йўналишлари бўйича, шу жумладан, фуқаролик судларда вояга етмаганлар билан боғлиқ ишлар кўрилишида прокурор иштироки самарадорлигини ошириш ва такомиллаштириш мақсадида махсус рақамлаштирилган Ахборот тизимини яратиш ва жорий этиши зарур деган хулосага келишимиз мумкин.

Прокуратура органларида бундай Ахборот тизимлари жорий этилиши идорада ташкилий-технологик ва услубий ишларни осонлаштиради, ҳужжатлар ва таъсир чораларни сифатини оширишга кўмаклашади.

Шу сабабли мазкур таклифларни амалиётга татбиқ этиш учун энг аввало мазкур инновацион ёндашувларни амалга оширилишини тартибга солувчи тегишли қонун ҳужжатлари (Ўзбекистон Республикаси Президенти қарори) ҳамда идоравий ва идоралараро (Бош прокурор буйруғи, суд ҳамда бошқа мутасадди ҳуқуқни муҳофаза қилувчи ва давлат органлари, идора, ташкилотлар ўртасида идоралараро қўшма қарорлар) ҳужжатларни тасдиқлаш, ҳужжатда уларнинг ҳуқуқ ва мажбуриятларини ҳамда хавфсизлик ва махфийлик талабларини белгилаш ҳамда Бош прокуратура Академиясида бу борада ходимларнинг билим, касб-маҳоратини ошириш юзасидан ўқув курслари ва семинарлар ташкил этиш лозим.

¹ Бошқа ҳуқуқни муҳофаза қилувчи ва давлат органларида бу борадаги ишлар аутсорсинг асосида амалга оширилиши сабабли жуда катта молиявий ҳаражат талаб қилади.

ҲИКМАТОВ ШУҲРАТ ШАБАНОВИЧ

Ўзбекистон Республикаси
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
мустақил изланувчиси

НОГИРОНЛИГИ БЎЛГАН ШАХСЛАРНИНГ ҲУҚУҚЛАРИГА РИОЯ ЭТИЛИШИ УСТИДАН ПРОКУРОР НАЗОРАТИНИНГ ҲУҚУҚИЙ МУАММОЛАРИ

Аннотация: Мазкур мақолада Ўзбекистонда ногиронлиги бўлган шахсларнинг ижтимоий ҳимояси, ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини муҳофаза қилишда прокуратура органларининг роли ва прокурор назоратини ташкил этиш масалалари таҳлил қилинган. Жаҳон банкининг тадқиқотлари ва ижтимоий сўровларга кўра, мамлакатда ногиронликнинг тарқалиши ёшга боғлиқ бўлиб, 60 ёшдан юқори аҳолининг кўпчилиги ушбу ҳолатга дуч келмоқда. Мақолада ногиронлар ҳуқуқларини ҳимоя қилишдаги қонунчилик ижроси устидан прокуратура назоратининг аҳамияти, шунингдек мавжуд муаммолар ва уларни ҳал этиш йўллари кўриб чиқилган. Ногиронлиги бўлган шахсларнинг моддий ва ижтимоий ҳимоясини таъминлашда прокуратуранинг фаолияти такомиллаштиришининг долзарблиги таъкидланган.

Калит сўзлар: ногиронлик, ижтимоий ҳимоя, прокурор назорати, ҳуқуқлар, қонуний манфаатлар, Ўзбекистон, ижтимоий сиёсат.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы социальной защиты инвалидов в Узбекистане, роль органов прокуратуры в обеспечении их прав и законных интересов, а также организация прокурорского надзора за исполнением законодательства. Согласно исследованиям Всемирного банка и социальным опросам, распространённость инвалидности связана с возрастом, при этом большая часть населения старше 60 лет сталкивается с данной проблемой. В статье анализируется значимость прокурорского надзора за соблюдением законодательства в области защиты прав инвалидов, выявляются существующие проблемы и предлагаются пути их решения. Подчёркивается необходимость совершенствования деятельности прокуратуры в обеспечении материальной и социальной защиты инвалидов.

Ключевые слова: инвалидность, социальная защита, прокурорский надзор, права, законные интересы, Узбекистан, социальная политика.

Abstract: This article examines the social protection of persons with disabilities in Uzbekistan, the role of prosecution bodies in safeguarding their rights and legal interests, and the organization of prosecutorial oversight over the implementation of relevant legislation. According to the World Bank studies and social surveys, the prevalence of disability is closely related to age, with a majority of the population over 60 affected. The article analyzes the importance of prosecutorial oversight in ensuring compliance with disability rights laws, identifies existing challenges, and

proposes solutions. The need to improve the prosecution's activities in providing material and social support to persons with disabilities is emphasized.

Keywords: *disability, social protection, prosecutorial oversight, rights, legal interests, Uzbekistan, social policy.*

Жаҳон банки томонидан ўтказилган тадқиқотлар ва ижтимоий сўровга мувофиқ, мамлакатимизда уч ёш ва ундан катта ёшдаги аҳолининг 13,5 фоизи ногиронликнинг бир турига, 3,5 фоизи эса жиддий ногиронликка эга. Бундан ташқари, сўров натижаси шуни кўрсатдики, уй хўжаликларининг 45 фоизида ногиронлиги бўлган шахслар ва уй хўжаликларининг 14 фоизида оғир ногиронлиги бўлган шахслар яшаб келади. Ногиронликнинг тарқалиши ёш билан чамбарчас боғлиқ бўлиб, 60 ва ундан катта ёшдаги одамларнинг 54 фоизи ногиронликнинг бир турига эга. Шу боис ногиронлиги бўлган шахсларнинг ҳуқуқларини, қонуний манфаатларини ҳимоя қилишда прокуратура органларининг ўрни муҳим ҳисобланиб, бу борада прокуратура органлари бир нечта йўналишда прокурор назоратини амалга оширади.

Бинобарин, мамлакатимизда ногиронлиги бўлган шахсларнинг ижтимоий ҳимоясини таъминлаш, уларни моддий жиҳатдан рағбатлантириш борасида амалга оширилаётган муҳим ислохотларни аниқ ва бир хилда бажарилишини таъминлаш прокуратура органлари зиммасига улкан масъулият юклайди.

Давлатимиз раҳбарининг ташаббуслари туфайли прокуратура органларининг бутун қиёфаси ҳам кейинги йилларда тубдан ўзгарди. Энг муҳим жиҳати шундаки, прокуратурани том маънодаги “Халқ прокуратураси”га айлантириш бўйича кўрилаётган чоралар самараси ўларок, узоқ йиллар давомида одамларда жазоловчи орган сифатида тасаввур уйғотиб келган тизим энди уларнинг ҳақ-ҳуқуқлари, ўз навбатида, давлатнинг манфаатларини ҳимоя қилувчи, жамиятда қонун устуворлиги ва адолат тантанасини таъминлашга ҳисса қўшувчи тузилмага айланмоқда¹.

Ўзбекистонлик ҳуқуқшунос олим Ф.Рахимов тўғри таъкидлаганларидек, прокуратура органлари фаолияти йўналишлари икки турга бўлинган бўлиб, биринчиси – прокуратура органларининг ўз назорат фаолиятини амалга ошириш, иккинчиси – прокуратура

¹ Йўлдошев Н.Т. Янги Ўзбекистон прокуратураси: ислохотларнинг дастлабки самаралари // “Янги Ўзбекистон” газетаси, 2021 йил 17 августдаги сони.

органларининг назорат билан боғлиқ бўлмаган фаолият йўналишларидан иборат¹. Дарҳақиқат, прокуратура органларининг қонунлар ижроси устидан назоратни амалга оширишдаги асосий йўналишларидан бири ногиронлиги бўлган шахслар ҳақидаги қонунчилик ижроси устидан прокурор назорати саналади.

Ногиронлиги бўлган шахсларнинг ҳуқуқларини, қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш, шунингдек мазкур соҳада қонунийликни таъминлаш прокуратура органларининг асосий вазифаларидан биридир. Ногиронлиги бўлган шахслар соғлиқни сақлаш, меҳнат ва меҳнатни муҳофаза қилиш, таълим, ижтимоий таъминот олиш ва бошқа бир қатор соҳаларда шахсий ҳуқуқ ва манфаатларга эга бўлиб, мазкур муносабатлар прокуратура органларининг мазкур соҳадаги назорат йўналишларини белгилаб беради.

Фикримизча, ногиронлиги бўлган шахсларни моддий жиҳатдан рағбатлантириш, уларнинг ижтимоий ҳимояси, шунингдек уларни ижтимоий қўллаб-қувватлашга оид қонунчилик ижроси устидан назорат прокуратура органларининг ушбу соҳадаги фаолиятининг муҳим йўналишларидан биридир.

Бизнингча, ногиронлиги бўлган шахсларнинг меҳнат муҳофазаси, жумладан уларни ишга қабул қилиш ва ишдан бўшатиш, уларга муносиб меҳнат шароитларининг яратилиши, иш вақтининг белгиланиши ҳамда имтиёзлар тақдим этилиши, бундан ташқари ногиронлиги бўлган болаларнинг ҳуқуқларини таъминланиши, уларнинг уй-жойга бўлган ҳуқуқларининг қай даражада таъминланаётганлиги кабилар ҳам чуқур ўрганилиши лозим.

Ушбу илмий изланишимиз доирасида ногиронлиги бўлган шахсларнинг ижтимоий ҳимояси тўғрисидаги қонунчилик ижроси устидан 2024 йилдаги прокурор назорати амалиёти, хусусан прокуратура органлари ўтказган текшириш материаллари ўрганилди. Таҳлилларимизга кўра, прокуратура органлари томонидан ўтказилган текширишларда ушбу соҳада бир қатор хато ва камчиликлар аниқланган. Бу эса, прокуратура органларининг ушбу соҳада прокурор назоратини ташкил этиш билан боғлиқ фаолиятини такомиллаштиришга зарурият борлигини кўрсатади.

Шуни ҳам алоҳида таъкидлаш жоизки, ногиронлиги бўлган шахсларнинг ижтимоий ҳимоясини таъминлашда касбий меҳнат

¹ Рахимов Ф.Х. Прокурор назорати ва унинг йўналишлари: илмий-амалий мақолалар тўплами // Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратурасининг Олий ўқув курслари / ю.ф.д. Т.А.Умаров умумий таҳрири остида. – Т.: “Ношир” нашриёти, 2008. – Б. 115.

лаёқатини йўқотган шахсларни ижтимоий қўллаб-қувватлаш муҳим ўрин эгаллайди. Бу борада уларни ҳимоя қилишнинг қонуний асоси сезиларли равишда такомиллашиб бормоқда. Шундай бўлса-да, мазкур соҳада қонунчилик нормаларига қатъий амал қилмаслик, аксарият ҳолларда қонун бузилиши ҳолатлари учрамоқда.

Бундан ташқари, Ўзбекистон Республикаси Оила кодексининг 97- ва 103-моддаларига асосан вояга етмаган, меҳнатга лаёқатсиз, ёрдамга муҳтож болаларнинг фавқулодда ҳолатлар (боланинг оғир шикастланиши, касал бўлиши ва бошқалар) туфайли келиб чиққан қўшимча харажатларида ота-она тенг иштирок этиши шартлиги белгиланган.

Юқоридаги маълумотлар ногиронлиги бўлган шахслар ҳуқуқларига риоя қилиш соҳасини тартибга солувчи норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар ижросини прокуратура органлари томонидан мунтазам равишда назорат қилиб борилиши лозим эканлигини кўрсатади.

Бу борада муайян ишлар амалга оширилган бўлса-да, прокуратура органлари томонидан “Ногиронлиги бўлган шахсларнинг ҳуқуқлари тўғрисида”ги қонуни ва соҳага оид бошқа қонунчилик ҳужжатлари ижроси бўйича ўрганишлар, ногиронлиги бўлган шахсларни ижтимоий ҳимоя қилиш ва улар билан манзилли ишлаш борасида тизимли хато ва камчиликлар мавжудлигини кўрсатди.

Хусусан, Бош прокуратура томонидан Тиббий-ижтимоий хизматларни ривожлантириш агентлиги тизими ҳамда соғлиқни сақлаш муассасалари врачлик-маслаҳат комиссияларида “Ўзбекистон Республикасида ногиронлиги бўлган шахсларнинг ҳуқуқлари тўғрисида”ги Қонун ҳамда соҳага оид бошқа қонунчилик ҳужжатлари ижроси, айниқса, беморни махсус назоратга олиш, унга ногиронликни белгилаш ва соғломлаштириш ҳолатлари текширилганда жиддий камчиликлар мавжудлиги аниқланган. Жумладан:

Биринчи масала – бирламчи тиббий-санитария ёрдами муассасалари томонидан аҳолини тиббий текширувлардан ўтказиш, ташхислаш, Даволаш профилактика муассасалари томонидан даволаш ва реабилитация қилиш ишлари лозим даражада олиб борилмаганлиги оқибатида ногиронлиги бўлган (*шу жумладан қайта ногиронлик белгиланган*) шахслар сони йилдан-йилга ошиб бормоқда.

Иккинчи масала – оилавий шифокорлар томонидан болалар орасида бирламчи патронажни сифатсиз ўтказиш, бемор болаларни диспансер (*кейинги ўринларда – “Д”*) назоратига кеч олиш,

хужжатларни болалар врачлик-маслаҳат комиссиясига ўз вақтида тақдим этмаслик бемор болаларга ногиронликни муддатида белгиламаслик ҳолатларини келтириб чиқарган.

Учинчи масала – айрим болалар врачлик-маслаҳат комиссиялари Адлия вазирлигида 2009 йил 15 сентябрда 2005-сон билан рўйхатга олинган “16 ёшгача бўлган болаларни ногирон деб топиш ҳақида тиббий хулоса бериш тартиби тўғрисидаги низом” талабларига риоя қилмасдан ногиронлиги бўлган болалар ҳуқуқларини бузилишига сабаб бўлганлар.

Тўртинчи масала – манфаатдор ташкилотлар ўртасида ногиронлиги бўлган шахсларга доир идоралараро маълумотлар алмашиш тизими яхши йўлга қўйилмаганлиги ногиронлиги бўлган шахсларни даволаш ва реабилитация қилиш ишларини ўз ҳолига ташлаб қўйилганлигидан далолат беради.

Бироқ, бизнинг фикримизча, сўнгги етти йил давомида эришилган улкан ютуқларга қарамасдан, ногиронлиги бўлган шахсларнинг ҳуқуқларини ҳимоя қилиш соҳасидаги қонунчиликни янада такомиллаштириш зарурати мавжуд. Жумладан, ногиронлик нафақаларини ҳисоблаш тартибини янада такомиллаштириш, барча тоифадаги ногиронлар учун пенсияларни ҳисоблаб чиқаришга асос бўладиган муайян мезонлар ва кўрсаткичларни жорий этиш, хусусан, унинг қарамоғида бўлган шахсларнинг сонига қараб оширишни назарда тутувчи норма билан тўлдириш лозим, деб ҳисоблаймиз. Зеро бу каби амалиёт, масалан, Россия Федерациясида ҳам йўлга қўйилаётганлигини алоҳид таъкидлаш жоиздир¹.

Шу каби, Ўзбекистон Республикаси Камбағалликни қисқартириш ва бандлик вазирлиги томонидан Ўзбекистон Республикаси Президентининг “Ногиронлиги бўлган шахсларни ҳамда аҳолининг ижтимоий ҳимояга муҳтож қатламларини қўллаб-қувватлашнинг қўшимча чора-тадбирлари тўғрисида” 2022 йил 17 февралдаги ПФ-74-сон Фармонида иловада белгиланган касалликка чалинган ва ўзгалар парваришига муҳтож ногиронлиги бўлган 18 ёшгача бола деб топилган болаларнинг қонуний вакили парваришlash нафақасини олиш ҳуқуқига эга. Бироқ, ўзгалар парваришига муҳтож бўлган ёлғиз кексалар ва ўзгалар парваришига муҳтож ногиронлиги бўлган

¹ Воскресенская Е.В., Абдулкеримов Р.А., Халилов И.В. Проблемы правозащитной деятельности в сфере защиты прав инвалидов. Социология и право, №1, 2017. – С. 106-115.

шахсларнинг парвариши билан банд бўлган қонуний вакилига нафақаларни тайинлаш тартиби мавжуд эмас.

Шу туфайли ҳам айрим фуқаролар оиласидаги ногиронлиги бўлган оила аъзоларини ихтисослаштирилган “Мурувват” ва “Саховат” уйлари, “Меҳрибонлик” болалар уйлари каби муассасаларга жойлаштиришади. Ногиронлиги бўлган шахсларни ва ёлғиз кексаларни қўллаб-қувватлашнинг оилавий шакллари ривожлантириш мақсадида ногиронлиги бўлган оила аъзоларини парвариш қилаётган шахсларга ижтимоий нафақа жорий этиш натижасида, ихтисослаштирилган муассасаларга талабни ва уларнинг сонини камайтиришга, ногиронлиги бўлган шахслар ва қарияларни психологик ҳолатига ижобий таъсир кўрсатадиган оилавий муҳитда қўллаб-қувватлашга ва ихтисослаштирилган муассасаларни сақлаш учун ажратилган бюджет маблағларини имтиёзлар беришга йўналтириш билан оптималлаштириш мумкин.

Баён этилган қонун бузилиши ҳолатларининг келиб чиқишига доир ишлар тизимли равишда ташкил этилмаганлиги, вазирлик томонидан тегишли идоралар билан ҳамкорлик етарли даражада йўлга қўйилмаганлиги, “Ўзбекистон Республикасида ногиронлиги бўлган шахсларнинг ҳуқуқлари тўғрисида”ги Қонун ва соҳага оид норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар ижроси лозим даражада бажарилмаганлиги сабаб бўлган.

Миллий қонунчиликда ногиронлиги бўлган шахсларнинг меҳнатга бўлган ҳуқуқини ҳимоя қилиш, уларга имтиёзлар берилиши бўйича қоидалар белгиланганига қарамасдан, айрим ҳуқуқий механизмлар ишлаб чиқилмаганлиги ва ҳуқуқий бўшлиқлар мавжудлиги сабабли мамлакатимизда 162 минг нафар муайян меҳнат турларини бажаришга лаёқатли ногиронлиги бўлган шахсларнинг атиги 21 минг нафари ёки 13 фоизи¹ иш жойига эга холос. Ушбу рақамлар ногиронлиги бўлган шахсларнинг бандлигини таъминлаш масаласи долзарб ижтимоий муаммо эканлигини яна бир бор тасдиқламоқда.

Қонунчилик ҳужжатларида ногиронлиги бўлган шахсларнинг бошқалар билан рақобатбардош меҳнат ҳуқуқига эга бўлишларини кафолатловчи нормалар етарли эмас, айрим ҳолларда ушбу ҳуқуқни

¹ Ўзбекистон Республикаси Камбағалликни қисқартириш ва бандлик вазирлигининг расмий телеграм каналидаги маълумот (вазирлик томонидан ногиронлиги бўлган шахслар меҳнат ҳуқуқи таҳлили, 27.07.2020). Электрон манбаа: <https://t.me/mehnatvazirligi/2580> (Мурожаат санаси: 15.05.2023).

таъминловчи, норматив-ҳуқуқий ҳужжат билан тасдиқланган ногиронлиги бўлган шахслар фаолият кўрсатиши мумкин бўлган касб ва лавозимлар рўйхати каби механизмлар белгиланмаган.

Айрим хорижий тадқиқотчилар ногиронлиги бўлган шахслардан уларнинг ҳолатини тасдиқловчи маълумотлар олинмаслигини ҳам меҳнат ҳуқуқини чеклаши мумкин, деган фикр билдиради.

Хусусан, Ю.Гайдидей ва Н.Белопытковалар ўз тадқиқот ишларида Россия Федерацияси Меҳнат кодексида ишга қабул қилиш вақтида талаб қилинадиган ҳужжатлар орасида ногиронлиги бўлган шахслар учун (оғир ва зарарли ишлардан ташқари) уларнинг бундай ҳолатини тасдиқловчи ҳужжатлар келтирилмаганлигини ва бунинг натижасида улар қонундаги имтиёзлардан фойдалана олмасликлари мумкинлиги¹ келтирилган.

Ўзбекистонлик ҳуқуқшунос Б.Мунавваровнинг бу борадаги фикрига тўлиқ қўшиламиз. Жумладан, унинг фикрича, меҳнат муносабатлари соҳасида ногиронлиги бўлган шахсларга тенг имкониятларни яратиш йўлидаги асосий муаммо – етарли ҳуқуқий кафолат ва аниқ механизмларнинг ишлаб чиқилмаганлиги ва жорий этилмаганлиги бўлиб қолмоқда. Жумладан, айрим ҳуқуқий ноаниқлик ва тизимли бўшлиқлар сабабли ногиронлиги бўлган шахсларнинг меҳнат ҳуқуқларини таъминлаш борасидаги қоидалар амалиётда ишламасдан қолмоқда. Бундай бўшлиқлардан бири норматив кучга эга бўлган лавозимлар учун минимал функционал мажбуриятлар рўйхати ишлаб чиқилмагани ва тасдиқланмаганидир. Уларнинг мавжуд эмаслиги ногиронлиги бўлган шахсларнинг ишга жойлашиши ва меҳнат фаолиятини давом эттиришда қийинчиликлар ва ортиқча жараёнлардан ўтишларига сабаб бўлмоқда².

Фикримизча, санаб ўтилган муаммоларга ечим сифатида Соғлиқни сақлаш вазирлиги томонидан Иқтисодиёт ва молия ҳамда Ахборот технологиялари вазирликлари, Ижтимоий ҳимоя миллий агентлиги билан биргаликда диспансер ҳисобига олинган беморларнинг ягона электрон реестрини яратиш ва уни ногиронлиги бўлган шахсларнинг ягона электрон реестри билан интеграция қилиш, деб ҳисоблаймиз. Шунингдек ногиронликни белгилашда

¹ Гайдидей Ю., Белопыткова Н. Проблемы правового регулирования труда инвалидов. Государство и право в XXI веке, 2017 (4). – С.24-30.

² Мунавваров Б.Ж. Ногиронлиги бўлган шахсларнинг меҳнат ҳуқуқини таъминлаш масалалари // Магистрлик диссертацияси. – Тошкент: Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси, 2022. – Б.57.

хужжатларни электрон дастур орқали ҳаракатланиш ва ногиронликни белгилаш тартибини жорий қилиш вақти келди, деб ўйлаймиз. Бунда ногиронлик белгилари аниқ кўриниб турган, анатомик нуқсонлари бўлган шахсларни клиник-функционал маълумотларни олишга доир қўшимча текширувдан ўтказмасдан туриб, тасдиқланган касалликлар рўйхати асосида фуқаронинг иштирокисиз “ногиронлиги бўлган шахс” деб белгилаш мақсадга мувофиқ бўлади¹.

Юқоридаги таҳлиллардан келиб чиққан ҳолда, ногиронлиги бўлган шахсларнинг ҳуқуқларини таъминлашда прокурор назоратини такомиллаштиришнинг асосий йўналишларини кўриб чиқишимиз мумкин. Жумладан, текширишларни ташкил этишда ҳудудий прокуратура органлари фаолиятида фойдаланиши учун нафақат ногиронлиги бўлган шахсларнинг ижтимоий ҳимояси тўғрисидаги қонунчилик ижроси устидан прокурор назорати, балки мазкур соҳанинг бошқа йўналишларига оид амалий қўлланмалар ишлаб чиқиш лозим. Унда ногиронлиги бўлган шахсларга оид қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг объекти, предмети, шунингдек текшириш давомида ўрганилиши лозим бўлган масалалар, текшириш саволномаси, текширишга жалб этилиши лозим бўлган мутахассислар каби муҳим масалалар аниқ акс эттирилиши ҳамда Бош прокуратура ҳайъати томонидан тасдиқланган ҳолда ҳудудий прокуратура органлари томонидан хизматда фойдаланиши учун мажбурий этиб белгиланиши зарур.

Зеро, ногиронлиги бўлган шахсларнинг ижтимоий ҳимоясига оид қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратини ташкил этиш билан боғлиқ бўлган ягона ёндашувнинг мавжуд эмаслиги, ҳудудий прокуратура органлари томонидан мазкур йўналишда текширишларни амалга оширишда турли хил хато ва камчиликлар пайдо бўлишига олиб келмоқда.

Хуллас, ногиронлиги бўлган шахслар тўғрисидаги қонунчилик ижроси устидан прокурор назорати прокуратура органларининг асосий фаолият йўналишларидан бири ҳисобланиб, бу борада давлат органлари фаолиятида қонун бузилиши ҳолатларини олдини олиш борасида назоратни янада кучайтириш лозимлигини тақозо этмоқда.

¹ Юсупов А.С. “Ногиронлар ҳуқуқлари тўғрисида”ги конвенциянинг амалга оширилиши: муаммо ва ечимлар // Битирув иши. – Тошкент: Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси, 2023. – Б.73.

ADHAM S. ODINAYEV

PhD, Professor

E-mail: a.odinayev85@gmail.com

HOW IS THE SPECIFIC PERFORMANCE OF THE ORIGINAL OBLIGATION ACTUALLY CARRIED OUT?

Annotation: The article discusses specific performance of obligations as a civil-law remedy applied to the violator for the breach of obligations. It also analyzes the features of specific performance in the context of restoring property rights and puts forward proposals for improving the legislation.

Key words: contract, obligation, duty, restoration of rights, civil liability, compensation for damages, penalty, compensation for refusal, concept of liability

Specific performance of an obligation refers to fulfilling the obligation in full compliance with its terms. This involves adherence to the quantity, quality, time, location, and manner specified in the obligation.

Specific performance aims to restore the rights that the injured party had before the violation occurred, primarily focusing on restoring property rights.

Among the civil contracts between individuals and legal entities, specific performance of an obligation holds special importance as a remedy applied to a violator who fails to fulfill their mutually agreed obligations.

Specific performance of an obligation, which restores the violated right to its previous state, is considered one of the primary and effective methods of civil liability.

Specific performance serves as an important guarantee in restoring the rights of participants in contractual relationships to their original condition.

There is a significant difference between restoring a violated right and restoring it in its original form. In the current rapidly evolving conditions, performing an obligation in its original form – i.e., specific performance – is of utmost importance for the party whose rights have been violated.

Specific performance plays a crucial role in fostering a trust-based environment, ensuring economic stability, and raising legal awareness.

Specific performance differs from the closely related remedy of compensation for damages both in substance and form. For example,

when damages are paid, the debtor may be required to eliminate financial losses and repair the harm caused. However, specific performance requires the obligation to be fully executed as originally specified in the contract or as dictated by law, based on the exact form and requirements set forth.

Specific performance helps ensure stability, justice, and equality among the parties in civil transactions, reinforcing property-related trust.

In Article 330, Part 1, of the **Civil Code of the Republic of Uzbekistan**, it is stated: **"Unless otherwise provided by law or contract, if an obligation is not duly fulfilled, the payment of a penalty and compensation for damages does not exempt the debtor from performing the obligation in its original form"** According to this norm, if no special provision is made in the contract or law, the debtor is required to fulfill the obligation fully, i.e., in its original form.

If the debtor fails to perform the obligation properly (i.e., within the prescribed standards, quality, quantity, or time), paying compensation for damages and a penalty (penalty, fine) will not relieve the debtor from performing the obligation in its original form.

For example, if a construction company performs substandard construction work under a contract, it will not only pay a penalty and compensate for damages but will also be required to physically redo the construction properly. The key idea here is that paying compensation for damages and a penalty does not replace specific performance; it manifests as an additional "financial burden."

In paragraph 2 of Article 330 of the **Civil Code of the Republic of Uzbekistan**, it is stated: **"Unless otherwise provided by law or contract, if the obligation is not fulfilled, payment of damages and the penalty for non-fulfillment will relieve the debtor from performing the obligation in its original form"** This rule applies to obligations that are entirely unfulfilled, meaning:

- If no special provision is made in the contract or law;
- In this case, if the debtor compensates for damages and pays the prescribed penalty;
- Then the debtor is not required to perform the obligation in its original form (physically).

For example, if a supplier fails to deliver goods at all and has paid damages and penalties to the buyer for the undelivered goods, the supplier will be relieved from any further delivery. The core idea here is that if the obligation is not performed at all, and both damages and the penalty have

been paid, the debtor is not required to fulfill the obligation again in its original form.

In the third paragraph of the above Article 330 of the **Civil Code of the Republic of Uzbekistan**, two specific cases are mentioned where the debtor is relieved from performing the obligation in its original form:

1. Refusal by the creditor to accept the delayed performance. If the debtor fails to fulfill the obligation within the agreed time and the delay results in the performance losing its significance to the creditor, the creditor has the right to refuse acceptance. In such a case, the debtor is discharged from the obligation to render specific performance. For example, if a company is required to deliver technical equipment by June 10 to organize a concert, and the equipment arrives on June 12 – after the concert has already occurred – the purpose of performance is lost. The client (creditor) may lawfully reject the delivery and terminate the contract. The debtor, upon compensating the creditor for the incurred losses, is released from the duty to fulfill the contract in its original form.

2. Payment of the penalty stipulated as a withdrawal fee. If the contract explicitly states that the debtor may refuse to perform the contract by paying a fixed penalty (*neustoyka*), the debtor shall be released from the obligation to fulfill it in its original form. What does this imply? This case reflects the characteristics of an option contract, in which the debtor is given a choice: either to fulfill the obligation in full, or to exit by paying the specified fee. For instance, assume a lease agreement contains a clause permitting the tenant to terminate the lease early by paying a penalty equal to three months' rent. If the tenant makes this payment and vacates the premises, they are considered legally discharged from further performance. This legal norm protects the creditor from receiving performance that has become meaningless and enables the debtor to exit the contract through financial liability, thus balancing the interests of both parties.

Article 330 of the **Civil Code of the Republic of Uzbekistan** helps to distinguish the principle of specific performance from compensation methods in contractual law.

Some scholars emphasize that specific performance is an independent remedy for civil liability, alongside compensation for damages and payment of a penalty. They acknowledge that "specific performance" is an additional remedy that exists alongside these other options [1].

Some scholars argue that, before the creditor may demand specific performance, they must satisfy the requirements of the "good faith test"

[2]. This implies that the creditor must assess whether specific performance constitutes the most appropriate remedy, based on equitable and practical considerations.

According to **A.G. Karapetov** and **A.A. Gromov**, the “good faith test” requires a contextual evaluation of the following factors:

- Whether the obligation can be fulfilled without the debtor’s personal involvement;
- Whether monetary compensation (damages or penalties) would be adequate to satisfy the creditor’s interest;
- The extent of practical hardship the debtor would face in rendering specific performance;
- The feasibility and procedural complexity of enforcing compulsory performance;
- Any other materially relevant circumstances [3].

The position of forcing the debtor to perform the obligation in its original form is widely discussed in foreign legal systems and judicial practice. For example, under French law doctrine, after the creditor has formally notified the debtor, if performance is impossible or there is a clear disproportion between the cost of performance and the creditor’s benefit, the creditor has the right to demand specific performance. Furthermore, when comparing the cost of performance to the benefit for the creditor, it should be analyzed whether this remedy is appropriate or feasible[4].

Additionally, when analyzing according to the **Draft Common Frame of Reference (DCFR[5])**, which aims to find suitable solutions not only for national legal systems but also for various legal systems, the DCFR stipulates that creditors generally have the right to demand specific performance, with some exceptions[6].

The DCFR developers propose that there are situations where waiving the enforcement of specific performance is acceptable:

- If performance is contrary to the law or completely impossible;
- If performance is excessively burdensome or too costly;
- If performance is of a personal nature.

In accordance with Article 11 of the **Civil Code of the Republic of Uzbekistan**, the protection of civil rights is also ensured through forcing specific performance of obligations. The creditor, based on the debtor’s expertise and reputation in performing specific tasks, should be entitled to demand specific performance from the debtor.

This rule is also outlined in Article 308.3 of the **Russian Civil Code**, where it states that if the debtor fails to perform their obligation, the creditor has the right to demand performance through the court, provided this is not prohibited by the Civil Code, other laws, or the nature of the obligation. This rule means that the creditor can demand specific performance through the court.

Specific performance, as one of the key forms of civil liability, plays a significant role in guaranteeing property obligations, serving not only as a remedy to eliminate the consequences of the violation but also as a legal mechanism to ensure the stability of civil transactions. It ensures that the obligation is performed as originally intended.

Therefore, in the concept of civil liability, specific performance should be viewed as a complementary tool to ensure complete responsibility. In order to protect the creditor's rights, the Civil Code should include a specific provision focused on protecting the creditor's rights regarding obligations.

REFERENCES:

1. **Pavlov A.A.** "Awarding Specific Performance as a Way of Protecting Civil Rights in Obligation Relationships" – St. Petersburg, 2001. – p. 70.

2. **Karapetov A.G.** "Specific Performance and Filling Gaps in the Contract: Continuing to Review New Developments in Foreign Literature." URL: https://zakon.ru/blog/2014/1/11/ispolnenie_v_nature_i_vospolnenie_problov_v_dogovore_prodolzhaem_obozrevat_novinki_zarubezhnoj_lite

3. **Karapetov A.G.** "Specific Performance and Filling Gaps in the Contract: Continuing to Review New Developments in Foreign Literature." URL: https://zakon.ru/blog/2014/1/11/ispolnenie_v_nature_i_vospolnenie_problov_v_dogovore_prodolzhaem_obozrevat_novinki_zarubezhnoj_lite (Karapetov A.G. mentioned work).

4. **Markin P.V.** "Awarding Specific Performance of an Obligation" // Law and Politics. – 2023. – No. 7. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.7.39708 EDN: WJHKCA. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39708.

5. **Aik Kupelyants** "Specific Performance in the Model Rules of European Private Law" / *UCL Journal of Law and Jurisprudence* 15-45 pp.

6. **Civil Law: Obligations** / François Terre, Philippe Simler, Yves Lequette, ... [et al.]. – 12th edition, p. 2032.

“RAQAMLI TRANSFORMATSIYA DAVRIDA HUQUQNI MUHOFAZA QILISH SOHASIDAGI ZAMONAVIY CHAQIRIQ VA TAHDIDLAR” MAVZUSIDAGI XALQARO ILMIY-AMALIY KONFERENSIYA DASTURI

Tashkilotchi:	O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi (xalqaro tashkilotlar ko‘magida)
O‘tkazish sanasi va joyi:	2025-yil 19-20-iyun, O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi (Toshkent shahri, Yunusobod tumani, Rixsiliy ko‘chasi 9)
O‘tkazish formati:	gibrid (onlayn/offlayn); Yalpi majlis, 1,2,3-parallel sessiyalar
Tadbir tillari:	o‘zbek, ingliz, rus

1-KUN (2025-YIL 19-IYUN, Toshkent sh.)	
Salomlashuv qismi	
09:00-09:30	Ishtirokchilarni ro‘yxatga olish/Onlayn-konferensiyaga ulanish
Joy/ulanish uchun havola	1-konferensiyalar zali (Katta konferensiyalar zali) https://us06web.zoom.us/j/85134116085?pwd=cjKrdY8UNEbAxxYVYqn7fON46FtFhZ.1 Identifikator: 851 3411 6085 Kirish kodi: 870069
	O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi faoliyati to‘g‘risidagi videorolikni namoyish etish
Tadbirning ochilishi va salomlashuv	
Moderator: Ye.V. Kolenko – O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig‘ining birinchi o‘rinbosari, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD), professor	
09:30-11:00 <i>Kirish so‘zlari 5 daqiqagacha.</i>	Samadov Salom Ismatovich – O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokurori o‘rinbosari Saidov Akmal Xolmatovich – Inson huquqlari bo‘yicha O‘zbekiston Respublikasi Milliy markazi direktori, akademik Muslimov Ikrom Tuxtamurodovich - O‘zbekiston Respublikasi Oliy sudi raisining birinchi o‘rinbosari Eshmuratov Abdulxakim Xushbokovich – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi Senatining Sud-huquq masalalari va korrupsiyaga qarshi kurashish qo‘mitasi raisi Burxanov Akmal Eshondedayevich – O‘zbekiston Respublikasi Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi direktori

	Shirinov Djaxongir Djabbarovich – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi Qonunchilik palatasining Korrupsiyaga qarshi kurashish va sud-huquq masalalari qo‘mitasi raisi Allaberganov Atabek Validjanovich – O‘zbekiston Respublikasi Hisob palatasi raisining o‘rinbosari Ashrapov Ramazon Axmatxujayevich – O‘zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vaziri o‘rinbosari Antti Karttunen – YeXHTning (OSCE) O‘zbekistondagi loyihalari koordinatori Petra Gorjup – “Mintaqaviy muloqot” HNNT O‘zbekistondagi tarmog‘i boshlig‘i Vasilyev Anatoliy Ivanovich - Belarus Respublikasi Tergov qo‘mitasi raisining o‘rinbosari
11:00-11:30	<i>Jamoaviy suratga tushish</i>
	<i><u>Kofe-breyk</u></i>
	Memorandumlarni imzolash marosimi ● Inson huquqlari bo‘yicha O‘zbekiston Respublikasi Milliy markazi ● O‘zbekiston Respublikasi Hisob palatasi ● O‘zbekiston Respublikasi Markaziy banki va Bosh prokuratura huzuridagi Iqtisodiy jinoyatlarga qarshi kurashish departamenti ● O‘zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi Qonunchilikni tahlil qilish va tartibga solish ta’sirini baholash instituti ● Muhammad al-Xorazmiy nomidagi Toshkent Axborot Texnologiyalari Universiteti ● “Cyber” universiteti ● Rossiya Federatsiyasi N.I.Lobachevskiy nomidagi Nijegorod davlat universiteti ● Rossiya Federatsiyasi prokuraturasi Universiteti bilan yo‘l haritasi
Birinchi parallel sessiya: "Huquqni muhofaza qilish faoliyatida fan va ta’limning dolzarb masalalari" Moderator: Ye.V.Kolenko - <i>O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig‘i birinchi o‘rinbosari, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD), professor</i>	
Joy/ Ulanish uchun havola	1-konferensiyalar zali https://us06web.zoom.us/j/83721687406?pwd=xvKUO1lQtvyoahfcMr5YPvFWTan0y5.1 Identifikator: 837 2168 7406 Kirish kodi: 826313

11:30–13:00 <i>Ma'ruzalar</i> 10 daqiqagacha	Kolenko Yevgeniy Vyacheslavovich - O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'i birinchi o'rinbosari, yuridik fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD), professor <i>Mavzu: Raqamli transformatsiya sharoitida Huquqni muhofaza qilish akademiyasida fan va ta'lim: muammo va yechimlar</i> Matskevich Igor Mixaylovich – Rossiya Federasiyasi prokuraturasi universiteti rektori <i>Mavzu: Rossiya Federasiyasi prokuraturasi universitetining ijobiy tajribalari</i> Bekir Altun – Turkiya adliya akademiyasi prezidenti <i>Mavzu: Turkiya prokuraturasi kadrlarini tayyorlashda Turkiya adliya akademiyasining tutgan o'rni</i> G'afurov Asqar Boyisovich - O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyaviy sudi raisining o'rinbosari, yuridik fanlari doktori, dotsent <i>Mavzu: Sun'iy intellekt: konstitutsiyaviy-huquqiy masalalari</i> Ovchinnikov Vladimir Vasil'yevich - Jinoiy faoliyatdan olingan daromadlarni legallashtirishga va terrorizimni moliyalashtirishga qarshi kurashish bo'yicha Xalqaro tarmoq instituti direktori (onlayn) <i>Mavzu: Jinoiy faoliyatdan olingan daromadlarni legallashtirishga va terrorizimni moliyalashtirishga qarshi kurashish sohasida kadrlarni tayyorlash masalalari</i> Djumaliev Bolot Almasbekovich - Qirg'iziston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Yuridik akademiya prorektori, yuridik fanlari nomzodi, dotsent <i>Mavzu: Qirg'iziston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Yuridik akademiyaning raqamli infratuzilmasini rivojlantirish istiqbollari.</i> Rustambayev Mirzayusuf Xakimovich – O'zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti boshlig'i, yuridik fanlari doktori, professor. <i>Mavzu: Jamoat xavfsizligi sohasida fan va ta'limning dolzarb masalalari</i> Mamasiddiqov Muzaffarjon Musajonovich – O'zbekiston Respublikasi Favqulodda vaziyatlar vazirligi akademiyasi boshlig'i, yuridik fanlari doktori, professor <i>Mavzu: Mamlakatimiz huquqni muhofaza qilish faoliyatida sun'iy intellekt imkoniyatlaridan foydalanish istiqbollari: xorijiy tajriba tahlili asosida</i> Morozov Nikolay Vladimirovich - MIFI Milliy tadqiqot yadro universiteti Moliyaviy texnologiyalar va iqtisodiy xavfsizlik institutining xalqaro hamkorlik bo'limi boshlig'i, yuridik fanlari nomzodi, dotsent <i>Mavzu: Jinoiy yo'l bilan topilgan daromadlarni legallashtirish (yozish) va terrorizimni moliyalashtirishga qarshi kurashish (POD/FT) sohasida mutaxassislar tayyorlashda zamonaviy ta'lim texnologiyalari</i> Raxmonova Surayyo Maxmudovna – O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Bola huquqlari bo'yicha vakili (Bolalar ombudsmani), yuridik fanlari doktori, professor <i>Mavzu: Huquqni muhofaza qiluvchi organlar xodimlarining bola manfaatlarini ta'minlash yuzasidan kasbiy malakasini oshirishning dolzarb masalalari</i>
13:00-14:00	<i>Tushlik uchun tanaffus</i>

14:00–15:30 Ma’ruzalar 10 daqiqagacha	Rustambekov Islambek Rustambekovich - Toshkent davlat yuridik universiteti rektori v.b.b., yuridik fanlari doktori, professor <i>Mavzu: Yuridik fan va ta’limni rivojlantirishning dolzarb masalalari</i> Kuznetsov Andrey Olegovich – Rossiya Federatsiyasi prokuraturasi universiteti kafedra boshlig‘i, falsafa fanlari nomzodi <i>Mavzu: Rossiya Federatsiyasi Prokuraturasi Universitetida maqsadli tayyorgarlikning ayrim xususiyatlari</i> Isoqov Hoji-Murod Isroilovich - O‘zbekiston Respublikasi Sudyalar oliy kengashi huzuridagi Sudyalar oliy maktabi direktori, yuridik fanlari nomzodi, dotsent <i>Mavzu: Raqamlashtirish – odil sudlov samaradorligining omili</i> Bedniy Aleksandr Borisovich - Rossiya Federatsiyasining N.I.Lobachevskiy nomidagi Milliy tadqiqot Nijniy Novgorod davlat universitetining xalqaro faoliyat va tashqi aloqalar bo’yicha prorektori, sotsiologiya fanlari nomzodi, dotsent <i>Mavzu: Tadqiqotlarni olib borishda Nijniy Novgorod davlat universitetining tajribasi</i> Malikova Gulchehra Rixsixonajayevna - O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Qonunchilik va huquqiy siyosat instituti ilmiy xodimi, yuridik fanlari doktori, professor <i>Mavzu: Ta’lim, fan va amaliyotning integrativ modelini shakllantirish masalalari</i> Ruziyev Qobil - Buyuk Britaniyaning Bristol biznes maktabi professori, iqtisod fanlari doktori (onlayn) <i>Mavzu: Iqtisodiy islohotlar va huquqiy qoidalar</i> Yarotskaya Yuliya Aleksandrovna — Belarus Respublikasi Davlat sud-ekspertiza qo‘mitasi Ilmiy-amaliy markazining san’atshunoslik va madaniyatshunoslik tadqiqotlari laboratoriyasi mudiri, madaniyatshunoslik fanlari nomzodi. <i>Mavzu: Voyaga yetmaganlar orasida ekstremistik yo‘nalishdagi huquqbuzarliklar va jinoyatlarning oldini olish.</i> Urinboyev Rustam – Shvesiyaning Lund universiteti professori, yuridik fanlari doktori (onlayn) <i>Mavzu: Huquq ta’limi islohoti: ijtimoiy-huquqiy yondashuvlarni integratsiya qilish</i> Turgunov Murodjon Tursunboyevich – O‘zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi Davlat va huquq instituti direktori, yuridik fanlari doktori , dotsent <i>Mavzu: O‘zbekistonda inson huquqlari sohasidagi ta’limning rivojlanish istiqbollari</i>
15:30-15:45	<i>Kofe-breyk</i>
15:45–17:00 Ma’ruzalar 10 daqiqagacha	Yilmaztekin Hasan Kadir – Turkiya Adliya akademiyasi Tashqi ishlar bo‘limi boshlig‘i <i>Mavzu: Prokuratura organlarini qayta tayyorlashda zamonaviy qarashlar (New perspectives in In-Service training)</i>

	Davlyatov Valisher Xakimjonovich - O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlis Qonunchilik palatasi huzuridagi Parlament tadqiqotlari instituti direktori o‘rinbosari, yuridik fanlari doktori, professor <i>Mavzu: Huquqni muhofaza qilish sohasida advokatura fani rivojlanishining istiqbollari</i> Kamolzoda Barakatullo Raxmatullo - Tojikiston Respublikasi qonuniylik, huquq-tartibot, jinoyatchilikni o‘rganish va prokuratura organlari xodimlarining malakasini oshirish instituti direktori o‘rinbosari <i>Mavzu: Zamonaviy xavf va tahdidlar sharoitida kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishning nazariy va amaliy masalalari</i> Xalilov Akram Utamurodovich - O‘zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi X.Sulaymonova nomidagi Respublika sud ekspertizasi markazi direktori, yuridik fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD) <i>Mavzu: Sud ekspertiza sohasi rivojlanishining zamonaviy tendentsiyalari: raqamli sud ekspertizaning kelajagi</i> Ivanova Yelena Vyacheslavovna - Rossiya Federatsiyasining Tergov qo‘mitasi Moskva akademiyasi kriminalistlar tayyorlash fakulteti dekani, sud-ekspertlik va tezkor-qidiruv faoliyati kafedrasini professori, yuridik fanlari doktori (onlayn) Dyakonova Oksana Gennadevna – Moskva davlat yuridik universiteti sud ekspertizasi kafedrasini professori, yuridik fanlari doktori (onlayn) <i>Mavzu: Sud ekspertlarini qayta tayyorlash - kiberjinoyatchilikka qarshi kurash chorasi sifatida</i> Ibraymov Askar Yesbosinovich - Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Elektron ta’lim bo‘limi boshlig‘i, pedagogika fanlari doktori <i>Mavzu: Akademiyada masofaviy ta’limni transformatsiya qilishda sun’iy intellekt imkoniyatlaridan foydalanishning ilg‘or usullari</i> Mirazov Davron Miragzamovich - O‘zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti kafedra mudiri, yuridik fanlari doktori, professor <i>Mavzu: Jamoat xavfsizligini ta’minlash sohasida ilmiy tadqiqotlarning amaliyot bilan bog‘liqligini ta’minlash masalalari</i> Hidoyatov Baxtiyor Botirovich - Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlari nomzodi, professor <i>Mavzu: O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat protsessual qonunchiligida sudga qadar ish yuritish shakllarining genezisi</i> Odinaev Adham Sa’dulloyevich - O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig‘ining o‘rinbosari v.b., yu.f.f.d., professor <i>Mavzu: Ilmiy sohada yuridik fanlar ixtisosligi bo‘yicha kadrlar tayyorlash sifatini oshirishning dolzarb masalalari</i>
17:00-17:30	Muhokamalar va xulosalar
17:30-18:00	Tadbir yopilishi
Ikkinchi parallel sessiya: “Raqamli transformatsiya davrida kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishning dolzarb masalalari”	

Moderator: L.Yu. Yugay - O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti bo‘limi boshlig‘i, yuridik fanlar doktori (DSc)	
Joy/ Ulanish uchun havola	2-konferensiyalar zali (oynali zal) https://us06web.zoom.us/j/87413567854?pwd=umYpQvr5WNwuBEQjLZkTjZ7MNBMjVS.1 Identifikator: 874 1356 7854 Kirish kodi: 880337
11:30-13:00 Ma’ruzalar 10 daqiqagacha	Musayev G‘ayrat Farxadovich - O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti boshlig‘i Mavzu: <i>Farazlardan yechimlargacha: Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot institutining bir yillik faoliyati natijalari</i> Mustafo Erten (onlayn) - BMTning Dohadagi Kiberjinoyatchilikka qarshi kurash mintaqaviy markazi rahbari Mavzu: <i>BMTning kiberjinoyatchilikka qarshi konvensiyasi va BMT NJBning Dohadagi Kiberjinoyatchilikka qarshi kurash mintaqaviy markazining o‘rni</i> Uilyam Sparks - Xalqaro ekspert (AQSh) Mavzu: <i>Zamonaviy tahdid va xatarlar sharoitida ochiq ma'lumotlar hamda kriptovalyuta bilan ishlashning yangi yondashuvlari</i> Pak Younjai - Seul g‘arbiy okrugi prokurori Mavzu: <i>Ijtimoiy tarmoqlardagi ma'lumotlarni olib qo'yish va ko'zdan kechirishning zamonaviy yondashuvlari: Koreya Respublikasi tajribasi</i> Sudnikovich Ivan Aleksandrovich - Belarus Respublikasi Tergov qo‘mitasining bosh boshqarmasi boshlig‘i o‘rinbosari Mavzu: <i>Zamonaviy kiberjinoyatchilikka qarshi kurashning samarali vositalari: Belarus Respublikasi tajribasi</i> Cedena Alvarez David - Ispaniya Qirolligi milliy gvardiyasi xalqaro bo‘limi boshlig‘i Fortuna Albero Inmaculada - Ispaniya Qirolligi milliy gvardiyasi xalqaro bo‘limi xodimi Mavzu: <i>Terroristik guruhlarining targ‘ibot va odam yollash maqsadida internet tarmog‘idan foydalanishiga qarshi kurashish (“Al-Musasa” operatsiyasi)</i> Irina Xezal Urumova (onlayn) - YUNISEFning voyaga yetmaganlarga qarshi jinoyatlarga qarshi kurash bo‘yicha mustaqil eksperti, Vrotslav universiteti (kriminologiya) tadqiqotchisi Mavzu: <i>Raqamli texnologiyalar voyaga yetmaganlarga nisbatan zo‘ravonlikni qanday o‘zgartirmoqda: Huquq-tartibot idoralari uchun muammolar</i> Merilin Esteves (onlayn) - Lyuksemburg moliyaviy razvedka bo‘limi direktorining o‘rinbosari Sedrik Frans - Lyuksemburg moliyaviy razvedka bo‘limi Cyberteam guruhi moliyaviy tahlilchisi Mavzu: <i>Kiberjinoyatlarning oldini olish, aniqlash va tergov qilish bo'yicha faoliyatni takomillashtirish - Lyuksemburg MPB yondashuvi</i>
13:00-14:00	Tushlik uchun tanaffus
14:00–15:30 Ma’ruzalar	Manuel Giraldes Martins Leston Bandeira (onlayn) - Magnet Forensics, Yevropa, Markaziy Osiyo va Afrika (EMEA) mintaqalaridagi Markaziy ofisning mijozlar bilan ishlash bo‘yicha menejeri

10 daqiqagacha	<i>Mavzu: Magnet Forensics 'ning istiqbolli loyihalari va yechimlari</i> Kamolzoda Barakatullo Raxmatullo - Tojikiston Respublikasi qonuniylik, huquq-tartibot, jinoyatchilikni o'rganish va prokuratura organlari xodimlarining malakasini oshirish instituti direktori o'rinbosari <i>Mavzu: Zamonaviy xavf va tahdidlar sharoitida kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishning nazariy va amaliy masalalari</i> Rasulev Abdulaziz Karimovich - O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Qonunchilik va huquqiy siyosat institutining ilmiy kotibi, yuridik fanlar doktori, professor <i>Mavzu: Kiberjinoyatlarga qarshi kurashish bo'yicha jinoiy-huquqiy siyosat qanday bo'lishi kerak?</i> Xatov Eduard Borisovich (onlayn) - Rossiya Federatsiyasi Tergov qo'mitasining A. Y. Suxarev nomidagi Moskva akademiyasi kriminalistlarni tayyorlash fakultetining axborot texnologiyalari va kiberjinoyatlarni tergov qilishni tashkil etish kafedrasini mudiri, yuridik fanlar nomzodi, dotsent <i>Mavzu: Tergov faoliyatini raqamlashtirishning istiqbolli yo'nalishlari</i> Kaliyev Askar Abujanovich (onlayn) - Qozog'iston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Kasb-hunarga o'qitish instituti Global tahdidlarga qarshi kurash bo'yicha maxsus tayyorgarlik kafedrasini dotsenti <i>Mavzu: Milliy yurisdiksiya doirasidan tashqarida olingan raqamli dalillarning maqbulligi muammosi: Markaziy Osiyo davlatlari jinoyat sudlov tizimi uchun yangi chaqiriq</i> Salixov Temirlan Yusupovich - Rossiya Federatsiyasi Tergov qo'mitasi Bosh kriminalistika boshqarmasi (Kriminalistika markazi)ning texnik-kriminalistik boshqarmasi tergov jarayonini kriminalistik ta'minlash ikkinchi bo'limi boshlig'i o'rinbosari - birinchi bo'linma (elektron tashuvchilarni ko'zdan kechirish) rahbari <i>Mavzu: Raqamli zulmat: katta ma'lumotlar va yuqori latentlik davrida voyaga yetmaganlarning jinsiy daxlsizligiga qarshi jinoyatlarni aniqlash va isbotlash muammolari</i> Toporikova Olga Olegovna (onlayn) - "Belarus Respublikasi Bosh prokuraturasi qonuniylik va huquq-tartibotni mustahkamlash muammolari ilmiy-amaliy markazi" kriminologik ekspertizalarni uslubiy ta'minlash bo'limi boshlig'i <i>Mavzu: Raqamli makonda voyaga yetmaganlarning axloqi va jinsiy daxlsizligini jinoiy-huquqiy himoya qilish: Belarus Respublikasi tajribasi</i> Kapkayev Nariman Ildarovich - Markaziy Osiyo, URP yo'nalishi rahbari <i>Mavzu: Davlat sektoriga qarshi kiberhujumlar: dolzarb tendensiyalar</i>
15:30-15:45	Kofe-breyk
15:45–17:30 <i>Ma'ruzalar</i> 7-8 <i>daqiqagacha</i>	Tsurluy Olesya Yuryevna (onlayn) - Rossiya "Oliy iqtisodiyot maktabi" Milliy tadqiqot universiteti Jinoyat huquqi, jarayon va kriminalistika kafedrasini dotsenti, yuridik fanlar nomzodi, dotsent <i>Mavzu: Voyaga yetmaganlarni raqamli muhitda jinoyat sodir etishga jalb qilishning kriminalistik profilaktikasi</i>

	Yarotskaya Yuliya Aleksandrovna — Belarus Respublikasi Davlat sud-ekspertiza qo‘mitasi Ilmiy-amaliy markazining san‘atshunoslik va madaniyatshunoslik tadqiqotlari laboratoriyasi mudiri, madaniyatshunoslik fanlari nomzodi. <i>Mavzu: Voyaga yetmaganlar orasida ekstremistik yo‘nalishdagi huquqbuzarliklar va jinoyatlarning oldini olish.</i> Gaya Mantini (onlayn) - BMT UNPning elektron dalillar bilan ishlash bo‘yicha global tashabbusi eksperti <i>Mavzu: Elektron dalillar bilan ishlash bo‘yicha global tashabbus: davlat organlari va xususiy sektor o‘rtasidagi salohiyat va hamkorlikni mustahkamlash</i> Aikaterini Kosmarikou (onlayn) - BOOKing.com ning huquqni muhofaza qilish bo‘yicha mutaxassisi <i>Mavzu: Huquqni muhofaza qilish organlari bilan hamkorlik masalalari</i> Sohaib A.Khan (onlayn) - TikTok Pte. Ltd. kompaniyasining Janubiy va Markaziy Osiyo bo‘yicha huquqni muhofaza qilish organlari bilan aloqa bo‘limi rahbari, Singapur <i>Mavzu: TikTok‘ning huquqni muhofaza qilish organlari bilan hamkorligi va elektron dalillarni boshqarish</i> Pinchuk Mariya Alekseyevna - “ACELab” kompaniyasining yetakchi muhandisi (Rossiya) <i>Mavzu: Kompyuter-texnik ekspertizalarni o‘tkazishda “PC-3000 Mobile” majmuasining imkoniyatlari</i> Chumavitskiy Aleksey Dmitriyevich - Belarus Respublikasi Davlat sud ekspertiza qo‘mitasi Ilmiy-amaliy markazining kompyuter texnikasi, radioelektron qurilmalar, foto va video materiallarni tadqiq qilish laboratoriyasi ilmiy xodimi <i>Mavzu: WINDOWS oilasiga mansub operatsion tizimlarda himoyalangan ma’lumotlarga kirish</i> Pala Vaclav (onlayn) - MOBILEdit Forensic kompaniyasi eksperti (Chexiya) <i>Mavzu: Smart-soatlar kriminalistik tadqiqot obyekti sifatida: MOBILEdit Forensic ULTRA maxsus dasturiy ta’minotini qo‘llash orqali eng keng tarqalgan taqiladigan qurilmalarning raqamli ekspertizasi imkoniyatlarini tahlil qilish</i> Yeremin Sergey Borisovich - “LAN-PROYEKT” MCHJ kompaniyasining yetakchi eksperti (Rossiya) <i>Mavzu: Videoregistratorlar texnik ekspertizalarning kriminalistik tadqiqot obyekti sifatida.</i> Hamidov Baxtiyorjon Hamidovich - Toshkent davlat yuridik universiteti Kriminalistika va sud ekspertizasi kafedrasida dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD) <i>Mavzu: Kiber jinoyatlarni tergov qilishda mutaxassisga qo‘yiladigan talablar</i> Yakim Alina Dmitriyevna (onlayn) - Rossiya Federatsiyasi Tergov qo‘mitasining A. Y. Suxarev nomidagi Moskva akademiyasi kriminalistlarni tayyorlash fakulteti axborot texnologiyalari va kiberjinoyatlarni tergov qilishni tashkil etish kafedrasida assistenti

	<i>Mavzu: Tergov faoliyatida neyron tarmoqli texnologiyalarni qo'llash</i> Sabasov Alixan Yerjanovich (onlayn) - Qozog'iston Respublikasi Ichki ishlar vazirligining Makon Yesbulatov nomidagi Olmaota akademiyasi doktoranti, Milliy xavfsizlik va harbiy ishlar magistri <i>Mavzu: Axborotlashtirish sohasidagi huquqbuzarliklar uchun jinoiy javobgarlikning qiyosiy-huquqiy tahlili</i> Makushev Dmitriy Ivanovich (onlayn) - Rossiya Federatsiyasi Prokuraturasi universiteti aspiranti <i>Mavzu: Kiberjinoiyatchilikning oldini olish xususiyatlari: Rossiya Federatsiyasi tajribasi</i>
17:40-17:50	Muhokamalar va xulosalar
17:50-18:00	Tadbir yopilishi
Uchinchi parallel sessiya: “Raqamli davrda korrupsiya va jinoiy daromadlarni legallashtirish va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish” Модератор: X.Tursunbekov – O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi <i>Korrupsiyaga qarshi kurashish ilmiy-ta'lim markazi boshlig'i</i>	
Joy/ Ulanish uchun havola	3-konferensiyalar zali (Amfiteatr) https://us06web.zoom.us/j/83185989677?pwd=u0z2QYFWzHiDAmXNZXhhSNRkwmcC1d.1 Identifikator: 831 8598 9677 Kirish kodi: 046830
11:30–13:00 Ma'ruza 10 daqiqagacha	Bekatova Zumrad Raximbayevna – O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi Senatining Sud-huquq masalalari va korrupsiyaga qarshi kurashish qo'mitasi a'zosi, senator <i>Mavzu: Axborot texnologiyalari davrida Senatning hududlar manfaatini ko'zlab faoliyat yuritishi hamda korrupsiyaning oldini olish yuzasidan mahalliy Kengashlar bilan o'zaro hamkorlik masalalari</i> Edmond Vong – Gonkong (Xitoy) Korrupsiyaga qarshi kurashish bo'yicha mustaqil komissiya sud-moliya tahlili bo'yicha katta eksperti (onlayn) <i>Mavzu: Raqamli davrda Gonkongda korrupsiyaga va pul yuvishga qarshi kurashish</i> Musilimov Daniyar – Qozog'iston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Aktivlarni qaytarish bo'yicha qo'mitasi katta prokurori <i>Mavzu: Aktivlarni qaytarish, huquqiy tartibga solish va jamiyat manfaati uchun foydalanish bo'yicha Qozog'iston tajribasi</i> Rebeka Filip – Ruminiya korrupsiyaga qarshi kurashish Bosh boshqarmasi (DGA)ning Profilaktika boshqarmasining Korrupsiyaga qarshi tadqiqotlar va prognozlar bo'limi polisiya bosh komissari (onlayn) <i>Mavzu: MARC – korrupsiyaviy xavf-xatarlarni boshqarish</i> Gulyamov Said Saidaxrarovich – Toshkent davlat yuridik universiteti Kiberhuquq kafedrası professori <i>Mavzu: Ma'lumotlarni to'plash etikasi</i> Yaroslav Strelchyonok – korrupsiyaga qarshi kurashish masalalari bo'yicha BMT xalqaro eksperti, konsultanti, treneri (Latviya) (onlayn)

	<i>Mavzu: Davlat sektorida korrupsiyaga qarshi profilaktika uchun sun'iy intellektni joriy etish shartlari</i> Buriyev Abdumannop Abduraxmatovich – O‘zbekiston Respublikasi Olii Majlisi Qonunchilik palatasining Korrupsiyaga qarshi kurashish va sud-huquq masalalari qo‘mitasi a‘zosi <i>Mavzu: Raqamli davrda korrupsiyaga qarshi kurashishda parlament hamda jamoatchilik nazoratining o‘rni</i> Adrian Bora – Ruminiya korrupsiyaga qarshi kurashish Bosh boshqarmasi (DGA)ning (Ruminiya) Tergov boshqarmasining Texnik bo‘limi xodimi (<i>onlayn</i>) <i>Tema: Korrupsiyaga qarshi kurashishda raqamli kriminalistikaning ahamiyati</i> Irmanov Azat – BMT Giyohvandlik va jinoyatchilik bo‘yicha boshqarmasining Afg‘oniston, Markaziy Osiyo, Eron va Pokistondagi mintaqaviy vakolatxonasining Korrupsiyaga qarshi kurashish bo‘yicha dastur milliy koordinatori <i>Mavzu: Kiber korrupsiya: nom olishga ulgurmagan yangi chaqiriqlar</i>
13:00-14:00	<i>Tushlik uchun tanaffus</i>
14:00–15:00 Ma’ruza 10 daqiqagacha	Naim AllaxRakxa – xalqaro yurist (Pokiston), Toshkent davlat yuridik universiteti Kiberhuquq kafedrasida doimiy o‘qituvchisi <i>Mavzu: Sun'iy intellekt va korrupsiya: algoritmli qarorlar qabul qilishda yuridik javobgarlik</i> Goran Klemenich – “Mintaqaviy muloqot” XNNTning huquq va korrupsiyaga qarshi kurashish sohasidagi eksperti (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: Axborot texnologiyalari va sun'iy intellekt davrida korrupsiyaning oldini olish va tergov qilish</i> Fayziyev Shavkat Ismatovich – O‘zbekiston Respublikasi Hisob palatasi yetakchi inspektori, texnika fanlari doktori (DSc) <i>Mavzu: Budget va davlat tashkilotlari mablag‘larini masofaviy nazorat qilish orqali korrupsiyaga qarshi kurashishda katta hajmdagi ma'lumotlarni intellektual tahlil qilish usullari</i> Diana Gapak-Xyuz – Moliyaviy jinoyatlarga qarshi kurashish bo‘yicha ekspert (Buyuk Britaniya) (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: Moliyaviy jinoyatlarda zamonaviy texnologiyalar: korrupsiyaga va pul yuvishga qarshi kurashishdagi chaqiriqlar</i> Abro'yev Ulug‘bek Olimxanovich – O‘zbekiston Respublikasi Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi Korrupsiyaga qarshi kurashish tizimini tahlil va monitoring qilish boshqarmasi boshlig‘i o‘rinbosari <i>Mavzu: Kibermakonda korrupsiyaga qarshi kurashish: raqamli muhitda halollikni ta'minlashning huquqiy institutsional asoslari</i> Emmanyuel Lodik-Baron – prokuror, Fransiya Milliy magistratura maktabi (ENM) xalqaro bo‘limining loyihalar boshlig‘i (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: Raqamli davrda korrupsiyaga qarshi kurashish: prokurorlar uchun chaqiriqlar va strategiyalar</i>

	Musashayxov Karimjon Xusanxanovich – O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi Korruptsiyaga qarshi kurashish sohasidagi chora-tadbirlarni muvofiqlashtirish boshqarmasi boshlig‘i v.b. <i>Mavzu: Zamonaviy axborot-kommunikatsiya texnologiyalari tizimida sodir etilayotgan korruptsiyaviy jinoyatlarning oldini olish masalalari</i> Ibragimov Riad Asimovich – “CERT International” direktori, “MANAGEMENT” jurnali bosh muharriri <i>Tema: Korruptsiyaga qarshi menejmentning yangi tizimi – halollikka yo‘l</i> Tursunbekov Xudayberdi – O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Korruptsiyaga qarshi kurashish ilmiy-ta’lim markazi boshlig‘i <i>Mavzu: Prokuratura organlari faoliyatini korruptsiyaga qarshi raqamli transformatsiya qilish masalalari</i> Borsieva Zamirat - O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Korruptsiyaga qarshi kurashish ilmiy-ta’lim markazi katta prokurori <i>Mavzu: Raqamli transformatsiya va korruptsiyaga qarshi strategiya</i>
Uchinchi parallel sessiya (davomi): «Raqamli davrda korruptsiya va jinoiy daromadlarni legallashtirish va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish» Moderator: X.Axmadaliyev – O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Iqtisodiy jinoyatlarga va jinoiy daromadlarni legallashtirishga qarshi kurash kafedrasi boshlig‘i v.v.b.	
15:00-15:30 Ma’ruza 10 daqiqagacha	Robert Barrington – Sasseks universiteti huzuridagi korruptsiyani tadqiqoti bo‘yicha markazda korruptsiyaga qarshi amaliyot professori (онлайн) <i>Mavzu: Pul yuvishda professional vositachilarning roli – oxirgi tadqiqotlar</i> Anastasiya Maga – ESKATO konsultanti <i>Mavzu: Noqonuniy moliyaviy oqimlarni o‘lchash umumiy chegarasi va mintaqa mamlakatlaridagi qo‘llash tajribasi</i> Nora Baxar – Qatar moliyaviy razvedka bo‘linmasining Strategik rivojlanish departamenti direktori (onlayn) <i>Mavzu: FATFning “Yangi texnologiyalarning JDL/TMQK tizimi uchun imkoniyatlari va chaqiriqlari” qo‘llanmasi mazmuni</i>
15:30-15:45	Kofe-breyk
15:45–17:00 Ma’ruza 10 daqiqagacha	Aleksandr Tayman – Yevropa Ittifoqi Global fondining jinoiy daromadlarni legallashtirish va terrorizmni moliyalashtirish masalalari bo‘yicha eksperti (onlayn) <i>Mavzu: Benefitsiar mulkdorlarga doir standartlarning rivojlanishi hamda davlatlar tomonidan mazkur standartlarga moslashish uchun ishlab chiqilishi lozim bo‘lgan instrumentlar</i> Kalandarov Islam Muzaffarovich – Qozog‘iston Moliyaviy monitoring bo‘yicha agentlik Tezkor boshqarmasi boshlig‘i o‘rinbosari <i>Mavzu: Huquqni qo‘llash amaliyotida jinoiy daromadlarni legallashtirish jinoyatlarini tergov qilishning muammoli jihatlar</i> Alik Mdjuma Nyasulu – ESKATO statisti (onlayn)

	<i>Mavzu: Markaziy Osiyo uchun noqonuniy moliyaviy oqimlarni baholash ahamiyati, BRM bilan aloqasi (16.4.1-indikator)</i> Aleksandr Vodyanoy – BMT Narkotiklar va jinoyatchilik bo'yicha boshqarmasining JDL/TM qarshi kurashish bo'yicha maslahatchisi (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: JDL virtual aktivlardan foydalanish tavakkalchiliklari</i> Richard Djoys – "Mintaqaviy muloqot" XNTT eksperti <i>Mavzu: Terrorizmni moliyalashtirish maqsadida kripto-aktivlardan foydalanish</i> Aleksey Kravchenko – ESKATO siyosiy masalalar bo'yicha xodimi (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: Savdodan noqonuniy oqimlarni hisoblash uchun ESKATO raqamli vositaning yaqqol namoyishi</i> Chingiz Bekenov – ESKATO konsultanti <i>Mavzu: Migrantlar o'tkazmalari bilan bog'liq noqonuniy moliyaviy oqimlarni o'lchash usullari, ularni o'lchashdagi qiyinchiliklar</i> Yerkenov Bolat Dosjanovich – Qozog'iston Respublikasi IIV Mekan Yesbulatov nomidagi Olmaota akademiyasi doktoranti, milliy xavfsizlik va harbiy ish magistri (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: Pul yuvish jinoyatlari sxemasida kripto-servislar: Markaziy Osiyo mamlakatlarida tartibga solish tahlili va qarshi kurash</i> Leonov Pavel Yurevich - Auditor, iqtisodiyot fanlari nomzodi, MIFI Milliy tadqiqot yadro universiteti Moliyaviy texnologiyalar va iqtisodiy xavfsizlik institutining moliyaviy monitoring kafedrasida dotsenti <i>Mavzu: Raqamli transformatsiya va BIG DATA hajmining ortishi sharoitida OSINT-texnikasini amalga oshirish masalalari (Oliy ta'lim muassasasining Pensiya jamg'armasi (PFR) bilan hamkorlik tajribasi).</i>
17:00-17:30	Muhokama va xulosalar
17:30-18:00	Tadbir yopilishi
To'rtinchi parallel sessiya: "Yoshlar – korrupsiyaga qarshi harakat yetakchilari" mavzusida maxsus o'quv-seminar (Alohida dastur asosida)	
2-KUN (2025-YIL 20-IYUN Samarqand shahri)	
Kiberjinoyatlarni tergov qilishda dolzarb masalalar va ijobiy tajribalar bo'yicha davra suhbat Moderator: Ye.V. Kolenko – O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'ining birinchi o'rinbosari, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD), professor	
Joy/ Ulanish uchun havola	Samarqand Yoshlar markazi konferensiya zali https://us06web.zoom.us/j/84456179273?pwd=xELfqXypb4dTRHVSIBPvKI3LOCvYIH.1 Identifikator: 844 5617 9273 Kirish kodi: 131597
09:30-10:30 <i>Ma'ruzalar 10 daqiqagacha</i>	Gadjiyev Xagani Moxubbat ogli - O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish Akademiyasi Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti Ixtisoslashtirilgan raqamli tadqiqot markazi boshlig'i, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)

	<i>Mavzu: Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot institutining ilmiy tadqiqot natijalarini jinoyatlarni fosh etish va tergov qilishda amaliy qo'llash</i> G'ulomov Ahmad G'ulom o'g'li - O'zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi Kiberjinoyatlarga qarshi kurashishda qonuniylikni ta'minlash bo'limi boshlig'i <i>Mavzu: "Axborot texnologiyalari yordamida sodir etilgan jinoyatlarni fosh etish va tergov qilish amaliyotidagi zamonaviy tahdidlar va chaqiriqlar"</i> Eric Kischer - AQSh Adliya vazirligi tarkibidagi narkotik vositalariga qarshi kurashish federal agentligining vakili (DEA) <i>Mavzu: Kriptoalyutalarni tergov qilishda AQSHning ilg'or tajribasi</i> Gamko Sergey Leonidovich - Belarus Respublikasi Tergov qo'mitasi markaziy apparati Dastlabki tergovni raqamli rivojlantirish bosh boshqarmasi boshlig'i o'rinbosari <i>Mavzu: Belarus Respublikasi Tergov qo'mitasining kiberfiribgarlikka qarshi kurashish bo'yicha ijobiy tajribasi</i> Muranov Mixail Georgiyevich - Rossiya Federatsiyasi Tergov qo'mitasi Kriminalistika bosh boshqarmasi tergovni kriminalistik qo'llab-quvvatlash bo'lim boshlig'i <i>Mavzu: Ijtimoiy muhandislik moliyaviy kiberxavfsizlikning asosiy tahdidlaridan biri sifatida</i>
10:30-10:50	<u>Kofe-breyk</u>
10:50-12:20 Ma'ruzalar 10 daqiqagacha	Park Younjai (Pak Yondje) - Seul g'arbiy okrugi prokuraturasi prokurori <i>Mavzu: Ovozli fishing sohasidagi jinoyatlarni aniqlash va tergov qilishda raqamli kriminalistikaning o'rni</i> Bobojanov Mirzabek Maxsudovich – O'zbekiston Respublikasi Markaziy Banki "CERT-CBU" kiberxavfsizlik markazi bo'lim boshlig'i <i>Mavzu: Kibertahdidlarni monitoring qilish, zaifliklarni aniqlash va firibgarlikka qarshi kurashishda Markaziy Bankning roli</i> Juraj Nosal (onlayn) - EXHT Kotibiyatining Transmilliy tahdidlarga qarshi kurashish departamenti loyiha rahbari yordamchisi <i>Mavzu: Huquqni muhofaza qilish organ hodimlarining kiberjinoyatchilik va elektron dalillar sohasidagi malakalarini oshirishga qo'yilgan talablar</i> Jordi Martin Domingo (onlayn) - Kiberjinoyatlarga qarshi kurashish bo'yicha UNODC Doxa shahridagi mintaqaviy markazi eksperti <i>Mavzu: Nima sababdan odamlar kiberjinoyatlar haqida xabar berishmaydi? Kiberjinoyatlar haqida xabar berish madaniyatini oshirishning ahamiyati</i> Cedena Alvarez David - Ispaniya qirolligi Milliy gvardiyasi xalqaro bo'lim boshlig'i <i>Mavzu: Terroristik guruhlar tomonidan propaganda qilish va odamlarni og'dirish uchun internet tarmog'idan foydalanishga qarshi kurashish ("Almusasa" operatsiyasi)</i> Bazarova Dildora Baxodirovna (onlayn) - Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat-protsessual huquqi kafedrası mudiri, yuridik fanlar doktori (DSc), professor

	<i>Mavzu: Raqamli transformatsiya davrida shaxsning huquq va erkinliklarini ta'minlashda jinoyat protsessidagi muammolar</i> Maxmudov Abdumalik Shavkatjon o'g'li - O'zbekiston Respublikasi IIV Kiberxavfsizlik markazi bo'lim boshlig'i <i>Mavzu: O'zbekiston Respublikasida axborot texnologiyalari bilan bog'liq jinoyatlar va raqamli dalillarni to'plash</i>
12:20-12:30	Muhokamalar va xulosalar
12:30-12:40	Tadbir yopilishi

ПРОГРАММА
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
НА ТЕМУ: «СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ»

Организатор: Правоохранительная академия
Республики Узбекистан
(при поддержке международных организаций)

Дата и место проведения: 19-20 июня 2025 г.,
Правоохранительная академия
Республики Узбекистан
(г. Ташкент, Юнусабадский район, ул. Рихсилий 9)

Формат проведения: гибридный (онлайн/оффлайн), Пленарное заседание, 1-я, 2-я, 3-я параллельные сессии

Языки мероприятия: узбекский, английский, русский

ДЕНЬ 1-й (19 июня 2025 года, г. Ташкент)	
Приветственная часть	
09:00-09:30	Регистрация участников/Подключение к онлайн-конференции
Место/ Ссылка для подключения	Конференц-зал № 1 (Большой конференц-зал) https://us06web.zoom.us/j/85134116085?pwd=cjRrdY8UNEbAxxYVYyqn7fON46FfFhZ.1 Идентификатор: 851 3411 6085 Код доступа: 870069
	Демонстрация видеоролика о деятельности Правоохранительной академии Республики Узбекистан
Открытие мероприятия и приветствия	
Модератор: Е.В.Коленко – Первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор	
09:30-11:00 <i>Приветствия до 5 мин.</i>	Самадов Салом Исматович - Заместитель Генерального прокурора Республики Узбекистан Саидов Акмал Холматович - директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, академик Муслимов Икром Тухтамуродович – первый заместитель Председателя Верховного суда Республики Узбекистан Эшмуратов Абдулхаким Хушбокович – председатель Комитета Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан по судебным вопросам и противодействию коррупции Бурханов Акмал Эшондадаевич – директор Агентства по противодействию коррупции Республики Узбекистан Ширинов Джахонгир Джаббарович – председатель Комитета Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан по противодействию коррупции и судебным вопросам Аллаберганов Атабек Валиджанович – заместитель председателя Счетной палаты Республики Узбекистан

	Ашрапов Рамазон Ахматхужаевич – заместитель министра внутренних дел Республики Узбекистан Антти Карттунен - координатор проектов ОБСЕ в Узбекистане Петра Горюп - руководитель МНПО "Региональный диалог" в Узбекистане Васильев Анатолий Иванович – заместитель Председателя Следственного комитета Республики Беларусь
11:00-11:30	<i>Групповое фотографирование</i>
	<i>Кофе-брейк</i>
	Церемония подписания меморандумов: • Национальным центром Республики Узбекистан по правам человека; • Счетной палатой Республики Узбекистан; • Центральным банком и Департаментом по борьбе с экономическими преступлениями при Генеральной прокуратуре Республики Узбекистан; • Институтом анализа законодательства и оценки регуляторного воздействия при Министерстве юстиции Республики Узбекистан; • Ташкентским университетом информационных технологий имени Мухаммада ал-Хоразмий; • Cyber university; • Национальным исследовательским Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского; • Дорожная карта с Университетом прокуратуры Российской Федерации.
Параллельная сессия №1 «Актуальные вопросы науки и образования в правоохранительной деятельности» <i>Модератор: Е.В.Коленко — Первый заместитель начальника Правоохранительной академии, доктор философии (PhD) юридических наук, профессор.</i>	
Место/ Ссылка для подключения	Конференц-зал № 1 (Большой конференц-зал) https://us06web.zoom.us/j/83721687406?pwd=xyKUO1IQtvyoahfeMr5YPvFWTan0y5.1 Идентификатор: 837 2168 7406 Код доступа: 826313
11:30-13:00 Доклады до 10 мин.	Коленко Евгений Вячеславович – первый заместитель начальника Академии правоохранительных органов Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор <i>Тема: Наука и образование в Академии правоохранительных органов в условиях цифровой трансформации: проблемы и решения</i> Мацкевич Игорь Михайлович – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации <i>Тема: Положительный опыт Университета прокуратуры Российской Федерации</i> Бекир Алтун – Президент Турецкой Академии юстиции <i>Тема: Роль Академии юстиция Турции в подготовке кадров для прокуратуры Турции</i> Гафуров Аскар Бойисович – заместитель председателя Конституционного суда Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент <i>Тема: Искусственный интеллект: конституционно-правовые вопросы</i>

	Овчинников Владимир Васильевич - директор Международного сетевого института в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (онлайн) <i>Тема: Вопросы подготовки кадров в сфере противодействия легализации доходов, полученных от преступной деятельности, и финансированию терроризма</i> Джумалиев Болот Алмасбекович - Проректор Юридической академии при Генеральной прокуратуре Кыргызской Республики, кандидат юридических наук, доцент <i>Тема: Перспективы развития цифровой инфраструктуры Юридической академии при Генеральной прокуратуре Кыргызской Республики</i> Рустамбаев Мирзаюсуп Хакимович – начальник университета Общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор. <i>Тема: Актуальные вопросы науки и образования в сфере общественной безопасности .</i> Мамасиддинов Музаффаржон Мусахонович – начальник Академии Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор <i>Тема: Перспективы использования возможностей искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности нашей страны: на основе анализа зарубежного опыта.</i> Морозов Николай Владимирович - руководитель отдела международного сотрудничества Института финансовых технологий и экономической безопасности Национального исследовательского ядерного университета МИФИ, кандидат юридических наук, доцент <i>Тема: Современные образовательные технологии в подготовке специалистов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ).</i> Рахмонова Сурайё Махмудовна – Уполномоченный по правам детей при Олий Мажлисе Республики Узбекистан (Омбудсмен по правам детей), доктор юридических наук, профессор. <i>Тема: Актуальные вопросы повышения профессиональной квалификации сотрудников правоохранительных органов в обеспечении интересов детей.</i>
13:00-14:00	<i>Перерыв на обед</i>
14:00–15:30 Доклады до 10 мин.	Рустамбеков Исламбек Рустамбекович – исполняющий обязанности ректора Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор <i>Тема: Актуальные вопросы развития юридической науки и образования.</i> Кузнецов Андрей Олегович – Руководитель кафедры философии, социально-гуманитарных наук и физической культуры Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат философских наук <i>Тема: Особенности целевой подготовки в Университете прокуратуры Российской Федерации</i> Исаков Хожи-Мурод Исроилович – Директор Высшей школы судей при Высшем совете судей Республики Узбекистан, кандидат юридических наук, доцент

	<i>Тема: Цифровизация как фактор повышения эффективности правосудия</i> Бедный Александр Борисович - Проректор по международной деятельности и внешним связям Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского Российской Федерации, кандидат социологических наук, доцент <i>Тема: Опыт Нижегородского государственного университета в проведении научных исследований</i> Маликова Гулчехра Рихсихўжаевна – Научный сотрудник Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор <i>Тема: К вопросу о формировании интегративной модели образования, науки и практики</i> Рузиев Кобил – Профессор Бристольской бизнес-школы Великобритании, доктор экономических наук (онлайн) <i>Тема: Экономические реформы и правовые нормы</i> Яроцкая Юлия Александровна – заведующая лабораторией искусствоведческих и культурологических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат культурологии. <i>Тема: Профилактика правонарушений и преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних</i> Уринбоев Рустам – Профессор Университета Лунда, Швеция, доктор юридических наук (онлайн) <i>Тема: Реформа юридического образования: интеграция социально-правовых подходов</i> Тургунов Муроджон Турсунбоевич – директор Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент <i>Тема: Перспективы развития образования в сфере прав человека в Узбекистане</i>
15:30-15:45	Кофе-брейк
15:45–17:00 Доклады до 10 мин.	Йилмаzteкин Хасан Кадир – Руководитель отдела внешних связей Турецкой академии юстиции <i>Тема: Современные подходы к переподготовке кадров органов прокуратуры</i> Давлятов Валишер Хакимжонович – Заместитель директора Института парламентских исследований при Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор <i>Тема: Перспективы развития адвокатуры в сфере правоохранительной деятельности</i> Камолзода Баракатулло Рахматулло – заместитель директора Института изучения законности, правопорядка, преступности и повышения квалификации работников органов прокуратуры Республики Таджикистан <i>Тема: Теоретические и практические вопросы противодействия киберпреступности в условиях современных рисков и угроз</i> Халилов Акрам Утамуродович – директор Республиканского центра судебной экспертизы имени Х.Сулеймоновой при Министерстве

	юстиции Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам <i>Тема: Современные тенденции развития судебной экспертизы: будущее цифровой судебной экспертизы</i> Иванова Елена Вячеславовна – Декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, профессор кафедры судебной экспертизы и оперативно-розыскной деятельности, доктор юридических наук (онлайн) <i>Тема: Переподготовка судебных экспертов как мера борьбы с киберпреступностью</i> Дьяконова Оксана Геннадьевна – Профессор кафедры судебной экспертизы Московского государственного юридического университета, доктор юридических наук (онлайн) <i>Тема: Обеспечение надлежащей подготовки судебных экспертов как мера противодействия киберпреступности</i> Ибраймов Аскар Есбосинович – Руководитель отдела электронного обучения Академии правоохранительных органов, доктор педагогических наук <i>Тема: Инновационные методы использования возможностей искусственного интеллекта при трансформации дистанционного образования в Академии</i> Миразов Даврон Мирагзамович – заведующий кафедрой Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор <i>Тема: Вопросы обеспечения связи научных исследований в области общественной безопасности с практикой</i> Хидоятов Бахтиёр Ботирович – Профессор Ташкентского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, профессор <i>Тема: Генезис форм досудебного производства в Уголовном процессе Республики Узбекистан</i> Одинаев Адхам Садуллоевич – И.о. заместителя начальника Правоохранительная Академия Республики Узбекистан, д.ф.ю.н., профессор, <i>Тема: Актуальные вопросы повышения качества подготовки кадров по юридическим наукам в научной сфере</i>
17:00-17:30	Обсуждение и выводы
17:30-18:00	Заккрытие мероприятия
Параллельная сессия №2 “Актуальные вопросы противодействия киберпреступности в эпоху цифровой трансформации” Модератор: Л.Ю. Югай – начальник отдела НИИ цифровой криминалистики Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор юридических наук (DSc)	
Место/ Ссылка для подключения	Конференц-зал № 1 (Стекланный зал) https://us06web.zoom.us/j/87413567854?pwd=umYpQvr5WNwuBEQjLZkTjZ7MNBmJVS.1 Идентификатор: 874 1356 7854 Код доступа: 880337

11:30-13:00 Доклады до 10 мин.	Мусаев Гайрат Фархадович – начальник НИИ цифровой криминалистики Правоохранительной академии Республики Узбекистан <i>Тема: От гипотез к решениям: достижения НИИ цифровой криминалистики за год деятельности.</i> Мустафа Эртен – руководитель Регионального центра УНП ООН в Дохе по борьбе с киберпреступностью <i>Тема: Конвенция ООН против киберпреступности и роль Регионального центра УНП ООН в Дохе по борьбе с киберпреступностью (онлайн)</i> Уильям Спаркс – международный эксперт (США) <i>Тема: Новые подходы к работе с открытыми данными и криптовалютой в условиях современных вызовов и угроз</i> Пак Ёнджэ – Прокурор западного округа Сеула <i>Тема: Современные подходы к изъятию и осмотру данных социальных сетей: опыт Республики Корея</i> Судникович Иван Александрович - заместитель начальника Главного управления Следственного комитета Республики Беларусь <i>Тема: Эффективные средства противодействия современной киберпреступности: опыт Республики Беларусь</i> Седена Альварез Давид – начальник международного отдела национальной гвардии Королевства Испании Фортуна Альберо Иммакулада – сотрудник международного отдела национальной гвардии Королевства Испании <i>Тема: Противодействие использованию сети интернет со стороны террористических групп для пропаганды и вербовки людей (операция "Альмусаса")</i> Урумова Ирина Хезал– независимый эксперт ЮНИСЕФ по борьбе с преступлениями в отношении несовершеннолетних, исследователь Вроцлавского университета (криминология) (онлайн) <i>Тема: Как цифровые технологии трансформируют насилие над несовершеннолетними: вызовы для правоохранительных органов</i> Мэрилин Эстевес - заместитель директора подразделения финансовой разведки Люксембурга Седрик Франц - финансовый аналитик Cyberteam подразделения финансовой разведки Люксембурга <i>Тема: Улучшение деятельности по предупреждению, выявлению и расследованию киберпреступлений – подход ПФР Люксембурга (онлайн)</i>
13:00-14:00	<i>Перерыв на обед</i>
14:00–15:30 Доклады до 10 мин.	Мануэль Гиральдес Мартинс Лестон Бандейра - Magnet Forensics, менеджер по работе с клиентами Центрального офиса в регионах Европы, Центральной Азии и Африки (ЕМЕА) (онлайн) <i>Тема: Перспективные проекты и решения Magnet Forensics</i> Камолзода Баракатулло Рахматулло – заместитель директора Института изучения законности, правопорядка, преступности и повышения квалификации работников органов прокуратуры Республики Таджикистан <i>Тема: Теоретические и практические вопросы противодействия киберпреступности в условиях современных рисков и угроз</i> Расулев Абдулазиз Каримович – ученый секретарь Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан

	Тема: <i>Какой должна быть уголовно-правовая политика по противодействию киберпреступлениям?</i> Хатов Эдуард Борисович – заведующий кафедрой информационных технологий и организации расследования киберпреступлений факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент (онлайн) Тема: <i>Перспективные направления цифровизации следственной деятельности</i> Калиев Аскар Абужанович – доцент кафедры специальной подготовки по противодействию глобальным угрозам Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (онлайн) Тема: <i>Проблема допустимости цифровых доказательств, полученных за пределами национальной юрисдикции: вызов для уголовного судопроизводства стран Центральной Азии</i> Салихов Темирлан Юсупович – заместитель руководителя второго отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления – руководителя первого отделения (осмотра электронных носителей) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации Тема: <i>Цифровая тьма: проблемы обнаружения и доказывания преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в эпоху больших данных и высокой латентности</i> Топорикова Ольга Олеговна – начальник отдела методического обеспечения криминологических экспертиз Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь (онлайн) Тема: <i>Уголовно-правовая защита нравственности и половой неприкосновенности несовершеннолетних в цифровом пространстве: опыт Республики Беларусь</i> Капкаев Нариман Ильдарович - Руководитель направления URP, Центральная Азия Тема: <i>Кибератаки на государственный сектор: актуальные тренды</i>
15:30-15:45	<i>Кофе брейк</i>
15:45–17:30 Доклады до 7-8 мин.	Цурлуй Олеся Юрьевна - доцент департамента уголовного права, процесса и криминалистики Национального исследовательского университета России «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент (онлайн) Тема: <i>Криминалистическая профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений в цифровой среде</i> Яроцкая Юлия Александровна – заведующая лабораторией искусствоведческих и культурологических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат культурологии. Тема: <i>Профилактика правонарушений и преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних</i> Гая Мантини – эксперт Глобальной инициативы по обращению с электронными доказательствами УНП ООН (онлайн)

	<i>Тема: Глобальная инициатива по обращению с электронными доказательствами: укрепление потенциала и партнерства между государственными органами и частным сектором</i> Аикатерини Космарикоу - специалист по правоохранительной деятельности BOOKing.com <i>Тема: Вопросы сотрудничества с правоохранительными органами (онлайн)</i> Сохайб Кхан - Руководитель по работе с правоохранительными органами - Южная и Центральная Азия TikTok Pte. Ltd., Сингапур <i>Тема: Руководство TikTok по взаимодействию с правоохранительными органами и обращению с электронными доказательствами (онлайн)</i> Пинчук Мария Алексеевна - Ведущий инженер компании “ACELab” (Россия) <i>Тема: Возможности комплекса «PC-3000 Mobile» при производстве компьютерно-технических экспертиз.</i> Чумавицкий Алексей Дмитриевич – научный сотрудник лаборатории исследования компьютерной техники, радиоэлектронных устройств, фото- и видео материалов Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь <i>Тема: Получение доступа к защищенной информации в операционных системах семейства WINDOWS</i> Pala Vaclav - эксперт компании MOBILedit Forensic (Чехия) (онлайн) <i>Тема: Смарт-часы как объект криминалистического исследования: анализ возможностей цифровой экспертизы наиболее распространенных носимых устройств с применением специализированного программного обеспечения MOBILedit Forensic ULTRA</i> Еремин Сергей Борисович – ведущий эксперт компании ООО “ЛАН-ПРОЕКТ” (Россия) <i>Тема: Видеорегистраторы как объект криминалистического исследования технических экспертиз.</i> Хамидов Бахтиержон Хамидович – доцент кафедры Криминалистики и судебной экспертизы Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам (PhD) <i>Тема: Требования, предъявляемые к специалисту при расследовании киберпреступлений</i> Яким Алина Дмитриевна – ассистент кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева (онлайн) <i>Тема: Использование нейросетевых технологий в следственной деятельности</i> Сабасов Алихан Ержанович - докторант Алматинской академии МВД РК им. Макана Есбулатова, магистр национальной безопасности и военного дела (онлайн) <i>Тема: Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за правонарушения в сфере информатизации</i> Макушев Дмитрий Иванович – аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации (онлайн) <i>Тема: Особенности профилактики киберпреступности: опыт Российской Федерации</i>

17:40-17:50	Обсуждение и выводы
17:50-18:00	Заккрытие мероприятия
Параллельная сессия №3 «Противодействие коррупции, отмыванию денег и финансированию терроризма в цифровую эпоху» Модератор: Х.Турсунбеков – начальник Научно-образовательного центра противодействия коррупции Правоохранительной академии Республики Узбекистан	
Место/ Ссылка для подключения	Конференц-зал № 3 (Амфитеатр) https://us06web.zoom.us/j/83185989677?pwd=u0z2QYFWzHiDAmXNZXhhSNRkwmcC1d.1 Идентификатор: 831 8598 9677 Код доступа: 046830
11:30-13:00 Доклады до 10 мин.	Бекатова Зумрад Рахимбаевна – член Комитета Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан по судебным вопросам и противодействию коррупции <i>Тема: Деятельность Сената в эпоху информационных технологий в интересах регионов, а также вопросы взаимодействия с местными Кенгашиами по предотвращению коррупции</i> Эдмонд Вонг – старший эксперт по судебной-финансовой аналитике Независимой комиссии по борьбе с коррупцией Гонконга (Китай) (ICAC) (онлайн) <i>Тема: Борьба с коррупцией и отмыванием денег в Гонконге в цифровую эпоху</i> Мусилимов Данияр – старший прокурор Комитета по возврату активов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан <i>Тема: Опыт Казахстана по возврату активов, правовое регулирование и использование во благо общества</i> Ребека Филип – Главный комиссар полиции отдела антикоррупционных исследований и прогнозов Управления по профилактике Генерального управления по борьбе с коррупцией (DGA) (Румыния) (онлайн) <i>Тема: MARC – управление коррупционными рисками</i> Гулямов Саид Саидрахарович – профессор кафедры киберправа Ташкентского государственного юридического университета <i>Тема: Этика сбора данных</i> Ярослав Стрельчёнок – международный эксперт ООН, консультант, тренер по вопросам противодействия коррупции, д.ю.н. (Латвия) (онлайн) <i>Тема: Условия внедрения ИИ для антикоррупционной профилактики в публичном секторе</i> Буриев Абдуманноп Абдурахматович – член Комитета Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан по противодействию коррупции и судебным-правовым вопросам <i>Тема: Роль парламента и общественного контроля в борьбе с коррупцией в цифровую эпоху</i> Адриан Бора – сотрудник полиции Технического отдела Управления по расследованию Генерального управления по борьбе с коррупцией (DGA) (Румыния) (онлайн) <i>Тема: Роль цифровой криминалистики в борьбе с коррупцией</i>

	Ирманов Азат – Национальный координатор программы по противодействию коррупции Регионального представительства Управления ООН по наркотикам и преступности в Афганистане, Центральной Азии, Иране и Пакистане <i>Тема: Кибер коррупция: новые вызовы, которые еще не получили имени</i>
13:00-14:00	<i>Перерыв на обед</i>
14:00–15:00 Доклады до 10 мин.	Наим АллахРакха – международный юрист (Пакистан), постоянный преподаватель кафедры киберправа Ташкентского государственного юридического университета <i>Тема: Искусственный интеллект и коррупция: юридическая ответственность при алгоритмическом принятии решений</i> Горан Клеменчич – эксперт в области права и противодействия коррупции МНПО «Региональный диалог» (<i>онлайн</i>) <i>Тема: Предотвращение и расследование коррупции в эпоху ИТ и искусственного интеллекта</i> Файзиев Шавкат Исматович – ведущий инспектор Счетной палаты Республики Узбекистан, доктор технических наук (DSc) <i>Тема: Методы интеллектуального анализа больших данных для дистанционного контроля за бюджетными и государственными средствами в целях противодействия коррупции</i> Диана Гапак-Хьюз – эксперт по противодействию финансовым преступлениям (Великобритания) (<i>онлайн</i>) <i>Тема: Современные технологии в финансовых преступлениях: вызовы противодействию коррупции и отмыванию денежных средств</i> Абруев Улугбек Олимханович – заместитель начальника Управления анализа и мониторинга системы противодействия коррупции Агентства по противодействию коррупции Республики Узбекистан <i>Тема: Противодействию коррупции в киберпространстве: правовые и институциональные основы обеспечения добросовестности в цифровой среде</i> Эмманюэль Лодик-Барон – прокурор, руководитель проектов в Международном отделе Национальной школы магистратуры Франции (ENM) (<i>онлайн</i>) <i>Тема: Борьба с коррупцией в цифровую эпоху: вызовы и стратегии для прокуроров</i> Мусашайхов Каримжон Хусанханович – и.о. начальника Управления по координации мер в сфере борьбы с коррупцией Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан <i>Тема: Проблемы предупреждения коррупционных преступлений в системе современных информационно-коммуникационных технологий</i> Ибрагимов Риад Асимович – Директор ООО «CERT International», Главный Редактор Профессионального журнала «MANAGEMENT» <i>Тема: Новая система менеджмента противодействия коррупции – путь к добропорядочности</i> Турсунбеков Худайберди – начальник Научно-образовательного центра противодействия коррупции Правоохранительной академии Республики Узбекистан <i>Тема: Вопросы цифровой трансформации деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия коррупции</i>

	Борсиева Замират – старший прокурор научно-образовательного центра противодействия коррупции Правоохранительной академии Республики Узбекистан <i>Тема: Цифровая трансформация и антикоррупционная стратегия</i>
Параллельная сессия №3: «Противодействие коррупции, отмыыванию денег и финансированию терроризма в цифровую эпоху» (продолжение) Модератор: Х.Ахмадалиев – в.р.и.о. начальника Кафедры борьбы с экономическими преступлениями и легализацией преступных доходов Правоохранительной академии Республики Узбекистан	
15:00-15:30 <i>Доклады до 10 мин.</i>	Роберт Баррингтон – профессор антикоррупционной практики в Центре по изучению коррупции при Сассекском университете (онлайн) <i>Тема: Роль профессиональных посредников в отмыывании денег – последние исследования</i> Анастасия Мага – консультант ЭСКАТО <i>Тема: Общая рамка измерения НФП и опыт применения в странах региона</i> Нора Бахар – директор Департамента стратегического развития ПФР Катара (онлайн) <i>Тема: Обзор Руководства ФАТФ "Возможности и вызовы новых технологий для системы ПОД/ФТ"</i>
15:30-15:45	Кофе-брейк
15:45–17:00 <i>Доклады до 10 мин.</i>	Александр Тайман – старший эксперт, Глобальный фонд ЕС по вопросам ПОД/ФТ (онлайн) <i>Тема: Эволюция стандартов по бенефициарному владению и инструменты, которые необходимо разработать странам для адаптации к этим стандартам</i> Каландаров Ислам Музаффарович – заместитель руководителя Оперативного управления Агентства по финансовому мониторингу Казахстана <i>Тема: Проблемные аспекты расследования легализации преступных доходов в правоприменительной практике</i> Алик Мджума Ньясулу – статист ЭСКАТО (онлайн) <i>Тема: Важность оценки НФП для Центральной Азии, связь с ЦУР (индикатор 16.4.1)</i> Александр Водяной – советник по ПОД/ФТ, Управление ООН по наркотикам и преступности (онлайн) <i>Тема: Риски использования виртуальных активов для ОД</i> Ричард Джойс – эксперт МНПО «Региональный диалог» <i>Тема: Использование криптовалют в целях финансирования терроризма</i> Алексей Кравченко – сотрудник по политическим вопросам ЭСКАТО (онлайн) <i>Тема: Живая демонстрация цифрового инструмента ЭСКАТО для расчёта НФП из торговли</i> Чингиз Бекенов – консультант ЭСКАТО <i>Тема: Методы измерения НФП, связанных с мигрантскими переводами, сложности их измерения</i> Еркенов Болат Досжанович – докторант Алматинской академии МВД РК им. Макана Есбулатова, магистр национальной безопасности и военного дела (онлайн)

	<i>Тема: Кripto-сервисы в схемах отмыывания преступных доходов: анализ регулирования и противодействия в странах Центральной Азии</i> Леонов Павел Юрьевич – Аудитор, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового мониторинга Института финансовых технологий и экономической безопасности Национального исследовательского ядерного университета МИФИ <i>Тема: Реализация OSINT-техник в условиях цифровой трансформации и увеличения объемов BIG DATA (опыт сотрудничества университета с Пенсионным фондом)</i>
17:00-17:30	Обсуждение и выводы
17:30-18:00	Заккрытие мероприятия
Параллельная сессия №4: Специальный учебный семинар на тему «Молодёжь — лидеры антикоррупционного движения» (на основе отдельной программы)	
ДЕНЬ 2-й (20 июня 2025 года, г. Самарканд)	
Круглый стол «Актуальные вопросы и положительный опыт расследования киберпреступлений» Модератор: Е.В.Коленко – Первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор	
Место/ Ссылка для подключения	Конференц-зал (Зал Самаркандского Молодежного центра) https://us06web.zoom.us/j/84456179273?pwd=xeLfqXypb4dTRHVSIbPxKI3LOCvYIH.1 Идентификатор: 844 5617 9273 Код доступа: 131597
По отдельной программе	
09:30-10:30 <i>Доклады до 10 мин.</i>	Гаджиев Хагани Мохуббат оглы - начальник Специализированного центра цифровых исследований Научно-исследовательского института цифровой криминалистики Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам <i>Тема: Практическое применение результатов научных исследований Научно-исследовательского института цифровой криминалистики в расследовании и раскрытии преступлений</i> Гуломов Ахмад Гулом угли - начальник отдела по обеспечению законности в борьбе с киберпреступлениями Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан <i>Тема: “Современные вызовы и угрозы в практике раскрытия и расследования преступлений, совершенных с помощью информационных технологий”</i> Эрик Кишер (США) - представитель Федерального агентства по борьбе с наркотиками при Министерстве юстиции США (DEA) <i>Тема: Передовой опыт США в расследовании криптовалют</i> Гамко Сергей Леонидович – заместитель начальника Главного управления цифрового развития предварительного следствия центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь <i>Тема: Положительный опыт Следственного комитета Республики Беларусь по противодействию кибер мошенничеству</i>

	Муранов Михаил Георгиевич – начальник отдела криминалистического сопровождения следствия Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации <i>Тема: Социальная инженерия, как одна из основных угроз финансовой кибербезопасности</i>
10:30-10:50	Кофе-брейк
10:50-12:20 Доклады до 10 мин.	Пак Ёнджэ - Прокурор окружной прокуратуры западного округа Сеула <i>Тема: Роль цифровой криминалистики в выявлении и расследовании преступлений связанных с голосовым фишингом</i> Бобожанов Мирзабек Махсудович - начальник отдела Центра кибербезопасности "CERT-CBU" Центрального банка Республики Узбекистан <i>Тема: Роль Центрального банка в мониторинге киберугроз, выявлении уязвимостей и борьбе с мошенничеством</i> Юрай Носал - помощник руководителя проектов Департамента по противодействию транснациональным угрозам Секретариата ОБСЕ. <i>Тема: Требования повышения квалификации сотрудников Правоохранительных органов в области киберпреступности и электронных доказательств (онлайн)</i> Хорди Мартин Доминго – эксперт по предупреждению киберпреступлений УНП ООН (онлайн) <i>Тема: Почему люди не сообщают о киберпреступлениях? Важность повышения культуры сообщения о киберпреступлениях</i> Седена Альварез Дэвид – начальник международного отдела Национальной гвардии Королевства Испании <i>Тема: Противодействие использованию сети интернет со стороны террористических групп для пропаганды и вербовки людей (операция “Альмусаса”)</i> Базарова Дилдора Баходировна – заведующая кафедрой Уголовно – процессуального права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук (DSc), профессор (онлайн) <i>Тема: Проблемы обеспечения прав и свобод личности в уголовном процессе в условиях цифровой трансформации</i> Махмудов Абдумалик Шавкатжон угли - начальник отдела Центра кибербезопасности МВД Республики Узбекистан <i>Тема: Сбор цифровых доказательств по преступлениям, связанным с информационными технологиями в Республике Узбекистан</i>
12:20-12:30	Обсуждение и выводы
12:30-12:40	Заккрытие мероприятия

The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan
international scientific and practical conference
“Modern Threats and Challenges in Law Enforcement
in the Era of Digital Transformation”

PROGRAM

Organizer: The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan
(with the support of international organizations)

Date and venue: June 19-20, 2025,
The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan
(Tashkent, Yunusabad District, Rikhsiliy Street 9)

Format: hybrid (online/offline)

Languages: Uzbek, English, Russian

DAY 1 (June 19, 2025, Tashkent)	
Welcoming session	
09:00-09:30	Participant Registration / Online Connection
Venue / Online Link:	Conference Hall No. 1 (Main Hall) Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/85134116085?pwd=cjKrdY8UNEbAxzYVYyqn7fON46FfFhZ.1 Meeting ID: 851 3411 6085 Access code: 870069
	Video Presentation: <i>Activities of the Law Enforcement Academy of Uzbekistan</i>
Opening and Welcoming Remarks	
Moderator: E.V. Kolenko – First Deputy Head of the Law Enforcement Academy	
9:30-11:00 Introductions (up to 5 minutes)	Samadov Salom Ismatovich – Deputy Prosecutor General of the Republic of Uzbekistan Saidov Akmal Kholmatovich – Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Academician Muslimov Ikrom Tukhtamurodovich – First Deputy Chairman of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan Eshmuratov Abdulhakim Khushbokovich – Chairman of the Senate Committee on Judicial and Legal Issues and Anti-Corruption of Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan Burkhanov Akmal Eshondedaevich – Director of the Anti-Corruption Agency of the Republic of Uzbekistan

	Shirinov Jakhongir Jabbarovich – Chairman of the Committee on Judicial-Legal Issues and Anti-Corruption of the Legislative Chamber of Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan. Allaberganov Atabek Validzhanovich – Deputy Chairman of the Accounts Chamber of the Republic of Uzbekistan. Ashrapov Ramazon Akhmatkhujaevich – Deputy Minister of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan. Antti Karttunen – OSCE Project Coordinator in Uzbekistan. Petra Goryup – Head of the NGO "Regional Dialogue" in Uzbekistan. Vasiliev Anatoly Ivanovich – Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Republic of Belarus.
11:00-11:30	<i>Group photo</i> Ceremony of signing MoU: • The National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan; • The Accounts Chamber of the Republic of Uzbekistan; • The Central Bank and the Department for Combating Economic Crimes under the General Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan; • The Institute for Analysis and Regulatory Impact Assessment of Legislation under the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan; • Tashkent University of Information Technologies named after Muhammad al-Khwarizmi; • Cyber University; • National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; • Roadmap with the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. <i>Coffee break</i>
Parallel Session 1: "Current Issues of Science and Education in Law Enforcement Activities" Moderator: E.V. Kolenko — First Deputy Head of the Law Enforcement Academy, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor.	
Venue / Online Link:	Conference Hall №1. (Big conference hall) Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/83721687406?pwd=xyKUO1IQtvyoahfcMr5YPvFWTan0y5.1 Meeting ID: 837 2168 7406 Access code: 826313
11:30-13:00 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Kolenko Yevgeny Vyacheslavovich – First Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor Topic: <i>Science and education at the Law Enforcement Academy in the context of digital transformation: problems and solutions</i> Matskevich Igor Mikhailovich – Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Topic: <i>Positive experience of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</i>

	Bekir Altun – President of the Turkish Justice Academy Topic: <i>The role of the Turkish Justice Academy in training personnel for the Turkish Prosecutor's Office</i> Gafurov Askar Boyisovich – Deputy Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor Topic: <i>Artificial Intelligence: constitutional and legal issues</i> Ovchinnikov Vladimir Vasilyevich – Director of the International Network Institute for Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism (online) Topic: <i>Issues of personnel training in the field of combating the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism</i> Jumaliev Bolot Almasbekovich – Vice-Rector of the Law Academy of the Prosecutor General's Office of the Kyrgyz Republic, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Topic: <i>Prospects for the development of digital infrastructure at the Law Academy of the Prosecutor General's Office of the Kyrgyz Republic</i> Rustambaev Mirzayusup Hakimovich – Head of the University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal sciences, Professor Topic: <i>Current Issues in science and education in the field of public safety</i> Mamasiddikov Muzaffarjon Musajonovich – Head of the Academy of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor Topic: <i>Prospects for the use of artificial intelligence in the law enforcement sector of our country: analysis of foreign experience</i> Morozov Nikolay Vladimirovich – Head of the International Cooperation Department at the Institute of Financial Technologies and Economic Security of the National Research Nuclear University MEPhI, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Topic: <i>Modern educational technologies in the training of specialists in combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism (AML/CFT)</i> Rakhmonova Surayyo Makhmudovna – Commissioner for Children's Rights under the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan (Children's Rights Ombudsman), Doctor of Law, Professor Topic: <i>Current issues in enhancing the professional qualifications of law enforcement officers in ensuring the interests of children</i>
13:00-14:00	Lunch break
14:00–15:30 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Rustambekov Islambek Rustambekovich – Acting Rector of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor Topic: <i>Current issues in the development of legal science and education</i> Kuznetsov Andrey Olegovich – Head of the Department of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Philosophical Sciences Topic: <i>Specifics of targeted training at the university of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</i>

	Isakov Khoji-Murod Isroilovich – Director of the Supreme School of Judges under the Supreme Judicial Council of the Republic of Uzbekistan, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor <i>Topic: Digitalization as a factor in improving the efficiency of justice</i> Bedniy Alexander Borisovich – Vice-Rector for International Affairs and External Relations at N.I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod, Russian Federation, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor <i>Topic: Experience of Nizhny Novgorod state university in conducting scientific research</i> Malikova Gulchekhra Riksikhzhayevna – Researcher at the Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor <i>Topic: On the formation of an integrative model of education, science, and practice</i> Ruziev Kobil – Professor at the Bristol Business School, United Kingdom, PhD (online) <i>Topic: Economic reforms and legal norms</i> Yarotskaya Yulia Alexandrovna – Head of the Laboratory for Art and Cultural Studies at the Scientific and Practical Center of the State Committee for Forensic Examinations of the Republic of Belarus, Candidate of Cultural Studies <i>Topic: Prevention of extremist-oriented offenses and crimes among minors</i> Urinboev Rustam – Professor at Lund University, Sweden, Doctor of Law (online) <i>Topic: Reform of legal education: Integration of socio-legal approaches</i> Turgunov Murodjon Tursunboevich – Director of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Associate Professor <i>Topic: Prospects for the development of human rights education in Uzbekistan</i>
15:30-15:45	<i>Coffee break</i>
15:45–17:00 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Yilmaztekin Hasan Kadir – Head of the Department of External Relations at the Turkish Justice Academy <i>Topic: Modern approaches to the retraining of prosecutorial personnel</i> Davlyatov Valisher Hakimzhonovich – Deputy Director of the Parliamentary Research Institute under the Legislative Chamber of Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor <i>Topic: Prospects for the development of the bar in the field of Law Enforcement</i> Kamolzoda Barakatullo Rahmatullo – Deputy Director of the Institute for the Study of Legality, Law and Order, Crime, and Advanced Training of Prosecutorial Personnel of the Republic of Tajikistan <i>Topic: Theoretical and Practical Issues of Combating Cybercrime Amid Modern Risks and Threats</i> Khalilov Akram Utamurodovich – Director of the Republican Center for Forensic Expertise named after K. Suleymanova under the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law <i>Topic: Modern Trends in the Development of Forensic Expertise: The Future of Digital Forensics</i>

	Ivanova Elena Vyacheslavovna – Dean of the Faculty of Criminalistics Training at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Professor of the Department of Forensic Expertise and Operative-Investigative Activities, Doctor of Law (online) Topic: <i>Retraining of forensic experts as a measure against cybercrime</i> Dyakonova Oksana Gennadyevna – Professor of the Department of Forensic Expertise at the Moscow State Law University, Doctor of Law (online) Topic: <i>Ensuring proper training of forensic experts as a measure against cybercrime</i> Ibraymov Askar Yesbosinovich – Head of the E-Learning Department of the Law Enforcement Academy, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor Topic: <i>Innovative methods of using artificial intelligence in the transformation of distance education at the Academy</i> Mirazov Davron Miragzamovich – Head of Department at the University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor Topic: <i>Issues of ensuring the link between scientific research in the field of public safety and practice</i> Khidoyatov Bakhtiyor Botirovich – Professor at Tashkent State University of Law, Candidate of Law, Professor Topic: <i>The genesis of pre-trial proceedings in the criminal procedure of the Republic of Uzbekistan</i> Odinaev Adkham Sadulloevich – Acting Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences, Professor Topic: <i>Topical issues of improving the quality of legal science personnel training in the academic sphere</i>
17:00-17:30	Discussion and Conclusions
17:30-18:00	Closing of the Event
Parallel Session No. 2: “Topical Issues of Combating Cybercrime in the Era of Digital Transformation” Moderator: L.Yu. Yugay – Head of the Department of the Research Institute of Digital Forensics, The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences (DSc), Associate Professor.	
Venue / Online Link:	Conference Hall <i>Glass hall</i> Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/87413567854?pwd=umYpQvr5WNwuBEQjLZkTjZ7MNBmJVS.1 Meeting ID: 874 1356 7854 Access code: 880337
11:30-13:00 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Musaev Gayrat Farhadovich – Head of the Research Institute of Digital Forensics of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan Topic: <i>From hypotheses to solutions: Achievements of the Research Institute of Digital Forensics in its first year of operation.</i> Mustafa Erten – Head of the UNODC Regional Center for Combating Cybercrime in Doha Topic: <i>The UN Convention on cybercrime and the role of the UNODC Regional Center in Doha in Combating Cybercrime (online)</i>

	William Sparks – International Expert (USA) <i>Topic: New approaches to working with Open Data and Cryptocurrency amid modern challenges and threats</i> Park Youn-jai – Prosecutor of the Western District Prosecutor's Office of Seoul <i>Topic: Modern approaches to the seizure and examination of social media data: The experience of the Republic of Korea</i> Sudnikovich Ivan Alexandrovich – Deputy Head of the Main Directorate of the Investigative Committee of the Republic of Belarus <i>Topic: Effective means of combating modern Cybercrime: The experience of the Republic of Belarus</i> Cedena Alvarez David – Head of the International Department of the Civil Guard of the Kingdom of Spain Fortuna Alberio Inmaculada – Officer of the International Department of the Civil Guard of the Kingdom of Spain <i>Topic: Combating the use of the Internet by terrorist groups for propaganda and recruitment (Operation "Almusasa")</i> Urumova Irina Khezal – Independent UNICEF Expert on Combating Crimes Against Minors, Doctoral Candidate at the University of Wrocław (Criminology) (online) <i>Topic: How digital technologies are transforming violence against minors: challenges for law enforcement agencies</i> Marilyn Estevez – Deputy Director of the Financial Intelligence Unit of Luxembourg Cédric Frantz – Financial Analyst at Cyberteam, Financial Intelligence Unit of Luxembourg <i>Topic: Enhancing prevention, detection, and investigation of Cybercrime – The approach of Luxembourg's FIU (online)</i>
13:00-14:00	Lunch break
14:00–15:30 Speeches up to 10 minutes	Manuel Giraldes Martins Leston Bandeira – Customer Success Manager at Magnet Forensics, Central Office for the Europe, Central Asia, and Africa (EMEA) Regions (online) <i>Topic: Promising projects and solutions by Magnet Forensics</i> Kamolzoda Barakatullo Rakhmatullo – Deputy Director of the Institute for the Study of Legality, Public Order, Crime, and Professional Development of Prosecutor's Office Personnel of the Republic of Tajikistan <i>Topic: Theoretical and practical issues of combating cybercrime under modern risks and threats</i> Rasulov Abdulaziz Karimovich – Academic Secretary of the Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: What should the criminal law policy for combating cybercrime look like?</i> Khatov Eduard Borisovich – Head of the Department of Information Technologies and Cybercrime Investigation at the Faculty of Criminalistics Training, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Candidate of Law, Associate Professor (online) <i>Topic: Promising Areas for the Digitalization of Investigative Activities</i>

	Kaliyev Askar Abuzhanovich – Associate Professor, Department of Special Training on Combating Global Threats, Institute of Professional Training, Law Enforcement Academy under the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan (online) Topic: <i>The Problem of admissibility of digital evidence obtained outside national jurisdiction: a challenge for criminal justice in Central Asian countries</i> Salikhov Temirlan Yusupovich – Deputy Head of the Second Department of Forensic Support for Investigation of the Technical and Forensic Directorate – Head of the First Division (Electronic Media Examination) of the Main Directorate of Forensics (Forensic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation Topic: <i>Digital darkness: problems of detecting and proving crimes against the sexual integrity of minors in the era of big data and high latency</i> Toporikova Olga Olegovna – Head of the Methodological Support Department for Criminological Examinations, Scientific and Practical Center for Strengthening Legality and Law and Order, General Prosecutor’s Office of the Republic of Belarus (online) Topic: <i>Criminal-Legal protection of morality and sexual Integrity of minors in the digital space: experience of the Republic of Belarus</i> Kapkaev Nariman Ildarovich – Head of URP Program, Central Asia Topic: <i>Cyberattacks on the public sector: Current trends</i>
15:30-15:45	Coffee break
15:45–17:30 <i>Speeches for 7-8 minutes</i>	Tsurluy Olesya Yuryevna – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics at the National Research University "Higher School of Economics", Candidate of Law, Associate Professor (online) Topic: <i>Forensic prevention of involvement of minors in crimes in the digital environment</i> Yarotskaya Yulia Aleksandrovna – Head of the Laboratory of Art History and Cultural Studies, Scientific and Practical Center of the State Committee of Forensic Examinations of the Republic of Belarus, PhD in Cultural Studies Topic: <i>Prevention of extremist offenses and crimes among minors</i> Gaya Mantini – Expert of the UNODC Global Initiative on Handling Electronic Evidence (online) Topic: <i>Global initiative on electronic evidence handling: Strengthening capacities and partnerships between public authorities and the private sector</i> Aikaterini Kosmarikou – Law Enforcement Liaison Specialist, Booking.com Topic: <i>Cooperation with law enforcement agencies (online)</i> Sohaib A. Khan – Law Enforcement Outreach Lead – South and Central Asia, TikTok Pte. Ltd., Singapore Topic: <i>TikTok’s guidelines on law enforcement cooperation and electronic evidence handling (online)</i> Pinchuk Maria Alekseevna – Lead Engineer at “ACELab” (Russia) Topic: <i>Capabilities of the “PC-3000 Mobile” suite in computer-technical forensic examinations</i>

	Chumavitsky Aleksey Dmitrievich – Researcher, Laboratory for the Study of Computer Equipment, Radio Electronics, and Photo/Video Materials, Scientific and Practical Center of the State Committee of Forensic Examinations of the Republic of Belarus Topic: <i>Accessing Protected Information in Windows Family Operating Systems</i> Pala Vaclav – Expert at MOBILedit Forensic (Czech Republic) (online) Topic: <i>Smartwatches as a Forensic Object: Digital Forensic Analysis of Popular Wearable Devices Using MOBILedit Forensic ULTRA Software</i> Yeremin Sergey Borisovich – Lead Expert at LAN-PROEKT LLC (Russia) Topic: <i>Dash Cameras as a Forensic Object in Technical Examinations</i> Khamidov Bakhtierzhon Khamidovich – Associate Professor of the Department of Criminalistics and Forensic Expertise, Tashkent State University of Law, PhD in Law Topic: <i>Requirements for experts in Cybercrime Investigations</i> Yakim Alina Dmitrievna – Assistant Lecturer, Department of Information Technologies and Cybercrime Investigation, Faculty of Criminal Investigation Training, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev (online) Topic: <i>The use of neural network technologies in investigative activities</i> Sabasov Alikhan Erzhanovich – Doctoral Student, Almaty Academy of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Makan Esbulatov, Master of National Security and Military Affairs (online) Topic: <i>Comparative legal analysis of criminal liability for offenses in the field of informatization</i> Makushev Dmitry Ivanovich – Postgraduate Student, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (online) Topic: <i>Features of cybercrime prevention: The experience of the Russian Federation</i>
17:40-17:50	Discussion and Conclusions
17:50-18:00	Closing of the Event
Parallel Session No. 3: "Anti-Corruption, AML/FT in the Digital Age" Moderator: Khudayberdi Tursunbekov – Head of the Scientific and Educational Center for Combating Corruption of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan	
Venue / Online Link:	3rd Conference Hall (Amphitheatre) Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/83185989677?pwd=u0z2QYFWzHiDAmXNZXhhSNRkwmcC1d.1 Meeting ID: 831 8598 9677 Access code: 046830
11:30-13:00 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Bekatova Zumrad Rakhimbaevna – Member of the Committee of the Senate of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan on Judicial-Legal Issues and Anti-Corruption Topic: <i>The Senate's activities in the era of Information Technologies in the interests of the regions, and interaction with local kengashes in preventing corruption</i> Edmond Wong – Senior Expert in Forensic Financial Analysis, Independent Commission Against Corruption (ICAC), Hong Kong (China) (online) Topic: <i>Combating corruption and money laundering in Hong Kong in the Digital Era</i>

	Daniyar Musilimov – Senior Prosecutor, Asset Recovery Committee, General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan <i>Topic: Kazakhstan’s experience in recovering assets related to corruption offenses</i> Rebeca Filip – Chief Police Commissioner, Department of Anti-Corruption Research and Forecasting, Directorate General for Anti-Corruption (DGA), Romania (online) <i>Topic: MARC – Managing Corruption Risks</i> Gulyamov Said Saidakhrarovich – Professor, Cyber Law Department, Tashkent State University of Law <i>Topic: The ethics of data collection</i> Jaroslavs Strelcenoks – International UN Expert, Consultant, and Trainer on Anti-Corruption Issues, Doctor of Laws (Latvia) (online) <i>Topic: Conditions for implementing AI in anti-corruption prevention in the public sector</i> Buriyev Abdumannop Abdurakhmatovich – Member of the Committee of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan on Anti-Corruption and Judicial-Legal Issues <i>Topic: The role of Parliament and public oversight in combating corruption in the Digital Age</i> Adrian Bora – Police Officer, Technical Department, Investigation Directorate, Directorate General for Anti-Corruption (DGA), Romania (online) <i>Topic: The role of digital forensics in combating corruption</i> Irmanov Azat – National Coordinator of the Anti-Corruption Program, Regional Office of the UN Office on Drugs and Crime (UNODC) for Afghanistan, Central Asia, Iran, and Pakistan <i>Topic: Cyber corruption: Emerging challenges without a name</i>
13:00-14:00	<i>Lunch break</i>
14:00–15:00 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Naeem AllahRakha – International lawyer (Pakistan), Permanent Lecturer at the Department of Cyber Law, Tashkent State University of Law <i>Topic: Artificial Intelligence and corruption: legal responsibility in algorithmic decision-making</i> Goran Klemenčič – Legal and Anti-Corruption Expert, NGO “Regional Dialogue” (online) <i>Topic: Preventing and investigating corruption in the era of IT and Artificial Intelligence</i> Fayziyev Shavkat Ismatovich – Lead Inspector of the Accounts Chamber of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Technical Sciences (DSc) <i>Topic: Methods of intelligent big data analysis for remote monitoring of budgetary and public funds in the fight against corruption</i> Diana Gapak-Hughes – International OSCE expert on Combating Financial Crimes (United Kingdom) (online) <i>Topic: Challenges Posed by Technology-Facilitated Human Trafficking to Anti-Corruption and Anti-Money Laundering Efforts</i>

	Abruev Ulugbek Olimkhanovich – Deputy Head of the Department for Monitoring and Analysis of Anti-Corruption System, Anti-Corruption Agency of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: Combating corruption in cyberspace: legal and institutional frameworks for ensuring integrity in the digital environment</i> Emmanuelle Laudic-Baron – Prosecutor, Project Manager - International Department, French National School for the Judiciary (ENM) (online) <i>Topic: Combating corruption in the digital era: Challenges and strategies for prosecutors</i> Musashaykhov Karimjon Khusanxanovich – Acting Head of the Department for Coordination of Anti-Corruption Measures, General Prosecutor’s Office of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: Challenges in preventing corruption offenses in the system of modern Information and Communication Technologies</i> Ibragimov Riyad Asimovich – Director of CERT International LLC, Chief Editor of the professional journal “MANAGEMENT” <i>Topic: A new Anti-Corruption Management System – The Path to Integrity</i> Tursunbekov Khudayberdi – Head of the Scientific and Educational Center for Combating Corruption, The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: Issues of digital transformation in the activities of prosecutorial bodies in the fight against corruption</i> Borsieva Zamirat – Senior Prosecutor at the Scientific and Educational Center for Combating Corruption, The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: Digital Transformation and Anti-Corruption Strategy</i>
Parallel Session No3: "Countering Corruption, Money Laundering and Terrorism Financing in the Digital Age" (continued) Moderator: Khurshid Ahmadaliyev - Acting Head of the Department for Combating Economic Crimes and Legalization of Criminal Proceeds of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan	
15:00-15:30 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Robert Barrington – Professor of Anti-Corruption Practice at the Centre for the Study of Corruption, University of Sussex (online) <i>Topic: The role of professional intermediaries in Money Laundering – Recent research</i> Anastasiya Maga – Consultant at ESCAP <i>Topic: General framework for measuring Illicit Financial Flows (IFFs) and regional implementation experience</i> Nora Bahar – Director of the Strategic Development Department, Qatar Financial Information Unit (FIU) (online) <i>Topic: Overview of the FATF guidance on “Opportunities and Challenges of New Technologies for the AML/CFT System”</i>
15:30-15:45	<i>Coffee break</i>
15:45–17:00 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Alexander Tayman – Senior Expert, EU Global Facility on AML/CFT (online) <i>Topic: Evolution of beneficial ownership standards and tools countries need to develop to adapt to these standards</i>

	Kalandarov Islam Muzafarovich – Deputy Head of the Operational Department, Financial Monitoring Agency of Kazakhstan <i>Topic: Problematic aspects of investigating Money Laundering in Law Enforcement Practice</i> Alik Mjuma Nyasulu – Statistician, ESCAP (online) <i>Topic: The Importance of Measuring Illicit Financial Flows (IFFs) for Central Asia and its Link to the SDGs (Indicator 16.4.1)</i> Alexander Vodyanoy – AML/CFT Advisor, United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) (online) <i>Topic: Risks of using virtual assets for Money Laundering</i> Richard Joyce – Expert, NGO "Regional Dialogue" <i>Topic: Use of cryptocurrencies for terrorism financing</i> Alexey Kravchenko – Political Affairs Officer, ESCAP (online) <i>Topic: Live demonstration of ESCAP's digital tool for calculating trade-related IFFs</i> Chingiz Bekenov – Consultant, ESCAP <i>Topic: Methods for measuring IFFs related to migrant remittances and the challenges of their measurement</i> Erkenov Bolat Doszhanovich – Doctoral Student, Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Makan Yesbulatov, Master of National Security and Military Affairs (online) <i>Topic: Crypto-Services in Money Laundering Schemes: Regulatory Analysis and Countermeasures in Central Asian Countries</i> Leonov Pavel Yuryevich – Auditor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Financial Monitoring at the Institute of Financial Technologies and Economic Security of the National Research Nuclear University MEPhI <i>Topic: Implementation of OSINT techniques in the context of digital transformation and the growth of Big Data volumes (experience of university cooperation with the Pension fund)</i>
17:00-17:30	Discussion and Conclusions
17:30-18:00	Closing of the Event
Parallel Session No4: "Youth — Leaders of the Anti-Corruption Movement" Special Training Seminar (based on a separate program)	

Day 2 (June 20, 2025, Samarkand)	
Round Table Discussion: "Digital Forensics: Current Challenges and Development Prospects" Moderator: Ye.V. Kolenko – First Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan	
Venue / Online Link:	Conference Hall (Hall of the Samarkand Youth Center) Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/84456179273?pwd=xeLfqXypb4dTRHVSIBPvKI3LOCvYIH.1 Meeting ID: 844 5617 9273 Access code: 131597
09:30-10:30 Speeches up to 10 minutes	Gadzhiev Khagani Mokhubbad oglu – Head of the Specialized Center for Digital Research at the Research Institute of Digital Forensics of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law <i>Topic: Practical application of research results from the Research Institute of Digital Forensics in the investigation and solving crimes</i> Gulomov Akhmad Gulom ugli – Head of the Department for Ensuring Legality in the Fight Against Cybercrime at the General Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: Modern challenges and threats in the practice of solving and investigating crimes committed using Information Technologies</i> Eric Kisher (USA) – Representative of the U.S. Drug Enforcement Administration (DEA), U.S. Department of Justice <i>Topic: U.S. best practices in cryptocurrency investigations</i> Gamko Sergey Leonidovich – Deputy Head of the Main Directorate for Digital Development of Preliminary Investigation, Central Office of the Investigative Committee of the Republic of Belarus <i>Topic: Positive experience of the Investigative Committee of the Republic of Belarus in combating Cyber Fraud</i> Muranov Mikhail Georgievich – Head of the Second Division for Forensic Support of Investigations at the Technical and Forensic Directorate of the Main Directorate of Forensics (Forensic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation <i>Topic: Social Engineering as one of the main threats to financial cybersecurity</i>
10:30-10:50	Coffee break
10:50-12:20 Speeches up to 10 minutes	Park Younjai - Procurator of the Seoul Western District <i>Topic: The role of digital criminalism in the detection and investigation of crimes in the field of voice phishing</i> Bobozhanov Mirzabek Makhsudovich – Head of Department at the Cybersecurity Center "CERT-CBU" of the Central Bank of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: The role of the Central Bank in cyber threat monitoring, vulnerability detection, and fraud prevention</i> Juraj Nosal – Assistant Project Manager, Transnational Threats Department/Strategic Police Matters Unit, OSCE Secretariat

	Topic: <i>Requirements for improving the qualifications of law enforcement officers in the field of cybercrime and electronic evidence (online)</i> Jordi Martin Domingo – Expert on Cybercrime Prevention, UNODC (online) Topic: <i>Why don't people report cybercrime? The importance of fostering a culture of cybercrime reporting</i> Cedena Alvarez David - Head of the International Department of the National Guard of the Kingdom of Spain Topic: Combating the use of the internet network by terrorist groups to make a propaganda and make people sore(operation ‘‘Almusasa’’) Bazarova Dildora Bakhodirovna – Head of the Department of Criminal Procedure Law at Tashkent State University of Law, Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor (online) Topic: <i>Issues of ensuring Individual Rights and Freedoms in Criminal Proceedings amid digital transformation</i> Makhmudov Abdumalik Shavkatjon ugli – Head of Department at the Cybersecurity Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan Topic: <i>Collection of digital evidence in crimes involving Information Technologies in the Republic of Uzbekistan</i>
12:20-12:30	Discussion and Conclusions
12:30-12:40	Closing of the Session

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
OLIY TA'LIM, FAN VA INNOVATSIYALAR
VAZIRLIGI HUZURIDAGI
OLIY ATTESTATSIYA
KOMISSIYASI

100047, Toshkent sh., Y. G'ulomov ko'chasi, 70
Tel.: (71) 233-28-83. Fax: (71) 233-06-47
e-mail: info@oak.uz <https://oak.uz>

SUPREME ATTESTATION
COMMISSION
AT THE MINISTRY OF HIGHER
EDUCATION, SCIENCE AND INNOVATIONS
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

70, Y. Gulomov str., Tashkent, 100047
Tel.: (71) 233-28-83. Fax: (71) 233-06-47
e-mail: info@oak.uz <https://oak.uz>

Javob qaytarganda shu № ko'rsatilsin
When you answer show this №

№ 01-08/2338 «13» 6 2022 y.

**Ўзбекистон Республикаси
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академиясига**

Олий аттестация комиссияси Сизнинг 2025 йил 3 июндаги 30/5-89625/25-сонли хатингизга жавобан ОАК Раёсатининг 2025 йил 13 июндаги 371/6-сон қарори асосида Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси ташкил этилганлиги муносабати 2025 йилнинг 19-20 июнь кунлари (Тошкент ш.) “Рақамли трансформация даврида ҳуқуқни муҳофаза қилиш фаолияти соҳасида замонавий чақириқлар ва таҳлидлар” мавзусида ўтказиладиган халқаро илмий-амалий конференция тўпламида чоп этилган (инглиз тилида) илмий мақолалар (маъруза ва тезислар бундан мустасно) диссертация асосий илмий натижаларини чоп этиш тавсия этилган илмий нашрлар рўйхатига киритилган хорижий илмий нашрларда чоп этилган хорижий илмий нашрларда чоп этилган илмий мақола сифатида қабул қилинишини маълум қилади.

Асос: Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси мурожаати (03.06.2025 й., №30/5-89625/25); ОАК эксперт кенгаши тавсияси (09.06.2025 й., №6); ОАК тартиб-қонда комиссияси қарори (12.06.2025 й., №6/10); ОАК раёсати қарори (13.06.2025 й., №371/6).

Бош илмий котиб

А.А.Шермухамедов

Ижрочи: К.А.Тухтабеков

ФОТОСУРАТЛАР

ТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

2025

МУНДАРИЖА

Коленко Е.В. Проблемы и решения в сфере подготовки кадров правоохранительных органов.....	5-8
Камолзода Б.Р. Теоретические и практические вопросы противодействия киберпреступности в условиях современных рисков и угроз.....	8-19
Стрельченко Я.П. Условия внедрения ии для антикоррупционной профилактики в публичном секторе.....	19-28
Цурлуй О.Ю. Криминалистическая профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений в цифровой среде.....	29-33
Ирманов А. Киберкоррупция: новые вызовы, которые еще не получили имени.....	33-40
Диана Гапак-Хьюз. Современные технологии в финансовых преступлениях: вызовы противодействию коррупции и отмыванию денежных средств.....	40-44
Яроцкая Ю.А. Профилактика правонарушений и преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних.....	44-50
Дьяконова О.Г., Иванова Е.В. Обеспечение надлежащей подготовки судебных экспертов как мера противодействия киберпреступности.....	50-55
Рахмонова С.М. Ҳуқуқни муҳофаза қилувчи орган ходимларининг бола манфаатларини таъминлаш соҳасида махсус равишда касбий малакасини ошириш.....	55-61
Tulyakov E. Think tanks as engines of policy reform: functions, diversity, and international practices.....	61-65
Топорикова О.О. Уголовно-правовая защита нравственности и половой неприкосновенности несовершеннолетних в цифровом пространстве: опыт Республики Беларусь.....	66-72
Пиримкулов Г. Международное сотрудничество Узбекистана по вопросам прав человека.....	72-76

Шохрух Шукрулла угли. Свобода передвижения и регистрация в цифровую эпоху: законодательный подход Узбекистана.....	76-86
Куприянова И.М. Совершенствование деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию киберпреступлений.....	86-90
Гулямов С. Этика сбора и обработки больших данных правоохранительными органами: Европейский опыт регулирования и практические уроки для Узбекистана.....	90-105
Naeem Allahrakha. Artificial intelligence and corruption: legal responsibility in algorithmic decision-making.....	105-114
Ибрагимов Р., Инелеев И. Антикоррупционная культура по-новому: что меняет iso 37001.....	114-122
Еркенов Б.Д. Криптосервисы в схемах отмывания преступных доходов: анализ регулирования и противодействия в странах Центральной Азии.....	123-130
Saitova N.S., Ataniyazov D.SH. Molekulyar genetik tadqiqot o'tkazish jarayonida biometrik ma'lumotlar xavfsizligini ta'minlashda limsning o'rni.....	131-135
Туляганов А.А., Унгбоев А.Б., Турсунбоев С.М. Современные тенденции развития искусственного интеллекта и цифрового пространства: вопросы теории и практики.....	135-146
Сарбасов А.Е. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за преступления в сфере информатизации.....	146-151
Umarova B.A. Theoretical issues of the prosecutor's participation in civil proceedings related to the interests of society and the state.....	151-166
Чумовицкий А.Д. Получение доступа к защищенной информации в операционных системах семейства windows.....	166-168
Яким А.Д. Использование нейросетевых технологий в следственной деятельности.....	168-172
Миразов Д.М. Вопросы обеспечения взаимосвязи научных исследований в сфере обеспечения общественной безопасности с правоприменительной практикой.....	173-176

Karimov V. Peculiarities of conducting operational search activities to identify crimes committed in cyberspace.....	176-187
Gadjiyev KH.M. The significance of digital evidence accounting and its place in the criminalistic registration system.....	187-211
SHayzakov SH.I. The legal foundations of combating corruption and bureaucratic obstacles in scientific activity (the case of Uzbekistan).....	211-217
Karaketova D.Yu. Optional elements of the crime subject: concept and essence.....	217-226
Исоқов Л.Х. Одам савдоси ва инсон ҳуқуқлари: халқаро стандартлар ва миллий мажбуриятлар.....	226-236
Каримова Д.Э. Сравнительно-правовой анализ взаимодействия в досудебном производстве стран СНГ.....	237-245
KHidoyatov B.B. Genesis of forms of pre-trial proceedings in the criminal process of the Republic of Uzbekistan.....	245-256
Abdullaeva D. The concept of international labor disputes and their features.....	256-261
Комилов А.Б. Қонунлар ижроси устидан прокурор текширувларига “хавфни таҳлил этиш” тизимини жорий этиш масалалари.....	261-273
Ахмадалиев Х.А. Терроризмни молиялаштиришга қарши курашиш механизми сифатида мақсадли молиявий санкцияларни қўллашнинг халқаро-ҳуқуқий асослари.....	274-278
Alimov S.K. Davlat xizmati sohasida korrupsiyaga qarshi kurash va kasbiy etika uyg'unligi.....	278-283
Radjapov D.B. The necessity and prospects of introducing modern information and communication technologies into the activities of courts.....	284-294
Дусманов С.А. Суд ишларини рақамлаштириш ва сунъий интеллект: янги даврга қадам афзалликлар ва эҳтимолий таҳдидлар.....	295-304
Шомирзаев С.Х. Криптовалюталарнинг ноқонуний муомаласи билан боғлиқ хавф-хатар ва таҳдидлар ҳамда уларнинг олдини олиш масалалари.....	304-308

Ким О., Бобохонов А.А. Повышение правовой культуры участников дорожного движения один из основных факторов снижения аварийности на дорогах нашей страны.....	309-315
Шомахсудов Ш.Ш. Электрон калитлар ва уларни криминалистик тадқиқ қилишнинг ўзига ҳос хусусиятлари.....	315-325
Акбутаев А.А. ARIN идоралараро тармоқлари: жиноий активларни қайтаришга қаратилган ҳамкорлик шакли.....	326-334
Xurramov B.S. Raqamli ko'nikmalarni tizimli shakllantirish orqali yoshlar orasida kiberxavfni bartaraf etishning istiqboli.....	334-340
Raxmatillayev J.R., Ibodullayev S.R. Davlat xaridlari qonunchiligi ijrosi ustidan prokuror nazoratini takomillashtirishning ustuvor yo'nalishlari.....	341-349
Rajabov B.X. Prokuror – kriminalistlar faoliyatiga zamonaviy ilmiy–texnik vositalarni joriy qilish istiqbollari.....	350-364
Халмуратов А.О. Виды киберпреступлений и механизмы борьбы с ними.....	365-370
Тургунов А.А. Внедрение искусственного интеллекта в систему электронного уголовного дела в Узбекистане.....	371-377
Гафуров И.И. Тезкор-қидирув фаолиятини таъминлаш мақсадида очик манбалардан маълумот тўплаш ва таҳлил қилиш усуллари.....	377-387
Акрамов Х.Ф. Аҳоли ўртасида гиёҳвандликни олдини олиш: муаммо ва ечимлар.....	387-393
Мусаев Д.К. Маршруты распространения наркотиков в восточной Азии.....	393-399
Узаков Ш.Ш. Прокурор назорати тушунчаси ва вазифалари.....	399-403
Кудратов Б.Б. Ахборот технологиялари ёрдамида содир этилаётган жиноятларга қарши курашишнинг ҳуқуқий ва институционал асослари.....	404-412
Таирова Г.М. Жиноятларни ситуацион олдини олиш.....	412-417

Каримов У.Х. Аграр соҳага оид ер участкаларини ажратиш ва улардан фойдаланишда давлат назоратини рақамлаштириш муаммолар.....	417-422
Мамадалиев У.Ю. Экстрадицияни тартибга солувчи халқаро шартномаларнинг ҳуқуқий табиати ва тизимли таҳлили.....	423-433
Ярашев Б.Р. Жиноят ишлари бўйича суд терговини такомиллаштириш масалалари.....	433-444
Коновалов И.Б. Большие данные как предмет криминалистического анализа.....	444-450
Azimov A., Nodirov D. Scientific-theoretical and methodological analysis of criteria for evaluating the activities of staff in prosecutor's offices.....	450-461
Dostqoriev M. The role and significance of a witness as a person contributing to the administration of justice in civil procedure.....	461-466
Ибрагимов М.Ж. Сунъий интеллектнинг соғлиқни сақлаш соҳасида комплаенс-назорат тизимини такомиллаштиришнинг зарурияти.....	466-475
Sattarov J. Criminal liability for perjury: historical and comparative legal analysis.....	476-503
Каюмов Б.Э. Особенности защиты прав частных субъектов по государственно-частному партнерству.....	503-512
Allanov O.M., Turdibekov B.B. Raqamli kriminalistikada foydalaniluvchi zamonaviy dasturiy vositalar tahlili.....	512-518
Ahmadov A. Communication networks in asset recovery – a global tool in combating corruption.....	519-527
Nazarov F.A. The importance of the independence of prosecutorial bodies: international standards and foreign experience.....	528-535
Mirzakulova X.N., Nishonov I.D., Yuldashev X.N. Language anxiety and its effects on the speaking proficiency of law enforcement students.....	535-547
Mirmaxmudov Z.I. Stice in imposing criminal sentences: the case of monetary fines.....	547-554

Борсиева З. Цифровая трансформация и антикоррупционная стратегия: вызовы, возможности и роль территориальных советов.....	554-557
Ахмедов Ш.М. История становления судебной пожарно-технической экспертизы в Республике Узбекистан.....	558-566
Karimov I.I. Legal analysis of extremism and problems in its prevention.....	566-586
Усмонов М.М. Давлат солиқ хизмати органлари фаолиятини тартибга солувчи қонун ҳужжатларининг таҳлили.....	586-594
Олимжонов Ҳ.Ж. Жиноят ишени қўзғатиш босқичида шахс ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилишда прокурор назоратининг ўрни ва роли.....	594-605
Очилов С.К. Вояга етмаганларни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш масалалари.....	606-620
Vosiyev J.M. Modern theoretical aspects of civil-law regulation of human biomechanical modifications.....	620-637
Рахмедов Х.А. Жиноят ишени қўзғатиш босқичида шахсларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш масалалари.....	637-644
Абдуганиев Ж.А. Жиноятларни тергов қилишда халқаро ҳамкорлик: ўзбекистон қонунчилиги.....	644-655
Азимов У.А. Фуқаролик судларда вояга етмаганларга оид ишлар қўрилишида прокурор иштирокини такомиллаштиришда инновацион ёндашувларни жорий этиш истиқболлари.....	656-674
Хикматов Ш.Ш. Ногиронлиги бўлган шахсларнинг ҳуқуқларига риоя этилиши устидан прокурор назоратининг ҳуқуқий муаммолари.....	675-683
Odinayev Adham S. How is the specific performance of the original obligation actually carried out?.....	683-687
Халқаро илмий-амалий конференция дастури.....	688-727
ОАК хати.....	728
Тадбирдан лавҳалар	729-741

**РАҚАМЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДАВРИДА ХУҚУҚНИ МУҲОФАЗА
ҚИЛИШ СОҲАСИДАГИ ЗАМОНАВИЙ ЧАҚИРИҚ ВА ТАҲДИДЛАР**

мавзусидаги халқаро илмий-амалий конференция материаллари

Т Ў П Л А М И

1-ЖИЛД

С Б О Р Н И К

материалов международной научно-практической

конференции на тему:

**СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

1-ТОМ

**MODERN THREATS AND CHALLENGES IN LAW ENFORCEMENT IN
THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION**

Materials of the international conference Collection

Volume I

Техник муҳаррир: Д.Маматов

Компьютерда саҳифаловчи: А.Нормуродова

Дизайнер: П.Абдуллаева

Босишга рухсат этилди: 05.11.2025 й.

Бичими 60x44 1/8, “Cambria”

гарнитурда рақамли босма усулида босилди.

Босма табоғи: 27,7. Адади: 100 нусха. Буюртма: № 1278

Нархи шартнома асосида

100190, Тошкент ш., Юнусобод тумани, Рихсий кўчаси, 9 уй.

“Impress media” босмаҳонасида чоп этилди.

Тўплам қуйидаги сайтга жойлаштирилган:

Ўзбекистон Республикаси Хуқуқни муҳофаза қилиш Академияси сайти:

www.proacademy.uz